3535

Учебное пособие для педагогических институтов

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ АТЫНДАҒЫ ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
атындағы
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Под редакцией Н. М. ШАНСКОГО

Допущено
Государственным комитетом СССР
по народному образованию
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности №2116
«Русский язык и литература
в национальной школе»

Второе издание, переработанное

Ленинград «Просвещение»
Ленинградское отделение
1988

ББК 81.2Р-96
С56

Авторы:
Н. М. ШАНСКИЙ, А. Н. ТИХОНОВ, А. В. ФИЛИППОВ,
С. И. НЕБЫКОВА, Д. И. ИЗАРЕНКОВ

Рецензент: кафедра современного русского языка
факультета «Русский язык и литература в национальной школе»
Фрунзенского педагогического института
русского языка и литературы

АХМЕТ БАЙТУРСЫНУЛЫ

Современный русский литературный язык: Учеб.
С56 пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2116 «Рус. яз. и лит. в нац. школе»./Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, А. В. Филиппов, С. И. Небыкова, Д. И. Изаренков; Под ред. Н. М. Шанского. — 2-е изд., перераб.— Л.: Просвещение, Ленингр. отд-ние, 1988.— 671 с.
ISBN 5-09-000030-1

Учебное пособие содержит теоретический материал по всем разделам программы курса «Современный русский язык». Во втором издании полностью переработан раздел «Синтаксис», внесены изменения в другие разделы.

Первое издание пособия вышло в 1981 году.

С $\frac{4309020100 - 054}{103(03) - 88}$ 67 — 88

ББК 81.2Р-96

ISBN 5-09-000030-1

© Издательство «Просвещение», 1981
© Издательство «Просвещение», 1988, с изменениями

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее учебное пособие написано в соответствии с программой курса современного русского литературного языка, предназначенного для изучения в национальных группах педвузов [1].

Книга в целом сохраняет традиционную структуру такого рода учебных пособий по данному курсу; в значительной мере сохранено и традиционное содержание. В то же время, отражая как традиционные, так и новейшие теории лингвистической русистики, авторы ориентировались на преподавание соответствующего курса в национальной аудитории. Поэтому бо́льшее внимание уделяется таким трудным для восприятия нерусских студентов темам, как «Лексикология», «Словообразование», «Вид глагола», «Актуальное членение предложения». Введена бо́льшая детализация при описании языковых категорий, усилена иллюстративность теоретических положений.

Являясь систематическим и полным теоретическим курсом, настоящее пособие одновременно дает ответы на многие важные вопросы, связанные с речевой практикой. Более подробно, чем для русских студентов, характеризуются русская синонимия, русское ударение, порядок слов в высказывании, синтаксис текста, функционирование в речи языковых единиц. Книга представляет собой монолингвальное описание русского языка, однако осуществляется оно таким образом, чтобы сделать заметными и понятными для осознания студентами многие явления русского языка, не соответствующие явлениям в других языках народов СССР, облегчить полезный в этих случаях сопоставительно-языковой анализ. В ряде мест пособия необходимо было включить краткие замечания лингводидактического (методического) характера для пояснения того, как излагаемая теория соотносится с целями и практикой обучения русскому языку нерусских, как она может и должна быть учтена с этой точки зрения. Все это призвано обеспечить повышение профессионально-педагогической направленности пособия.

По сравнению с первым изданием полностью заменен раздел «Синтаксис». В новом тексте этого раздела устранены отмечавшиеся рецензентами в первом издании сложности изложения, усложненный терминологический аппарат, излишняя дискуссионность. Усилена описательность синтаксических явлений, языковая иллюстративность; более доступным для нерусских студентов стал стиль изложения. В раздел «Лексикология» добавлено несколько параграфов, полнее раскрывающих темы «Полисемия», «Синонимия», что представляется важным для лучшего

---

[1] См.: Программы педагогических институтов: Современный русский литературный язык. Л., 1985.

осознания студентами системы русской лексики и для совершенствования их русской речи и профессионально-педагогического знания русского языка. Внесены также различные другие дополнения и уточнения во все разделы пособия.

Авторы разделов и их частей:

Н. М. Шанский — Введение, Лексикология (совместно с А. В. Филипповым), Фразеология, Лексикография, Словообразование, Морфология — имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, Слово как деривационное (структурное) целое.

А. Н. Тихонов — Морфемика русского языка, Морфология — грамматические свойства глагола, причастие, деепричастие, наречие, категория состояния, модальные слова.

А. В. Филиппов — Лексикология (совместно с Н. М. Шанским), Фонетика, Орфоэпия, Графика, Орфография, Пунктуация, Морфология — местоимение, предлог, союз, частицы, междометия, звукоподражательные слова.

С. И. Небыкова — Синтаксис — словосочетание, простое предложение.

Д. И. Изаренков — Синтаксис — сложное предложение.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

Введение

§ 1. Понятие современного русского литературного языка. «Современный русский литературный язык» является основным курсом лингвистического цикла на факультетах русского языка и литературы педагогических вузов, определяющим всю лингвистическую подготовку будущих учителей-русистов. Его задача — теоретическое освещение системы и законов функционирования русского языка как языка русского народа и средства межнационального общения народов СССР в его современном состоянии.

Русский язык формировался и развивался вместе с формированием и развитием русского народа. Пройдя большой путь в своей истории, русский язык уже в начале XIX в. приобрел те лингвистические качества, которые в своих наиболее существенных (особенно касающихся ядра системы) чертах сохраняются и до наших дней. Поэтому XIX—XX вв. традиционно считаются единым периодом в его развитии, а язык этого периода называется современным русским языком. Последнее, однако, является неправильным.

Название «современный» в его буквальном смысле может быть отнесено лишь к русскому языку советской эпохи, а точнее — к русскому языку последних десятилетий, отразившему в себе глубокие общественно-культурные сдвиги и преобразования, происшедшие после Октября.

Большие изменения, которые произошли в русском языке за годы Советской власти, не привели, конечно, к его ломке. Как и раньше, он остался русским языком. Но русский язык советской эпохи нельзя целиком отождествлять с тем языком, который был известен до Великой Октябрьской социалистической революции. Не изменив своего общего статуса в качестве общественного явления и знаковой системы, русский язык вместе с тем после

Октябрьской революции значительно обогатился и претерпел весьма глубокую и многоплановую перестройку. Названные изменения касаются и внешней — социальной — стороны русского языка (его функций, общественной значимости, сферы употребления) и его лингвистической стороны (конкретно-внутреннего устройства).

Как и всякий высокоразвитый национальный язык, современный русский язык выступает в двух своих разновидностях: литературной — нормированной, образцовой — и нелитературной — образуемой диалектами, арго и различными видами просторечия. Литературная разновидность современного русского языка — это, по образному выражению М. Горького, язык, обработанный мастерами. В ее создании принимали и принимают участие выдающиеся писатели, общественные деятели, ученые нашей страны, обладавшие и обладающие высокой языковой и общей культурой, языковым вкусом и даром речи, теоретически и практически способствовавшие и способствующие упорядочению и обогащению языковых средств, совершенствованию их практического применения.

Знание русского литературного языка в дореволюционной России служило одним из существенных признаков культуры и образованности личности и в большей степени было привилегией господствующих классов общества. Русский литературный язык стал подлинно народным достоянием лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. Широкое распространение образования, исчезновение «медвежьих углов» и необжитых окраин, небывалая в истории культурная революция привели, с одной стороны, к отмиранию диалектных систем, с другой — к резкой демократизации русского литературного языка, который практически стал в настоящее время господствующей (если не единственной) формой общения и средством воздействия во всех жизненных ситуациях. Более того, в связи с бурным развитием просвещения и средств массовой информации, прежде всего радио и телевидения, стираются давние различия между письменной речью как сугубо и исконно литературной и устной речью как сферой и прибежищем языковой нелитературности и в паре «письменная речь — устная речь» все больший перевес приобретает облагороженная книжно-литературной традицией устная речь, которая в функционально-стилистическом отношении образует сейчас орга-

нический сплав книжных и разговорных языковых средств выражения.

Таким образом, в вузовском курсе изучается язык русского народа, на котором говорят и пишут в настоящее время, русский язык в его наиболее совершенной, литературной разновидности.

Современный русский литературный язык является одним из важнейших, ведущих языков мира. Его значимость определяется прежде всего тем, что на нем были написаны многочисленные высокохудожественные произведения великих русских писателей-классиков XIX — начала XX в.— золотого века русской литературы. На русском языке создана значительная часть классических произведений философии марксизма-ленинизма, гениальные работы В. И. Ленина. Наконец, на русском языке существует обширная научно-техническая литература.

Настоятельная необходимость приобщения людей всех наций Земли к духовным ценностям, созданным русским народом и зафиксированным в его языке, приводит ко все более широкому распространению русского языка на планете, к тому, что его изучают миллионы людей за рубежом. За последнее десятилетие в связи с ростом международного авторитета Советского Союза, с теми огромными достижениями, которыми ознаменовался труд нашего народа в области строительства социализма, науки и техники, литературы и просвещения, русский язык превратился в средство широкого международного общения, иначе говоря — в один из мировых языков.

Внутри нашего многонационального государства современный русский литературный язык является вторым родным языком для значительного числа представителей других наций и народностей. Он добровольно изучается во всех школах и вузах автономных и союзных республик. В процессе развития нашего социалистического государства он превратился в язык межнационального общения народов СССР. В Программе КПСС, принятой на XXVII съезде партии, говорится, что «овладение наряду с языком своей национальности русским языком, добровольно принятым советскими людьми в качестве средства межнационального общения, расширяет доступ к достижениям науки, техники, отечественной и мировой культуры» [1].

---

[1] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986, с. 157.

Русский язык — самый распространенный среди языков в нашей стране и один из богатейших в мире. Выдающуюся роль сыграл и играет русский язык в возникновении новой, не виданной ранее исторической общности людей — советского народа, в укреплении его единства. Сегодня он является общим языком этой подлинно интернациональной общности более ста наций и народностей СССР, мощным и действенным фактором духовной коммуникации всех советских людей.

Современный русский язык представляет собой сложную и разветвленную семиотическую (знаковую) систему, подразделяемую на отдельные подсистемы, или уровни, которые иерархически связаны между собой. Функционирование этой системы в процессе речи ведет к появлению самых различных по своей структуре и содержанию текстов. В силу этого как системная, так и функциональная сторона современного русского литературного языка являются очень многообразными. Многочисленны фонетические средства и своеобразны законы их сочетаемости, богат морфемный инвентарь и модели словообразования, огромен номинативный (лексический и фразеологический) состав, отличающийся многоплановостью и семантической насыщенностью, функциональной вариативностью, многочисленны словоизменительные модели и синтаксические структуры.

Будучи сложнейшим функционирующим механизмом, современный русский литературный язык, имеющий как важное практическое значение, так и теоретико-познавательный интерес, давно стал объектом лингвистической науки, так как успешное его познание и последующее целенаправленное практическое применение результатов познания (вопросы культуры речи, разработка методики преподавания и др.) требовали и требуют привлечения научных методов и приемов к исследуемому объекту. Наука о русском языке существует более 200 лет. Исследовались и исследуются все уровни языка, описываются и анализируются практически все языковые явления. Исследования по русскому языку лингвистов различных направлений, а также учебники и словари составляют обширную библиотеку с тысячами книг.

§ 2. Задачи и структура курса «Современный русский литературный язык». В результате изучения курса современного русского литературного языка на филологиче-

ских факультетах национальных педвузов студенты должны проникнуть в его систему и законы, разобраться в основах теории русистики, выработать практические умения квалифицированного анализа различных языковых явлений, встречающихся в современной русской литературной речи, умение активно пользоваться научной лингвистической и лексикографической литературой.

Курс должен формировать научное лингвистическое мышление, воспитывать диалектико-материалистический подход к фактам языка, знакомить с современной научной интерпретацией этих фактов, с отечественными лингвистическими традициями и достижениями современной русистики.

Усвоение теоретических знаний, овладение навыками и умениями лингвистического анализа повлекут за собой дальнейшее совершенствование речевой грамотности — более полное овладение литературными нормами русского языка.

По сложившейся традиции курс современного русского литературного языка состоит из следующих разделов: 1) лексикологии, освещающей лексику, фразеологию и лексикографию; 2) фонетики и орфоэпии, дающих представление о звуковой системе языка и правилах литературного произношения; 3) графики и орфографии, соответственно знакомящих с русским алфавитом и системой правописания; 4) словообразования, в котором описываются морфемика, словообразовательная структура и способы образования слов; 5) грамматики, образуемой учением о морфологии и синтаксисе.

Лексикология

Лексикология — раздел языкознания, изучающий лексику, т. е. словарный состав языка. По установившейся традиции объектом изучения в лексикологии являются обычно знаменательные слова. Они подвергаются рассмотрению с точки зрения их семантики, места в общей системе лексики, употребляемости и происхождения.

В специальном разделе лексикологии — фразеологии — с этой же точки зрения, а также с точки зрения степени слияния их частей, лексического состава и структуры рассматриваются фразеологические обороты, т. е. устойчивые сочетания слов, представляющие собой целостные воспроизводимые единицы: *путеводная звезда, на седьмом небе, поставить на ноги* и т. д.

К лексикологии примыкает лексикография — теория и практика составления лингвистических словарей, т. е. словарей, в которых представлены и объясняются слова и фразеологические обороты какого-либо языка.

§ 1. Понятие о слове. Лексическое значение слова. Денотация и коннотация. Основной единицей русского языка, как, впрочем, и всякого другого, является слово.

Слово — это комплекс звуков (реже — один звук) с наложенной на них интонацией, который обладает значением и употребляется в речи как самостоятельное целое.

Слово представляет собой лингвистический знак, и в качестве такового оно двусторонне. Слово всегда имеет две стороны: внешнюю, т. е. форму — звуковую оболочку (в устной речи) или буквенный вид (на письме), и внутреннюю, т. е. лексическое значение, семантику. Так, слово *книга*, во-первых, состоит из определенных звуков, расположенных в определенной последовательности (в частности,

всегда имеет одни и те же звуки в основе), т. е. имеет данную форму, и, во-вторых, означает «предмет для чтения, заключающий в себе какой-то текст», т. е. имеет данное значение. Слово *час* состоит из трех звуков (это внешняя сторона), имеет значение «отрезок времени в шестьдесят минут» (это внутренняя сторона).

Внешняя и внутренняя сторона слова неразрывно связаны между собой и не существуют отдельно.

Употребление в речи слова как самостоятельного целого подразумевает, что слова, являющиеся лексическими единицами, из которых строятся предложения, в подавляющем большинстве своем цельнооформлены, не разрываются в устной речи и на письме на какие-то части, в смысловом отношении достаточно целостны и определенны. В этом их отличие от морфем, которые не употребляются как самостоятельные единицы в речи, и от словосочетаний, которые не являются цельными единицами речи.

При рассмотрении вопросов семантики слова различают его денотативное значение (денотацию) и коннотативное значение (коннотацию). Первое из них признается для большинства слов главным, собственно значением, второе — дополнительным.

Лексическое денотативное значение слова — это отображение какого-то явления действительности, какой-то стороны ее в сознании при обязательном соотнесении этого отображения с какой-то материальной формой (комплексом звуков или звуком), при обязательном закреплении его за этой материальной формой. Например, имеется реальное явление «часть неба, откуда восходит солнце». Оно отображается в нашем сознании, и это отображение закрепляется в русском языке за звуковым комплексом *восток*. Вот это явление действительности, отображенное в сознании комплексом *восток*, и есть лексическое денотативное значение данного слова.

Денотативное значение слова в основном соответствует какому-нибудь понятию. Всякое понятие вырабатывается нашим мышлением и отображено в нашем сознании. Оно вырабатывается на основе восприятия реальных явлений, фактов, на основе анализа и обобщения свойств предметов реального мира. Таким образом, наши понятия закономерно соотносятся с какими-то предметами, действиями, признаками, отношениями реальной действительности. Так же тесно связаны понятия и с какими-то звуковыми формами; правда, здесь нет внутренне предопреде-

ленной связи: соотношение условно и произвольно. Например, между понятием «стена», имеющимся в мозгу, и реальными стенами, имеющимися в действительности, связь предопределенная и совершенно неразрывная, а между понятием «стена» и звуковым комплексом *стена* связь хотя и крепкая, но условная, непредопределенная. О непредопределенности связи понятия с конкретным словом свидетельствует то, что у людей разных наций с одним и тем же понятием связываются различные звуковые комплексы, наличие синонимов, а также то, что одно и то же понятие может быть закреплено сначала за одним словом, а позднее за другим (так, одно и то же понятие «ловко манипулирующий цирковой артист» раньше обозначалось словом *престидижитатор*, а теперь словами *фокусник* и *манипулятор*).

Между явлениями действительности и нашими понятиями о них, конечно, нельзя поставить знак равенства. Вторые складываются на основе первых, а главное, явления — предметы, качества, процессы действительности — всегда реальны и конкретны, а наши понятия о них, как правило, достаточно отвлеченны, имеют характер обобщения. Так, в нашем сознании присутствуют не многочисленные образы существующих в действительности стен, а обобщенное представление стены, не многочисленные образы отдельных виденных голубей, а обобщенное представление голубя и т. д. Эти обобщенные представления и суть понятия. Закрепленное в сознании за какой-то группой звуков понятие рассматривается как индивидуальное лексическое денотативное значение слова [1].

Коннотативное значение (или коннотация) — это эмоционально-стилевое содержание слова, закрепленное за ним вместе с понятийным содержанием (в большинстве слов) или без него. Это очень распространенное явление среди русских слов. Так, слово *соратник* имеет денотативное значение «товарищ в бою» и коннотативное значение — оттенок возвышенности и риторичности. Слово *деревенщина* имеет денотацию «человек из деревни» и коннотацию — оттенок пренебрежения и разго-

---

[1] Однако не все слова связаны с понятиями. Так, за рядом слов закреплено эмоциональное содержание сознания (*увы!* обозначает сожаление, *фи!* — презрение и т. п.). Есть и иные случаи, когда несомненно, что слова не выражают понятий (например, личные имена), но всегда за отдельным словом стоит какое-то лексическое значение, и это значение следует признавать именно лексическим.

ворности. Коннотация этих и других слов существует совершенно объективно, как и денотация: носители языка очень хорошо ее воспринимают и сами употребляют слова в соответствии с их коннотацией. Междометия типа *ах!, увы!* имеют только коннотативное значение.

Коннотация слов состоит из двух значимостей — эмоциональной и стилевой, которые практически объединяются в целостную семантическую единицу. Реально эмоциональное значение не воспринимается нами вне стилевого (отражающего социальное предписание употребления слова), а стилевое значение больше всего зависит от эмоциональной окраски слова. Слушающий воспринимает выраженное чувство не только само по себе, но и с точки зрения уместности его выражения в данных условиях речи вообще и конкретного способа его выражения в частности; соответственно действует и говорящий.

Русские слова обладают, кроме лексического значения, вытекающего из семантики основы слова, еще и так называемыми грамматическими значениями, выражаемыми формообразующими аффиксами, но в русской лексикологии эта часть их семантики почти никогда не рассматривается, традиционно оставаясь в ведении морфологии.

§ 2. Системность русской лексики. Система, как известно,— это единство частей, находящихся во взаимной связи и характеризующихся общим функционированием.

Основной единицей лексической системы является слово. Оно выступает как звуковая форма или графема, имеющая определенное денотативно-коннотативное или коннотативное значение, напр.: *бедный* «малоимущий» (нейтр., неэмоц.), *пилить* «мучить беспрерывными попреками» (разг., неодобр., шутл.).

В лексической системе слова объединяются в определенные группы. Легко выявляются следующие частные микросистемы слов:

1. Слова, имеющие одну и ту же форму, но разные взаимосвязанные значения, образуют внутрисловные микросистемы — полисемантические слова, напр.: *бедный — бедный*$_1$ «неимущий» (нейтр., неэмоц.): *бедный крестьянин; бедный*$_2$ «скудный» (разг., неодобр.): *бедное воображение; бедный*$_3$ «несчастный» (разг., сочувств.): *бедная девочка.*

2. Однокоренные слова, сближаясь по форме и в определенной степени по семантике, составляют словообразовательные гнезда, напр.: *лес, лесной, лесник, лесничий, лесовод, перелесок...* или *синий, синенький, синева, синеть, синить, синька, синь...*

3. По ближайшему родовому признаку денотативного значения слова объединяются в тематические группы. Например, слова *дом, изба, лачуга, хижина, дворец, небоскреб* образуют тематическую группу «постройки для жилья»; слова *синий, голубой, красный, зеленый, черный, белый* объединяются признаком цвета. Примерами тематических групп слов являются также термины родства: *отец, мать, сын, дочь, дедушка, бабушка, брат, сестра, дядя, тетя, кузен, кузина;* термины гражданских профессий служащих: *врач, инженер, учитель, агроном, ветеринар, журналист;* термины рабочих профессий: *токарь, слесарь, фрезеровщик, кузнец, механик, сварщик, монтажник* и др.

Отдельные значения полисемантических слов входят в различные тематические группы, ср.: *золотой, серебряный, бронзовый* — обозначение по материалу и *золотой песок, серебряная луна, бронзовое тело* — обозначение цвета.

Внутри тематической группы возможны еще более мелкие системные объединения слов по большей схожести их денотативного значения. Здесь выделяется прежде всего микросистема — синонимический ряд. Так, в пределах тематической группы «признаки цвета» мы найдем синонимические ряды: *синий, голубой, лазоревый, небесный; красный, багровый, пурпурный, малиновый, алый.*

Выявляются также микросистемы слов, называемые антонимическими парами. Так, в пределах слов отмеченной группы «признаки цвета» находим антонимическую пару *черный — белый,* в пределах группы «постройки для жилья» — *хижина — дворец.*

Отмеченные микросистемы (конкретные полисемантические слова, конкретные словообразовательные гнезда, тематические группы, синонимические ряды и антонимические пары) обнаруживают иногда сразу заметную, иногда скрытую взаимосвязь, ввиду чего слова объединяются в более общие системы.

Тематические группы слов объединяются по признакам значения в подразряды. Например, слова тематических групп «действия перемещения объекта» *(перенести, снять,*

спустить), «действия перемещения себя» *(идти, бежать, плыть)*, «действия для удовлетворения физических нужд» *(пить, есть, дышать)* объединяются в подразряд «физические действия человека». В этот подразряд входят и другие тематические группы.

Подразряды объединяются по семантическим признакам в подразряды высшего порядка. Так, слова подразряда «физические действия человека», объединяясь со словами подразряда «общественные действия человека» (ср. слова *голосовать, говорить, играть, философствовать, работать* и т. п.), составят словесный подразряд высшего порядка «действия человека». Подразряды слов высшего порядка объединяются в подразряды слов еще более высшего порядка, или в разряды. Лексико-семантический разряд представляет собой совокупность слов, имеющих несколько общих семантических признаков. Так, слова, обозначающие действия человека, и слова, обозначающие действия животных, объединяются в разряд «действия живых предметов».

Разряды слов объединяются в лексико-семантические классы слов.

Лексико-семантический класс слов — это обычно очень обширное объединение звуковых комплексов, значения которых по самому общему своему компоненту сводятся в логическую категорию предметности, стабильного признака, действия, состояния, количества, отношения или же относятся к эмоциональной сфере человеческого сознания. Так, имеются классы слов: 1) с предметным значением: *газета, тетрадь, дворец, снег, здание, облако;* 2) со значением признака: *ровный, свежий, благополучный, ленинградский, резвый;* 3) со значением действия: *рисовать, пилить, строить, кроить, работать;* 4) со значением состояния: *беспокоиться, жить, стыдиться, весело;* 5) со значением количества: *один, десять, много, несколько;* 6) со значением отношения: *для, к, до, и, или;* 7) слова, выражающие эмоции: *ну?!, ого!, фи!, ура!* [1].

---

[1] Это деление, естественно, вызывает ассоциацию с частями речи, о которых пишется в морфологии, но не является ни дублированием, ни незаконным перенесением из морфологии в лексикологию. Во-первых, современное деление слов на части речи не совпадает с предлагаемым их чисто лексико-семантическим делением на указанные классы; во-вторых, грамматика (морфология) должна изучать не лексико-семантические классы и их разряды, а словоформы по лексико-семантическим классам и их разрядам, устанавливаемым лексикологией.

Класс слов со значением предметности включает разряды: слова со значением конкретных предметов *(гвоздь, тарелка, белка, муха)*, слова со значением вещества *(молоко, дрожжи, глина)*, слова, обозначающие отвлеченные, субстантивно мыслимые понятия *(время, вечность, память, лето)*. В класс слов со значением действия входят разряды: слова, обозначающие действия существ *(прыгать, жужжать, разговаривать)*, слова, обозначающие действия неживых предметов (*светить* «излучать свет изнутри или от себя», *течь, лопнуть*), слова, обозначающие действия, общие для существ и неживых предметов *(упасть, сталкиваться)*. Класс слов со значением стабильного признака подразделяется на разряды: слова, обозначающие признак, воспринимаемый непосредственно при помощи органов чувств *(красный, железный* «из железа», *твердый)*, и слова, обозначающие умозрительный признак *(возможный, волевой, твердый* «решительный», *безалаберный, старший, интересный, подмосковный, хороший, прогрессивный)*.

Закономерные соотношения между словесной формой и семантическим содержанием, вхождение слов в полисемантические слова, с одной стороны, в тематические группы — с другой, вхождение словесных форм в словообразовательные гнезда, тематических групп — в лексико-грамматические подразряды, подразрядов — в разряды, разрядов — в классы, взаимосвязь всех единиц и их объединений по формальным и семантическим признакам — все это делает русскую лексику хотя и очень сложной, но стройной системой.

§ 3. Полисемия. Типы денотативных значений слов. В русском языке есть немало слов, которые имеют одно значение, т. е. однозначных, или моносемантических. Таковыми, например, являются слова *вторник, наслаждение, висок, жилет, мох, искренний, пировать, ходатайствовать, хохотать*. Они более распространены в сфере слов — обозначений предметов. Моносемия характерна для специальных или специфических групп слов. Например, много таких единиц находим среди музыкальных терминов *(соната, рапсодия, диез, бемоль, пианино, челеста, флейта, крещендо, диминуэндо)*, среди обозначений национальности *(испанец, грузин, белорус)*. Многие моносемантические слова русского языка имеют иностранное происхождение, будучи заимствованными в одном значении и не заимствованы

в других. Ср. рус. *клипсы* «вид серег» и англ. clips «скрепки», «клипсы»; франц. bras «рука», «бра» и рус. *бра* и т. п.

Но большинство слов русского языка имеет несколько (иногда десятки) различных значений, т. е. является многозначными, полисемантическими, и лексическая система русского языка во многом определяется наличием огромной массы полисемантических слов. Так, например, многозначно слово *старый*: в предложении *На завалинке сидел старый дед* оно выступает в значении «достигший старости»; в предложении *Старый друг лучше новых двух* оно имеет уже другое значение — «давний, существующий давно» (но не «достигший старости»); в предложении *Побывали на старой квартире* это слово имеет значение «прежний, бывший до чего-то другого».

В полисемантических словах различные значения так или иначе объединены между собой, но между значениями в рамках этой общности, вхождения в единую семантическую структуру слова есть типологические различия, нерядоположность их по отношению друг к другу. В зависимости от того, что лежит в основе противопоставления семантики слов, различается несколько пар типов денотативного значения.

1. Первоначальное и производное значение. Изучая исторические изменения семантики слова, выделяют его первоначальное и производное значение (или производные, если их несколько). Первоначальное — это исконное значение слова, предшествующее всем остальным; производное — такое значение, которое развилось позднее на базе первоначального или другого производного, появившегося раньше значения. Так, у слова *стоячий* есть первоначальное значение «находящийся в вертикальном к земле положении» *(стоячие часы, стоячий указатель)* и производное значение «непроточный» *(стоячее болото, стоячий пруд)*. Второе значение появилось позже и на базе первого. Первоначальное (самое раннее) значение слова *конек* — «маленькая лошадка», а все остальные значения (*конек* «приспособление для катания на льду», *конек* «увлечение», *конек* «деревянное резное украшение на крыше избы») производные. Исконное, первоначальное значение далеко не всегда является центральным, главным, т. е. таким, в котором слово употребляется чаще всего. Так, первоначальное значение слова *чин* — «порядок» (ср.: *сидели чин чином*). Но обычно оно употребляется в производном значении «служебный ранг» или «человек, достигший этого

ранга»: *дослужился до высокого чина, присутствовали высшие чины царской армии.* Слово *разрешить* совсем утратило первоначальное значение «развязать» и употребляется только в производном — «позволить». Ср. также первичность/производность и степень употребительности в случаях: *муж* «мужчина» *(ученый муж; Я слышу речь не мальчика, но мужа* (Пушкин) — *муж* «супруг»; *гастроном* «знаток и любитель вкусной еды» — *гастроном* «продовольственный магазин»; *красный* «красивый» *(красный угол избы)* — *красный* «цвета крови»; *пытать* «спрашивать» *(Не пытай старого, пытай бывалого)* и *пытать* «допрашивать с пытками».

Иногда первоначальное (прежнее) значение потеряно словом, но корень слова живо напоминает о нем. Ср.: у слова *чернила* раньше было значение «черная жидкость для письма», что удостоверяется корнем *-черн-;* со временем слово приобрело значение «любая жидкость для письма».

2. Прямое и переносное значение. По тому, объяснимы в современном языке значения слова через его другие значения или нет, устанавливают прямые и переносные значения. Прямое — это значение в собственном смысле, которое отражает референт (явление) прямо, минуя участие или посредство других значений того же слова. Переносное — такое значение, которое мотивировано прямым значением, отражает референт косвенно, опосредованно, через прямое значение. Так, слово *муравейник* имеет прямое значение «куча, служащая жилищем для муравьев» и переносное — «большой город, большое скопление людей», напр.: *Я не хотел бы жить в этом муравейнике.* Прямое значение слова *университет* — «вуз особого типа», переносное — «учебное учреждение по повышению общеобразовательных и научно-политических знаний» (мы говорим *народный университет, университет культуры* и т. п.). В предложении *Все мне говорит о любви* глагол употреблен в переносном значении «напоминает» (прямое его значение — «производить высказывание»). Переносное значение всегда производное. Если переносное значение постепенно закрепляется за словом, стирается сильная степень его мотивированности, оно становится обычным, прямым значением.

3. Свободное и связанное значение. По тому, насколько широко (по степени лексической сочетаемости) употребляется слово в том или ином значении, различают свободное и связанное значение полисемантического слова. В од-

них значениях слова употребляются свободно, без особых заметных ограничений, сочетаются по необходимости со многими словами. Это свободные значения слов. Например, слово *звезда* имеет свободное значение «небесное тело», так как встречается в этом значении часто и в сочетании со многими другими словами: *яркая звезда, сияние звезды, открыть новую звезду.* Слово *видеть* имеет свободное значение «воспринимать при помощи глаз»: *видел столб, видел товарища, видел вчера.* В других значениях слова употребляются несвободно, ограниченно, только в комбинации с определенными, немногими словами. Это фразеологически связанные значения. Таково, например, значение «выдающаяся артистка» (в последнее время и артист) у слова *звезда* (ср.: *звезда балета, звезды эстрады*), значение «сильный» у слова *собачий (собачий холод)*, значение «плохой» у слова *девичий (девичья память)*, так как в этих значениях они употребляются только в приведенных словосочетаниях. Моносемантические слова также могут иметь фразеологически связанное значение: *заклятый враг, закадычный друг.*

4. Узуальное и окказиональное значение. По тому, насколько традиционно, воспроизводимо то или иное значение словесной формы, различают ее узуальное и окказиональное значение. Узуальное — это давно закрепленное за словом значение, достаточно привычное для большинства носителей языка или их отдельных групп; в таком значении слово употребляется многими и многократно. Так, слово *орангутанг* привычно употребляется в значении «огромная обезьяна», слово *дышать* — в значении «втягивать и выпускать воздух легкими» (узуальные значения). В некоторых значениях известные словесные формы употребляются только в исключительных случаях, даже однократно и одним лицом. Это окказиональные значения. Они не закреплены постоянно за данными комплексами звуков, случайно объединяются с ними в какой-то речи. Например, слово *орангутанг* может быть случайно употреблено в значении «огромный, но духовно примитивный человек»: *Что у вас может быть общего с этим орангутангом?* Иногда люди употребляют известные слова не в их обычных, а в несвойственных им значениях по ошибке, из-за неосведомленности о том, что они точно значат. Например, говорят *Дайте мне кусок хлеба без корки* (не горбушку); купцы говорили *пустить мораль* (осрамить человека позорящим от-

зывом), употребляя последнее слово в значении «нечто марающее».

5. Центральное и периферийное значение. Подчас мы слышим: это слово употреблено здесь в публицистическом смысле, это слово нужно понимать не в обычном, а в профессиональном смысле. Для описания полисемии русского языка в его современном состоянии, особенно в учебных целях, необходимо выделение в ней центральных (основных, главных) и периферийных значений слов. Центральные — это наиболее известные значения (одно или два, реже — больше) слова, из числа значений, входящих в его семантическую структуру, т. е. такие, в которых данные звуковые комплексы употребляются и широко, и часто. В отличие от свободных значений, которые имеют широкую лексическую сочетаемость, центральные значения слова характеризуются не только этим, но и функционально-стилевой неограниченностью употребления и повышенной частотностью употребления в них слов, что и делает эти значения наиболее известными по сравнению с другими. Периферийные — это такие значения, в которых слова употребляются в ограниченных речевых условиях и в целом редко. Центральные значения при описании полисемантического слова в толковых словарях фиксируются в первую очередь; периферийные толкуются после центральных и нередко снабжаются ограничительными пометами, указывающими сферу или особые условия их использования в речи.

Так, например, в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова находим словарную статью: **Минута...** 1. Мера времени, равная 1/60 часа и состоящая из 60 секунд... 2. Короткий промежуток времени, мгновение (разг.). *Придет с минуты на минуту. Зайти куда-н. на минуту... Сию минуту* (очень скоро, сейчас). 3. Единица измерения углов и дуг, равная 1/60 градуса (спец.)...

Первое значение этого слова является центральным, основным, второе и третье — периферийными. Для слова *дать* этот словарь вначале указывает центральное значение «вручить, предоставить» *(дать деньги, дать книгу)*, а затем — несколько периферийных значений: «доставить, принести как результат чего-н.» *(Труд дал удовлетворение. Земля дала богатый урожай)*, «устроить для кого-н.» *(дать обед, дать спектакль)*, «оценить, определить (стоимость, возраст и т. п.)» *(дать за книгу рубль; Ему не дать сорока*

лет), «нанести (удар) или ударить» *(дать пощечину, дать по спине)* и др.

Периферийные значения полисемантических слов, в свою очередь, можно подразделить на множество подтипов. Это подразделение во многом соотносится с делением слов в целом на периферийные и стилистические пласты (см. далее, § 12, 14, 15).

По характеру конкретных речевых ограничений употребления слов в периферийных значениях наблюдаются:

1. Архаические значения, ср.: *позор* «бесчестье, унизительное положение» (совр.) и «зрелище, вид» (устар.) *(Везде невежества убийственный позор* (Пушкин) (см. далее, § 15).

2. Неологические значения: *кирпич* «запрещающий знак для транспорта на дороге», *рыболов* «рыболовное судно».

3. Арготические значения: *кусок* «большая сумма денег, в частности тысяча рублей» *(два куска)*, *балдеть* «быть в одурманенном состоянии от чего-либо, испытывать удовольствие», *заложить* «предать».

4. Терминологические и профессиональные значения: *шапка* «часть груза, возвышающаяся над верхней плоскостью вагона» (ж.-д.), *передача* «цепь или другое приспособление для передачи движения от одного колеса к другому», *поток* «конвейер», *пояс* (геогр.), *сварить* (техн.).

5. Публицистические значения: *утка* «газетная выдумка», *правый* «реакционный, консервативный», *левый* «более радикальный», *платформа* «программа» *(предвыборная платформа)*, *ястреб* «политический экстремист», *провалиться* «потерпеть неудачу» *(провалиться на выборах)*, *блок* «союз».

6. Поэтические значения: *весна* «расцвет, юность» *(Мне вас не жаль, года весны моей* (Пушкин), *брань* «битва» *(на поле брани)*, *петь* «воспевать», *угаснуть* «пройти, исчезнуть» *(Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем* (Пушкин).

7. Канцелярские значения: *подшить* «вложить в дело» *(подшить новый документ к делу)*, *бумага* «документ» (ср.: *привезли бумагу в типографию* и *Из министерства пришла бумага)*.

8. Эмоционально-разговорные значения: *собака* «подлец» *(Я не советую вам знать и дороги к этой собаке* (Гоголь), *лапша* «рохля», *жук* «пройдоха», *голубка* (о девушке, женщине), *дуб* «тупоумный человек», *дыра* «захолу-

стье», *ржать* «смеяться», *шататься* «ходить» *(шатаются тут всякие), зеленый* «молодой и неопытный» *(зеленый юнец).*

Кроме того, к периферийным необходимо отнести все общеупотребительные, но лексически достаточно заметно связанные значения слов, в которых они сочетаются с небольшим кругом других слов (с двумя—пятью другими словами — фразеологическая связанность, с двумя-тремя десятками других слов — тематическая связанность), ср.: *летняя* «тепловатая» *(летняя вода), идти* «выпадать» *(идет дождь, снег), садиться* «закатываться» *(солнце садится), разбить* «поставить» (о лагере, палатке), *сидеть* «облегать» и *идти* «подходить, быть к лицу» (оба с обозначениями предметов одежды — костюм, шляпа и т. п.: *хорошо сидит, идет кому-либо), приносить* «давать в виде урожая» *(Яблоня приносит много яблок), заходить* «закатываться за горизонт» (о солнце, луне, всех планетах, звездах и кометах), *носить* «иметь на теле» (о всех видах одежды, обуви, украшений).

§ 4. Развитие слова. Изменение его формы и значения. За многие века и даже за сравнительно малые периоды своего существования слова подвергаются изменениям. Под воздействием тех или иных звуковых законов и по другим причинам слова преображаются в звуковом (и письменном) отношении — какие-то звуки в них выпадают, какие-то вставляются, какие-то перемещаются или заменяются другими, передвигается ударение с одного слога на другой. Так, слово *стакан* раньше имело форму *стокан,* еще раньше — *достокан,* и писалось оно по-иному. Возникают варианты слов, один вариант слова может вытеснять другой. Например, вариант слова *теперь,* развившийся позже, вытеснил вариант *топерь,* слово *мýзыка* вытеснило вариант *музы́ка, восьмой* вытеснило *осьмой.* В других случаях варианты могут длительно сосуществовать: *курчавый — кучерявый, ставня — ставень, туннель — тоннель.* Таких сосуществующих ныне в русском языке вариантов одних и тех же слов набирается несколько десятков. Иногда один вариант слова закрепляется за одним его значением, а другой — за другим, и два варианта одного слова превращаются в два слова: *христиане — крестьяне, броня — бро́ня.* На пути к этому варианты *ноль* и *нуль.*

Но еще более важными представляются исторические преобразования значений слов.

Глубокими причинами этого процесса являются различные изменения в общественной жизни. Изменения в экономической и социальной структуре, изменение представлений, научных концепций, образа жизни людей—носителей языка, контакты с другими народами — это все отражается на значениях слов. Явления и с ними наши понятия отживают свое или, наоборот, появляются; слова же, связанные с исчезнувшими явлениями и понятиями, далеко не всегда утрачиваются языком, а для новых явлений и понятий далеко не всегда подбираются новые слова. Это и сопряжено с меной значений слов.

Непосредственным условием этого чаще всего является какая-либо схожесть или какое-либо соприкосновение референтов (явлений действительности), воспринимаемые и отмечаемые человеком.

Во-первых, новое значение слова может возникнуть при условии, что обозначаемое явление (предмет, действие и т. п.) чем-то схоже с тем явлением, которое было обозначено каким-то словом прежде, чем-то напоминает его по внешнему виду, по функции, по звучанию и т. п. Такой путь развития нового значения называется метафорой. Так, в результате метафоры слово *иголка,* уже до этого имевшее значение «острое приспособление для шитья», приобрело новое значение — «листное образование хвойного дерева», ввиду внешнего сходства и общего свойства колючести обозначаемых реальных референтов. Слово *трещотка* наряду со значением «игрушка для производства треска» развило значение «человек, который говорит без умолку», так как одно сходно с другим в звуковом отношении.

Во-вторых, новое значение может возникнуть при условии, что обозначаемое явление как-то соприкасается с тем явлением, которое обозначалось до этого известным словом. Такое развитие значения называется метонимией. Соприкосновения двух явлений, отмечаемые нами, могут быть самыми разнообразными: один предмет может быть частью другого,— значит, мы их связываем в уме; одно явление может быть действием, другое — его результатом, и эту связь мы фиксируем в уме и т. д. Так, слово *Октябрь* приобрело новое значение «Великая Октябрьская социалистическая революция», потому что между референтами ощущается явная связь — промежуток времени и событие, совершившееся в этот промежуток. *Печенье* «процесс выпечки» и «кушанье, приготовленное выпечкой» — здесь связь действия и его результата. *Деревня* «сельское посе-

ление» и «деревенский житель» *(Эх ты, деревня!)* — здесь отношение целого и его части. *Лицо* «передняя часть головы» и «человек» *(важное лицо)* — здесь, наоборот, отношение части и целого, перенос названия части на название целого.

Иногда русское слово приобретает новое значение из-за воздействия на него формы и значения другого слова. Люди начинают путать формы двух слов и одному из них приписывать чуждое ему значение. Процесс этот проявляется в виде лексической контаминации или замещения основ (см. с. 219). Так, слово *довлеть* приобрело значение «давить на кого-либо, висеть над кем-либо» *(На него довлеют сверху. Над ним довлеют семейные обстоятельства)* под влиянием формы и значения слова *давить*. Ранее слово *довлеть* имело совсем другие значения, ныне по существу утраченные,— «быть пристойным» и «удовлетворять, быть достаточным». Слово *столпотворение* развило значение «масса толпящихся людей» под влиянием формы и значения слов *столпиться, толпа,* хотя раньше слово *столпотворение* означало «создание, творение столпа (башни)» *(столпотворение вавилонское)*.

Необходимо иметь в виду, что очень часто отмеченные выше изменения возникают опосредованно и словообразовательно являются либо кальками, либо сжатием фразеологизма в слово (см. с. 227).

Исследования лексико-семантической системы русского языка показывают, что, по существу, любое производное значение слова образовалось или образуется от другого значения того же слова по той или иной модели, более или менее продуктивной и регулярной. Такие модели можно условно называть семантикообразовательными.

Так, в случае метафорического образования от *пленить* «взять пленного» *(пленили двух солдат противника) пленить* «восхитить, расположить к себе» *(пленить зрителей талантливой игрой)* мы наблюдаем примерно тот же частный семантический процесс, что и в случаях *завладеть имуществом > завладеть вниманием, покорить соседнюю страну > покорить сердца людей добротой, завоевать территорию > завоевать доверие, захватить пленных, трофеи > > захватить всех вдохновенной игрой, брать пленных > >брать лаской, эрудицией.* Наблюдая эту схожесть, аналогичность развития значений, мы вправе сделать обобщение: во всех этих примерах производная семантика слов развилась по одной модели, одному образцу — от обозна-

чения действия военного захвата к обозначению положительного психического воздействия.

Таких семантикообразовательных моделей в русском языке много — до двухсот [1] — в сфере существительных, прилагательных, глаголов, наречий, а также служебных слов. Мы опишем лишь часть из них.

1. От обозначения военных понятий к обозначению общественно-политических понятий: *авангард рабочего класса, трудовая вахта, занимать директорский пост, рабочая гвардия, подготовка кадров, рядовой служащий, командиры производства, прорыв, трудовая победа, фронт работ, битва за урожай, огромная армия инженеров и ученых* и т. п.

2. От обозначения трудового действия к обозначению речевого действия отрицательного характера: *болтать* «взбалтывать» и *болтать глупости; трепать, чесать лен* и *трепать, чесать языком, молоть зерно* и *молоть вздор, точить деталь* и *точить балясы.*

3. От обозначения признака пространства к обозначению признака времени: *короткий проход* и *короткий день, большой дом* и *большой период времени, далекие страны* и *далекие времена, сжатый воздух* и *сжатые сроки.*

4. От обозначения свойства ума или восприятия к обозначению почитания/пренебрежения: *забыть книгу в телефоне-автомате* и *забыть старых друзей, помнить героев войны* (почитать), *не замечать кого-либо* («не видеть» и «не оказывать внимания»), *не узнавать* (то же), *слушать кого-либо* («внимать» и «повиноваться, проявлять уважение»), *прислушиваться к разговору* и *прислушиваться к мнению подчиненных.*

5. От обозначения признака по растению, цветку к обозначению цвета: *сиреневый, малиновый, салатный, васильковый, вишневый, лилейный* (от *лилия,* ср.: *лилейная шея* «белая шея»), *розовый, коричневый* (от *корица*), *огуречный, брусничный, лимонный* и др.

6. От обозначения физического признака к обозначению нравственного, духовного недостатка: *глухой к нуждам других, безрукий руководитель, беззубый критик, близорукий плановик* (недальновидный), *неуклюжий советчик.*

---

[1] Они широко описаны нами в «Кратком словообразовательно-этимологическом словаре русской полисемии и однокорневой омонимии», опубликованном в журнале «Русский язык в школе» (1983—1986 гг.).

7. От обозначения физических природных явлений к обозначению общественных явлений: *движение воды* и *общественное движение, течение в искусстве, свежая струя в литературе, вода застоялась в болоте* и *общественный застой, буря гнева, волна забастовок.*

8. От обозначения предмета мебели к обозначению учреждения: *паспортный стол, купили буфет* и *зайти в буфет, овощная лавка, бюро* («конторка» и «учреждение»), *банк* (исходно — «скамейка»), *гардероб* («шкаф» и «помещение для одежды в учреждении»), *кафедра* (исходно — «кресло, сидение»).

9. От обозначения лица по общественному положению к нравственно-оценочному обозначению лица: *мещанин* («лицо мещанского сословия» и «человек с мелкими интересами и узким кругозором»), *кавалер* («всадник»→«дворянин»→«галантный человек, ухажер»), *рыцарь* (историческое понятие и «благородный, особенно по отношению к женщине, человек»), *отшельник* «нелюдим», *лакей* «подхалим», *паяц* «кривляка», *сапожник* «халтурщик», *барыня* «женщина, не любящая трудиться, но с большими претензиями».

10. От обозначения денежных, финансовых расчетов к обозначению акта мести: *рассчитаться с кем-либо за причиненное зло, отплатить за унижения, поплатиться жизнью, дать сдачи* «ударить в ответ», *сводить личные счеты, получить по заслугам, заработать подзатыльник, не остаться в долгу; Ну и дам же я ему! Это ему дорого обойдется. Это стоило ему жизни.*

11. От обозначения действия ходьбы, пешего передвижения к обозначению речевых действий: *Вы уходите от главного; не забегайте вперед, перескакивать с одной темы на другую; Докладчик остановился на текущих событиях; вернуться к началу лекции, в ходе доклада, вести речь; Мы с вами подходим к главному; отступить от темы, отступление, приступить к анализу, сбиться с пути* и *сбиться с мысли.*

12. От обозначения геометрических понятий к обозначению территориально-географических понятий *поехать в центр* (в столицу), *сторона куба* и *родная сторона, далекий край, глухой угол, населенный пункт, округ, периферия, страна.*

§ 5. Современная русская полисемия с точки зрения ее происхождения. Исследования многозначных слов, всей совокупности лексико-семантических единиц с отдельным значением, всего состава семем (отдельных значений многозначных слов) показывают, что последний представляет собой ряд хронологических пластов. Выделяются эпохи, в которые лексико-семантический состав пополнялся наиболее интенсивно, заметно. Можно сказать, что в целом он характеризуется все более и более интенсивным ростом от древнейшего периода до наших дней. Большое воздействие на увеличение состава семем оказали семантические заимствования в русский язык, что явилось закономерным и положительным процессом, одним из проявлений всеобщего мирового процесса миграции языковых единиц, слов и их значений из языка в язык в массовом порядке как результата усвоения достижений передовой культуры, сознания всего человечества.

Лексическая полисемия развивалась и была еще в общеславянскую эпоху, в общеславянском языке. С того периода в современном русском языке остались, например, такие слова в двух значениях: *брать* «нести» и «носить» (ср.: *Из нашей библиотеки можно брать книги домой)* и «принимать в руки» *(брать билет, сдачу), зайти* «пройти за что-либо» *(зайти за дом)* и «закатиться» *(солнце зашло), свет* «лучистая энергия» *(свет солнца)* и «мир» *(жить на свете, на чем свет стоит)*.

Существенное пополнение семантической структуры многих слов произошло после принятия христианства в конце X в. н. э., в результате чего древнерусский язык испытал большое влияние старославянского языка — языка прежде всего церковно-религиозной литературы, который явился языком-посредником, так как полисемия старославянского языка, в свою очередь, формировалась за счет семантических калек с греческих многозначных слов. В русском языке это было византийско-старославянское семантическое пополнение. К прежним конкретным значениям слов прибавлялись переносные, производные значения отвлеченного характера. Так, слово *дух* в исконном значении «дыхание» *(перевести дух)* стало также употребляться в заимствованном значении «душа, духовное начало» *(сильный духом, в здоровом теле здоровый дух);* слово *начало,* имевшее значение «исходный пункт» *(начало улицы),* стало также обозначать «сущность, первооснова» *(начало всех зол, на добровольных началах),* «командова-

ние» *(под его началом)* (ср. соответствующие значения греч. pneuma и archē). Это отражается и в словах *человек* «представитель человечества» (исконн.) и «слуга» *(дворовый человек)* (заимств.), *темный* «несветлый, без света» (исконн.) и «невежественный» *(темный человек)* (заимств.), *ученик* «отданный в учение» (исконн.) и «последователь кого-либо» (заимств.), *тонкий* «острый» (исконн.) и «высокий» (о голосе) (заимств.) и др.

Большой приток новых значений слов происходил в XVIII — начале XIX в. в виде семантических калек с соответствующих единиц немецкого и французского языков вследствие влияния западноевропейской мысли того времени на русскую культуру, науку, промышленность, ср.: *плод* «фрукт» (исконн.) и «результат» *(плоды просвещения)* (семантическая калька с нем.); *огонь* «плазма» (исконн.) и «стрельба» *(открыть огонь по противнику)* (от нем. Feuer); *бояться* «иметь страх» (исконн.) и «разрушаться от воздействия» *(боится сырости, света)* (от нем. furchten); *одеваться* «одевать себя» *(Я встал и уже одеваюсь)* (исконн.) и «носить одежду» *(Она одевается во все новое, модное)* (от нем. sich kleiden); *перейти* «пройти через» (исконн.) и «начать обучаться на новой ступени обучения» *(перейти в четвертый класс)* (от франц. passer); *плоский* «ровный, невыпуклый» (исконн.) и «пошлый» *(плоские шутки)* (от франц. plat) и т. п.

Это продолжалось и во второй половине XIX — начале XX в. в основном за счет заимствования публицистических и специальных значений слов. Появилось, например, философское значение у слова *надстройка (базис и надстройка)* (с нем.), стали употребляться в политическом смысле слова *движение, чистка, попутчик* и др.

Конечно, за это время развивались и незаимствованные значения слов, напр.: *сплавить* «избавиться» *(сплавить кого-либо куда-либо)*, *мелюзга* «мелкая рыба»→«мелкие, незначительные люди», *верхушка* «высший слой общества», *ликвидация* «уничтожение» (из бухгалтерского, финансового значения) и др. Значительно пополнился семантический объем слов в советское время в связи с перестройкой общественной жизни, развитием промышленности, науки, техники, культуры, спорта, в связи с формированием нового сознания людей. Так, например, развилось употребление слов *маяк* «передовой труженик» *(маяки производства)*, *спутник* «искусственный космический аппарат», *сознательный* «принципиальный, относящийся

с пониманием к общественным нуждам» *(сознательный человек)* и т. п.

Число семантических заимствований резко снижается. Семантические кальки в XX в. идут главным образом из английского языка: *поток* «конвейерное производство» *(пустить изделие на поток)*, *отметить* «отпраздновать» *(отметить юбилей, день рождения)*, *записать* «зафиксировать звучание» *(записать музыку на магнитофон)*.

§ 6. Функционирование полисемантических слов. В речи многозначные слова, как правило, употребляются и понимаются всякий раз однозначно, реализуют из всех своих значений только одно. Так, например, если человек, что-то пишущий, говорит *Дайте мне еще один лист,* то слово *лист* обозначает «тонкий прямоугольник бумаги», а все остальные значения этого слова — *лист* «тонкая зеленая пластинка растения» *(лист смородины)*, *лист* «документ» *(путевой лист, похвальный лист)* и др.— в этом высказывании не актуализируются, нейтрализуются. В довольно редких случаях в одном высказывании могут быть реализованы сразу два значения одного слова (в каламбурах и других двусмысленностях): *Да он все съест: у него желудок з д о р о в ы й !* («небольной» и «большой»). *Эта медсестра в к а л ы в а е т уже более десяти лет* («делает уколы» и «работает»).

Важно уметь определять, в каком значении употреблено слово в конкретном высказывании — в устной беседе, художественном произведении, научном тексте. Для естественного носителя русского языка это, как правило, не представляет затруднений, так как он знает большинство контекстов и ситуаций употребления каждого слова в разных его значениях, практически слышал (и сам реализовал) такие употребления сотни или тысячи раз. Конечно, и для него могут быть неясности, ошибки восприятия. Но для человека, не владеющего в совершенстве русским языком, богатая, развитая русская лексическая полисемия становится ощутимым источником непониманий, неясностей, ошибочных восприятий. Не вполне владеющие русским языком, начинающие его изучать, склонны, в частности, в различных контекстах понимать полисемантическое слово в центральном, основном его значении, которое они усвоили раньше других. Например, в высказывании *темный человек* слово *темный* было понято нерусским студентом как «черноволосый, брюнет» (большинство русских по-

няли бы как «невежественный» или как «подозрительный»).

Контекст, словесное речевое окружение, ситуация речи обычно помогают понять, в каком значении использовано слово, нейтрализуют другие его значения. Но это происходит тогда, когда человек в целом уже знает всю семантическую структуру данного слова и лишь определяет, какое из известных ему значений в данном случае уместно, а какие неуместны. Контекст, речевое окружение, ситуация почти никогда не могут дать конкретного значения употребленного в речи слова; во всяком случае контекст, окружающие слова — это не толкование значения слова, которое дается в словаре, и догадки по контексту о значении незнакомого или не полностью знакомого слова рискованны, вполне могут привести к ошибке. Словесно-речевой контекст, окружение полисемантического слова могут лишь направить на правильное понимание многозначного слова, более или менее не оставить сомнений, в каком из известных читателю или слушателю значений оно употребляется в данном речевом случае.

Важным ориентиром в речевом словоупотреблении является вышеописанное деление значений слов на центральные и периферийные.

Слова в центральных (основных) значениях употребляются в любых текстах, любой речи. Слова в периферийных значениях употребляются, как правило, в специальных условиях речи или в специфических контекстах, ситуациях.

Чтобы не ошибиться в понимании употребленного полисемантического слова, прежде всего следует учитывать стилевой характер текста, речи. Читая заметку, статью на политическую тему, мы должны быть настроены на то, что какие-то общеизвестные слова будут иметь не свое основное, а публицистическое значение. Например, если мы читаем или слышим *Предвыборная платформа правых не изменилась,* то мы должны понять, что речь идет о политической установке, программе реакционеров, а не о помосте для людей, находящихся справа. При чтении художественного произведения мы можем ожидать поэтических значений слов: *Из-за облака выглянул серебряный серп* (т. е. показался серебряно-белый молодой месяц).

Еще более направляют понимание значения слова тематические приметы текста. Любая речь производится на какую-то конкретную тему, и, следовательно, в ней немало

вероятностей встретить полисемантическое слово не в центральном, а в периферийном значении, в котором оно относится к соответствующей тематической группе. Так, если речь идет об одежде, то слова *идти, сидеть* следует понимать не в буквальном, а в оценочно-вкусовом смысле: *Вам эта шляпа идет. Пиджак на вас сидит хорошо.* Тема речи «Пение» дает профессионально-музыкальное понимание слова *нота (Певица взяла очень высокую ноту)*, а тема речи «Дипломатические действия» — его профессионально-дипломатическое понимание *(Послу была вручена нота Советского правительства)*; темы «Ожидание» и «Купля-продажа» подразумевают разные употребления слов *дорого, потратить* (ср.: *Не трать зря время: оно нам дорого* и *Этот аппарат оказался дорогим, мы потратили на него почти все, что было в наличии*). Ситуация речи, задающая тему, реплика диалога также обычно нейтрализуют все значения слова, кроме нужного в данной ситуации, ср.: *Барашек блеет* или просто номинативное предложение *Барашек* («ягненок, маленький баран» — в ситуации поля или двора и наличия данного животного) и *Барашек куда-то делся* («вид гайки» — в ситуации ремонта какого-либо механизма, устройства). *Я отдал ему свои часы* («часовой механизм» — в бытовой, житейской ситуации) и *Я отдал ему свои часы* («учебную нагрузку» — в ситуации перераспределения нагрузки преподавателей в вузе, школе). Ситуативными являются и употребления слов в эмоционально-разговорном значении: *Эх ты, лапша!* (рохля, зевака). *Такой клоп, а туда же лезет!* (маленький мальчик). *Ну и жук!* (пройдоха) и т. п.

Лексическое окружение, причем самое ограниченное, может сигнализировать об употреблении полисемантического слова в связанном значении: *деревянный взгляд* (неподвижный), *разбить палатку* (поставить), *молодой картофель* (этого года и ранний) и т. п. Слова в связанном значении сочетаются лишь с несколькими другими словесными формами, образуя с ними фразеологические сочетания (см. подраздел «Фразеология»). Связанных значений в русском языке несколько сотен, и они подлежат заучиванию в рамках изучения фразеологических сочетаний.

В сравнительно редких случаях контекст или ситуация речи недостаточно подсказывают понимание нужного значения слова (особенно для плохо владеющего языком), вызывают двусмысленность высказывания или какие-то семантические наслоения, «шумы» в канале связи, ср.: *Если*

я быстро не посажу торт в печь, он сядет. Я пожалела тогда денег на кофту, а потом пожалела, что не купила ее.

При употреблении полисемантических слов надо быть внимательным, иначе можно выразиться непонятно, двусмысленно или просто комично. Вы употребите слово в одном значении, а у слушателя или читателя найдутся какие-то причины воспринять его в другом значении. Двояко могут быть поняты фразы: *Мы с вами поговорим после, а пока дайте мне пообедать* («позвольте» или «принесите»?), *Перед новым годом учителя распустили детей* («отпустили на каникулы» или «позволили нарушать дисциплину»?). Конечно, довольно часто слова в разных значениях в разговоре произносятся с заметно различной интонацией, ср.: *Я пришел его проведать, а он лежит!* (*лежит* «болен» будет произнесено с интонацией сочувствия, жалости, а *лежит* «еще не встал после сна», «лениво валяется» — с интонацией неодобрения, презрения). При изъяснении на русском языке нужно владеть такой дифференцированной интонацией, четко воспринимать ее на слух. Но не всегда различные значения слова можно сопроводить различающей интонацией.

Полисемия в русской речи часто используется в художественных (экспрессивных) целях. Говорящий, умышленно сталкивая различные значения слова, достигает стилистического эффекта. Чаще всего это комический каламбур. Так, в одной миниатюре о театральной жизни об актрисе-интриганке было сказано, что *Красная Шапочка съела Серого Волка* (ср.: *съесть* «употребить в пищу» и *съесть* «создать кому-либо невыносимые условия, сделать так, чтобы человек уволился с работы»). Народная шутка гласит *Хорошо ружьецо бьет: с гвоздя упало — пять горшков разбило!* (ср.: *бить* «попадать выстрелом» и *бить* «разбивать»). Подобное можно встретить и в обычном разговоре: *В наше время ни у кого нет времени* и т. п. Гораздо реже полисемия используется для создания приподнятости, взволнованности: *И весна мне не на радость, коль зима в душе моей* (Романс). *Мне в холодной землянке тепло от моей негасимой любви* (Сурков).

§ 7. Омонимия и ее отношение к лексической системе. С полисемией тесно связано и внешне схожее явление омонимии. Однако если факты полисемии пронизывают всю ткань общей лексической системы современного русского

языка, то факты омонимии, по существу, являются посторонними для нее, они не организуются в микросистемы и мало участвуют в общесистемных связях. Последнее можно усматривать в принадлежности словообразовательных омонимов (типа *загнать* «пригнать» *(загнать скотину в хлев)* и *загнать* «заездить, убить гонкой» *(загнать лошадь)* к одному словообразовательному гнезду на правах автономных аффиксальных дериватов, а также в том, что при возникновении омонимов в результате распада полисемантических слов сокращается количество последних и объем их семантической структуры, появляются самостоятельные словесные формы с собственной семантической структурой (новые микросистемы).

Омонимы — это слова, которые имеют одинаковую форму, но совершенно разные, не связанные между собой лексические значения, напр.: *соль* «вещество для приправы» и *соль* «нота определенного звучания», *мазать* «смазывать» *(мазать хлеб маслом)* и *мазать* «промахиваться» *(мазать по воротам)* (футб.). Омонимов не так много в каждом национальном языке; русский язык в этом отношении сравнительно богаче других.

В современном русском языке наблюдаются следующие разновидности омонимических пар: собственно омонимы, омофоны, омографы, омоформы.

При собственно омонимии наблюдается совпадение всех звуковых и письменных форм слов при словоизменении (склонении, спряжении). Приведенные выше слова являются собственно омонимами. Другими примерами служат: *кабачок* «маленький кабак» и *кабачок* «растение», *ток* «площадка для молотьбы» и *ток* «прохождение электронов по проводнику», *затопить* «разжечь» и *затопить* «залить».

Бывает же так, что слова совпадают не во всех своих формах, а только в отдельных. Такие отдельные совпадающие формы слов (при условии несовпадения всех или большинства других) называются омоформами: *полей* (от *поля*) и *полей* (от *полить*), *пою* (от *петь*) и *пою* (от *поить*), *слаб* (от *слабнуть*) и *слаб* (от *слабый*). Разновидностью этого явления следует считать совпадение каких-то разных форм слова внутри парадигмы. Ср., например, совпадение форм родительного и дательного падежа: *письмо (кого?) матери, дочери* и *письмо (кому?) матери, дочери;* форм 1-го лица множественного числа глаголов и причастных образований: *Мы различим их почерки* и *Столб в тумане*

едва различим. Имеются целые серии однотипных пар омоформ. Ср. формы 2-го лица множественного числа изъявительного и повелительного наклонения глаголов II спряжения: *Вы легко определите, говорите, решите* и *Пожалуйста, определите, говорите, решите. Завтра вы посмо́трите, изме́ните, полю́бите, заго́ните, накло́ните* и *Пожалуйста, посмотри́те, измени́те, полюби́те, загони́те, наклони́те;* формы прошедшего времени женского рода глаголов и отглагольных существительных: *Вчера она запевала, подпевала, заводила, погоняла, объедала, воображала, надувала, зубрила* и *Он известный запевала, подпевала, заводила, погоняла, воображала, надувала, зубрила;* формы императива и существительных: *Пожалуйста, постой, клей, строй* и *остановиться на постой, купить клей, равнять строй;* формы среднего рода и сравнительной степени прилагательных: *си́нее — сине́е, горячее — горяче́е, дре́внее — древне́е, по́зднее — поздне́е, све́жее — свеже́е, и́скреннее (искреннее чувство) — и́скреннее (ведет себя искреннее);* формы 1-го лица множественного числа глаголов и кратких причастий настоящего времени страдательного залога: *Мы читаем роман* и *Этот роман читаем публикой. Мы слышим какой-то звук* и *Здесь шум фонтана не слышим. Мы его уважаем* и *Он всеми уважаем.*

К омоформам следует относить и такие пары форм, один из членов которых является сочетанием предлога с существительным *(подогнем — под огнем, обложку — об ложку, сутками — с утками, сухой — с ухой, отдам — от дам, орите — о Рите)*, и совпадающие по звучанию сочетания, подобные *иди-ка — и дико, показал — пока зал, несуразное — несуразное, три пачки — трепачки* и т. п.

Есть слова, имеющие различное значение, различное написание, но одинаковое звучание. Следовательно, они являются омонимами только в устной речи. Они называются омофонами: *пруд — прут, компания — кампания, поджег — поджог, чад — Чад* (государство в Африке), *бал — балл, развиваться — развеваться, исступленный* «неистовый» — *иступленный* «затупленный», *умолять — умалять.* В противовес им есть слова с разным значением, разным произношением, но одинаковым написанием. Они являются письменными омонимами и называются омографами: *орга́н — о́рган, вре́менные — временны́е, попа́дать — попада́ть, жа́ркое — жарко́е, отзыв — о́тзыв, клещи́ — кле́щи, осёл* (животное) — *осе́л* (опустился). От омографов следует отличать разноударяемые варианты од-

ного и того же слова, которые имеют не разное, а одно и то же или близкое значение: *мы́шление — мышле́ние, тво́рог — творо́г, де́вичья — деви́чья.*

Иногда бывает трудно определить, имеем ли мы дело с омонимами (двумя отдельными словами) или с одним словом в разных значениях, далеко отошедших друг от друга, иначе говоря — имеем ли мы дело с омонимией или полисемией. Так, словесная форма *кисть* имеет значения «конечная часть руки» и «гроздь». До определенного времени эти значения были значениями одного слова. Теперь же с равным успехом можно считать, что это два значения одного слова или, наоборот, два слова с соответствующими значениями. Такая же двойственность наблюдается с звуковыми комплексами *пешка* («шахматная фигура наименьшей значимости» и «незначительный человек»), *тарелки* («предметы посуды» и «музыкальный инструмент»). Это неясные, спорные случаи. Если мы будем настаивать, что между значениями есть нить связи, тогда будем считать, что здесь полисемия; если будем думать, что эта связь, по существу, порвалась, значения перестали тесно ассоциироваться, то придем к заключению, что налицо омонимия. Если же слова образованы от разных корней, пришли из разных языков, тогда они омонимы, и тут никакой неясности, никаких разных точек зрения быть не может.

Как появлялись и появляются омонимы в русском языке? Они появляются по разным причинам.

1. При заимствовании слова из другого языка оно может, будучи близко по форме к исконно русскому слову, совпасть с ним: *град* «вид осадков» и старославянское *град* «город»; слово *лук* «огородное растение», заимствованное из германских языков, совпало с исконным *лук* «оружие», *клуб* «увеселительное учреждение» (из английского языка) — с исконно русским *клуб* «рассеивающееся скопление дыма или пара».

2. При заимствовании и освоении сходных по форме слов из разных языков, напр.: *мат* «шахматный термин» (перс.) и *мат* «циновка» (голланд.).

3. При очень большом расхождении значений бывшего единого слова: *успевать* «находить время» и *успевать* «хорошо учиться».

4. При образовании слов от одного корня или омонимичных корней с помощью омонимичных аффиксов: *просмотреть* «бегло изучить» и *просмотреть* «прозевать», *за-*

сыпать «приходить в состояние сна» и *засыпать* «закрывать сыпанием», *покупать* «приобретать путем купли» и *покупать* «помыть».

5. При совпадении звукового состава двух слов в результате словообразования от неомонимичных корней: *отрезвиться* «перестать резвиться» и *отрезвиться* «стать трезвым», *строить* «сложить втрое» и *строить* «созидать».

Омонимия используется в речи, в частности в художественной литературе, для достижения тех или иных, обычно юмористических, экспрессивных целей. Ср., например, у В. Маяковского:

Я крикнул солнцу: «Погоди! Послушай, златолобо, чем так без дела заходить, ко мне на чай зашло бы!»

Сюда же относятся каламбуристические шутки: *Он еще молоденек, поэтому у него мало денег. На-ко, пей, кучер Нил, на копейку чернил. На «Здоровье»* (журнал), *читай на здоровье. Бар для бар* и т. п.

К омонимам очень близки паронимы. Это слова, имеющие различное значение, но очень близкие по звучанию и написанию: *отечество — отчество, подержать — поддержать, давешний — давнишний, ветеран — ветеринар, смешение — смещение.* Многие слова имеют паронимы, и, как можно видеть из примеров, они не всегда одного корня. Паронимы, как и омографы, следует отличать от вариантов одного слова, ср.: *оделить* и *обделить* (паронимы), но *отряхнуть* и *обтряхнуть, отереть* и *обтереть* (варианты слов с близким значением). Бывают слова — паронимы и антонимы в одно и то же время; *адресат — адресант, эмигрант — иммигрант, входить — выходить.*

Паронимы используются в речи для того, чтобы сделать ее более яркой. Ср., например, у И. Крылова: *Ты сер, а я, приятель, сед, и волчью вашу я давно натуру знаю...* В обычной речи мы можем встретить такие высказывания, построенные на столкновении паронимов, как *попытка найти попутку; Он пишет подозрительные письма* (вместо *поздравительные*) и т. п.

Паронимы таят в себе опасность их неправильного употребления в речи. Это может произойти прежде всего по причине принятия их говорящим за однокоренные синонимы. Например, наблюдаются случаи употребления слова *статист* «актер, выполняющий третьестепенную роль»

вместо слова *статистик* «специалист по статистике», *рекламация* в значении «реклама», *стоический* вместо *стойкий, давешний* вместо *давнишний.* Одно слово легко спутать с другим, сходно звучащим, даже неоднокорневым, что приводит к неприятным ошибкам, ляпсусам. Мы можем услышать от детей *Не знаете, как его отрочество?* (вместо *отчество*). *Писатель создал калорийные образы* (вместо *колоритные*). *От избушки остались одни розвальни* (вместо *развалины*). Для нерусского, изучающего русский язык и знающего его не в совершенстве, вероятность таких смешений еще более возрастает; например, возможны смешения слов и их значений: *вечер — ветер, крыша — крыса, увлечение — увеличение.* Чтобы избежать этого, требуется внимательность, постоянное пользование толковыми словарями, словарями иностранных слов, переводными (двуязычными) словарями.

§ 8. **Синонимия и синонимы.** Микросистемы, как уже говорилось, образуют и синонимические ряды, но они занимают своеобразное место в общей лексической системе русского языка. Их системные отношения между собой мало обеспечиваются свойством синонимичности их членов. Тем не менее через форму своих членов синонимические ряды имеют системно-структурные контакты между собой, так как эти члены часто входят в полисемантические слова. В такой же мере синонимические ряды связаны с стилистическими пластами, группами слов.

Важность изучения синонимических рядов определяется их многочисленностью в современном русском языке и разнообразными видами отношений между единицами — их членами.

С и н о н и м ы — это слова одного языка, близкие или одинаковые по значению и различные по форме, напр.: *кавалерия* и *конница, спесь* и *чванство, здесь* и *тут; сырой, влажный* и *мокрый; очень* и *весьма.* Многие слова имеют синонимы и, следовательно, сами выступают по отношению к ним синонимами.

Несколько синонимов образуют синонимический ряд, напр.: *воодушевление, одушевление, подъем, энтузиазм; сообщить, оповестить, уведомить, осведомить, информировать.* Один из членов каждого синонимического ряда является семантической доминантой: в нем заключается основное значение, общее для всех членов, лишенное побоч-

ных оттенков. Так, в приведенных примерах доминантами будут *воодушевление* и *сообщить*.

Члены синонимического ряда находятся в разных отношениях между собой. Обычно различают синонимы абсолютные, идеографические, стилистические.

Абсолютные, или полные, синонимы — это слова, полностью совпадающие по значению и употреблению, напр.: *языкознание* и *лингвистика, вратарь* и *голкипер, сторожить* и *стеречь, высокомерный* и *надменный*. Абсолютных синонимов очень мало. Говорят об абсолютной синонимии тогда, когда слова значат совершенно одно и то же и всегда взаимозаменяемы — в любое предложение один абсолютный синоним легко подставляется вместо другого, напр.: *стерег сено — сторожил сено, стерег волка — сторожил волка*.

Идеографические синонимы — слова, различающиеся оттенками денотативного значения, напр.: *светить* «излучать свет», *сиять* «излучать сильный ровный свет», *сверкать* «ярко и искристо излучать свет»; *серый* «цвет, получаемый от смешения черного с белым», *стальной* «светло-серый с серебристым оттенком», *свинцовый* «темно-серый, цвета свинца».

Стилистические синонимы — слова, близкие или одинаковые по денотативному значению, но употребляющиеся в разных стилях, имеющие различную эмоционально-стилевую окраску. Так, стилистическими синонимами являются *есть, кушать, уписывать, уплетать*. Все они означают «принимать пищу», но мы их не употребляем беспорядочно, какое первым попало на язык, а делаем выбор, сообразуясь с обстановкой, с целью нашего высказывания. Глагол *есть* можно употребить, по существу, в любой речевой обстановке. При вежливом приглашении к еде употребляем слово *кушать (Кушайте, пожалуйста)*. В непринужденной речи для выражения оттенка неодобрительности используем слова *уплетать, уписывать*.

Как правило, русские синонимы — слова разного корня, но есть немало и однокорневых синонимов, напр.: *комичный* и *комический, старческий* и *стариковский, тишина* и *тишь, скопидомствовать* и *скопидомничать*. Они обычно отличаются денотативным оттенком, реже — коннотативным.

Так как большинство слов русского языка полисемантично, то в каждом своем значении слово обычно имеет разные синонимы. Например, к слову *общественный* в зна-

чении «связанный с обществом, с отношениями людей в обществе» синонимом будет слово *социальный*, а в значении «принадлежащий всем, предназначенный для всех, многих» синонимами будут *коллективный, общий*. Слово *высокий* в одном значении входит в синонимический ряд *длинный, долговязый, большой* (о росте: *высокий человек*), в другом значении — в синонимический ряд *возвышенный, благородный (высокие помыслы)*. Глагол *стать* в одном случае синонимичен слову *остановиться (Машина стала (остановилась)*, в другом — *сделаться (Сережа стал (сделался) взрослым)*.

§ 9. Характерная структура синонимического ряда в русском языке. Этимологические (культурно-хронологические) типы синонимов. Синонимические ряды складываются из абсолютных, идеографических и стилистических синонимов. С точки зрения типологии членов синонимического ряда и синонимов вообще, а также с точки зрения практического их усвоения наиболее важно их стилистическое деление.

Анализ многих синонимических рядов позволяет установить четкую регулярность в их наполнении: члены каждого ряда, неоднородные «по горизонтали», вступают в однородные связи «по вертикали». Прежде всего, в огромном количестве синонимических рядов (по существу — в большинстве) выделяются члены трех стилистических пластов: нейтральный синоним, синоним книжного характера, синоним разговорно-сниженного характера:

нейтральные	книжного характера	преимущественно разговорные
красивый	*прекрасный*	*прелестный*
неизвестный	*неведомый*	*безвестный*
работа	*должность*	*место*
девушка	*дева*	*девица*
бояться	*трепетать*	*дрожать*
лошадь	*конь*	*кляча*
найти	*обрести*	*отыскать*
бросать	*метать*	*швырять*
молчать	*безмолвствовать*	*помалкивать*
отец	*родитель*	*папа*
пища	*яство*	*снедь*
плакать	*рыдать*	*реветь*
иностранный	*зарубежный*	*заморский*

подробность	*частность*	*мелочь*
притворяться	*симулировать*	*прикидываться*
начать	*приступать*	*приняться*

Разумеется, во втором и третьем делении для определенного числа синонимических рядов может быть более дробное подразделение единиц на стилистической основе, ср.: книжные: *есть, вкушать* (высок.), *принимать* (спец.) *(принимать пищу);* разговорные: *жрать* (неодобр., груб.), *заправляться* (шутл.), *давиться* (неодобр., но не груб.), *закусывать* (разг., неэмоцион.).

Набирается немало синонимических рядов, в которых отсутствуют члены второго или третьего стилистического типа, но это является исключением из общего правила:

памятник	*монумент*	—
правда	*истина*	—
слушать	*внимать*	—
ненастье	—	*непогода*
оправдать	—	*обелить*

Напротив того, нередко наблюдаются стилистические дублеты (являющиеся по отношению друг к другу идеографическими или полными синонимами). Это может быть одновременно с нехваткой стилистически оппозиционного члена:

высокий «рослый»	—	*рослый* *длинный* *долговязый*
возражать	*протестовать* *оспаривать*	*перечить* *противоречить*
ударить	*поразить*	*стукнуть* *треснуть* *огреть* *трахнуть* *двинуть*
вид «местность, видимая глазом»	*панорама* *пейзаж* *картина*	—
поэт	*певец* *бард*	*стихоплет* *рифмоплет*

В некоторых синонимических рядах между членами нет стилистических различий, есть только идеографические

различия: *мокрый, влажный, сырой; метель, вьюга, буран, пурга.*

Как и семантическая структура многозначного слова, синонимический ряд не возникает сразу во всем своем составе: один его член является первоначальным, остальные — вторичными, более поздними. Синонимические ряды современного русского языка образовывались постепенно, в течение веков, увеличиваясь с пополнением всего словарного состава языка. Количество синонимических рядов также росло на протяжении веков. Как в количестве синонимических рядов, так и в их составе, наполнении отражаются основные процессы, происходившее в русской лексике. Имея это в виду, можно выделить определенные этимологические (культурно-хронологические) типы русских синонимов.

Первоначальным, самым ранним членом синонимического ряда нередко бывает исконное общеславянское слово: *тоска — уныние, хандра, меланхолия, ипохондрия, сплин; груда — ворох, кипа, куча; орать — вопить, кричать, рявкать.* Мы привели члены этих рядов в хронологическом порядке — в соответствии с очередностью их появления в русском языке. Хронологический взгляд на синонимический ряд может заметно отличаться от его синхронного понимания. Ср., например, в словаре синонимов: *глаза* (доминанта), *очи, зеницы, зенки* — и в хронологическом порядке: *очи, зеницы, зенки, глаза;* соответственно: *красный, алый, багряный, пурпурный* и *червленый, червонный, алый, багряный, красный, пурпурный.* Первоначальный член может архаизироваться или совсем выпасть из живого употребления (ср. в последнем примере слово *червленый*).

В древнерусскую эпоху и позднее многие синонимические ряды образовывались или расширялись за счет старославянизмов, ср.: *судно — лодка, ладья...; открывать — отверзать...; тратить — расточать...; рука — длань...; жадный — алчный...*

Во многих синонимических рядах выделяются более поздние члены — заимствования из западноевропейских языков: *простой — элементарный, путешественник — турист, любимец — фаворит, поединок — дуэль, притворяться — симулировать, обычай — традиция, смешной — курьезный, гость — визитер.*

Восточные заимствования также влились в часть синонимических рядов: *дворец — чертог, мгла — туман, конь — лошадь.*

Некоторые неисконные синонимы находятся между собой в отношении непрямого (словообразовательная калька)/прямого заимствования: *передник — фартук, объект — предмет, положение — тезис, положение — позиция, предположение — гипотеза, народ — нация, собрание — коллекция, расстояние — дистанция* и т. п. В одних случаях прямое заимствование предшествовало непрямому *(объект — предмет)*, в других — наоборот *(передник — фартук)*.

Синонимические ряды росли, конечно, не только за счет заимствований, но и за счет внутреннего словопроизводства.

Немало вторичных синонимов появилось в результате развития у слов производных значений: *угощать — предлагать, тревожить — волновать; дом — строение, здание; уничтожить — ликвидировать, суд — процесс, любовь — расположение* и т. п. Прослеживается образование множества синонимов — слов в производном значении, развивших его по одной и той же модели: *много — бездна, пропасть, туча, море, лавина, гора (бездна, лавина лжи; море улыбок); ругать — песочить, распекать, шерстить, чесать, снимать стружку.*

Характерны для русского языка позднейшие однопрефиксальные производные синонимы, возникшие по аналогии с одноприставочным мотивирующим словом-синонимом или по семантической аналогии, т. е. под влиянием семантики мотивирующего синонима: *Проглядеть — пропустить, прозевать, проморгать, проворонить; обмануть — одурачить, объегорить, околпачить, обжулить.*

В синонимических рядах не так редко наблюдаются два или три члена — однокорневых синонима. Однокорневая синонимия обычно базируется на идентичности значения корня, а также на синонимии аффиксов. Она может появляться вследствие семантического перерождения суффиксов (ср.: *дева — девушка, девица*), безаффиксного образования от разных мотивирующих однокорневых основ *(сушь — засуха)*, сближения различных отглагольных производных *(дар — подарок, подарение)*, сближения образований с синонимичными приставками *(беспрерывный — непрерывный)*, сближения исконного и старославянского однокорневых слов *(дар — подаренье, даяние;*

вылить — излить, воспрещать — запрещать, встать утром — восстать ото сна).

Типично, когда одни однокорневые пары являются синонимами, а другие, казалось бы аналогичные, не могут ими считаться, так как имеют неблизкое значение, ср.: *трагичный* и *трагический* — синонимы *(трагичное, трагическое происшествие); экономичный* и *экономический* — не синонимы *(экономичное производство, экономические расчеты); апельсинный* и *апельсиновый, однокоренной* и *однокорневой* — синонимы, но *вольный* и *волевой, вечный* и *вековой* — не синонимы. Нередко это зависит от того, что в синонимичных парах корень слова выступает в одном и том же значении, а в несинонимичных — в разных своих значениях, ср.: *вольный* «свободный» (от *воля* «свобода») и *волевой* «с сильной волей» (от *воля* «сильное внутреннее стремление»).

Многие синонимические ряды находятся между собой в отношении мотивированности/производности, ср.: *хитрый, лукавый, коварный* и *хитрость, лукавство, коварность; вежливый, учтивый, любезный, деликатный, корректный, обходительный* и *вежливость, учтивость, любезность, деликатность, корректность, обходительность; желать, хотеть, жаждать, стремиться* и *желание, хотение, жажда, стремление.* Но далеко не всегда синонимический ряд, состоящий из аффиксальных дериватов, образуется напрямую от синонимического ряда с однокорневыми мотивирующими словами, ср.: *утонченный, изысканный, изощренный, рафинированный; умышленный, намеренный, преднамеренный; взгляд, воззрение, убеждение, мнение* (мотивирующих рядов нет). Нередко бывает количественное неравенство членов мотивирующего и производного синонимических рядов, неполное совпадение соотносительных однокорневых членов, ср.:

бедный — нищий — неимущий и
бедность — нищета;
полный — тучный — дородный — грузный — толстый — жирный и
полнота — тучность — дородность;
хитрый — лукавый — коварный и
хитрить — лукавить;
красный — багровый — пурпурный — малиновый — алый и
краснеть — алеть;
удивить — поразить — изумить и

удивительный — поразительный — изумительный — невиданный — неслыханный

В некоторых случаях производные синонимические ряды вообще отсутствуют, ср.: *часть, доля, порция, пай, доза, частица; бросать, кидать, метать, швырять* и *бросок (кидок? швырок?); начать, приступить, приняться, взяться* и *начало (приступ?).*

§ 10. Функционирование синонимов в речи. Знание синонимов, структуры и состава синонимических рядов предопределяет умение правильно использовать синонимы в речи.

Прежде всего, не следует смешивать идеографические синонимы, уяснив, какими смысловыми оттенками они различаются, когда уместно одно слово и неуместен его синоним. Нельзя, например, говорить вместо *люблю мясо* — «уважаю мясо», вместо *В техникуме он получил специальность кондитера* — «получил профессию кондитера», вместо *«сжарил яичницу»* — «соорудил яичницу», вместо *Эти два человека не подходят друг к другу* — «Эти два человека не монтируются друг с другом» и т. п.

Нельзя употреблять в речи понятийно равнозначные, но относящиеся к другому стилю слова, например: в обычном разговоре — *загнуться* вместо *умереть*, вышестоящему лицу — *Шагайте дальше* вместо *Идите дальше*, в неофициальной телеграмме — *Убедительно прошу выслать книгу* вместо *Очень прошу...* и т. п. Для этого нужно хорошо знать стилистическое деление синонимических рядов, научиться воспринимать каждое слово с учетом места в соответствующем синонимическом ряду, помнить стилистические сочлены в нем, соотнося стилистические качества каждого из них с возникшей речевой ситуацией.

Синонимы в устах хорошо владеющего речью — это средство избежать однообразия, повторов. Они дают возможность сделать речь ярче и устранить тавтологию. Возьмем, например, такой отрывок: *На выставке представлены в основном картины молодых художников. Представлено несколько картин и уже известных художников.* Это образец плохой, тавтологической речи. Воспользуемся синонимами, и обе мысли будут выражены и точнее, и ярче: *На выставке представлены в основном картины молодых, начинающих художников. Показано несколько полотен и уже известных, опытных мастеров.*

Синонимы используют в целях создания стилистической фигуры, которая называется градацией. Этот прием заключается в том, что сила высказывания постепенно наращивается, растет от слова к слову: *Нужно докончить, завершить, выполнить эту работу. Ваши советы для меня неприемлемы, неприятны, противны. Алчная я, жадная, до всего завистная* (А. Островский).

Обозначая одно и то же явление действительности, синонимы иногда используются, по существу, как контекстуальные антонимы. Ср., например, у М. Горького: *Слобожане, встречая на улице гроб, останавливались и, крестясь, говорили друг другу: «Чай, Пелагея-то рада-радешенька, что помер он...» Некоторые поправляли: «Не помер, а издох»;* у А. Фадеева: *А у Ули глаза были большие, темно-карие,— не глаза, а очи;* у А. Чехова: *Он не ел, а вкушал;* у А. Блока: *Он подошел... он жмет ей руку... смотрят его гляделки в ясные глаза.*

В стихотворной речи синонимы, их близкое друг от друга расположение могут быть вызваны также и версификационными целями, т. е. могут использоваться в соответствии с требованиями ритма и рифмы:

Домов затемненных громады
В зловещем подобии сна.
В железных ночах Ленинграда
Осадной поры тишина.
Но тишь разрывается боем —
Сирены зовут на посты.

(Тихонов)

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям.

(Баратынский)

§ 11. Антонимы и антонимия. Многочисленные микросистемы русского языка составляют антонимы — слова, объединяющиеся в микросистему по осознаваемой людьми общности и противоположности их значений. Однако системные антонимические отношения свойственны не только антонимическим парам и антонимическим рядам (таким, как *день — ночь, плохой — средний — хороший*), но и целым разветвленным образованиям в пределах те-

матической группы (ср. соотношения слов *замужняя — женатый, холостая — холостой, разведенный — разведенная*).

Антонимические образования могут составлять две коррелирующие линии:

отец сын брат дед дядя;
мать дочь сестра бабушка тетя;

бык баран кот козел боров
корова овца кошка коза свинья

энергичный активный трудолюбивый;
вялый пассивный ленивый;

волевой упрямый
безвольный сговорчивый

Как видим, такие корреляции по определенным антонимирующим признакам могут затрагивать ряд тематических групп.

Антонимы — это слова, противоположные по значению. Они обозначают понятия, которые в нашем сознании так или иначе противостоят друг другу, напр.: *минимальный — максимальный, дешево — дорого, преемник — предшественник, новосел — старожил, встречаться — расставаться.*

Одним из существенных признаков антонимов является признак противоположности понятий, но он обычно сочетается и с признаком их общности, единства, ср.: *горький — сладкий* (слова противоположны по обозначаемому ими вкусовому впечатлению, но не по обозначаемому способу восприятия); *обуться — разуться* (полярность по результату и направленности действия, но не по характеру самого действия) и т. д.

То, что понятия часто считаются противоположными лишь в своей определенной части, частично, а не полностью, подтверждается известными языковыми фактами, когда одно слово в определенном значении антонимически коррелирует с разными, семантически далекими друг от друга словами, т. е. антонимия всякий раз обеспечивается компонентами значения, а не всем значением, ср.: *жениться — выйти замуж, жениться — развестись, жениться — женить.* Более того, антонимы, как правило, вообще могут осознаваться таковыми, если у слов-понятий есть какая-то общая семантическая платформа.

В современном русском языке наблюдается самая различная антонимическая оппозиция: относительно временная *(вчера — завтра, полдень — полночь)*; относительно пространственная *(север — юг, центр — периферия)*; в моменте сенсибельности *(горячий — холодный, громкий — тихий)*; по эмотивному компоненту понятия *(радость — горе, смеяться — плакать)*; относительно нравственная *(благородство — низость, щедрость — алчность)*; половая *(мужчина — женщина)*; стилевая *(яство — жратва)*; в символическом компоненте значения *(зеленый — красный* (о светофоре), *хлопать — свистеть)*; по отсутствию/наличию семантического компонента каузативности *(течь — лить, привыкать — приучать)*.

Антонимы есть у многих, но далеко не у всех слов. Так, нет антонимов у числительных *(двадцать, четверо)*, у союзов *(если, но)*. Обычно находим антонимы к существительным, прилагательным, глаголам. Но и у слов этих категорий часто не бывает антонимов, например у слов *шкаф, дорога, петля, кукурузный, деревянный, обернуться, кувыркаться.* Есть антонимы у многих предлогов, ср.: *надо мной — подо мной, к реке — от реки.*

Полисемантические слова могут иметь антонимы только к одному из своих значений, а к другим не иметь. Например, слово *счастливый* в значении «полный счастья» имеет антоним *несчастный,* а в значении «благоприятный» *(Счастливый случай привел нас сюда)* не имеет антонима; слово *бедный* имеет антоним *богатый* к значению «неимущий», но не имеет к значению «несчастный». Слово может иметь разные антонимы к разным значениям, ср.: *легкий — тяжелый* (о чемодане) и *легкий — трудный* (о тексте).

Антонимы употребляются в художественной литературе и в устной речи в стилистических целях, для создания антитезы. Особенным мастером и любителем сталкивать антонимы был М. Лермонтов. В его творчестве таких примеров необычайно много: *В глазах, как на небе, с в е т л о, в душе ее т е м н о, как в море. Мне г р у с т н о, потому что в е с е л о тебе.* При подобной антитезе достигается выразительность за счет подчеркивания смыслового размежевания двух соседних мыслей.

Писатели охотно составляют из антонимов заголовки своих произведений: «Война и мир» (роман Л. Толстого), «Толстый и тонкий» (рассказ А. Чехова) и т. п.

Очень часты в силу отмеченной яркой выразительности антонимические пары во фразеологических оборотах, в том

числе в пословицах и поговорках: *черным по белому, ни дать ни взять, и стар и млад* и т. д.

§ 12. Лексическая система и коннотация. Деление лексики с точки зрения эмоционально-стилевого значения слов. При построении системы русской лексики принималось во внимание в основном денотативное значение слов. Слова же обладают не только денотацией, но и коннотацией. Коннотация слов должна обязательно отражаться при описании, фиксировании в системе их денотативного значения как подчиненный ему, хотя и достаточно автономный, семантический «довесок».

Насколько коннотация связана с денотативным значением слов закономерными соотношениями, насколько коннотативные группы и группировки слов вливаются в классификацию слов по денотации — это большая проблема, которую предстоит решать в будущем. Мы лишь попытаемся описать некоторые из таких регулярных соотношений.

Однокорневые слова (исключая дериваты с суффиксом субъективной оценки) иногда целиком, иногда в значительной своей части объединяются одной коннотацией. Ср., например, общую коннотацию возвышенности, торжественности у слов *герой, героиня, героический, героизм;* разговорно-неодобрительную окраску слов *нахал, нахальный, нахальство; подхалим, подхалимаж, подхалимский, подхалимствовать, подхалимничать;* отрицательную, разговорно-неодобрительную коннотацию в словах *брюхо, толстобрюхий* и нейтральные в эмоционально-стилевом отношении однокорневые *брюшной (брюшной пресс, брюшной тиф), грудобрюшный (грудобрюшная преграда);* нейтральные *водить, отводить, проводить* и разговорно-презрительное *выпроводить;* возвышенное *град* и нейтральное *Калининград.* Все же можно сказать, что, как правило, корень слова задает коннотацию почти всем однокорневым дериватам, образованным при помощи нейтральных аффиксов.

Если к основе существительного или прилагательного присоединяется суффикс субъективной оценки, то коннотацию слову задает уже он: *рука,* но *ручка, ручонка; друг,* но *дружок; тонкий,* но *тоненький; здоровый,* но *здоровенный; ум,* но *умище, умишко; сила,* но *силища.* Суффиксы субъективной оценки *(-к-, -ок, -очк-, -иш-, -онк-, -еньк-, -оньк-* и др.) являются специализированными средствами выражения эмоционально-стилевого значения (главным обра-

зом в сфере разговорной речи), и в русском языке их количество, частотность в речи, присоединяемость к основам слов для придания необходимой окраски очень высоки по сравнению со многими другими языками. (Суффиксы субъективной оценки подробно описываются ниже.)

Слова одной тематической группы или подразряда могут иметь одну и ту же определенную коннотацию, а семантически производные от них слова другой тематической группы или подразряда — одинаковую, но другую коннотацию. Например, слова тематической группы «домашние животные» (*собака, осел, баран, свинья, кошка, корова* и др.), имеющие нейтральную коннотацию, развивая новое денотативное значение и становясь словами другой тематической группы — «человек с нравственным недостатком» (ср.: *свинья* «подлый человек», *баран* «упрямый человек» и т. д.), приобретают другую одинаковую коннотацию, а именно — вульгарно-разговорную, гневно-презрительную. Ср. также: *пилить, точить, продернуть, чесать, проработать, шерстить, отбрить* (при обозначении производственных действий эти комплексы звуков имеют нейтральную коннотацию, а при обозначении «ругательного» действия — разговорную неодобрительно-шутливую окраску).

Полисемантические слова имеют в основном одну коннотацию, но это обычно не выдерживается до конца, ср.: *поле* «безлесная равнина», *поле* «обрабатываемая под посев земля», *поле* «чистый край листа», но в то же время *поле* «поприще» *(обширное поле деятельности)* — коннотация некоторой торжественности и книжности. Разные значения полисемантического слова в очень многих случаях сочетаются с различной по характеру коннотацией. Слово *приспособиться* «освоиться» имеет нейтральную коннотацию, а *приспособиться* «научиться извлекать для себя выгоду из какой-то ситуации»— разговорную неодобрительную *(Работает он в столовой, уже приспособился)*; слова *потолок* «верхнее внутреннее покрытие помещения» и *потолок* «предельная высота полета летательного аппарата» имеют нейтральную коннотацию, а *потолок* «предельное, но не столь высокое достижение, возможности кого-либо» — разговорную презрительно-ироническую *(Кончил школу — и то хорошо. Это для него потолок)* и т. д.

В пределах синонимических рядов наблюдается обычно коннотационная разнородность: *идти, шествовать, телепаться; девушка, дева, дéвица, девúца* и т. п. Как уже

было сказано (см. § 8), такие синонимы называют стилистическими. Антонимические пары понимаются как коннотационно идентичные: *хорошо — плохо, утро — вечер, город — село* (но *грады и веси*).

Интересны данные распределения окрашенных слов по различным тематическим группам.

В группе «термины родства», кроме нейтральных слов, обнаруживаются многочисленные положительно окрашенные деминутивы почти от всех них: *мать — мама, мамочка; брат — братик, братишка; дед — дедушка, дедуля* и т. п. Для слова *отец* ласкательно окрашенными словами являются *папа, папочка, батя* (устар.), *батюшка* (устар.). Отрицательно окрашенных слов, по существу, нет. Слово *бабка,* в настоящее время имеющее грубовато-невежливый оттенок, когда-то было ласкательным образованием от *баба* (ср., например, просторечное *дедка*, в сказке «Репка»: *...бабка за дедку, дедка за репку;* общеупотребительные *дочка* от *дочь, внучка* от *внука*). Отсутствие пейоративных (содержащих отрицательную оценку) слов в этой тематической группе можно объяснить, вероятно, тем, что понятия кровного родства для людей были дорогими, священными, с этими понятиями (не с конкретными людьми) связывались только положительные оценки (ср. далеко не столь обильные положительные деминутивы от терминов свойства: *свекровь — свекровушка, зять — зятек, невестка — невестушка, теща, свояк, свояченица, деверь.*

В группе «домашние животные» картина несколько другая: все нейтральные слова имеют ласкательные дериваты (*собачка, собачуга, котик, кошечка, лошадка, лошадушка, коровка, коровушка, свинка, овечка, козочка, козлик* и др.), а некоторые — отрицательные соответствия (*котище, кляча, собачонка, лошаденка*).

Слова соматической лексики, как правило, имеют положительно окрашенные синонимические пары к нейтральным членам (*палец — пальчик, колено — коленочка, голова — головка, нога — ножка*) и довольно часто — пейоративные соответствия: *лицо — морда, глаза — зенки, буркалы; волосы — космы, патлы; живот — брюхо, пузо; ноги — костыли; руки — грабли, лапы; голова — башка, кожа — шкура.* То же самое наблюдаем в тематической группе «одежда»: *брюки — брючки, портки; пиджак — пиджачок, пиджачишко; рубашка — рубашечка, рубашонка; шапка — шапочка, шапчонка.* Пейоративные слова отсутствуют к словам *носки, чулки, майка, платок;* к слову *одеж-*

да нет ласкательного деминутива, хотя есть пейоративы *одежка* и *одежонка*. Отрицательную окраску имеют слова *хламида* и *рубище*, положительную — *наряд, одеяние, туалет (в изысканном туалете)*. Названия одежды и частей тела слишком часто употребляются в разговорах о конкретных лицах и представляют собой специализированные языковые средства для выражения отношения к личности, испытываемых — постоянно или в минуту разговора — чувств к человеку. Например, в случае *Надень пиджачок* нежные чувства выражаются не к пиджачку, а к его носителю; *Расставил свои костыли!* — раздражение выражается не по отношению к ногам (они, скорее всего, нормальны), а по отношению ко всему человеку, его поведению, характеру и т. д.

В тематической группе «профессии», напротив, обнаруживается нехватка единиц с положительной окраской: *зодчий, хлебороб, мыслитель* (о профессиональном философе), *инженер человеческих душ* (о писателе), *воин, ученый*. Зато нейтральные слова весьма охотно, без труда принимают пейоративные суффиксы: *слесаришко, музыкантишко, агрономишко, писателишко, певичка*. Есть и специальные унизительные слова: *политикан, коновал* (о враче), *костоправ* (о хирурге), *маляр* (о художнике), *стихоплет, подметало*.

Обозначения пищевых продуктов, блюд также характеризуются несбалансированностью ласкательных и уничижительных слов в пользу первых. Ср., с одной стороны, *мясцо, рыбка, молочко, хлебушко, водичка, чаек, сырок* и т. п., а также *яство*, с другой — *бурда, месиво, хлебово, крошево, похлебка*. Пренебрежительные или другие отрицательно окрашенные образования, подобно *молочишко, винище*, нетипичны.

По существу, нет пейоративных слов среди обозначений явлений природы, периодов и единиц времени. Это понятно: люди в прошлом из анимистического страха не хотели гневить силы природы. Мы находим здесь много ласкательных деминутивов: *дождик, снежок, погодушка, неделька, вечерок, ноченька, тучка, ветерок;* реже — формы, выражающие почтительное удивление: *ветрище, дождина*. В ряде случаев подобные образования отсутствуют: *небо, гроза, буря, гром, пурга, молния, радуга*. Положительной окраской приподнятости, поэтичности характеризуются слова *заря, месяц* «луна», *заутра, вечор*.

Различные тематические группы, обозначающие действия и состояния людей, имеют в своем составе достаточное количество слов как с положительной, так и с отрицательной окраской; ср.: *трудиться, служить, занимать пост* (положительная окраска) и *халтурить, волынить, копаться, возиться, навалять, накатать, корпеть* (отрицательная окраска) (о процессах труда); *спать, почивать, дрыхнуть; идти, шествовать, телепаться; прибежать, примчаться, прискакать; сидеть, восседать, развалиться* (о бытовых действиях).

Если классифицировать русские слова только по их коннотации, то мы получим прежде всего общие группировки:

1. Эмоционально положительные слова: *водрузить, старец, гений, рачительный.*

2. Эмоционально отрицательные слова: *рохля, юнец, гад* и т. п.; в том числе с ироническим содержанием: *попросить* «уволить».

3. Слова с гибридным (положительно-отрицательным) эмоциональным содержанием: *плутишка* (неодобрительное с оттенком ласкательности), *благоверный* (ироническое с оттенком торжественности), *дока* (уважительное с оттенком шутливости).

4. Неэмоциональные слова: *газета, машина, делать.*

Поскольку это слишком общие указания эмоционального содержания слов и поскольку последнее характеризуется связанностью со стилевым значением, отмеченные группировки, в свою очередь, делятся на группы (объединения), в зависимости от выражения той или иной конкретной эмоции и от стилевого предписательного значения (предписания, в каких условиях речи следует употреблять слово с определенным эмоциональным содержанием).

Среди эмоционально положительных слов выделяются:

1. Слова с оттенком уважительности, употребляющиеся в условиях торжественной речи, с установкой на прославление объекта речи: *беззаветный, соратник, водрузить, воин, зодчий, незабвенный, благо, претворять, созидание, свершение, грядущее, поистине, величавый, эпохальный, необъятный, предначертание, апофеоз* и др. В эту группу входит много старославянизмов, отчасти — заимствования из западноевропейских языков.

2. Слова возвышенно-поэтические: *творенье, мимолетный, призрачный, небосвод, небосклон, чары, безбрежный, прекрасный, лазурный, лучезарный, чудный, чело,*

средь (*Средь шумного бала* (А. К. Толстой), *небесный* «возвышенно-прекрасный» (*...твои небесные черты* (Пушкин), *ланиты, перси.*

3. Слова ласкательные общеразговорные: *старичок, икорка, водица, лодочка, садочек, сынок, сыночек, глазки, старенький, худенький, денежки.* Это в основном исконные деминутивы.

4. Слова ласкательные разговорно-интимные: *сынуленька, дочурка, девонька, малюсенький, мамуленька, баюшки, спатеньки.* Как правило, они употребляются в разговоре между детьми и их родителями, ближайшими домочадцами.

5. Слова ласкательные с оттенком фольклорности и простонародности: *батюшка, матушка, сторонушка, зазноба, пригожий, мóлодец, дитятко, горемычный, головушка, спинушка, коровушка.*

6. Слова разговорные с оттенком восторженности, удивления: *умище, голосище, рыбина, большущий, здоровенный, давать* «делать что-либо успешно или необычно» (иногда с оттенком иронии) *(Ну ты даешь!), класс (показать класс), сногсшибательный.*

7. Слова с оттенком почтительности: *старец, седовласый, благодетель, кормилец, изволить (Барин изволил согласиться), соблаговолить (соблаговолите выслушать), владыка, господин, госпожа, государь, сударь, ваше благородие, их сиятельство.* Многие из этих слов и сами по себе, и с данной их окраской архаизировались. Мы, однако, встречаем их в таком употреблении в произведениях русской классической литературы. Слова *изволить* и *соблаговолить* в настоящее время обычно употребляются с ироническим оттенком: *изволил наконец ответить, соблаговолите подписать.*

8. Слова с оттенком экзальтации: *всевышний, всемогущий, отче, святой, святыня, священный, алтарь, небеса* «бог». Эти слова употреблялись в речи набожных людей, а также в поэзии. В настоящее время слова *святой, святыня, священный* переосмыслились и принадлежат к возвышенно-публицистической лексике: *Идет война народная, священная война* (Лебедев-Кумач); *свято чтить память героев.*

9. Слова разговорно-молодежные с оттенком одобрения или восхищения: *сила* «хороший», *железно, дружок, молоток* «молодец», *закачаешься, обалденный, балдеть* «наслаждаться».

Среди эмоционально отрицательных слов можно выделить:

1. Слова с неодобрительным оттенком или презрительные публицистические: *домыслы, фарс, профанация, сателлит, лакей, марионетка, происки, новоиспеченный, пресловутый, возня, шумиха.* Публицистика такие единицы отчасти накопила из разговорной речи, отчасти заимствовала их из западноевропейских языков. В этой группе выделяется пласт слов, выражающих неодобрение или презрение более утонченно: *вояж, инсинуация, некий, якобы, небезызвестный, безапелляционный, амбиция, претенциозный, так называемый, визитер, стяжать (стяжать сомнительную славу), подвизаться, вознамериться.*

2. Слова неодобрительные общеразговорные: *шнырять, простак, взбалмошный, ветреный, буян, буянить.*

3. Слова с оттенком возвышенного возмущения: *зловредный, лиходей, изверг, исчадие (исчадие ада), низменный, презренный, ирод, невежда, растленный, проклятие, злодеяние, богохульство, святотатство.* Это слова книжно-религиозного стиля, отчасти сохранившиеся в публицистике и разговорной речи.

4. Архаические слова с оттенком презрения, неодобрения, употреблявшиеся политическими реакционерами: *смутьян, бунт, бунтовщик, вольнодумство, крамола, чернь.*

5. Слова презрительные или с оттенком ненависти общеразговорные: *проходимец, пьяница, двоечник, хам, лодырь, обжора, ханжа, проныра, подхалим, дурак, наглый, нахал, кобениться, выпендриваться, халтура, солдатня, бахвалиться, юлить.*

6. Слова повышенно презрительные или с повышенным оттенком ненависти разговорно-вульгарные: *мерзавец, малохольный, жмот, мурло, шляпа* «нерасторопный человек», *осел* «глупец».

7. Слова с неодобрительным оттенком в неофициальном устном употреблении отдельных групп образованных людей: *фланировать, чревоугодничать, донжуан, ловелас, пассия, форс, паясничать, опус (сочинил новый опус), велеречивый, раболепный, прекраснодушие, старушенция, бабенция, церемония (предстоят всякие церемонии).* Слова *опус* и *церемония* в официальной и специальной речи употребляются без указанного оттенка.

8. Просторечные слова[1] с оттенком насмешки или презрения: *забуреть* «заважничать», *михрютка* «неуклюжий человек» и др.

Среди слов с гибридной эмоциональностью отметим:

1. Слова неодобрительно-ласкательные общеразговорные: *плутишка, шалунишка, дуреха, дурачок, безобразник.*

2. Слова, выражающие восхищение и одновременно неодобрение: *хитрюга, усач, бородач, разбойник* (о ребенке).

3. Слова иронические с оттенком торжественности: *благоверный* «муж, супруг», *половина* «жена» *(А где ваша половина?), барышня, трапеза.*

Неэмоциональные слова также подразделяются на группы с тем или иным стилевым значением, несмотря на то что имеют нулевое эмоциональное значение:

1. Слова неэмоциональные нейтральные в стилевом отношении (т. е. могущие употребляться в любом стиле): *зарплата, поезд, школа, дом, город, море, деньги, видеть, работать, хороший, двадцать* и т. п. Таких слов больше, чем слов всех других эмоционально-стилевых групп.

2. Слова неэмоциональные общеразговорные: *картошка, печка, селедка, получка, электричка, студентка.*

3. Слова неэмоциональные книжные (употребляются преимущественно в научных произведениях и официальных документах): *концепция, суррогат, превалировать.*

§ 13. Ядро и периферия лексической системы русского языка. Лексика современного русского языка состоит из громадного числа словесных единиц (нескольких сотен тысяч). Каждый носитель русского языка не может знать их все, но ему этого и не нужно. Есть такие совокупности слов, которые по своей природе должны быть известны лишь той или иной определенной части народа и лишь в небольшой мере — всему народу. Но есть такая часть словесных единиц, знание (и притом хорошее знание) которой совершенно обязательно для всех говорящих на русском языке. Эту часть лексики называют ядром лексики или иначе — основным словарным запасом,

---

[1] Просторечные слова — это или в прошлом диалектные слова, получившие общенародное распространение, или современная диалектная лексика, известная большей части русского населения. В обоих случаях просторечные слова употребляются в литературной речи ограниченно. Естественно, что среди просторечных слов есть и неэмоциональные: *вчерась, али* «или», *ворог, помереть* и т. п.

лексической основой, а ту часть лексики, которая факультативна с точки зрения ее знания всеми,—лексической периферией[1].

Основной словарный запас состоит прежде всего из слов первой необходимости при любых условиях вербального общения, без этих слов невозможно построить какую бы то ни было русскую речь, даже сугубо специального назначения. К таким единицам принадлежат, например, *день, ночь, ветер, земля, дом, небо, школа, видеть, слышать, делать, любить, верить, старый, новый, деревянный, тысяча, миллион* с их наиболее известными значениями. Это межстилевые слова, не имеющие эмоционального содержания. По правилам стилистики их можно включать в любую речь, с любой стилевой установкой (наряду со специальными словами данного стиля). Они обозначают понятия самых различных сфер.

Однако в основной словарный запас входят на равных правах и многие эмоционально окрашенные слова, принадлежащие к разным стилям, такие, например, как *ругня, дурак, разгильдяй, детишки, яблочко, колбаска, оплот, могучий* и т. д. Эмоциональная окраска и стилевая узость многих слов вовсе не влияют на их общеизвестность и частоту употребления, так как большинство носителей языка по мере необходимости часто используют самые разные стили, где должны быть соответствующие слова, и столь же часто воспринимают речь самых разных стилей.

В лексическое ядро современного русского языка слова объединяются не по признаку их денотации или коннотации, а по признаку общеизвестности, высокой частоты употребления всеми, привычности их для всех носителей языка.

Вся лексическая периферия русского языка имеет ограниченную известность. Широкие слои населения ее знают мало, далеко не во всем объеме, к тому же нередко знают смутно.

Индивидуальное знание участка лексической периферии без хорошего знания основного словарного запаса — это, по существу, невладение современным русским литературным языком. Так, нерусский специалист в области какой-либо науки, свободно читающий даже без словаря

---

[1] Аналогичные ядро и периферия имеются и в словообразовательной, и в грамматической системе русского языка.

русские книги по своей специальности, но не понимающий русской разговорной речи, не воспринимающий художественной литературы на русском языке, не может считаться владеющим русским языком (он знает лишь его несущественную, второстепенную часть). Именно поэтому при начальном обучении русскому языку главное внимание уделяется прежде всего основным словам.

Между ядром и периферией лексической системы постоянно происходит обмен: некоторые единицы основного запаса постепенно переходят в пассивный, некоторые периферийные единицы по разным причинам проникают в общенародные литературные слова, становятся хорошо известными всем и популярными.

При определенных условиях периферийные слова появляются в речи любых носителей русского языка, и такая речь предназначается нередко для самой широкой аудитории. Следовательно, наряду со знанием основных слов необходимо быть осведомленным и в области лексической периферии. Это нужно по разным причинам: для правильного и полного понимания текстов русской классической литературы, популярной и фундаментальной научной литературы, для понимания индивидуальных особенностей речи собеседника.

Изучение отдельных участков периферии представляет немалый теоретический интерес, так как уточняются системные отношения между всеми русскими словами, обнаруживаются новые данные, показывающие семантические процессы в лексике и их закономерности.

§ 14. Территориальные и социальные пласты русской периферийной лексики. Диалектизмы. Среди лексических пластов ограниченного употребления, являющихся лексическими фактами языка одной какой-либо группы людей, иногда весьма широкой, особое место принадлежит диалектизмам. Это слова, принадлежащие одному или нескольким диалектам русского общенационального языка.

Диалектизмы являются лексикой внелитературной, бытующей наряду с общерусскими словами на той или иной территории России. Ряд диалектизмов, однако, перешагивает через территориальные ограничения, становится известным многим представителям русской нации, наподобие того как всем известно несколько десятков слов различных иностранных языков (*гудбай, бонжур* и т. п.).

К таким диалектизмам, известным многим, хотя и смутно, пассивно, принадлежат, например, слова *кочет* «петух», *вечерять* «ужинать», *орать* «пахать», *бурак* «свекла» и т. п.

Среди диалектизмов выделяется несколько типов, единицы которых более или менее пассивно общеизвестны:

1. Лексические диалектизмы — особые словесные формы, не напоминающие или мало напоминающие слова основного словарного фонда литературного языка. К ним относятся приведенные слова *кочет, вечерять*.

2. Семантические диалектизмы (форма слова известна в литературном языке, но в диалекте с ней связано особое значение): *гладкий* «толстый» (о человеке), *неделя* «воскресенье».

3. Фонетические диалектизмы, имеющие характерные отклонения в звучании (есть соответствующие им литературные слова, но с другим звуком в корне): *павук* «паук», *голох* «голос», *страм* «срам».

4. Словообразовательные диалектизмы, имеющие несколько другой состав морфем: *присоветовать* (ср.: *посоветовать*), *тулово* (ср.: *туловище*), *упредить* (ср.: *предупредить*).

Многие из диалектизмов отражают далекое прошлое нашего языка и являются по происхождению общенародными словами, с течением времени сохранившимися лишь в отдельных территориальных ответвлениях русского национального языка. Такое сохранение старых, исконно русских слов или их прежних значений объясняется устойчивостью отдельных языковых явлений и специфическими особенностями их развития в народных говорах, напр.: *веред* «нарыв, болячка», *беремя* «охапка», *солодкий* «сладкий», *долонь* (ср.: *ладонь*) «гладкое место для тока», *борошно* «ржаная мука», *сором* «срам», *живот* «пожитки», *зобать* «есть» (производное — *забота*), *пахать* (в значении «махать», ср.: *опахало*), *жуда* «ужас, страх» (производное — *жуткий*), *скаря* «скряга» (ср. того же корня: *скаред*), *жерело* «горло, пасть» и т. д.

Все диалектизмы, как и соответствующие явления фонетического и грамматического характера, являются, как уже отмечалось, внелитературными, находящимися обычно за пределами общенациональной литературной речи.

Однако это не означает, что между двумя лексическими системами — общенародной и диалектной — не было и нет никаких точек соприкосновения. Многое из того, что

ранее в языке было диалектным, расширило сферу своего употребления, стало известным всему русскому народу, вошло в общенациональный литературный язык. Многое из того, что до сих пор остается ограниченным в своем употреблении в народных говорах, используется нередко в изобразительных целях в художественной литературе.

Процесс обогащения общенародного литературного словаря за счет отдельных групп диалектных слов особенно интенсивным был в период складывания общенационального русского языка, в значительно меньшей степени он проявлялся позднее и проявляется в настоящее время.

К словам, пришедшим в литературный язык из диалектов, относятся, напр.: *аляповатый, притулиться, чепуха, филин, пахать, хилый, нудный, улыбаться, очень, бирюк, прикорнуть, батрак, неуклюжий, мямлить, шумиха, подоплека* и т. д.

В связи с нормативностью литературного языка, в связи с необходимостью сохранить его чистоту и правильность особую важность приобретает вопрос о том, в какой степени и в каких стилях правомерно использование диалектных слов в системе современной литературной лексики. Ясно, что закрепление диалектных слов в общенародной лексике возможно в настоящее время лишь в двух случаях: 1) если в обиход всего народа входит тот или иной предмет, который был известен вначале в одной какой-либо области; 2) если диалектизм является хорошим экспрессивно-выразительным синонимом общелитературного слова.

Употребление диалектизмов в произведениях художественной и публицистической литературы возможно и вне этих условий, в качестве определенных стилистических средств, определенных характерологических фактов, позволяющих строить диалог, давать речевую характеристику героя, стилизовать речь и т. д. Использование диалектизмов вне определенных художественно-выразительных задач, а также во всех остальных стилях литературного языка является нарушением норм современной русской литературной речи.

Естественно, что в силу индивидуальной манеры письма, различных языковых вкусов, а также в зависимости от жанра литературы приемы и принципы использования диалектных слов могут варьироваться. Так, А. Пушкин, М. Лермонтов, А. Чехов, М. Горький чрезвычайно скупо и осторожно вводили в свои произведения диалектную

лексику. Напротив, очень свободно привлекали ее с определенными стилистическими целями Д. Григорович, В. Даль, И. Тургенев, Л. Толстой, М. Шолохов, Ф. Гладков.

Профессионализмы. Профессионализмы — это слова, являющиеся принадлежностью речи определенного говорящего коллектива, объединенного какой-либо производственной деятельностью, специальностью или профессией. В их состав входят словарные единицы, известные не всему русскому народу, а одной какой-либо профессиональной группе лиц (медицинским работникам, работникам полиграфии, юристам, морякам и т. д.).

Профессионализмы обозначают специальные понятия, орудия или продукты труда, трудовые процессы производства. Поэтому их называют иногда специальными словами или специальными терминами. Примеры профессионализмов: *скальпель* «небольшой хирургический нож, обычно с дугообразным лезвием, для операций, анатомирования», *шпон* «тонкая металлическая пластинка, не достигающая высоты шрифта, вставляемая между строками набора для увеличения расстояния между ними»; *шканцы* «часть верхней палубы военного корабля»; *алиби* «отсутствие обвиняемого на месте преступления в момент его совершения как доказательство его непричастности к преступлению», *мездра* «изнанка выделанной кожи» и т. д.

В качестве слов, являющихся профессиональными только по своей семантике, можно назвать слова: *мостик* «место на палубе, откуда командир командует кораблем»; *балда* «тяжелый молот для дробления камней и горных пород» (техн.); *шапка* «заголовок крупным шрифтом, общий для нескольких статей» (типогр.) и т. д.

Как и диалектизмы, профессионализмы составляют такой пласт слов в лексике общенационального языка, сфера употребления которых ограничена. Однако они серьезно отличаются от диалектизмов: 1) сфера их употребления ограничена не территориально, а социально; 2) они входят в состав лексики литературного языка.

Среди профессионализмов наблюдаются и узкоспециальные слова (напр.: *глинка* «высший сорт глины (каолин), употребляемый в ситцепечатании» (техн.), и слова более широкого употребления (напр.: *кортик* «холодное короткое колющее оружие у командного состава морского и воздушного флота»).

В ряде случаев сфера употребления тех или иных профессионализмов расширяется настолько, что они теряют свой особый характер употребления и превращаются в общенародные слова. Такое вхождение специальных терминов в общее употребление объясняется или широким распространением специального предмета и понятия, или метафорическим употреблением терминов для обозначения ранее не называемых ими предметов и явлений действительности.

В качестве специальных слов, ставших общенародными в силу широкого распространения предметов и понятий, ими обозначаемых, можно назвать, например, слова *комбайн, глобус, экран.* Они стали достоянием общенародного словаря после того, как в нашем сельском хозяйстве прочно вошла в жизнь уборка урожая при помощи комбайна, после того, как глобус стал необходимой принадлежностью при обучении географии, а кино стало одним из наиболее популярных видов искусства.

В качестве специальных слов, ставших общенародными в силу их метафорического употребления, можно указать, например, слова *аврал* (ср.: *Был объявлен аврал*) (первоначально морская команда «Все наверх!»), *брожение* (ср.: *брожение умов*) (первоначально биологический термин), *сфера* (ср.: *в высших сферах*) (первоначально математический термин), *стушеваться* (первоначально специальное слово чертежников, производное от слова *тушь*), *мягкотелый* (первоначально специальное слово садоводов — термин для определения спелости плодов).

Профессионализмы различаются по принадлежности к одному из двух стилевых пластов лексики. Будучи всегда неэмоциональными, они являются или официально-книжными (ср. медицинские термины: *инъекция, консилиум, сепсис, иммунный;* химические термины: *гидролиз, аминокислоты, коллоид*), или разговорными (ср. профессионализмы учителей: *хорошист, окно* «ничем не занятый промежуток между уроками»; типографских работников: *шапка* «общий заголовок», *коридор* «чистая вертикальная полоса внутри колонки набора»; зубных врачей: *восьмерка* «зуб мудрости»).

Профессионализмы употребляются обычно в устной речи представителей какой-либо профессии, специальности и в научно-технических произведениях. Возможны профессионализмы в публицистике и художественной литературе, однако там их употребление может быть оправ-

дано лишь как определенное стилистическое средство для изображения трудовой деятельности и производственной картины и в ряде случаев требует пояснений.

Арготизмы. Арготизмы — это более или менее обширные группы слов, которые, вместе с общенародными словами, употребляются представителями определенных слоев общества или с целью зашифровать свою речь и сделать ее непонятной для непосвященных (арготизмы воров, в прошлом — арготизмы коробейников, нищих), или с целью показать свою принадлежность к этому слою общества (арго студентов, школьников, части молодежи в целом). Все арготизмы имеют общеупотребительные синонимы.

В отличие от профессионализмов арготизмы появляются и существуют не из-за потребностей науки, производства или трудовой деятельности. По существу, они вообще не связаны с нравственными идеями общественного блага.

Использование арготизмов преступным миром (а ранее — нищими и коробейниками) служит для опознавания друг друга, для дачи сигналов об опасности, для маскировки, обмана и т. д. Студенты и школьники (разумеется, не все они употребляют арготическую лексику), создавая свои арготизмы и пуская их в ход, выражают ими свое относительное равнодушие к учебе, неуважение к старшим, пренебрежение к нравственным ценностям общества. Ввиду этого любые арготизмы никогда не приветствовались и всегда являлись нарушением литературной языковой нормы.

Примерами молодежного современного арго могут служить слова *хохма, шпора* «шпаргалка», *телик, предки* «родители», *отвали* «отойди», *не возникай* «не философствуй, не спорь», *несолидняк, джины* «джинсы» и т. п. Эти слова произносятся обычно с интонацией презрения или пренебрежения.

Воровскими арготизмами являются слова *пришить* «убить», *слимонить* «украсть», *ша!* «тихо!», *мура, хана, фрайер* «мелкий, неопытный вор» и др.

Арготическая лексика лишь в небольшой своей части устойчива, многие ее элементы быстро стареют и утрачиваются, заменяясь новыми.

§ 15. Исторические пласты русской лексической периферии. Устаревшие слова. Устаревшие слова (историзмы и архаизмы) — обширный участок русской лексической периферии.

Исчезновение из языка слов и отдельных их значений представляет собой сложное явление, совершающееся медленно и не сразу (да и не всегда) приводящее к выпадению слова из лексики языка вообще. Утрата слова или того или иного его значения — результат длительного процесса архаизации соответствующего языкового факта, когда он из явления активного словарного запаса первоначально делается достоянием пассивного словаря и лишь потом постепенно забывается и совершенно исчезает из языка.

В ряде случаев устаревшие слова впоследствии вновь возвращаются в активный запас лексики нашего языка. При этом, как правило, происходит и резкое изменение их значений (ср., например, значение таких слов, как *указ, солдат, министерство* и др.).

Устаревшие слова, в совокупности образующие устаревшую лексику русского языка, представляют собой сложную и многослойную систему. Причиной этого является их неоднородность и многообразие с точки зрения 1) степени их устарелости, 2) причин их архаизации и 3) возможности и характера их использования.

По степени устарелости выделяется в первую очередь группа слов, которые являются в настоящее время совершенно неизвестными рядовым носителям современного русского литературного языка и поэтому непонятны без соответствующих справок. К ним относятся:

1. Слова, исчезнувшие из языка и не встречающиеся в настоящее время даже в составе производных слов: *локы* «лужа», *просинец* «февраль», *стрый* «дядя по отцу».

2. Слова, не употребляющиеся в языке как отдельные слова, но встречающиеся в качестве корневых частей производных слов: *вервь* «веревка», *руг* «насмешка» *(ругать), говядо* «скот» *(говядина, говяжий), худог* «искусный» *(художник), скора* «шкура» *(скорняк), коварь* «кузнец» *(коварство)*.

3. Слова, исчезнувшие из языка как отдельные значимые единицы, но еще употребляющиеся в составе фразеологических оборотов: *сокол* «старое стенобитное орудие, большой таран» *(гол как сокол), зга* «дорога» (ср.: *стезя, ни зги не видно*).

В отличие от устаревших слов их лучше всего назвать старинными.

Возникает вопрос, есть ли смысл рассматривать такого рода факты при анализе лексики современного русского литературного языка, в которой они реально не существуют. Оказывается, есть. И это объясняется тем, что старинные слова (или устаревшие слова второй степени) изредка все же употребляются и сейчас, обычно с необходимыми разъяснениями.

Старинным словам противостоит по степени устарелости группа устаревших слов, состоящая из таких лексических единиц, которые носителям современного русского литературного языка известны, но находятся в составе его пассивного словаря и употребляются лишь с определенными стилистическими целями. К такого рода устаревшим словам можно отнести: *верста, конка, вершок, курсистка, городовой, бурса, оный* «тот», *зря* «видя», *иройство, брадобрей, токмо* «только», *глаголить* «говорить», *дабы* «чтобы», *хлад* «холод» и т. д.

Так как топонимика (названия рек, озер, населенных пунктов и т. д.) и антропонимика (личные и фамильные имена) являются наиболее устойчивыми фактами в словарном материале, то очень многое из того, что уже ушло из языка в качестве нарицательных имен, сохраняется в топонимике и антропонимике в качестве имен собственных: река *Шуя* (*шуя* «левая»), станция *Бологое* (*бологое* «хорошее, доброе, красивое»), город *Городец* (*городец* «городок», с суффиксом *-ец*), город *Мытищи* (*мытище* «место, где собирали мыто, т. е. пошлину за товар»), деревня *Червленая* (*червленая* «красная»), повар *Смурый* (*смурый* «хмурый», ср.: *пасмурный*) и т. д.

Помимо того что устаревшие слова различны по степени своей архаичности, они отличаются друг от друга еще и тем, что привело их в состав устаревшей лексики (в широком понимании этого слова). Это отличие является наиболее серьезным и принципиальным.

В связи с причинами, в силу которых слова превратились в устаревшие, выделяются две основные, резко противоположные категории слов — историзмы и архаизмы.

Историзмы — это слова, вышедшие из активного употребления в силу того, что исчезли из реальной повседневной жизни обозначавшиеся ими явления. Так, очень редко мы употребляем слова *воевода* (потому что уже давно нет такого звания), *помещик* (ибо у нас давно нет помещи-

ков), *волость* (так как деление на волости давно отменено), *фунт, золотник, унция* (так как мы давно уже не измеряем вес этими мерами). Другие историзмы: *купец, коробейник, лапти, кавалерия* (ибо нет уже конных войск), *полушка, ремонтер*.

Историзмы — это, как правило, слова, обозначающие предметы (существительные). Историзмов-прилагательных *(губернский, княжеский)* и историзмов-глаголов *(губернаторствовать, княжить)* гораздо меньше.

Существуют в русской лексике и такие слова, которые можно условно назвать полуисторизмами. Они обозначают явления, реалии, которые ушли из современной жизни большинства людей, но присутствуют в жизни части наших современников. Так, в некоторых деревнях еще сохраняются и используются в деле прялки, в каких-то районах остались ветряки и т. п. Следовательно, для каких-то коллективов людей это вовсе не исторические реалии, а обозначающие их слова не историзмы. Видимо, на таком же положении находятся слова, обозначающие церковные принадлежности: *кадило, иконостас, икона* и др.

Особой разновидностью историзмов являются слова, обозначающие реалии, исчезнувшие из жизни русского (советского) общества, но существующие и в настоящее время в других странах (например, слово *биржа*). Их можно назвать историзмами-экзотизмами.

Слово может быть историзмом не вообще, а только в каком-то одном своем значении (в другом же значении оно не устарело). Возьмем слово *приказ*. В значении «распоряжение» оно не историзм, но в значении «учреждение» *(посольский приказ)* — историзм. Такие слова называют семантическими историзмами. Другой пример семантических историзмов в русском языке: *приход* (ср.: *Каков поп, таков и приход* и *приход врача*).

Историзмы нечасты в нашей речи. Мы их употребляем, когда хотим обозначить понятие, явление, бывшее когда-то и не существующее сейчас. Мы вводим в свою речь слова *хан, баскак,* когда рассказываем о татарском владычестве на Руси; *гусар, рекрут, фельдмаршал,* если говорим о старом устройстве нашей армии, и т. д. Писатели, создающие произведения на исторические темы, включают в них историзмы — те слова, которые были употребительны в соответствующий исторический период. Так, у советского писателя И. Новикова в романе «Пушкин в из-

гнании» находим: *Государь остался доволен и всех осыпал милостями. Окончательно была забыта и дуэль Киселева с генералом Мордвиновым. Как бы то ни было, Киселев остался любимцем императора.*

Историзмы, естественно, обильны в произведениях историков, излагающих события, нравы прошлого, описывающих старинную утварь, одежду, старинное государственное устройство и т. д. Историзмы мы обнаружим и в книгах прежних веков — то, что для нас сейчас представляется историзмом, для автора могло быть обычным словом, без оттенка устарелости. Ср., например, название повести Н. Гоголя «Старосветские помещики» — слово *помещик* во время ее написания не было историзмом.

Архаизмы — это слова, вытесненные из активного употребления в силу того, что были заменены какими-то синонимами. В отличие от историзмов они перестали употребляться не из-за исчезновения их референтов, а из-за внутренних языковых причин — синонимичные им слова оказались предпочтительнее. Так, архаизмами являются слова *чеботарь* (ср.: *сапожник*), *ведать* (ср.: *знать*), *стогны* (ср.: *площади*), *виктория* (ср.: *победа*), *чрево* (ср.: *живот*), *смарагд* (ср.: *изумруд*).

Архаизмы подразделяются на лексические, семантические, словообразовательные, лексико-фонетические, морфологические.

То, что было приведено до сих пор,— это лексические архаизмы, т. е. наиболее типичные архаизмы. Лексическим является такой архаизм, когда устарело все слово целиком, как по форме, так и по значению.

Семантическими архаизмами называются слова, устаревшие не по форме и не во всех своих значениях, а лишь в каком-то одном значении, напр.: *живот* в значении «жизнь» *(Не щадя живота своего. Живота или смерти?)*, *мир* в значении «общественная группа» *(С миру по нитке — голому рубашка. Пир на весь мир)*, *красный* в значении «красивый» *(Не красна изба углами)*, *комиссия* в значении «хлопотное дело» *(Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!* (Грибоедов), *галантерейный* в значении «вежливый» *(Галантерейное, черт возьми, обхождение!* (Гоголь), *обязательный* в значении «услужливый», *глагол* в значении «слово».

Словообразовательные архаизмы — это слова, которые имеют однокоренные синонимы, а в данной своей форме, с данными аффиксами представляются устаревши-

ми: *дружество* (ср.: *дружба*), *одинакий* (ср.: *одинаковый*), *знакомец* (ср.: *знакомый*), *приветный* (ср.: *приветливый*), *особливо* (ср.: *особенно*), *дева* (ср.: *девушка*), *смертоубийство* (ср.: *убийство*).

Лексико-фонетические архаизмы — это устаревшие слова, которые имеют неустаревшие варианты того же значения с другим звуком в корне или с другим ударением: *нумер* (ср.: *номер*), *засýха* (ср.: *зáсуха*), *кладбúще* (ср: *клáдбище*), *маншета* (ср.: *манжета*), *Тифлúс* (ср.: *Тбилиси*), *аглицкий* (ср.: *английский*).

Нужно отметить также морфологические архаизмы, когда слово выступает в архаической грамматической форме, имея устаревшее падежное или глагольное окончание или другую особенность: *Предателя, мнили, во мне вы нашли, их нет и не будет на русской з е м л и* (Рылеев). *Чего тебе надобно, с т а р ч е?* (Пушкин). *Одним махом семерых у б и в а х о м. Были лишь грезы о д н е.*

Архаизмы занимают важное место в нашей речи. Мы должны их знать, чтобы понимать смысл текста, написанного писателем-классиком, и чтобы правильно употреблять их, когда это требуется. Наша речь намного бы оскудела, если бы мы предали забвению красивые, выразительные устаревшие слова, стали бы чураться их.

Естественно, что чем старее, древнее письменный памятник, тем больше в нем архаизмов всяких типов. Посмотрим, например, отрывки из «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Радищева, написанного двести лет тому назад:

Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте, ибо чистота служит ко з д р а в и ю, а неопрятность и с м р а д н о с т ь тела нередко о т в е р з а е т неприметную с т е з ю к гнусным порокам... Если желаете о супружестве иметь понятие, в о с п о м я н и т е о р о д ш е й вас. Представьте меня с нею и с вами, в о з о б н о в и т е слуху вашему г л а г о л ы наши и взаимные л о б ы з а н и я и приложите картину с и ю к сердцу вашему.

В этих строках десять архаизмов.

Архаизмами насыщены произведения великих русских писателей XIX в. В стихотворении А. Пушкина «Деревня» читаем:

Где парус р ы б а р я белеет иногда... Я променял порочный двор ц и р ц е й... На мирный шум д у б р о в... Оракулы веков, здесь в о п р о ш а ю вас!.. Друг человечества печально замечает везде невежества убийственный п о-

з о р... Склонясь на ч у ж д ы й плуг... Здесь рабство тощее влачится по б р а з д а м... П о ч т о в груди моей горит бесплодный жар и не дан мне судьбой в и т и й с т в а грозный дар?

Нельзя думать, что А. Пушкин специально употреблял многие архаизмы с какими-то художественными целями. Многие из этих слов, которые сейчас представляются устаревшими, архаичными, для современников поэта не были таковыми.

Архаизмы применяются, чтобы обрисовать характерные черты отдельных персонажей, обычно чтобы подчеркнуть их набожность, любовь к старине, консервативный образ жизни. Вот фрагмент речи такого человека из повести М. Горького «В людях»:

Бывали вечера, когда он пил молча и молча же уходил... но несколько раз я слышал, как он обличал людей, подражая пророку:

— А з е с м ь бога моего неподкупный слуга и с е обличаю вы... Горе г р а д у Ариилу, и д е же с к в е р н а в ц ы и жулики и всякие мрази б е з о б р а з н и и ж и т е л ь с т в у ю т в грязи подлых в о ж д е л е н и й своих!.. Разумею вас, пияницы, обжоры, отребие мира сего, н е с т ь вам числа о к а я н н и и, и не приемлет вас земля в недра с в о я...

Архаизмы применяются иногда для окрашивания излагаемых мыслей иронией. Заставить архаизмы звучать иронически, разоблачительно могут большие мастера слова. Обратимся к Н. Лескову:

— А у вас в Орле в котором часу настает воровской час?

Тетушка отвечает из какой-то книги: «Е г д а люди п о т р а п е з у ю т и, помоляся, уснут, в той час восстают т а т и е и исходя грабят».

Дядя с незнакомым рассмеялись. Чего же, говорят, у вас в таком случае п о л и ц м е й с т е р смотрит?

Тетушка опять отвечает от Писания: «А щ е не господь хранит дом — в с у е б д и т с т р е г и й».

Здесь архаизмы имеют характер злой шутки.

Нередко мы находим архаизмы в пословицах, во фразеологических оборотах: *города и веси, выписывать мыслете, на злобу дня.* И здесь они несут с собой элемент старины или сатиры.

Неологизмы. Неологизмы — это слова, новые для современных носителей языка, не входящие в основной фонд.

Причины появления новых слов обычно коренятся в возникновении новых вещей, в постижении людьми новых явлений. Неологизмы — это такие слова, их формы или их новые значения, которые появились в языке в очень недавнее время (десять — двадцать лет тому назад от того или иного момента, не более). Если слово существует уже более двадцати лет, то вряд ли его следует расценивать как неологизм: оно уже прочно утвердилось, его новизна не чувствуется. Все слова когда-то появлялись впервые и, следовательно, когда-то были неологизмами.

Для нашего времени в русском языке неологизмами являются слова *компьютер, пульсар, атомоход, луноход, запрограммировать, хиппи, кемпинг, мотель, менделевий.*

По аналогии с семантическими архаизмами можно выделить и семантические неологизмы — старые, привычные по форме слова, которые недавно развили новое значение (дополнительно к старому). Так, семантическими неологизмами являются слова *ракета* в значении «судно на подводных крыльях», *комбинат* «детское учреждение», *пертурбация* «переделка, перестройка».

Можно говорить и о фонетических неологизмах, когда развивается новый произносительный вариант слова: *Перу́* (несколько лет тому назад произносилось *Пе́ру*), *Лос-Анджелес* (до недавнего времени писалось и соответственно произносилось *Лос-Анджелос* — изменение вызвано ориентацией на язык-источник).

К неологизмам относят также случайные словесные формы, индивидуальные построения каких-то слов, встречающиеся в речи писателей и обычных людей, не подхватываемые и не воспроизводимые остальными носителями языка и, таким образом, не входящие в общенародную лексику. Более точно они называются окказионализмами.

В отличие от собственно неологизмов эти контекстуальные образования не являются словами языка в полном смысле этого слова. Это словные морфемосочетания, существующие в качестве определенных номинативных единиц только в том или ином контексте и не обладающие основным свойством любой единицы языкового стандарта — воспроизводимостью. Это образования, которые нами понимаются, но почти никогда не используются. Можно указать примеры из сочинений В. Маяковского: *вскри-*

чал усатый нянь, разулыбьте сочувственные лица и др.; из стихотворения С. Смирнова: *голубеграмма*.

Слова, подобные слову *голубеграмма*, встречаются довольно часто (даже у писателей и публицистов, не ставивших себе целью создание принципиально новой манеры выражения) и хорошо демонстрируют неисчерпаемые возможности языка обогащаться новыми словами. Вместе с тем, поскольку «слово не есть наша произвольная выдумка: всякое слово, получившее место в лексике языка, есть событие в области мысли» (В. Жуковский), любой неологизм, появляющийся в языке, должен быть оправдан в своем возникновении или потребностью назвать познанное, открытое, изобретенное, или определенными стилистическими задачами.

Однако важной является не только оправданность индивидуально-стилистического образования. Любой неологизм, появляющийся в лексике русского языка, не может быть новообразованием, созданным вне правил и законов русского словопроизводства, русской семантической системы и грамматического строя.

Образование новых слов без учета активных тенденций русского словообразования всегда было чуждо лучшим писателям и публицистам, у которых неологизмы никогда не были самоцелью, всегда были образованиями, в которых чувствовалось и большое языковое чутье, и глубокое проникновение в дух русского языка, и художественная мера. Аномальными неологизмами характеризуется в целом лишь творчество некоторых символистов и футуристов (В. Хлебникова, А. Белого, И. Северянина и др.). Именно поэтому их словоновшества оказались мертворожденными, и не только те, которые были образованы совершенно произвольно, но и те, которые базировались на реальном материале русского языка (вроде слов *будетляне, речар, охотея, кричак, соноги, любавица* у В. Хлебникова).

Новые слова контекстуального характера, используемые писателями и публицистами с определенными стилистическими целями (как уже отмечалось, слова, вызванные потребностями чистой номинации, обычно с течением времени переходят в состав актуальной лексики), проявляют свою вербальность лишь в «родном» словесном окружении. Вне соответствующей ситуации они теряют свою выразительность и могут быть даже непонятны по своему значению.

Авторские новообразования употребляются или для свежего и яркого выражения понятий, или как средство для создания определенных художественных эффектов и тонкой словесной игры. Именно указанным целям служат, например, новообразования *огончарован (Я влюблен, я очарован, словом, я огончарован* (Пушкин), *водь (Мир осинам, что, раскинув ветви, загляделись в розовую водь* (Есенин), *сердцеколенопреклонение (Прошу передать ей мое сердцеколенопреклонение, когда ты встретишься с ней где-нибудь на солнечном пути* (Вяземский), *безмолвница (Мне думалось: ты за моей спиной пойдешь теперь безмолвницей бескрылой* (Луконин), *соавторитет (Он только спутник — не планета и, как соавтор с юных лет, не приобрел авторитета, а только... соавторитет!* (Э. Кроткий); ср. также: *кюхельбекерно, полумудрец, тяжелозвонкое, стишистый* (Пушкин); *толкастика, кисляйство, драмописец, рафаэльствующая* (Чехов); *тайновед, светодень, осоюзить* (Брюсов) и т. д.

§ 16. Лексика современного русского языка с точки зрения ее происхождения. Исконно русская лексика. Словарный состав, как и современный русский язык в целом, в том виде, в каком он существует в настоящее время, представляет собой результат длительного развития, продукт целого ряда эпох. Среди слов, которыми пользуются сейчас говорящие на русском языке, наблюдаются самые различные по происхождению.

Основным пластом словарного материала современного русского языка, как и русского языка на всем протяжении его развития, являются исконно русские слова. Они составляют более 90 % слов, употребляющихся в настоящее время в нашем языке, и образуют основную часть его богатства, определяющую самобытность русской речи, ее глубокое национальное своеобразие.

Под исконно русским словом понимается всякое слово, возникшее в русском языке или унаследованное им из более древнего языка-источника, независимо от того, из каких этимологических частей (исконно русских или заимствованных) оно состоит. Например, слова *земля, звезда, береза, отец, мать, мудрый, большой, уметь, сеять, читать, по-весеннему, чтобы* — слова собственно славянского происхождения или возникшие на их основе в разные периоды развития русского языка; *ямщик, аэросани, газетный, этюдный, зацементировать* — слова, появивши-

еся в речи на базе заимствованных корней. К исконно русским относятся и такие слова, как *акмеизм, нигилист, спец, акрихин* и т. п., хотя в их основах нет никаких исконно русских морфем. Как определенные лексические единицы все они (пусть на базе иноязычных слов) появились в русском языке: *акмеизм* (на базе греч. acme «вершина») — как новообразование (поэта Н. Гумилева) 1912 г., *нигилист* (на базе лат. nihil «ничто») — в качестве неологизма (критика Н. Надеждина) первой трети XIX в.; *спец* — в результате сокращения в советскую эпоху слова *специалист; акрихин* (на базе греч. acer «наилучший» и *хинин*) — как научный термин, которым был назван изобретенный в СССР в 1933 г. противомалярийный препарат, заменяющий хинин. Как слова определенного значения и определенной словообразовательно-грамматической структуры все они — творение и факт нашей речи и в другом языке были бы заимствованиями из русского языка.

Среди исконно русской лексики, бытующей сейчас, различают, имея в виду время появления слов в языке, несколько пластов: слова общеславянские, восточнославянские (или древнерусские) и собственно русские.

Общеславянскими называют слова, полученные древнерусским языком из когда-то существовавшего общеславянского языка (распадение его относится к V—VI вв. н. э.). Такие слова, как правило, и в настоящее время употребляются во всех современных славянских языках.

Количество слов, унаследованных русским языком из общеславянского и употребляющихся сейчас, не является большим, если его сравнивать с общим словарным запасом. Например, в четырехтомном толковом «Словаре русского языка» Академии наук, отражающем лишь наиболее употребительную часть современного русского словесного материала, указывается свыше 82 тысяч слов; среди них общеславянских не более 2 тысяч (причем многие бытуют в настоящее время уже с другим значением). Однако до сих пор они наиболее употребительны в нашей речи и в повседневном общении составляют не менее $^1/_4$ всех слов. Именно эти слова являются ядром нашего современного словаря, важнейшей и существеннейшей его частью.

Наиболее богатой (как по количеству слов, так и по их семантическому многообразию) является группа, пред-

ставляющая имена существительные. Из них необходимо особо отметить следующие:

1. Наименования частей человеческого тела и тела животных: *борода, голова, зуб, лапа, лицо, лоб, нос.*

2. Термины родства: *мать, отец, сын, дочь.*

3. Названия того или иного отрезка времени: *день, ночь, вечер, осень, месяц, год, век.*

4. Слова, обозначающие полезные ископаемые: *серебро, золото, железо.*

5. Слова, обозначающие явления природы (различные атмосферные явления, небесные светила, характер местности, водоемы и т. д.): *буря, берег, ветер, вода, гора, гром, град, гроза, дождь, жара, камень.*

6. Названия, относящиеся к растительному миру: *бук, береза, верба, вяз, граб, дыня, дуб, ель, желудь, лес.*

7. Слова, обозначающие домашних животных: *бык, вол, корова.*

8. Названия, относящиеся к животному миру: *волк, ворона, гусь, голубь, дятел, еж, ерш, жаба, заяц, зверь, змея.*

9. Названия орудий и предметов труда: *весло, ведро, волокно, вилы, грабли, долото, жито, зерно, игла.*

10. Наименования лиц: *гость, гончар, друг, жнец.*

11. Ряд слов, представляющих собой выражение абстрактных понятий: *вера, воля, вина, гнев, дух, жалость.*

Значительную группу образуют и глаголы, среди которых наименования жизненно необходимых действий и состояний, а также обозначения, представляющие производственные и общественно-политические термины, напр.: *лечь, сидеть, спать, мыть, клевать, идти, бояться, хотеть, ползти,* а также: *шить, ковать, писать, воевать* и т. п.

Не менее важную часть слов составляют и имена прилагательные. Среди них обозначения душевных качеств людей *(мудрый, хитрый, добрый, суровый)*, наименования физических качеств человека и животных *(молодой, старый, косой)*, слова, обозначающие цвет *(белый, желтый, синий, русый)*, слова, обозначающие свойства и качества вещей *(правый, левый, короткий, узкий)*.

К общеславянскому словарному фонду относятся в русском языке и некоторые числительные *(один, два, три, семь, десять, сто* и др.), многие местоимения *(я, мы, ты, вы, он, кто, что, сам, весь, мой, наш)*, отдельные наречия *(там, тогда, где, вон, как, едва, мимо, скоро, мало, высоко, горько, внутрь, вчера* и т. п.), большинство не-

производных предлогов и союзов *(над, к, при, от, в, у, за, и, а, да, но* и т. д.).

Общеславянские слова, бытующие в современном русском языке, по морфологическому строению являются словами с простой словообразовательной структурой и в своем подавляющем большинстве выступают как слова корневые, с непроизводной основой.

По своему стилистическому характеру это слова общеупотребительные, межстилевые, необходимая принадлежность как устного словаря, так и лексики книжной, письменной речи.

Восточнославянская лексика связана с существованием диалектов древних восточных славян, древнерусского языка (VI—XIV вв.), это слова, которые сохранились в русском языке как достояние языковой общности предков русских, украинцев и белорусов. Эти слова, как правило, не встречаются в лексике других (южных и западных) славянских языков, хотя в большинстве своем возникли на базе общеславянского строительного материала. Неизмеримо меньше восточнославянских слов появилось на базе заимствованных и усвоенных в это время слов из других языков (греческого, тюркских, германских).

Древнерусские по происхождению и времени возникновения слова в своей массе связаны с развитием на Руси новых (уже не патриархально-родовых, а феодальных) общественных отношений, с дальнейшим прогрессом культуры, науки, искусства и т. д., с все более глубоким познанием человеком окружающей его объективной действительности. Этот пласт слов значительно больше по количеству и семантико-словообразовательному разнообразию, чем общеславянские слова.

К восточнославянским словам, например, можно отнести такие слова, как *балагур, знобить, потолок, совсем, тут, говорун, пузырь, ледяной, горячиться, шарик, после, пустышка, горошина, поясок, горбоносый, добреть* и др.

Собственно русские слова — это наиболее могочисленный и разнообразный в структурно-стилистическом отношении и грамматических свойствах пласт исконно русской лексики, возникший уже в эпоху раздельного существования русского, украинского и белорусского языков. Собственно русскими словами являются такие слова, которые возникли в нем за период с XIV в. по настоящее время. Эти слова представляют собой уже специфическую принадлежность русской речи.

В отношении словообразовательной структуры почти все собственно русские слова в своем возникновении являются производными. Исключение составляют отдельные, весьма немногочисленные имена существительные, возникшие при помощи безаффиксного способа словообразования (типа *удаль*). По значению собственно русские слова в своей основной части являются формой выражения новых понятий, связанных с появлением новых предметов и явлений объективной действительности, с развитием науки, техники и литературы. Значительно меньшую часть составляют собственно русские слова, являющиеся названиями того, что ранее уже было обозначено другими словами.

К собственно русским словам можно отнести:

1) почти все имена существительные, образованные при помощи суффиксов *-щик, -чик, -овщик, -льщик, -ятин(а), -лк(а), -овк(а)* (со значением предмета), *-тельств(о), -ш(а), -к(а)* (от прилагательных), *-ность, -емость, -щин(а)* (с отрицательным оттенком) и др. (*каменщик, чистильщик, зажигалка, листовка, вмешательство, будущность, испаряемость, казенщина* и т. п.); почти все имена существительные, образованные от глаголов безаффиксным способом без перегласовки гласной корня *(присед, разбег, зажим);* все сложносокращенные существительные *(кожимит, главк, вуз, зарплата);* почти все имена существительные на *-тель* со значением действующего предмета *(огнетушитель, взрыватель);* подавляющее большинство существительных на *-ость*, образованных от прилагательных с иноязычными корнями *(партийность, революционность, грандиозность);* почти все, если не все целиком, существительные, образованные при помощи суффикса *-ость* от имен прилагательных на *-тельный (внимательность, действительность);* почти все имена существительные, образованные сложением с одной из иноязычных основ *(миноносец, славянофил, литературоведение, теплотехник);* все сложные имена существительные, образованные из двух синтаксически равноправных существительных *(овцебык, светотень);*

2) почти все имена прилагательные с суффиксами *-чат(ый), -чив(ый) (бревенчатый, обидчивый);* немногочисленные прилагательные, образованные с помощью иноязычных приставок от русских прилагательных *(антинародный, архиглупый);* подавляющее большинство бытующих в современной лексике сложных прилагательных

(дикорастущий, светло-красный, русско-польский, хлеботоргующий, учебно-воспитательный);

3) глаголы, образованные от глаголов суффиксально-префиксальным способом (при помощи одновременного присоединения приставки и суффикса *-ся*) *(разбежаться, разостлаться, вжиться);* многие отыменные глаголы суффиксального образования (типа *сапожничать, халтурить*) и суффиксально-префиксального образования (типа *обезлюдеть, разбазарить*);

4) наречия, образованные от прилагательных на *-ский* суффиксально-префиксальным способом (с помощью приставки *по-* и суффикса *-и*) *(по-мальчишески, по-приятельски);* наречия типа *по-весеннему, по-серьезному, по-деловому;* наречия, образованные от причастий при помощи суффикса *-е (торжествующе, угрожающе);*

5) подавляющее большинство производных предлогов и союзов *(вследствие, насчет, вроде, пока, чтобы* и т. п.).

Среди указанных семантико-словообразовательных типов имеются как приобретения недавнего времени (к таким, например, можно отнести сложносокращенные слова, появившиеся в русской лексике с конца XIX в., имена существительные на *-ость*, образованные от иноязычных основ и в подавляющей своей массе возникшие с 30-х гг. XIX в.), так и слова, связанные в своем появлении с начальной стадией развития русского языка как языка русской народности (слова с суффиксами *-чик, -щик,* — XIV в., глаголы суффиксально-префиксального образования типа *съехаться* — XVI в.).

Заимствованные слова в русском языке. Общественный характер человеческой речи, исторические факты, определяющие развитие общества, неизбежно влекут за собой заимствования одним языком элементов другого, влияние одного языка на другой. Наиболее ярко проявляются эти процессы в словарном составе.

В силу длительных экономических, политических, военных, культурных и тому подобных связей русского народа с другими народами в русский язык проникало и укреплялось в его системе довольно значительное количество иноязычных элементов лексики.

Этот процесс освоения русским языком некоторых заимствованных фактов не был явлением отрицательным. Напротив, он обогащал язык, делал его еще более емким, выразительным и развитым.

Под заимствованным следует понимать всякое слово, пришедшее в русский язык извне, даже если оно по составляющим его морфемам ничем не отличается от исконно русских слов (такое явление может наблюдаться тогда, когда слово берется из какого-либо близкородственного славянского языка: *пригвоздить, мудрость* (старосл.); *вольность, мещанин* (польск.) и т. д.).

Среди лексических заимствований из близкородственных языков особое место занимают старославянизмы — слова из старославянского языка.

Входя в русский язык, старославянские слова, как всякие заимствованные словарные единицы, подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами его развития: изменялись (если они имели в своем составе звуки, нехарактерные для русской фонетической системы) со стороны звучания, приобретали новые значения и стилистические качества и т. д. Например, старославянские слова *мошть, овошть, пештера* начинали произноситься как *мощь, овощи, пещера.*

Такое переоформление старославянских слов являлось очень важным фактом, так как оно включало чужое слово, пусть и из близкородственного языка, в лексику русского языка на правах одного из ее компонентов. В результате этого некоторые старославянизмы настолько прочно укрепились в словаре русского языка, что входят в его основной словарный фонд (напр.: *враг, время, страна, работа, мощь, между, польза* и др.), иногда даже вытесняя соответствующие исконно русские слова.

Слова, заимствованные русским языком из старославянского, подразделяются на три группы. Первую группу составляют старославянские слова того же корня, словообразовательной структуры и первоначально прямого, номинативного значения, что и соответствующие исконно русские. Это, по существу, старославянские варианты (в основном чисто фонетического характера) слов, бывших еще в общеславянском языке, которые были унаследованы и древнерусским языком, но уже в восточнославянской огласовке. Сюда относятся слова *брег* (ср.: *берег*), *глад* (ср.: *голод*), *рождать* (ср.: *рожать*), *нощь (ср.: ночь)* и т. д.

Вторую группу образуют старославянские слова, представляющие собой уже специфические новообразования. Этих слов не было в общеславянском языке; среди них немало лексических единиц, созданных для передачи со-

ответствующих греческих слов. Если старославянские слова этой группы и имеют исконно русские синонимы, то они являются или вообще словами с иной непроизводной основой, или при одном корне словами с иной словообразовательной структурой. В качестве примеров можно назвать: *истина — правда, агнец — ягненок, излить — вылить.*

К третьей группе относятся семантические старославянизмы, т. е. общеславянские по времени появления слова, получившие в старославянском языке особые значения и с этими значениями вошедшие в древнерусский язык. В этом случае исконно русские слова общеславянского происхождения как бы сливались с семантически отличными старославянскими, получая новое значение. Так, семантическими старославянизмами по происхождению будут в русском языке слова *бог, грех, блуд, господь* в их современных значениях (ср. старые значения этих слов, выступающие в качестве основной части производных слов *богатый, огрех, заблудиться, господин*).

Установить происхождение довольно значительной части старославянизмов можно, только хорошо зная историю их бытования в русском языке, старославянский и древнерусский словарный состав, древние письменные памятники и т. д. Однако целый ряд старославянизмов выделяется среди слов и элементов другого происхождения определенными, характеризующими их приметами. Эти приметы могут быть фонетическими, словообразовательными и семантическими.

О старославянском происхождении корневых слов, значимых частей слов (корней, суффиксов, приставок), а в ряде случаев и целых производных слов говорят прежде всего следующие фонетические особенности старославянского языка (в отличие от фонетических особенностей русского):

1) неполногласные сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными (в соответствии с русскими полногласными сочетаниями *оро, оло, ере*), напр.: *нрав, врата, жребий, злато, пленить, власы, храбрый;*

2) сочетания *ра, ла* перед согласными в начале слов (в соответствии с русскими начальными сочетаниями *ро, ло* в определенных фонетических условиях), напр.: *раб, работа, растение, разум, разврат, распятие, равный, разный, ладья;*

3) сочетание *жд* на месте русского *ж: вождь, между, одежда, прежде;*

4) звук [щ] (как замена старославянского звука [ш'т']) в соответствии с русским *ч*; *щ* в этом случае чередуется с *т* (*щ*, чередующееся с *ск* и *ст*, наблюдается и в исконно русских словах): *мощь, пещера, освещать, общий, овощи, поглощать, сущий;*

5) начальное *е* вместо русского *о*: *есень* (ср.: *Есенин*), *елень, езеро* (ср.: *Езерский*), *единый, единица;*

6) начальное *ю* вместо русского *у*: *юноша, юг* (ср. производное от исконно русского *уг — ужин*, первоначально обозначавшее «полдник»), *юдоль, юродивый* (ср.: *урод*);

7) начальное *а* на месте русского *я*: *агнец, аз* (ср.: *ягненок*, древнерусское *язъ*, современное *я*);

8) твердое *з* (из *г*) на месте русского *з* мягкого: *польза* (ср.: *нельзя*), *осязать*.

К словообразовательным приметам (их иногда называют морфологическими) относятся некоторые суффиксы, приставки и некоторые модели образования сложных слов.

На старославянское происхождение отдельных, но отнюдь не всех слов такого рода указывают:

1) суффиксы *-стви(е) (действие, бедствие), -ч(ий) (кормчий, ловчий), -знь (жизнь, болезнь), -ын(я)* в отвлеченных существительных *(гордыня, святыня), -тв(а) (молитва, битва), -ущ-, -ющ-,-ащ-, ящ- (горящий, несущий), -есн- (древесный, чудесный);*

2) приставки *из- (ис-) (испить, изыди, изгнать)* и *низ- (нис-) (ниспадать, низвергать);*

3) первые части сложений в виде *зло-, добро-, благо-, бого-, суе- (злословить, добродетель, благословение, благородный, богоборец, богослов, суеверие* и т. п.).

Наконец, в ряде случаев о старославянском происхождении того или иного слова может говорить и его семантика, его смысловое значение (выражение им религиозного понятия, обозначение им предмета церковного обихода и т. п.) По этому признаку к старославянизмам можно отнести такие слова, как *суета, соблазнить, воскресение, таинство, образ, креститель, святой, страсть* «страдание» (ср.: *страсти господни*), *кадить, пророк, творец* и т. п.

Старославянские слова, войдя в русский язык, обрусели не в одинаковой мере. Одни старославянизмы настолько обрусели, что совершенно потеряли свою специфическую стилистическую окраску и значение, стали неотъемлемой принадлежностью межстилевой общеупотребитель-

ной лексики, иногда даже ее основного ядра: *время, враг, сладкий, праздник, храбрый, брань, срам, вред, член, бездна, овощи, общий, среда, нужда, пламя, влага, здравствуй, казнь* и т. п. В своем большинстве эти общенародные по употреблению старославянизмы представляют собой слова, вытеснившие соответствующие исконно русские.

Другие старославянские слова, не осознаваясь уже как чужие и являясь обычными словами активной лексики современного русского литературного языка, тем не менее на фоне аналогичных образований исконно русского происхождения выглядят как книжные, принадлежат прежде всего письменной речи: *жажда, благо, бремя, творец, истина, вождь* и т. д.

Многие старославянизмы (в отличие от названных выше) не входят в активный словарный запас современной лексики, бытуют в нем как устаревшие слова с определенной стилистической окраской (архаичности, торжественности, риторичности и т. д.).

Лексические заимствования могут быть не только из близкородственных языков, но и из других, иногда весьма далеких по своей структуре и происхождению. Прямые заимствования, т. е. слова и выражения, заимствованные из других языков как целые реальные номинативные единицы, звуковые комплексы с определенными значениями, называют иноязычными словами.

Иноязычные слова в лексике современного русского литературного языка хотя и представляют довольно многочисленный пласт лексики, но тем не менее не превышают 10 % всего его словарного состава. В общей лексической системе языка лишь небольшая часть слов выступает в качесте межстилевой общеупотребительной лексики; подавляющее большинство их имеет стилистически закрепленное употребление в книжной речи и характеризуется в связи с этим узкой сферой применения (выступая как термины, профессионализмы, специфически книжные слова и т.д.).

Иноязычные слова в подавляющем своем большинстве были заимствованы вместе с вещью, явлением, понятием и т. д.: *зонтик* (из голланд.), *диск* (из греч.), *вензель* (из польск.), *бульвар* (из франц.), *бокс* (из англ.), *чалый* (из тюрк.), *помпа* (из лат.), *квартет* (из итал.), *штатив* (из нем.) и т. д. Однако немало их пришло в русский язык и в качестве новых обозначений того или иного факта, имевшего до этого исконно русское наименование, ср.:

специфический и *вояж* (из франц.), *денди* (из англ.), *февраль* (из лат.) и исконно русские *особенный, путешествие, щеголь, лютый.*

Многие иноязычные слова ясно ощущаются как иноязычные, пришедшие извне. Однако заимствованный характер чужих по происхождению слов чувствуется далеко не всегда; иноязычность целого ряда заимствованных слов можно вскрыть лишь при помощи специального лингвистического анализа.

Различие между явно нерусскими по происхождению словами и словами, в которых сейчас их иноязычность совершенно не ощущается, объясняется и временем их заимствования, и сферой употребления. Давние заимствования в ряде случаев настолько прочно вошли в плоть и кровь русского языка, что стали принадлежностью его основного лексического фонда, напр.: *тетрадь* и *свекла* (из греч.), *билет* и *суп* (из франц.), *карман* и *деньги* (из тюрк.) и т. д. Недавние заимствования узкой сферы применения в ряде случаев удерживают в своем составе даже некоторые чуждые русскому языку фонетические и морфологические свойства, напр.: *пенсне, денди, интервью, репертуар, кенгуру, нокаут, жюри* и т. д.

Более радикальная переработка иноязычного слова происходит тогда, когда оно заимствовано с голоса: заимствованное слово в таком случае испытывает серьезные изменения в своей огласовке, заметнее меняется его значение, быстрее происходит грамматическое приспособление к законам и правилам русского языка (ср. заимствованные из немецкого языка слова *маляр, пара* — Maler, Paar).

Бытующие в настоящее время в русской лексике иноязычные слова пришли в нее в разное время из самых различных языков. Заимствования из одних языков являются в нашем языке единичными, слова из других образуют более или менее многочисленные группы. Довольно большое количество слов, в частности, заимствовано русским языком из тюркских языков, греческого, латинского, польского, а также немецкого, французского и английского. Значительно меньшие группы составляют слова, пришедшие в русский язык из голландского и итальянского. Остальные языки дали русскому языку лишь отдельные слова.

Устанавливая, из какого конкретно языка идет заимствование того или иного слова, необходимо четко раз-

граничивать этимологический состав слова и его возникновение как слова в том или ином языке, а также учитывать, является ли оно коренным переоформлением в данном языке какого-либо иноязычного и для него слова или этот язык выступает лишь как язык-передатчик. Нельзя, например, слово *велосипед*, основываясь на том, что оно состоит из латинских корней velox, velocis «быстрый» и pes, pedis «нога», считать латинским, так как оно возникло во французском языке. Неверно будет слова *гранит, гранат* и *граната* (имея в виду их корень латинского происхождения granum «зерно») считать латинскими. Так как слово *гранат* действительно является латинским (ср.: granatum «зернистое яблоко»), а слова *гранит* и *граната* являются соответственно итальянским и немецким.

Заимствованные с голоса в древнерусскую эпоху из тюркских языков слова являются, как правило, названиями, относящимися к быту и коневодству; единичны термины военно-экономического характера: *жемчуг, алмаз, пай, лапша, деньги, ярлык, войлок, карман, барсук, арбуз, барыш, сундук, казна, кабала, изюм, чердак.*

Греческие по происхождению слова начали проникать в русскую лексику еще до введения на Руси христианства. Они входили в русский язык как непосредственно, так и через языки-передатчики (сначала через старославянский язык, потом через западноевропейские). Среди них наблюдаются бытовые названия растений и животных, слова церковно-религиозного характера и особенно много терминов науки и искусства: *грамота, парус, терем, палата, лента, фонарь, свекла, кедр, ирис, лавр; кит, буйвол, ехидна, крокодил; ад, ангел, икона, монастырь; магма, базис, галактика, ода, металл.* Значительный вклад сделал греческий язык и в фонд собственных имен русского языка: *Кузьма, Георгий, Евгений, Елена, Софья, Федор, Ангелина, Петр, Степан, Николай, Евдокия.*

Заимствование в русский язык слов из латинского языка обычно осуществлялось через посредство других языков (в X—XI вв. через греческий, в XVI—XVII вв. через польский, позднее через западноевропейские). Заимствованные из латинского языка слова относятся к обозначениям предметов быта, общественно-политических отношений, понятий науки и искусства: *комната, цемент, формула, арена, гербарий, глобус, тангенс, комментарий, автор, депутат, акция, экзамен, цирк, доктор* и т. п. Латинский язык дал русскому языку и некоторое количество

собственных имен: *Валерий, Флор, Виктор(ия), Марк, Марина, Валентин(а), Клавдия, Юлия* и др.

Заимствованные с голоса слова из польского языка (в основном в XVI—XVII вв.), как правило, являются бытовыми наименованиями: *булка, зразы, карета, сбруя, бляха, вензель, справедливость, мешкать, строгий, клянчить, деликатный* и др.

Слова из немецкого языка наиболее интенсивно стали заимствоваться русским языком в начале XVIII в. Немецкие слова входили в русский язык как с голоса, так и через книгу. С семантической точки зрения они представляют собой главным образом наименования предметов домашнего обихода, термины ремесел и искусств, а также военные профессионализмы: *бутерброд, кухня, папка, циферблат, цех, шпион, ланцет, штраф, кран, слесарь, верстак, штурм, ранг, штаб, гауптвахта, плац*, ср. также: *штиль, пара, локон, курорт, фальшь, приоритет*. Одним из древнейших заимствований из древневерхненемецкого языка является собственное имя *Глеб* (ср.: *Готлиб*, буквально — *богу мил*).

Заимствованные из французского языка слова появляются в русском языке уже в допетровскую эпоху, но особенно сильным их приток стал в конце XVIII в. По своему значению они составляют, пожалуй, наиболее разнообразную категорию иноязычных слов. Среди них мы находим и слова бытового характера, и общественно-политические и военные термины, и термины искусств, науки и торговли: *брильянт, помада, портфель, компот, люстра, пальто, кашне, мебель, котлета, контроль, журнал, шовинизм, лимит, парламент, жаргон, рутина, батальон, атака, десант, эскадра, ансамбль, спектакль, балет, шасси, парашют, такси*, ср. также: *пардон, наркоз, шеф, массаж* и т. п.

Английские слова появляются в русском языке в основном в XIX—XX вв. В подавляющем своем большинстве это термины техники, спорта, политики, а также бытовые названия: *вокзал, трамвай, эскалатор, рельс, туннель, комбайн, блюминг, конвейер, трактор, браунинг, ринг, регби, нокаут, хоккей, старт, лидер, клуб, бюджет, гангстер, кекс, джемпер, пиджак*, ср. также: *пони, клоун, холл, фильм, джаз* и т. п.

Заимствования из итальянского языка представляют собой самые различные по своей семантике слова; больше всего среди них терминов искусств, в частности терминов изобразительного искусства и музыкальных: *тенор, опера,*

ария, бас, флейта, ложа, мандолина, дуэт, речитатив, кантата, балкон, купол, арка, мозаика, барокко. Итальянизмами являются также слова *бензин, панталоны, сода, мумия, помидор, паяц, фуфайка.* Как правило, слова из итальянского языка поступали в русский язык через французский.

Голландские слова, образующие небольшую группу, представляют в русской лексике термины морского дела: *матрос, рупор, мачта, вымпел, дюйм* и др., ср. также: *апельсин, ситец.*

Заимствуя то или иное слово, русский язык редко усваивал его в том виде, в каком оно бытовало в языке-источнике. Различия в звуковом строе, грамматике, семантико-словообразовательных свойствах, существующие между русским и тем языком, откуда приходило слово, вели к тому, что чужое слово изменялось, приспособлялось к фонетическим нормам, грамматическим правилам, словообразовательным моделям и семантическим законам русского языка.

Заимствуются из других языков как слова, так и их отдельные элементы (структура, значение). Заимствование отдельных элементов слов порождает кальки (от франц. calque «копия на прозрачном листе»).

В русском словарном составе выделяется два вида калек — словообразовательные и семантические.

Словообразовательные кальки — это такие слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфемам, на основе усвоения словообразовательной структуры чужих слов. Например, словообразовательной калькой с французского слова subdivision является слово *подразделение*: оно появилось путем замены приставки sub- приставкой *под-*, корня -divis- основой *раздел-* и суффикса -ion суффиксом *-ени(е)*. Калькирование в данном случае представляет собой заимствование словообразовательного строения. Таким образом, словообразовательная калька — это слово из исконно русского материала, но возникшее как результат перевода, усвоения словообразовательной структуры чужого слова. Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их иноязычность и ограничивается: корни, аффиксы,

т. е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой, исконно русский.

Словообразовательные кальки в современном русском языке (как и в любом другом) обычно представляют собой продукт книжного творчества: они появились в нем при переводах как новообразования переводчиков. В качестве образцов этих словообразовательных калек выступают почти исключительно слова из греческого, латинского, французского и немецкого языков.

Многие из появившихся в свое время словообразовательных калек впоследствии были вытеснены из состава лексики русского языка другими словами (в частности, прямыми заимствованиями). Среди таких слов: *звездозаконие* (современное *астрономия* — из греч.), *любомудрие* (современное *философия* — из греч.), *отценачальник* (современное *патриарх* — из греч.), *посредность* (современное *нейтралитет* — из нем.), *недействие* (современное *инертность* — из франц.), *предрассуждение* (современное *предрассудок* — из франц.), *книгодержатель* (современное *бухгалтер* — из нем.), *предзнание* (современное *прогноз* — из греч.) и др. Лишь некоторые из них стали потом достоянием устной литературной речи.

Семантические кальки — явление иного порядка. Семантическими кальками считаются такие слова, в которых иноязычным по происхождению элементом является лексическое значение. Само слово в своем звучании, материальном составе и словообразовательной структуре является исконным, одно же из присущих ему значений обязано иноязычному происхождению, т. е. значению какого-нибудь слова другого языка. Следовательно, в данном случае калькируется уже не словообразовательная структура чужого слова, а его значение.

Если калькирование словообразовательного строения иноязычных слов приводит к возникновению в усваивающем языке собственно новых слов, до этого в нем не существовавших, то калькирование семантики чужих слов этого не дает: оно ведет лишь к появлению омонимов и новых значений у существующих уже слов.

Примерами семантических калек в русской лексике могут быть слова *трогать* и *плоский* в значении (соответственно) «вызывать сочувствие, приводить в умиление» и «пошлый, банальный». Обе эти кальки появились в русском литературном языке в конце XVIII в. и обязаны своим появлением французским словам toucher и plat.

У этих французских слов, помимо прямых, номинативных значений, таких, как и в русских словах *трогать* и *плоский* (а именно «прикасаться» и «ровный, без возвышений и углублений»), имеются переносные. Под их влиянием русские слова, прежде всего при переводах, получили значения, им ранее неизвестные, которые реализуются в таких сочетаниях, как *ничто его не трогало, плоская шутка* и т. д. Из «единого» слова появилось два слова-омонима. Семантической калькой, следовательно, является свое исконное слово, имеющее заимствованное, иноязычное значение.

Если словообразовательные кальки имеют довольно разнообразные языковые источники, то кальки семантические в русском языке в заметном количестве отмечаются лишь с французских слов. Кроме указанных выше слов *плоский* «банальный» и *трогать* «вызывать сочувствие, приводить в умиление», можно в качестве примеров назвать слова *(тонкий, плохой) вкус, черта (характера, поведения, лица), живой (ум, мысль)* и т. п.

Кроме полных калек, в лексике русского языка, как и в других, наблюдаются и так называемые полукальки. Полукальки — это слова, состоящие частью из своего собственного материала, а частью из материала иноязычного слова. По словообразовательной структуре они так же точно соответствуют аналогичным словам языка-источника, из которого идет заимствование. В качестве примера можно назвать такие слова, как *идолослужение* (или *идолопоклонство*), *телевидение*. Это полукальки, поскольку одна часть соответствующего нерусского слова *(идоло-, теле-)* заимствована, а вторая переведена по тем морфемам, из которых она состоит. Греческое слово eidōlatreia дает в русском языке слово *идолослужение*, благодаря заимствованию первой основы в виде *идоло-* и переводу через русский корень *-служ-* (-latr-), суффикс *-ени(е)* (-eia) — второй. Оно же дает слово *идолопоклонство* путем заимствования первой части сложения и перевода второй через основу *поклон-* (-latr-) и суффикс *-ств(о)* (-eia). В данном случае как глаголы *поклоняться* и *служить*, так и суффиксы *-ение(е)* и *-ств(о)* выступают как синонимические.

Искусственное televisia приводит к появлению в русской лексике слова *телевидение*, которое получилось благодаря заимствованию первой (греческой по происхождению) основы *теле-* и калькированию второй (латинской по

происхождению): корня -vis- через *-вид-* и суффикса -ia через *-ени(е)* (ср. болг. *телевизия*, чешск. televise и т. д.).

То же явление мы наблюдаем и в большом ряду слов, имеющих в своем составе одну основу, т. е. несложных. Полукальки с одним корнем будут всегда представлять слова, в которых заимствованная часть — основная, корневая, а переведенная — аффиксальная.

Такое неполное калькирование очень близко уже к простому словообразовательному переоформлению, к простой словообразовательной обработке слова по внутренним законам и словопроизводственным моделям заимствующего языка. Однако полностью все же с этим явлением частичное калькирование не совпадает. Поясним это на примере слова *гуманность*. Это слово возникло и укрепилось в русском литературном языке в 40-х гг. XIX в. (благодаря В. Белинскому) как передача немецкого слова Humanität. Возникло оно путем заимствования корневой части этого слова (ср.: human «гуманный») в виде основы прилагательного *гуманн-* и перевода немецкого суффикса -ität, образующего имена отвлеченного качества, соответствующим русским суффиксом *-ость*. Заимствование в данном случае повело бы к тому, что у нас это слово укрепилось бы не в виде *гуманность*, а в виде *гуманитет* (ср. такие заимствованные слова соответствующей словообразовательной модели, как *нейтралитет, авторитет, приоритет, генералитет* и т. п.).

Необходимо отметить, что сейчас все чаще моделью для калькирования, а также и источником для прямого заимствования во многих языках становятся наши, русские слова. Достаточно указать на такие бытующие как кальки и прямые заимствования в ряде языков слова, какими являются русские *пятилетка* (ср. англ. five-year plan), *колхоз, ударник, самокритика, большевик, совет, спутник, космонавт* и т. д.

§ 17. Интернациональная лексика. В словарном составе современного русского языка имеется значительный процент интернациональной лексики — слов, которые в близкой форме и в тех же значениях имеют аналоги во многих языках народов Европы, Азии и других континентов. Ср.: рус. *культура* и франц. culture, англ. culture, исп. cultura; рус. *спорт* и англ. sport, исп. deporte; рус. *музыка* и англ. music, франц. musique и т. д.

В своей основной массе интернациональная лексика русского языка является прямо заимствованной или нередко — исконной, но состоящей из иноземных корневых морфем.

Интернациональными являются, например, такие повседневные и специальные слова, как *партия, курс, информация, институт, прогрессивный, реакционный, энергия, капитал, театр, принципы, радио, пропагандировать, анализировать, аранжировка* и др. Как правило, они пришли в русский язык из латинского прямо или через посредство французского, немецкого языков *(культура, церемония)* или заимствованы из греческого *(гигиена, пафос, гимн)*, французского *(роль, актер, ансамбль, натюрморт)*, английского *(спорт, митинг)* языков.

Многие интернациональные слова создавались учеными, техниками и другими лицами в разных странах, в том числе и в нашей, из латинских и греческих корней для обозначения вновь открытых явлений, изобретений, частей машин, для обозначения новых научных отвлеченных понятий: *метагалактика, пульсар, парамнезия, стратосфера, голография, синтетический, компьютер, спектрограф, антропоморфизм, плюрализм* и т. п. Естественно, термины различных наук и производств интернационализируются скорее и в большем числе, чем другие слова, так как ученые различных стран весьма заинтересованы в общей международной научной и производственной номенклатуре: это намного облегчает чтение специальной литературы на других языках, способствует более быстрому и правильному формированию специальных отраслевых научных и производственных понятий и ходу научных исследований, позволяет быстрее приобщиться ко всему научному и производственному передовому опыту и достижениям, существующим во всем мире.

За последние десятилетия все больше входит в интернациональный фонд русских слов, что связано с огромными достижениями советской науки и культуры, образа жизни советских людей. Такими словами являются, напр.: *советы, комсомол, спутник, космодром, союз* и др. В составе русского языка эти интернационализмы исконны. Интернационализируются — через посредство русского языка — и некоторые слова из языков народов СССР: *чайхана, тамада, курага, джигит, харчо, арык* и др.

Интернационализацию слов следует понимать также и более узко. Какой-то фонд слов может быть общим не

для многих языков всего мира, а для той или иной совокупности наций. В советской стране, в связи с длительным процессом слияния всех социалистических наций в исторически новую общность — советский народ, давно образовался и все более пополняется общесоветский языковой, в частности словарный, фонд. В него входят все слова-аналоги, близкие по форме и значению, которые употребляются во всех языках советских народов или в большом их ряде: *пятилетка, партия, вуз, спецовка, интеллигент, милиция, сессия, аптека* и др. Для многих наших национальных языков это заимствования из русского. Известное число слов общесоветского фонда пришли в него из различных национальных языков, получив распространение по всей стране: *хлебороб, аксакал, сель, пиала* и др. Процесс и результаты интернационализации слов языков в рамках советского общества изучены еще пока недостаточно (не определена общая номенклатура, инвентарь таких единиц, нет точных данных по каждому отдельному языку, по регионам распространения слов-общесоветизмов, по тематическим группам, дающим общесоветизмы, и др.).

ФРАЗЕОЛОГИЯ

§ 1. Понятие о фразеологическом обороте. Фразеологический оборот — это воспроизводимая единица языка, состоящая из двух или более слов или ударных компонентов словного характера, целостная по своему значению и устойчивая в своем составе и структуре.

Воспроизводимость — основное свойство фразеологического оборота, отграничивающее его от свободного сочетания слов и в то же время сближающее его со словом. Фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы, точно так же, как отдельные слова. Так, если свободные сочетания слов *За девять лет он ни разу не простыл. Все свои вещи она решила взять обратно. Крыть крышу оказалось нечем* и т. д. создаются из отдельных слов во время общения, то фразеологические обороты *за тридевять земель* «далеко», *след простыл* «нет», *взять свои слова обратно, нечем крыть* извлекаются из памяти целиком, в виде готовых целостных образований.

Свойством воспроизводимости объясняются все остальные признаки, одинаково присущие словам и фразеологическим оборотам, прежде всего целостность значения и устойчивость в составе и структуре.

В смысловом плане фразеологизмы выступают как единое целое даже в том случае, когда их семантика зеркально отражает значения образующих их слов, напр.: *всерьез и надолго, на данном этапе.*

Фразеологические обороты состоят из определенных, всегда одних и тех же частей, тесно связанных между собой как части целого и располагающихся одна за другой в строго установленном порядке. Постоянство состава и местоположения компонентов фразеологизма носит такой же характер, какой можно отметить для морфемного состава слова. Любое (пусть самое небольшое) изменение порядка следования компонентов осознается говорящими как новообразование, лежащее за пределами системы языка. Фразеологические обороты дублетного характера типа *от всей души — от всего сердца* представляют собой вполне самостоятельные и одинаково воспроизводимые единицы, подобные синонимичным словам с одной и той же непроизводной основой, ср.: *верить — веровать, читка — чтение, ароматичный — ароматический* и т. п.

Некоторые группы фразеологических оборотов (а именно включающие в свой состав глаголы) способны к двоякому расположению своих компонентов (ср.: *сгореть со стыда — со стыда сгореть, тянуть волынку — волынку тянуть, бить баклуши — баклуши бить* и т. д.), однако это не означает, что в них местоположение компонентов является незакрепленным: и в таких фразеологизмах местоположение образующих слов постоянно и фиксированно, но не единообразно, а в двух одинаково возможных вариантных формах.

Для подавляющего большинства фразеологических оборотов характерно также и такое, казалось бы, чисто «словное» свойство, как непроницаемость: основная масса фразеологизмов выступает в виде таких целостных лингвистических единиц, внутри которых вставки обычно невозможны, напр.: *от мала до велика, во цвете лет, на седьмом небе, дело в шляпе, белый гриб, куры не клюют, всегда готов.*

Перечисленные свойства сближают фразеологизмы со словами.

Чем же отличаются фразеологические обороты от слов? Важнейшим отличием основной массы фразеологизмов от подавляющего большинства слов являются структурные особенности и характер грамматической оформленности. В самом деле, «классические» слова являются образованиями, состоящими из частей, которые вне слова, самостоятельно употребляться не могут. Эти слова делятся (если не представляют собой корневых слов, не обладающих формами словоизменения) на морфемы, реально существующие лишь в слове, напр.: *молч-а-ть, супруж-еств-о, дал-ек-о.* Что же касается большинства фразеологических оборотов, то они, в отличие от «классических» слов, состоят не из морфем, а из целых слов со свойственными для них формами, напр.: *держать язык за зубами, узы Гименея, у черта на куличках* и др.

«Классические» слова, состоящие из морфем, выступают как единооформленные образования. Что касается резко противопоставленных им фразеологизмов, то они в качестве единиц, образованных из самостоятельных слов, функционируют в языке как раздельно оформленные образования *(сгореть со стыда, безысходная тоска, борьба за мир)* или как составные, распадающиеся на какие-то части, однако эти части не являются словами в полном смысле этого слова, так как они не имеют основного признака — самостоятельной семантики, напр.: *перемывать косточки* — это образование представляет собой «химическое соединение каких-то растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей». [1]

§ 2. Отношение фразеологизмов к лексической системе русского языка. Анализ фразеологизмов, их семантики, соотношения их семантики с семантикой отдельных слов показывает, что эти единицы имеют самое прямое отношение к лексической системе, органически входят в нее и дополняют ее.

Большинство русских фразеологизмов входит в тот или иной класс слов. Есть фразеологизмы:

1) с предметным значением (по денотативным, морфологическим и синтаксическим особенностям равные словам-существительным): *бабье лето, игра слов, авгиевы конюшни, ирония судьбы, тришкин кафтан, казанская*

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.—Л., 1947, с. 23.

сирота, альфа и омега и т. п. (в предложении они, подобно существительным, могут быть подлежащими *(Наступило бабье лето)*, дополнениями *(Наконец мы расчистили авгиевы конюшни накопившихся бумаг)*, а также могут выступать в других функциях существительного);

2) со значением действия (денотативно эквивалентные словам-глаголам): *восстать ото сна, стереть с лица земли, пройти мимо* и т. д. Они выступают в предложении в роли сказуемых: *Эту деревню фашисты стерли с лица земли* (ср.: *разрушили*);

3) со значением состояния (эквиваленты глаголов, а также слов категории состояния, предикативов): *быть не в своей тарелке* (ср.: *смущаться*), *не дают покоя (чьи-либо) лавры* (ср.: *завидно*);

4) со значением признака (обычно, но не всегда эквиваленты прилагательных и наречий): *на веки вечные* (ср.: *навсегда*), *в три ручья* (ср.: *горько*), *как снег на голову* (ср.: *неожиданно*), *как вол* (ср.: *много*), *как корова языком слизала* (ср.: *быстро, моментально*), *какой ни на есть* (ср.: *любой*), *кожа да кости* (ср.: *худой*), *видал виды, видавший виды* (ср.: *опытный*) [1], *чистой воды* (ср.: *неподдельный, высококачественный*), *мухи не обидит* (ср.: *тихий, кроткий*);

5) с количественным значением (эквиваленты слов *много, мало*): *хоть пруд пруди, кот наплакал, куры не клюют* (в предложении функционируют как часть подлежащего: *Совести у них — кот наплакал* (ср.: *Совести у них мало*). *Дел сегодня хоть пруд пруди;*

6) с местоименно-указательным значением: *наш брат* (ср.: *мы* — определенной группы (или все) мужчины), *ваша сестра* (ср.: *вы* — определенной группы (или все) женщины), *автор этих строк* (ср.: *я*), *ни одна собака* (ср.: *никто*) и т. п.;

7) с модальным значением: *во всяком случае, вообще говоря, между нами будь сказано, к слову сказать, если хотите* и др.;

8) со значением отношения (эквивалентны союзам): *несмотря на то что, подобно тому как, между тем как;*

---

[1] В морфологическом отношении оборот не всегда эквивалентен своему однословному синониму, ср.: *видал виды* и *опытный*. Кроме того, фразеологизмы часто морфологически недостаточны (т. е. употребляются не во всех формах, возможных для стержневого слова), ср.: *видал виды, видала виды,* но нельзя: *видит виды; мухи не обидит* — глагол нельзя поставить в прошедшем времени и т. п.

9) с эмоциональным содержанием без денотативного значения (эквиваленты междометий): *Вот тебе раз! Вот оно что! Скажите пожалуйста!* (как выражение презрения или недоверия). *Вот еще! Мать честная! Батюшки мои!*

За пределами лексической системы оказываются устойчивые воспроизводимые единицы — афоризмы, заключающие в себе не одно понятийное значение, а совокупность их, увязанную в суждение: *нашла коса на камень, жребий брошен, а воз и ныне там, пан или пропал* и т. п. Однако они являются отдельной частью готового инвентаря языковых единиц, их «склада», откуда они поступают в речь и становятся там высказываниями.

Распределяясь по лексико-семантическим разрядам, фразеологизмы принадлежат к той или иной тематической группе. Возьмем несколько тематических групп, рассмотренных выше, и увидим, как органически они дополняются единицами — фразеологизмами. Группа «термины родства» *(отец, брат, мать)* дополняется единицами *двоюродный брат, двоюродная сестра, единородный брат* (только по отцу), *единоутробный брат* (только по матери), *внучатый племянник* и др. В тематическую группу «признаки характера лица», кроме единиц *волевой, трудолюбивый, целеустремленный, упрямый,* безусловно, входят и *сильный духом, большой души, прекрасной души, мухи не обидит* и др. К тематической группе слов, обозначающих вербальное действие *(говорить, произносить),* прибавляются единицы типа *нести вздор, болтать языком, прожужжать все уши.*

Фразеологизмы легко «подстраиваются» и в синонимический (по денотации) ряд слов, будучи синонимами как по отношению к словам (ср.: *много — хоть пруд пруди, девать некуда; врать — лить пули; расследовать — производить расследование; значить — иметь значение*), так и по отношению один к другому, к каким-то другим оборотам (ср.: *в мгновение ока, в два счета, единым духом* в значении «очень быстро»; *когда рак свистнет* и *после дождичка в четверг* со значением «никогда»; *стать на дороге* и *стать на пути* со значением «мешать в каких-то делах»).

Фразеологизмы могут вступать со словами и между собой в антонимические отношения, ср.: *жениться — выйти замуж, балерина — солист балета, машинистка — переписчик на машинке, победить — потерпеть поражение, лгать — говорить правду, хоть пруд пруди — кот напла-*

кал, закадычный друг — заклятый враг, подветренная сторона — наветренная сторона, войти в моду — выйти из моды.

Как и слова, фразеологизмы, имея различные значения, относящиеся друг к другу как мотивирующие и производные, и объединяясь одной и той же звуковой формой, составляют полисемантические образования. Напр.: *переливать из пустого в порожнее* имеет значения: 1) заниматься бесполезным делом, 2) проводить время в пустой болтовне; *как с цепи сорвался* — 1) опрометью, очень быстро (*побежал* и др.); 2) потерял самообладание, дошел до крайности в действиях; *сослужить службу* — 1) оказать услугу кому-либо, 2) сыграть свою роль; *пальчики оближешь* — 1) очень вкусен, 2) очень красив, хорош.

Конечно, полисемия фразеологических оборотов по «длине» полисемантических рядов и по проценту многозначных оборотов занимает более скромное место в составе фразеологических оборотов, чем полисемия слов [1].

По коннотативному содержанию фразеологические обороты в основном распределяются по группировкам и группам, намеченным выше для слов. В отличие от слов большинство фразеологизмов современного русского языка не являются нейтральными, межстилевыми, они обычно обладают той или иной эмоциональной разговорной или книжной окраской.

Огромное их число имеет неодобрительную разговорную общенародную коннотацию: *навострить лыжи, выжить из ума, набить карман, заговаривать зубы, очертя голову,* а также презрительную разговорную коннотацию: *высосать из пальца, тянуть бодягу, молоко на губах не обсохло, на козе не объедешь, не все дома* и т. д.

Некоторые эмоционально отрицательные фразеологизмы имеют социально ограниченное употребление: 1) встречаются в разговорной речи: *в места не столь отдаленные, божий одуванчик, слабая половина* (с оттенком шутливости); *ничтоже сумняшеся, еле можаху, патентованный дурак, притча во языцех* (с оттенком неодобрения

---

[1] Явления омонимии в сфере фразеологии довольно редки, ср.: *на память* «для воспоминаний» и *на память* «наизусть»; *в пух и прах* «наголову» *(разбить)* и *в пух и прах* «весьма щегольски» *(одеться)*. Однако фразеологизмы часто вступают в отношения омонимии со свободными сочетаниями слов, ср.: *закидывать удочку, дать леща* и т. п.

или презрения); 2) встречаются в просторечии: *дубина стоеросовая, фон барон* и т. п. (с оттенком презрения).

Гораздо меньше фразеологизмов с эмоционально положительной разговорной коннотацией: *брать с руками и ногами, косая сажень в плечах, на дороге не валяется, на вес золота, рубаха-парень* (с оттенком одобрения); *по гроб жизни, на веки вечные, добро пожаловать!* (с оттенком возвышенности и торжественности); *горе луковое, как рыба об лед* (с оттенком ласкового сочувствия).

Фразеологизмов книжного характера меньше. Многие из них неэмоциональны: *иметь значение, представлять интерес, претерпеть изменения, вести начало, рационализаторское предложение, летнее солнцестояние* и т. п. Многие имеют оттенок возвышенности, торжественности: *житейское море, путеводная звезда, властитель дум, лебединая песня, перейти Рубикон, угрызения совести* и т. д. Ряд книжных оборотов характеризуется оттенком ироничности, презрительности: *и иже с ними, козел отпущения, рыцарь печального образа, сизифов труд, блистать своим отсутствием.*

Часть единиц фразеологии (сравнительно небольшая) является неэмоциональной и нейтральной в стилевом отношении: *сойти с ума, во всяком случае, время от времени, тайное голосование, космический корабль* и т. п.

Периферийные участки фразеологии менее обширны, чем словесные, и сводятся к тем же явлениям. Фразеологизмы-диалектизмы: *загнать за бузан* (ср. общенародное *загнать за Можай*), *ногайская кобыла* «необычной силы женщина», *серые щи* (ср.: *постные щи*); фразеологизмы-профессионализмы: *роза ветров* (морск.), *прибавочная стоимость;* фразеологизмы-арготизмы: *катить баллоны (на кого-либо)* «вредить», *заяц трепаться не любит* и т. п.; фразеологизмы-историзмы: *частный пристав, требовать удовлетворения* «вызывать на дуэль», *мировой судья, реальное училище* и т. п.; фразеологизмы-архаизмы: *вставлять персты в язвы, малая толика, биться об заклад*; фразеологизмы-неологизмы: *Вот какие пироги! Сдвиг по фазе.*

§ 3. Классификация фразеологических оборотов по семантической слитности. Фразеологические обороты всегда представляют собой единое смысловое целое, однако со-

отношение значения фразеологизма в целом и значений составляющих его компонентов может быть различным.

С точки зрения соотношения, существующего между общим значением фразеологизма и частной семантикой образующих его частей, фразеологические обороты современного русского литературного языка можно разделить на четыре группы: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения.

Предлагаемая классификация фразеологических оборотов представляет собой разработку и уточнение классификации соответствующих языковых единиц, принадлежащей В. В. Виноградову.

Фразеологические сращения — это такие семантически не делимые фразеологические обороты, в которых целостное значение совершенно несоотносительно с отдельными значениями составляющих их слов. Значение такого рода фразеологических оборотов условно, как и семантика слов с непроизводной основой. Например, фразеологические обороты *бить баклуши* «бездельничать» и *очертя голову* «безрассудно» являются такими же немотивированными и условными обозначениями явлений объективной действительности, как и составные по образованию слова типа *подражать, стремглав*, где производность не чувствуется и значения слов абсолютно несоотносительны со значениями составляющих их частей. Выражение *не ровен час*, представляющее собой фразеологическое сращение, равно по смыслу словам *а вдруг (Не ровен час он заметит это)*. По своей семантике оно совершенно несоотносительно с теми значениями, которые свойственны словам *не ровен* и *час*. Такой оборот, как *и никаких гвоздей*, по значению равен словам *баста, хватит, ничего больше*. Целостное значение его слов *и, никаких, гвоздей* не вытекает из тех значений, которые присущи данным словам в их свободном употреблении.

Если элементы, составляющие фразеологическое сращение, и имеют одинаково звучащие с ними слова, то это соотношение является чисто омонимическим. Так, например, сочетание слов *перемывать косточки*, с одной стороны, может выступать перед нами как фразеологическое сращение, значение которого (сплетничать) не вытекает из реальных значений отдельно взятых слов *перемывать* и *косточки*, а с другой стороны, может быть свободным употреблением этих слов в их прямом, номинативном

значении *(Косточки ископаемой птицы пришлось перемывать несколько раз)*.

Итак, фразеологические сращения — это эквиваленты слов, подводимые под определенные грамматические категории как единые, абсолютно неразложимые смысловые единицы.

Фразеологические единства — это такие фразеологические обороты, целостная семантика которых мотивирована отдельными значениями составляющих их слов. Неразложимое значение фразеологических единств возникает в результате слияния значений отдельных составляющих их частей в единой обобщенно-переносной семантике целого, напр.: *закинуть удочку, тянуть лямку, зарыть талант в землю, семь пятниц на неделе, мелко плавает, из пальца высосать, первый блин комом, положить зубы на полку*. Их значения в отличие от фразеологических сращений являются производными, мотивированными и вытекающими из семантики образующих их слов. В этом отношении они аналогичны словам с производной основой. Но эта мотивированность, производность значений рассматриваемых фразеологических оборотов не прямая, а опосредованная. Все весьма многочисленные в русском языке фразеологические единства являются образными выражениями, составными единицами, понимание которых обязательно связано с пониманием того внутреннего образного стержня, на котором они строятся.

Свойство реально существующей образности — это основное свойство фразеологических единств. Именно это отличает их от омонимических свободных сочетаний слов. Такие сочетания слов, как *намылить голову, брать в свои руки, заткнуть за пояс, прокатить на вороных* и т. д., одинаково возможны и как фразеологические единства (тогда это будут образные выражения), и как обычные свободные сочетания слов (тогда эти слова будут употреблены в своих прямых, номинативных значениях).

В отличие от фразеологических сращений фразеологические единства не представляют собой совершенно застывшую массу: составляющие их части могут отделяться одна от другой другими словами. Это свойство фразеологических единств резко отличает их не только от фразеологических сращений, но и от подавляющего большинства фразеологических сочетаний и фразеологических выражений.

Фразеологические сочетания — это такие фразеологические обороты, в которых имеются слова как со свободным, так и со связанным употреблением. Рассмотрим оборот *закадычный друг*. Перед нами сочетание из двух слов. Слово *друг* имеет свободное употребление. Оно может сочетаться не только со словом *закадычный*, но и с целым рядом других слов, самых различных по своему лексическому значению, эмоционально-стилистической окраске и т. д. Что же касается слова *закадычный*, то оно как бы прикреплено к слову *друг* и может употребляться только с ним. То же самое будет наблюдаться и во фразеологическом сочетании *заклятый враг*, в котором прилагательное *заклятый* является «вечным спутником» существительного *враг*. Другие примеры фразеологических сочетаний: *расквасить нос, утлый челн, кромешный ад, кромешная тьма, скоропостижная смерть, скалить зубы, трескучий мороз, насупить брови.*

Фразеологические сочетания почти не имеют омонимических им свободных словосочетаний. Особенностью их является то, что входящие в их состав слова с фразеологически связанными значениями могут заменяться синонимическими: *скоропостижная смерть — внезапная смерть, расквасить нос — разбить нос* и т. д. Чем шире круг слов, с которыми может соединяться член фразеологического сочетания, имеющий несвободное употребление, тем ближе это сочетание к разряду фразеологических выражений.

Фразеологические выражения — это такие устойчивые в своем составе и употреблении фразеологические обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями: *Любви все возрасты покорны* (Пушкин); *оптом и в розницу, всерьез и надолго, социалистическое соревнование.*

По характеру связей слов, составляющих их, и общему значению фразеологические выражения ничем не отличаются от свободных словосочетаний. Основная специфическая черта, отграничивающая фразеологические выражения от свободных сочетаний слов, заключается в том, что в процессе общения они не образуются говорящим, как последние, а воспроизводятся как готовые единицы с постоянным составом и значением. Употребление фразеологического выражения *Любви все возрасты покорны* отличается от употребления, например, предложения *Стихи*

покоряли читателя своей искренностью и свежестью тем, что оно извлекается говорящим из памяти целиком, так же как отдельные слова или фразеологические обороты, равнозначные слову, в то время как предложение *Стихи покоряли читателя своей искренностью и свежестью* создается говорящим по законам русской грамматики из отдельных слов в самом процессе общения. Фразеологическое выражение *партийный билет* характеризуется прежде всего тем, что оно не образуется говорящими заново всякий раз, как только им случается об этом говорить, а воспроизводится так же, как, например, слово *партбилет*.

Среди фразеологических выражений различаются две группы: фразеологические выражения коммуникативного характера и фразеологические выражения номинативного характера.

Фразеологические выражения первого типа представляют собой предикативные словосочетания, равные предложению. Они всегда являются целым высказыванием, выражают то или иное суждение: *Человек — это звучит гордо* (Горький). *Без труда не вынешь и рыбку из пруда. Суждены нам благие порывы* и т. д.

Фразеологические выражения второго типа являются сочетаниями слов, идентичными лишь определенной части предложения. Они всегда выступают в качестве словесной формы того или иного понятия и, подобно словам, выполняют в языке номинативную (т. е. назывную) функцию: *трудовые успехи, на данном этапе, высшее учебное заведение* и т. д. [1]

§ 4. Фразеологические обороты современного русского языка с точки зрения их происхождения. Исконно русские фразеологические обороты, как и слова, в качестве воспроизводимой единицы возникли в русском языке или

---

[1] Кроме фразеологических сращений, единств, сочетаний и выражений, некоторыми учеными выделяется и еще один тип единиц, который можно условно назвать фразеологическим совмещением. Под него подводятся обороты типа *пожать плечами, развести руками, кивнуть головой, красный свет светофора*. Во-первых, они имеют общее целостное значение жеста или знака, которые описываются словесно; во-вторых, они одновременно означают то, что означают составляющие их слова. Так, оборот *пожать плечами* означает «двинуть вверх плечами, выражая тем самым недоумение». Этим подобные обороты отличаются как от фразеологических сращений и единств, так и от фразеологических сочетаний и выражений.

унаследованы им из более древнего языкового источника. Они подразделяются на общеславянские, восточнославянские и собственно русские. Две первые группы сравнительно немногочисленны. Третья, включающая фразеологические обороты, возникшие в эпоху раздельного существования трех самостоятельных восточнославянских языков, является самой богатой, постоянно и интенсивно увеличивающейся и сейчас.

В подавляющем большинстве исконно русские фразеологические обороты возникли из первоначально свободных сочетаний слов, которые по той или иной причине в определенный момент стали фразеологическими.

Основными причинами превращения свободных сочетаний слов в устойчивые по своему составу и строению и целостные по значению фразеологические обороты являются следующие: 1) постоянное употребление свободных сочетаний слов не в прямом, а в обобщенном и образно-переносном значении; 2) появление в свободном сочетании слов слова связанного, фразеологически ограниченного употребления; 3) выражение свободным сочетанием слов единого понятия, актуального для данной исторической эпохи. Так, фразеологические обороты *у разбитого корыта, человек в футляре, бывшие люди* возникли на базе свободных сочетаний слов, появившихся соответственно под пером А. Пушкина, А. Чехова и М. Горького, в результате метафоризации, при постоянном и повторяемом употреблении в переносном, обобщенном значении вне того художественного контекста, в котором они зародились. По этой же причине (в силу частого и длительного использования в метафорическом значении) превратились во фразеологические обороты сочетания *в час по чайной ложке* (первоначально формула, разъясняющая способ приема лекарства), *хоть кол на голове теши* (такая крепкая голова), *на безрыбье и рак рыба, цыплят по осени считают* и т. д.

Совсем по другой причине превратились во фразеологические обороты первоначально свободные сочетания слов *красная девица, во сто крат (крат* — раз*), потерпеть фиаско, пропасть даром* (слово *даром* здесь употребляется в значении «бесполезно»), *скоропостижная смерть, истошный крик, чревато последствиями* и т. д. Они стали фразеологизмами потому, что в их составе с течением времени у слов со свободным значением появилось значение фразеологически связанное. Так, фразеологическое со-

четание *красная девица* состоит сейчас из двух слов: фразеологически связанного по своему употреблению в значении «красивая, хорошая» слова *красная* и свободного по своему употреблению слова *девица*.

Причиной превращения во фразеологические обороты словосочетаний *сдать в эксплуатацию, социалистическое соревнование, педагогическая практика, режим экономии* и т. п. явилось обозначение ими единого и притом актуального в настоящее время понятия. Это не значит, что, для того чтобы свободное сочетание слов превратилось во фразеологизм, оно должно обязательно стать единственным названием соответствующего явления (последнее может иногда выражаться и другими языковыми средствами), однако оно все-таки обязательно должно быть привычной и актуальной, а также частой или даже преимущественной формой выражения соответствующего понятия, по сравнению с которой другие являются или производными и зависимыми (ср.: *педагогическая практика — педпрактика*), или менее яркими (ср.: *на все сто процентов — полностью*). Благодаря постоянному употреблению свободных сочетаний слов в обобщенном, образно-переносном значении, в языке возникают исконно русские фразеологические единства и фразеологические выражения коммуникативного характера. Постоянное обозначение исходно свободным сочетанием слов одного, актуального в данное время понятия приводит к образованию на его месте исконно русского фразеологического выражения номинативного характера.

Исконно русские фразеологические сращения непосредственно из свободных сочетаний не образуются. Они возникают в языке как вторичное явление — явление высшей степени фразеологизации — на базе различных фразеологических оборотов.

Кроме исконно русских фразеологических оборотов, возникших в результате словоупотребления на базе свободных сочетаний слов, во фразеологической системе русского языка есть разряд фразеологических оборотов, созданных по модели. Фразеологизмы такого рода образуются по аналогии и появляются в речи всегда как новообразования, лишь постепенно входя в общее употребление. Как фразеологические обороты аналогического происхождения, они всегда связаны в своем появлении со стремлением более ярко и выразительно назвать то, что в языке уже было названо.

В качестве примеров моделированных фразеологизмов можно назвать такие обороты, как *березовая каша, кормить завтраками, городить чушь, помирать со смеху, сапоги всмятку, без ножа зарезать, без году неделя, живой труп* и т. п. Все они возникли по модели уже существовавших в языке фразеологических оборотов, причем в одном случае с использованием одной из структур, а в другом — с использованием как структуры, так и отдельных их компонентов. Например, фразеологизм *березовая каша* «порка» возник в качестве фразеологического единства не на базе свободного словосочетания *березовая каша* (такого никогда не было, как не было и нет березовой каши), а по модели, причем с использованием не только структуры фразеологических сочетаний типа *манная каша, пшенная каша, гречневая каша* и т. д., но и их грамматически опорного слова *каша*.

Моделированные фразеологизмы появляются всегда как фразеологические неологизмы индивидуально-авторского характера, однако они далеко не всегда закрепляются впоследствии в общем употреблении. Новообразования, возникающие в художественной и публицистической литературе, из контекстуальных оборотов превращаются в общеязыковые фразеологизмы особенно редко.

Заимствованные фразеологические обороты — это иноязычные по происхождению фразеологизмы, употребляющиеся без перевода. По своему характеру они распадаются на две группы: фразеологизмы, заимствованные из старославянского языка, и иноязычные обороты без перевода из западноевропейских языков. Первая группа довольно большая, более или менее стабильная и совершенно обрусевшая; вторая представляет собой небольшую (постоянно уменьшающуюся) группу книжных и явно нерусских выражений, которые (если не исчезают вовсе) или вытесняются соответствующими фразеологическими кальками, или превращаются в слова.

От заимствованных фразеологических оборотов следует отграничивать исконно русские, состоящие из иноязычных по происхождению слов. Так, фразеологизм *алгебра революции* состоит целиком из заимствованных слов, однако в качестве устойчивого сочетания слов возник в русском языке и является исконно русским.

После появления на Руси христианства в результате влияния старославянского языка на древнерусский в по-

следнем закрепилось довольно большое количество выражений, представляющих собой ходячие цитаты из книг священного писания (Библии, Псалтырей, Нового завета и т. д.). Многие их этих фразеологических старославянизмов (в силу близости словарного состава и грамматического строя старославянского и древнерусского языков) настолько прочно вошли в русский язык, что не чувствуется не только их заимствованный характер, но и первоначально характерная для них книжная стилистическая окраска. Например, старославянские фразеологические обороты *соль земли, всей душой, в плоть и кровь, ради бога, корень зла, знамение времени, козел отпущения, на сон грядущий* и т. д. не только не осознаются сейчас чужими для фразеологии русского языка, но и не имеют никакого специфически книжного оттенка с точки зрения стилистики.

Значительная часть фразеологических старославянизмов в своем лексическом составе не содержит никаких специфических слов и грамматических форм, не известных современному русскому литературному языку в свободном употреблении, напр.: *нищие духом, не сотвори себе кумира, имеющий уши да слышит, альфа и омега, по образу и подобию, всем сердцем* и др.

Но имеются и такие старославянские по своему происхождению фразеологические обороты, которые в силу традиции их употребления и устойчивости свойственного им лексического состава содержат в себе как устаревшие слова, так и архаичные грамматические формы. К этой группе, в частности, относятся следующие выражения: *ничтоже сумняшеся (ничтоже* «ничуть не», *сумняшеся* «сомневались»); *око за око, зуб за зуб (око* «глаз»), *тьма кромешная (кромешная* «беспросветная»), *как зеницу ока (зеница* «зрачок»), *всякое даяние — благо (даяние* «подношение, дар», *благо* «хорошо»), *глас вопиющего в пустыне (глас* «голос», *вопиющий* «кричащий»), *не от мира сего (сей* «этот»), *до скончания века (скончание* «конец», *век* «жизнь»).

От фразеологических оборотов, заимствованных из старославянского языка и представляющих собой те или иные изречения из церковно-богослужебных книг, следует отличать фразеологизмы, возникшие позднее, уже в русском языке, на базе библейских и евангельских мифов. Такими, например, являются обороты *избиение младенцев, зарыть талант в землю, строить на песке, волк*

в овечьей шкуре, вавилонское столпотворение, Содом и Гоморра и т. д.

В отличие от фразеологических старославянизмов, в своем подавляющем большинстве совершенно не ощущаемых как иноязычные обороты, иностранный характер выражений, заимствованных русским языком без перевода из западноевропейских языков, как правило, совершенно ясен. Нерусское происхождение этих фразеологизмов, по своему употреблению ограниченных книжной речью, проявляется как в том, что они нередко передаются посредством латинского алфавита, так и в том, что слова, из которых они состоят, сохраняют обычно все присущие им в языке-источнике свойства. В этом отношении иноязычные фразеологические обороты без перевода аналогичны лексическим варваризмам, почему могут быть названы иностранными фразеологическими оборотами, напр.: alea jacta est «жребий брошен» (лат.), honoris causa «ради почета, за заслуги» (лат.), à la guerre comme à la guerre «на войне как на войне» (франц.), all right «хорошо, все в порядке» (англ.). Чужеязычность соответствующих выражений лишний раз подчеркивается наличием у многих из них соответствующих им фразеологических калек, например: O tempora, o mores! (лат.) и «О времена, о нравы!» (Цицерон), dolce far niente (итал.) и «сладкое ничегонеделание», façon de parler (франц.) и «манера выражаться» и т. д.

Значительный разряд существующих в современном русском литературном языке фразеологических оборотов составляют фразеологические кальки. Под фразеологической калькой следует понимать фразеологический оборот, появившийся в русском языке в результате буквального, т. е. пословного, перевода иноязычного оборота. Фразеологические кальки возникают тогда, когда чужой фразеологический оборот переводится на русский язык не целиком, а по составляющим его компонентам, т. е. по словам, из которых он складывается. Например, фразеологический оборот *борьба за существование* — это фразеологическая калька английского выражения struggle for life, восходящего к заключительным словам заглавия книги Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за существование» (1859). Соответствующий фразеологизм был переведен по частям: существительное

struggle — словом *борьба*, предлог for — предлогом *за*, существительное life — словом *существование*.

В разговорной речи очень употребительно фразеологическое сращение *иметь зуб* (против кого-нибудь или на кого-нибудь). Своим происхождением оно обязано французскому обороту avoir une dent contre и представляет его буквальный перевод: avoir значит «иметь», dent «зуб», contre «против».

Пословный перевод иноязычного фразеологического оборота, каким является фразеологическая калька, может быть как абсолютно точным, так и в известной степени приблизительным. Последнее объясняется прежде всего тем, что лексико-грамматические нормы того языка, оборот которого калькируется, в известной степени отличаются от лексико-грамматических норм русского языка. Точные фразеологические кальки — воспроизведение лексико-грамматического состава чуждого фразеологизма без каких-либо отступлений, напр.: *задняя мысль*, передающее французское arrière pensée; *иметь место*, передающее французское avoir lieu; *синий чулок*, передающее английское blue stocking, и т. д. Неточные фразеологические кальки — пословный перевод иноязычного фразеологического оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его отдельных компонентов. Например, тот факт, что в русском языке в качестве определения более употребительны препозитивные прилагательные, нежели родительный падеж постпозитивного существительного, привел к тому, что в нем появились такие неточные кальки, как *железная дорога* (chemin de fer, буквально «дорога железа» (франц.), *дневное светило* «со́лнце» (flambeau de jour, буквально «светило дня» (франц.).

Кроме фразеологических калек, в фразеологической системе современного русского литературного языка имеется также группа фразеологических полукалек. Фразеологическая полукалька появляется тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода. Так, французский фразеологизм battre en brèche подвергся в русском языке неполному калькированию, при котором слова battre en были переведены глаголом *пробить*, а слово brèche заимствовано. В результате возникла фразеологическая полукалька *пробить брешь*. В качестве фразеологических полукалек (ср. лексические полукальки типа

гуманность, телевидение и т. д.) можно назвать обороты *принять резолюцию* (prendre une resolution; франц.) [1], *смешать карты* (brouiller les cartes; франц.), *артезианский колодец* (puits artésien; франц.) и т. д.

§ 5. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления. Фразеологические обороты исконно русского характера, имея в виду сферу первоначального употребления, можно разделить на следующие группы:

1. Выражения из разговорно-бытовой речи, напр.: *потерять голову, на босу ногу, в сорочке родился, на безрыбье и рак рыба, терпенье и труд все перетрут; мал золотник, да дорог; вот тебе, бабушка, и Юрьев день; не все то золото, что блестит; цыплят по осени считают, зубы заговаривать, сказка про белого бычка, скатертью дорога, за тридевять земель, сума переметная, хоть кол на голове теши, красная девица, чудеса в решете.*

2. Выражения из профессиональной и жаргонной речи, напр.: *разделать под орех, топорная работа, без сучка без задоринки* (из речи столяров); *ставить в тупик, зеленая улица* (из словоупотребления железнодорожников); *играть первую скрипку, задавать тон* (из профессионального разговора музыкантов); *ни в зуб ногой* (из школьного арго); *втирать очки, карта бита, идти в гору* (из арго картежников).

3. Выражения из книжно-литературной речи:

1) переосмысленные составные термины наук и производств, напр.: *отрицательная величина, центр тяжести, довести до белого каления, катиться по наклонной плоскости, привести в общему знаменателю, звезда первой величины;*

2) устойчивые обороты из художественной литературы и публицистики, которые обычно называются крылатыми словами, напр.: *А ларчик просто открывался. Слона-то я и не приметил. Кукушка хвалит Петуха за то, что хвалит он Кукушку. Наделала синица шуму, а моря не зажгла* (Крылов); *с чувством, с толком, с расстановкой; Свежо предание, да верится с трудом. Служить бы рад — прислуживаться тошно. И дым отечества нам сладок и приятен* (Грибоедов); *Мы все учились понемногу чему-нибудь*

---

[1] Кроме полукальки, этот французский фразеологизм дал уже в русском языке XVIII в. и фразеологическую кальку *принять решение.*

и как-нибудь. Жалок тот, в ком совесть нечиста; не мудрствуя лукаво; окно в Европу; А счастье было так возможно. Глаголом жги сердца людей (Пушкин); *Унтер-офицерская вдова сама себя высекла; мертвые души; Есть еще порох в пороховницах* (Гоголь); *Суждены нам благие порывы. Вот приедет барин, барин нас рассудит; рыцарь на час; Кому на Руси жить хорошо* (Некрасов).

ЛЕКСИКОГРАФИЯ

§ 1. Энциклопедические и лингвистические словари. В настоящее время во всем мире, в том числе и в нашей стране, созданы десятки тысяч различных словарей. Это вызвало к жизни особую отрасль знания — лексикографию, которая устанавливает типы словарей, описывает конкретные словари, давая информацию о них, вырабатывает общие и частные принципы составления словарей.

Различаются энциклопедические и лингвистические словари. В энциклопедических словарях — специальных словарях справочного характера (например, Большая советская энциклопедия (БСЭ), Малая советская энциклопедия (МСЭ), Детская энциклопедия (ДЭ), Большой энциклопедический словарь) — объясняются реалии — предметы и лица, явления и понятия, обозначаемые теми или иными словами.

Лингвистические словари содержат различное освещение (толкование, характеристику и др.) языковых единиц, описывают их признаки и лишь опосредованно связаны с реалиями, обозначаемыми словами.

Некоторые словари можно квалифицировать как лингвоэнциклопедические (словари терминов, если в них включаются сугубо научные или производственные, специальные сведения, и др.).

§ 2. Типология лингвистических словарей. Важнейшие словари русского языка. Лингвистические словари, в зависимости от своих целей и объясняемого языкового материала, делятся на несколько типов.

Словари, в которых средствами родного языка объясняются слова чужого языка (и наоборот), называются переводными. Они могут быть как двуязычными, так и многоязычными (например, русско-английский словарь, чешско-русский словарь, русско-немецко-французско-английский словарь и т. д.).

Помимо этих словарей, чрезвычайно распространены словари, в которых объясняются слова, бытующие в родном языке. Наиболее известными и употребительными среди них являются толковые словари, дающие характеристику ядра современной лексической системы, прежде всего со стороны семантики. В них указываются значения слова, его основные грамматические свойства, употребляемость, экспрессивно-стилистическая окраска, произношение и написание, а иногда и происхождение. Помимо слов, толковые словари включают в свой объяснительный материал и фразеологические обороты. Фразеологические обороты в них не образуют особых статей, а включаются в словарную статью тех слов, которые являются их основными составными элементами.

Подавляющее большинство толковых словарей русского языка является нормативными, отражающими правила и законы русского литературного языка.

Первым толковым словарем русского языка был «Словарь Академии Российской» (1789—1794).

Ценным лексикографическим пособием для каждого интересующегося русской лексикой и фразеологией является вышедший первым изданием в 1863—1866 гг. «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Этот словарь, возникший в результате многолетней работы замечательного русского этнографа, включает около 200 тысяч слов. В нем не только содержится лексика русской письменной речи XIX в., но и удивительно полно и широко представлены слова и фразеологические обороты живой, разговорной речи.

Среди толковых словарей русского языка советской эпохи первое место по заслугам принадлежит «Толковому словарю русского языка» (1935—1940, т. 1—4) под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, составленному профессором В. В. Виноградовым, профессором Г. О. Винокуром, профессором Б. А. Лариным, доцентом С. И. Ожеговым, Б. В. Томашевским. Этот словарь по типу и задачам представляет собой тот словарь «настоящего русского языка», «словарь слов, употребляемых теперь и классиками, от Пушкина до Горького», о необходимости создания которого В. И. Ленин говорил еще в 1920 г.[1] В словаре объясняются лишь слова современного русского литературного языка (в том числе и об-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 122.

щеупотребительные новообразования советской эпохи). Областные слова и специальные термины узкого употребления в словарь, как правило, не включаются. Всего в словаре 85 289 слов. В настоящее время словарь отчасти устарел, но продолжает играть большую роль в пропаганде культуры речи.

На базе «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова С. И. Ожеговым создан однотомный «Словарь русского языка» (1-е издание вышло в 1949 г.; восемнадцатое — в 1986 г.). Словарь включает около 57 тысяч наиболее употребительных слов современного русского литературного языка.

С 1950 по 1956 г. вышло в свет 17 томов получившего затем Ленинскую премию «Словаря современного русского литературного языка» Академии наук СССР. Этот словарь — нормативный и толково-исторический одновременно. Он содержит все лексическое богатство русского литературного языка с грамматической его характеристикой, преимущественно от эпохи Пушкина до наших дней.

На основе картотеки «Словаря современного русского литературного языка» АН СССР был создан краткий академический «Словарь русского языка» (М., 1957—1960, т. 1—4). Он представляет собой нормативный словарь современного русского литературного языка, очень близкий по своему профилю и объему к «Толковому словарю русского языка» Д. Н. Ушакова, естественно, с соответствующими изменениями в словарном составе.

Особым видом толковых словарей являются словари иностранных слов. В них дается характеристика лишь таких слов, которые, будучи заимствованы, в силу узкой сферы употребления осознаются как иностранные. Это обычно самые разнообразные термины. Иноязычные слова широкого употребления, прочно вошедшие в русский язык (вроде *комната, суп, кровать, базар, изюм* и т. п.), в таких словарях не толкуются.

Наиболее известным в настоящее время среди словарей иностранных слов является словарь под редакцией И. В. Лехина и профессора Ф. Н. Петрова, выдержавший много изданий. В алфавитном порядке в нем объясняются 20 тысяч иностранных слов, наиболее распространенных в научной, публицистической и художественной речи. Словарная статья построена очень экономно: за объясняемым словом в скобках указывается язык-источник и заимствованное слово в латинской транскрипции,

далее следует объяснение значения. Если слово пришло в русский язык через посредство какого-либо языка, то в скобках вместе с заимствованным словом указывается как язык-источник, так и язык-передатчик. Пользуясь словарем иностранных слов, следует иметь в виду, что в ряде случаев в нем этимологический состав слова отождествляется с реальным возникновением слова в том или ином языке. Особенно часто это наблюдается относительно слов, этимологически состоящих из греческих и латинских корней.

К толковым словарям по своему назначению примыкают фразеологические словари, объектом описания и характеристики которых являются не слова, а фразеологические обороты. В этих словарях объясняются значения фразеологических оборотов, их происхождение и экспрессивно-выразительные свойства. Первым словарем этого типа является «Фразеологический словарь русского языка», составленный Л. А. Войновой, В. П. Жуковым, А. И. Молотковым, А. И. Федоровым, который вышел в 1967 г. и выдержал несколько изданий. Читателю предлагаются объяснения значений и контексты употребления более 4 тысяч фразеологических оборотов русского языка. Фразеологизмы помещаются в алфавитном порядке составляющих их компонентов, причем каждый из объясняемых оборотов указывается столько раз, сколько в нем компонентов, включая их «видовые и лексические варианты».

Дополнением к этому словарю служит «Словарь русских пословиц и поговорок», составленный В. П. Жуковым (1966). Это издание не является фразеологическим словарем в полном смысле этого слова, однако содержит в себе большой и интересный материал, посвященный фразеологизмам коммуникативного характера, структурно равным предложениям. Всего в словаре толкуется около тысячи пословиц и поговорок.

Из дореволюционных изданий этого типа наиболее известным и содержательным является словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1903—1904, т. 1—2).

Кроме специальных изданий по фразеологии, фразеологический материал в известной степени освещается и в толковых словарях русского языка. Особенно богато он представлен в «Толковом словаре живого великорус-

ского языка» В. И. Даля, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова и в «Словаре современного русского литературного языка» АН СССР.

Кроме толковых, к словарям, объясняющим слова, относятся такие словари, в которых дается характеристика лишь одной какой-либо стороны слова, например его история, место в современной системе языка, реальное функционирование и т. п.

Среди словарей, описывающих различные системные отношения между словами, важное место занимают словари синонимов. Они представляют собой собрания синонимических рядов со стержневым словом ряда в качестве заглавного.

В 1956 г. вышла книга В. Н. Клюевой «Краткий словарь синонимов русского языка» (2-е издание — в 1961 г.). Словник во втором издании состоит из 3 тысяч слов; в конце книги в качестве приложения дан алфавитный индекс синонимов (с выделением основных слов) и индекс синонимических рядов. Словарная статья состоит из указания синонимического ряда, объяснения разницы, существующей между синонимами, и иллюстраций.

В 1968 г. издательством «Советская энциклопедия» выпущен «Словарь синонимов русского языка», составленный З. Е. Александровой. В словаре содержится около 9 тысяч синонимических рядов.

В 1970—1971 гг. издан под редакцией А. П. Евгеньевой двухтомный «Словарь синонимов русского языка» Академии наук СССР. Словарь снабжен введением, излагающим точку зрения авторов на проблему синонимов, а также объясняющим особенности построения словаря. В словаре дается подробное семантико-стилистическое объяснение всех слов синонимического ряда, иллюстрируемое примерами.

В 1975 г. вышел «Словарь синонимов: Справочное пособие» Академии наук под редакцией А. П. Евгеньевой. Синонимы собраны в группы (или ряды). Основой каждой такой группы является понятие, имеющее для своего обозначения два слова или несколько различных слов, которые и образуют данную группу. В синонимические группы входят слова современного русского литературного языка, живой общенациональной русской речи, а также те фразеологизмы, которые представляют собой эквиваленты слов.

Помимо словарей синонимов, к этому типу словарей относятся словари антонимов (см: *Введенская Л. А.* Словарь антонимов русского языка. Ростов, 1971; *Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л. А. Новикова, 1978), омонимов (см: *Ахманова О. С.* Словарь омонимов русского языка. 2-е изд. М., 1976), словообразовательные, исторические, этимологические словари.

Словообразовательные словари знакомят читателя с тем, как членятся слова на морфемы, какова их структура.

Первой попыткой создания такого учебно-методического пособия, как толково-нормативный справочник для учителей, является «Школьный словообразовательный словарь» З. А. Потихи (во 2-м издании (М., 1964) под редакцией и с предисловием чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова). В основной части этот словарь знакомит читателя с морфемным членением около 25 тысяч слов.

В 1978 г. появился «Школьный словообразовательный словарь русского языка» (автор А. Н. Тихонов), в котором показывается, как родственные слова в современном русском языке связываются в гнезда и с помощью каких словообразовательных средств это осуществляется.

Исторические словари содержат лишь указания о том, как звучало слово, какие значения и грамматические свойства оно имело в прошлом, каков был словарный состав языка в ту или иную эпоху.

Настоящего исторического словаря русского языка, в котором бы давалась история слова (т. е. время возникновения в качестве языковой единицы, изменение и развитие его значений, модификация его словообразовательной структуры и звучания и т. д.), пока еще нет.

Русский лексикограф располагает в настоящее время небольшими по материалу словарями А. Дювернуа («Материалы для словаря древнерусского языка», 1894), Г. Кочина («Материалы для терминологического словаря древней Руси», 1937) и словарем И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» (в трех томах и одном дополнительном, 1893—1912; фототипически переиздан в 1958 г.). Последний словарь представляет собой большое собрание словарного материала (около 120 тысяч

слов) из древнерусских памятников XI—XV вв. самых разнообразных жанров и содержания и является пока незаменимым при чтении древнерусских памятников и изучении древнерусского языка.

В 1975 г. появился первый выпуск «Словаря русского языка XI—XVII вв.», составляемого в Институте русского языка АН СССР. Последний выпуск двенадцатый (1987). Издание продолжается.

Историческим словарем, содержащим, правда, уже не нарицательные, а собственные (причем лишь антропонимические) имена, является также и «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова (СПб., 1903).

В последние годы появились: «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского (М., 1966), «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова (М., 1966). Как первые опыты этого рода, они неполны по материалу и не очень совершенны по своему лексикографическому характеру. Тем не менее это работы нужные и полезные. Словарь Н. А. Петровского содержит около 2600 мужских и женских имен, известных русскому языку. «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова содержит сведения историко-лингвистического характера приблизительно о 4 тысячах различных географических названий, употребляющихся сейчас в русском языке. В словарной статье толкуется не только топоним, но и соответствующий географический объект, так что издание носит полуэнциклопедический, полуязыковедческий характер; его можно также отнести и к этимологическим словарям.

Задача этимологического словаря заключается в разъяснении происхождения слов того или иного языка или языковой семьи. В такого рода словарях даются указания относительно исконного или заимствованного характера слова, указывается, от какого слова оно образовано, в ряде случаев — при помощи какого способа образования возникло, каково его наиболее древнее значение и какой признак был положен в основу названия. В этимологическом словаре читатель получает ответ на вопрос, откуда именно заимствованы иноязычные слова, прочно вошедшие в лексику современного русского литературного языка.

Наиболее известным этимологическим словарем русского языка является «Этимологический словарь русского

языка» А. Г. Преображенского (от *а* до *сулея* — в выпусках 1910—1914 гг., от *тело* до *ящур* — в «Трудах Института русского языка», т. 1, 1949; в 1960 г. словарь фотомеханическим способом был издан полностью).

На немецком языке издан в ФРГ этимологический словарь русского языка М. Фасмера («Russisches etymologisches Wörterbuch», 1950—1958). В 1964—1973 гг. он вышел на русском языке в переводе и с дополнениями чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева.

В 1961 г. появился «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова и Т. В. Шанской под редакцией чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. Третье, исправленное и дополненное издание этого словаря как пособие для учителя вышло в 1975 г.

С 1960 г. в этимологическом кабинете МГУ началась работа по составлению многотомного этимологического справочника с учетом всех новейших достижений советской и зарубежной этимологии и лексикографии. В 1963 г. вышел первый выпуск этого «Этимологического словаря русского языка», посвященный объяснению происхождения слов на *А* (автор-составитель Н. М. Шанский). В первом выпуске объясняется 718 слов, из которых только 231 этимологизируется в словаре М. Фасмера. К 1988 г. издано восемь выпусков *(А — К)*.

В 1970 г. появился «Этимологический словарь русского языка» научно-популярного характера Г. П. Цыганенко (Киев: Радяньска школа).

В настоящее время наиболее полным словарем, объясняющим происхождение русских оборотов, является опубликованный в журнале «Русский язык в школе» (1979—1980) «Краткий этимологический словарь русской фразеологии» Н. М. Шанского, В. И. Зимина и А. В. Филиппова. В 1987 г. в издательстве «Русский язык» словарь вышел отдельным изданием.

К этой же группе словарей следует отнести вышедший в 1978 г. «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. В нем дается систематическое и достаточно полное описание сочетательных свойств наиболее употребительных русских слов. В словаре около 2500 словарных статей.

Словоизменительные характеристики слова представлены в «Грамматическом словаре русского языка» (автор

А. А. Зализняк), изданном в 1977 г. Для каждого входящего в словарь слова (а их около 100 тысяч) даются сведения о том, изменяется ли оно и если да, то как именно (склоняется или спрягается).

Следующая группа (или тип) словарей имеет широкую прикладную направленность, их условно можно назвать культурно-речевыми. Сюда относятся орфографические, орфоэпические словари, разного рода словари-справочники «правильностей» и т. п.

Орфографические словари в качестве специальных справочников по правописанию слов начали появляться в конце XIX в. Первым таким словарем, содержащим около 3 тысяч слов, был «Справочный указатель», изданный академиком Я. И. Гречем в качестве приложения к его работе «Русское правописание» (1885), которая была первой научно обоснованной попыткой унифицировать русскую орфографию.

Среди орфографических словарей, появившихся в советское время, особенно известен неоднократно издававшийся «Орфографический словарь» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крючкова (1-е издание относится к 1933 г.).

После упорядочения русского правописания в 1956 г. важнейшим орфографическим справочником (с учетом сделанных изменений) является «Орфографический словарь русского языка» под редакцией С. Г. Бархударова, С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро (1-е издание вышло в 1956 г.). Этот словарь содержит 104 тысячи слов. Наряду с правописанием он отражает также имеющиеся в настоящее время фонетические, акцентологические и грамматические варианты слов, а также содержит сведения морфологического и орфографического характера.

Проблеме слитного/раздельного написания посвящен словарь-справочник «Слитно или раздельно?» под редакцией Д. Э. Розенталя. Из словарей, посвященных правильному произношению слов, заслуживает упоминания в первую очередь словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1-е издание появилось в 1955 г. и содержало около 50 тысяч слов). Полезным справочником по акцентологии является также «Словарь ударений для работников радио и телевидения», созданный в 1960 г.

под руководством К. И. Былинского. В 1967 г. вышло второе, переработанное и дополненное издание этого словаря под редакцией Д. Э. Розенталя.

Пособия, содержащие справки по наиболее трудным и в то же время постоянно встречающимся случаям употребления слов и форм, были и остаются, в общем, редкими, хотя первый словарь подобного рода — «Справочное место русского языка» — появился еще в 1843 г. Из дореволюционных работ такого профиля, помимо известной работы В. И. Чернышева «Правильность и чистота русской речи» (Пг., 1914—1915, ч. 1 и 2), заслуживает серьезного внимания, пожалуй, лишь «Словарь неправильных, трудных и сомнительных слов, синонимов и выражений в русской речи» И. И. Огиенко (Киев, 1914).

Словарь-справочник «Правильность русской речи» под редакцией С. И. Ожегова (составители Л. П. Крысин и Л. И. Скворцов, 1962) является первым опытом нормативного пособия, специально посвященного вопросам словоупотребления. В нем «содержится около 400 словарных статей, о наиболее типичных случаях трудностей современного словоупотребления».

Вопросам словоупотребления посвящены также «Трудности словоупотребления и варианты норм русского языка: Словарь-справочник» (1973), «Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (1976) и др.

Одним из видов словарей этого типа являются словари паронимов, под которыми понимаются близкие по своему звучанию, но различные по значению слова в целом (как родственные, так и неродственные) или одни лишь однокоренные. В качестве первого опыта словаря паронимов можно назвать словарь-справочник Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка» (М., 1968). Значительно большей по словнику и более лексикографичной по своему характеру является книга Н. П. Колесникова «Словарь паронимов русского языка» (Тбилиси, 1971). В нем содержится 1432 гнезда паронимов, что объединяет более 3 тысяч слов. В 1974 г. появилась книга О. В. Вишняковой «Паронимы в русском языке», в которой содержится характеристика паронимов как языковой единицы и небольшой словарь.

Следующую группу представляют словари, описывающие лексическую периферию. К ним прежде всего отно-

сятся диалектные словари, которые могут строиться либо как словари, дающие характеристику всего словарного состава того или иного говора, диалекта, наречия, либо как словари, являющиеся собранием диалектной лексики в отличие от общенародной. Наиболее важным из словарей второго типа является изданный в 1852 г. вторым отделением Академии наук «Опыт областного великорусского словаря» (в 1858 г. к этому словарю было выпущено большое дополнение).

Среди словарей, отражающих специфику лексики отдельных диалектов, заслуживают внимания словари В. Богораза («Областной словарь колымского русского наречия», 1901), Н. Васнецова («Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора», 1908), В. Добровольского («Смоленский областной словарь», 1914), Г. Куликовского («Словарь областного олонецкого наречия», 1898), А. Подвысоцкого («Словарь областного архангельского наречия», 1885), А. Миртова («Донской словарь», 1929), Г. Мельниченко («Краткий ярославский областной словарь», 1961), А. Ф. Ивановой («Словарь говоров Подмосковья», 1969) и др.

В 1965 г. началось издание многотомного «Словаря русских народных говоров» (вышло двадцать два выпуска; издание продолжается). Эта работа представляет собой исчерпывающее собрание диалектных слов, зафиксированных во всех ранее вышедших областных словарях, словариках и списках (не только печатных, но и рукописных). Словарная статья состоит из толкуемого слова, грамматических помет, объяснения значения, иллюстраций употребления и указания на ту или иную диалектную принадлежность слова. Помимо этого, указывается источник, из которого берутся слово и приводимые тексты.

В эту группу входят и словари неологизмов. В 1971 г. появилась книга «Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. В словаре содержится около 3500 новых слов и значений, не зарегистрированных толковыми словарями русского литературного языка и появившихся после Великой Отечественной войны (особенно в 50—60-х гг.). Словарная статья содержит толкование слова, подтверждение этого соответствующими цитатами, в отдельных случаях — стилистическую помету, а также справочный отдел,

отражающий частоту употребления того или иного неологизма в обследованных материалах.

В 1980 г. издан первый выпуск серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы — 77» под редакцией Н. З. Котеловой, которая будет состоять из ряда книжек-тетрадей, содержащих отсутствующие в лексикографических изданиях новые слова, новые значения слов и выражения, зарегистрированные по текстам массовых периодических изданий в определенный период.

В особую группу можно выделить словари частотные, обратные и т. п., имеющие узкий подсобно-прикладной характер.

Частотные словари знакомят читателя со степенью употребляемости слов в речи. Полным частотным словарем современного русского литературного языка может быть словарь, основанный на статистических исследованиях достаточного количества самых различных в экспрессивно-стилистическом отношении текстов. Такого словаря еще нет. Впрочем, немного и таких частотных словарей русского языка, которые построены на ограниченном материале. В первую очередь здесь следует назвать словарь Г. Г. Йоссельсона «The Russian Word Count» (Detroit, 1953), где содержится 5230 слов (по убывающей частотности и по алфавиту).

Методически полезна работа «Частотный словарь современного русского литературного языка» Э. А. Штейнфельдт (Таллин, 1963). Она включает 2500 наиболее употребительных, по мнению автора, слов. Для статистического рассмотрения было взято 400 тысяч слов из современных текстов различных жанров. Кроме всевозможных дополнительных материалов, этот словарь содержит три списка слов: общий список слов по частоте употребления, список слов по частям речи и общий список слов по алфавиту. В 1977 г. вышел «Частотный словарь русского языка» Л. Н. Засориной (9044 единицы).

Совсем недавно стали появляться специальные частотные словари: языка газеты — Г. П. Поляковой и Г. Я. Солганика (М., 1971) и научной литературы — Е. М. Степановой (М., 1970).

Частотные словари не только имеют большое практическое значение (для составления учебников и словарей-минимумов, в работах по машинному переводу и т. д.), но и могут быть использованы для изучения некоторых теоретических вопросов лексикологии.

Первым полным обратным словарем современного русского языка является вышедшая в ГДР работа Г. Бильфельдта «Rückläufiges Wörterbuch der russischen Sprache der Gegenwart» (Berlin, 1958). Словарь содержит около 80 тысяч слов современного русского литературного языка, извлеченных из наших последних толковых словарей, орфографического словаря и расположенных по алфавиту справа налево.

В 1968 г. в Польше появился обратный словарь (составители И. Дулевич, И. Грек-Пабисова и И. Марыняк; под редакцией А. Обрембской-Яблонской), созданный на основе словаря И. И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Характер и подача материала в нем такие же, как и в словаре Г. Бильфельдта.

В 1974 г. вышел составленный редакцией русских словарей издательства «Советская энциклопедия» самый большой «Обратный словарь русского языка».

Кроме различного рода справочных словарей академического характера, существуют также и учебные словари, предназначенные специально для учащихся (в том числе и для нерусских). Особенно интенсивно и плодотворно развивается теория и практика учебной лексикографии в последнее время. В 1976 г. появился комплексный школьный «Грамматико-орфографический словарь» А. В. Текучева и Б. Т. Панова. Недавно были изданы «Школьный словарь антонимов русского языка» М. Р. Львова (М., 1980), «Школьный фразеологический словарь русского языка» В. П. Жукова (М., 1980).

Специально для нерусских учащихся, кроме различных по размеру и ориентации переводных словарей, начинают создаваться и издаваться лингвистические словари иного рода. Среди этих словарей прежде всего необходимо отметить всевозможные толковые словари так называемого активного типа, имеющие не только и не столько справочный характер, сколько обучающие цели. К ним относятся: словарь «4000 наиболее употребительных слов русского языка» (Под ред. Н. М. Шанского. 2-е изд. М., 1981), «Учебный фразеологический словарь русского языка» Н. М. Шанского и Е. А. Быстровой (М., 1979) и др.

Фонетика

Фонетика — это раздел языкознания, в котором изучается звуковая материя языка, его различные звуковые единицы, служащие материалом для построения значимых языковых единиц — морфем, слов, предложений.

В задачи фонетики современного русского языка входит изучение способов образования звуков речи и их акустических свойств, определение функций звуков речи, их классификация на основе акустико-артикуляционных и функциональных признаков.

Кроме звуков, называемых сегментными фонетическими единицами, в фонетике рассматриваются суперсегментные единицы — ударение и интонация, которые употребляются в речи вместе со звуками.

Фонетика исследует также членение звучащего речевого потока и единицы такого членения — слоги, речевые такты, фразы.

С фонетикой тесно соприкасается орфоэпия, которая формулирует литературные нормы произношения, вырабатывает теорию и правила произношения слов.

СЕГМЕНТНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

§ 1. Понятие о сегментных фонетических единицах (звуках) и об артикуляционной и акустической характеристике звуков русского языка. Звук речи — это мельчайший, далее не разложимый элемент человеческой речи, воспринимаемой на слух.

Чтобы определить количество звуков языка, их группы и признаки каждого из них, необходимо установить, как они образуются, т. е. их артикуляцию, и как они звучат, т. е. их акустические качества.

Как и в других языках, в русском языке выделяются прежде всего гласные и согласные звуки.

Гласные звуки характеризуются звучностью, которая образуется вибрацией голосовых связок и отсутствием смычки органов речи в полости рта, ввиду чего воздушная струя свободно проходит через речевой канал. Все гласные звуки способны к слогообразованию.

Согласные звуки характеризуются меньшей степенью звучности, чем гласные, многие из них образуются без вибрации голосовых связок (глухие согласные). Струя воздуха при их образовании проходит в узкую щель в полости рта или носа, так как органы речи значительно или полностью сомкнуты. Согласные не образуют слогов, хотя и входят в их состав.

Более подробно и всесторонне звуки русского языка целесообразно рассматривать в рамках двух классификаций — преимущественно артикуляционной (см. § 2—4) и преимущественно акустической (по звучности) (см. § 6).

§ 2. Гласные звуки русского языка. В современной русистике принято выделять 6 основных гласных звуков: [а], [и], [ы], [э], [о], [у]. Они звучат в словах *сад, ива, сыр, этот, кот, суд*. Эти звуки четко выделяются из речевого потока и без затруднения произносятся изолированно.

Основные гласные звуки, учитывая их артикуляционные признаки, можно представить в виде следующей таблицы:

Подъем \ Ряд	Передний	Средний	Задний
Верхний	и	ы	у
Средний	э		о
Нижний		а	
	нелабиализованные		лабиализованные

Гласные звуки русского языка различаются по ряду, подъему и лабиализованности.

Различия по ряду объясняются тем, что гласные произносятся:

1) или при продвинутом вперед языке;

2) или при оттянутом назад языке;

3) или при не продвинутом вперед и не оттянутом назад языке. В первом случае получаются гласные переднего ряда: [и], [э]; во втором — заднего ряда: [о], [у]; в третьем — гласные среднего ряда: [а], [ы].

Различия по подъему связаны с тем, что гласные произносятся с большим или меньшим подъемом спинки языка. С наивысшим подъемом произносятся [и], [ы], [у] (гласные верхнего подъема); с меньшим подъемом — [э], [о] (среднего подъема); совсем без подъема языка произносится [а] (нижнего подъема).

Гласные [у] и [о] отличаются лабиализованностью, т. е. округлением губ при их артикуляции. Гласные переднего и среднего ряда являются нелабиализованными.

Для описания каждого гласного звука его необходимо охарактеризовать в отношении ряда, подъема и лабиализованности. Так, [и] — гласный переднего ряда, верхнего подъема, нелабиализованный; [о] — гласный заднего ряда, среднего подъема, лабиализованный.

Кроме основных шести гласных звуков, в русском языке имеется еще целый ряд их; они более или менее напоминают основные и подводятся под них как их разновидности.

Разновидности основных гласных звуков обусловлены звуковой позицией. Поскольку гласные звуки в речи произносятся не изолированно, а в потоке других звуков, попадая в ту или иную позицию, последняя влияет на их качество. С одной стороны, гласный звук подвергается изменению под влиянием рядом стоящего согласного. С другой стороны, гласный изменяется, если он стоит не под ударением.

В зависимости от примыкающего согласного звука с гласными происходят следующие изменения:

1. Гласные [и], [э], [а] после мягких согласных или в их окружении становятся более передними по ряду и более высокими по подъему, приспосабливаясь к соответствующей артикуляции этих согласных, ср.: *ил* [ил] и *мил* [м'йл], *миля* [м'йл'ь]; *этот* [э̂тут] и *детки*

[д'ɜ̈тк'и], *дети* [д'ɜ̈т'и]; *сад* [сат] и *сядут* [с'ӓдут], *сядь* [с'ӓт'] [1].

В этой же позиции звуки [о] и [у] перестают быть заднерядными и становятся звуками почти переднего ряда, ср.: *луг* [лук] и *люстра* [л'ÿстръ], *люди* [л'ÿд'и]; *ров* [роф] и *рёв* [р'öф], *брёвен* [бр'öв'ьн].

Менее заметные изменения гласных звуков происходят, если мягкий согласный стоит за ними, но при этом не имеется предшествующего мягкого согласного, ср.: *ран* [ран] и *рань* [ра·н']; *лук* и *луч* [лу·ч'].

Звук [ы] не употребляется после мягких согласных, но перед мягким согласным он также несколько меняет свое качество, приобретая в конце, в своей рекурсии (конечной фазе), и-образный оттенок, ср.: *пыл* [пыл] и *пыль* [пы·л'].

2. Звук [и], попадая в положение после твердого согласного, изменяется в [ы], ср.: *игра — сыграть, институт — из* [ы]*нститута, итог — в* [ы]*тоге, день и ночь — гот* [ы] *месяц.* Звук [ы] практически никогда не встречается в начале русских слов и перед гласными, а встречается только после твердых согласных, поэтому многие ученые считают его позиционной разновидностью звука [и].

3. Нелабиализованные гласные после губных согласных или в их окружении приобретают оттенок лабиализации [2], ср.: *танк* [танк] и *папка* [па́пкъ]; *тело* [т'ɜ̈лъ] и *пепел* [п'ɜ̈п'ъл].

4. Гласные звуки в контакте с носовыми согласными приобретают оттенок назальности (носовой призвук).

И в других случаях контактирующие согласные влияют на гласные звуки, которые так или иначе приспосабливают к ним свою экскурсию (начальную фазу артикуляции) или рекурсию, изменяя (иногда совершенно незаметно для обычного слуха) свое звучание.

---

[1] В фонетической транскрипции продвинутый вперед и кверху гласный обозначается соответствующим знаком с предшествующей ему точкой, если влияющий согласный находится впереди; с последующей точкой, если влияющий согласный позади; с крышечкой (переднерядные) или с двумя точками (остальные), если мягкие согласные с обеих сторон. Для простоты пользуются обычно ^ или ¨.

[2] В транскрипции это обозначается кружочком над знаком для гласного.

В позиции не под ударением гласные звуки редуцируются либо количественно, либо качественно.

1. Под количественной редукцией подразумевают сокращение звучности гласного и его менее напряженную артикуляцию, чем при произнесении ударного гласного; основное же качество звука, улавливаемое на слух, при этом сохраняется. Такие изменения происходят со звуками верхнего подъема [у], [ы], [и], ср.: *туп — тупой, пыль — пылить, сидя — сидеть.*

2. Гласные нижнего и среднего подъема [а], [о], [э] в безударной позиции резко изменяют свое качество и с акустико-артикуляционной стороны становятся совершенно другими звуками.

После твердых согласных, попадая в безударную позицию, эти гласные звуки ([а], [о], [э]) изменяются следующим образом:

1. В первом предударном слоге звуки [а] и [о] изменяются в звук среднего подъема, язык при этом более смещается вперед, чем при артикуляции [а] и [о]; эта разновидность звуков [а] и [о] в транскрипции обозначается знаком [Λ], ср.: *сад — с*[Λ]*ды́, расска́з — расск*[Λ]*за́ть; год — г*[Λ]*да́, мой — м*[Λ]*я́.*

2. В других предударных и в заударном слоге звуки [а] и [о] изменяются в звук, еще более высокий по подъему, чем звук [Λ]; он по звучанию очень похож на [а] и на безударный краткий звук [ы] и обозначается знаком [ъ], ср.: *сад — с*[ъ]*дово́д, гнать — вы́гн*[ъ]*ть, торг — т*[ъ]*рговáть, рос — вы́р*[ъ]*с.*

После мягких согласных с безударными гласными происходят следующие изменения:

1. В первом предударном слоге звуки [а], [о], [э] изменяются в звук [и^{э}], т. е. в [и] с э-образным оттенком. Это тоже смещение вперед (по ряду и/или вверх (по подъему языка), ср.: *мяч —* [м'и^{э}]*чо́м (мячом), ряд —* [р'и^{э}]*ды́, вя́жут — за*[в'и^{э}]*жи́, лёд —* [л'и^{э}]*до́к, полёт —* [л'и^{э}]*ти́м, гнёт —* [гн'и^{э}]*ту́т, петь —* [п'и^{э}]*ве́ц, бе́лый —* [б'и^{э}]*ли́ть, меч —* [м'и^{э}]*чо́м (мечом).*

2. В других предударных и в заударных слогах после мягкого согласного звуки [а], [о], [э] видоизменяются в звук, очень похожий на [и^{э}], но еще более редуцированный, сокращенный; он обозначается знаком [ь], ср.: *ряд —* [р'ь]*дово́й, отнять — о́т*[н'ь]*л, лёд —* [л'ь]*дяно́й, весёлый — ве́*[с'ь]*л, речь —* [р'ь]*чево́й, ле́чит — вы́*[л'ь]*чит.*

Позиция под ударением называется сильной позицией для гласного звука (фонемы), так как способствует выполнению им (ею) функции различения звуковых оболочек слов и их форм; позиция не под ударением является слабой для гласного звука, так как в ней он не выступает в своем основном виде и его различительные функции нейтрализуются (ослабляются и сокращаются), ср.: *мяч* и *меч*, но [м'и^{э}] *чóм* — творительный падеж единственного числа от того и другого слова, где [и^{э}], в отличие от [а] и [э], не способствует различению форм этих слов.

§ 3. Согласные звуки русского языка. Среди согласных выделяют обычно 33 основных звука: [б] *(абажур)*, [б'] *(обед)*, [в] *(заварить)*, [в'] *(заведовать)*, [г] *(загадка)*, [д] *(подать)*, [д'] *(надеть)*, [ж] *(нажать)*, [з] *(назад)*, [з'] *(возить)*, [j] *(поймут)*, [к] *(наказ)*, [л] *(салат)*, [л'] *(полёт)*, [м] *(зима)*, [м'] *(камень)*, [н] *(вина)*, [н'] *(понимать)*, [п] *(напасть)*, [п'] *(запеть)*, [р] *(порадоваться)*, [р'] *(нарезать)*, [с] *(посылка)*, [с'] *(посев)*, [т] *(атака)*, [т'] *(затем)*, [ф] *(факел)*, [ф'] *(графин)*, [х] *(пахать)*, [ц] *(нацарапать)*, [ч'] *(начать)*, [ш] *(каша)*, [ш̄'] *(защита)*.

Основные согласные звуки, в отличие от своих речевых видоизменений, легко выделяются из речи и произносятся изолированно. Их можно представить в следующей таблице, показывающей артикуляционные признаки каждого из них (см. с. 126).

Согласные звуки в артикуляционном отношении характеризуются по участию органов речи (или по месту образования) и по действию этих органов (по способу образования).

По участию органов речи, т. е. в зависимости от места сближения или смыкания активного и пассивного органов речи в ротовой полости для создания преграды выходящему воздуху, различаются согласные:

1) губные и среди них:

а) губно-губные: [б], [б'], [п], [п'], [м], [м'];

б) губно-зубные: [в], [в'], [ф], [ф'];

2) переднеязычные и среди них:

а) переднеязычные зубные: [д], [д'], [т], [т'], [з], [з'], [с], [с'], [н], [н'], [л], [л'], [ц];

б) переднеязычные передненёбные: [ж], [ш], [ш̄'], [р], [р'], [ч'];

По действию органов речи \ По участию органов речи		Губные				Передне-язычные				Средне-язычные		Задне-язычные	
		губно-губные		губно-зубные		зубные		передне-нёбные					
		твердые	мягкие	твердые	мягкие	твердые	мягкие	твердые	мягкие	твердые	мягкие	твердые	мягкие
Щелевые	звонкие			в	в'	з	з'	ж			j		
	глухие			ф	ф'	с	с'	ш	ш'			х	
Смычно-взрывные	звонкие	б	б'			д	д'					г	
	глухие	п	п'			т	т'					к	
Смычно-носовые	звонкие	м	м'			н	н'						
	глухие												
Смычно-боковые	звонкие					л	л'						
Дрожащие	звонкие							р	р'				
Аффрикаты	глухие					ц			ч'				

3) среднеязычный: [j];

4) заднеязычные: [г], [к], [х].

При образовании губно-губных согласных активным (приближающимся) органом выступает нижняя губа, пассивным (к которому приближается активный) — верхняя губа; при образовании губно-зубных — соответственно нижняя губа и верхние передние зубы. При образовании переднеязычных активный орган — кончик языка, приближающийся или к верхним зубам (переднеязычные зубные), или к передней части нёба (переднеязычные

передненёбные). Среднеязычный [j] образуется сближением средней части спинки языка с средней частью нёба; заднеязычные — сближением задней части спинки языка с задней частью нёба.

В зависимости от наличия или отсутствия дополнительной приподнятости средней части спинки языка к нёбу образуются мягкие (палатализованные) согласные или твердые (непалатализованные) согласные. Большинство твердых согласных имеет пары среди мягких согласных: [б] — [б'], [в] — [в'] и т. д. Такие пары звуков различаются только по признаку твердости/мягкости, все остальные их признаки совпадают. Это явление называется корреляцией согласных по твердости/мягкости. Не соотносятся по твердости/мягкости лишь звуки [ц], [ч'], [ш], [ш'], а также [г], [к], [х] [1].

По действию органов речи (по способу образования), т. е. в зависимости от характера действия и взаимодействия органов речи, от того, как создается преграда воздушной струе и каким образом она устраняется, как проходит струя воздуха, различаются согласные:

1) щелевые (органы речи сдвигаются, образуя узкую щель): [в], [в'], [ф], [ф'], [з], [з'], [с], [с'], [ж], [ш], [ш'], [j], [х];

2) смычно-взрывные (образуемые полным смыканием органов речи во рту и последующим их полным размыканием): [б], [б'], [п], [п'], [д], [д'], [т], [т'], [г], [к];

3) смычно-носовые (органы речи во рту смыкаются, но струе воздуха открывается проход в носовую полость): [м], [м'], [н], [н'];

4) смычно-боковые проходные (органы речи во рту сомкнуты в центре, но воздух проходит в боковую щель): [л], [л'];

5) дрожащие (образуются в результате вибрации активного органа): [р], [р'];

6) аффрикаты (образуются в результате полного смыкания органов речи и последующего неполного их размыкания до щелевого положения): [ц], [ч']; аффрикаты представляют собой единство взрывного и щелевого зву-

---

[1] Некоторые фонетисты относят мягкие [г'], [к'] и [х'] (в словах *шаги, руки, стихи* и т. п.) к основным звукам русского языка и рассматривают их как пары к твердым [г], [к], [х]. Другие исследователи считают их разновидностью основных звуков, так как они почти не встречаются в сильной позиции, например в конце слова.

ковых элементов, произносимых с большей скоростью, чем два отдельных звука.

По действию/недействию голосовых связок различаются согласные звонкие и глухие. Первые образуются, если голосовые связки сдвинуты и вибрируют в момент прохождения струи воздуха через щель в ротовой полости или через носовую полость; вторые — если голосовые связки в этот момент не вибрируют, будучи раздвинутыми и ненапряженными.

В современном русском языке почти все согласные соотносятся (коррелируют) по звонкости/глухости, совпадая по всем остальным признакам: [б] — [п], [в] — [ф], [г] — [к], [д] — [т], [ж] — [ш], [з] — [с], [б'] — [п'], [в'] — [ф'], [д'] — [т'], [з'] — [с']. Вне этой корреляции остаются лишь [ц], [х], [ч'] и сонорные звуки [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'], [л], [л'], [j] (см. § 6).

Каждый согласный звук имеет совокупность тех или иных указанных признаков. Чтобы охарактеризовать отдельный согласный в отношении его артикуляции, нужно определить, какой он по участию органов речи как по месту образования, так и по палатальности, каково действие органов речи при его произнесении (характер преодоления преграды воздушной струей и участие голосовых связок). Кроме этого, при характеристике согласного указывается его общий акустический признак — степень или характер звучности, звучным (сонорным) или шумным он является (см. § 6). Так, звук [д] — согласный переднеязычный зубной, твердый, смычно-взрывной, звонкий, шумный; звук [м'] — губно-губной, мягкий, смычно-носовой, звонкий, сонорный.

Кроме основных 33 согласных, охарактеризованных выше, имеется большое число других, сходных с ними на слух. Это разновидности основных согласных. Их отличие от основных видов, некоторые особые оттенки в артикуляции и звучании обусловлены влиянием стоящих рядом с ними других звуков, гласных и согласных.

В основном влияние сводится к следующему:

1. Перед лабиализованными гласными согласные приобретают оттенок лабиализованности, т. е. вся артикуляция согласного под воздействием следующего гласного дополняется округлением губ, и это, изменяя форму ротового резонатора, несколько изменяет акустику согласного по сравнению с его основным видом, ср.: *как* и *кот* [к°от], *лето* [л'ӭтъ] и *лёд* [л'°от] и т. п. Различие между [к]

и [к°], [л'] и [л'°] и т. п. можно легко уловить на слух [1].

2. Согласные звуки перед другими согласными произносятся с заметно ослабленной рекурсией, приспосабливаясь к начальной фазе артикуляции следующего согласного. Такие согласные с ослабленным отступом называются сильноначальными, ср.: *газ* и *где, пара* и *правда, сам* и *старый, рано* и *ржавый* и т. п.

Особенно изменяется согласный звук в своей конечной фазе, если непосредственно за ним следует однородный с ним звук: в этом случае рекурсия предыдущего согласного сливается с экскурсией последующего: *гамма, масса, разжать — ра*[жж]*ать, ссыпать* [ссыпа̂т']. Если встречаются в речи два однородных смычно-взрывных согласных, то имеется лишь один взрывной отступ вместо двух, но удлиняется средняя фаза артикуляции — выдержка [2]: *отдать — о*[д̄]*ать, так как* — [та̂къ к], *чтоб подумать* — [што́пп^ду́мът'].

Сильноначальными разновидностями согласных являются и звуки, которыми заканчивается слово или высказывание перед паузой: *поток, даль, вечер.*

3. Согласные, не коррелирующие в своем основном виде по звонкости/глухости, в потоке речи могут получать озвончение или оглушение: 1) перед звонкими согласными, кроме сонорных и [в], [в'], озвончаются [ц], [ч'], [х], ср.: *отец ли* и *оте*[дз̂]*бы, дочь ли* и *до*[д'ж̂']*бы, просох ли* и *просо* [γ] *бы;* 2) звонкие сонорные в позиции конца слова перед паузой, если им предшествует глухой согласный, оглушаются, ср.: *вопли* и *воп*[л̥'], *острый* и *ост*[р̥] и т. п. [3]

4. Перед [н] и [н'] звуки [д], [д'], [т], [т'] появляются в так называемых фаукальных разновидностях. Приспосабливаясь к следующему носовому, они имеют взрыв не в ротовую полость, а в носовую, после размыкания

---

[1] В фонетической транскрипции лабиализованные согласные обозначаются соответствующим знаком с кружочком справа от него.

[2] В научной литературе неоднократно делались оправданные попытки рассматривать такие случаи (не на стыке морфем) как долгие согласные, т. е. как один звук, хотя обычно их рассматривают как стечение двух согласных, как двойные согласные. О долгих звуках см., например: *Шанский Н. М.* Методические указания к курсу «Современный русский язык». М., 1958.

[3] Глухие сонорные принято обозначать соответствующим знаком с крышечкой под ним.

в нее преграды воздушной струе, ср.: *день* и *днем, лето* и *летний, на донышке* и *дно*.

5. Перед [л] и [л'] звуки [д], [д'], [т], [т'] имеют взрыв не в центре ротовой полости, как обычно, а сбоку, приспосабливаясь к артикуляции смычно-боковых [л] и [л'], ср.: *дело* и *повидло, делить* и *для, нет* и *нет ли*. Такие [д], [д'], [т], [т'] называются латеральными, боковыми.

§ 4. Ассимиляционные явления в области согласных звуков. Есть такие позиции для определенных групп согласных звуков, в которых они не встречаются ни в своем основном виде, ни в своих разновидностях, т. е. позиции, невозможные для определенных звуков. Звуки (фонемы), в процессе речи попадая в такие позиции, заменяются другими основными согласными звуками или их разновидностями, обычно находящимися с ними в отношении корреляции. Такие замены в русском языке имеют характер ассимиляции (звукового уподобления).

Разберем соответствующие позиции и замены.

1. Звонкий шумный согласный, попадая в позицию на конце слова, заменяется коррелирующим парным глухим, ср.: *го́ды* и *год* [гот], *база* и *баз* [бас], *лужа* и *луж* [луш]. Этот фонетический закон называется оглушением звонких согласных в конце слова.

2. Перед глухим согласным другой морфемы первоначальный звонкий согласный предыдущей морфемы заменяется коррелирующим глухим, ср.: *сладок — сла*[т]*кий, рабы — ра*[п]*ский, разойтись — ра*[с]*плескать, рад вам — ра*[т̄] *тебе, подвезти — по*[т̄]*тащить*. Такое оглушение может быть и не на стыке двух морфем, а внутри морфемы, если ее два звонких согласных попали в конец слова, ср.: *звезды* и *зве*[ст], *гвозди* и *гво*[ст']. Этот закон называется ассимиляцией звонких согласных по глухости.

3. Перед звонким шумным согласным другой морфемы глухой согласный предыдущей морфемы заменяется коррелирующим звонким. Обычно это происходит на стыке приставки и корня, ср.: *спихнуть* — [з]*делать* (первоначальный [с] заменяется на звонкий коррелят [з]); *отпустить — о*[дд]*ать*, а также и в других случаях: на стыке слов, ср.: *мо*[к] *под дождем* и *мо*[г] *бы под дождем, прилет скворцов* и *приле*[д] *грачей*; на стыке корня и суффикса, ср.: *сватать* и *свадьба, косить — ко*[з']*ба*. Этот фонетический закон называют ассимиляцией глу-

хих согласных по звонкости. Озвончения не происходит перед звонкими губно-зубными (ср.: [з]*делать*, [з]*бить*, но [с]*варить*, [с]*вить*) и перед сонорными (ср.: *о*[д]*был*, но *о*[т]*летел*, *о*[т'jэ́]*хал*; [з]*делать*, но [с]*работаться*).

4. На стыке морфем, одна из которых кончается переднеязычным зубным щелевым согласным, а другая начинается передненёбным, первый из отмеченных звуков заменяется на передненёбный, ср.: *ра*[з]*бирать* — *расшить* [р'ъшшыт'] (здесь [з] во втором слове заменяется на [ш]), *бе*[з]*дарный* — *бе*[шш]*умный*, *раздвинуть* — *ра*[жж]*ать*, *без денег* — *бе*[ш'ш'у́стф] (с потерей смычного элемента [т'] в [ч']) или *бе*[ш'ч']*увств*. Этот фонетический закон называется ассимиляцией зубных перед передненёбными.

5. Те твердые согласные, которые имеют соотносительные парные мягкие, употребляются перед гласными переднего ряда очень редко. Обычно, оказываясь в этом положении, твердый согласный морфемы заменяется на парный мягкий, ср.: *арбу*[з]*ы* — *арбу*[з']*ище* ([з] заменяется на [з'] перед суффиксом, начинающимся с гласного переднего ряда), *дом* — *до*[м']*ик*, *август* — *в авгус*[т']*е*. Это явление называется законом смягчения твердых согласных перед гласными переднего ряда. Закон действует только внутри слова и не распространяется за его пределы, на стыки слов. На стыке слов твердые согласные перед гласными переднего ряда на коррелирующие мягкие не заменяются, ср.: *бра*[ты]*рины*, [вы]*талию*, *это*[тэ]*пизод*.

6. Мягкий согласный звук в конце корня или суффикса перед твердым согласным суффиксов *-н-*, *-ск-*, *-ств-*, *-к-* заменяется коррелятивным твердым согласным, ср.: *степь* — *сте*[п]*ной*, *пекарь* — *пека*[р]*ский*, *зверь* — *зве*[р]*ство*, *море* — *мо*[р]*ской*, *Астрахань* — *астраха*[н]*ский*, *сеть* — *се*[т]*ка*. Это бывает и в некоторых других случаях, ср.: *та*[н']*ец* — *та*[н]*цевать*, *си*[т']*ец* — *си*[т]*цевый*. Этот закон называется ассимиляцией мягких согласных по твердости. Из него есть исключения: не «отвердевает» в описанных условиях [л'], ср.: *писатель* — *писательский*, *писательство*, *сталь* — *стальной*[1]; нет ожидаемого отвердения в слове *июньский*.

---

[1] Более того, и твердый корневой [л] получает смягчение перед суффиксами: *посол* — *посольство*, *пыл* — *вспыльчивый*.

7. В положении перед мягким согласным другой морфемы контактирующий с ним твердый согласный предыдущей морфемы нередко заменяется на парный мягкий, ср.: *вводить* — [в'] *вести, поддать* — *по* [д'] *деть, разбавить* — *ра* [з'] *бить*. Это закон ассимиляции твердых согласных по мягкости. В настоящее время он (вероятно, под влиянием письменности, в которой соответствующее смягчение не обозначается) действует менее неукоснительно, чем в прошлом; тем не менее часть носителей русского языка в этих условиях заменяет твердые согласные на мягкие.

8. Когда в результате соединения морфем смычно-взрывной переднеязычный должен оказаться между щелевым и смычно-проходным (носовым или боковым) или между щелевыми, он обычно выпадает, ср.: *учас* [т'] *ие* и *уча* [сн] *ник*. Звуки [т], [т'] и [д] выпадают обычно между [с] и [н], [з] и [н], [с] и [л']: *прелесть* — *пре ле* [сн] *ый, звезда* — *зве* [зн] *ый, опоздать* — *по* [зн'] *ий, зависть* — *зави* [сл'] *ивый, счастье* — *сча* [сл'] *ивый*. Выпадают они и между [н] и [с], [с] и [с]: *аспирант* — *аспи ра* [нс] *кий, голландец* — *голла* [нс] *кий, марксист* — *марк си* [сс] *кий*. Между двумя [н] и в некоторых других случаях выпадения нет, ср.: *вариант* — *вариантный, вольты* — *высоково* [л'тн] *ый*. Это явление называется упрощением группы согласных или выпадением взрывного переднеязычного между щелевыми, и здесь ассимиляция — уподобление соседним звукам — доходит до полного исчезновения уподобляемого звука.

§ 5. Понятие о сильных и слабых позициях для согласных звуков (фонем). Как уже отмечалось, в одних фонетических условиях определенные согласные звуки в любых своих разновидностях не встречаются, а заменяются другими звуками (фонемами), своими коррелятами, или выпадают. Такие позиции называются слабыми. Им противостоят сильные позиции, в которых возможны все согласные определенной корреляции.

Наблюдаются сильные и слабые позиции а) по звонкости/глухости и б) по твердости/мягкости.

Сильными позициями по звонкости/глухости являются:

1) позиция перед гласными звуками, ср.: *дом* — *том, день* — *тень* (перед различными гласными, как видим, находятся коррелирующие [д] и [т], [д'] и [т']), *гора* — *кора, убор* — *упор* и т. п;

2) позиция перед сонорными согласными, ср.: *назло — на слом* (перед [л] находятся коррелирующие [з] — [с]), *знать — снова, группа — крупный, змея — смеяться, ладья* [лʌд'já] — *статья* [стʌт'já], *оскорбление — отопление*;

3) позиция перед губно-зубными звонкими [в] и [в']: *звон — свой, двое — твои, гвоздь — квартира, звенеть — светить.*

Слабыми позициями по звонкости/глухости являются:

1) позиция в конце слова, в которой употребляются не звонкие шумные согласные, а глухие;

2) позиция перед глухими согласными, в которой могут находиться глухие, но не звонкие шумные согласные;

3) позиция перед звонкими согласными, в которой могут находиться звонкие, но не глухие согласные.

Сильными по твердости/мягкости являются позиции:

1) перед гласными среднего и заднего ряда, ср.: *матч* и *мяч* ([м] и [м'] наблюдаются перед разновидностями звука [а] среднего ряда), *друг* и *трюк, ток* и *тек* и т. п.;

2) на конце слова, ср.: *стан* и *стань, двор* и *дверь, плот* и *плоть, час* и *гусь.*

Слабой по твердости/мягкости является позиция перед гласными переднего ряда, так как в этом случае (за некоторыми исключениями) употребляются только мягкие согласные.

§ 6. Классификация звуков по звучности. Помимо раздельной классификации гласных и согласных звуков по артикуляции, учитывающей все их признаки и позволяющей отличать каждый звук от любого другого, существует классификация всех звуков по звучности. Звучность, являясь акустическим параметром качества звука, также связана с артикуляцией органов речи.

Согласно этому выделяются:

1. Звуки наибольшей звучности — основные гласные ([а], [о], [и], [у], [э], [ы]), способные звучать наиболее громко и нести на себе любой музыкальный тон. Это обусловлено тем, что при образовании гласных между органами речи имеется широкое пространство и струя воздуха проходит свободно.

2. Звуки средней звучности — сонорные согласные, звучащие громче, чем другие согласные, но менее громко, чем гласные, и имеющие ограниченную способ-

ность нести на себе музыкальный тон. При произнесении их воздушная струя проходит более свободно, чем при образовании других согласных, но менее свободно, чем при образовании гласных, что зависит от относительно малого сближения органов речи или от подключения носового резонатора. К сонорным относятся [j], [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'].

3. Звуки низкой звучности — шумные согласные, при образовании которых струя воздуха проходит не свободно, так как органы речи сильно сближены и воздух трением о них образует заметный шум, слышимый больше, чем музыкальный тон. К шумным относятся все согласные, кроме отмеченных сонорных.

В пределах каждой из этих групп можно установить внутреннюю градацию звучности. Так, среди гласных звуков наиболее звучен гласный нижнего подъема [а], менее звучны гласные верхнего подъема, еще меньше — редуцированные, безударные. Среди сонорных более звучными являются [j], [л], [л'], менее звучными — [р], [р']. Среди шумных согласных большей звучностью обладают звонкие, особенно [в], [в'], [ж], меньшей — глухие.

С классификацией звуков по звучности связаны фонетические законы изменения звуков, их позиционные возможности, а также слогоделение и слогообразование.

§ 7. Понятие о чередовании. Позиционные чередования звуков. Исторические чередования звуков. Позиционные изменения звуков подводят к понятию чередования звуков (фонем). Чередование звуков — это закономерное различие звуков в вариантах одной и той же морфемы. Например, в случае *робок — ро*[п]*кие* имеется чередование в корне звуков [б] и [п]; в случае *вбежать* — [ф]*пихнуть* имеется чередование звуков [в] и [ф] в приставке.

Чередование звуков может касаться нескольких вариантов только одной морфемы, но чаще всего оно имеет более широкий характер и охватывает несколько или множество морфем и их вариантов. Так, одно и то же чередование звуков [о] — [Λ] — [ъ] наблюдается в вариантах многих корней: *торг — т*[Λ]*рговля — т*[ъ]*рговать, город — иног*[Λ]*родний — г*[ъ]*рода; поле — п*[Λ]*ля — п*[ъ]*левой* и т. д.; чередование [з] — [з'] на-

блюдается в случаях *роза — розе, коза — козе, ваза — в вазе* и т. п.

Приведенные чередования называются позиционными, так как объясняются позиционными изменениями звуков (фонем) в соответствии с действующими в настоящее время фонетическими законами (законом качественной редукции, законом оглушения звонких согласных перед глухими и др.).

Позиционными чередованиями являются и чередование [р'] — [р]: *токарь — токарный, дверь — дверной* (в связи с законом ассимиляции мягких согласных по твердости), и чередование [с] — [ш]: *скрутить — сшить* [ш]*ить* (в связи с законом ассимиляции зубных перед передненёбными) и т. д.

Но не все чередования звуков в пределах морфем (в их современных вариантах) объясняются ныне действующими фонетическими законами русского языка. Многие чередования остались от прежнего состояния русского языка — от древнерусского, общеславянского языков — как результат давно исчезнувших фонетических законов. Так, например, когда-то в русском языке действовал закон перехода звуковых сочетаний [кт'] и [гт'] в [ч'], что дало слова *ночь* из *нокть, мочь* из *могть, печь* из *пекти*. Сейчас такие сочетания не заменяются на [ч'] (ср.: *практика, локти, ногти*),— значит, закон перестал действовать. Как следствие от него остались чередования [к] — [ч'] и [г] — [ч'], ср.: *вытек — вытечь, волок — волочь, сберегла — сберечь* [1].

Фонетический закон прошлого может перестать действовать как фонетический фактор, но следствием его могут быть не только сохранившиеся со времени его действия чередования звуков в морфемах, но и чередования звуков в новых морфемах, появившихся после утраты закона, по аналогии с имевшимися звуковыми соответствиями в старых морфемах. Так, когда-то по первой палатализации звук [к] перед гласными переднего ряда переходил в [ч'] *(рука — ручьныи > ручной, век — вечьныи > вечный)*; по аналогии с этим, но не по закону первой палатализации значительно позже развились подобные же соответствия в морфах новых морфем *(ба-*

---

[1] Об этом и других упоминающихся фонетических процессах, законах прошлого более подробно см. в курсах «Введение в историю русского языка» и «Историческая грамматика русского языка».

рак — барачный, койка — коечный, блок — блочный). Также вследствие падения редуцированных гласных звуков появилось чередование [о] — ноль звука в словоформах *сон — сна, сну*; [э] — ноль звука в словоформах *день — дня, дню*; позже по аналогии с этим, но не вследствие утраты редуцированных звуков появились *лед — льда, льду; ров — рва, рву.*

Чередования звуков, оставшиеся со времени действовавших, но уже утраченных фонетических законов, а также такие же чередования, распространившиеся на новые морфемы позже по аналогии, называются историческими.

Основные исторические чередования в современном русском языке следующие:

1. В области гласных:

[о] — ноль звука: *бережок — бережка, сон — сна, смешон — смешна, силен — сильна;*

[э] или [ь] — ноль звука: *день — дня, весь — вся, страшен — страшны, болен — больна;*

[и^{э}] — [о]: *вести — водит, велеть — воля, делить — доля;*

[ы] — ноль звука: *прорывать — прорвать, называть — назвать, затыкать — заткнуть;*

[ы] — [у]: *засыхать — засушить, дыхание — дух;*

[ы] — [о] или [Λ]: *дыхание — вздох, взд*[Λ]*хнуть; дрыгаться — вздрогнуть; пылать — палить;*

[о] — [а]: *износ — изнашивать, опрос — спрашивать, покос — скашивать.*

2. В области согласных:

[к] — [ч]: *рука — ручка, старик — старичка, река — речной;*

[г] — [ж]: *книга — книжек, нога — ножища, врага — вражий, рога — рожок;*

[х] — [ш]: *муха — мушка, сухой — сушить, страх — страшный;*

[ц] — [ч]: *птица — птичка, лицо — личный, яйцо — яичко, заяц — заячий;*

[д] — [ж], [жд]: *роды — рожать, рождать; годный — гожусь, угождение; проводы — провожать, вождение;*

[ск] — [ш̄']: *блеск — блещут, треск — трещать, лоск — лощить;*

[б'] — [бл']: *любить — люблю, долбить — долбление, оскорбить — оскорбление;*

[в'] — [вл']: *ловить — ловлю, ловля; становиться — становление, заявить — заявление;*

[п'] или [п] — [пл']: *вопить — вопли, капать — капли, топить — отопление;*

[т] — [с]: *плести — плету, цвести — цветы;*

[д] — [с]: *веду — вести, падать — упасть;*

[ст'] — [ш']: *растить — выращивание, чистый — чище.*

Звук из пары исторического чередования может входить в другую пару в позиционном чередовании. Так, в случае *роды — рожать* чередуются звуки [д] — [ж]; первый из них имеет позиционное чередование с [д'] *(роды — родить)* и с [т] *(роды — ро*[т]). В таких случаях все чередующиеся звуки в нескольких вариантах одной морфемы образуют целую чередовательную (альтернационную) группу (для приведенных вариантов морфемы *род* — это [д] — [д'] — [т] — [ж] — [жд]).

Кроме чередований звуков, оставшихся от истории русского языка и имеющих более или менее регулярный, иногда довольно частотный характер, встречаются единичные или малотипичные случаи чередования звуков в вариантах морфем, ср.: *раздутый — одутловатый* (чередование в суффиксе [т] — [тл]), *кот — кошка* (чередование в корне [т] — [ш]).

Чередованиями обычно считают мены звуков в одной морфеме, развившиеся в недрах данного языка и объясняющиеся его внутренними, исконными причинами. Список исконных чередований русского языка, данный выше, можно пополнить чередованиями, заимствованными вместе с иноязычными словами, в которые входят соответствующие чередующиеся звуки:

[к] — [ц]: *электрификация — электрифицировать, аппликация — апплицировать;*

[з'] — [ст']: *фантазия — фантастический;*

[з'] — [т], [т']: *поэзия — поэт, поэтический; анализировать — аналитический;*

[с'], [с] — [т']: *скепсис — скептический, хаос — хаотический;*

[ц] — [с]: *паяц — паясничать;*

[э] — [и]: *кузен — кузина.*

§ 8. Понятие о фонемах и фонологии. Советские фонологические школы. В фонетической науке широко применяется термин *фонема.* Под фонемой подразумевают

звуковой тип, объединяющий основной звук определенного акустико-артикуляционного качества и его различные разновидности, позиционные варианты. Вместе с тем термин «фонема» употребляется и в другом значении — «основной звук из числа всех разновидностей данного звука».

Выделение и классификация фонем производится в первую очередь по функциональному принципу, с точки зрения функций звуков в речи и в языке. Артикуляционные и акустические признаки звуков учитываются при этом во вторую очередь. Изучение звуков речи в функциональном аспекте называется *фонологией*.

Чтобы язык существовал и действовал, необходимо, чтобы все его знаки (слова, морфемы) различались по звучанию. Функция звуков — различать материальную оболочку слов и вследствие этого вести к различению лексического и грамматического значения слов и словоформ. Так, если мы понаблюдаем за русскими словами *бак, как, лак, мак, рак, сак, так,* то увидим, что различными по форме и вместе с тем по смыслу их делают первые звуки ([б], [к], [л], [м], [р], [с], [т]) и ничто другое: при замене одного звука другим один знак разрушается и создается другой.

Следовательно, по теории фонологии эти звуки выполняют в русском языке различную функцию по сравнению друг с другом и поэтому считаются принадлежащими к разным фонемам (являются различными фонемами). Пользуясь подобной техникой противопоставления, устанавливают для русского языка и другие фонемы и принадлежащие к ним звуки (6 гласных и 33 согласных фонемы, описанные выше как основные звуки, не считая трех спорных согласных фонем [г'], [к'] и [х']).

С другой стороны, если какие-то звуки не способствуют различению смысла слов (или их невозможно поставить в одну позицию в слово, как, например, [к] нелабиализованный и [к°] лабиализованный, или, заменяя друг друга, они оставляют знак одним и тем же по значению, например звуки [г] и [χ]: *гарь* — [χ]*арь, наган* — *на*[χ]*ан*), то они относятся не к разным фонемам, а к одной и той же фонеме как ее разновидности.

При определении и выделении фонем учитываются лишь те артикуляционно-акустические признаки звуков, благодаря которым фонема в целом может быть противопоставлена той или иной другой фонеме и по совокупности которых отличается от всех других фонем. Такие

признаки называются дифференциальными. Одна фонема может отличаться от другой несколькими дифференциальными признаками (так, [г] отличается от [т] по глухости/ /звонкости и по месту образования) или одним дифференциальным признаком (так, [г] и [к] отличаются друг от друга только по глухости/звонкости). Все другие признаки конкретных звуков различают не фонемы, а разновидности звуков, входящих в одну фонему (фаукальность/ /нефаукальность [д], продвинутость/непродвинутость вперед [у] и т. д.), или не различают ни фонем, ни их видов, будучи общими для многих звуков (сонорность/ несонорность, назальность/неназальность).

Хорошо известны две советские фонологические школы, условно называемые ленинградской и московской.

Представители ленинградской фонологической школы (Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. Л. Буланин и др.) трактуют фонему как звуковой тип, объединяя в каждую из них звуки, которые представляются сходными в акустико-артикуляционном отношении и вместе с тем не противостоящими по различительной и, далее, по смыслоразличительной функции. Так, Л. В. Щерба писал: «Мы видим, что в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом языке объединяются в сравнительно небольшое количество разнообразных звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и имеются в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем. Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде, и собственно он один и сознается как речевой элемент. Все остальные оттенки нормально нами не сознаются как отличные от этого типичного оттенка...» [1]

Согласно этому в одну фонему [а] объединяются звуки [å], [ä], [Λ], [ъ]; в фонему [э] — звуки [ə̈], [ɛ̈],

---

[1] *Щерба Л. В.* Фонетика французского языка. М., 1953, с. 19.

[и°], [ь]; в фонему [д] — звуки [д], [д] фаукальный [д°] лабиализованный, [д] латеральный и др.; в фонему [р] — звуки [р], [р°] лабиализованный, [р] глухой и др. Последователи этой школы называют звуки, входящие в фонему, ее оттенками, из числа которых выделяются основной и неосновные — комбинаторные. (В данном учебнике изложение материала по фонетике основано на этой теории.)

Представители московской фонологической школы (Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров и др.) подходят к фонеме только как к компоненту морфемы, подразумевая под фонемой звуковой ряд, выделяемый из фонетических вариантов одной и той же морфемы, в частности идентичный в акустико артикуляционном отношении ряду звуков, выделяемому из вариантов других морфем. Так, в случаях *дом — д*[Λ]*мой — д*[ъ]*мовой, год — г*[Λ]*да — г*[ъ]*довой* в корнях выделяют одну фонему, называемую [о] и включающую в себя звуки [о], [Λ], [ъ]. В случаях *нога — ноге — но*[к], *рога — в роге — ро*[к] выделяют фонему [г], состоящую из звукового ряда [г], [г'], [к]. В случаях *кот — о коте — ко*[д] *бежит, счет — о счете — сче*[д] *большой* выделяется фонема [т], состоящая из звукового ряда [т], [т'], [д]. Согласно этому в фонеме имеется основной вариант, наблюдаемый в сильной позиции, и другие варианты, а также вариации, наблюдаемые в позициях, в которых основной вариант невозможен и заменяется звуками с другими оттенками.

Одни и те же звуки, по московской фонологической школе, могут быть вариантами то одной, то другой фонемы. Так, в слове *шапка* звук [п] — вариант фонемы [п], а в слове *ю*[п]*ка* звук [п] — вариант фонемы [б], так как в слабой позиции этот звук выполняет ту же функцию, что и [б] в сильной позиции,— формирует один и тот же корень. Звуки [Λ] и [ъ] являются вариантами фонемы [а], если в сильной позиции в соответствующей морфеме имеется звук [а] (как в случае *пар — п*[Λ]*ры — п*[ъ]*ровой*), или вариантами фонемы [о], если в сильной позиции в морфеме имеется звук [о] (как в случае *водный — в*[Λ]*да — в*[ъ]*дяной*).

Если какой-то звук морфемы не имеет варианта в сильной позиции, то он расценивается как принадлежащий к отдельной фонеме. Так, в случаях *собака, сарай* звук [Λ], имеющийся в первом слоге этих слов, принадлежит

к отдельной фонеме, а не входит в звуковой ряд фонемы [о] или фонемы [а], ибо данные слоги данных слов нельзя поставить в ударную позицию.

Существуют и другие фонологические теории.

Теория фонем в целом, безусловно, имеет существенные чисто практические достоинства. Она позволяет кратко и однозначно описывать те звуки, которые носители русского языка сближают или даже не различают в процессе общения и при изучении родного языка. Теория фонем отчасти облегчает объяснение и усвоение правописания. Повышенное внимание к смыслоразличительной функции звуков приносит пользу при изучении и неродных языков, в частности русского языка нерусскими. В теоретическом плане фонология внесла в научный обиход ряд принципиально важных понятий и представлений, своими методами серьезно повлияла на теорию семантики и грамматическую теорию.

СУПЕРСЕГМЕНТНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ

§ 1. Ударение. Устная речь строится не только из сегментных фонетических единиц, гласных и согласных звуков, но и из суперсегментных [1] фонетических единиц. Под последними понимаются различные виды ударения и интонации, а также степень громкости речи, паузы и темп речи. Важнейшими из этих понятий являются два первых.

Различают словесное и фразовое ударение. Последнее принадлежит к интонации, являясь его частью.

В русском языке словесное ударение — это динамическое выделение какого-либо слога в слове, более напряженное и громкое произнесение гласного звука этого слога. Главная общая функция словесного ударения — организация звуков слова и его интонации в единое целое. Ударение усиливает цельность слова как единицы.

Русское словесное ударение является свободным, т. е. не закрепленным за определенным по местоположению (конечным, предпоследним, первым и др.) слогом

[1] Термин «сегментный» буквально означает «делимый на части, на отрезки» (лат. segmentum «отрезок, кусок») и подразумевает делимость звуковой линии речи. Сднако и интонационная линия речи, высказывания тоже членима. Термин «суперсегментный» подразумевает наложение интонационных единиц на звуки (*супер*-«сверх»).

слова, как мы встречаем в ряде языков (например, во французском языке все слова и словоформы имеют ударение на последнем слоге; в польском — на предпоследнем; в испанском в большинстве слов постановка ударения подчиняется таким правилам: ударение на последнем слоге, если слово оканчивается на согласный звук, и на предпоследнем, если слово оканчивается на гласный звук или [н], [с]). Оно может быть на первом слоге многосложного слова *(де́ти, ли́рика, ра́доваться)*, на втором *(сиде́ть, гвозди́ка, разва́ливаться)*, на третьем *(разбира́ть, преумно́жить, пробежа́ться)*, на четвертом *(соревнова́ние)*, на пятом *(электрифика́ция)* и т. д.

Незакрепленность русского словесного ударения является следствием многих факторов, действовавших на протяжении ряда веков. Во-первых, место ударения во многих однородных группах слов связано с моделями словообразования и формообразования, будучи неотъемлемым элементом этих моделей. Так, большинство продуктивных глаголов на *-ну-* без *-ся (качну́ть, нагну́ть, толкну́ть)* имеют обычно ударение на конечном слоге; глаголы на *-ну-* непродуктивного класса (типа *мо́кнуть, мёрзнуть, га́снуть*) — на корне; глаголы с приставкой *вы-* — на первом слоге *(вы́просить, вы́рвать)*; глаголы на *-ти* — на последнем слоге *(найти́, цвести́, нести́)*. Существительные мужского рода с окончанием *-а* во множественном числе в большинстве своем имеют ударение на этом окончании *(города́, профессора́, дома́)*; прилагательные на *-ый, -ий, -ее* всегда имеют ударение на основе *(ста́рый, си́ний, си́нее)*, на *-ой* — всегда на окончании *(молодо́й, просто́й)*; прилагательные в превосходной степени обычно имеют ударение на суффиксе *-ейш-, -айш-* (*нежне́йший, старе́йший, ближа́йший* и т. п.; но *делика́тнейший*).

Место ударения во многих словах заимствовано вместе с самими словами (особенно это относится к старославянизмам и к заимствованиям из латинского и французского языков). Вместе с тем на протяжении веков различные слова с определенным ударением, их акцентологические модели влияли друг на друга, что сопровождалось меной ударения в отдельных единицах. Ср., например: ранее *волше́бство* по модели *соверше́нство, верхове́нство, блаже́нство* и позже *волшебство́* по аналогии с *родство́*; ранее *ва́хтер* (заимствование из немецкого с ударением, принятым в немецком языке) и ныне *вахтёр* по аналогии с *шахтёр, минёр* и т. п.

Русское ударение отличается также широко наблюдаемой разноместностью: в различных формах слова или в словах одного корня оно может быть на разных слогах, разных морфемах, ср.: *мех — меха́ — мехово́й; сторона́ — сторо́н — сто́роны; де́ти — детёныш; мо́ре — морско́й; бе́лый — беле́е — бели́ть — белизна́.*

В то же время во многих случаях ударение в формах слова не меняет своего места (одноместно), ср.: *крова́ть, крова́тью, крова́ти* — ударение всегда на втором слоге корня; *голубо́й, голубы́е, голубо́му* — ударение на первом слоге окончания.

Установление конкретных правил и случаев постановки ударения и его передвижения в словоформах и однокоренных образованиях относится к словообразованию и морфологии, а также к орфоэпии (см. соответствующие разделы).

Как правило, все знаменательные слова имеют ударение. Служебные слова (предлоги, союзы, частицы) обычно ударения не имеют. В потоке речи служебные слова сливаются со знаменательными словами, к которым они относятся, образуя с ними единство, называемое фонетическим словом, напр.: *на вокза́ле, при доро́ге, далеко́ ли, пришёл ведь, отказа́лся было.*

Такие безударные примыкающие служебные слова называются п р о к л и т и к а м и, если они стоят перед ударным знаменательным словом (например, *на* в приведенном сочетании *на вокзале*), и э н к л и т и к а м и, если они стоят за ним (*ли* в сочетании *далеко ли* и т. п.). В ряде случаев в русском языке энклитиками выступают знаменательные слова — существительные (обычно в других условиях ударяемые): предлоги, с которыми они употребляются, иногда «перетягивают» на себя ударение, ср.: *в стороне́*, но *шапка на́ сторону; в лесу́*, но *и́з лесу; по не́бу* и *по́ небу; на берегу*, но *на́ берег* и т. п.

В самых типичных случаях и в своем большинстве слова русского языка имеют одно ударение. Однако большой ряд дву- и трехсложных слов, достаточно длинных, имеют два или три ударения. Лишь последнее из них основное и полновесное, остальные — дополнительные, менее заметные, ср.: *маши̇нострое́ние, желѐзнодоро́жный, фи̇льмофо̀нофо̀тодокуме́нты.* Подобное ослабленное словесное ударение наблюдается и у слов в речи, когда они, находясь в грамматической зависимости от другого слова,

входят с ним в один речевой такт, ср.: *Ребёнку уже́ года три́* (в слове *года* ослабленное ударение).

Некоторые слова русского языка существуют в акцентологических вариантах, т. е. употребляются с ударением то на одном, то на другом слоге: *творо́г* и *тво́рог, ина́че* и *и́наче, мы́шление* и *мышле́ние, одновреме́нно* и *одновре́менно.* В некоторых словах одна из форм выступает уже как нелитературная, напр.: *краси́вее* и *красиве́е* (прост.), *заржа́веть* и *заржаве́ть* (прост.), *каучу́к* и *ка́учук* (прост.).

§ 2. Интонация. Под интонацией понимается сложный комплекс суперсегментных элементов — мелодики, ритма, интенсивности, логического ударения и т. д., которые накладываются на звуковую последовательность, составляющую предложение (фразу), и служат для выражения как различных синтаксических, так и экспрессивных и эмоциональных значений.

Устная речь невозможна без интонации. Подобно тому как словесное ударение организует слово как фонетическое целое, интонация предложения придает предложению фонетическую законченность и одновременно с этим вносит в него различную семантику (ее вторая функция). Интонация как суперсегментная единица может охватывать все высказывание или его отдельные части — речевые такты, слова.

В русском языке существует множество интонаций. С точки зрения материальной формы эти единицы больше всего отличаются друг от друга мелодическим рисунком, несхожестью в перепаде музыкальных тонов Немалую роль при этом играет фразовое, или логическое, ударение, образуемое путем усиления словесного ударения какого-либо одного слова, имеющегося в высказывании, и особой мелодизации его ударного слога. Логическое ударение — это выделение какого-то слова путем большей напряженности артикуляции его ударного гласного, придание большей длительности и специфического тона тому слову, на смысл которого необходимо обратить особое внимание в данной речевой ситуации. Поэтому любое слово в речи может нести логическое ударение [1]:

[1] Фразовое ударение обозначается двумя наклонными черточками (//) в отличие от словесного ударения, обозначаемого одной черточкой (/).

1) *Тебе бы следовало проводить гостей до станции* (в ситуации, когда никто, в частности собеседник, не пошел провожать гостей);

2) *Тебе бы следовало проводить гостей до станции* (в ситуации, когда, провожая, не довели гостей до станции);

3) *Тебе бы следовало проводить гостей до станции* (в ситуации, когда кто-то, а не собеседник, проводил или собирается проводить гостей).

Фразовая интонация используется для выражения грамматических значений:

1) При ее помощи различаются повествовательные и вопросительные предложения, ср.: *Я могу прийти к вам завтра* и *Я могу прийти к вам завтра?*

2) Она используется для дифференциации темы и ремы высказывания (см. «Синтаксис»), ср.: *Почтальон пришел* и *Почтальон пришел.*

3) Она используется для уточнения грамматических связей и отношений между членами предложения и между его частями, ср.: *Мы видели вчера его отца и мать* и *Мы видели вчера его, отца и мать. Раненный в руку боец продолжал бой* и *Раненный в руку, боец продолжал бой.*

Очень часто фразовая интонация выражает эмоции говорящего, ср.: *Нашим глазам предстал величественный памятник древнего зодчества* (с интонацией торжественности и уважения). *Уже вернулся?* (с интонацией удивления). *Уже вернулся?!* (с интонацией раздражения).

В настоящее время для русской речи выделяют следующие семь интонационных конструкций (ИК) [1]:

ИК-1 — понижение тона на гласном центра ниже предцентра, уровень тона постцентра ниже центра. Центр находится на слове, обозначающем рему. Реализуется в высказываниях обычного констатирующего характера: *Он приехал. Я пойду на стадион.*

ИК-2 — ровное или нисходящее движение тона на гласном центра в пределах диапазона предцентра. Уровень тона предцентра ниже центра. Тон гласного центра выше, чем при ИК-1, и усилено словесное ударение. Реализуется главным образом в специальном вопросе: *Когда он приехал? Кто там стоит?*

---

[1] Приводимое далее их описание заимствовано нами из учебного пособия: *Братусь Б. В., Вербицкая Л. А.* Пособие по фонетике для иностранных студентов-филологов. М., 1983, с. 79, 80.

ИК-3 — резкое повышение тона на гласном центра выше предцентра и его падение в последующей конечной части. Реализуется преимущественно при выражении общего вопроса: *Он приехал? Здесь остановка автобуса?*

ИК-4 — повышение тона на гласном центра после некоторого понижения, уровень тона постцентра выше центра. Реализуется в основном при выражении сопоставительного вопроса с предшествующим союзом-частицей *а*: *Пятнадцатый автобус туда не идет. А пятый автобус?*

ИК-5 имеет два центра: на гласном первого центра — повышение тона, на гласном второго — понижение. Уровень тона между центрами выше предцентра и постцентра. Реализуется при выражении высокой оценки признака, действия, состояния: *Какая красота! Замечательный голос!*

ИК-6 — повышение тона на ударном гласном центра выше предцентра и сохранение этого уровня до конца конструкции. От ИК-4 отличается более высоким уровнем тона на гласном центра. Употребляется главным образом при выражении недоумения или приподнятости: *Какая погода прекрасная! Почему же вы мне не доверяете?*

ИК-7 — резкое повышение тона на ударном гласном центра с отрывистым завершением подъема, в отличие от ИК-3. Реализуется при выражении экспрессивного отрицания, сомнения: *Какой он спортсмен! Когда-то еще это будет!*

§ 3. Фонетическое членение речевого потока (фраза, речевой такт, слог). Устная речь слагается из отдельных отрезков — отделяемых друг от друга частей. Более крупные звучащие речевые отрезки в свою очередь могут быть разделены на более мелкие. Единицами, из которых состоит речевой поток, являются фраза, речевой такт, слог.

Устный текст прежде всего делится на ф р а з ы — самые большие звучащие единицы. Фраза — это законченный отрезок речи, отграниченный от других достаточно продолжительными паузами и заключающий в себе законченную мысль. Фраза — это высказывание, рассматриваемое не с точки зрения его синтаксической структуры и содержания, как в синтаксисе, а с точки зрения его звучания, звукового вида и интонационной законченности (границы между фразами в транскрипции обозначаются знаком //). Так, следующий текст делится на 4 фразы:

Олимпийские игры... // В этих словах для спортсменов, их наставников и многочисленных болельщиков заключено очень многое. // Олимпийские игры не только крупнейшее соревнование нашего времени, в котором участвуют сильнейшие атлеты всех континентов, но и многочисленные встречи, деловые контакты, // это праздник мира, молодости и здоровья. (Советские олимпийцы: Сб. из серии «Жизнь замечательных людей», вып. 4. М., 1980).

Продолжительные по длительности фразы делятся на речевые такты. Речевой такт — это кратчайшая часть фразы, выделяемая ритмико-интонационными средствами и заключающая в себе знаменальную словоформу или словосочетание. Речевой такт состоит обычно из фонетического слова и имеет одно полное словесное ударение; на границах речевого такта могут быть непродолжительные паузы, во многих случаях они обязательны (паузы между речевыми тактами обозначаются знаком /). Так, например, фраза *Завтра в два часа вы должны быть на месте* членится на четыре речевых такта: *Завтра / в два часа / вы должны/ быть на месте.* Также четыре речевых такта включает в себя фраза *Уже прошло / более двадцати лет, / с тех пор как мы окончили / школу.* В этой фразе некоторые проклитические слова *(более, двадцати, пор)* имеют ослабленное ударение, интонационно подчиняясь другим знаменательным словам с полновесным ударением.

Краткие фразы не делятся на такты, состоя из одного речевого такта, напр.: *Я знаю его.*

Речевые такты, в свою очередь, членятся на слоги. Слог определяют как отрезок речи, заключенный между двумя минимальными растворами органов речи, характеризующийся увеличением звучности и являющийся естественной единицей членения речевого потока [1]. Так, два речевых такта фразы *В августе / было жарко* делятся на следующие слоги: *вав-гус-те бы-ло-жар-ко.*

В отличие от более крупных единиц речевого звучания — фраз и речевых тактов [2], слог обычно не заключает в себе семантики. Если речевой такт *в августе* заключает

---

[1] См.: *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с.427.

[2] Естественно, в некоторых случаях такт и даже вся фраза могут состоять из одного слога, т. е. по длительности быть равными ему, ср. возгласы: *Да! Нет! Прочь! Здесь!* и т. п.

в себе целую словоформу и, следовательно, определенное значение (в третьем месяце лета), то каждый из составляющих его слогов *(вав-гус-те)* не имеет никакого семантического содержания. Это не исключает, однако, того, что слог может совпадать с отдельной морфемой и, следовательно, как будто будет содержать отдельный смысл, напр.: *по-шли-на-луг.* На самом деле такая семантика принадлежит морфемам как значимым частям слова, а не слогам как единицам фонетики.

§ 4. Слогоделение и типы слогов в русском языке. Членение речи, и в частности слов на слоги, имеет важное практическое значение при обучении языку для лучшего понимания произношения слов и овладения им.

При практическом делении слов и речевых тактов на слоги необходимо исходить из того, что слог заключен между двумя минимальными растворами органов речи и что наблюдается увеличение звучности при произношении слога. Первый момент (минимальность раствора органов речи как граница слога) подразумевает, что мы должны иметь в виду, какие из звуков артикулируются с большим и какие с меньшим раствором.

С наименьшим раствором (вернее, без раствора) образуются смычно-взрывные согласные ([б], [к] и др.), аффрикаты [ц] и [ч']; с небольшим раствором образуются щелевые согласные ([с], [з], [х] и др.); с несколько большим раствором образуются щелевые звуки [в] и [в']; с гораздо большим раствором образуются все сонорные ([j], [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р']); с наибольшим раствором образуются гласные звуки. Такая градация подразумевает, что в конкретном потоке звуков началом каждого слога следует считать тот звук, который по сравнению с соседними характеризуется наименьшим раствором. Например, при сочетании «сонорный+гласный+сонорный+гласный» *(лира)* каждый сонорный будет начинать слог *(ли-ра);* при сочетании «смычно-взрывной+гласный+сонорный+взрывной+сонорный+гласный» *(тундра)* каждый взрывной будет начинать слог *(тун-дра);* при сочетании «щелевой шумный+в+гласный+сонорный+щелевой шумный+взрывной+в+гласный» *(свойство)* первый слог будет начинать щелевой шумный, второй слог — взрывной согласный *(свойс-тво).* При сочетании нескольких звуков с одинаковой степенью раствора органов речи, например смычно-взрывных *(ни-*

кто, нитка, юбка, так как) или щелевых шумных *(восход, масса)*, начинать последующий слог будет первый из них *(ни-кто, ни-тка, ю-бка, та-*[к̄]*ак, во-сход, ма-*[с̄]*а)*.

Такой подход во многом соответствует идее восходящей звучности слога, дополняется и корректируется ею. Согласно этому слог начинается с менее звучного звука и продолжается более звучным, доходя до вершины звучности с возможным ее последующим снижением.

Русские слоги строятся по восходящей звучности, достигая вершины в слогообразующем гласном. Ср.: *тропа* — первый слог начинается с шумного согласного (меньшая степень звучности), продолжается сонорным согласным (вторая ее степень) и заканчивается гласным (высшая степень звучности); во втором слоге звучность нарастает еще быстрее. В слове *стройка* мы имеем два слога: первый из них *(строй-)* достигает вершины звучности в гласном звуке [о], затем идет спад звучности) (звук [j]).

Слог воспринимается как определенный речевой отрезок только в том случае, если в него входит гласный звук составляющий его вершину: именно гласный звук образует слог. Согласные звуки, в частности сонорные, в русском языке не образуют слога.

Однако сонорные согласные, обладая большей звучностью, чем шумные, находясь в позиции между паузой и шумным согласным, нарушают принципы восходящей звучности слога, ср.: *лбом, спектакль, ржать, историзм* Это противоречие разрешается двумя путями: или около такого сонорного может развиться (не фиксируемый на письме, но произносимый) редуцированный гласный: *л*[ъ]*бом, спектак*[ъ]*ль, минист*[ъ]*р, р*[ъ]*жать* или [ъ]*ржать, историз*[ъ]*м;* или сонорный может оглушиться, и тем устранится его излишняя в этих случаях звучность: [л̥]*бом, спектак*[л̥']*, минист*[р̥], [р̥]*жать, историз*[м̥].

Реальное слогоделение в русском языке учитывает как физиологическую сторону слога (выдыхательный толчок воздуха, осуществляемый от одного затвора органов речи до другого), так и его звучность. Из синтеза этого и вытекают правила слогоделения. Звучат они так:

1. Согласный между гласными всегда входит в последующий слог: *го-ра, те-ле-фон.*

2. Два смежных согласных, из которых первый шумный, а второй сонорный, в позиции между гласными входят в последующий слог: *по-сле, со-драть, во-круг.*

3. При стечении сонорного и следующего шумного согласного между гласных сонорный входит в предыдущий слог, а шумный — в последующий: *рай-ком, ел-ка, ар-ба, на-чаль-ство.*

4. Два или три любых глухих согласных между гласными или между гласным и сонорным входят в последующий слог: *ре-чка, по-стро-ить, на-*[ф]*стре-чу.*

5. Сочетания звонких шумных относятся к последующему слогу: *дру-жба, во-здух.*

6. Два разных сонорных, находящихся между гласными, принадлежат разным слогам: *воль-ный, гор-ло, пой-му.*

7. Два однородных согласных между гласными относятся к последующему слогу, так как их нельзя разделить: *ма-сса, ба-лла-да, не-тто* [н'э̂-тъ̄].

В русском языке два основных типа слогов — открытый и закрытый. Открытыми называются слоги, кончающиеся гласным звуком и, следовательно, не имеющие спада звучности после ее вершины, напр.: *го-ло-ва;* первый слог в слове *за-мок.* Закрытыми называются слоги, кончающиеся одним или несколькими согласными звуками и, следовательно, спадом звучности: *ток, старт.*

Как открытый, так и закрытый слог может быть прикрытым или неприкрытым, т. е. может начинаться с согласного или с гласного звука: *кол-хоз* (закрытые прикрытые слоги), *ку-хня* (открытые прикрытые слоги), *о-а-зис* (первые два слога открытые неприкрытые, третий — закрытый прикрытый слог).

ОРФОЭПИЯ

Орфоэпия — это совокупность правил произношения слов.

Человек, плохо знающий правила русской орфоэпии или знающий их, но плохо применяющий их на практике, делает много орфоэпических ошибок, ведущих к искаженному воссозданию звуковой формы слов, а также к неправильному интонированию речи.

Существует несколько причин, по которым допускаются орфоэпические ошибки.

Многие произносительные ошибки в русской речи объясняются диалектным влиянием (*в*[я]*сна* вместо *весна, едя*[т'] вместо *едят, мо*[в]*о* вместо *моего, д*[о]*рога* вместо *д*[ъ]*рога, о*[ц]*ень* вместо *очень,* [χ]*од* вместо

[г]*од* и т. п.), так как определенные лица, усвоив с детства артикуляционную базу и фонетические законы какого-то диалекта, не сразу, не всегда или не полностью перестраиваются на литературное произношение. Однако с развитием советского общества, в результате всеобщего образования, под влиянием радио, телевидения диалекты все более распадаются и исчезают, и русский литературный язык становится основным средством коммуникации; поэтому количество диалектных произносительных ошибок в речи наших современников — русских — идет на убыль.

Множество людей нерусской национальности, изучивших русский язык в достаточной мере, допускают орфоэпические ошибки, также связанные с несовпадением фонетических единиц (сегментных и суперсегментных) и звуковых законов русского и родного языков. Ср.: *смот*[р'э́т] вместо *смотреть,* [течэ́]*ние* вместо *течение,* [сэтэ]*раница* вместо *страница,* [тшо́]*рный* вместо *черный,* [н'ие]*су* вместо *несу* и т. п. Подобные ошибки, особенно многочисленные на начальном этапе овладения русским языком, постепенно могут исчезнуть, вследствие широкой практики русской речи и ориентации на речь русских.

Третьим важным фактором отклонений от орфоэпических норм русского языка является интерференция письменных текстов. Эта причина может совмещаться с первой или второй, поддерживаться ими. Во-первых, человек, недостаточно хорошо знающий устные формы каких-то слов и одновременно недостаточно, лишь в общих чертах, осведомленный о звуковых значениях русских букв, руководствуется при чтении слов (и позже — при репродукции их без опоры на письменный текст) их написанием, понимаемым поверхностно. Так, начинающие изучать русский язык читают [ч]*то* вместо [ш]*то,* поскольку слово пишется через *ч; се*[г]*одня,* а не *се*[в]*одня,* так как слово пишется через *г,* а не через *в; чес*[т]*но,* а не *че*[сн]*о,* поскольку имеется буква *т,* и т. п. Во-вторых, у индивида (в том числе и у русского носителя русского языка, хорошо владеющего им) может сложиться ложное убеждение, которому он и следует, что устную речь нужно корректировать письменной, что если, например, пишется *счастье,* то и читать нужно [сч']*астье,* а не [ш']*астье,* если написано *корова,* то читать нужно с двумя [о], и т. д. Такая ложная «правильность» свойственна в той или иной мере большинству начинающих читать по-русски. Позже носитель языка отказывается от этого, сознавая различные

принципы написания и произношения слов. Тем не менее тенденция произносить слова так, как они пишутся, влияет в какой-то степени на нормы произношения отдельных слов и их групп. Так, в результате этого развилось произношение типа *тон*[к'и]*й, креп*[к'и]*й* вместо ранее литературного *тон*[къ]*й, креп*[къ]*й; бою*[с'], *умываю*[с'] вместо ранее литературного *бою*[с], *умываю*[с].

Другие факторы орфоэпических ошибок локальны, т. е. охватывают очень малое число слов. Произношение слова может искажаться под влиянием контаминации его с другим словом. Ср.: «говяш» вместо *гуляш* под влиянием слова *говядина*; «дермантин» вместо *дерматин* под влиянием слов *серпантин, карантин;* «побáсенки» вместо *побасёнки* под влиянием слов *басенки, песенки* и др.

Со стороны части носителей русского языка, знающих в той или иной мере иностранные языки, иногда наблюдается умышленное фонетическое искажение слов иностранного происхождения. Индивид, говоря на русском языке, произносит эти слова не так, как их нужно произносить по-русски, исходя из русской артикуляционной базы, а на иностранный лад, выговаривая их по-французски, по-немецки или по-английски, внося в русскую речь чуждые ей звуки и заменяя отдельные звуки, ср.: *Г*[ø]*те* вместо *Гёте,* [χай]*не* вместо *Гейне,* [ж'у]*ри* вместо [жу]*ри* и т. п. Такое произношение, в том числе с чуждыми русскому языку звуками, не способствует нормализации и культуре речи.

Произносительные ошибки бывают общего и частного характера. Первые являются следствием нарушения основных фонетических норм языка, вторые — следствием нарушения частных правил произношения.

Общие правила (нормы) орфоэпии касаются огромных групп слов и основаны на фонетической системе русского языка, на учете позиционных возможностей звуков и звуковых законов. Общие правила орфоэпии — это как бы практические выводы из теоретического описания фонетических явлений, из реально наблюдаемых общих фонетических закономерностей и наиболее устойчивых явлений. Они формулируются в соответствии с теорией фонетики, представляя собой, так сказать, прикладной вариант этой теории.

Так общие правила русской орфоэпии гласят:

1. По закону качественной редукции нельзя произносить [о] не под ударением в исконных словах *(окно,*

корова), а нужно произносить вместо него [Λ] или [ъ], так как звука [о] в этой позиции не должно быть.

2. В соответствии с законом качественной редукции нужно произносить звук [и^{э}] или [ь] в безударной позиции после мягкого согласного, а не [а], [о], [э], звучащие в тех же морфемах под ударением: [м'и^{э}] *чóм,* но не [м'а] *чóм,* хотя *мяч* [м'ат'ш']; *прод* [л'и^{э}] *нá,* хотя *продлён;* [б'и^{э}] *жáть,* хотя *бег, пробéжка.*

3. В соответствии с законом перехода [и] в [ы] нельзя говорить *в* [и] *гре* вместо правильного [вы] *гре, в* [и] *нституте, с* [и] *глой* вместо [вы] *нституте,* [сы] *глой.*

4. Нельзя произносить [з] или [с] перед [ж] или [ш]. Например, нельзя говорить *ра* [зж] *ег* вместо *ра* [ж̄] *ег, и* [з] *шалости* вместо *и* [ш̄] *алости, ра* [с] *шуметься* вместо *ра* [ш̄] *уметься.*

5. Нельзя произносить твердые согласные перед гласными переднего ряда. Например, неправильно говорить [тэ] *чение* вместо [т'и^{э}] *чение.*

6. Нельзя произносить глухие согласные перед звонкими, кроме как перед сонорными и звонкими губно-зубными. Например, нельзя говорить *во* [к] *зал* вместо *во* [г] *зал, о* [т] *бросить* вместо *о* [д] *бросить* (это по закону озвончения согласных).

7. Нельзя в известных случаях употреблять стечение согласных. Например, нельзя говорить *че* [стн] *ый* вместо *че* [сн] *ый, изве* [стн] *ый, пра* [здн] *ый* вместо *изве* [сн] *ый, пра* [зн] *ый* в соответствии с законом упрощения, выпадения согласных.

С другой стороны, общие правила орфоэпии не допускают замену одного звука какого-либо слова на другой звук по причине того, что говорящий не умеет или затрудняется произносить первый из них вообще или в какой-то позиции. Например, недопустимо, нелитературно произносить *девя* [т] вместо *девять, приня* [т] вместо *принять,* [χ] *орох* или [h] *орох* вместо [г] *орох, ск* [э] *жите, п* [э] *жалуйста* вместо *ск* [Λ] *жúте, п* [Λ] *жáлуйста,* [п] *артук* вместо *фартук,* [в] *адно* вместо *ладно* и т. п. Общие правила произношения запрещают вставлять гласные-«прокладки», появляющиеся в русской речи нерусских вследствие отсутствия в родном языке определенных сочетаний согласных: *п* [ъ] *равда* вместо *правда, г* [ь] *де* вместо *где* и т. п.

Частные правила орфоэпии касаются небольших групп слов, произношение которых выбивается из общих правил,

являясь исключением из них. С этим связаны специфические трудности или неясности, оставшиеся от языкового прошлого или возникшие ныне.

К частным орфоэпическим правилам относятся следующие:

1. Сочетание букв *чн* в нескольких десятках слов произносится как [шн] или [шн'] : *горчи*[ш]*ник, яи*[ш]*ница, праче*[ш]*ная, було*[ш]*ная, Савви*[ш]*на, пустя*[ш]*ный, ску*[ш]*но, коне*[ш]*но* и др. Произношение их с [чн] не считается, однако, совершенно недопустимым. Многие же слова не подводятся под это правило и произносятся с [чн] : *сказочный, привычный, вечный.*

2. Фрикативный [χ] является в большинстве случаев нелитературным, однако в некоторых словах допустимо его произношение: *бла*[χ]*о, а*[χ]*а* и др.

3. На месте буквы *щ* нужно произносить звук [ш̄'] (мягкий долгий звук без смычного элемента [т'] посредине): [ш̄'эл'], [ш̄'ука] и т. п. Встречающееся произношение (ш'т'ш) вместо этого звукосочетания является устаревшим и несколько претенциозным: [ш'т'ш'эл'] и т. д.

4. Во многих иностранных словах на месте буквы [о], обозначающей безударный гласный, вопреки общему правилу произносится звук [о], а не [Λ] или [ъ] : *ноктюрн, поэт, поэзия, Токио, коктейль, монокль, Бодлер, Монтескье, комильфо* и др. Те слова, которые уже окончательно ассимилировались, произносятся по общему правилу: *к*[Λ]*мфорт, м*[Λ]*лекула, н*[Λ]*тариус.*

5. Вопреки общему правилу смягчения согласного перед гласным переднего ряда, многие недостаточно ассимилировавшиеся заимствования произносятся с твердым согласным перед звуками [э], [ъ] : *Шо*[пэн], *к*[рэ]*до, пас*[тэ]*ль, ин*[тъ]*рвью, пар*[тэ]*р* и др. Ассимилированные слова теряют эту особенность: [т'и^э]*атр,* [т'э^э]*ма,* [т'и^э]*рраса, му*[з'э]*й, ши*[н'э]*ль.*

6. Правильное произношение некоторых буквенных аббревиатур также стало за последнее время частным вопросом орфоэпии. По общему правилу буквенные аббревиатуры читаются в соответствии с алфавитными названиями букв, напр.: [эсэсэсэр] *(СССР).* Однако из этого общего правила постепенно возник ряд исключений, когда в литературной речи стали встречаться в массовом употреблении устные формы: [сэшэа] *(США),* [фээргэ] *(ФРГ),* [энсэо] *(НСО),* т. е. формы с осуждаемыми нелитературными названиями некоторых букв («сэ» вместо

эс, «фэ» вместо *эф* и др.). Такое произношение указанных аббревиатур стало орфоэпической нормой де-факто.

Рассмотрим более подробно трудности русского произношения, типичные для носителей многих национальных языков, ошибки в артикуляции отдельных звуков и другие отклонения, требующие особого внимания, конкретных методов исправления.

1. Палатализованные (мягкие) согласные. Нередко нерусские учащиеся в русской речи произносят на месте мягких согласных их твердые корреляты:

1) в позиции перед гласными переднего ряда [е], [ь]: д[э̂]ло, з[э̂]ркало и т. п. (для отработки навыка произношения мягких согласных нужны упражнения на противопоставление твердых и мягких коррелятов (*в зал — взял, вол — вел, мало — мяла* и т. п.), тренировочное произношение мягких согласных между двумя звуками [и] *(иди, ими, ити, иси)* и т. п.);

2) в позиции на конце слова: *бра*[т] вместо *брать, ве*[с] вместо *весь, реша*[т] вместо *решать, редкос*[т] вместо *редкость* и т. п. (здесь необходимы упражнения на различение мягких и твердых согласных в одной и той же финальной позиции с подбором слов и словоформ, смысл которых меняется в зависимости от финального коррелята: *влез — влезь, готов — готовь, гран — грань)*.

2. Твердый [л]. Этот звук русского языка, отсутствующий в фонетической системе многих языков, часто заменяется на [л'] или на [л] «средний» — с меньшей, чем у [л] твердого, палатализацией. Реже он заменяется другими звуками. Для устранения неправильности и отработки произношения звука необходимо сосредоточить внимание на подъеме задней части языка и вогнутости его средней части. Для этого следует использовать сочетания звука [л] с [о] и [у] (отрабатывая произношение слов типа *голос, лоб, гол, луг, гул*) и с заднеязычными согласными (привлекая слова типа *клуб, главный, хлопок*).

3. Дрожащие [р], [р']. Вместо этих звуков произносят увулярные (язычковые) согласные [г], [г']. Необходимы упражнения на дифференциацию этих звуков. При постановке правильной артикуляции [р] и [р'] можно использовать помогающее этому произношение сочетаний [пр], [пр'] *(пройди, приди)*, [ср], [ср'] *(сразу, среди)* и других сочетаний [р], [р'] с предшествующими губными или переднеязычными согласными.

4. Звуки [ж], [ш]. Их произношение часто бывает смягченным, особенно перед [и] и [ь]: *но*[ж']*и, ти*-[ш']*ина* и т. п. Устранение этой ошибки требует объяснения правильной постановки языка: кончик языка поднимается вверх по сравнению с произношением смягченного звука-заменителя, а весь язык оттягивается назад. Для стимулирования положения языка вверх при произношении твердых [ж] и [ш] следует сначала потренироваться в произношении сочетаний звуков [ужу], [ушу], [огжо], [кшо], [джо], [тшо].

5. Долгий мягкий [ш̄']. Наблюдается замена этого звука на мягкий краткий [ш'], твердый краткий [ш] и на другие звуки, особенно на [с]. Отрабатывая звук [ш̄'], необходимо направить внимание на его палатализацию, используя сочетание [ш̄'и]; при смешении с [с] — на опущение кончика языка и на расширение, по сравнению с заменяющим звуком, прохода для воздушной струи. Во всех случаях смешения нужно отрабатывать длительность артикуляции.

6. Заднеязычные [г], [к], [х]. Наблюдается их замена на заднеязычные с придыханием, на глоточные и глубокозаднеязычные согласные. Устраняя произношение глоточных и глубокозаднеязычных, следует опираться на сочетания [г], [к], [х] со звуками [о] и [у]; для устранения придыхательного произношения [г] и [к] необходимо, чтобы учащиеся сокращали, делали более отрывистым отступ (третью фазу артикуляции при финальной позиции звука) и быстрее переходили к артикуляции гласного, следующего за заднеязычным.

7. Гласный [ы]. Нередко он заменяется на [и]: [р'и]*ба,* [п'и]*ль* вместо *рыба, пыль* и т. п. Устранение такой замены должно идти с помощью упражнений на противопоставление этих звуков в словах, с рекомендацией отодвигать язык назад при артикуляции [ы]: *был — бил, ныть — нить, полы — поли.*

8. Сочетания согласных звуков *(стр, скл* и др.). В такие сочетания нередко допускаются вставки гласных звуков или призвуков, особенно если сочетание согласных находится в начале слова. Для преодоления этого полезно слоговое чтение слов с такими звукосочетаниями, скандирование их с соблюдением кратчайшего времени для произношения каждого слога: *здра-ствуй-те, стро-им, склонились* и т. п. При этом следует отрабатывать быстроту перехода от артикуляции одного согласного к артикуля-

ции следующего согласного, ослабление рекурсионной части согласного. Может быть применен и прием постепенного увеличения числа согласных в сочетании после достаточной отработки произношения меньшего их сочетания, ср.: *глаз, глядеть — с глаз; сгладить, сглазить — взгляд; три, тратить — страх; страна — встроить, встреча.*

9. Сочетание гласных разного ряда в одном слове. В этом случае под влиянием фонетического закона сингармонизма гласных нередко допускаются ошибки типа [п'е]*делили* (вместо *поделили*), *в* [к'и]*рзине* (вместо *в корзине*). В подобных случаях необходимо идти от произношения слова или словоформы по слогам к беглому их прозношению. Полезны упражнения на произношение однокоренных, одноприставочных слов, когда соответствующая морфема попадает в разные с точки зрения закона сингармонизма условия, но по правилам русской фонетики ее гласный звук должен произноситься без изменения: *показать, исказить, искажать, искажение* и т. п.

Кроме произношения звуков в потоке речи, русская орфоэпия регулирует также постановку ударения.

Правила ударения многочисленны и дробны. Они все имеют или частный, или индивидуальный, но не общий характер, так как в современном русском языке мы не обнаруживаем очень широких акцентологических закономерностей. Так, частное акцентологическое орфоэпическое правило предписывает во многих дву- и трехсложных кратких прилагательных женского рода ставить ударение на окончании, а в формах среднего рода и множественного числа — на основе: *бледна́*, но *изображение блéдно, они блéдны; вредна́*, но *промедление врéдно, врéдны; жива́*, но *жи́во; молода́*, но *учреждение мóлодо* и др. Другое правило предписывает постановку ударения на окончании многих глаголов женского рода в прошедшем времени и на основе в остальных формах прошедшего времени: *взяла́*, но *взя́ли, взя́ло; дала́*, но *да́ли; спала́*, но *спа́ли; плы́ла́*, но *плы́ли, плы́ло* и др. При этом у многих глаголов с приставками ударение в формах мужского, среднего рода и множественного числа прошедшего времени передвигается на приставку: *отняла́*, но *óтнял, óтняли; прожила́, прожи́ть*, но *прóжил; наня́ть*, но *на́нял, на́няли; подняла́*, но *пóднял, пóдняло, пóдняли.*

Есть и ряд других частных акцентологических явлений, охватывающих отдельные группы слов, которые

вызывают трудности и ошибки, особенно у изучающих русский язык как неродной. Вот некоторые из них:

Префикс *не-* по общему правилу является неударным, но есть около 40 слов, в которых он под ударением. Наиболее частотные из них: *нéчто, нéкто, нéдруг, нéхотя, нéжели, нéмощь, нéмощный, нéкуда, нéоткуда, нéкогда* (ср. *никудá*), *нéсколько, нéвидаль, нéнависть, нéуч, нéлюди* («изверги»; ср. *не лю́ди, нелюди́м*).

Префикс *при-* также в сотнях слов безударный, но в нескольких десятках слов под ударением: *при́быль, при́вкус, при́звук, при́знак, при́зрак, при́зрачный* (ср. *прозрáчный*), *при́город, при́званный* (ср. *призвáть*), *при́знанный, при́нятый, при́сланный, при́сказка* (ср. *скáзка*), *при́стань, при́ступ* (ср. *приступ́ки*), *при́хоть, при́стальный.* Аналогичные небольшие списки слов есть и с другими ударными приставками (при преимущественной безударности этих приставок): *от- (óтблеск, óтсвет, óттепель, óтдых, óтзыв* («мнение»), *óтклик, óткуп, óтмель, óтнятый, óтпертый, óтповедь, óтпрыск, óтпуск, óтрасль, óтступ), без- (бéздарь, бéстолочь), до- (дóвод, дóмысел, дóверху, дóнизу, дóпуск, дóсиня* (ср. *добелá*), *дó смерти, дóступ, дóсуха, дóсыта),* а также с другими.

При префиксальном образовании от некоторых производных глаголов несовершенного вида ударение передвигается с корня на суффикс. Вот список этих глаголов: *бéгать — вбегáть, отбегáть; пáдать — отпадáть, припадáть; двúгать — придвигáть, отодвигáть; клúкать — скликáть, выкликáть; пóлзать — приползáть, наползáть; тыкать — протыкáть, затыкáть.* Дериваты-омографы совершенного вида имеют ударение на основе, ср.: *отбегáть — отбéгать, задвигáть — задвúгать, заползáть — запóлзать* и т. п.

Для носителей как русского языка, так и родного возникают акцентологические затруднения, связанные с диалектным или просторечным влиянием (ср. распространенное неправильное произношение слов «магáзин», «пóртфель», «квáртал», «килóметр» и др.), а также с плохим знанием редких интернациональных терминов (в произношении слов «гéнезис», «кáтарсис», «фенóмен», «ракýрс» и т. п.). Для владеющего русским языком как неродным возможность ошибиться в ударении намного увеличивается.

Графика, орфография и пунктуация

Письменная речь — это графическая передача устной речи (ее звукового потока и вместе с этим смысла информационного содержания, заключенного в ней). Она применяется с целью сообщения информации, которую по каким-либо причинам невозможно или неудобно (нецелесообразно) передать устным путем, и является посредником между участниками коммуникативного акта (автором сообщения и воспринимающим), разъединенными расстоянием и временем [1]. Обычно письменная речь подразумевает предшествующую ей устную речь: пишущий не передает информацию, содержание, минуя устную речь, «сразу»: он сначала произносит высказывание (в виде внутренней речи) и лишь затем оформляет, фиксирует его на письме. Чтение (как бы декодирование письменного текста, его соответствующее переложение звуками устной речи) есть процесс восстановления прямой, устной информации по косвенной ее передаче, процесс возвращения к исходной устной речи, но осуществляющийся уже другим лицом — воспринимающим.

Закономерности и правила письменной речи рассматриваются в разделах лингвистики, которые называются графика и орфография. Этими же терминами обозначаются все средства и правила письменной речи, имеющиеся в отдельных национальных языках.

Русская графика и орфография представляют собой два достаточно тесно связанных между собой аспекта

[1] Конечно, автор и воспринимающий могут находиться рядом и тем не менее общаться письменно (например, переписываться во время заседания); одно и то же лицо может выступать и автором, и перципиентом при кодировании речи письмом (спустя некоторое время перечитывает свои же записи). Однако это частные случаи по сравнению с описанным общим характером письменного языкового общения.

русской письменной речи. Это, безусловно, различные явления, но изучение одного из них вряд ли можно полностью отделить от изучения другого; тем более нельзя понять русскую письменную речь, ограничиваясь изучением лишь одного из этих аспектов: они дополняют друг друга. Можно сказать, что графика — более широкий аспект письма, включающий в себя орфографию как свою часть.

§ 1. Предмет графики. Алфавит. Основным предметом графики является совокупность, система букв и их значений. Графика изучает и другие письменные знаки — знаки пунктуации [1], ударения, апостроф.

Совокупность букв, выстраиваемая вне речи в определенном традиционном порядке, называется алфавитом. В широком смысле алфавит — это совокупность графических знаков — букв, которыми пользуются при письме на определенном этапе существования языка. Современный русский алфавит состоит из 33 букв. Каждая русская буква имеет две разновидности по семантической функции — прописная, или заглавная, буква и строчная, или маленькая, буква, напр.: *А — а, У — у*; а также несколько таких разновидностей, которые можно условно назвать стилистическими,— печатные и письменные буквы, причем те и другие имеют вариации (например, современные печатные буквы могут стилизоваться под кириллицу в первоначальном виде, письменные буквы могут быть каллиграфическими и т. д.).

Современный русский алфавит имеет своей основой кириллическую азбуку, буквами которой писались старославянские и древнерусские книги и грамоты (документы). На протяжении веков часть кириллических букв была утрачена, например *юс малый* и *юс большой, ять, и десятеричное, ижица* и др., часть же букв несколько изменила прежние очертания. В разные времена дополнительно к модификациям знаков кириллической азбуки были введены лишь три буквы — *й, э, ё*.

Буквы русского алфавита разделяются на согласные, гласные и такие, которые не входят в эти два разряда. Согласными буквами условно называют такие, которые

---

[1] Пунктуация обосабливается в отдельный аспект письменности ввиду особых правил ее употребления, но как набор графических элементов — это неотъемлемая часть национальной графики.

всегда обозначают согласные звуки: *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ*, а также *й* (всего 21). Гласными буквами условно называются буквы, которые всегда обозначают гласные звуки или гласные звуки в сочетании с предшествующим согласным [j]: *а, я, э, е, о, ё, у, ю, и, ы* (всего 10). Две буквы (*ь, ъ*) не являются ни согласными, ни гласными, так как не обозначают вообще никаких звуков, а лишь уточняют звуковое значение рядом стоящих букв.

Каждая буква имеет название. Названия части согласных букв состоят из соответствующего твердого согласного звука и последующего [э]: *бэ, вэ, гэ, дэ, жэ, зэ, пэ, тэ, цэ*. Названия четырех согласных букв состоят из соответствующего согласного звука и последующего гласного [а]: *ка, ха, ша, ща*. Названия шести согласных букв состоят из начального элемента [э] и согласного звука: *эль, эм, эн, эр, эс, эф*. Буква *эль* имеет еще название *эл* (более позднее). Названия гласных букв состоят или из одного соответствующего гласного звука: *а, о, э, у, и, ы*, или гласного звука и предшествующего звука [j]: *е, ё, ю, я*. Буква *й* имеет составное название *и краткое*. Буква *э* иногда называется *э оборотное*. Составные названия — *мягкий знак, твердый знак* (и устаревшие, но еще встречающиеся названия *ерь* и *ер*) — имеют *ь* и *ъ*.

§ 2. Буквы и звуки. Звуковые значения русских букв. Соотношения между буквами и звуками. Основная функция русских букв — обозначать звуки речи, обозначать их непосредственно или опосредованно. Графика определяет, какие звуковые значения имеют отдельные буквы и как они читаются в разных случаях.

Поскольку русские буквы передают звуки, русское письмо прежде всего и больше всего является фонетическим (ср. нефонетическую письменную речь — иероглифическую и др., где начертательные средства не приспособлены для передачи звуков, как таковых, в их отдельности, обособленности).

Есть буквы, обозначающие всегда один и тот же звук. К ним относятся *щ, й* (они всегда обозначают соответственно звуки [ш̄'], [j]). Большинство букв в отдельных конкретных написаниях обозначают один звук, но не один и тот же звук, если учитывать разные написания с этими буквами. Ср.: *кот* и *коты* — буква *о* обозначает в первом слове звук [о], а во втором — звук [Λ]; *врага, враги,*

враг — буква *г* обозначает соответственно звуки [г], [г'], [к]. Некоторые буквы могут обозначать два звука сразу при одном их написании, ср.: *юность, ежевика* — *ю* обозначает [jу], *е* обозначает [jь]; они же в других написаниях могут обозначать один звук, ср.: *лямка, резать* — *я* обозначает [а], *е* обозначает [э]. Сочетание двух букв может обозначать один звук, ср.: *счастье* — *сч* обозначает звук [ш'], *роль* — *ль* обозначает [л']. В определенных случаях буквы могут иметь нулевое звуковое значение (т. е. обозначать непроизносимый звук), ср.: *здравствуй* и *здоровье, пожалуйста* и *пожалуй*.

Если буквы могут выступать в нескольких звуковых значениях, передавать различные звуки, выделяются их основные и второстепенные звуковые значения. Например, основными звуковыми значениями буквы *г* являются [г] и [г'], а второстепенными — [к] *(враг)* и [в] *(сегодня)*. Буква *ч* передает в основном звук [ч'], но может передавать и звук [ш] *(скворечник, яичница)*, что будет для нее второстепенным звуковым значением. Основные и второстепенные звуковые значения букв можно сравнить с прямыми и переносными значениями слов.

Употребление букв в разных звуковых значениях устраняет несоответствие в количестве звуков и букв русского языка (звуков значительно больше, чем букв) и подразумевает определенные правила их употребления, в том числе чисто графические.

§ 3. Звуковые значения буквы и ее позиция. Фонетико-позиционный принцип русской графики. Буквы читаются с учетом их взаимного расположения, позиции вообще, из чего и выводятся правила их графического употребления. Звуковые значения букв зависят от их позиции: буквы в разных позициях употребляются в разных звуковых значениях. Так, *ре* мы должны прочесть [р'э], но не [рэ]; *лю* читаем как [л'у] ([л'] мягкий, так как далее идет *ю*, а не *у*, а *ю* читаем нейотированно, так как непосредственно перед этой буквой стоит согласная); *ря* читаем как [р'а], а *яр* — как [jар], т. е. в одном случае букву *я* читаем нейотированно, в другом — йотированно, в зависимости от того, находится ли она после согласной буквы или в какой-либо другой позиции.

Русская графика основана на фонетико-позиционном принципе (принимается во внимание как ее фонетичность, так и позиционная обусловленность чтения букв).

Обозначение либо твердого, либо мягкого согласного звука соответствующей согласной буквой достигается постановкой определенной гласной буквы непосредственно после согласной. Если поставлена какая-либо из букв *а, у, э, о, ы* (гласные буквы первого порядка), то предшествующая согласная буква читается твердо: *год, голубь*. Если поставлена какая-либо из букв *е, ё, и, ю, я* (гласные буквы второго порядка), то предшествующая согласная читается мягко: *бег, любя*. Этим в первую очередь и осуществляется дифференцированная передача на письме твердых и мягких согласных звуков, что весьма важно для русского языка.

В конце слов и перед согласной буквой обозначение твердости/мягкости согласного звука, передаваемого соответствующей буквой, достигается уже иначе, но тоже за счет позиции, соседства с другими буквами: постановкой/непостановкой мягкого знака *(кон — конь, полка — полька)*, т. е. контакт с *ь* или его отсутствие дает мягкое или твердое чтение согласной буквы.

Гласные буквы *е, ё, ю, я* читаются по-разному в зависимости от того, какая буква им предшествует и предшествует ли вообще. Если предшествует согласная, то они читаются соответственно [э], [о], [у], [а]: *небо, тёмный, люди, ряд* (в безударных слогах слов как редуцированные звуки [и^э], [ь]: *небесный, темнота, рядовой*). Если же буквы *е, ё, ю, я* стоят перед любой другой гласной буквой, в абсолютном начале слова или после *ъ* и *ь*, они читаются йотированно — [jэ], [jо], [jу], [jа]: *яблоко, ели, ёж, Юрий, поесть, двоюродный, доярка, въехать, ночью, объявление*[1]. Этим достигается обозначение звука [j], если он в устной речи звучит после гласного, либо в начале слова, либо после согласного звука.

Буква *й* обозначает только один звук [j] и употребляется, как правило, тогда, когда невозможно обозначить данный звук буквами *е, ё, ю, я,* а именно: если далее идет согласная буква или если далее нет никакой буквы (в слове): *война, читай* и т. п. Здесь мы имеем дело с позиционным употреблением буквы, а не с ее позиционным чтением.

Звуковое значение буквы в слове часто обусловлено не только чисто позиционными, но и другими причинами, ср.:

---

[1] Реже звук [j] обозначается буквой *и*, которая после *ь* также читается йотированно — [jи]: *семьи, воробьи*.

море и *моря́* — буква *о* в первом слове обозначает звук [о], во втором — звук [Λ]; *плоды — плод* — буква *д* обозначает соответственно звуки [д] и [т]; *свить, сдать, сшить* — буква *с* обозначает звуки [с], [з] и [ш̄]. Эти различия звуковых значений буквы вызываются не собственными закономерностями графики, а действием фонетических законов и правилами орфографии. Тем не менее всякая возможность для буквы выступать в том или ином звуковом значении относится и к теории графики.

§ 4. Отклонения от фонетико-позиционного принципа русской графики при некоторых написаниях. Описанного принципа пользования русскими буквами вполне достаточно для того, чтобы передать любое русское слово. Произвольное, неузаконенное отклонение от него приведет к искажению слова, написание не будет отражать звукового облика слова. Так, если мы напишем «лэто» вместо *лето*, то не передадим необходимый начальный звук [л'], а вместо него обозначим на письме неуместный здесь [л]. Тем не менее имеются заметные отклонения от общих принципов, правил графики, но они узаконены и проявляются в ограниченном количестве слов. Они сводятся к следующим типичным случаям:

1. После *ж* и *ш* пишется буква *и*, а не *ы*, хотя при этом не обозначается мягкость [ж] и [ш]: *жизнь, ширма.* Поскольку в современном русском языке [ж] и [ш] всегда твердые звуки, по правилам графики нужно было бы писать «жызнь», «шырма» и т. п. Отклонения объясняются исторической традицией: раньше эти буквы обозначали мягкие согласные звуки [ж'] и [ш'], позже отвердевшие. Подобным же отклонением является написание *цирк, циник,* ибо буква *ц* в современном литературном языке всегда обозначает только твердый согласный. Строго «правильно» пишутся исключения *цыц, цыган, цыпленок.* В словах *жюри, Цюрих* также есть отклонения, ибо *ж* и *ц* не обозначают мягких согласных, несмотря на последующую букву *ю*. Здесь причина отклонений — намерение точнее транслитерировать иностранные слова. В написании типа *чаша, чутко* замечаем отклонения противоположного порядка. Последовательным было бы написание «чяша», «чютко».

2. В иностранных словах по той же причине звук [j] перед гласным звуком обозначается не гласными буквами *е, ё, ю, я*, а буквой *й: Йемен, йод, майор*; строго правильно

было бы: «Емен», «ёд», «маёр». Еще более заметным отклонением является написание слов типа *медальон, бульон*, в которых буква *о* обозначает сочетание звуков [jo]; более последовательно было бы: «медальён», «бульён».

3. В иностранных словах типа *ателье, депо, реле, Сен-Санс,* несмотря на твердое произношение согласных звуков, после согласных букв *т, д* и *с* пишется *е*, а не *э*.

4. Отклонения наблюдаются в сложносокращенных словах типа *Главювелирторг*; более последовательно было бы: «Главъювелирторг».

Отклонения от фонетико-позиционного принципа обусловлены не несовершенством графической системы русского языка (нельзя утверждать, что она сама по себе не «срабатывает» в каких-то случаях): их диктует не графика, а орфография [1].

§ 5. Орфография, ее отличие от графики. Не все в написании слов можно объяснить, исходя из графики. По правилам графики можно было бы написать, например, слово *вода* и как «вада», и такое написание полностью передавало бы звуковой облик слова. По правилам графики можно написать *орел* и *Орел, ввиду* и *в виду*. Русская графика и ее принципы обеспечивают передачу звуков речи графическими средствами на письме. Но современная русская письменная речь связана не только со звуковой стороной языка, но и с морфологией, словообразованием, лексикологией, с историей развития письменности, с историей развития фонетического строя. Эти связи накладывают на письменную речь много особенностей, сильно влияют на написание слов.

Графика констатирует все возможные передачи звуков вообще, почти вне зависимости от конкретных слов, морфем и конкретных групп тех или других. Она говорит лишь о более типичном, обобщая речевую письменную практику. Ее инструктивная направленность весьма мала и косвенна: она дает отвлеченные, общие рекомендации писать определенным образом, например писать *га* для обозначения [га], *я* для обозначения [ja] не перед согласной и т. п. Под графикой следует понимать самые общие

---

[1] По существу, употребление буквы в любом второстепенном звуковом значении является отклонением от принципов графики, но одновременно соблюдением принципов орфографии.

и отвлеченные правила письма, а под орфографией — все исключения из них, обусловленные многими причинами.

Орфография устанавливает специальные общие принципы и частные правила, которые в каждом случае говорили бы, что такое-то графическое изображение слова более удобно и целесообразно, чем другое возможное графическое изображение (например, что написание *вода* более целесообразно, чем «вада», *кирпичом* более целесообразно, чем «кирпичём», и т. д.).

Сравнивая орфографию с графикой, обнаруживаем, что графика имеет дело с написанием вообще, а орфография — с избирательным написанием слов из числа графически возможных написаний.

Орфография как термин имеет двуединое значение — раздел науки о языке, занимающийся избирательными написаниями, и система правил такого письма.

Русская орфография больше всего касается избирательного употребления букв в морфемах слов, затем других избирательных написаний — избирательности переносов частей слов с одной строки на другую, написания с прописной или строчной буквы, раздельности/слитности написания слов.

§ 6. Орфографические принципы русского письма. Основным принципом русской орфографии является морфологический принцип. В соответствии с ним каждая морфема — корневая, префиксальная, суффиксальная, флексийная — воспроизводится на письме в одном и том же виде, несмотря на ее различное произношение в разных словах и формах. Например, в словах и словоформах *море, моряк, моряком, морской* корневая морфема сохраняет один и тот же графический вид *(-мор-)*, хотя в устной речи второй и третий звук в ней переменчивы. Ср. также: *сделать* и *скатить* — в этих словах одна приставка, она имеет свои фонетические варианты ([з] в первом слове и [с] во втором), но письменных вариантов не имеет. То же в отношении приставки *под-* (ср. звучание и написание ее в словах *подвести, подкатить, поднял* и т. п.). Морфологический принцип письма требует избрания какого-то одного, например наиболее традиционного, графического вида морфемы и исключает ее письменную вариантность. Всякое написание (или ряд написаний), не нарушающее графического единообразия морфемы, является морфологическим.

Морфологический принцип русского письма охватывает большинство написаний слов и словоформ и реализуется в конкретных орфографических правилах, которые подразумевают проверку написания определенной буквы, морфемы путем подбора однокоренных, одноприставолчных, односуффиксальных слов, словоформ или словоформ с одной и той же флексией, в которых соответствующая фонема (отражаемая на письме буквой) находилась бы в сильной позиции. Тем самым устанавливается, какое буквенное обозначение должен иметь звук, находящийся в слабой позиции. Это, например, такие правила орфографии:

1. В конце слова или перед согласной буквой нужно писать ту корневую согласную (обозначающую звонкий или глухой согласный звук), которая пишется в однокоренном слове или словоформе перед гласной буквой или перед *р, л, м, н, в*, ср.: *ду*[п]*ки* — следует писать *дубки* (с *б*, а не с *п*), так как пишется *дубок, дубовый; ли*[п]*ки* — пишется *липки*, так как *липа, липовый; вымо*[к] *под дождем* — пишется *вымок*, так как *вымокли, мокрый*.

2. При непроизнесении согласного в сочетании согласных следует писать соответствующую букву, если в однокоренном слове этот согласный произносится, а соответствующая ему буква пишется. Ср.: *се*[рц]*е* — пишется *сердце*, так как *сердец, сердечный; сча*[сл]*ивый* — пишется *счастливый*, так как *счастье; францу*[с]*кий* — пишется *французский*, так как *французы; скоро*[сн]*ой* — пишется *скоростной*, так как *скорость;* напротив того, *запа*[сн]*ой* — пишется *запасной* (без *т*, ср.: *запасы*); *выносливый* — пишется без *т* (ср.: *выносить*).

3. Приставки *в-, над-, об-, под-, пред-, от-, с-* не меняют свое написание, если в слабой позиции их конечные звуки перед глухими или, наоборот, перед звонкими оглушаются или озвончаются: *втолкнуть — вбить, врубить, влезть; надкусить — надрубить, надрезать; обтесать — обрезать, подкинуть — подменить, отдать — отучить, сделать — сразить*.

4. В словах от основ на две одинаковые согласные перед суффиксом эти согласные сохраняются: *гру*[п]*ка* — пишется *группка*, так как *группа; програ*[м]*ка, програ*[м]*ный* — пишется *программка, программный*, так как *программа; классный (класс), пятибалльная система оценок (балл)*. Из этого правила есть, однако, ряд исключе-

ний в сторону фонетического принципа написания: *оперетка* (хотя *оперетта*), *финка, финский* (хотя *финн*), *кристальный* (хотя *кристалл*). Вслед за произношением пишутся с одной, а не с двумя согласными буквами начальные или срединные части — усеченные основы сложносокращенных слов, хотя в несокращенных основах — две согласные буквы: *грампластинка* (ср.: *граммофонный*), *профгрупорг* (ср.: *группа*), *конармия, конармеец* (ср.: *конный*). В случае если такая усеченная часть оказывается в конце слова, написание с одной или с двумя согласными буквами правилом не регулируется, ср.: *селькор, спецкор (корреспондент)*, но *Донбасс (бассейн)*.

5. Если произносимый звук [ш'] относится целиком к корню или целиком к суффиксу, то в слове нужно писать букву *щ*; если же этот звук относится к разным морфемам, возникая в устной речи на их стыке, то следует писать различные сочетания букв, проверяя написание подбором слов, проясняющих согласные на стыке морфем, ср.: *щетка, ищу, дощатый* (не *досчатый*), *погонщик, женщина*, но *перево*[ш']*ик* — пишется *перевозчик* (ср.: *перевоз, наладчик*); *разно*[ш']*ик* — *разносчик*; *же*[ш']*е* — пишется *жестче* (ср.: *жесткий, короче*); *ра*[ш']*итаться* — пишется *рассчитаться* (ср.: *расписаться, считать, расчет, вычет*).

6. По морфологическому же принципу нужно писать *помощник*, хотя произносится *помо*[ш]*ник* (ср.: *помощь*).

7. Как правило, звукосочетание [шн] нужно передавать сочетанием букв *чн*: *було*[ш]*ная* — пишется *булочная* (ср.: *булочка*); *горчичник* (ср.: *горчичка*), *конечно* (ср.: *кончик*), *яичница* (ср.: *яичко*).

8. Неударяемые окончания существительных обычно проверяются по ударяемым окончаниям существительных того же склонения и в той же падежной форме и пишутся так же: *в городе, в парке* — как и *на столе; из неволи* — как и *из земли*; *в сите* — как *в ведре*.

Прежде чем писать слово, особенно производное, состоящее из нескольких морфем, полезно мысленно разложить его на составляющие морфемы и писать как бы поморфемно. Это позволит избежать многих ошибок, провоцируемых звучанием слова. Так, например, типичны ошибки написания «французский» вместо *французский*, поскольку здесь явно корень *-француз-* и суффикс *-ск-* (ср.: *узбек-ск-ий*); «искуство» вместо *искусство*, поскольку корень *-искус-* (ср.: *искусный*) и суффикс *-ств-* (ср.: *постоянство, малолетство*); «контреволюция» вместо

контрреволюция (префикс *контр-* + *революция*); «мировозрение» вместо *мировоззрение* (префикс *воз-* + *зрение*, ср.: *вз-гляд*). Конечно, для того чтобы правильно определять состав слова, нужно хорошо знать и помнить весь список аффиксальных морфем русского языка, знать их семантику и функции.

Анализируя состав слов для их правильного написания, в частности в сомнительных или сложных случаях, нужно точно определять семантику морфем. Особенно это важно при различении омонимичных (омофоничных) или паронимичных морфем или при омофонии, возникающей от морфемосочетания. Так, например, следует по-разному писать *иступленный* и *исступленный* в зависимости от того, какая в речи требуется морфема — *-туп-* (ср.: *тупой, иступленный карандаш, исписанный*) или *-ступ-* (ср.: *ступить, выступить, исступленный*, т. е. *выступивший, вышедший из себя*). Подобным же образом нужно различать и такие написания с омофоничными корнями, как *умолять прийти* и *умалять достоинство кого-либо, подражать в манерах* и *пришлось подрожать на морозе, сидеть на стуле* и *седеть от печали, обежать школу* и *обижать слабого; мок, ожидая на улице* и *мог не ждать; глас (голос) вопиющего в пустыне* и *правый глаз, полоскать белье* и *поласкать ребенка, запевать* и *запивать, сократить* и *укротить*.

Для лучшего практического усвоения русской орфографии во многих случаях необходимо учитывать зависимость написания от сочетаемости определенных морфем, знать различные сочетаемостные свойства омофонических или паронимических корней, аффиксов или формантов, в том числе зависящие от их семантики или функции, и сознательно руководствоваться этими знаниями. Во многом правила русской орфографии, установленные в 1956 г., строятся на таком сочетаемостном и функциональном противопоставлении морфемных омофонов и паронимов:

1. Окончания I и II спряжения у личных глаголов в случае их безударности зависят по общему правилу от словоизменительного типа глагола: глаголы на *-ить* продуктивного класса имеют на письме окончания II спряжения, глаголы других классов (если не считать нескольких исключений) — окончания I спряжения, ср.: *топить — топит, пилить — пилит,* но *колоть — колет, искать — ищет, стонать — стонет; будить — будит,* но *быть — будет; вырастить — вырастит,* но *вырасти — вырастет.*

2. Причастия от глаголов I и II спряжения имеют на письме различные суффиксы, нередко совпадающие в звучании: *расстрелять — расстрелянный,* но *подстрелить — подстреленный; валять (валенки) — валянный,* но *свалить — сваленный.*

3. В зависимости от причастной или адъективной семантики причастной или отпричастной краткой формы женского, среднего рода и множественного числа пишется суффикс *-н-* или *-нн-: Девочка воспитана в хорошей семье* и *Девочка воспитанна* (культурна). *Были срочно организованы две группы* и *Эти ребята очень организованны.*

4. От типа склонения существительного нередко зависит различное письменное окончание (не различающееся в устной речи) для обозначения одной и той же семантики, ср.: *к корове,* но *к лошади; в Суздале,* но *в Астрахани.*

5. Приставка *при-* пишется в основном для обозначения близости, приближения *(приморье, пригласить, придвигать),* неполноты действия *(приподнять, приоткрыть);* приставка *пре-* — для обозначения высшей степени качества или действия *(премилый, преуспеть)* и как синоним приставки *пере- (прервать, пресечь, преломляться).*

6. Сюда же относятся чередования в корне, отражаемые на письме в виде вариантов корней с буквами *и* и *е.* Эти корневые гласные буквы в ряде случаев пишутся в зависимости от вида глагола: *запирал* (несов. в.) — *запер* (сов. в.), *убираю — уберу, отдирает — отдерет, подстилать — подстелить, замирать — замереть, стирать — стереть.*

Точно так же регулируется различное написание деминутивов-существительных с *-ечк-* и *-ичк- (леечка,* но *пуговичка), -инк-* и *-енк- (соломинка,* но *сосенка), -ушк-* и *-ышк- (бабушка,* но *солнышко)* (см. § 19, 20, 22 указанных «Правил»); частиц *не* и *ни* в безударной позиции: *Я не говорил об этом. Чем ты не молодец?!,* но *Не было ни воды, ни деревьев. Ни о чем не спрашивайте* (см. § 48 «Правил») и другие написания при омофонии.

Имеются отклонения от морфологического принципа.

Больше всего эти отклонения связаны с применением в ряде случаев ф о н е т и ч е с к о г о п р и н ц и п а написания, который признается для них более целесообразным. По фонетическому принципу каждый отдельный звук должен обозначаться буквой в основном или в единственном ее звуковом значении. В древности русское письмо

было фонетическим, т. е. близким к фонематической транскрипции. В настоящее время, говоря о фонетических написаниях, имеют в виду лишь вариантные написания некоторых морфем (отдельных букв в них) в зависимости от живого произношения (пишется одна или другая буква, более прямо отражающая нужное звуковое значение).

Часть фонетических написаний также охватывается орфографическими правилами:

1. Если корень или приставка начинается на *и* и попадает в позицию перед приставкой *раз- (роз-), вз- (воз-), без-, из-, с-, под-, пред-*, то вместо *и* пишется *ы: разыгрывать* (ср.: *игра*), *безымянный* (ср.: *имя*), *сызнова, изыскать* (ср.: *искать*), *возыметь действие* (ср.: *иметь*), *подытожить* (ср.: *итоги*), *предыстория* (ср.: *история*). Сюда, однако, не относятся случаи типа *сверхизысканный, контригра, коминтерн, Совинформбюро, горисполком*, в которых соблюдается морфологический принцип написания.

2. Приставка *раз- (роз-)* пишется через *а* в безударной позиции и через *о* в ударной: *разыграть — розыгрыш, рассыпать — россыпи, расписать — роспись, раздать — роздал, рассказывать — россказни.*

3. В приставках *без-, вз- (воз-), из-, низ-, раз-, чрез- (через-)* — пишется буква *с*, согласно с произношением, перед буквами, обозначающими глухие согласные: *беспомощный, искусать, ниспадать, рассыпать, чересполосица, чресседельник.* В случае *безвкусен* фонетический принцип написания приставки нарушается: здесь [з] оглушается перед звуком [ф], но сохраняется написание буквы *з*.

4. Не пишется *ь* в прилагательных с суффиксом *-ск-*, образованных от существительных на *-ь*, т. е. при изменении палатального звука на твердый коррелят на письме передается эта мена звуков и возникает другой письменный вид, вариант корневой морфемы: *зверский* (ср.: *зверь*), *казанский* (ср.: *Казань*), *сибирский* (ср.: *Сибирь*). То же и перед другими суффиксами: *костный* (ср.: *кость*), *скорбный* (ср.: *скорбь*), *конка* (ср.: *конь*).

5. Пишется *ь* при смягчении корневого твердого [л] перед суффиксами: *стульчик* (ср.: *стул*), *настольный* (ср.: *стол*), *нахальство* (ср.: *нахал*). Для других согласных, подвергающихся смягчению в слабой позиции, это правило не действует или действует очень мало, ср.: *звонкий — зво*[н']*че* (написание *звонче*), *зоркий — зорче,* но *тонкий — тоньше; обман — обма*[н']*щик* (написание *обманщик*), *спор — спорщик.*

Кроме того, можно наблюдать отдельные закрепившиеся фонетические написания, не подводимые под частные правила: *свадьба* (ср.: *сват, сватать*), *встать* (по морфологическому принципу было бы «взстать» (ср.: *восстать ото сна, вспорхнуть, вскинуться* — здесь приставка *вс-, вз-*, указывающая на направление вверх, а не *в*), *отверстие* (ср.: *отверзать*), *лестница* (ср.: *лезть, залезать*), *пятитонка* (ср.: *тонна*), *буденовка* (ср.: *Буденный*), *разевать* (по морфологическому принципу было бы «раззевать», ср.: *раздвигать* и *зевать*) и др.

Фонетический принцип соблюдается и в различном написании вслед за различным произношением падежных окончаний одной и той же семантики: *зверем,* но *грачом; толстый,* но *простой* и т. п.

Отклонения от основного морфологического принципа иногда объясняются соблюдением традиций письма (ср.: *плавать,* но *пловец*) или древними фонетическими процессами, давно переставшими действовать, но оставившими след в произношении и написании морфем, слов и словоформ (ср. различные буквы в вариантах корней: *бегу — бежишь, скакать — скачу, вздыхать — вздох).* Традиционными написаниями для русского языка считаются такие, которые не отражают звучания и вместе с тем не вызываются стремлением соблюсти единообразие в передаче морфемы, а просто достались в наследство от прежних эпох. Здесь можно выделить такие явления:

1. Написание различных вариантов некоторых корней в определенных группах слов: *кланяться — наклониться, поклониться; заря, зарево, озарение — зорька, бить зорю; седло, седалище, председатель, заседать — сидеть, сидя; кавычки, закавыка — оковы, ковать; загар, гарь — загореть, гореть; расти, растение, отрасль — поросль.*

2. Написание различных вариантов суффиксов прилагательных: *глиняный, земляной, серебряный, кожаный,* но *деревянный, стеклянный; кожаный — соломенный.*

3. Написание с отсутствием/наличием *ь* в производных словах одной и той же структуры: *казанский, астраханский, январский,* но *сентябрьский, октябрьский, ноябрьский, декабрьский; вишен, вишенка,* но *деревень, деревенька, кухонь, кухонька.*

4. Написание буквы *г* в окончаниях прилагательных, причастий и местоимений мужского рода в родительном падеже единственного числа: *полного, прежнего, этого, начавшегося;* сюда же: *сегодня, сегодняший.* Здесь на-

писание *г* вместо *в* отражает давнишнее произношение этих и подобных словоформ, которое сохранилось лишь в некоторых диалектах.

5. Написание *ь* после *ж, ш, ч* в конце некоторых глагольных и падежных форм: *стричь, режь, слышишь, дочь, брошь.* В таком случае *ь* не выполняет функцию передачи палатализации. В некоторых из этих слов он служит дифференцирующей приметой, и его употребление можно отнести к дифференцирующим написаниям, т. е. к различным написаниям (вводимым или оставляемым) сходных слов с целью различения на письме омофонов или разграничения слов одного класса, но с некоторыми различными признаками, ср.: *плач* и *плачь, тушь* и *туш, речь* и *мяч, рожь* и *нож.* К дифференцирующим относятся также и такие написания, как *ожег* (глагольная форма) — *ожог* (отглагольное существительное), *поджег — поджог, падеж — падёж, небо — нёбо.*

Иногда отклонения от морфологического принципа написания морфем и слов диктуются фонетико-позиционным принципом русской графики (см. с. 162—164), так как по правилам графики для какой-то морфемы в разных позициях невозможно обеспечить, оставить один и тот же буквенный состав. Ср.: *стоять,* но *стой* — на письме корневая морфема выглядит по-разному, так как ее конечный звук [j] в середине слова перед гласным должен быть обозначен буквой *я*, а в конце слова — буквой *й; руль,* но *рулевой* — написательные варианты корня отличаются один от другого наличием / отсутствием буквы *ь,* так как в одном случае она нужна для указания мягкости звука [л'], а в другом не нужна (мягкость [л'] во втором слове обозначается по другому правилу графики).

К особой разновидности написаний, которые можно назвать традиционно-морфологическими, относятся многочисленные (две с половиной тысячи) немотивированные для современного русского языка написания с непроверяемой безударной гласной *(собака, привилегия, компот, винегрет, ондатра),* с удвоенной согласной *(доллар, акклиматизироваться, симметрия, либретто* и т. п.). Как правило, это наблюдается в словах иностранного происхождения, основа которых на русской почве подверглась опрощению (см. «Слово как деривационное (структурное) целое», § 3, с. 209). В языке-источнике соответствующая часть слова нередко раскладывается на отдельные морфемные части, а немотивированная в русском

языке корневая гласная буква, корневое удвоение согласного вполне мотивированы, ср.: *симметрия* и греч. symmetr-ia, где выделяется префикс с конечным [м] и корень с начальным [м]; *вокальный* и лат. vōc-āl-is — дериват от vox «голос», что полностью объясняет, почему русское *вокальный* пишется через *о*. Обычно при обучении письму такие слова предлагается запомнить, механически заучить их написание. Но это нерациональный и не очень надежный метод. Более эффективно их этимологическое осознание, запоминание на той или иной достаточно простой мотивационной основе. Трудно, например, запомнить, что *беллетристика* пишется с двумя *л* и с *е* (а не с *и*) в первых двух безударных слогах; гораздо проще это запоминается, если знать, что данное слово соотносится с франц. bel «красивый» и lettre «буква, письмо». Написание слова *гонорар* легче запомнится, если иметь в виду его этимологическую связь с лат. hónor «честь, почесть» и с его формой родительного падежа единственного числа honóris (ср.: *гонор*); написание первого *а* в слове *багаж* мотивируется франц. bagues «дорожные вещи, мешок, узел с пожитками», родственным англ. bag «мешок, сумка».

Ошибки в написании русских слов у нерусских могут быть обусловлены не только плохим знанием принципов и правил русской орфографии, морфем русского языка, но и ошибками в их устной речи, неправильным произношением слов и морфем, отдельных их звуков и, как следствие, неправильной передачей их на письме, ср. такие характерные для нерусских ошибочные написания, как «малчик» вместо *мальчик,* «товариш» вместо *товарищ,* «доверят» вместо *доверять,* «бистро» вместо *быстро,* «солнишко» вместо *солнышко,* «редители» вместо *родители.* Ошибки могут быть и следствием интерференции графики и орфографии родного языка, в котором звуковые значения отдельных букв другие, чем в русском (ср., например, несовпадение звукового значения буквы *и* в украинском и русском языках), или же иной ведущий принцип правописания (ср. влияние этого на русское письмо белорусов). Устранение из речи фонетических ошибок ведет к более твердому и правильному запоминанию основного звучания морфемы и ее адекватной буквенной передаче.

Чем лучше усваиваются, запоминаются морфемы русского языка, их формы, семантика, сочетаемость, употребление, чем лучше навыки разбора слов по составу, чем точнее произношение русских слов, тем безошибочнее

письмо. Необходимо постоянно обращаться к орфографическому словарю в случае сомнения, проверки, как писать какое-либо слово. При этом обращении мало просто узнать, что слово пишется так, а не иначе, нужно еще и до конца осознать, почему оно пишется именно так. Для хорошего практического освоения русской орфографии как русскими, так и нерусскими очень полезно постоянное и в большом объеме чтение книг, газет, журналов. При обильном, не слишком беглом, вдумчивом чтении написание слов и словоформ, попадаясь на глаза сотни и тысячи раз, как правило, прочно запечатлевается в памяти.

§ 7. Орфографическое регулирование написания слова как целого в различных условиях. Кроме правил, касающихся избирательного написания букв в пределах слов (в их составных частях — морфемах), русская орфография устанавливает правила избирательного написания целых слов из числа их возможных вариантов, состоящих из одних и тех же букв в одной и той же последовательности.

Правила русской орфографии регулируют написание слов со строчной или прописной буквы. В основу данной избирательности кладется прежде всего семантический признак. Все собственные имена существительные пишутся с прописной буквы (*Москва, Платон, журнал «Крокодил»* и т. п.), все нарицательные — обычно со строчной (*страна, рассказ*), за исключением случаев придания им оттенка торжественности или уважительности (*Родина, Партия,Человек*). Во многих других случаях написание слова с прописной буквы отражает синтаксическую сторону устной речи, ее интонацию (отдельное предложение начинается с прописной буквы).

В русском письме применяются слитные, раздельные и дефисные написания слов или словосочетаний. В целом они имеют лексико-семантическую основу. Слитное написание, т. е. близкое друг к другу расположение букв, применяется при написании отдельного слова и удостоверяет, что эти буквы передают одно слово, ср.: *поистине* и *по истине, поначалу было неясно* и *по началу статьи, совершеннолетняя девушка* и *совершенно летняя погода*. Раздельное написание, т. е. оставление интервала между сочетаниями букв, фиксирует границы между словами; в редких случаях применяется в середине одного слова, части которого когда-то понимались как отдельные слова

(в то время как, так как, в открытую и т. п.). Дефисные написания сигнализируют об известной лексической или грамматической близости связываемых дефисом частей. Так пишутся некоторые сложные слова *(красно-желтый, социал-демократический, стоп-кран),* составные слова *(выставка-продажа, концерт-лекция, Иванушка-дурачок),* тавтологические усилительные слова *(ходить-ходить, теплым-тепло, крепко-накрепко, синий-синий).*

Русская орфография регулирует также перенос слов со строки на строку. Правила переноса слов имеют фонетическую и морфологическую основу. С одной стороны, признается правильным перенос части слова, если при этом не нарушается слогоделение — согласная буква не отрывается от гласной, составляющей с ней слог, например можно перенести *го-ло-ва,* но нельзя — *гол-ова,* можно — *повстре-чал,* но нельзя — *повстр-ечал.* С другой стороны, не допускаются некоторые виды разбивки морфем при переносе в тех случаях, когда можно избежать и такой разбивки и одновременно не нарушить резко слогоделение, например: возможен перенос *по-до-конник* (с отнесением на другую строку одной буквы приставки или корня); возможен, но менее желателен перенос *под-оконник;* возможен перенос *на-бросить,* но недопустим — *наб-росить;* возможен — *воз-вратить,* но недопустим — *во-звратить, возв-ратить.*

§ 8. Пунктуация. Помимо букв, русская графика располагает несколькими другими знаками, которые называются пунктуационными или знаками препинания. Это следующие знаки: запятая (,), точка (.), восклицательный знак (!), вопросительный знак (?), точка с запятой (;), двоеточие (:), тире (—), дефис (-), многоточие (отточие) (...), скобки ( ), кавычки (« »), знак ударения (´). Все они в сочетании с правилами их употребления, которые отражают их значимую сторону как знаков, называются п у н к т у а ц и е й.

Пунктуацию, ввиду начертательной специфики ее знаков и их особых функциональных свойств, следует признать автономной составной частью графики и орфографии, вспомогательной по отношению к графике букв и правописанию морфем и слов. Вместе с тем с графикой букв пунктуацию объединяет не только одинаковый технический способ их производства и совместное существование на бумаге, но и, что более существенно, их общее

предназначение — быть передатчиками фонетических единиц устной речи: буквы и знаки препинания одинаково являются элементами письменной речи.

Функциональная специфика пунктуационных знаков состоит в том, что они в основном передают на письме фонетическое членение устного речевого потока, правда, весьма неполно и недостаточно дифференцированно. Отражая части устного речевого потока, фиксируя их границы, а также в определенной, небольшой мере интонацию этих частей, знаки пунктуации тем самым позволяют лучше уяснить содержание устной речи, закодированной письмом.

Пунктуация очень последовательно отражает деление устной речи на фразы, ср.: *Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько!.. Ах ты, господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена...* (Чехов). Как видим, конец фразы обозначается на письме при помощи точки, восклицательного знака, вопросительного знака, многоточия; деление на фразы усиливается применением прописных букв в начале каждой фразы. К этому примыкает и отражение предикативных частей (простых предложений) сложного предложения, что также проводится на письме весьма последовательно, так как почти всегда предикативные части отделяются друг от друга запятой, тире, двоеточием или точкой с запятой.

Пунктуация отражает, правда непоследовательно, деление устной речи на речевые такты. Отделяются запятыми, тире, скобками речевые такты, заключающие обособленные члены предложения, вводные слова, вставные конструкции.

Кроме сигнализации о границах фонетических частей кодируемой устной речи, пунктуационные знаки выполняют и некоторые другие функции. Они передают, иногда в самых общих чертах, суперсегментные средства фонетики, следовательно, и смысл, связанный с ними. Ср.: *Вы сегодня будете дома?* — вопросительная интонация передана вопросительным знаком; *Вы не справитесь с этой работой!* — интонация возмущения и раздражения передана восклицательным знаком; *Как зовут эту «красавицу»?* — интонация иронии передана кавычками; *Вдруг на дороге показался... лось!* — подъем интонации и пауза, призванные выразить удивление, переданы на письме многоточием.

Другие функции некоторых знаков препинания менее связаны с фонетикой кодируемой речи, например: кавычки как уточняющий знак приложения: *журнал «Огонек», одеколон «Светлана»;* точка как сигнал сокращенного написания слова: *г. Москва, тов. Грачев;* тире для выражения корреляционных отношений в специальной речи: *день — ночь, б — п, д — т* — и для обозначения включения промежуточных членов ряда: *ученики 8—10 классов*; кавычки как знак семантизации в лингвистике: *рукой подать означает «близко»* — и как знак точной цитации, а также некоторые другие случаи.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ АТЫНДАҒЫ ТІЛ БІЛІМІ ИНСТИТУТЫ

Словообразование

Словообразование — это раздел науки о языке, состоящий из трех тесно связанных частей: морфемики, учения о словообразовательной структуре слов и учения о способах образования слов (деривации).

Морфемика изучает минимальные значимые части слов — морфемы, их формальные и семантические свойства, функции в слове, устанавливает их типы, правила сочетаемости друг с другом. В задачи морфемики входит также изучение морфемного состава слов различных частей речи, систематизация слов по морфемному составу, разработка принципов морфемного анализа.

Учение о словообразовательной структуре слов рассматривает структурные типы производных слов и дает их классификацию.

Деривация изучает способы создания производных слов, особенности образования слов различных частей речи.

МОРФЕМИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

§ 1. Понятие о морфеме. Морфема — это минимальная значимая часть слова, которая обладает свойствами воспроизводимости и повторяемости. Например, слово *го́ры* делится на две значимые части. Морфема *гор-* выражает лексическое значение слова — «значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью», а морфема *-ы* — грамматическое значение именительного (или винительного) падежа множественного числа.

Важнейшей особенностью морфемы является ее воспроизводимость.

В отличие от воспроизведения слова воспроизведение морфемы носит связанный характер. Слово воспроизводится свободно, т. е. его воспроизведение не вызывает обязательного воспроизведения других единиц, в то время как воспроизведение морфемы возможно лишь в составе слова, в сочетании с другими морфемами, составляющими вместе с ней слово.

В качестве одного из признаков морфемы часто выделяют ее повторяемость. Действительно, повторяемость — характерное свойство морфемы. Большинство морфем употребляется в ряде слов (встречается минимум в двух словах), причем повторяется в них в одном и том же значении, ср.: *рез-чик, навод-чик, уклад-чик* — морфема *-чик* во всех словах обозначает лицо по действию; *пере-сеять, пере-учить, пере-воспитать* — морфема *пере-* обозначает «заново (повторно), иначе совершить действие»; *окн-у, стекл-у, дел-у* — морфема *-у* выражает значение дательного падежа единственного числа. Но этот признак охватывает не все морфемы.

Термин «морфема» введен И. А. Бодуэном де Куртенэ как общее название всех частей слова. Он писал: «Морфема — дальше не делимый, дальше не разложимый морфологический элемент языкового мышления. Этот термин является родовым, объединяющим для частных, видовых понятий вроде корень, префикс, суффикс, окончание и т. п. Считать подобный термин лишним — это то же самое, что считать лишним объединяющий термин «дерево» и довольствоваться частными названиями «дуб», «береза», «ель», «ива» и т. д.» [1]

§ 2. Типы морфем. Морфемы русского языка, несмотря на большое разнообразие их по форме и значению, представляют собой однородные единицы, так как обладают общими признаками. На основании этих признаков морфемы объединяются в типы. При распределении морфем по типам учитываются следующие их признаки: 1) функция в слове; 2) характер (тип) значения; 3) место в слове.

Морфемы, вычленяющиеся в словах русского языка, делятся в основном на два типа — корневые и аффиксальные (*аффикс* от лат. «прикрепленный»).

---

[1] *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. 1, с. 272.

К корневым морфемам относятся только корни. К аффиксальным (служебным) морфемам относятся суффиксы, префиксы, постфиксы, окончания. Промежуточными морфемами между корневыми и аффиксальными являются аффиксоиды.

Корневая морфема является смысловым ядром, носителем лексического значения слова. Аффиксальные морфемы выражают дополнительные (служебные) значения — словообразовательные или грамматические, которые наслаиваются на семантику корневой морфемы, модифицируя или конкретизируя ее в каком-либо отношении, ср.: *писать* и *вписать, выписать, записать, дописать, исписать, описать* и др.

Корень является обязательной частью слова и выступает как его смысловой и структурный организующий центр. Аффиксы присоединяются к корню, как бы нанизываются на него в определенной последовательности, ср.: *мир — мир-и(ть) — при-мир(ить) — примир-ен(ие) — примирен-ец — примиренч-еск(ий) — примиренческ-и.*

Корневые морфемы чаще всего встречаются в сочетании с аффиксами, однако в русском языке имеются корневые слова и без аффиксов. Что же касается аффиксов, то они употребляются только в составе слова.

Аффиксы отличаются друг от друга по месту в слове. По отношению к корню различаются префиксы (приставки) и суффиксы. Аффиксы, находящиеся перед корнем, называются префиксами: *пре-милый, не-большой.* Аффиксы, находящиеся после корня, называются суффиксами: *связ-ист, рад-ость.* По отношению к концу слова выделяются окончания, хотя они и не всегда находятся в абсолютном конце слова. Аффиксы, находящиеся после окончания, называются постфиксами. Некоторые ученые называют их пофлексийными суффиксами.

§ 3. Корневая морфема. Корень — главная и обязательная часть слова, выражающая его лексическое значение. Слов без корня не бывает. Корень называют также непроизводной основой.

Корни очень разнообразны по своему фонемному составу. Немногочисленны корни, состоящие из одной гласной или согласной фонемы. Это корни исконно русского происхождения: *к(ого), к(ому), ч(его), ч(ему), т(а), т(о), о(кать), а(кать), у, к, в, с* и др. Чаще встречаются корни из двух звуков: *да(м), ви(л), на, но* и др. Большин-

ство русских корней имеет от трех до пяти-шести фонем. Корни, имеющие от семи и более фонем, являются обычно заимствованными, напр.: *витамин, кенгуру, велосипед* и др.

Корни изменяемых именных слов, как правило, оканчиваются на согласные, а глагольных — на гласные и согласные: *дерев(о), стул, искр(а), красн(ый), семь, бег(ут), вид(ят), мечта(ть), плы(ть)* и т. п.

В связи с изменением аффиксального окружения внешний облик корня часто очень видоизменяется. Это происходит в результате чередования в нем гласных и согласных, выпадения и вставки фонем и других фонетических изменений, ср.: *жечь, жег, жг(у), жж(ешь), (с)жиг(ать), (под)жиг(ать), (о)жог, (под)жог.*

Большинство корневых морфем свободно сочетается со словообразовательными аффиксами — суффиксами и префиксами, напр.: *карман — кармаш-ек, карман-чик, карман-н-ый; вод(а) — вод-иц-а, вод-н-ый, об-вод-н-и-ть, при-вод-н-и-ть* и др. Такие корни встречаются и без словообразовательных аффиксов, напр.: *карман, вод(а), пол(е), дорог(а), рыж(ий), четыр(е), пять, мой, здесь* и др. Корни, которые могут употребляться со словообразовательными аффиксами и без них, называются свободными.

В ряде слов корни принудительно связаны аффиксами и употребляются только в сочетании с ними, напр.:

за- *от-* *рас-*	*купор-и-ть*	*до-* *при-* *у-*	*бав-и-ть*	*за-* *от-* *при-*	*слон-и-ть*

Корни, которые без приставок и суффиксов не встречаются, называются связанными. В зависимости от того, с какими аффиксами связаны такие корни, они делятся на три типа:

1) корни, связанные с суффиксами: *гермет-ическ-ий, гермет-ичн-ый; обая-ниј-е, обая-тельн-ый, внима-ниј-е, внима-тельн-ый; изможд-ениј-е, изможд-енн-ый; тур-изм, тур-ист; эго-изм, эго-ист; нем-ец, нем-к-а; репорт-аж, репорт-ер; агит-ирова-ть, агит-ациј-я, агит-атор.*

2) корни, связанные с префиксами: *об-у-ть, раз-у-ть; в-прячь, вы-прячь, за-прячь, от-прячь, пере-прячь, рас-прячь* (*чь* не является суффиксом);

3) корни, связанные с префиксами и суффиксами: *вос-(за-)прет-и-ть, за-(от-)пер-е-ть.*

Вне этих типов остаются смешанные группы слов: 1) *по-хит-и-ть, рас-хит-и-ть, хищ-ениј-е;* 2) *аэр-о-бус,*

аэр-о-дром, аэр-о-мобиль; 3) *гео-графия, гео-дезия, гео-криология, гео-логия, гео-метрия;* 4) *гальван-ический, гальван-изирова-ть, гальван-о-метр, гальван-о-скоп;* 5) *ларинг-ит, ларинг-альн-ый, ларинг-о-лог, ларинг-о-скоп.* Группы слов со связанным корнем активно пополняются за счет заимствований или образования новых слов на базе иноязычных корневых элементов.

Аффиксы, сочетающиеся со связанными корнями, обладают теми же словообразовательными значениями, какие они выражают, присоединяясь к свободным корням, ср.: *говяд-ин-а* и *свин-ин-а, баран-ин-а, севрюж-ин-а, фазан-ин-а; говяж-ий* и *коров-ий, баран-ий, севрюж-ий, фазан-ий; футур-изм* и *рас-изм, путч-изм, символ-изм; футур-ист* и *рас-ист, путч-ист, символ-ист* и др.

К связанным не относятся корни, встречающиеся в сочетании с такими частями слов, которые не являются аффиксами. Так, в слове *космос* в сравнении с однокоренными *космический, космонавт, космодром* выделяются общая для всех этих слов часть *косм-* и часть *-ос.* На этом основании нельзя делать вывод, что *-косм-* — это связанный корень: часть *-ос* здесь не суффикс, так как не обладает важнейшим признаком суффикса — не имеет значения, а представляет собой конечные фонемы существительного *космос*, усекаемые при его сочетании с суффиксами *-ическ(ий), -дром, -навт.* Так же обстоит дело в парах *тон(ус) — тон-ическ-ий; кон(ус) — кон-ическ-ий; вороб(ей) — вороб-ушек; солов(ей) — солов-ушк-а; пиан(ино) — пиан-ист; кад(ка) — кад-ушк-а; ут(ка) — утенок, ут-ин-ый; скрип(ка) — скрип-ач* и др.

§ 4. Аффиксальные морфемы. Окончание. Окончание (или флексия) — это служебная морфема, образующая грамматические формы и выражающая грамматические значения слов.

Окончание имеют только изменяемые слова: *бел-ая, берез-а, бел-ой берез-ы, бел-ой берез-е, бел-ой берез-ой, бел-ые берез-ы, бел-ым берез-ам, бел-ых берез-ах; смотр-ю, смотр-ишь, смотр-ит; дв-а, дв-ух, дв-ум; мен-я, мн-ой, мн-е; раскрывш-ий-ся цветок, раскрывш-его-ся цветк-а, раскрывш-ему-ся цветк-у, раскрывш-ая-ся роз-а, раскрывш-ие-ся роз-ы* и др.

Обычно одно слово имеет одно окончание независимо от того, простое оно или сложное. Однако в русском языке существуют слова, которые в каждой своей грамматиче-

ской форме имеют по два окончания. Это сложные числительные. Каждая основа сложного числительного имеет свою систему окончаний, напр.: *дв-е-ст-и, дв-ух-сот-□, дв-ум-ст-ам; пять-□-сот-□, пят-и-сот-□* и т. д.

При помощи окончаний выражается отношение данного слова к другим словам, устанавливаются синтаксические связи слов в составе словосочетания и предложения. В этом случае окончания выполняют чисто грамматическую функцию. Однако в отдельных типах производных слов окончания совмещают формо- и словообразующие функции, т. е. выступают как синкретические морфемы, ср.: *раб — раб-а, супруг — супруг-а, Валентин — Валентин-а, Александр — Александр-а* и т. п. В этих словах окончание выражает не просто грамматическое значение женского рода, а обозначает одновременно лицо женского пола, т. е. выражает и словообразовательное значение, которое в русском языке обычно передается суффиксальным путем, ср.: *учитель — учительниц-а, комсомолец — комсомол-к-а* и др.

С точки зрения формальной принято различать окончания материально выраженные и нулевые. Материально выраженные окончания существуют в языке в виде фонем и фонемных сочетаний, например: 1) окончания с одним гласным: *рек-а, бел-а, читал-а, дв-а, мор-я, земл-я, мор-е, (о) сел-е, сел-а, солнышк-о, пел-о, окн-у, покаж-у, гус-и, читал-и, вод-ы, чист-ы;* 2) окончания с одним согласным: *да-м, да-шь, да(с)-т* (ср.: *дад-ут*); *е-м, е-шь, е(с)-т* (ср.: *ед-ят*); 3) окончания — сочетания гласных и согласных фонем: *отц-ов, кон-ей, тр-емя, дв-умя, высок-ого, пят-ого.*

На фоне материально выраженных окончаний выделяются нулевые окончания. Нулевыми окончаниями обладают только слова, которые образуют свои грамматические формы с помощью целой системы материально выраженных окончаний. Так, в состав грамматических форм слова *роза* наряду с формами с материально выраженными окончаниями (*роз-а, роз-ы, (к) роз-е, роз-у, роз-ой, (о) роз-е, роз-ы* и т. д.) входит форма *роз*, которая не имеет специального материального показателя для выражения значения родительного падежа множественного числа. Отсутствие материально выраженного окончания в форме *роз* и является показателем того, что это форма родительного падежа множественного числа. Значит, форма *роз* имеет нулевое окончание: *роз-□*.

В русском языке при помощи нулевого окончания, кроме значения падежа и числа, выражается значение мужского рода единственного числа в кратких формах имен прилагательных и в формах прошедшего времени и сослагательного наклонения глаголов: *Дом высок-*□ *и светел-*□ (ср.: *Комнат-а высок-а и светл-а. Здание высок-о и светл-о*); *Я пришел-*□ (ср.: *Маша пришл-а. Время пришл-о*); *Я пришел-*□ *бы* (ср.: *Маша пришл-а бы. Время пришл-о бы*).

Нулевых окончаний не имеют слова, у которых нет материально выраженных окончаний. Например, у несклоняемого существительного *шоссе* нет нулевого окончания.

Окончания используют сравнительно небольшое число фонем и их ограниченные комбинации. Однако они выражают огромное количество грамматических значений в именах существительных, прилагательных, числительных, местоимениях, глаголах, причастиях.

По грамматическим значениям, выражаемым окончаниями, их можно разделить на четыре типа:

1) падежные окончания, совмещающие значения падежа и числа (ими обладают все склоняемые слова);

2) родовые окончания, совмещающие значения рода и числа (они свойственны формам кратких прилагательных и прошедшего времени глагола);

3) числовые окончания (в формах кратких прилагательных и прошедшего времени глаголов, напр.: *бледн-ы, красив-ы, ушл-и* и др.);

4) личные окончания, совмещающие значения лица и числа (в спрягаемых формах глаголов: *чита-ю, пиш-у, лета-ют* и др.).

Одно окончание может выражать: 1) одно грамматическое значение: *тр-ех* (р. п.), *тр-и* (им. п.), *себ-я* (р. п.), *плясал-и* (мн. ч.).; 2) два грамматических значения: *пиш-у* (1-е л. ед. ч.), *скаж-ут* (3-е л. мн. ч.), *красив-ых дом-ов* (р. п. мн. ч.); 3) три грамматических значения: *красив-ая шуб-а* (ж. р., им. п. ед. ч.).

Окончания могут иметь варианты, ср.: *рек-ой* и *рек-ою, двер-ями* и *дверь-ми.*

Синонимия окончаний развита слабо. Синонимичные окончания выражают одно и то же грамматическое значение, напр.: *дом-ов, тетрад-ей, дел-*□ (окончания *-ов, -ей* и нулевое выражают значение родительного падежа множественного числа); *махн-ёшь, беж-ишь,* (*-ёшь, -ишь* выражают значения 2-го лица единственного числа).

Ограниченность состава окончаний, слабая способность к варьированию компенсируются широкой омонимией окончаний. Так, довольно длинный ряд составляют омонимичные окончания *-а* (орфографически *-а* и *-я*): *-а*$_1$ — в существительных женского рода: *вод-а, книг-а, улиц-а;* *-а*$_2$ — в форме родительного падежа единственного числа существительных: *стол-а, труд-а;* *-а*$_3$ — в форме именительного падежа множественного числа существительных: *дел-а, деревц-а, существ-а;* *-а*$_4$ (орфографически *-я*) — в местоимениях типа *мој-а, твој-а;* *-а*$_5$ — в кратких прилагательных женского рода: *мил-а, стройн-а;* *-а*$_6$ — в форме прошедшего времени глаголов: *махал-а, бежал-а, везл-а, шл-а.* Омонимичными в русском языке часто бывают окончания *-о, -и, -е* и др.

§ 5. Суффикс. Суффикс — это служебная морфема, которая находится после корня и выражает словообразовательное и / или грамматическое значение. Суффиксы могут непосредственно следовать за корнем (*книж-к-а, сыр-ость, почт-ов-ый, чуваш-ск-ий, код-ирова-ть* и др.) или за другим суффиксом (*вин-оват-ость, вод-ич-к-а, ослаб-е-ва-ть, кисл-оват-ость, пят-ер-оч-ник* и др.). В изменяемых словах они помещаются перед материально выраженным или нулевым окончанием (*изюм-ин-а, бедн-от-а, дерев-янн-ый, сем-ер-о, бронх-ит-*□), а в неизменяемых словах располагаются или в абсолютном конце слова (*крепк-о, братск-и*), или перед другим суффиксом (*крепеньк-о, понемнож-к-у, пешоч-к-ом*).

Одно слово может иметь до четырех суффиксов, которые наслаиваются на корень в определенной последовательности: *забол-е-ва-ем-ость, заплесн-ев-е-л-ость, постар-ик-ов-ск-и* и т. д.

Суффиксы чаще всего выражают словообразовательные значения, используются как словообразовательные средства, ср.: *буфет — буфет-чик, Москва — москв-ич, трамвай — трамвай-н-ый, апельсин — апельсин-ов-ый* и др.

Некоторые суффиксы служат для выражения грамматических значений, т. е. образуют грамматические формы слов, напр.: *спа-л, е-л, бежа-л* (*-л* выражает значение прошедшего времени); *бер-и, бег-и* (*-и* выражает значение повелительного наклонения); *бел-ее, светл-ее* (*-ее* выражает значение сравнительной степени) и т. д. Формообразующие суффиксы широко используются в системе

глагола для образования видовых пар, ср.: *рассказать — рассказ-ыва-ть, нагреть — нагре-ва-ть* и т. д.

На фоне материально выраженных суффиксов выделяются нулевые суффиксы, которые выражают словообразовательные или грамматические значения. Так, в русском языке грамматическое значение повелительного наклонения передается при помощи материально выраженного суффикса *-и*: *лети, высуши, толкни* и др. На этом фоне выделяются формы повелительного наклонения без материально выраженного суффикса, в которых именно отсутствие суффикса является показателем того, что это формы повелительного наклонения: *кинь-*□, *раздвинь-*□, *брось-*□ и др. Нулевым суффиксом обладают формы мужского рода единственного числа прошедшего времени некоторых разрядов глаголов, ср.: 1) *тряс-*□ и *тряс-л-а, тряс-л-о, тряс-л-и; нес-*□ и *нес-л-а, нес-л-о, нес-л-и*; 2) *замерз-*□ и *замерз-л-а, замерз-л-о, замерз-л-и; утих-*□ и *утих-л-а, утих-л-о, утих-л-и* и др.

Словообразовательная функция нулевых суффиксов особенно наглядно выступает там, где одно и то же словообразовательное значение в одних однокоренных словах передается материально выраженным суффиксом, а в других — нулевым. Так, в русском языке от прилагательного *синий* образованы синонимичные существительные *синева* и *синь* (ср.: *синее море* и *синева моря, синь моря*). Значение опредмеченного качества в слове *синева* обозначается материально выраженным суффиксом *-ев-*, а в слове *синь* — нулевым суффиксом (*синь-*□).

Широко распространены нулевые словообразовательные суффиксы в именах существительных, образуемых от глаголов, напр.: *промывать — промыва-ниj-е, промыв-к-а* и *промыв-*□*-; скрипеть — скрипение* и *скрип-*□*-*.

Нулевые суффиксы всегда находятся перед окончанием. Причем они могут размещаться и перед материально выраженным окончанием: *син-*□*-и* (р. п.), *скрип-*□*-а (не слышно)*, и перед нулевым окончанием: *синь-*□*-*□ (*-*□*-* — нулевой суффикс, *-*□ — нулевое окончание), *скрип-*□*-*□. В слове *синь* нулевое окончание выражает значение женского рода единственного числа, а в слове *скрип* — значение мужского рода единственного числа.

Словообразовательные суффиксы, присоединяясь к слову, в одних случаях переводят его в иную часть речи, напр.: *друг* (сущ.) — *друж-и-ть* (глаг.), *друж(ить)* (глаг.) — *друж-б-а* (сущ.), *син(ий)* (прил.) — *син-и-ть*

(глаг.), *прям(ой)* (прил.) — *прям-от-а* (сущ.); в других случаях оставляют его в той же части речи: *газет(а)* — *газет-чик, добр(ый)* — *добр-еньк-ий, семь* — *сем-ер-о.*

На базе одной и той же основы при помощи различных суффиксов можно образовать слова разных частей речи, напр.: *густой* (прил.) — *густо* (нареч.), *густота* (сущ.), *густеть* (глаг.); *винт* (сущ.) — *винтик* (сущ.), *винтовой* (прил.), *винтить* (глаг.); *гусь* (сущ.) — *гусенок* (сущ.), *гусиный* (прил.), *гуськом* (нареч.).

В любом случае каждый суффикс образует слова только одной какой-либо части речи. Так, суффиксы *-тель, -ник, -ец* образуют только имена существительные; *-лив(ый), -чив(ый)* — только имена прилагательные; *-ком, -жды* — только наречия и т. д. Значит, словообразовательные суффиксы одновременно несут грамматическую информацию, выступают как показатели принадлежности слова к той или иной части речи, распределяют производные слова по частям речи.

С точки зрения происхождения суффиксы русского языка делятся на исконно русские и заимствованные. К исконно русским относятся: *-тель, -щик, -ниј(е), -к(а), -ник, -ов(ый), -н(ый), -тельн(ый), -а(ть), -ива(ть)* и др. К заимствованным относятся: *-изм, -ист, -ад(а), -аж, -есс(а), -ант(-янт), -аци(я), -атор* и др. (*дуализм, дуалист, клоунада, зондаж, поэтесса, агитация, агитатор, симулянт, аркада* и др.).

Заимствованные суффиксы не только четко выделяются в составе слов, перешедших в русский язык из других языков, но и создают новые слова на базе русских основ, т. е. становятся активными словообразовательными средствами русского языка, напр.: *ленин-изм, большев-изм, меньшев-изм, декабр-изм, рус-изм, сен-аж, подхалим-аж, лист-аж, ухаж-ер, камыш-ит, гармон-ист, значк-ист, связ-ист, самб-ист, воен-изирова-ть* и т. п. Суффикс *-изирова(ть)* является только наполовину нерусским: часть *-изир-* восходит к немецкому глагольному суффиксу, а часть *-ова(ть)* представляет собой русский глагольный суффикс, используемый для «русификации» иноязычных глагольных основ, т. е. выступает в роли оформителя заимствуемых глагольных основ, приобщает их к формообразовательной системе русского глагола. В именах прилагательных в такой же роли выступает суффикс *-н(ый)*, напр.: *актуальный, реальный, специальный, интенсивный,*

легальный, рациональный, модальный, социальный, стабильный и др.

Некоторые суффиксы выступают в разных вариантах, напр.: *-чик/-щик, -ант(-янт)/-ент, -ств(о)/-еств(о), -охоньк-(-ёхоньк-) / -ошеньк-(-ёшеньк-)* и др. Варианты суффикса имеют одно и то же словообразовательное или грамматическое значение и формальную общность, т. е. общие звуковые отрезки, ср.: *-анин/-чанин, -ся/-сь.*

Чаще всего варианты (разновидности) суффикса присоединяются к разным основам, т. е. каждый вариант суффикса употребляется лишь после определенных основ. Так, после основ на *д, т, з, ж, с* присоединяется суффикс *-чик*, после основ на другие согласные — *-щик*. В редких случаях варианты одного суффикса встречаются в одинаковых условиях, напр.: *полн-ехоньк-ий* и *полн-ешеньк-ий, здоров-ехоньк-ий* и *здоров-ешеньк-ий, плох-оньк-ий* и *плох-еньк-ий* и др.

Варианты суффикса могут отличаться друг от друга стилистически. Так, *-ниј-* употребляется без стилистических ограничений, а *-н'ј-* — имеет разговорный оттенок речи, ср.: *волнение* и *волненье, кудахтание* и *кудахтанье, купание* и *купанье* и др.

От вариантов суффикса следует отличать синонимичные суффиксы. Они могут быть семантически тождественными или близкими, но не имеют обязательной формальной близости. Ср.: *лж-ец* и *лг-ун, гравиров-щик* и *грав-ер, инструктирова-ниј-е* и *инструкт-аж, хожденијe* и *ходь-б-а, прям-от-а* и *прям-изн-а, убог-ость* и *убож-еств-о, синоним-ија* и *синоним-ик-а, ананас-н-ый* и *ананас-ов-ый, пессимист-ическ-ий* и *пессимист-ичн-ый, ехид-нича-ть* и *ехид-ствова-ть, крохобор-нича-ть* и *крохобор-ствова-ть, слесар-и-ть* и *слесар-нича-ть* и др. Слова с синонимичными суффиксами часто различаются сферой употребления или стилистической окраской, но могут отличаться сразу и тем и другим свойством, ср.: *волчи̇ц-а* и *волч-их-а* (разг.), *ехид-нича-ть* (разг.) и *ехид-ствова-ть* (устар.).

Среди суффиксов довольно широко представлено явление омонимии. Омонимичные суффиксы звучат и пишутся одинаково, но имеют разные, не связанные друг с другом значения, например:

1) *-ин(а)*$_1$ обозначает мясо животного: *баранина, свинина, конина; -ин(а)*$_2$ обозначает единичный предмет: *изюмина, соломина, горошина; -ин(а)*$_3$ имеет увеличитель-

ное значение: *посудина, рыбина, голосина; -ин(а)*$_4$ обозначает предмет, возникший в результате действия: *выбоина, промоина, избоина, трещина, царапина; -ин(а)*$_5$ образует имена-качества: *глубина, ширина, вышина, толщина, седина, низина;*

2) *-ик*$_1$ образует названия лиц по сфере деятельности, профессии и тому подобным признакам: *историк, химик, сатирик, академик; -ик*$_2$ имеет уменьшительное значение: *носик, топорик, ротик, песик*;

3) *-к(а)*$_1$ обозначает лицо женского пола: *пионерка, абхазка, чувашка, татарка, узбечка, гражданка, волжанка, парижанка; -к(а)*$_2$ имеет уменьшительное значение: *липка, ножка, дорожка; -к(а)*$_3$ выражает опредмеченное действие: *читка, рубка, резка, задержка, смазка, вязка; -к(а)*$_4$ обозначает конкретные предметы, связанные с действием: *заколка, записка, настойка, набойка; -к(а)*$_5$ образует названия предметов на базе составных наименований: *вечерка* (вечерняя газета), *пятилетка* (пятилетний план), *зачетка* (зачетная книжка) и т. п.

§ 6. Префикс. Префикс (или приставка) — это служебная морфема, которая находится перед корнем и выражает словообразовательное и/или грамматическое значение.

Префиксы могут быть непосредственно перед корнем или перед другим пре́фиксом (другими префиксами), но присоединяются не к основе, как суффиксы, а к слову. Таким образом, они образуют слова не на базе основ, а на базе слов, и в качестве производящего здесь всегда выступает целое слово. Присоединение приставки никогда не изменяет части речи производящего слова. При помощи приставок образуются слова только той части речи, к которой относится производящее слово, т. е. от существительного образуется только существительное, от глагола — только глагол и т. д., напр.: *тип — под-тип, модный — сверх-модный* и т. д.

Префиксы чаще всего выражают словообразовательное значение. Так, приставка *без-* обозначает отсутствие того, что названо в производящем слове: *порядок — беспорядок, деятельный — бездеятельный*; приставка *в-* обозначает направление действия внутрь предмета: *толкнуть — втолкнуть* (противоположное значение — «направление действия изнутри наружу» — обозначает приставка *вы-: вытолкнуть*); приставка *недо-* обозначает, что

действие совершено не полностью, не доведено до нормы: *выполнить — недовыполнить* (противоположное значение — «действие, выполненное сверх нормы» — выражается с помощью приставки *пере-: перевыполнить, пересолить*).

В грамматической функции приставки выступают, когда образуют видовые пары глаголов, где они выражают значение совершенного вида, напр.: *чертить — на-чертить, мастерить — с-мастерить, шить — с-шить, ткать — со-ткать* и т. п. В именах прилагательных с помощью префикса *наи-* выражается грамматическое значение превосходной степени, напр.: *наивысший, наихудший, наилегчайший.*

В системе глагола широко распространено использование префиксов в слово- и формообразующей функции. В этом случае они одновременно выражают и словообразовательное, и грамматическое значение, выступают как синкретические морфемы. Например, в глаголах *перешить, пересеять, переделить* приставка *пере-* обозначает действие, которое выполняется заново и иначе. Это словообразовательное значение. Одновременно приставка *пере-* выражает в них грамматическое значение совершенного вида. В глаголах *отпилить, отколоть, отломать* приставка *от-* обозначает отделение действием части предмета, т. е. имеет словообразовательное значение. Вместе с тем она выражает и значение совершенного вида.

В составе слова приставки пользуются большей свободой, чем суффиксы. Присоединение приставок не ведет к формальным преобразованиям корневой морфемы. Сама приставка тоже не испытывает большого влияния корня.

Характерной чертой приставок является их семантическая отдельность в структуре слова. Значения приставок более определенны и стандартны, чем значения суффиксов. И они, как правило не растворяются в общей семантике слова, наоборот, обособлены в ней достаточно четко и ясно. В этом отношении особенно показательны глагольные приставки. Префиксальные глаголы не выражают нового типа действия. Они обозначают то же самое действие, что и производящие их глаголы. Они лишь конкретизируют, уточняют это действие в пространственном, временном и количественном отношениях, ср.: *гнать* и *вогнать, выгнать, догнать, загнать, изгнать, нагнать, обогнать, отогнать, перегнать, погнать, пригнать, прогнать, разогнать, угнать, согнать* и т. д.

Префиксы как словообразовательные аффиксы широко используются в глаголах. Активно применяются они также в прилагательных, менее активны и разнообразны в сфере имен существительных и наречий. Не только в глаголе, но и в остальных частях речи префиксы выражают различные дополнительные, уточняющие значения, связанные с пространственной, временной и количественной характеристикой предметов (в существительных), признаков предмета (в прилагательных), признаков процесса (в наречиях).

В отличие от суффиксов приставки мало подвержены варьированию. Это объясняется их относительной самостоятельностью в слове. Они сохраняют не только семантическую, но и формальную цельность. Для них не характерны большие видоизменения, так как нет необходимости приспосабливаться к своему производящему слову. Приспособление их к производящему слову ограничивается двумя типами незначительных изменений: 1) образованием у некоторых приставок фонетико-орфографических вариантов для сочетания со звонкими и глухими согласными: *без-/бес-, вз-/вс-, воз-/вос-, из-/ис-, небез-/небес-, низ-/нис-, раз-/рас-, через-/черес-*; 2) образованием особых вариантов — на согласные фонемы и гласную фонему [о] — с целью устранения стечения согласных на стыке приставки и корня: *в-/во-, вз-/взо-, воз-/возо-, из-/изо-, над-/надо-, низ-/низо-, об-/обо-, от-/ото-, под-/подо-, перед-/предо-, раз-/разо-, с-/со-* (напр.: *изгнать, исписать, изорвать, избить, испить, изогнуть, отбежать, отогнать*). Иноязычные приставки варьируются редко: *де-газировать, де-монтирование* (употребляется перед согласными); *дез-информировать, дез-организовать* (употребляется перед гласными).

По происхождению приставки бывают исконно русские и заимствованные. К исконно русским относятся: *в-лить, пере-лить, под-лить, от-лить, под-группа, не-много, рас-чудесный* и др. К заимствованным относятся приставки: *а-ритмия, а-нормальный, архи-реакционный, контр-адмирал, экс-чемпион, де-мобилизовать, дис-квалифицировать, ре-организовать, транс-океанский, экстра-лингвистический.*

Заимствованные приставки приобретают способность активно сочетаться с исконно русскими словами: *антинародный, ультра-звук, псевдо-наука, супер-обложка, квази-научный, экстра-модный, контр-подготовка, контр-*

предложение, контр-прием, контр-угроза, контр-удар, контр-разведка и др.

Среди приставок широко развита синонимия. Чаще других в синонимические отношения вступают приставки со значением степени или отрицания, совершенного вида (в глаголах), напр.: *контр-ток — противо-ток, архи-плут — обер-плут, а-симметричный — не-симметричный, архи-реакционный — сверх-реакционный — ультра-реакционный, псевдо-ученый — квази-ученый* (ср.: *лже-ученый*) [1], *по-мыть — вы-мыть (пол), вы-гладить — по-гладить (брюки), вы-мазаться — из-мазаться — пере-мазаться (грязью), вы-купать — ис-купать (ребенка), по-мерещиться — при-мерещиться (в темноте), вы-строить — по-строить (дом)* и др.

Очень продуктивна в сфере глагола префиксальная антонимия. Ср.: *в-лететь (в комнату) — вы-лететь (из комнаты), недо-варить (суп) — пере-варить (суп), за-вязать (мешок) — раз-вязать (мешок), за-крыть (окно) — от-крыть (окно), по-любить (девушку) — раз-любить (девушку)* и др.

Богат глагол и омонимичными приставками, напр.: *с-*$_1$ *(сбежать с горы, слететь с дерева), с-*$_2$ *(сходить в магазин, сбегать к соседям, слетать в Москву), с-*$_3$ (ср.: *делать — сделать дело, шить — сшить костюм, кроить — скроить пальто, вить — свить гнездо); по-*$_1$ *(вещи попадали, деревья померзли), по-*$_2$ *(полететь, побежать, помчаться, поплыть), по-*$_3$ *(строить — построить дом, стирать — постирать рубашку, дарить — подарить ручку, гасить — погасить свет)* и др.

§ 7. Постфиксы. Постфиксы — это служебные морфемы, которые находятся после окончания и выражают грамматическое и/или словообразовательное значение. В русском языке к постфиксам относятся *-ся, -те, -то, -либо, -нибудь, -таки, -ка.* Примеры: *радую-сь, радуешься, радует-ся; трудящий-ся, трудящая-ся, трудящие-ся; идем-те, едем-те, сядем-те; кого-то, кому-то, с кем-то; кого-либо, кому-либо, с кем-либо; кого-нибудь, кому-нибудь, с кем-нибудь; ушел-таки, ушла-таки, ушли-таки; поедем-ка, поеду-ка, заеду-ка.*

---

[1] В настоящее время *лже-* (в случаях *лжеученый, лженаука* и т. п.) осознается как приставка (префиксоид), возникшая в результате опрощения. Исторически она восходит к сочетанию морфем *лж-* (вариант корня *-лож-*, ср.: *ложь*) и *-е-*.

Постфиксы отличаются от других типов морфем своей способностью употребляться после окончаний. Однако они могут находиться в положении после суффиксов и других постфиксов: *подержи-ка, согнись-ка, запомните-ка, искупался-таки, идемте-ка, дождались-таки, радуйте-сь, умоемтесь-ка.*

Постфиксы *-то, -либо, -нибудь* обладают только словообразовательным значением. Они образуют неопределенные местоимения и наречия: *какой-то, какой-либо, какой-нибудь; кто-то, кто-либо, кто-нибудь; что-то, что-либо, что-нибудь; куда-то, куда-либо, куда-нибудь; откуда-то, откуда-либо, откуда-нибудь.*

Постфикс *-ся* выступает в двух функциях: 1) образует залоговые формы глагола, выражая значения страдательного и средневозвратного залогов, ср.: *радовать — радоваться, спускать — спускаться, строить — строиться;* 2) образует глаголы, сочетаясь, как правило, с непереходными глаголами, ср.: *чернеть — чернеться, белеть — белеться* и т. п.

Словообразующую роль выполняет постфикс *-ся* в словах, образованных суффиксально-постфиксальным, префиксально-постфиксальным, префиксально-суффиксально-постфиксальным способами: *толп-и-ть-ся, порос-и-ть-ся, брат-а-ть-ся, петуш-и-ть-ся; до-играть-ся, на-кричать-ся; пере-свист-ыва-ть-ся, пере-говар-ива-ть-ся.*

Постфикс *-те* употребляется только в формообразующей функции — образует форму множественного числа повелительного наклонения (ср.: *иди — идите, купи — купите*) и форму множественного числа совместного действия *(едемте, поедемте, пойдемте).*

Постфиксы *-таки, -ка*, присоединяясь к словам и их формам, сообщают им дополнительные оттенки, обычно выражаемые частицами, ср.: *опять* и *опять-таки, ушел* и *ушел-таки; поработай* и *поработай-ка, дай* и *дай-ка, ну* и *ну-ка* и т. п.

Постфиксы — это агглютинативные аффиксы. Они однозначны и последовательно (один за другим) присоединяются (приклеиваются) к производящему слову.

§ 8. Аффиксоиды. Термином «аффиксоид» (*аффикс* + греч. «подобный») обозначаются такие словообразовательные части слов, которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами. А ф ф и к с о и д ы — это морфемы переходно-

го типа. Они аффиксоподобны, но не тождественны ни аффиксам, ни корням, напр.: *-вод (соболе-вод, овоще-вод, растение-вод), -вед (крае-вед, искусство-вед, книго-вед), -мер (дожде-мер, глубо-мер, резьбо-мер), -мёт (бомбо-мёт, водо-мёт, газо-мёт), -воз (водо-воз, панеле-воз, нефте-воз, турбо-воз), -рез (камне-рез, хлебо-рез, турбо-рез), -ед (коже-ед, корне-ед, шерсте-ед)* и др.

Некоторые аффиксоиды образуют производные слова, синонимичные аффиксальным образованиям, ср.: *славист* и *славяновед, пушкинист* и *пушкиновед, садовник* и *садовод, сахаристый* и *сахароподобный, волнистый* и *волнообразный* и др. Эти примеры свидетельствуют о функциональной и семантической близости аффиксоидов к аффиксам.

Выполняя функцию аффиксов, аффиксоиды не утрачивают своих смысловых связей с однокоренными словами. Ср. слова с аффиксоидом *-рез: кочкорез, листорез, кусторез* — и производные слова, образованные на базе глагола *резать: резка, резчик, резной, обрезать, нарезать* и т. д.

Аффиксоиды делятся на суффиксоиды и префиксоиды, т. е. могут быть похожи на суффиксы и префиксы. К суффиксоидам относятся корневые морфемы, употребляющиеся в функции суффиксов и занимающие в слове их позиции. Суффиксоиды встречаются чаще всего в существительных и прилагательных (причем употребляются без сочетания с суффиксами и в сочетании с суффиксами), напр.: *-люб (светолюб, теплолюб), -нос (медонос, каучуконос, нектаронос), -пис + ец (иконописец), -нос + ец (торпедоносец, авианосец, ракетоносец), -образн(ый) (железобразный, пылеобразный, чашеобразный, кругообразный), -нос + н(ый) (медоносный, газоносный, плодоносный), -твор + н(ый) (снотворный, жизнетворный, теплотворный)* и др.

К префиксоидам относятся корневые морфемы, употребляющиеся в функции префиксов и занимающие в слове их позицию, напр.: *пол(у)- (полуботинки, полукокс, полукруг, полумера, полудикий, полулегкий, полусидеть, полулежать), горе- (горе-охотник, горе-рыболов)* и др.

Аффиксоиды иногда называют словоэлементами или полуаффиксами.

§ 9. Регулярные и нерегулярные аффиксы. Существующие в языке аффиксы неодинаковы по воспроизводимости.

Регулярные аффиксы воспроизводятся в составе целой (обычно значительной по количеству) группы слов, образующих самостоятельные словообразовательные или формообразовательные типы. Таковы суффиксы имен существительных: *-щик, -чик, -ниј-, -тель, -ость, -ник, -ниц(а), -к(а)* (в названиях лиц женского пола), *-ец*; суффиксы имен прилагательных: *-н-, -ов-*; глагольные суффиксы: *-нича(ть), -а(ть), -е(ть), -ирова(ть)* и др. К регулярным морфемам относятся глагольные приставки *за-* (в начинательном значении), *по-* (в детерминативном значении), *в-, вы-* (в пространственном значении) и др.; приставки *не-, без-, анти-* и др. в именах прилагательных. Регулярными являются окончания всех трех типов склонения имен существительных, все окончания имен прилагательных.

Нерегулярные аффиксы встречаются в строго ограниченном числе слов или только в составе отдельных слов. Нерегулярными в системе глагола являются окончания *-м (ем, дам, создам), -шь (ешь, дашь, создашь), -т (ест, даст, создаст)*, которые не встречаются в составе других глаголов, а употребляются только в этих трех непроизводных словах и в производных от них (*поесть, наесться, отдать, передать* и др.). К нерегулярным аффиксам относятся все уникальные части слов, т. е. такие части, которые ни в одном другом слове больше не встречаются, напр.: *дет-вор-а* (ср.: *дети*), *почт-амт* (ср.: *почта*), *почт-альон* (ср.: *почта*), *дубл-икат* (ср.: *дублировать, дублер*), *жен-их* (ср.: *жена, жениться*), *флот-илиј-я* (ср.: *флот*), *клей-стер* (ср.: *клей*), *франц-уз* (ср.: *Франция*), *цит-ат-а* (ср.: *цитировать*), *черт-еж* (ср.: *чертить*), *мошк-ар-а* (ср.: *мошка*), *пав-лин* (ср.: *пава*), *маск-арад* (ср.: *маска*), *свет-оч* (ср.: *свет*), *коз-ел* (ср.: *коза*), *аплодисмент-ы* (ср.: *аплодировать*), *чай-хан-а* (ср.: *чай*), *патрон-таш* (ср.: *патрон*), *низ-менн-ый* (ср.: *низкий*), *люб-овь* (ср.: *любить*), *бел-ес-ый* (ср.: *белый*), *сюр-реализм, бахвалиться* и др.

Слова с уникальными элементами воспринимаются как производные слова: при них всегда имеются непроизводные слова, которые выступают для них в качестве мотивирующих основ. Неповторяющиеся элементы в них всегда связаны с повторяющимися корнями. Повторяемость корня и обеспечивает их смысловую определенность и ясность, четкую семантическую членимость. Остальная часть семантики слова приходится на долю его уникаль-

ной части. Поэтому ее называют обычно остаточным значением.

Таким образом, слова с уникальными элементами являются производными, мотивированными единицами языка, которые и по форме, и по смыслу связаны со своими производящими, обусловлены ими, зависимы от них. Только производность их оформлена нестандартно.

Одни уникальные части слова близки к суффиксам. Они получают в языке смысловую определенность потому, что примыкают к соответствующим суффиксальным производным, как бы пристраиваются к ним, ср.: *хозяин — хозяйка, генерал — генеральша, купец — купчиха* и т. д. На фоне таких пар в ряду суффиксов *-к-, -ш-, -их-,* обозначающих жену лица, названного в производящем слове, часть *-адь(я)* в слове *попадья* осмысливается как суффикс со значением названия жены по мужу.

Другой разряд составляют слова с уникальными элементами, которые не находят себе соответствий в системе словообразующих морфем, напр.: *цит-ат-а, стекл-ярус, аплод-исмент-ы, ва-банк* и др. Такие части слова могут быть причислены к морфемам лишь на основании чисто внешних данных и значений, выводимых из семантики целого слова.

Уникальные части слова называют унификсами (*уни-* — усеченная часть прилагательного *уникальный* и fixus «прикрепленный»).

На базе некоторых уникальных элементов языка формируются полноценные регулярные морфемы. Так, первоначально элемент *-дром* употреблялся лишь в слове *ипподром*. Однако он послужил базой для достаточно активного в наше время суффикса *-(о)дром*, который теперь употребляется в ряде слов: *танкодром, велодром, космодром, планеродром, аэродром, автодром, ракетодром, мотодром, вертодром* и др. На наших глазах формируется еще один словообразовательный тип, куда входят слова *олимпиада, спартакиада, универсиада, альпиниада* и др.

§ 10. Продуктивные и непродуктивные аффиксы. По участию в образовании новых слов и их грамматических форм аффиксы делятся на продуктивные и непродуктивные.

Продуктивными являются аффиксы, которые участвуют в современном слово- и формообразовании. Так, в процессах словообразования принимают активное

участие суффиксы имен существительных *-ниј(е), -к(а)* со значением опредмеченного действия *(финансирование, катапультирование)*, суффиксы *-чик/-щик, -ник, -ист, -ант, -ик, -ец* и др. со значением лица *(заправщик, автодорожник, аквалангист, информант, диетик, снабженец)*.

В именах прилагательных к активным суффиксам относятся: *-н(ый) (ананасный, лазерный, локаторный, водометный, бадминтонный), -ов(ый) (лавсановый), -ическ(ий) (аллергический, алгоритмический)* и др.

В сфере глагола продуктивны суффиксы *-ова(ть), -ирова(ть), -и(ть)* и др.: *капитулировать, оперировать, стенографировать, комплектовать, халтурить.*

В наречиях продуктивными являются суффиксы *-и, -о: алгоритмически, дискретно, визуально.*

К продуктивным префиксам относятся *за-, по-, про-, анти-, меж-, без-(бес-), вне-, внутри-* и др.: *загерметизировать, античастица, антипротон, межколхозный, бездефектный, внеконкурсный, внутриотраслевой.*

Проявляют продуктивность многие аффиксоиды, напр.: *-вед, -ход, -воз (байкаловед, аэроход, автоцементовоз)*.

К непродуктивным относятся аффиксы, которые перестали участвовать в образовании новых слов и их грамматических форм. Так, не образуют новых слов суффиксы *-б(а), -няк, -чук, -знь, -м(я), -н(я), -ик, -в(а), -с(а)*. Не участвуют в современном словопроизводстве приставки *воз-(вос-), пре-, пред-, су-, сыз-* и др. Непродуктивны окончания *-ух, -ех, -умя, -емя* и т. п. Непродуктивными являются все уникальные и нерегулярные аффиксы.

Продуктивные и непродуктивные аффиксы не отделены друг от друга непроходимой границей. В процессе развития языка продуктивные аффиксы могут стать непродуктивными и, наоборот, некоторые непродуктивные аффиксы могут перейти в продуктивные. Так, например, суффикс *-тель* в значении действующего предмета встречался в единичных существительных даже в XVIII в. В наши дни этот суффикс образует огромное число слов, обозначающих действующие предметы: *подогреватель, улавливатель, обогреватель, взрыватель, проигрыватель, выключатель, переключатель, углубитель, глушитель, усилитель, гаситель, очиститель* и т. п. Это связано с бурным развитием техники, с широким внедрением ее в нашу повседневную жизнь.

Наоборот, когда-то продуктивные суффиксы *-от(а) (доброта), -ин(а) (глубина),* образующие имена качества, в современном русском языке не создают новых слов. Это связано с активизацией словообразовательной роли их синонима *-ость*, который вытеснил из числа образующих суффиксы *-от(а), -ин(а)* и стал универсальным средством образования имен качества.

§ 11. Экспрессивно-стилистические функции морфем. Основная функция морфем — словообразовательная. Не случайно среди аффиксов явно преобладают такие, которые, кроме словообразовательной, не несут никакой другой нагрузки. Таковы суффиксы и префиксы в словах *холодильник, пограничник, участница, соусница, марганцовка, образцовый, разгрузить, недогрузить, слева, направо, послезавтра* и др.

Однако наряду с этим в морфематической системе имен существительных, прилагательных, наречий, категории состояния для выражения экспрессивно-эмоциональной оценки предметов и их признаков имеются специальные суффиксы и приставки. Образования, имеющие такие аффиксы, принято называть формами оценки: *голосочек, сиротиночка, сиротинушка, домина, домище, лошадушка, лошаденка, пальтецо, пальтишко; беленький, беловатый, белесый, белесоватый; распрекрасный; раненько, ранешенько (встать), рановато (еще); смирненько, смирнехонько, смирнешенько (сидят); душновато (в избе), скучновато (у вас).*

Кроме суффиксов оценки, яркими эмоционально-экспрессивными свойствами обладают так называемые суффиксы стилистической модификации, ср.: *зверь* и *зверина, зверюга, зверюшка; комната* и *комнатуха; книга* и *книженция.*

Экспрессивно-стилистические свойства аффиксов ощутимы в однокоренных синонимических образованиях, ср.: *сеятель* и *сеяльщик, хитринка* и *хитреца, пензенец* и *пензяк, санаторский* и *санаторный, поотстать* и *приотстать, нахваливать* и *расхваливать* и некоторые другие. Эти слова отличаются по эмоционально-экспрессивным, эмоционально-оценочным свойствам и по сфере употребления.

Экспрессивно-стилистические свойства морфем широко используются в художественных целях. Выразительные качества аффиксов особенно четко проявляются при совместном использовании в тексте целой серии слов, имею-

щих одну и ту же морфему, ср.: *У меня читательских писем двадцать тысяч. А сколько употребил? Хорошо, если десятую часть. Остальное прозаседал, прогулял, проспал, прообедал, проболтал на собраниях, просуетился, растряс и пустил по ветру* (Солоухин).

СЛОВО КАК ДЕРИВАЦИОННОЕ (СТРУКТУРНОЕ) ЦЕЛОЕ

§ 1. Понятие структуры слова. Структурные типы слов в русском языке. Морфемы в составе слова находятся в тех или иных отношениях между собой и со своим целым — словом. Количество морфем в слове и их соотношения одна с другой определяют структуру, или строение, слова.

Для установления структуры слова важно членение/нечленение его на основу (выражающую лексическое значение) и на формально-грамматическую морфемную часть — окончание, служащее для выражения синтаксических связей между словами. Ср., например, деление на основу и окончание слова *проволока: проволок-а.* Также весьма важным является момент происхождения (образования) слов, имеющих хорошо осознаваемую ныне мотивацию. Своим возникновением такое слово обязано тем или иным другим словам — одному или нескольким, и, следовательно, его основа может отражать (или, реже, не отражать) своими морфемами это возникновение, дальнюю или ближнюю подчиненность (или, реже, их равноправность) одних морфем другим. Так, в слове *уходить* часть основы — морфема *у-* со своим значением — как бы «позднейшая» и зависимая часть по сравнению с остальной.

Структурный характер конкретного слова определяется не только наличием в нем тех или иных морфем, но и их словообразовательной спецификой, значением и соотношениями одна с другой.

Каждое слово, представляющее собой определенное структурное целое, так или иначе соотносится по своему строению с другими словами, составляя с ними одну типовую группу.

В современном русском языке имеется небольшая группа слов, структурно идентичных морфеме (*перед, но, здесь* и т. п.). Такие слова не имеют форм словоизменения и поэтому представляют собой в структурном отношении

чистую основу. В эту группу входят в основном служебные слова, междометия, модальные слова: *от, до, а, что, вот, только, ах!, ох!, безусловно, кажется* и т. д.

Среди самостоятельных (или полнозначных) слов — слов-названий — формами словоизменения не обладают и, следовательно, на основу и окончание не распадаются наречия (*здесь, направо, по-прежнему, зря*), слова категории состояния (*жаль, налицо, страшно*) и деепричастия (*любуясь, стуча, осветив*).

Не имеют форм словоизменения и некоторые имена существительные, в основном аббревиатуры и слова иноязычного происхождения. В заимствованиях типа *пальто, такси, денди, кенгуру, декольте* конечный гласный не является частью слова, которая указывает на отношение его к другим словам; вместе с тем не принадлежит он и основе, а осознается как нечто подобное окончанию. Это проявляется в том, что при образовании от таких слов с помощью суффиксов производных конечный гласный звук нередко отбрасывается как обычное окончание (в силу аналогичного воздействия склоняемых существительных и характерного способа присоединения суффиксов при образовании слов от существительных), ср.: *письмо — письмецо* и *пальто — пальтецо; сосна — сосновый* и *кенгуру — кенгуровый* и т. д. Слова этого структурного типа занимают промежуточное положение среди слов, представляющих собой чистую основу, и слов, делящихся на основу и окончание: при склонении они являются словами с чистой основой, при образовании новых слов и форм субъективной оценки они распадаются на основу и окончание.

В этот промежуточный структурный тип слов входят не все несклоняемые существительные. Большинство их относится к словам, структурно равным основе, и образует производные от основы в целом, включая конечный гласный. В таком случае словопроизводство идет с присоединением к конечному гласному основы вариантных суффиксов, осложненных дополнительными консонантными элементами (в виде [j] или [ш]), ср.: *шоссе — шоссейный, лото — лотошник.*

Подавляющее большинство слов русского языка имеет богатую и разветвленную систему форм словоизменения и распадается минимум на две морфемы, поэтому в структурном отношении эти слова оказываются составными, заключая в себе не только основу, но и окончание.

Как чистая основа, так и основа, образующая слово вместе с окончанием, могут быть различными по своему характеру: в одних словах они предстают перед нами как неразложимое целое (*там, берег, синий, несу* и т. п.); в других — как целое, складывающееся из отдельных значимых частей — морфем (*по-дружески, холодок, старательный, забросить, вагоностроение* и др.).

Основы, делимые на морфемы, называются производными. В составе производных основ обязательно выделяются непроизводная основа (иначе называемая корнем) и те или иные служебные морфемы. Если в составе производной основы находится одна непроизводная, перед нами — простое слово: *очаровательный, заземлить, опровержение, хорошенько.* Если она включает в себя две или более непроизводные основы, перед нами — сложное слово (или слитное: *головокружение, грязеводолечебница,* или составное: *диван-кровать, кафе-молочная).*

При установлении того, простым или сложным является слово, следует иметь в виду, что не всякое сложное по составу слово является сложным по своему образованию. Имея в своей производной основе две или более непроизводные, слово может быть образовано и при помощи других способов словообразования, не только при помощи сложения, ср.: *железнодорожный состав* и *железнодорожник.*

Таким образом, среди слов, функционирующих в современном русском литературном языке, можно наметить следующие основные структурные типы:

1. Слова, структурно равные морфеме: *из, жаль, зря, очень, или, шасси, депо.*

2. Слова, структурно равные морфеме при употреблении в речи, когда происходят процессы словоизменения, но членимые на основу и окончание при словопроизводстве: *пальто* (ср.: *пальтишко*), *кенгуру* (ср.: *кенгуровый*), *декольте* (ср.: *декольтированная*).

3. Слова, структурно более сложные, чем морфема. Этот тип слов состоит из двух разрядов словесных единств:

1) слитные слова, представляющие собой определенное морфемосочетание: *аэрофотосъемка, вуз;*

2) составные слова, представляющие собой целостное объединение раздельнооформленных слов: *вагон-ресторан, кафе-мороженое, тихо-тихо, зеленый-зеленый.*

Первый из этих разрядов (слитные слова) распадается, в свою очередь, на несколько более мелких групп:

1. Слова с производной чистой основой: *домой, записав, медленно, страшно.*

2. Слова с непроизводной основой и окончанием: *лечу, белый, дорога, наша.*

3. Слова с производной основой и окончанием, которые, в зависимости от количества и характера корневых морфем в их составе, членятся на простые, имеющие в своем составе одну непроизводную основу *(дорожка, зимний, улечу)*, и сложные, включающие в себя две или более непроизводные основы *(луноход, пятилетка)*.

Слитные сложные слова с соединительными гласными *о, е* составляют основную и наиболее продуктивную группу сложения полных основ: *судоверфь, овощехранилище, рельсоукладчик, снегозадержание, теплоход, винторез, работоспособный, партийно-комсомольский, металлорежущий* и т. д.

Сложение посредством соединительных гласных *о, е* осуществляется как на базе соответствующих словосочетаний, так и на базе отдельных слов, ср.: *способный к работе — работоспособный; мины, пулемет — миномет.* В первом случае сложение хотя и происходит по модели, но с использованием лишь только словообразовательной схемы. Во втором сложение выражается в использовании не только существующего словообразовательного образца сложных слов, но и их морфемного материала.

Второй разряд (составные слова) можно разделить на четыре основные группы. Первую образуют удвоения, или повторы, представляющие собой усилительное по значению и экспрессивное по характеру удвоение того или иного слова (прилагательного, глагола, наречия, междометия и звукоподражания): *синий-синий, еле-еле, чуть-чуть, динь-динь* и т. п. Эта группа слов является незначительной и пополняется новыми образованиями слабо.

Второй группой составных слов являются синонимические сближения типа *путь-дорога, стежки-дорожки, горе-злосчастье, гуси-лебеди, друг-приятель, грусть-тоска*, также немногочисленные и изредка возникающие лишь как индивидуально-авторские новообразования, прикрепленные к определенному художественному контексту [1].

[1] Промежуточными между первой и второй группой в определенном отношении являются слова типа *трень-брень, шаляй-валяй, калина-малина* и др. (ср. заимствованные: *гоголь-моголь, фигли-мигли* и т. п.).

В третью группу входят парные сближения суммарной семантики типа *хлеб-соль* (угощение), *отец-мать* (родители), *руки-ноги* (конечности), *внуки-правнуки* (потомство), а также *приход-расход, купля-продажа* и др. Эта категория слов более перспективна, нежели предыдущие, хотя в целом и она является малопродуктивной.

Среди составных слов, представляющих собой раздельнооформленные лексические единицы, продуктивным типом в современном русском литературном языке является лишь четвертая группа. В нее входят такие слова, синтагматические отношения в которых образуют модель «определяемое — определяющее»: *завод-автомат, школа-интернат, мать-героиня, ракета-носитель, концерт-загадка, матч-реванш* и т. д.

Образования с обратным порядком членов («определяющее — определяемое») нашему языку в настоящее время не свойственны. Слова типа *пай-мальчик, жар-птица* и др. составными сейчас не являются (они цельнооформлены, и первая часть в них выступает как неизменяемая); в известной степени ослабленной (хотя технически и яркой) предстает перед нами в этих словах и сложность [1]. Такие существительные, как названные *пай-мальчик, жар-птица*, а также *киловатт-час, дизель-мотор, грамм-молекула, шеф-повар, крем-сода, джаз-оркестр, плащ-палатка, альфа-лучи, штаб-квартира, норд-ост, стоп-кран, Москва-река* и т. п., образуют в структурном отношении промежуточный разряд слов, располагающийся между явно составными и слитными сложными существительными с соединительной гласной, образованными в результате сложения полных основ, однако все же входящий уже в состав сложных слов слитного характера.

Особенность этого разряда слов в том, что в качестве структурных единиц в них выступают уже не морфемы, а слова, которые не только способны употребляться отдельно, но и в составе слова сохраняют свои особенности сепаратного оформления.

§ 2. Производная и непроизводная основа. С точки зрения своей структуры основы как части слова, заключа-

---

[1] Последнее объясняется тем, что связь первых частей этих сложений с соответствующими корневыми морфемами в других словах ощущается не непосредственно, а лишь после анализа (ср.: *паинька*, устар. *жар* «раскаленные угли»).

ющие в себе его вещественное, лексическое значение, делятся на непроизводные и производные.

Непроизводная основа является целым, которое далее со структурной точки зрения раздроблено быть не может. Производная основа выступает в качестве единства, состоящего со структурной точки зрения из отдельных значимых частей. Таким образом, разница, которая существует между производной и непроизводной основой, заключается прежде всего в том, что непроизводная основа является не делимой на более мелкие части, в то время как производная делится на части, которым присущи свои самостоятельные значения,— на морфемы.

Но этим существующее между ними различие не ограничивается. Одним из важнейших качеств, отличающих производную основу от непроизводной, является зависимость первой от соответствующей непроизводной. Любая производная основа необходимо предполагает наличие аналогичной непроизводной, с которой она соотносится с семантико-грамматической точки зрения. Если почему-либо аналогичная непроизводная основа исчезает из языка или перестает соотноситься с данной производной, последняя теряет свой производный, составной характер и переходит в разряд непроизводных основ. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает тот факт, что делимость производной основы на отдельные морфемы является не каким-то внутренне присущим ей свойством, а определяется наличием рядом с ней соответствующей непроизводной основы. Например, основы *молодежь, пропеть, печальный, членить, шагом* (нареч.) выступают перед нами как производные, обладающие, следовательно, способностью члениться на значимые части в силу того, что рядом с ними существуют аналогичные им непроизводные: *молодой, петь, печаль, член, шаг.*

Разница между производной и непроизводной основой имеется и в выражении того или иного вещественного, лексического значения, составляющего их содержание. Значение непроизводной основы как бы заложено в ней самой, значение же производной основы представляется вырастающим из значений составляющих ее отдельных морфем.

Наконец, для очень большой части производных основ в противовес непроизводным характерно такое обозначение предметов действительности, когда последние вы-

ражаются в слове через установление той или иной связи их с другими. Обозначение предметов действительности подобными основами представляется нам известным образом мотивированным. Будучи не в состоянии ответить на вопрос, почему данные факты действительности называются словами *лес, вода, петь, белый,* а не какими-либо иными, вполне можно объяснить причину функционирования для обозначения соответствующих фактов действительности слов *лесок, подводный, запеть, белить: лесок* — небольшой лес, *подводный* — находящийся под водой, *запеть* — начать петь, *белить* — делать что-либо или кого-либо белым.

Однако было бы неверным определять каждое слово с производной основой как слово, которое дает нам известное, пусть до некоторой степени условное указание на то, почему данный предмет действительности обозначается им, а не каким-либо другим словом. Есть такие слова, в производном характере основы которых в современном языке сомневаться не приходится, но этой мотивированности называния все же нет. Слово *ножик*, например, определенно имеет основу производную, разлагающуюся на морфологические части, так как рядом с ним существует слово *нож* и часть слова *нож-* в словах *ножик* и *нож* значит одно и то же. Но вместе с тем слово *ножик* является таким же абсолютно условным обозначением режущего инструмента, как и слово *нож*. Соотношение, существующее между словами типа *листик* и *лист* и т. п., в первом случае отсутствует, но основа слова *ножик* все-таки остается производной.

В слове *судно*, без сомнения, основа является производной, потому что это же слово во множественном числе имеет непроизводную основу *(суда)* и звуковой комплекс *суд-* в словах *судно* и *суда* однозначен. И все же обозначение в данном случае соответствующего предмета действительности разными формами этого слова *(суда — судно)* является абсолютно одинаковым — условным и совершенно немотивированным.

Подобные факты наиболее ярко наблюдаются в связанных основах, когда непроизводная основа самостоятельно, в чистом виде не существует и выделяется лишь путем сравнения двух или более производных основ.

Таким образом, производная основа отличается от непроизводной своим особым обозначением предмета действительности (через отношение его к другим), не всегда

и не во всех словах соответствующей морфологической структуре. Однако для очень большого числа слов с производной основой подобное свойство, в отличие от слов, имеющих непроизводную основу, все же является чрезвычайно характерным.

Производная и непроизводная основа как бы противопоставлены одна другой. Для производной основы можно отметить:

1) ее членимость на отдельные морфемы;

2) ее зависимость как членимого целого от соответствующей непроизводной основы (как производная она существует постольку, поскольку существует соответствующая непроизводная);

3) соответствие ее целостного значения как основы совокупности значений составляющих ее частей;

4) обозначение предмета действительности в целой серии слов опосредованно, через установление определенной связи его с другими словами.

Для непроизводной основы характерным является:

1) ее нечленимость с морфологической точки зрения;

2) ее всегда непосредственное, чисто условное и немотивированное с точки зрения современных семантико-словообразовательных связей обозначение предметов действительности.

Учет этих резко противоположных качеств, характерных для производной основы, с одной стороны, и непроизводной — с другой, и их взаимосвязи в каждом конкретном случае является основным условием словообразовательного анализа слова.

Непроизводные основы, будучи все одинаково не делимыми и чисто условными обозначениями явлений действительности, в структурно-генетическом отношении вместе с тем единства не представляют.

Со структурно-генетической точки зрения непроизводные основы можно разделить (оставляя в стороне множество переходных случаев) на две основные группы, резко одна другой противопоставляемые. Одну группу составляют такие слова, которые предстают перед нами как чистые корни, образующие абсолютное слияние. Разложить их на морфологические части иногда лишь можно с помощью глубокого этимологического анализа, привлекая сравнительно-исторические данные. Таковы, например, непроизводные основы в словах *бровь, ухо, нести, воз, новый, знать, земля, слуга, часть, трясти, пестрый, стопа, весло*

и т. д. Другую группу образуют такие слова, которые при нечленимости с точки зрения современного языкового сознания все же сохраняют в своей структуре следы бывшей производности (конечно, в разной степени). Разделить на морфемы эти непроизводные основы легко, и часто это приводит даже к смешению словообразовательной и этимологической точки зрения. Такими являются непроизводные основы в словах *маститый, крупный, опешить, сливки, закадычный, счастье* и т. п.

Корень не является неизменяемой частью слова. В разных формах слова и родственных словах непроизводная основа может варьироваться не только в соответствии с ныне действующими фонетическими законами, но и в связи с наблюдающимися традиционно-историческими чередованиями. Последние приводят к тому, что в разных формах слова и в родственных словах одна и та же непроизводная основа может выступать то как открытая, то как закрытая (ср.: *мять — мнешь, пить — пью*); превращаться из звукового комплекса в один звук *(прошедший — шла, сгибать — гнуть)*; по-другому менять свой фонетический облик (ср.: *взять — возьму, шлю — посылка, иду — пройти, сесть — сяду, нести — ноша, жечь — жжение, съесть — еда* и пр.).

Нередко фонетическая трансформация приводит к тому, что соответствующие одна другой формы начинают или вообще не осознаваться как родственные, или, осознаваясь генетически связанными между собой, все же выступать как самостоятельные непроизводные основы, ср.: *надменный — надутый, пасмурный — хмурый, лик — лицо, бряцать — бренчать, жар — гореть, звякать — звенеть, сон — спать, щука — щуренок* и т. п.).

Непроизводные основы различаются между собой и с точки зрения присущей им способности к образованию новых слов. На базе одних непроизводных основ образован целый ряд слов, составляющих в ряде случаев обширные гнезда родственных слов (*рука, земля, вода, везти, писать* и т. д.), на базе других — единичные слова изолированного характера (*темя — темечко, втемяшиться; смычок — смычковые; штукатур — штукатурить, штукатурный; галка — галчонок, галочий, галочка* и т. д.).

Наличие многих производных или, напротив, почти полное отсутствие родственных слов зависит не столько от принадлежности слова к устойчивой части лексики, сколько от его лексико-грамматических и структурных осо-

бенностей (ср. указанные выше слова *рука, писать,* с одной стороны, и *галка, темя* — с другой).

Необходимо также иметь в виду, что существование больших гнезд слов с той или иной непроизводной основой в ряде случаев свидетельствует лишь о былой производительности соответствующего корня. В современном русском языке он может быть уже непродуктивным. В настоящее время новые слова появляются в подавляющем большинстве своем не на базе слов с непроизводной основой, а на базе слов, имеющих производную основу.

§ 3. Исторический характер структуры русского слова. Слова в процессе своего употребления нередко меняют не только значение и фонетический облик, грамматические свойства, характер и сферу применения, но и присущую им структуру. Так, слова *мгла, льгота* сейчас имеют непроизводные основы. Возникли же они в русском языке с помощью суффиксального способа словообразования и первоначально представляли собой слова с производной основой: слово *мгла* образовано посредством суффикса *-л(а)* от слова *мга* «мгла, туман, тьма»; *льгота* — посредством суффикса *-от(а)* от *льга* «свобода, легкость», в диалектах еще известного.

Слово *бедствие* членится в современном русском языке на морфемы *бед-ствиј(е)* и осознается как производное от существительного *беда.* В действительности же оно возникло на базе ныне исчезнувшего существительного *бедство* (ср. еще у И. Крылова: *Безумный плачет лишь от бедства*) и в связи с этим ранее выделяло не один суффикс *-ствиј-*, а два: *-ств-* и *-иј-*.

Существительное *ехидна* и глагол *молоть*, имеющие ныне членимые, производные основы (ср.: *ехида, ехидство; мелю, помол* и т. д.), в свое время имели непроизводные основы и суффиксов *-н- (ехидна)* и *-о- (молоть)* не выделяли. Существительное *лошадь*, имевшее в древнерусском языке свободную непроизводную основу *лош-* и суффикс *-адь*, так как рядом было слово *лоша* с тем же значением (ср. укр. *лоша* «жеребенок»), выделяет сейчас по соотношению с существительным *лошак* наряду с суффиксом *-адь* уже связанную основу *лош-* и т. д.

Именно этим объясняется тот факт, что довольно часто определение современной морфологической структуры слова не совпадает с определением его действительного

происхождения, в результате чего оказывается принципиально важным разграничение словообразовательного и этимологического анализа.

Все наблюдающиеся в структуре слова изменения следует охарактеризовать как процессы опрощения, переразложения, усложнения основы, декорреляции, диффузии и замещения морфем. Они происходят в слове в результате того или иного нарушения или, напротив, установления прямых соотносительных связей между производной и производящей основами. Все они являются чрезвычайно важными для дальнейшего развития и обогащения словообразовательной системы и языка в целом.

Опрощение. Под опрощением понимают такое изменение в строении слова, при котором производная основа, ранее распадавшаяся на отдельные значимые части, превращается в непроизводную, нечленимую. Этот процесс неразрывно связан с утратой словом прежних смысловых связей, в результате чего слово из мотивированного названия того или иного предмета объективной действительности становится немотивированным. Так, слова *забор, окорок, отлынивать, лучший* выступают сейчас в качестве совершенно условных названий соответствующих предметов, действий и признаков, т. е. мы не можем сказать, почему эти предметы и действия так названы. Ранее же образ, положенный в основу указанных названий, был в них совершенно ясным и определенным. Забор назван так по функции. Слово *забор* было образовано с помощью суффикса -ъ от ныне исчезнувшего глагола zaborti, являвшегося префиксальной формой borti (ср. совр. *бороть(ся), (по)бороть* и т. п.). *Забор*, таким образом, как и старославянское слово *забрало* (ср. древнерус. *забороло* «крепостная стена»), образованное с помощью суффикса *-dlo* (совр. *-л(о)* от того же глагола), значит «то, что защищает, ограждает».

Окорок назван так по характерному для него признаку и, собственно, обозначает «мясо вокруг ноги». Слово *окорок* было образовано с помощью приставки *о-* от существительного *корокъ* «нога», в русском языке утраченного, но еще известного в некоторых других славянских языках (ср. болг. крак «нога», польск. krok «шаг» и т. д.).

В процессе опрощения можно наметить (оставляя в стороне множество переходных случаев) две основ-

ные ступени, резко противопоставленные одна другой, — опрощение полное и неполное. Полным опрощением является такая потеря основами слов былой их способности члениться на морфемы, в результате которой возникшие в слове новые непроизводные основы предстают перед нами как чистые корни. В качестве слова, пережившего процесс полного опрощения, можно назвать, например, слово *орел*, осознаваемое сейчас в качестве исконно корневого существительного, хотя оно и было некогда образовано с помощью суффикса *-ьлъ* (совр. *-ел*, ср.: *козел — коза*) от ныне не существующей основы *ор-* (ср. греч. ornis «птица», нем. Adler «орел»).

Неполное опрощение — это такая потеря основами слов былой их способности члениться на морфемы, при которой новые непроизводные основы все же сохраняют (естественно, каждая в разной степени) следы своей прежней производности. Таково слово *ненастье*, составной характер основы которого в прошлом ясно проступает и четко осознается и сейчас. В этом слове так и хочется выделить приставку *не-* и суффикс *-j-*, непроизводную основу *наст-*, хотя с современной точки зрения мы не понимаем, как связать значение этих выделяющихся морфем с семантикой слова в целом. О происхождении этого слова мы догадываемся, хотя объясняет его в полной мере лишь этимологический анализ. Существительное *ненастье* образовано с помощью приставки *не-* от ныне утраченного слова *настье* (ср.: *непогода* «дождь, ненастье» от *погода* «вёдро»), в свою очередь образованного посредством суффикса *-j-* от *наст* «затвердевший от мороза снег».

Основными причинами, вызывающими процесс опрощения первоначально производных слов, являются, во-первых, семантические и фонетические изменения и, во-вторых, архаизация родственных слов (с последующим полным выпадением всех их из употребления).

Изменения в семантике касаются словообразовательно-семантической соотносительности либо между производным и производящим словом, либо между производным и ему родственными словами. Например, в словах *вздор, бойкий, воспитать, ведьма, околеть* опрощение произошло в силу того, что они по сравнению с производящими словами *вздирать, бой, питать, ведать, кол* получили новые значения, с первоначальными несоотносительные. Напротив, опрощение в словах *наречие, жабры, гребень* произошло оттого, что производящие слова *жаба, речь,*

грести, на основе которых возникли данные слова, утратили некоторые свои старые значения: слово *жаба* — значение «рот» (жаба названа этим словом по большому рту), слово *речь* — значение «глагол», слово *грести* — значение «чесать волосы».

Причиной опрощения архаизация выступает при полном исчезновении из употребления не только производящего слова, но и всех других слов, так или иначе осознающихся как родственные. Так, именно в силу выхода из современного литературного употребления производящих слов *жадный* (ср. древнерус. *жадоба* «жажда, желание, скупость»), *перек* (ср. древнерус. *перекъ* «перечень»), *жужель* (ср. древнерус. *жужель* «жук, жужелица», диал. *жужь* «гусеница, насекомое») пережили процесс опрощения слова *жадный, перечень, жужелица*, превратившись в слова с непроизводной основой. По этой же причине в непроизводные превратились слова *мотылек* (ср. диал. *мотыль* «бабочка»), *здание* (ср. древнерус. *зьдати* «строить», образованное от *зьдь* «глина»), *неряха* (ср. диал. *ряхая* «красивая, нарядная»), *трутень* (ср. древнерус. *труть* «трутень»), *зычный* (ср. диал. *зык* «звук, шум, крик»), приведенные выше слова *мгла, льгота* и т. д.

Звуковые изменения, в частности фонетические переоформления производных и родственных им слов (в первую очередь образующих), в качестве единственной причины опрощения выступают, например, в словах *жижа* (образовано от *жидый* «жидкий» с помощью суффикса *-j-*, *dj/ж*), *затхлый* (от *задъхнутися* «задохнуться»; в слове *задъхлый* [д] перед [х] после падения редуцированных изменилось в [т]). Опрощение способны вызывать или, по крайней мере, поддерживать и закреплять только такие фонетические изменения, которые происходят в пределах непроизводной основы или на стыке непроизводной основы и служебной морфемы (корня и суффикса, корня и приставки).

Названные причины опрощения сравнительно редко выступают изолированно. Как правило, они выступают вместе, переплетаясь одна с другой настолько тесно, что иногда очень трудно установить, что же было в данном случае определяющим.

В общей системе словообразования русского языка опрощение имеет очень большое значение, так как именно благодаря ему язык обогащается новыми корневыми сло-

вами, пополняется новыми словами с непроизводной основой.

Переразложение — это перераспределение морфемного материала внутри слова при сохранении им производного характера. При этом процессе слова, продолжая быть составными, начинают члениться по-другому, не так, как они делились раньше. Переразложение наблюдается чаще всего на стыке образующей основы и суффикса, однако возможно оно, правда сравнительно редко, и между образующей основой и окончанием, образующей основой и приставкой, между двумя корневыми морфемами.

В качестве основной причины переразложения следует назвать выход из употребления соответствующей данному слову производящей основы при сохранении в языке других родственных образований. Так, глагол *обессилеть* членится в настоящее время на морфемы *обес-сил-е(ть)* и воспринимается как суффиксально-префиксальное образование от существительного *сила*. Однако такое строение у этого слова является следствием переразложения, которое произошло в нем вследствие исчезновения производящего глагола *бессилеть* «слабеть, изнемогать, лишаться сил». Существительное *голытьба* выделяет сейчас в своем составе непроизводную основу *гол-* и нерегулярный суффикс *-ытьб(а)*. Такая морфологическая структура этого слова обязана своим возникновением также процессу переразложения, пережитому существительным *голытьба* (у В. И. Даля — *голыдьба*) в результате исчезновения производящей основы *голыдь* «беднота» (от *голый*, ср.: *злыдь* в *злыдень* (от *злой*).

Значительно реже приводят к переразложению процессы аналогии, заключающиеся в воздействии на морфологическую структуру того или иного слова (чаще всего этимологически изолированного) продуктивной словообразовательной модели. Так, в словах *певчий* и *вожатый* суффиксы *-чий* и *-атый* распались под влиянием прилагательных типа *волчий, крылатый* на суффиксы *-ч-, -ат-* и окончания *-ий, -ый* (ранее *певчия, вожатая*, сейчас *певчего, вожатого*).

Переразложение в производном слове может происходить и в результате опрощения образующей основы. Так, основа слова *убожество*, сейчас разлагающаяся на корень *-убож-* и суффикс *-еств(о)*, до опрощения прилагательного *убогий* (от *богъ* «богатство, имущество»

с отрицательной приставкой *у-*) делилась на морфемы *у-бож-ьств(о)* и т. д. В этом случае при переразложении наблюдается процесс растворения служебной морфемы в корне.

При переразложении в отдельных случаях происходит поглощение одной служебной морфемы другой, вбирание в служебную морфему, образующую данное слово, того словообразовательного аффикса, который содержится в образующей основе. Обычно это приводит к слиянию воедино двух рядом стоящих суффиксов (ср.: *-ствиј-* в слове *бедствие*), исключительно редко к объединению в одну двух приставок (ср.: *обес-* в глаголе *обессилеть*). Появившиеся таким образом новые суффиксы [1] нередко становятся регулярными и производительными, получая в таких случаях, как правило, бóльшую продуктивность и более широкие словообразовательные связи, нежели имели те, на базе которых они возникли (например: суффикс *-ость*, возникший в результате слияния суффиксов *-от(а)* и *-ть*; суффиксы *-ниј-, -ениј-*, появившиеся на основе суффиксов страдательных причастий *-н-, -ен-* и суффикса абстрактных существительных *-иј-*; суффиксы *-чик, -щик*, представляющие собой объединение суффикса относительных прилагательных *-ск-* и суффикса *-ик*, и т. д.).

Благодаря процессу переразложения наша речь получает возможность обогащаться новыми исконно русскими моделями образования слов, в первую очередь новыми исконно русскими суффиксами.

Усложнение. Процесс усложнения противоположен процессу опрощения. Это превращение ранее непроизводной основы в производную, т. е. слово, имевшее непроизводный характер, становится делимым на определенные морфемы.

Причиной усложнения, так же как и переразложения, могут быть, хотя и редко, фонетические или аналогические изменения. Так, усложнение основы глагола *молоть* произошло в результате изменения этим словом своего звукового облика после развития древнерусским языком полногласия; усложнение основы существительного *ехид-*

---

[1] Среди регулярных и образующих приставок такого рода можно отметить лишь *обез-* и *недо-*, напр.: *обездолить, недовыполнить* и т. п.

на — в результате воздействия на него кратких прилагательных женского рода с суффиксом *-н- (-ьн-)* и т. д.

В подавляющем большинстве слов усложнение происходит в силу появления в процессе заимствования рядом с тем или иным иноязычным словом родственного ему, содержащего ту же непроизводную основу, в результате осознания словообразовательно-семантической связи одного заимствованного слова с другим. Так, существительное *агитация* появилось в русском литературном языке в XIX в. из немецкого языка (ср. нем. Agitation) в виде слова с непроизводной основой. Когда же рядом с ним в нашей речи стало употребляться однокоренное слово *агитатор*, его основа пережила процесс усложнения и стала члениться на непроизводную основу *агит-* и суффикс *-аци}-*.

Французское по происхождению существительное *гравюра* пришло в наш язык как непроизводное. Однако в связи с наличием в системе русского языка родственных ему слов *гравировать* и *гравер* оно также испытало процесс усложнения, и его основа стала делиться на непроизводную основу *грав-* и суффикс *-юр-*. Естественно, что подобный процесс усложнения происходит одновременно (если он не произошел в них ранее) и в соответствующих родственных словах.

Таким образом, усложнение чаще всего наблюдается не в исконно русских, а в иноязычных словах и протекает в них в процессе установления между ними семантико-словообразовательных соотношений. Такие соотношения могут установиться как между одновременными заимствованиями из одного языка-источника, так и между разновременными заимствованиями (даже из различных языков, если слова осознаются и воспринимаются как родственные), а при народной этимологии также между заимствованными и исконно русскими словами.

Процесс усложнения имеет большое значение для развития словообразовательной системы языка: язык получает возможность усвоения иноязычных словообразовательных морфем, обогащает свой словообразовательный «инвентарь» за счет иноязычного аффиксального материала.

Декорреляция. Процессы опрощения, переразложения и усложнения можно назвать внешними, так как они непосредственно отражаются в изменении морфемного состава слова. Процесс декорреляции — внутренний: это

изменение характера или значения морфем и соотношений их в слове при сохранении последним того же числа морфем, которое в нем наблюдалось первоначально. Слово продолжает члениться так же, как членилось ранее, но составляющие его морфемы оказываются по своему значению или характеру совершенно иными, находятся в совершенно иных связях друг с другом. Так, декорреляция в словах *ловец, заморозки, любовь* привела к тому, что образующие основы *лов-, замороз-, люб-* стали восприниматься как глагольные (ср.: *ловить, заморозить, любить*), хотя эти слова соответственно образованы от существительных *ловъ* «ловец» (*рыболов, зверолов, птицелов* и др.), *заморозы* «первые морозы» (ср. диал. *залески, зарощи,* лит. *загородом*) и прилагательного *любъ* «милый, любимый». Соответственно изменили свой характер в этих словах и суффиксы. Например, суффикс *-к(и)* в слове *заморозки* стал выступать как словообразующий элемент, хотя вначале он был уменьшительно-ласкательным и образовывал форму субъективной оценки.

Декорреляция в глаголах *медлить, жужжать* привела к превращению словообразовательных суффиксов *-и-, -а-*, с помощью которых эти глаголы были образованы от прилагательного *мьдлыи* «медленный» и существительного *жузг* (ср.: *визг — визжать*), в простые показатели глагольных классов. В слове *чудо* декорреляция превратила суффикс *-ес-* из суффикса основы косвенных падежей (ср. древнерус. им.-в. п. *чудо*, р. п. *чудесе,* д. п. *чудеси*, д. п. мн. ч. *чудесьми*, пр. п. мн. ч. *чудесьхъ* и т. д.), каким он был в древнерусском языке, в суффикс, указывающий на множественное число (ср. совр. *чудо, чуда, чудеса, чудес* и т. д.).

Вследствие процесса декорреляции в слове *портной* после превращения его из прилагательного в существительное *-ой* из окончания стало синкретической морфемой, указывающей также и на мужской пол действующего лица (ср.: *портниха*); слово *сердитый* начало соотноситься с глаголом *сердиться* (хотя образовано посредством суффикса *-ит-* от утраченного существительного *сьрдь* (откуда *сердце*) «гнев» (ср.: *в сердцах*), так же как *нарочитый* от *нарокъ* «намерение») и т. д.

Очень часто декорреляция приводит к появлению на месте свободных непроизводных основ связанных. Так, бывшая ранее свободной основа *пас- (запасти, припасти)*

превратилась в связи с изменением значения глагола *пасти* в связанную.

Декорреляция имеет не менее важное значение, чем все остальные процессы. Это объясняется, в частности, тем, что она охватывает целый ряд слов, принадлежащих к одному и тому же структурному типу, в результате чего происходит трансформация словообразовательной модели в целом. Благодаря этому процессу, например, слова на *-ба* (*ходьба, алчба* и т. д.) из отыменных образований, какими они являются по происхождению (ср.: *иноходь*, древнерус. *алчь* «голод»), превратились в отглагольные; суффикс *-ш(а)*, имевший раньше лишь значение «жена» (*генеральша, султанша* и т. п.), развил значение лица женского пола (*призерша, лифтерша, великанша* и др.).

Диффузия. Диффузия — взаимопроникновение морфем при сохранении ими в то же время четкой самостоятельности и особенности значимых частей слова. В результате этого процесса производная основа продолжает, по существу, члениться на те же морфемы, что и раньше, однако отдельность выделенных в слове морфем в определенном звене словообразовательной цепочки ослабляется из-за частичной фонетической аппликации одной морфемы на другую.

Важнейшей и почти единственной причиной явления диффузии морфем являются различные звуковые изменения, прежде всего стяжение одинаковых гласных или согласных, причем диффузия, возникшая в результате этого, может на письме не обозначаться и тем самым существовать лишь в устной речи (ср.: *сшить* [шыт'], *детский* [д'эцкъй] и т. д.), но может получать отражение и в орфографии, являясь, таким образом, фактом языка в обеих его формах.

Диффузия морфем наблюдается обычно на стыке приставки и непроизводной основы или на стыке непроизводной основы и суффикса, но возможна и на стыке двух непроизводных слов. Фонетическую аппликацию приставки на непроизводную основу можно видеть, например, в слове *приду*, в котором диффузия возникла в результате стяжения в один звук двух *и* (ср. древнерус. *прииде, приидущаго* и т. д.).

В одном случае диффузия непроизводной основы и суффикса охватила целую словообразовательную модель, ставшую особым структурным типом. Это инфинити-

вы на *-чь* типа *печь, мочь, стеречь, беречь, стричь, течь* и др., в которых еще в дописьменную эпоху в звуке [ч'] были объединены в одно целое конечный согласный корня [к] или [г] и инфинитивное *-ти*.

Своеобразно появление диффузии морфем в слове *бескозырка*. В современном языке это существительное соотносится со словами *без козырька* и входит в тот же словообразовательный ряд, что и существительное *безрукавка*, в соответствии с чем *-к-* в нем должно быть интерпретировано и как принадлежность непроизводной основы *козырек — козырька*, и как предметный суффикс *-к-*, аналогичный тому, который совершенно свободно выделяется в слове *безрукавка*. Такая фонетическая аппликация элемента основы на суффикс возникла здесь в результате процесса переразложения, пережитого этим словом после исчезновения из литературного языка образующего существительного *козырь* «козырек», в связи с установлением прямых словообразовательных связей с бывшим уменьшительно-ласкательным *козырек — бескозыр-к(а) — бес-козырк(а)*.

Диффузия морфем, одновременная процессу словопроизводства, наблюдается и в других словах. Несомненно, такого происхождения диффузия в словах *розоватый, коричневатый, бежеватый, лиловатый* и т. п., в которых *-ов-, -ев-* являются одновременно как принадлежностью образующей основы исходного прилагательного, так и принадлежностью суффикса неполноты качества *-оват-(-еват-)*. Такой же характер диффузия имеет, вероятно, и в слове *табакур*, в котором *к* является принадлежностью как первой, так и второй основы сложения.

Упрощение, ведущее к слиянию в одном звуковом комплексе *ск* двух *ск* — корневого и суффикса относительных прилагательных, наблюдается в процессе образования прилагательных от топонимических названий на *-ск: омский (Омск + ск + ий → омский), пятигорский, витебский* и др.

К числу слов, в которых аппликация соседних морфем относится одновременно и к корню, и к суффиксу и появилась в момент их образования, принадлежит также слово *пнуть*, возникшее по аналогии с глагольными соотношениями *двину — двинуть, пихну — пихнуть, крикну — крикнуть, толкну — толкнуть* на месте пары *пну — пять*, когда *пну* вызвало рядом с собой *пнуть*. В глаголе *пнуть* налицо взаимопроникновение элементов непроиз-

водной основы *пн-* и суффикса *-ну-*, но оно возникло в нем сразу: нестяженной формы *пннуть* не существовало. Такая же одновременная с процессом словопроизводства диффузия наблюдается в глаголе *обмануть*, возникшем, как и слово *пнуть*, под влиянием глаголов совершенного вида на *-нуть* из *обманить* (с замещением суффикса *-и-* суффиксом *-ну-*).

Диффузию морфем в момент словопроизводства, в отличие от диффузии значимых частей слова, происходящей с течением времени на базе соположения особых по отношению друг к другу морфем, можно назвать аппликацией. Аппликация выступает как одно из средств объединения морфем в слове в процессе образования и с диффузией, как одной из разновидностей изменения в морфологической структуре слова, совпадает лишь внешне, но не по существу.

Замещение — замена одной морфемы другой. В результате его морфемный состав производной основы в количественном отношении остается прежним, меняется лишь одно из звеньев словообразовательной цепочки, но тем самым и словообразовательная структура слова в целом.

Основными причинами замещения морфем являются: 1) аналогические процессы воздействия на структуру того или иного слова продуктивной словообразовательной модели и этимологически родственной ему лексической единицы; 2) народно-этимологическое сближение разнокоренных слов.

Пример замещения основ в результате второй из названных причин представляет слово *солянка*, в котором основа *сол-* (существительного *соль*) заменила *сел- (село)*: слово *селянка* возникло путем универбации оборота *селянская еда*.

Процесс замещения основы пережило буквально на наших глазах слово *бесталанный*, получившее под влиянием прилагательного *бесталантный* значение «не имеющий таланта, бездарный». В «Словаре современного русского литературного языка» (т. 1, с. 435) этот факт еще не отмечался: рядом со словом *бесталантный* (дается без каких-либо помет, хотя в настоящее время оно явно устарело) прилагательное *бесталанный* толкуется как архаическое и областное с одним лишь этимологическим значе-

нием «неудачливый, несчастный, обездоленный» [1]. Однако речевая практика убеждает, что такая квалификация этого слова не отражает действительно существующего положения: ошибочное с генетической точки зрения употребление этого слова превратилось уже в нормативное, и сейчас прилагательное *бесталанный* не выступает в качестве диалектно-устаревшего синонима к слову *несчастный*, а является общеупотребительным словом, семантически прямо и непосредственно связанным со словом *талант*. Основа *талан-* в слове *бесталанный* тем самым оказывается фонетическим вариантом (перед следующим далее *н*) основы *талант*.

Очень интересную историю пережило слово *силком*, по соотношению с существительным *силой* распадающееся в настоящее время на морфемы *сил-* и *-ком* (ср.: *сила, насильно, пешком, тайком, ползком* и т. д.). В процессе словоупотребления оно испытало как переразложение, так и замещение. Образовалось слово *силком* в результате морфолого-синтаксического способа словообразования на базе творительного падежа единственного числа слова *силок* «петля» (ср.: *кубарем* от *кубарь* «волчок») и первоначально употреблялось в выражениях *поймать силком, тащить силком* и т. д. Развитие на основе значения «посредством петли» семантики «насильно, силой» повлекло за собой переэтимологизацию наречия *силком*, вследствие которой оно перестало осознаваться как родственное слову *силок* и стало выступать как однокорневое словам *силой, насильно*.

Процесс замещения корневой морфемы пережило еще в общеславянскую эпоху слово *синица*←*зиница* (от звукоподражания *зинь*), в котором под влиянием народно-этимологического сближения со словом *синий* корень *-зинь-* был заменен корнем *-син-*. То же самое можно отметить, имея в виду слово *пугач* «филин» (от *пугать* «кричать» — о крике филина), в котором непроизводная основа *пуг-* осознается сейчас уже как корень глагола *пугать* «вселять страх».

Процесс замещения основы указанного типа демонстрируют и многочисленные случаи так называемого ана-

---

[1] Образовано с помощью суффикса *-н-* от предложно-падежного сочетания *без талана* «без счастья», в котором *талан* «счастье, фортуна» является тюркизмом (тюрк. *талан* «успех, добыча» — суффиксальное образование от *тал* «грабить, отнимать»).

логического подравнивания основ, связанного с процессом падения редуцированных *ь* и *ъ* (ср.: *швеца* вместо *шевца* под влиянием *швец*<*шьвьць; рва, льда* вместо *рова, леда* под влиянием *сон — сна, день — дня; Смоленск* вместо *Смольнеск* под влиянием косвенных падежей; *сота*<*съта* вместо *ста* под влиянием *сот* и т. д.), с устранением чередования заднеязычных и свистящих в парах типа *муха—мусѣ, рука—руцѣ, нога—нозѣ, пастухъ — пастуси* и т. д.

Аналогическое замещение основ наблюдается в глаголах *грести, скрести*, современные формы которых на *-сти* возникли у них из более древних *грети, скрети*.

Что касается аналогического замещения служебных морфем, то его иллюстрируют, например, глагол *обмануть* (из *обманить* под влиянием глаголов на *-нуть* типа *увильнуть, обогнуть, протиснуть* и т. д.) и существительное *лестница* (из *лествица*<*лезтва* от *лезть* (ср.: *брить — бритва*) под влиянием существительных на *-ница* типа *чернильница*).

§ 4. Производящая (или образующая) основа. Производящая (или образующая) — это основа, от которой действительно образована или осознается образованной та или иная производная [1]. В качестве образующей, производящей основы могут выступать и непроизводная основа, и производная. В одних словах непроизводная основа является вместе с тем и производящей (например, в словах *холодн(ый), от-би(ть), жи-знь, волч-иц(а)* и т. п.). В других словах эти основы лишь корень производной основы, выступающей как производящая. Например, для основы слова *землянка* производящей основой будет *землян-*, а непроизводной — *земл-*; для основы слова *покраснеть* производящей основой будет *красне(ть)*, а непроизводной — *красн-* и т. д. Именно поэтому неправильно начинать словообразовательный анализ слова с выделения в нем непроизводной основы (иначе говоря, корня).

---

[1] Следует, конечно, иметь в виду, что образованная тем или иным способом словопроизводства основа может быть (по ряду причин) непроизводной, например, для некоторых слов так называемого безаффиксного способа словообразования (напр.: *удаль, хворь, рябь, мах, бой*) и для слов, с течением времени потерявших почему-либо первоначально производный характер основы, т. е. переживших процесс опрощения.

ДЕРИВАЦИЯ

§ 1. Понятие о деривации. Выше были описаны разнообразные морфемы — строительный материал для слов, структурные образования из морфем — слова. Возникает вопрос, каким образом из морфем получаются слова, по каким правилам это происходит (ибо это происходит вовсе не беспорядочно), какие еще факторы влияют на возникновение слов.

Процесс возникновения слов называется деривацией.

Деривация новых слов в русском языке имеет строгие закономерности. Сотни тысяч слов русского языка — это реализации различных деривационных моделей, это образования, возникшие с привлечением самых различных способов и приемов.

Первая классификация способов образования новых слов в русском языке была предложена более тридцати лет тому назад В. В. Виноградовым [1]. Она сыграла в развитии словообразовательной теории большую положительную роль.

В настоящее время, когда процессы деривации [2] исследованы более обстоятельно и с привлечением ранее не учитывавшихся языковых фактов, классификация В. В. Виноградова несколько уточнена, детализирована и расширена.

Возникновение слов в русском языке происходит достаточно разнообразно. Прежде всего наблюдается то, что можно назвать собственно словообразованием [3] (возникновение слов не по моделям, а в результате переоформления готовых сочетаний слов в цельную единицу без изменения звукового состава и значения), и то, что целесообразно назвать словопроизводством (возникновение слов по моделям как семантически и/или формально несомненных новых единиц). В пределах словопроизводства существуют способы семантический, каль-

---

[1] См. его статью в журнале «Русский язык в школе» (1951, № 2).

[2] Под деривацией мы имеем в виду всякое возникновение слов. По отношению к словообразованию и словопроизводству понятие деривации является родовым.

[3] Не следует смешивать омонимы *словообразование* «раздел лингвистики, изучающий словостроение, значимые элементы слов и деривацию» и *словообразование* «способ деривации». В исследованиях и учебных пособиях можно часто встретить термин «словообразование» и в том значении, в каком в данном учебнике употребляется термин «деривация».

кирование и морфологический. В пределах каждого из них имеются отдельные типы.

К семантическому способу относятся лексико-семантический и семантико-морфологический тип производства слов; к калькированию — словообразовательное и семантическое калькирование; к морфологическому способу, как его частные разновидности, относятся аффиксация, сложение, безаффиксный способ, аббревиация и редеривация. Некоторые типы морфологического словопроизводства (аффиксация и сложение) в свою очередь распадаются на подтипы [1].

Чаще всего слова образуются на базе отдельных лексических единиц — слов как таковых, взятых в их исходной форме. Так, от глагола *ткать* с помощью суффикса *-ч* было образовано существительное *ткач*; от существительного *внук* посредством приставки *пра-* — существительное *правнук*; от прилагательного *красный* путем присоединения суффикса *-е(ть)* — глагол *краснеть*; от существительного *боль* посредством приставки *обез-* и суффикса *-и(ть)* — глагол *обезболить*; от существительного *атом* (по модели *пароход, электроход* и др.) — существительное *атомоход* и т. д. Такое образование слов является самым распространенным, однако не единственно продуктивным.

Слова возникают и на базе различных сочетаний лексических единиц. В качестве последних могут выступать три категории сверхсловных соединений. Во-первых, слова могут появляться на базе разнообразных предложно-падежных сочетаний: *под снегом — подснежник* (с помощью суффикса *-ник*), *на столе — настольный* (с помощью суффикса *-н-*), *при школе — пришкольный* (с помощью суффикса *-н-*), *за рекой — заречье* (с помощью суффикса *-j-*), *с начала — сначала, в виду — ввиду* и т. д. Во-вторых, слова могут образовываться на базе свободных и переменных сочетаний слов: *способный к работе — работоспособный, с ног сшибать — сногсшибательный, задержание снега — снегозадержание, редкий лес — редколесье* и т. п. В-третьих, слова могут возникать на базе устойчивых сочетаний слов, или фразеологических оборотов: *за благо рассудится — заблагорассудится, зажмурить глаза — зажмуриться, голова кружится — голово-*

---

[1] Более подробно об этом см.: *Шанский Н. М.* Лексическая деривация в русском языке.— Русский язык в школе, 1977, № 3.

кружение; или пан, или пропал — напропалую; надоесть как сто чертей — осточертеть и т. д. В последнем случае производящий фразеологический оборот может отражаться в слове либо полностью (напр.: *головокружение, заблагорассудится*), либо частично (напр.: *зажмуриться, напропалую*, в которых соответственно нет компонентов *глаза* и *пан* и налицо лишь части *зажмурить, пропал*).

В общем процессе образования слов, как отмечалось выше, выделяются два качественно разных явления. Существует словообразование в буквальном смысле этого слова и то, что лучше всего охарактеризовать как словопроизводство. Именно посредством последнего прежде всего и происходит обогащение русского языка новыми словами.

Слова могут возникать в языке сами по себе, независимо от сознательной словотворческой деятельности человека. Этот процесс можно назвать собственно словообразованием. Слова, ранее выступавшие в качестве самостоятельных лексических единиц, в процессе длительного их употребления рядом друг с другом с течением времени перестают осознаваться как отдельные, становятся частями одного структурного целого, сливаются в новое слово. Именно так из сочетания слов *сего дня* «этого дня» образовалось *сегодня*, из предложно-падежного сочетания *до тла* «до основания» явилось *дотла*, из *долго жданный* родилось *долгожданный*, из *Новъ городъ — Новгород*, из *три ста — триста*, из *здраво мыслящий — здравомыслящий*, из *тот час — тотчас* и т. д.

Слова могут сознательно создаваться говорящими в тот или иной момент их речевой деятельности тем или иным способом. Этот процесс является уже словопроизводством. Используя сложившиеся в русском языке приемы и правила, человек намеренно (или для наименования новых предметов и явлений, или в силу неудовлетворенности старыми названиями) создает из существующего языкового материала новые слова.

Между возможной базой образования слов и различными способами словообразования существуют вполне определенные и четкие соотношения, своеобразное распределение «сфер влияния». Так, путем слияния слов в одно лексическое целое новые слова возникают на базе предложно-падежных сочетаний, свободных сочетаний слов и фразеологических оборотов. Что касается различных способов словопроизводства, то лексико-семантический

способ «выдает» новые слова только из фразеологических оборотов; такая же разновидность морфологического способа словопроизводства, какой является суффиксация, может образовывать новые слова на основе всех перечисленных выше значимых единиц, напр.: *столик, подберезовик, потусторонний, смотаться — смотать удочки* и т. д.

§ 2. Способы деривации. Словообразование. Под словообразованием подразумевается возникновение новых слов в результате сращения в одно слово двух или более лексических единиц, слияния в одно словесное целое либо устойчивого словосочетания, т. е. фразеологизма, либо сочетания самостоятельного слова со служебным, в первую очередь с предлогом или отрицанием.

Возникновение в результате словообразования новых лексических единиц сопровождается потерей исходными образованиями своей самостоятельной словности, фонетических, семантических и грамматических свойств. Поэтому посредством его язык обогащается словами, новыми не только с точки зрения лексической, но и с точки зрения фонетической и морфологической.

Очень часто в возникших с помощью сращения словах происходит не только утрата мотивированности названия соответствующего предмета объективной действительности, но и серьезное изменение звуковой оболочки, напр.: *если* из *есть ли, спасибо* из *спаси бог, одиннадцать* из *один на десяте* и т. п.

В результате словообразования новыми словами пополняются самые различные лексико-грамматические разряды, более всего наречия и служебные слова. В качестве примеров слов, возникших этим путем, можно назвать слова *ибо* (из *и* и *бо* «так как»), *вышеуказанный* (из *выше* и *указанный*), *итого* (из *и* и *того*), *скоропортящийся* (из *скоро* и *портящийся*), *врасплох* (из *в раз плох*), *вдребезги* (из *в* и *дребезги*, где *дребезги* — винительный падеж множественного числа существительного *дребезг* «осколок», ныне известного лишь в диалектах).

Особенно многочисленна группа слов, возникших на базе предложно-падежных сочетаний (в большинстве своем это наречия), и слов, представляющих собой сращение в целостную лексическую единицу различных фразеологизмов.

§ 3. Словопроизводство. Способы словопроизводства. Лексико-семантический способ. С помощью лексико-семантического способа словопроизводства новые слова образуются в результате изменений в смысловой стороне того или иного слова, путем расщепления или распада слова на два омонима или более [1]. Процесс формирования слов-омонимов, а значит, и образования новых слов проявляется в языке в силу того, что лексическая единица, получая какое-либо новое значение, продолжает (если не одновременно, то, по крайней мере, какое-то время) употребляться и в своем старом значении.

Лексико-семантический способ словообразования заключается, таким образом, в том, что разные значения одного и того же слова превращаются в разные слова, осознающиеся этимологически как совершенно самостоятельные и независимые, или в том, что за существующим в языке словом закрепляется значение, которое с ранее ему свойственным как производное и основное не связано.

Расщепление слова на два слова-омонима протекает постепенно. Между моментом существования однозначного слова и моментом появления в языке на его базе двух лексических единиц омонимического характера наблюдается два посредствующих звена — переносное употребление слова, а затем его переносное значение.

В результате действия лексико-семантического способа словообразования фонетически новые слова не возникают: новыми лексико-грамматическими свойствами облекается тот звуковой комплекс, который в языке уже был. Правда, следует иметь в виду, что в структурном отношении и по своим грамматическим свойствам возникшие таким образом слова могут быть все же новыми единицами (по сравнению с теми словами, на базе которых они появились). Следовательно, и при помощи лексико-семантического способа словообразования язык может пополняться новыми с морфологической точки зрения словами. Так, слова *мир* «вселенная» и *мир* (противоположное войне), появившиеся, несомненно, на базе существительного *мир* «общество, люди» (первое путем эллипсиса фразеологического оборота *весь мир*), отличаются друг от друга грамматически: первое имеет формы обоих чисел,

---

[1] При лексико-семантическом способе словопроизводства появляются собственно омонимы, при семантико-морфологическом — неполные омонимы. Становление омонимов и объединяет эти два способа в родовой — семантический.

второе входит в группу существительных, употребляемых только в единственном числе.

Появление новых лексических единиц в результате лексико-семантического способа может происходить как на базе отдельных слов, так и на базе фразеологических оборотов.

В первом случае новое слово возникает как следствие переосмысления исходного. В советскую эпоху так возникли, например, слова *сигнал* «предупреждение», *самотеком* «стихийно, неорганизованно», *титан* «кипятильник», *либеральный* «нетребовательный», *участок* «область, сфера, отрасль какой-либо общественной деятельности», *кустарный* «примитивный», *загорать* «быть без работы», *голосовать* «просить транспорт остановиться», *чиновник* «формалист», *казенный* «бездушно-формальный», *трафаретный* «избитый» — *трафаретный* «сделанный по трафарету».

Во втором случае новое слово с помощью лексико-семантического способа словообразования возникает благодаря «опущению» грамматически зависимых слов и концентрации значения фразеологического оборота в целом на опорном слове. Происходит то, что можно охарактеризовать как сжатие фразеологического оборота в слово. Опорное слово фразеологизма вбирает в себя значения опущенных зависимых членов. В советское время так возникли, например, слова *партия* в значении КПСС (Коммунистическая партия), *органы* (органы государственной безопасности), *переживать* (переживать горе), *нарушитель* (нарушитель границы, порядка, закона), *освободить* (освободить от работы) и т. д.

При возникновении нового слова в результате лексико-семантического способа словообразования на базе отдельной лексической единицы последняя в качестве производящей может выступать и в совокупности всех своих словоформ, и лишь в какой-то части своей парадигмы, и, наконец, даже в какой-либо одной форме. Переосмысление слова в какой-то части его парадигмы может происходить при сохранении им исходной принадлежности к лексико-грамматическому разряду, ср.: *часы — час, часы; леса — лес, леса; схватки — схватка, схватки* и др.

Естественно, что о лексико-семантическом способе словообразования можно говорить лишь тогда, когда в паре омонимов между предполагаемым исходным словом и возможным производным от него действительно существует

этимологическое родство и отношения первичного и вторичного, когда налицо традиция их соупотребления и факт несомненной связи друг с другом. Так, если слово *законно* «хорошо» возникло с помощью лексико-семантического способа словопроизводства на основе *законно* «согласно закону, как следует», то слова *железно* и *классно* появились уже по модели и образованы с помощью суффиксации по аналогии с *законно*.

§ 4. Семантико-морфологический способ словопроизводства. Под семантико-морфологическим способом, являющимся по своей сути особой разновидностью семантического способа, понимается образование новых лексических единиц в результате перехода слов одного грамматического класса в другой.

В переходе слов одного грамматического класса в другой следует различать два подтипа — лексикализацию [1] грамматической формы и семантико-грамматическое переоформление целой парадигмы.

При лексикализации какой-либо отдельной грамматической формы новое слово получает все признаки, присущие той части речи, в которую оно входит. При семантико-грамматическом переоформлении целой парадигмы формы словоизменения нового слова в известной мере остаются прежними (например, возникшие в результате субстантивации существительные продолжают склоняться как прилагательные). В качестве примеров лексикализации грамматической формы можно привести существительное *суть* (возникло на основе формы 3-го лица множественного числа глагола *быть* в настоящем времени), наречие *прямиком* (появилось на базе формы творительного падежа единственного числа ныне утраченного существительного *прямик*), модальное слово *правда* (этимологически идентично форме именительного падежа единственного числа существительного *правда*), просторечно-диалектную частицу *больно* «очень, слишком» (восходит к краткой форме среднего рода прилагательного *больной*), союз *благодаря* (возник на базе деепричастия от *благодарить*) и т. д.

В результате лексикализации грамматической формы возникли и многие междометия: *пли! — пали!* (повели-

---

[1] Лексикализация — превращение какой-либо формы слова в новую лексическую единицу.

тельная форма от *палить* «стрелять»), *будет!, хватит!, чу!* (повелительная форма от *чути* «слышать»), *ужас!* (именительный падеж единственного числа существительного *ужас*) и т. д.

В качестве примеров семантико-грамматического переоформления целой парадигмы можно привести существительные *передняя, гостиная, набережная, мостовая, борзая, горничная, портной, трудящиеся, приданое* и т. п., возникшие на базе соответствующих прилагательных в результате опущения определяемых ими существительных.

От субстантивированных прилагательных, т. е. от существительных, появившихся в результате выпадения существительного и концентрации семантики оборота в целом на прилагательном, следует отличать слова, возникшие морфологическим (суффиксальным) способом словообразования, по модели (например, слово *столовая*, возникшее морфолого-синтаксическим путем на основе сочетания *столовая комната*, и слова *пирожковая, блинная, сосисочная, чебуречная, закусочная, пельменная* и др., образованные с помощью морфологического способа словообразования по аналогии со словами типа *столовая, чайная, гостиная*).

От субстантивированных прилагательных и причастий следует отличать также слова, появившиеся в русском языке в результате калькирования, напр.: *вселенная, насекомое* и т. п.

Семантико-грамматическое переоформление целой парадигмы представляет собой и явление перехода причастий в разряд прилагательных. В качестве прилагательных, возникших с помощью морфолого-синтаксического способа словообразования на базе причастий, можно назвать слова *открытое (лицо), взволнованный (вид), возбужденное (состояние), сдавленный (голос), знающий (инженер), подходящий (момент), руководящая (работа), колючий, трескучий, живучий, сушеный, соленый, граненый* и т. п.

Основной причиной перехода причастий в прилагательные является изменение ими семантики (на смену прямому значению, полностью соотносительному с глагольным, приходит переносное значение и расширение словесных связей). Именно этим определяется факт утраты таким причастием видовременных значений и способности глагольного управления.

Семантико-морфологический способ словопроизводства совершенно не характерен лишь для глагола (включая причастия и деепричастия). В некоторых лексико-грамматических категориях слов этот способ является, по существу, единственно эффективным способом, с помощью которого они обогащают свой состав (например, категория состояния, частицы, междометия). Наиболее заметным и интенсивным, хотя по сравнению с другими способами явно второстепенным, является семантико-морфологический способ словопроизводства в сфере существительных и прилагательных, поскольку они относятся к наиболее открытым для новых единиц частям речи.

§ 5. Калькирование как способ словопроизводства. Одной из своеобразных и специфических разновидностей словопроизводства как моделированного способа является калькирование. Словообразовательное и семантическое калькирование в известной степени соотносительно с морфологическим и семантическим способом словопроизводства. Отличие от них заключается в том, что при калькировании моделью для создания слова выступает иноязычная лексическая единица — слово, находящееся за пределами номинативной системы русского языка. Отсюда и специфика калек по их деривативному характеру: они непременно выступают как результат съемки (частичной или полной) морфемного состава (это касается словообразовательных калек) или производного лексического значения иноязычного оригинала (это касается семантических калек).

Словообразовательные кальки обычно подводятся под русские деривационные типы и модели (ср.: *небоскреб* и англ. skyscraper, *глазомер* и нем. Augenmaß — русские слова составлены по одной из русских моделей основосложения), но корневое наполнение модели при деривации «навеяно» иноязычным оригиналом, и, следовательно, такое слово имеет черты заимствования [1].

Семантические кальки (ср.: *утка* «выдумка» с франц. canard; *тонкий* «изощренный» с франц. fin (напр.: *тонкий вкус, ум*) далеко не всегда подводятся под

---

[1] При учете появления слов в языке достаточно четко противопоставляются слова, возникшие в самом языке (деривация), и заимствования. Кальки являются чем-то промежуточным.

русские деривационные модели и еще более «отдают» заимствованием.

§ 6. Морфологический способ словопроизводства и его разновидности. Морфологический способ словопроизводства представляет собой словопроизводство в полном смысле этого слова. Под этим способом понимается образование новых слов на базе существующих в языке основ и словообразовательных аффиксов. С помощью морфологического способа словообразования образуются такие лексические единицы, которые являются новыми во всех отношениях. Собственно, этим объясняется тот факт, что данный способ является наиболее продуктивным, творческим и действенным. Однако необходимо отметить, что и морфологическое словопроизводство не приводит к появлению в языке абсолютно новых слов — неологизмов в полном смысле этого слова: оно оперирует, по существу, лишь новыми видами комбинирования того, что уже существовало в отдельности раньше. Например, слово *лунник*, имеющееся в настоящее время в русском языке, несомненно, неологизм (оно появилось в 1959 г.), однако это не абсолютно новое слово, так как и основа *лун-* (в словах *луна, лунный, лунатик*) и суффикс *-ник* (в словах *градусник, пыльник*), при помощи которых образовано данное слово, были известны русскому языку и раньше.

Основные типы морфологического словопроизводства, существующие сейчас в русском языке,— сложение, аффиксация, безаффиксный способ, аббревиация и редеривация. Все эти типы, включая даже подавляющее большинство их частных разновидностей, представляют собой явление исторически устойчивое и столь же в своем существе характерны для словообразовательной системы русского языка предшествующих периодов его развития, сколь и для современного ее состояния.

Сложение. Сложение представляет собой образование нового слова путем объединения в одно словесное целое двух и более основ: *рельсоукладчик, машинопись, льноволокно, грязеводолечебница, научно-технический, идейно-воспитательный* и т. д.

Образующие слова основы могут быть как полными (см. вышеприведенные), так и сокращенными (*леспромхоз, комсомол, госхоз, вуз* и т. д.). Объединение в преде-

лах одного структурного целого полных основ приводит к появлению сложных слов, объединение в одной лексической единице сокращенных основ — к появлению сложносокращенных слов. Последние известны лишь в сфере категории имен существительных, сложные слова по своим лексико-грамматическим свойствам являются более разнообразными.

Сложение полных основ происходит, как правило, с помощью соединительных гласных *о, е*, сложение сокращенных основ — без них. Удвоение, или повтор, т. е. сложение в одно словесное целое одних и тех же основ, в современном русском языке используется только для производства образований, обозначающих высшую степень того, что выражается соответствующим производящим словом, напр.: *только-только, очень-очень, черный-черный, ходил-ходил, пишу-пишу, тихо-тихо, больно-больно* и т. д. Такая редупликация в ряде случаев может одновременно сопровождаться префиксацией или суффиксацией, ср.: *злой-презлой, дурак-дураком.*

Переходный между сложными и сложносокращенными словами тип образуют слова, которые возникли путем сложения сокращенной и полной основы. Его образуют (подобно сложносокращенным словам) только имена существительные, напр.: *партбилет, автостанция, медсестра, пластмасса, агитпункт* и т. д.

Слова, образованные сложением, следует отличать, во-первых, от слов, образованных путем аффиксации, а во-вторых, от слов, представляющих собой сращение словосочетания в одно слово.

Не всякое слово, имеющее в своем составе два корня или больше, будет словом, образованным путем сложения. Рядом со сложными словами наблюдаются слова, произведенные от сложных путем прибавления того или иного аффикса. Например, слова *водопроводчик, коневодческий, разноголосица* не сложные по своему образованию, как можно подумать, имея в виду наличие в их составе двух самостоятельных корней, а суффиксальные; они только образованы от сложных слов *водопровод, коневод, разноголосый* + суффиксы *-чик, -ческ(ий),-иц(а).*

Сложение как один из способов морфологического словообразования не является одинаково продуктивным в пополнении словаря русского языка различными категориями слов. Например, новые глаголы этим способом в современном русском языке совершенно не образуются.

Напротив, сложение чрезвычайно продуктивно в образовании имен существительных и прилагательных.

В пределах рассматриваемого способа следует различать чистое сложение и сложение основ с одновременной суффиксацией (в последнем случае слова возникают в результате объединения двух основ с одновременной суффиксацией опорной основы: *редколесье, черноморец* и др.).

Аффиксация и ее разновидности. Аффиксация — это создание нового слова посредством присоединения к основе образующего слова или к слову в целом тех или иных аффиксов. Аффиксальный способ словопроизводства является самым продуктивным и богатым видом морфологического словопроизводства.

В зависимости от того, какие словообразовательные элементы участвуют в образовании слова и как они присоединяются к образующей основе, в аффиксации выделяются три разновидности — суффиксальный, префиксальный и суффиксально-префиксальный способ словопроизводства. Наиболее продуктивной разновидностью является суффиксальный способ, характерный для всех категорий полнозначных слов, активно пополняющихся новыми лексическими единицами.

Различие между отдельными разновидностями аффиксации наблюдается и в способе производства слов при их помощи: при суффиксальном способе новое слово образуется от основы слова, при префиксальном — от основы слова, при суффиксально-префиксальном — от основы слова (имена существительные и имена прилагательные) и от целого слова (глаголы).

Анализируя то или иное слово со словообразовательной точки зрения, особенно важно строго разграничивать эти разновидности аффиксации, которые различаются между собой возможностью образования новых слов с точки зрения чисто грамматической. При помощи префиксального способа образуются слова только того же грамматического класса. Это же может быть отмечено и для суффиксально-префиксального способа образования слов от глаголов. При помощи же суффиксально-префиксального способа от имен и при помощи суффиксации возможно образование слов и иного грамматического класса.

Суффиксальным способом словопроизводства называется образование нового слова посредством присоединения к образующей основе какого-нибудь суффикса.

Под префиксальным способом понимается образование нового слова путем прибавления к целому производящему слову какого-нибудь префикса.

Суффиксально-префиксальный способ словопроизводства — это производство нового слова (от образующей основы или образующего слова в целом) путем присоединения целостного морфемного комплекса, состоящего из приставки и суффикса. Последний можно назвать циркумфиксом, поскольку он как бы окружает исходную основу или слово.

Слова *возникновение, убедительно, антиобщественный, отнести, пасынок, прилуниться* образованы путем аффиксации; но *возникновение, убедительно* — посредством суффиксов (*возникновение* — от глагола *возникнуть* с помощью суффикса *-ениj-; убедительно* — от прилагательного *убедительный* посредством суффикса *-о*); *антиобщественный, отнести* — соответственно посредством приставок *анти-* и *-от* (от слов *общественный* и *нести*); *пасынок, прилуниться* — посредством суффиксально-префиксального способа словообразования (от слов *сын* и *луна*).

Как правило, к суффиксально-префиксальному способу словопроизводства относят также производство новых слов путем суффиксации предложно-падежной формы или сочетания с отрицанием, в которых предлог и отрицательная частица в процессе словообразования превращаются в приставку, напр.: *заречье,* образованное с помощью суффикса *-j-* от за *рекой; подоконник*, образованное с помощью суффикса *-ник* от *под окном*; *досрочный*, образованное с помощью суффикса *-н* от *до срока*; *неистребимый*, образованное с помощью суффикса *-м-* от *не истребить,* и т. д. В таких случаях имеют в виду прежде всего морфемный состав производного слова, но не реальный способ деривации, посредством которого оно создано.

Правильнее и логичнее такие образования отграничивать от слов, представляющих собой лексические единицы суффиксально-префиксальной структуры в полном смысле этого слова, напр.: *соцветие, созвездие, по-комсомольски, по-хорошему, заземлить, обезболить* и т. п.

Безаффиксный способ. Среди других типов морфологического способа словопроизводства безаффиксный способ является наименее действенным и распространенным: с его помощью образуются (и то слабо) только имена существительные. Безаффиксный способ словопроизводства можно определить как способ производства слов, когда образующая основа без добавления каких-либо аффиксов становится основой имени существительного (иногда с отсечением конечных звуков).

В качестве образующих основ при этом способе словопроизводства могут выступать лишь основы глаголов и прилагательных. Трансформация основ глаголов и прилагательных в основы имен существительных с помощью безаффиксного способа иногда сопровождается тем или иным фонетическим переоформлением (изменением конечного согласного, переносом ударения).

Продуктивным безаффиксный способ словопроизводства в современном русском языке выступает лишь в образовании существительных мужского рода от префиксальных глаголов, не являющихся явно отыменными, напр.: *разбег* от *разбегаться, присед* от *приседать, обжиг* от *обжигать, взрыв* от *взрывать, прогул* от *прогулять, обогрев* от *обогревать, отлов* от *отловить, заплыв* от *заплывать, накал* от *накаливать, причал* от *причалить, прицеп* от *прицепить* и т. д. В образовании существительных женского рода от прилагательных и глаголов и существительных мужского рода от бесприставочных глаголов в настоящее время он непродуктивен, напр.: *бездарь, рвань, удаль, гниль, перекись, прорезь, нажива, перемена* и т. п.

Аббревиация. Аббревиация представляет собой образование новых слов с помощью чистого сокращения. В целом она является для русского языка непродуктивной и ограничена в своем действии одной лишь сферой имен существительных. С помощью аббревиации существительные образуются сейчас от существительных и субстантивных фразеологизмов. Все слова такого рода появляются как вариантные и первоначально стилистически ограниченные образования от полных слов и оборотов.

В качестве примеров исконно русских сокращенных слов можно привести, в частности, существительные *Питер* (Петербург), *унтер* (унтер-офицер), *баки* (бакенбарды), *псих* (психопат), *спец* (специалист), *зам* (замести-

тель), *домоуправ* (домоуправляющий), *зав* (заведующий), *неуд* (неудовлетворительно), *актив* (активные члены), *Каспий* (Каспийское море), *Октябрь* (Октябрьская революция), *контра* (контрреволюционер), *член-кор* (член-корреспондент).

Образование новых слов с помощью аббревиации может происходить не только в результате сокращения конца слова (см. приведенные выше примеры), но и в результате опущения его начала или середины. Так, в результате сокращения начала слова у существительных *пионервожатый, хлебозаготовки* возникли существительные *вожатый, заготовки*; в результате сокращения середины слов *радиостанция, микроавтобус* — существительные *рация, микробус* и др. Однако такого рода случаи встречаются в русском языке значительно реже, нежели финальное сокращение.

Естественно, что в качестве сокращенного слово осознается лишь до тех пор, пока в языке существует полное слово (или оборот), от которого оно образовалось. В противном случае оно начинает функционировать как обычная, несокращенная лексическая единица.

В качестве особого способа словопроизводства аббревиация выступает как произвольное и независимое от структуры производящего слова сокращение его фонетического состава с последующим оформлением остаточной части в синонимическое имя существительное.

От сокращенных слов, возникших на базе полных наименований в русском языке, следует отграничивать сокращенные слова, заимствованные из других языковых систем. Так, было бы неправильным считать русскими сокращениями существительных *национал-социалист, килограмм, метрополитен, бригантина, автомобиль, синематограф* слова *наци, кило, метро, бриг, авто, кино*, пришедшие к нам из западноевропейских языков. В данном случае процесс аббревиации произошел уже в языке-источнике.

Сложносокращенные слова (аббревиатуры). Сокращенные слова нельзя смешивать со сложносокращенными словами. Аббревиация и сложение сокращенных основ — принципиально различные способы словопроизводства. Если с помощью аббревиации сокращенные слова образуются путем простого сокращения слова или фразеологического оборота до определенного звукового комплекса на

согласную, который сразу вводится в систему склоняемых существительных мужского рода, то сложносокращенные слова образуются посредством сложения и выступают как сложные слова, правда особого рода, поскольку при их образовании слагаются не полные основы, а сокращенные.

Именно поэтому нельзя толковать как сокращенные слова аббревиатуры типа *га* (гектар), *ТЭЦ* (теплоэлектроцентраль) и т. п.: элементы этих лексических единиц являются не условными представителями исходных целых, а передают составляющие их составные части: *г — гект-, а — -ар; т — тепло-, э — -электро-, ц — -централь.*

Редеривация. Особый вид морфологического словопроизводства составляет редеривация — обратное словопроизводство. Под этим следует понимать такое словопроизводство, посредством которого новое слово образуется от существующего не в виде производного, а в виде производящего. Тем самым возникшая благодаря обратному словопроизводству лексическая единица выступает по отношению к слову, на основе которого она появилась, как нечто более простое по структуре.

Характерными явлениями, сопровождающими анализируемый вид морфологического словопроизводства, можно считать усложнение основы исходного слова и возникновение инверсивных по своему характеру словообразовательных связей между действительно образующими и вновь возникшими словами, а также этимологическое переосмысление исходной лексической единицы по аналогии.

Последнее приводит к тому, что путем обратного словопроизводства возникают такие слова и основы, которые этимологически «незаконны».

Чаще всего при редеривации происходит отождествление конечного звукового отрезка производящего слова с суффиксом того слова, которое выступает в качестве второго члена словообразовательного квадрата.

Однако редеривация может происходить как в результате народно-этимологического отождествления начального звукового отрезка производящего слова с приставкой слова, которое кажется одноструктурным, так и в силу народно-этимологического приравнивания морфемного состава производящего слова к сложному. Такие случаи наблюдаются значительно реже, но они все же встречаются.

С помощью редеривации возникли, в частности, такие слова, как *зонт* (от *зонтик*), *фляга* (от *фляжка*), *трудоустроить* (от *трудоустройство*), *сыроега* (от *сыроежка*) и др.

Одним из обратных образований было, например, и слово *вдохновить*, возникшее как нововведение 20-х гг. XIX в. на базе слов *вдохновение, вдохновенный* по модели *возвышения, возвышенный — возвысить; выражение, выраженный — выразить* и т. д.

Недавнее производное, появившееся в результате редеривации на базе женского коррелята *доярка*, представляет собой существительное *дояр*. Это слово отмечается впервые в газете «Правда» (1957, № 32).

Особенно ярко и наглядно существование редеривации проявляется в фактах создания с ее помощью новых лексических единиц, как уже употребляющихся в языке, так и находящихся за пределами языкового стандарта. Примеры недавних обратных образований общеупотребительного характера выше уже приводились *(трудоустроить, дояр)*. Примером недавних обратных образований, являющихся стилистическими неологизмами, может служить созданное Ю. Нагибиным индивидуально-художественное название лица мужского пола, соотносительное слову *русалка* в переносном смысле: *И мы увидели его, старого русала, барахтающегося в воде близ гранитных ступенек.* Путем редеривации от существительного *тарелка* было образовано А. Вознесенским и слово *тарел*. Ср. также: *нянь* — от *няня* (Маяковский), *нимф* — от *нимфа* (Ильф и Петров) и др.[1]

---

[1] Подробнее о лексической деривации в русском языке советской эпохи см.: *Шанский Н. М.* Слова, рожденные Октябрем. М., 1980.

Морфология

Морфология (от греч. morphe «форма» и logos «учение») — это грамматическое учение о слове.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА

§ 1. Грамматические значения слова. Семантика слова включает лексические и грамматические значения.

Лексическое значение слова — индивидуальный смысловой признак, отличающий его от других слов. Грамматические значения характерны для целого класса слов. Так, значение женского рода именительного падежа единственного числа объединяет слова *лампа, вода, рыба, комната, книга, роща, русалка, зима, девушка*, которые обозначают разнообразные предметы и не имеют общих смысловых элементов в своих лексических значениях. Ряд этот включает большое число слов.

Слова *бегу, лечу, прочту, подниму, пишу, прыгну* обозначают разные процессы, но все они выражают грамматическое значение 1-го лица единственного числа.

Таким образом, грамматическое значение представляет собой абстрактное значение, отвлеченное от конкретного лексического содержания слова и присущее целому классу слов.

В отличие от лексического значения грамматические значения не являются индивидуальными, одиночными. Одно грамматическое значение обязательно предполагает наличие другого (или других), однородного и соотносительного с ним. Например, значение единственного числа предполагает множественное число *(птица — птицы, наш — наши)*; значение несовершенного вида выступает

в паре со значением совершенного вида *(снять — снимать, принять — принимать)* и т. д.

Грамматические значения не изолированы от лексических значений слов. Они как бы наслаиваются на лексические (реальные, вещественные) и категориальные значения слов и опираются на них. Поэтому нередко их называют сопутствующими. Так, грамматические значения рода, числа и падежа в существительном *книга* сопутствуют его лексическому и предметному значению; грамматическое значение 3-го лица единственного числа несовершенного вида в глаголе *рисует* базируется на его лексическом и процессуальном значении.

§ 2. Способы выражения грамматических значений слова. По своему грамматическому строю русский язык относится к языкам флективным с элементами аналитизма. Поэтому большинство грамматических значений выражается в нем синтетическим способом — при помощи средств, входящих в структуру слова, находящихся в самом слове. К таким средствам относятся окончания, формообразующие суффиксы, префиксы, чередование звуков, ударение.

Некоторые грамматические значения выражаются аналитическим способом — при помощи средств, не входящих в структуру слова, а находящихся вне самого слова.

С помощью вспомогательных слов образуются аналитические формы слова. Такие формы слова состоят из двух компонентов: один компонент — основной — является носителем лексического значения слова, а другой — вспомогательный — служит для выражения грамматического значения слова. Так, в аналитической форме *буду читать* лексическое значение слова выражает основной компонент *читать*, а грамматическое значение будущего времени и 1-го лица единственного числа — вспомогательный компонент *буду*.

Часто грамматические значения одного и того же слова выражаются и синтетически, и аналитически. Так, глагол *петь* синтетически выражает значения лица и числа в настоящем времени *(пою, поешь, поет, поем...)*, значения рода и числа в прошедшем времени *(пел□, пела, пели)*, а значения будущего времени и сослагательного наклонения передает аналитически *(буду петь, пел бы)*.

К аналитическому способу относятся все случаи выражения грамматических значений при помощи синтак-

сических средств, т. е. средствами контекста, окружающих слов, напр.: *Красивое кашне закрывало его шею.* Значение среднего рода неизменяемого слова *кашне* выражено употреблением прилагательного *красивое* и глагола *закрывало* в форме среднего рода. Сюда же: *черный кофе, горячее какао, красивый кенгуру, черное пальто; Пальто было новое.*

При помощи контекстуальных средств дифференцируются значения мужского и женского рода существительных общего рода, ср.: *Пришла твоя любимая Женя — Пришел твой любимый Женя. Он такой неряха — Она такая неряха.*

Некоторые слова выражают отдельные грамматические значения супплетивным способом — при помощи форм, имеющих разные корни, напр.: *человек* (ед. ч.) — *люди* (мн. ч.), *говорить* (несов. в.) — *сказать* (сов. в.), *ловить* (несов. в.) — *поймать* (сов. в.), *плохой — хуже* (сравн. ст.), *хороший — лучше* (сравн. ст.), *иду — шел* (прош. вр.). Сюда же: *доложить — докладывать, приложить — прикладывать* (ср.: *прилагать*) и т. п. Итак, в парадигме одного слова объединяются его синтетические, аналитические и супплетивные грамматические формы.

§ 3. Средства выражения грамматических значений слова. В морфологии русского языка грамматические значения выражаются при помощи различных средств (грамматических показателей) — окончаний, формообразующих суффиксов и префиксов, ударения, чередования звуков, предлогов, интонации, вспомогательных слов.

С помощью окончания выражаются:

1) значения рода, числа и падежа имен существительных, прилагательных, причастий, местоимений: *наш-а школ-а, наш-ей школ-ы, наш-у школ-у; голуб-ое неб-о, голуб-ого неб-а; летящ-ая птиц-а, летящ-ей птиц-ы, летящ-ей птиц-е;*

2) значение падежа числительных: *дв-а, дв-ух, дв-ум, дв-умя; пять-□, пят-и, пять-ю*;

3) значения лица, числа и рода (в прошедшем времени и сослагательном наклонении) глаголов: *сиж-у, сид-ишь, сид-ит; сидел-□, сидел-а, сидел-о, сидел-и бы.*

Одно окончание может выражать: 1) только одно грамматическое значение: *тр-и, тр-ех* (значение падежа); *читал-и, писал-и* (значение числа); 2) два грамматических значения: *читал-□, читал-а* (значения рода и чис-

ла); *чернил-а, чернил-ами* (значения числа и падежа); 3) три грамматических значения: *рыж-ая лис-а, высок-ий дом-*□ (значения рода, числа и падежа).

Суффиксальным путем образуются:

1) форма прошедшего времени глагола: *дума-л, виде-л*;

2) формы видов: *создать* (сов. в.) — *создавать* (несов. в.);

3) формы сравнительной и превосходной степени прилагательных: *белый — бел-ее, низкий — ниж-е; редкий — редч-айш-ий, милый — мил-ейш-ий.*

В некоторых разрядах имен существительных суффикс совместно с окончанием выражает значение множественного числа: *муж — мужь-j-а, зять — зять-j-а, сват — свать-j-а, брат — брать-j-а.* В существительных, обозначающих детей и детенышей животных, значение единственного числа передается при помощи суффикса *-онок(-ёнок)* и нулевого окончания, а множественное число выражается при помощи суффикса *-ат-(-ят-)* и окончания *-а*, напр.: *ягненок — ягнята, зайчонок — зайчата.* То же в словах, обозначающих грибы: *опенок — опята, масленок — маслята.*

Префиксальным путем образуются:

1) формы превосходной степени прилагательных: *лучший — наи-лучший, высший — наи-высший*;

2) формы совершенного вида глаголов: *писать — на-писать (письмо), чертить — на-чертить (таблицу).*

Ударение как грамматическое средство обычно выступает совместно с аффиксами — сопровождает аффиксацию. При аффиксальном образовании форм слов одновременно происходит перемещение ударения, ср.: *созда́ть — созда-ва́-ть, доказа́ть — дока́з-ыва-ть.* Самостоятельно (без других средств) ударение редко выражает грамматические значения. При помощи ударения различаются, например:

1) формы родительного падежа единственного числа и именительного падежа множественного числа существительных: *де́ла (нет)* и *дела́ (идут хорошо), окна́ (нет)* и *о́кна (выходят на улицу)*;

2) формы видов: *насы́пать — насыпа́ть, разре́зать — разреза́ть.*

Как и ударение, чередование звуков обычно является лишь дополнительным средством различения грамматических значений. Оно сопровождает аффиксацию. Например, чередование звуков наблюдается при

суффиксальном образовании видовых форм глаголов: *освет-и-ть — освещ-а-ть (т/щ), охлад-и-ть — охлажд-а-ть (д/жд), обработ-а-ть — обрабат-ыва-ть (о/а).*

Предлоги широко используются для выражения падежных значений имен существительных, числительных и местоимений. При этом они выступают обычно вместе с окончаниями (материально выраженными и нулевыми): *у дом-а, до дом-а, к дом-у, о дом-е, на дом-□, в дом-□, в дом-е, за дом-ом.* При неизменяемых существительных предлоги выражают падежные значения самостоятельно (без окончаний). Однако в таких случаях в выражении падежных значений участвует не только предлог, но и управляющее слово, вся модель словосочетания: *зайти (куда?) в купе — сидеть (где?) в купе, пойти в ателье — работать в ателье.* С помощью управления выражено падежное значение существительного в предложении *Я доволен (чем?) пальто* (тв. п.). Ср. также сочетания с другими предлогами: *положить под пальто* (в. п.) — *лежать под пальто* (тв. п.).

В морфологии грамматические значения могут выражаться и при помощи интонации. Активную роль играет интонация в передаче разнообразных оттенков значения повелительного наклонения, ср.: *Сиди! Не шевелись! Не упади! Встань! Сядь! Встать! Молчать! Читай!* Однако основная область применения интонации для выражения грамматических значений — синтаксис.

В выражении различных грамматических значений участвуют так называемые вспомогательные слова, т. е. слова, не обладающие своим лексическим значением. Они обслуживают грамматические потребности лексически полноценных (полнозначных) слов. Сюда относятся прежде всего некоторые частицы: *пусть (пускай), да, бы.* Их принято называть формообразующими. Частицы *пусть (пускай), да* образуют формы повелительного наклонения, напр.: *Пусть сильнее грянет буря!* (Горький). *Да здравствует труд!* Частица *бы* выражает значение сослагательного наклонения: *отдохнул бы, поспал бы.* С помощью вспомогательных слов образуются:

1) формы будущего сложного времени глаголов: *буду стараться, будешь читать, будем отдыхать*;

2) формы сравнительной и превосходной степени прилагательных и наречий: *более чистый, менее чистый, самый чистый, самый красивый, наиболее чистый, наименее подходящий.*

§ 4. Грамматическая форма. Формы слова (грамматические формы слова, просто грамматические формы) — это морфологические разновидности (видоизменения) одного и того же слова, тождественные лексически и противопоставленные одна другой по своим грамматическим значениям. Так, *пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, писал, буду писать, пиши* и т. д.— формы глагола *писать*. Они имеют одно и то же лексическое значение, обозначают один и тот же процесс (действие), но отличаются друг от друга грамматическими значениями. Форма *пишу* выражает значение 1-го лица единственного числа настоящего времени несовершенного вида. Формы *пишешь, пишет* ей противопоставлены значением 2-го и 3-го лица. Остальные значения у всех трех форм совпадают. Форма *пишем* противопоставлена им значением множественного числа. Она противопоставлена и форме *пишете* (которая также выражает значение множественного числа), но уже значением лица: *пишем* — форма со значением 1-го лица, а *пишете* — 2-го лица. Каждая грамматическая форма противопоставлена любой другой форме слова своим грамматическим значением (или своими грамматическими значениями). При этом противопоставление по грамматическому значению всегда выражается формально — при помощи окончаний или формообразующих аффиксов. Лексическое тождество выражается в общности основ, к которым присоединяются окончания и формообразующие аффиксы.

Каждую грамматическую форму слова называют также словоформой. Словоформа — это конкретный «представитель» слова в предложении.

Таким образом, слово (лексема) — это совокупность грамматических форм, или словоформ. Например, в состав форм существительного *река* входят *река, реки́, (к) реке, реку, рекой, (о) реке, ре́ки, рек, рекам, реками, (о) реках*. Грамматическими формами прилагательного *белый* являются *белый, белого, белому, белым, белом, белая, белой, белое, белые, белых, белым, белыми* и др. Сюда же относятся краткие формы *(бел, бела, бело, белы)*, степени сравнения (*белее, самый белый* и др.).

Не все слова имеют такой богатый набор словоформ. Например, числительное *сорок* имеет две омонимические словоформы: *сорок* — для выражения значений именительного и винительного падежа и *сорока* — для выражения значений остальных падежей.

Упорядоченная совокупность (или система) грамматических форм слова называется парадигмой.

В связи с тем что термин «парадигма» употребляется и в словообразовании (словообразовательная парадигма), точнее называть ее словоизменительной парадигмой. Парадигму имеют только изменяемые слова.

§ 5. Грамматическая категория. Грамматические значения, находящиеся в отношениях оппозиции (противопоставления), составляют грамматическую категорию. Грамматическая категория — двусторонняя единица морфологической системы языка, которая имеет план содержания (обладает своей семантикой) и план выражения (обладает своими внешними показателями, формами, при помощи которых выражается эта семантика).

С точки зрения семантической каждая грамматическая категория характеризуется тем, что представляет собой набор однородных грамматических значений, т. е. состоит из двух или более частных значений. Так, общее значение категории числа имен прилагательных состоит из двух частных значений — значения единственного числа и значения множественного числа; общее значение категории рода имен существительных включает три частных значения — значение мужского рода, значение женского рода и значение среднего рода; общее значение категории времени членится на три частных значения — значения прошедшего, настоящего и будущего времени; общая семантика падежа имен существительных включает частные значения шести падежей.

С точки зрения формальной грамматическая категория представляет собой набор грамматических форм, служащих для выражения частных грамматических значений. Так, значение единственного числа имен прилагательных выражается формами *белый, белого... белая, белой... белое, белого... белом*, а значение множественного числа — формами *белые, белых, белым... (о) белых.*

Грамматические категории отличаются одна от другой не только по характеру оппозиций, но и по количеству противопоставляемых членов. Например, грамматическая категория числа имен существительных состоит из двух членов и образует только одну оппозицию, грамматическая категория времени глагола состоит из трех членов

и образует две оппозиции. Самое большое число членов в русском языке имеет категория падежа — шесть.

Грамматические категории принадлежат частям речи и в значительной степени определяют их специфику в каждом языке. Так, в русском языке существительные и прилагательные имеют категории рода, числа и падежа, каждая из которых проявляется в них по-разному; именам числительным в целом присуща лишь категория падежа.

§ 6. Части речи как грамматические классы слов. Принципы классификации частей речи. Под классифицирующим значением принято понимать общее значение слов каждой части речи. Например, у имен существительных это значение предметности, у прилагательных — признака, у глаголов — процесса и т. д. Эти значения отличают слова одной части речи от другой, поэтому они используются для распределения слов по классам (частям речи). Поскольку части речи — это категории слов, классифицирующее значение еще называют категориальным значением.

В отличие от лексического значения, которое принадлежит только одному конкретному слову и является его индивидуальным семантическим признаком, классифицирующее значение представляет собой обобщенное значение целой части речи, отвлеченное от конкретной семантики слов. Так, имена прилагательные *белый, розовый, черный* обозначают цвет; *сердитый, добрый, злой* — психические свойства человека; *верхний, нижний, внутренний* — пространственные отношения; *утренний, вечерний, ранний, поздний* — временные отношения. Наряду с этим все приведенные прилагательные обозначают признак предмета: *белый снег, добрый человек, раннее утро.*

К морфологическим признакам, используемым при классификации слов на части речи, относятся: 1) изменяемость/неизменяемость слов, тип и особенности их изменения (склонение, спряжение); 2) набор грамматических категорий слов и их специфика.

В русском языке имеются слова изменяемые и неизменяемые. К изменяемым относятся имена существительные, прилагательные, причастия, числительные, местоимения, глаголы. Неизменяемыми являются наречия, деепричастия, категория состояния, служебные слова, модальные слова, междометия, звукоподражания. В составе некоторых изменяемых частей речи имеются отдельные группы неизменяемых слов. Например, среди

имен существительных выделяется значительная группа так называемых несклоняемых слов: *такси, па-де-де, па-де-труа, цунами, Миссисипи.* Не склоняются отдельные имена прилагательные: *коми язык, костюм цвета хаки.* Изменяемые слова отличаются типом изменения — одни склоняются, другие спрягаются. Не одинаковы парадигмы склонения различных частей речи.

Каждая часть речи имеет свой собственный комплекс грамматических категорий, характеризующихся своим специфическим содержанием.

К синтаксическим свойствам частей речи относятся: 1) способы связи их с другими словами; 2) синтаксические функции.

Различные части речи имеют разную сочетаемость с другими словами, обладают разными способами синтаксической связи с другими словами. Так, никогда не сочетаются между собой причастие и прилагательное. Прилагательное не образует словосочетаний и с глаголом. Не сочетаются предлог и прилагательное, предлог и наречие. Зато предлоги широко и свободно сочетаются с существительными и отдельными разрядами местоимений и числительных.

У слов каждой части речи есть свои типичные синтаксические функции. Так, имена существительные чаще всего употребляются в функции подлежащего или дополнения. Имена прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные выполняют роль определения. Не выполняют функций членов предложения, например, модальные и служебные слова.

При классификации частей речи необходимо учитывать все признаки слов: классифицирующее (категориальное) значение, морфологические и синтаксические свойства. Это особенно важно при определении границ частей речи и изучении омонимов, относящихся к разным частям речи. Например, комплексный подход нужен при определении, к какой части речи относятся выделенные слова в предложениях *Тепло сменилось холодом. Мы с ним тепло попрощались. В доме тепло.* В первом предложении слово *тепло* является существительным. Об этом свидетельствуют: 1) его классифицирующее (предметное) значение; 2) морфологические признаки (наличие у него грамматических категорий рода, числа и падежа), их синтаксическая независимость (грамматические значения среднего рода и единственного числа выражены в со-

гласовании с глаголом *сменилось*, а значение именительного падежа выражено позицией подлежащего); 3) синтаксическая функция (употреблено в роли подлежащего). В предложении *Мы с ним тепло попрощались* слово *тепло* — наречие: оно обозначает признак действия, не склоняется, примыкает к глаголу *попрощались*, является обстоятельством *(как попрощались?)*. В третьем предложении слово *тепло* — категория состояния: обозначает состояние среды, управляет формой предложного падежа *(в доме)*, является сказуемым безличного предложения.

§ 7. Система частей речи в русском языке. Среди частей речи принято различать слова знаменательные (самостоятельные) и служебные (несамостоятельные).

К знаменательным (полнозначным, самостоятельным) словам относятся: имена существительные, имена прилагательные, имена числительные, местоимения, глаголы, причастия, деепричастия, наречия, категория состояния. Они имеют ряд важнейших особенностей: 1) отражают в себе различные явления объективной действительности (предметы и их качества, процессы, состояния и т. д.), обладают номинативной (назывной) функцией; 2) являются членами предложения.

К служебным словам относятся предлоги, союзы, частицы. Они не имеют самостоятельной номинативной функции, не являются членами предложения и выполняют лишь служебную роль — как бы «обслуживают» самостоятельные слова, удовлетворяя их грамматические потребности.

Особняком стоят в системе частей речи модальные слова, междометия и звукоподражания.

ЧАСТИ РЕЧИ

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Имя существительное как часть речи. Имя существительное — это часть речи, которая обозначает предмет и выражает это значение в категориях рода, числа и падежа.

С семантической точки зрения слова, являющиеся именами существительными, чрезвычайно разнообразны: это и слова, обозначающие живые существа, конкретные предметы и явления объективной действительности *(свар-*

щик, сестра, лягушка, пол, кровать, колхоз, весна, дождь), и слова, обозначающие разнообразные отвлеченные понятия, в том числе качества и свойства, действия и состояния *(синева, прыжок, совершенствование)*, однако все они имеют общее — предметное значение.

Качество или свойство в существительном выражено самостоятельно, в отвлечении от того предмета или явления, которым оно присуще, ср.: *прямой (прямой путь, прямая линия)* и *прямизна, внимательный (внимательная студентка, внимательное отношение)* и *внимательность*. Действие или состояние в существительном также выражено абстрактно, всегда в отвлечении от производителя и вне протекания во времени, ср.: *мечтать, мечтаю, мечтал, будешь мечтать* и *мечта; ходил, ходите, ходил бы* и *ходьба, хождение*.

Любое существительное, за исключением употребляющихся только во множественном числе, обязательно относится к одному из трех родов, т. е. является или словом мужского *(октябрь, космос, ключ)*, или словом женского *(вода, земля, помощь)*, или словом среднего рода *(искусство, резюме, открытие)*. Каждое существительное представляет собой или форму единственного *(товарищ, песня, детвора, чтение)*, или форму множественного числа *(товарищи, песни, щипцы, сутки)*.

Синтаксически для имен существительных наиболее характерным является употребление в предложении прежде всего в качестве подлежащих и дополнений (хотя они могут выступать и как определения и обстоятельства), а также способность определяться именами прилагательными, которые в этом случае согласуются с ними в роде, числе, падеже. В зависимости от того, в функции какого члена предложения выступают существительные, они употребляются в разных падежах, которые наряду с предлогами являются как бы показателями их синтаксических свойств.

Особыми, специфическими чертами выделяется существительное как часть речи и с точки зрения словообразовательной.

§ 2. Лексико-грамматические разряды имен существительных. По смысловому значению и связанными с ним особенностями в проявлении грамматических категорий выделяется несколько разрядов имен существительных: существительные нарицательные и собственные, одушев-

ленные и неодушевленные, собирательные, вещественные, конкретные и отвлеченные.

В зависимости от того, что слово обозначает — индивидуальный предмет или предмет как представитель целого класса, все существительные делятся на собственные и нарицательные.

Подавляющее большинство существительных принадлежит к нарицательным именам, являющимся обобщенными наименованиями однородных предметов: *человек, город, фамилия.* Значительно меньшую часть составляют имена собственные, которые представляют собой названия единичных предметов, выделяемых из ряда однородных: *Святослав, Онегин, Волга, Сибирь, Вайгач, Крит.*

Различие между нарицательными и собственными существительными является не только семантическим. Они отличаются друг от друга до некоторой степени и в грамматическом отношении, именно в использовании форм числа. В отличие от нарицательных существительных имена собственные, имеющие форму единственного числа, во множественном числе, как правило, не употребляются, хотя в некоторых случаях множественное число от них и возможно, ср.: *имя — имена, город — города, озеро — озера* и только *Волга, Ленинград, Байкал.* Употребленные во множественном числе (за исключением тех, которые имеют форму только множественного числа: *Бронницы, Альпы, Озера*), имена собственные являются обозначениями или разных лиц и предметов, имеющих общую черту *(хлестаковы, маниловы, уолл-стриты),* или разных лиц и предметов, одинаково называющихся *(Шуй в Европейской части СССР несколько; пять Борисов; Кузнецовых оказалось много),* или, наконец, лиц, находящихся между собой в родственных отношениях *(Иван и Константин Аксаковы; Ивановы жили дружно).*

Граница, отделяющая эти два разряда имен существительных, является довольно подвижной: имена собственные при использовании их для обобщенного наименования однородных предметов очень легко становятся нарицательными *(макинтош, ом, дизель, август, хулиган);* имена нарицательные при использовании их в качестве простого названия или личного имени не менее свободно превращаются в имена собственные (*Орел, Октябрь, Шарик, Городец* (раньше буквально «городок»), *Шуя* (раньше буквально «левая»), *Шахты*).

В том случае, если нарицательное существительное, дав новое собственное существительное, а собственное — новое нарицательное, одновременно продолжают употребляться и в своих старых значениях, возникают слова-омонимы. Такими, например, являются: *Бостон* и *бостон, Шарик* и *шарик, Грозный* и *грозный, Запад* и *запад, Ампер* и *ампер.*

Семантико-грамматическое различие между собственными и нарицательными существительными подкреплено графически: имена собственные, в отличие от имен нарицательных, в русском языке всегда пишутся с прописной буквы.

Все имена существительные, как нарицательные, так и собственные, в зависимости от того, обозначают ли они одушевленные предметы или являются наименованиями неодушевленных предметов, делятся на одушевленные и неодушевленные.

Существительные одушевленные представляют собой, как правило, наименования живых существ, т. е. людей и животных, как единичных особей; существительные неодушевленные — наименования всех остальных предметов и явлений объективной действительности.

Следует отметить отсутствие полного совпадения органического (живого) и неорганического (неживого) в естественных науках, с одной стороны, и одушевленных и неодушевленных существительных в языке — с другой. Так, например, названия деревьев и растений [1], обозначения совокупностей лиц *(народ, войско, полк)* относятся к неодушевленным существительным, и, напротив, такие слова, как *ферзь, покойник, кукла, русалка,*—к существительным одушевленным.

Подавляющее большинство одушевленных существительных является словами или мужского, или женского рода. Из слов среднего рода к одушевленным существительным относятся лишь некоторые слова: единичные существительные, возникшие при помощи морфолого-синтаксического способа словообразования из прилагательных и причастий и калькирования *(животное, насекомое);* несколько слов с суффиксом *-ищ(е)* или его производны-

---

[1] Исключение составляют некоторые названия грибов, которые, правда непоследовательно, могут употребляться и как существительные одушевленные, ср.: *нашел рыжика, увидел подосиновика.*

ми *(чуд-ищ(е), чуд-овищ(е), страши-лищ(е))*; слова *дитя, существо* (в значении «живой организм»), *лицо* (в значении «человек») и некоторые другие.

Одушевленные существительные грамматически характеризуются тем, что имеют форму винительного падежа множественного числа, одинаковую с формой родительного падежа; у существительных неодушевленных эта форма совпадает с формой именительного падежа, ср.: *учить девочек, студентов; купить гусей, кроликов; ловить насекомых* и *учить уроки, купить книги, ловить бревна.* У одушевленных существительных мужского рода (исключая немногие имена на *-а*) форма винительного падежа единственного числа совпадает с формой родительного, ср.: *люблю брата, несет котенка* и *люблю университет, несет стол.*

Среди нарицательных неодушевленных существительных выделяется группа существительных собирательных.

Собирательные существительные представляют собой слова, обозначающие совокупность однородных единиц как неопределенное количество в виде неделимого целого, напр.: *студенчество, листва, генералитет* и т. д. Общее значение собирательности в существительных, таким образом, заключается в выражении ими в форме единственного числа не одного лица или предмета, а многих. Именно этим объясняется тот факт, что собирательные существительные являются соотносительными с формами множественного числа слов, обозначающих единичные лица и предметы: *генералитет — генералы, студенчество — студенты, листва — листья* и т. д. Выражая, как и формы множественного числа соответствующих обозначений однородных единиц, множественность в виде дифференцированного количества, состоящего из отдельных и самостоятельных единиц, поддающихся счету, собирательные существительные обозначают ее как одно неделимое целое, определить которое количественным числительным нельзя. Количественными определителями собирательных существительных могут быть лишь отдельные неопределенно-количественные слова и в некоторых случаях дробные числительные, ср.: *листва — мало листвы* и *лист — пять листьев, студенчество — четыре пятых студенчества* и *студент — сорок студентов.*

Множество в единстве, обозначаемое собирательными существительными, получает языковое выражение только

потому, что рядом с ними обязательно имеются соответствующие по значению образования, называющие единичные предметы или лица, напр.: *мошкара — мошка, мошки; дробь — дробинка, дробинки; воронье — ворон, вороны; тряпье — тряпка, тряпки.* Вне такой соотнесенности категория собирательности не существует.

От собирательных существительных следует строго отграничивать слова типа *куча, груда, созвездие, полк, труппа, комиссия, стая.* Их нельзя отнести к собирательным существительным в силу того, что в отличие от собирательных существительных та или иная совокупность, обозначаемая подобными словами, не имеет в себе никакого выраженного в языковых формах оттенка множественности. Именно этим объясняется то, что все эти слова, во-первых, свободно образуют формы множественного числа (ср.: *кучи, толпы, труппы, коллективы, ряды*), а во-вторых, могут без ограничений определяться как неопределенно-количественными словами и дробными числительными, так и числительными количественными (ср.: *два созвездия, три полка, десять куч, двадцать восемь трупп*).

С точки зрения словообразовательной собирательные существительные распадаются на две группы. Первую группу составляют слова, которые не имеют суффиксов и осознаются как образования, возникшие при помощи безаффиксного способа, напр.: *ветошь, дробь, заваль, нечисть, лом, знать.* Вторую группу составляют слова, образованные при помощи суффиксации (посредством суффиксов *-(е)ств(о), -ьё, -н(я), -от(а), -ур(а), -щин(а), -ат*, напр.: *учительство, старье, родня, пехота, аппаратура, военщина, пролетариат*), а также слова *молодежь, листва, детвора, мошкара, молодняк, кустарник* и т. п.

Разряд собирательных существительных является в настоящее время малопродуктивным и пополняется новыми словами очень слабо.

Среди нарицательных имен выделяются в е щ е с т в е н н ы е с у щ е с т в и т е л ь н ы е, которые представляют собой обозначения однородных по своему составу веществ. К ним принадлежат названия полезных ископаемых, металлов, минералов, химических элементов и соединений, сельскохозяйственных культур, овощей, ягод, тканей, пищевых продуктов, лекарств, растений, материалов, напр.: *глина, песок, нефть, сталь, золото, железо, янтарь, азот, кислород, горох, просо, картофель, капуста, крыжовник,*

бязь, шелк, вельвет, сливки, творог, чай, шоколад, говядина, крупа, аспирин, цемент, белила, известь, обои, солома, мох, крапива, лен.

Все эти слова обозначают такие вещества, которые делятся на части, обладающие всеми свойствами целого, поэтому, хотя и не могут быть подвергнуты счету, способны в общих чертах измеряться.

Грамматически вещественные существительные характеризуются тем, что имеют, как правило, форму только одного числа (большинство — форму единственного, меньшая часть — форму множественного) и не могут сочетаться с количественными числительными. Для некоторых вещественных существительных (именно для слов мужского рода) характерным грамматическим свойством является также наличие у них особой, имеющей количественное значение формы родительного падежа на *-у: кружка квасу, много винограду, два килограмма рису, чашка чаю, метр бархату.*

В словообразовательном отношении подавляющее большинство вещественных существительных представляет собой слова с непроизвольными основами, лишь немногие являются суффиксальными или суффиксально-префиксальными образованиями и содержат в своем составе суффиксы и приставки. Из последних особо следует отметить слова на *-ина,* являющиеся обозначениями мяса или рыбы, напр.: *баранина, осетрина,* и суффиксально-префиксальные образования типа *сливки, очистки.*

Лишь немногие из вещественных существительных (если это не слова, имеющие только форму множественного числа) могут иметь форму множественного числа. Употребляясь в форме множественного числа, такие существительные являются уже не простым обозначением однородного по составу вещества, а либо указывают его определенные виды и сорта (напр.: *животные жиры, смазочные масла, минеральные соли, высококачественные стали*), либо обозначают сплошную массу вещества (напр.: *мозги, грязи*), либо занимаемое им пространство (напр.: *овсы, пески*).

Собирательные и вещественные существительные как в смысловом, так и в грамматическом отношении противопоставлены конкретным существительным, обозначающим тот или иной предмет или лицо, взятые в отдельности.

Конкретные существительные как слова, называющие явления, подлежащие счету, свободно сочетаются с количественными числительными и, если не употребляются только во множественном числе, имеют формы как единственного, так и множественного числа, напр.: *пруд — пруды, три пруда; брат — братья, пять братьев; минута — минуты, сорок минут.*

Подавляющее большинство конкретных существительных не имеет соответствующих собирательных или вещественных, которые обозначали бы вещество или совокупность выражаемых конкретными существительными предметов или лиц как единое целое: *лес, дом, яблоня, лисица, тетрадь, окунь, машинист, доярка* и т. д.

Небольшую часть конкретных существительных образуют такие, которые имеют соотносительные им собирательные или вещественные существительные: *учитель — учительство, осетр— осетрина, соломина — солома, пушинка — пух* и т. д. Входящие в эту группу слова обозначают не просто единичные предметы и лица, а единичные предметы и лица, выделенные из массы вещества или совокупности однородных предметов и лиц.

Именно их и можно назвать единичными существительными, или сингулятивами.

В единичных существительных, соотносительных с собирательными именами, их особое сингулятивное значение получает языковое выражение обычно лишь в соотнесенности этих слов с однокорневыми собирательными. Собирательные существительные в этом случае являются словами, образованными от единичных имен, напр.: *буржуа — буржуазия, купец — купечество, брат — братва, чиновник — чиновничество.* Такое выражение сингулятивности характерно и для отдельных единичных существительных, соотносительных с производными от них вещественными существительными. Однако обычно в единичных существительных, соотносительных с вещественными именами, их особое сингулятивное значение находит выражение не только в соотнесенности этих слов с однокорневыми вещественными, но и в словообразовательной структуре — в наличии специфических суффиксов единичного предмета *-ин(а), -инк(а).* Вещественные существительные в этом случае являются, как правило, словами, от которых образуются при помощи суффиксов *-ин(а), -инк(а)* единичные, напр.: *песок — песчинка, сор — со-*

ринка, горох — горошина, лед — льдина, жемчуг — жемчужина.

Родственный этому суффиксу суффикс единичного лица *-ин* можно наблюдать и в отдельных сингулятивных, соотносительных с собирательными существительных, напр.: *крестьянство — крестьянин, дворянство — дворянин* и др.

Слова с сингулятивным суффиксом *-инк(а)* не следует смешивать с уменьшительно-ласкательными образованиями при помощи суффикса *-к(а)* от единичных существительных на *-ина.* Так, в словах *горошинка* (от *горошина), виноградинка* (от *виноградина)* имеется два суффикса — суффикс *-ин-* и суффикс *-к(а),* а в словах *крупинка, кровинка, икринка* один суффикс — *-инк(а).*

Конкретным существительным, и особенно входящему в них разряду единичных существительных, противополагаются существительные отвлеченные, или абстрактные, напр.: *социализм, энтузиазм, свобода, красота, прения, благо, движение.*

Отвлеченные существительные семантически представляют собой слова, выражающие те или иные абстрактные понятия или называющие отвлеченные свойства, качества, действия и состояния.

С грамматической точки зрения отвлеченные существительные характеризуются тем, что они, употребляясь в своем основном значении, обычно неспособны к образованию форм числа и к сочетанию с числительными. Подавляющее большинство абстрактных существительных, употребляясь или только в единственном (таких не менее 99 %), или только во множественном числе (таких очень немного), совершенно не могут иметь при себе каких-либо количественных определителей. Лишь некоторые из них обладают свойством определяться с количественной стороны неопределенно-количественными словами, напр.: *мало радости, много шуму, капельку любви, бездна премудрости.*

Способность образовывать формы числа, а в ряде случаев и определяться числительными некоторые абстрактные существительные приобретают лишь при большей или меньшей конкретизации их основного, по характеру очень отвлеченного значения, напр.: *пять опытов, семь бед — один ответ, большие успехи, детские шалости, ужасы войны, немало трудностей, судьбы человечества.*

Среди абстрактных существительных более всего слов с основами производного характера, образованных от прилагательных и глаголов. В числе такого рода слов особо следует отметить образования с продуктивными суффиксами *-ость, -ни(е), -ени(е), -к(а), -ств(о)* и его производными, *-изм, -аци(я)* и имена, возникшие путем сложения основ или слов.

Значительно меньшую часть составляют в разряде абстрактных существительных слова с непроизводной основой. Эти слова нередко рядом с основным абстрактным значением имеют и дополнительные — более или менее конкретные, поэтому чаще, чем какие-либо другие существительные, употребляются как в единственном, так и во множественном числе. Например, слова *боль, беда, обман, опыт, ум, нрав, вес, крик, победа, страх, мука, ужас, недуг, страсть* имеют формы множественного числа, а слова *горе, иго, быт, уют, лень, сушь, грусть, блеск, тоска, месть* форм множественного числа не имеют.

§ 3. Категория рода имен существительных. Род представляет собой одну из наиболее характерных грамматических категорий имен существительных в русском языке.

Все существительные, кроме употребляющихся только во множественном числе, всегда представляют собой слова определенного рода — или мужского *(сын, предмет, разбег, мусор, край, приятель, холод)*, или женского *(толпа, река, торжественность, мель, сосна, запись)*, или среднего *(животное, стремление, дупло, пари)*. Ни одно из существительных в единственном числе в русском языке не может быть вне категории рода. Она внутренне присуща существительным и является синтаксически не зависимой.

Слова разных родов отличаются друг от друга также рядом падежных окончаний (и прежде всего окончанием именительного падежа), словообразовательной структурой, а в определенной степени и специфическими особенностями с точки зрения лексико-семантической.

Распределение существительных по родам основано на различиях, связанных с естественным полом (ср.: *отец, красавец, учитель, волк, гусь* (м. р.) и *мать, красавица, учительница, волчица, гусыня* (ж. р.), однако не только на этом и проявляется не до конца последовательно. Так, отсутствуют указания на половые различия у многих названий животных, главным образом у тех, у которых

половые различия практического значения в хозяйстве не имеют (*коршун, змея, белка, носорог, мышь, щука* и др.), возможно употребление слов мужского рода типа *врач, товарищ, доцент* для обозначения лиц женского пола.

Принадлежность склоняемых существительных к тому или иному роду определяется в русском языке, как правило, морфологическими признаками.

К словам мужского рода относятся:

1) все существительные с основой на твердый согласный, кроме *ж, ш,* имеющие в именительном падеже единственного числа нулевое окончание: *дом, верх, признак, тигр, солдат;*

2) все существительные с основой на *й,* имеющие в именительном падеже единственного числа нулевое окончание: *май, Дунай, случай, соловей;*

3) все существительные с основой на *ж, ш* и мягкий согласный, имеющие в родительном падеже единственного числа окончание *-а(-я): нож, душ, писатель, ремень;*

4) существительные с суффиксами *-ищ(е), -ишк(о), -ишк(а),* образованные от имен мужского рода: *ножище, домишко, шалунишка;*

5) слово *путь;*

6) немногие существительные с окончанием *-а(-я)* в именительном падеже единственного числа, обозначающие лиц мужского пола: *дядя, юноша;*

7) слово *подмастерье.*

К словам женского рода относятся:

1) все существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-а(-я),* исключая немногие названия лиц мужского пола типа *Петя, воевода: вода, тишина, жена;*

2) все существительные с основой на мягкий согласный (кроме слова *путь*) и на *ж, ш,* имеющие в родительном падеже единственного числа окончание *-и: лошадь, печь, рожь, тишь, таинственность.*

К словам среднего рода относятся:

1) все существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончания *-о, -е: золото, пение, письмо* (исключая: а) слово *подмастерье;* б) некоторые образования с суффиксами *-ищ(е), -ишк(о)* от имен мужского рода *(домище, городишко);* в) некоторые собственные имена людей и клички животных *(Василенко, Серко);*

2) немногочисленные разносклоняемые слова на *-мя: пламя, семя, вымя;*

3) слово *дитя.*

Род склоняемых имен существительных, образованных морфолого-синтаксическим способом на базе имен прилагательных, определяется так же, как и прилагательных,— по окончанию: *рулевой, мостовая, животное* и т. д.

Принадлежность несклоняемых существительных к тому или иному роду определяется обычно в русском языке по их значению.

К существительным мужского рода относятся:

1) слова, обозначающие лиц мужского пола: *Анри, кули, рантье, маэстро;*

2) слова, являющиеся наименованиями животных (кроме слова *цеце*): *фламúнго, шимпанзé, зéбу, какадý, гну, кенгурý, пóни;*

3) слово *кофе.*

К существительным женского рода относятся слова, обозначающие лиц женского пола (*мадам, мисс, леди, Бетси, Мари, Кармен, госпожа Шиллер, балерина Бовт* и т. д.), а также существительные *цеце* и *салями.*

К существительным среднего рода относятся все слова, представляющие собой названия неодушевленных предметов (кроме слов *кофе* и *салями*): *пальто, депо, кашне, амплуа, клише, интервью.*

Род несклоняемых собственных имен, представляющих собой географические названия, определяется родовой принадлежностью имени, которое они заменяют, напр.: *солнечный Сочи* (город,— следовательно, мужского рода), *красивая Колорадо* (река,— следовательно, женского рода) и т. д. Род несклоняемых сложносокращенных слов соответствует роду опорного слова тех словосочетаний, сокращением которых они являются. Поэтому слово *ПТУ* (профессионально-техническое училище) употребляется как слово среднего рода, *ЦК* (Центральный Комитет) — как слово мужского рода и т. д.

Среди имен существительных со значением лица, кроме слов мужского рода, с одной стороны, и женского рода — с другой (слова среднего рода такого значения единичны), выделяется группа имен общего рода.

Слова общего рода представляют собой слова, род которых определяется в зависимости от того, для обозначения лица какого пола они используются. Если эти слова применяются для обозначения лиц мужского пола, они

выступают как слова мужского рода, напр.: *Гляди, наш соня уже уснул. Только ты не умывался и грязнулею остался.* Если же эти слова употребляются как названия лиц женского пола, то они выступают уже как слова женского рода, напр.: *Какая ты соня, Лена. С такой грязнулей я гулять не пойду.* Родовая принадлежность слов общего рода, таким образом, целиком зависит от конкретного употребления их в речи.

Среди слов, принадлежащих к общему роду, выделяются три группы существительных.

Основную группу составляют склоняемые нарицательные имена на *-а(-я)*, по значению являющиеся качественной характеристикой лица (чаще всего отрицательной), напр.: *егоза, неряха, растрепа, плакса, ломака, тихоня, бродяга, капризуля, рохля.* В стилистическом отношении почти все эти существительные — слова с яркой экспрессивной окраской — принадлежность разговорной речи.

С точки зрения словообразования в группе слов общего рода выделяются прежде всего суффиксальные образования с различными малопродуктивными суффиксами вроде *-к(а), -яг(а), -к(а), -юк(а), -с(а), -он(я), -ул(я)* и т. п. *(ломака, бедняга, выскочка, злюка, плакса, тихоня, капризуля)* и отглагольные слова, образованные безаффиксным способом *(заика, задира, подлиза, растрепа, рева)*.

К разряду слов общего рода примыкает небольшая группа ласкательно-личных имен, одинаково возможных как по отношению к женщине, так и по отношению к мужчине. Это ласкательно-личные имена от однокорневых мужского и женского паспортных имен: *Саша, Шура, Женя, Валя, Лера* (ср.: *милый Саша* и *милая Саша, курносая Женя Петрова* и *курносый Женя Петров*).

Особую группу слов общего рода представляют несклоняемые фамилии иноязычного происхождения, оканчивающиеся на гласный звук (иноязычные фамилии мужского рода на согласный склоняются, иноязычные фамилии женского рода на согласный не склоняются). Сюда относятся фамилии типа *Пуччини, Рабле, Дюма, Доницетти, Руставели, Россини, Гарсиа,* ср.: *Луи Виардо* и *Полина Виардо, Ирен Жолио-Кюри* и *Фредерик Жолио-Кюри.*

От слов общего рода следует строго отграничивать существительные женского и мужского рода, которые выступают то в качестве названий лиц мужского пола, то

в качестве названий лиц женского пола. Такими являются имена женского рода с яркой отрицательной экспресивной окраской, которые могут быть употреблены для обозначения лиц мужского пола *(змея, пила, лиса, шляпа)*, и существительные мужского рода, обозначающие лицо по деятельности или качеству, которые могут использоваться для названия лиц женского пола *(радист, парторг, монтер, знаток, врач, борец)*. Применение всех этих слов для обозначения лиц иного, нежели обычно, пола не делает их словами общего рода, так как слова типа *лиса, пила* во всех случаях остаются по морфолого-синтаксическим свойствам словами женского рода, а слова вроде *профессор, друг,* применяясь и к обозначению лиц женского пола, являются словами мужского рода.

Согласование по женскому роду у слов *директор, инженер, товарищ* и т. п. наблюдается иногда в ненормированной, разговорной речи и лишь с формами глагола и ни в коем случае не с прилагательными и местоимениями, напр.: *Управдом быстро вышла. Врач ничего не сказала.*

Колебания в современном русском литературном языке в отнесении существительных к тому или иному грамматическому роду очень немногочисленны. Они проявляются в том, что одно и то же слово в единичных случаях может употребляться как в одном, так и в другом роде. Сюда относятся параллельные родовые формы слов *клавиш* и *клавиша, скирд* и *скирда, ставень* и *ставня* и др. В русском литературном языке XIX в. таких колебаний в роде существительных, особенно заимствованных, было значительно больше.

§ 4. Категория числа имен существительных. Одной из основных категорий, присущих именам существительным, является категория числа. В современном русском литературном языке она находит себе выражение в довольно четком противопоставлении соотносительных форм единственного и множественного числа, которыми обладает большинство существительных. Существительное в форме единственного числа обозначает один предмет в ряду однородных предметов *(предложение, дом, облако, зима)*, а в форме множественного числа выражает неопределенное количество этих однородных предметов (числом от двух до бесконечности: *предложения, дома́, облака́, зи́мы*).

Выражение этой противоположности единичного предмета и их раздельного множества является основным содержанием категории числа, хотя не во всех случаях последовательно проводится и только этим не исчерпывается. Категория числа имен существительных представляет собой категорию лексико-грамматическую. Это сказывается не только в том, что форма единственного числа существительного может обозначать собирательную множественность однородных предметов (*В саду служанки на грядах сбирали ягоду в кустах* (Пушкин), а форма множественного числа, напротив, может быть равнозначной форме единственного числа (*Вверху синеют небеса* (Пушкин), но и в том, что с формами числа могут быть связаны различные смысловые значения.

Однако среди существительных находятся не только слова с формами обоих чисел, а есть и такие, у которых имеется лишь одно какое-нибудь число — единственное или множественное.

В словах, не обладающих формами обоих чисел, формы числа не имеют уже того значения, которое характерно для существительных, имеющих как единственное, так и множественное число. Так, в собирательных существительных типа *листва, студенчество* форма единственного числа, которую они имеют, обозначает не один предмет в ряду однородных (ср.: *лист, студент*), а множество предметов, представленное как единое и неразложимое целое; в отвлеченных существительных вроде *выборы, нелады, заморозки, сумерки* форма множественного числа выражает не раздельное множество однородных предметов (ср.: *горы, сады, колоски*), а отдельное абстрактное понятие с оттенком сложной совокупности; в конкретных существительных, обозначающих так называемые парные и составные предметы, форма множественного числа может выражать как один предмет в ряду однородных, так и их раздельное множество, ср.: *Карл Иванович с очками на носу и книгой в руке сидел на своем обычном месте* (Л. Толстой) и *Перед ним лежали самые разнообразные очки.*

Следовательно, существительные, имеющие форму одного какого-либо числа, или вообще не имеют значения числа (тогда это существительные, обозначающие предметы, которые не подвергаются счету: *творог, золото, брызги, сливки, белизна*), или могут служить обозначением как одного предмета, так и их множества (это pluralia

tantum конкретного значения: *тиски, грабли, весы, брюки*). В последнем случае число предметов ни в морфологических свойствах слова, ни в форме согласования не выражается и устанавливается лишь из контекста или речевой ситуации.

Единственное и множественное число склоняемых существительных выражается как морфологически (особыми падежными окончаниями: *щетка — щетки, окна — окон, столом — столами*), так и синтаксически (в формах согласования: *Последняя туча рассеянной бури, одна ты несешься по ясной лазури* (Пушкин) и *Тучи над городом встали* (Из песни).

Единственное и множественное число несклоняемых существительных различается между собой только синтаксически, ср.: *Последнее коммюнике содержало много обнадеживающего* и *Эти коммюнике не содержали в себе ничего нового. Все купе было занято* и *Все купе были заняты.*

В некоторых разрядах существительных различие формы единственного и множественного числа может выражаться также и в различии словообразовательной структуры соотносительных основ. Например, в словах *брат — братья, брус — брусья, дерево — деревья* основа во множественном числе содержит суффикс *-j-*, которого нет в основе единственного числа; в словах *датчанин — датчане, северянин — северяне* основа во множественном числе не содержит суффикса единичности *-ин;* суффикс *-онок* имеется в основе единственного числа и суффикс *-ят-* в основе множественного числа у слов типа *жеребенок, теленок*; ср. еще наличие во множественном числе суффикса *-ов-* у слов *сын, кум (сыновья, кумовья)*, суффикса *-ес-* у слов *небо, чудо (небеса, чудеса)*.

У отдельных существительных единственное и множественное число образуют супплетивные формы, напр.: *человек — люди, ребенок — дети.*

Существительные, в зависимости от наличия у них форм числа, делятся на три группы:

1) существительные, имеющие формы обоих чисел;

2) существительные, употребляемые только в единственном числе;

3) существительные, употребляемые только во множественном числе.

Основную группу существительных, имеющих формы обоих чисел, составляют слова, обозначающие считаемые

предметы. Все эти существительные свободно сочетаются с количественными числительными, и их единственное и множественное число в обычном употреблении являются соотносительными формами обозначения одного предмета в ряду однородных предметов и их раздельного множества. В этом разряде слов, имеющих формы обоих чисел, категория числа проявляется наиболее полно.

Формы обоих чисел наблюдаются также у отдельных отвлеченных, вещественных и собственных существительных, употребляемых не в прямом, а в переносном значении. Именно в этих словах, в своем прямом смысле обозначающих предметы, которые нельзя подвергать счету, и не способных сочетаться с количественными числительными, формы числа выступают и как средство грамматического различения значений слов, т. е. для этих многозначных слов категория числа оказывается наполненной и определенным лексическим значением. Только как средство различения разных значений слов число выступает в таких парах, как *сбор (сбор урожая)* и *сборы (Сборы были недолги), мороз (двадцать градусов мороза)* и *морозы (Но вот уже трещат морозы* (Пушкин) и т. п., так как эти слова соотносительных пар единственного и множественного числа в пределах одного значения не имеют: в одном значении они имеют только единственное число *(сбор, мороз)*, в другом они употребляются только во множественном числе *(сборы, морозы)*.

Среди существительных, обладающих формой единственного числа, имеют только эту форму и не образуют форм множественного числа следующие разряды слов:

1) собирательные существительные, напр.: *учительство, родня, профессура*;

2) отвлеченные существительные, выступающие в своей основной функции словесного выражения абстрактных понятий, напр.: *коммунизм, синева, развитие*;

3) собственные существительные, если они употребляются как наименования единичных предметов, напр.: *Ленинград, Нева, Урал, Пушкин*;

4) вещественные существительные в своем основном значении, напр.: *молоко, сахар, клюква, зелень*.

Среди существительных, обладающих формой множественного числа, употребляются только в этой форме и не имеют формы единственного числа две группы слов.

К первой группе относятся:

1) немногочисленные отвлеченные существительные, обозначающие сложные действия и состояния, явления природы, общественные события, бытовые обряды, отрезки времени, различные игры, напр.: *выборы, доходы, именины, потемки, сумерки, жмурки, прятки, заморозки*;

2) немногие вещественные существительные, обозначающие или само вещество, материал, массу и т. д., или получившиеся от какого-либо вещества в результате определенного действия отходы и остатки, напр.: *дрожжи, чернила, дрова, сливки, консервы, белила, отруби, очистки, выжимки, опилки, стружки.*

Ко второй группе относятся:

1) отдельные собственные существительные, являющиеся географическими или астрономическими названиями, напр.: *Вешняки, Бронницы, Холмогоры, Жигули, Альпы, Сухиничи, Близнецы, Рыбы*;

2) некоторые конкретные существительные, обозначающие составные предметы (в том числе и так называемые парные), напр.: *сани, брюки, тиски, гусли, весы, шахматы, салазки, вилы, очки, перила, плавки, щипцы, ворота, часы, носилки, грабли, ножницы, качели, джинсы.*

§ 5. Категория падежа имен существительных. Имена существительные, выступая в речи в качестве какого-либо члена предложения, всегда употребляются в том или ином падеже.

Падеж является грамматической категорией, которая выражает отношение существительного к другим словам словосочетания и предложения.

Подавляющее большинство существительных для выражения своих синтаксических функций имеет особые падежные формы, напр.: *Книга лежала на столе. У книги красивый переплет. К книге надо относиться бережно.* Эти существительные представляют собой единство ряда соотносительных падежных форм, образующих их склонение. Подобные слова являются склоняемыми существительными.

В русском языке различается шесть падежей. Из них именительный употребляется только беспредложно; предложный падеж, как говорит само название этого падежа, употребляется только с предлогами; остальные (родительный, дательный, винительный, творительный) известны как в сочетании с предлогами, так и без них.

Основные значения падежей следующие:

Именительный падеж в предложении служит прежде всего средством выражения подлежащего, но употребляется также в функции именной части сказуемого и приложения. Вне связи с членами предложения именительный падеж используется в речи для выражения обращения. Вне предложения именительный падеж представляет собой падежную форму существительного, выступающую в чисто назывной функции — как словарное наименование того или иного предмета действительности.

Родительный падеж может употребляться при глаголах и именах, а также при наречиях.

В приглагольном употреблении родительный падеж может служить:

1) для выражения прямого объекта, на который действие глагола распространяется лишь частично: *взять соли, купить сахара, принести молока*;

2) для выражения прямого объекта при глаголах с отрицательной частицей *не: не читали романа, не знаю этой улицы, не любила осени*;

3) для обозначения объекта после глаголов достижения, желания, удаления: *просить разрешения, хотеть покоя, ждать решения, опасаться нападения.*

В приименном употреблении родительный падеж может выступать:

1) для выражения различного рода определительных отношений, в том числе и отношения принадлежности: *слова Пушкина, музыка Прокофьева, очки деда, комната матери, человек дела, день отдыха*;

2) для обозначения субъекта, являющегося производителем действия или носителем определенного признака: *шум прибоя, песни соловья, помощь друга, приказ директора, храбрость любимого, ясность неба, любознательность школьника*;

3) для выражения прямого объекта, полностью охваченного действием, которое обозначено отглагольными существительными, образованными от переходных глаголов: *формирование армии, обжиг кирпича, обмазка печей*;

4) для выражения количественных отношений, когда родительный падеж используется или как обозначение считаемых предметов, или как обозначение целого, из которого берется какая-либо часть: *полк солдат, стадо коров, стая волков, стакан молока, партия товара, тонна зерна.*

В принаречном и приадъективном употреблении родительный падеж служит для обозначения предмета сравнения: *сильнее брата, больше горошины, чернее ночи.*

Дательный падеж чаще всего употребляется при глаголах, но возможен и при существительных.

В приглагольном употреблении он используется с личными формами глагола для выражения косвенного объекта, к которому направлено действие *(помогать брату, отдать товарищу)*; в безличных предложениях — для выражения субъекта состояния *(Брату хочется играть. Мальчику не спится)*.

В приименном употреблении он может выступать:

1) в качестве косвенного объекта, на который направлено действие, выраженное отглагольными существительными, соотносительными с глаголами, требующими дательного падежа: *помощь студентам, служение родине, ответ сестре, подарок учителю*;

2) для выражения определительных отношений с оттенком назначения: *памятник Пушкину, цена деньгам, корм лошадям.*

Винительный падеж употребляется только при глаголах. Он является обычно падежной формой для выражения прямого объекта, полностью охваченного направленным на него действием, которое обозначено переходным глаголом: *написать статью, принять делегацию, отодвигать стол.* Реже и лишь от лексически ограниченной группы существительных соответствующего значения он известен как падеж меры времени и пространства: *ждать месяц, ехать неделю, пройти километр, пробежать стометровку.*

Творительный падеж известен чаще всего в приглагольном употреблении, но наблюдается и в приименном.

Употребляясь при глаголах, он выступает как падежная форма для выражения:

1) орудия действия: *писать авторучкой, смыло прибоем, толкнуть ногой*;

2) производителя действия, которым может быть как действующее лицо, так и действующий предмет (такое использование творительного падежа наблюдается только в страдательных конструкциях): *Модель построена учеником. Мяч пропущен вратарем. Двор усыпан листьями. Небо закрыто тучами*;

3) объекта действия: *руководить аспирантом, командовать взводом, заведовать редакцией, наполнить водой*;

4) для обозначения признака предмета в именной части сказуемого: *быть каменщиком, стать ученым, казаться неряхой;*

5) для выражения временных и пространственных отношений; *шел поздним вечером, проходить лесом, идти берегом, пробежать стороной*;

6) способа действия и сравнения: *петь басом, вышить крестом, мяукать котенком.*

В приименном употреблении творительный падеж обычно встречается при отглагольных существительных для выражения тех же значений, ср.: *руководство работой, вышивка крестом, проезд берегом, прогулки вечерами.*

Творительный падеж при прилагательных выражает различные ограничительные отношения: *довольный успехом, огорченный игрой, высокий ростом, сильный духом.*

Предложный падеж известен как в приглагольном, так и в приименном употреблении.

Сочетаясь с глаголами, предложный падеж выражает прежде всего:

1) объект речи, мысли, чувства или состояния: *позаботиться о матери, говорить о диссертации, беспокоиться о сыне, думать о прошедшем, сомневаться в пользе, скучать по любимой;*

2) место и время действия: *играть в саду, бродить в лесу, уехать в январе, любить в юности, жить при Пушкине, плясать на лугу, работать на заводе, вставать на рассвете*;

3) орудие действия: *играть на гитаре, напечатать на машинке*;

4) образ и способ действия: *отвернуться в смущении, передать на словах.*

С этими же значениями предложный падеж прежде всего употребляется и в сочетании с существительными, обычно отглагольными: *объявление о состязании, слух о приезде, жизнь в деревне, встреча в лесу, купанье в реке, игра на баяне, передача на словах.* Кроме того, приименное употребление предложного падежа может служить для обозначения качества предмета по отношению к другому предмету: *шуба на меху, старик в очках, девушка в халате.*

§ 6. Типы склонения имен существительных. В именах существительных выделяются три основных типа склонения.

Первое склонение образуют существительные мужского рода, имеющие нулевое окончание (исключая слово *путь*), и существительные среднего и мужского рода, оканчивающиеся в именительном падеже единственного числа на *-о, -е*, напр.: *трактор, слесарь, сарай, планетарий, бревно, средство, пристанище, платье, стремление, домишко, ножище.*

Второе склонение составляют существительные женского, мужского и общего рода, которые имеют в именительном падеже окончание *-а(-я)*, напр.: *гора, капля, гостья, ликвидация, юноша, Петя, судья, забияка, задира, брюзга.*

Третье склонение включает в себя существительные женского рода с основой на мягкие согласные или шипящие, которые в именительном падеже имеют нулевое окончание, напр.: *молодость, зыбь, зависть, сталь, тетрадь, ткань, тишь.*

Вне этих трех основных типов склонения остаются разносклоняемые существительные (т. е. слова среднего рода на *-мя* типа *знамя* и слово *путь*), а также существительные, образованные морфолого-синтаксическим способом из прилагательных, которые сохранили склонение последних *(рабочий, мостовая, жаркое)*.

Классификация существительных по типам склонения опирается в современном языке на категорию рода.

Для каждого из намеченных типов склонения в единственном числе характерны особые, специфические лишь для них падежные окончания. Так, существительные 1-го склонения в единственном числе имеют следующие основные падежные окончания: Им.— нулевое окончание (м. р.) или окончания *-о, -е* (ср. р.); Р.— *-а(-я)*; Д.— *-у(-ю)*; В.— нулевое окончание для неодушевленных (м. р.); *-о, -е* (ср. р.) или *-а(-я)* для одушевленных (м. р.); Тв.— *-ом, -ем*; Пр.— *-е* или *-и* (от слов с основой на *-и* типа *планетарий, пение*).

Существительным 2-го склонения свойственны следующие падежные окончания: Им.— *-а(-я)*; Р.— *-ы, -и*; Д. и Пр.— *-е* или *-и* (от слов с основой на *-и* типа *ликвидация*); В.— *-у(-ю)*; Тв.— *-ой, -ей.*

У существительных 3-го склонения имеется лишь три окончания: нулевое окончание — в именительном и вини-

тельном падеже, окончание *-и* — в родительном, дательном и предложном, окончание *-ью(-ию)* — в творительном.

Во множественном числе различие между 1, 2 и 3-м склонением с такой четкостью не выявляется — в дательном, творительном и предложном падеже для всех склонений характерны общие окончания: Д.— *-ам(-ям)*; Тв.— *-ами(-ями)* (старое окончание *-ьми* в свободном употреблении свойственно лишь словам *дочь, лошадь* и *дверь*); Пр.— *-ах(-ях)*. В именительном и родительном падеже наряду с различиями наблюдается целый ряд общих черт. В именительном падеже множественного числа слова 2-го и 3-го склонения имеют окончания *-и, -ы*. В 1-м склонении эти же окончания известны у подавляющего большинства слов мужского рода *(падежи, красители, лектории, соловьи, столы, проблемы)* и у небольшой части слов среднего рода (именно у слов с основой на суффиксальное *-к-* типа *перышки, блюдечки, стеклышки* и у обозначений частей тела: *плечи, уши, колени, очи*). Помимо названных окончаний, у существительных 1-го склонения широко наблюдается также и окончание *-а(-я)*, которое имеют почти все слова среднего и многие слова мужского рода: *места, гнезда, письма, окна, дома, луга, вечера, слесари* и *слесаря, года* и *годы*. У слов мужского рода (исключая немногие существительные, имеющие во множественном числе иную основу, чем в единственном: *клочья, братья*) окончание *-а(-я)* является всегда ударным. Это ударное окончание присуще не всем существительным мужского рода, а лишь тем, которые имеют в единственном числе постоянное ударение на одном из слогов основы (кроме последнего): *берега, сторожа, вечера, паруса, тополя, рога, города, края*. Немногочисленные существительные мужского рода с суффиксом *-анин (-янин)*, теряющие во множественном числе суффикс единичности *-ин*, имеют в именительном падеже окончание *-е: хуторяне, горожане, киевляне*.

В родительном падеже множественного числа подавляющее большинство существительных 2-го склонения имеет нулевое окончание *(гор, берез, школ, книг)*, однако для ряда существительных (чаще всего с основой на мягкие сонорные или на шипящие) характерно и окончание *-ей (пригоршней, долей, юношей, бахчей)*. Окончание *-ей* как единственное свойственно существительным 3-го склонения.

Существительные 1-го склонения принимают флексии *-ов, -ев, -ей* и нулевое окончание. Окончания *-ов, -ев* характерны для существительных мужского рода с основой на твердые согласные (кроме шипящих) и *-j(километров, заводов, забоев)*, а также для некоторых существительных среднего рода. Сюда относятся: 1) существительные, имеющие или в обоих числах, или во множественном числе основу на *-j-*: *платьев, перьев;* 2) существительные с уменьшительно-ласкательными, иногда уже не выделяющимися суффиксами *-ц(е), -к(о), -ик(о): копытцев, очков, колесиков, плечиков;* 3) отдельные слова вроде *облаков, древков.*

Окончанием *-ей* обладают: 1) существительные мужского рода с основой на мягкие согласные, исключая звук *-j*: *учителей, гвоздей;* 2) некоторые слова на шипящие: *ножей, ежей;* 3) некоторые слова среднего рода, а именно с основой на мягкие сонорные *(морей, полей)* и являющиеся наименованиями парных частей человеческого тела *(ушей, очей, плечей).*

Нулевое окончание имеют: 1) существительные среднего рода с основой на твердые согласные, шипящие и *-j(окон, пожарищ, знаний);* 2) некоторые разряды существительных мужского рода, а именно: слова с суффиксом *-анин (-янин) (хуторян, горожан, киевлян);* слова с суффиксом *-онок (-енок) (маслят, телят, волчат, утят);* отдельные существительные, являющиеся обозначениями парных предметов *(сапог, сапожек, валенок, глаз, глазок, чулок)*, национальностей *(туркмен, цыган, башкир)*, воинских групп *(солдат, партизан, гусар)*, мер *(аршин, гран)*, и слова *вóлос* (р. п. *волóс*), *рожóк* (р. п. *рóжек*) и *человек* в сочетании с числительными и неопределенно-количественными словами *(сто человек).*

Именительный падеж единственного числа и родительный падеж множественного числа некоторых существительных могут отличаться от других падежей не только характерными для них окончаниями, но и составом гласных фонем в основе. Так, в ряде слов мужского рода, а также в словах *рожь, ложь, любовь, церковь* основа именительного падежа единственного числа отличается наличием беглых гласных *о, е*, напр.: *сон — сна, снами...; пень — пня, пнем, пни...; дворец — дворцом, дворцам...* В ряде существительных среднего и женского рода наличием беглых гласных *о, е* отличается основа родительного падежа множественного числа, которому свой-

ственно нулевое окончание, напр.: *чисел — число, числа, числами...; окон — окно, окну, окнах...; сказок — сказка, сказки, сказкой...* Однако такого рода существительных в целом немного, и состав их новыми словами почти не пополняется.

§ 7. Варианты падежных окончаний и их значения. Как правило, существительное для каждого падежа имеет одно характерное окончание. Однако бывает и так, что один и тот же падеж слова получает свое выражение в разных падежных окончаниях, ср.: *много снега* и *уйма снегу, тоской* и *тоскою.* В этом случае, когда в пределах одного и того же падежа слово имеет два разных окончания, одно из них будет основным, другое — вариантным. Варианты падежных окончаний могут встречаться как в отдельных словах, так и в целых (в том или ином отношении однородных) разрядах, тем не менее их употребление всегда будет разграничено или лексико-грамматически, или стилистически.

Вариантное окончание *-у(-ю)* в родительном падеже единственного числа наряду с основным окончанием *-а(-я)* характерно для ряда слов мужского рода, относящихся к 1-му склонению. Оно наблюдается: 1) в большой, но ограниченной группе существительных с вещественным значением; 2) в некоторых отвлеченных существительных; 3) в отдельных предложных и отрицательных конструкциях с абстрактными и конкретными существительными. Формы на *-у (-ю)* в вещественных существительных являются средством выражения количественно-разделительного значения, ср.: *килограмм винограду, луку, рису, сыру, творогу, шоколаду; купить гороху, ситцу, цементу, пуху;* но *сбор винограда, вкус творога, продажа ситца.* Окончание *-у* имеет в аналогичных случаях и существительное *народ: много народу,* но *воля народа, просвещение народа.*

Следует отметить, что, несмотря на продуктивность форм на *-у (-ю)* в вещественных существительных для обозначения целого, из которого берется определенная часть, они оказываются не всегда в этих случаях строго обязательными (вполне возможно: *много снега, нет дыма, немало мусора),* а при определении падежной формы существительного прилагательным или причастием в нормированной речи сейчас почти не встречаются (ср. обыч-

ное употребление: *кусок швейцарского сыра, килограмм липового меда* и т. п.).

Возможное, но не обязательное употребление форм на *-у (-ю)* особенно характерно для принимающих это окончание немногочисленных существительных абстрактного значения. Формы на *-у (-ю)* от этих слов (ср.: *блеску, вздору, простору, разговору*) в грамматическом отношении совершенно идентичны формам на *-а (-я)* (ср.: *блеска, вздора, простора, разговора*) и отличаются от последних лишь стилистически (своим разговорно-просторечным характером).

Такое же чисто стилистическое значение и факультативный характер употребления имеет окончание *-у(-ю)*, встречающееся в отдельных абстрактных и конкретных существительных после предлогов *без, из, от, с* и отрицания: *без спросу, без разбору, из виду, из дому, с полу, со страху, от дыму, ни шагу, ни проходу, ни проезду.* В качестве единственно возможного окончание *-у(-ю)* в этих существительных встречается лишь в составе фразеологических оборотов: *без году неделя, с глазу на глаз, конца краю нет, без роду и племени, нашего полку прибыло.*

Вариантное окончание *-у(-ю)*, наряду с основным окончанием *-е*, в предложном падеже свойственно для некоторых существительных мужского рода 1-го склонения, по преимуществу односложных и имеющих в единственном числе постоянное ударение на основе. Многие из слов, принимающих это окончание, имеют вариантную форму на *-у(-ю)* и в родительном падеже: *много льду, дыму, соку, снегу* и *на льду, в дыму, в соку, на снегу.*

Обязательным условием появления в указанных существительных данного вариантного окончания является употребление их в сочетании с предлогами *в (во)* и *на* для обозначения места, времени или способа действия: *в бою, в саду, в году, в часу.* Без этого условия флексия *-у(-ю)* не встречается, напр.: *Он знает толк в меде.*

В ряде существительных в обстоятельственных конструкциях с предлогами *в(во)* и *на* окончание *-у(-ю)* является единственно возможным (например, для слов *берег, глаз, бред, дым, воз, лоб, мех, мост, снег, ряд, стог, угол, шкаф* и т. д.), в ряде слов оно употребляется в этих конструкциях параллельно с основным окончанием предложного падежа *-е* (ср.: *на ветру — на ветре, на дубу — на дубе, в цеху — в цехе, в отпуску — в отпуске, в чаю — в чае*). В последнем случае падежные формы на *-у(-ю)* по

сравнению с формами на *-е* воспринимаются как разговорные.

Параллельное употребление одних и тех же слов то с окончанием *-у(-ю)*, то с окончанием *-е* может разграничивать свободное и фразеологическое употребление слов. Здесь могут наблюдаться два случая: 1) в свободном употреблении слово имеет окончание *-е*, в фразеологическом обороте — *-у(-ю)*: *на корню, на своем веку, работа на дому, на каждом шагу* и *в этом корне, в прошлом веке, в семиэтажном доме, в каждом его шаге;* 2) в свободном употреблении слово имеет окончание *-у(-ю)*, в фразеологическом обороте — *-е*: *лошадь в поту, яблони в цвету* и *в поте лица, погибнуть во цвете лет.*

Вариантные окончания творительного падежа единственного числа *-ою, -ею*, наряду с основными окончаниями *-ой, -ей*, известны во многих существительных 2-го склонения. Разница между этими окончаниями является чисто стилистической: флексии *-ою, -ею* встречаются лишь в книжной, по преимуществу стихотворной речи, напр.: *весной* и *весною, душой* и *душою, парнишкой* и *парнишкою, крышей* и *крышею; И чтоб знали, чем силен, скажем откровенно: красотою наделен не был он отменной* (Твардовский).

Вариантное окончание именительного падежа множественного числа *-а(-я)* наряду с основными окончаниями *-ы, -и* свойственно некоторым существительным мужского рода 1-го склонения. Различие между вариантным и основным окончанием, как правило, заключается в разных сферах их употребления: окончание *-а(-я)* характерно обычно для разговорной речи и профессионально-технического просторечия: *инструкторы — инструктора, редакторы — редактора, секторы — сектора, токари — токаря* и т. д. В нормированной литературной речи в словах с двойственными окончаниями *-а(-я)* и *-и, -ы* сейчас наблюдается тенденция предпочитать новой (в живой речи все более продуктивной) флексии *-а(-я)* старое окончание *-ы* или *-и*.

В немногих словах окончания *-а(-я)* и *-ы, -и* выступают как средство различения омонимов или разных значений слова: *пояса* (кожаные) и *поясы* (тарифные), *цвета* (яркие) и *цветы* (полевые), *пропуска* (документы) и *пропуски* (пробелы), *меха* (ходить в мехах) и *мехи* (кузнечные), *хлеба* (уродились) и *хлебы* (печеные) и т. д.

Окончание *-а(-я)* наблюдается также в некоторых существительных 1-го склонения, которые, помимо основы, равной основе единственного числа, могут иметь во множественном числе основу, осложненную суффиксом *-ј-* или *-овј-*, напр.: *сыны — сыновья, листы — листья, мужи — мужья, зубы — зубья, клоки — клочья, лоскуты — лоскутья, суки — сучья, колени — коленья — колена* и др. Такие формы выступают или как паронимы *(зубы — зубья)*, или как оттенки значения слова *(сыны — сыновья)*. В однозначных словах флексия на *-а(-я)* *(лоскутья, сучья, клочья)* является более употребительной, чем флексии *-ы, -и*, формы с которыми осознаются, как правило, архаическими *(лоскуты, суки, клоки)*.

Вариантное окончание творительного падежа множественного числа *-ьми*, наряду с основным окончанием *-ями*, имеют относящиеся к 3-му склонению слова *дверь, лошадь, дочь*, а в устойчивых сочетаниях также слова *кость, плеть* (ср.: *лечь костьми, бить плетьми*).

Существительные, употребляющиеся только во множественном числе, склоняются так же, как существительные 1, 2 и 3-го склонения, обладающие формами обоих чисел.

§ 8. **Разносклоняемые существительные.** К разносклоняемым существительным относятся слова, которые имеют падежные окончания, характерные для разных типов склонения. Это десять слов среднего рода на *-мя (бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя* и *темя)* и существительное мужского рода *путь*.

Особое положение разносклоняемых существительных на *-мя*, помимо принадлежащих разным склонениям флексий, определяется также и разными основами, которые имеются в этих словах в именительном и винительном падеже единственного числа, с одной стороны, и во всех остальных — с другой. Все падежи данных существительных, кроме именительного и винительного единственного числа, характеризуются суффиксом *-ен* (с мягким *н* в единственном числе и с твердым *н* во множественном числе). В родительном падеже множественного числа слов *стремя, семя* на месте *-ен* наблюдается *-ян*.

Существительные на *-мя* и слово *путь* в родительном, дательном и предложном падеже единственного числа имеют окончания 3-го склонения *(пути, времени, знамени, племени)*, а в творительном падеже принимают окончания

существительных 1-го склонения *(временем, путем, знаменем, племенем)*.

Во множественном числе (множественного числа не имеют лишь слова *вымя, пламя, темя*) существительные на *-мя* склоняются как слова среднего рода на *-о*, а слово *путь* — как слова мужского рода 1-го склонения с мягкой основой, напр.: *времена, времен, временам, времена, временами, о временах; пути, путей, путям, пути, путями, о путях.*

Всем словам на *-мя* свойственно устойчивое ударение: в единственном числе на основе, во множественном — на окончании. Исключение в некоторой степени составляет слово *знамя,* в котором ударение падает на основу и во множественном числе, но уже на второй слог, ср.: *знáмя, знáмени, знáменем* и *знамёна, знамён, знамёнам, знамёнами, о знамёнах.* Слово *путь* характеризуется постоянным ударением на окончании, кроме именительного и винительного падежа.

Иногда к разносклоняемым существительным относят, помимо названных выше, также и слова *дочь* и *мать.* Однако, несмотря на разные основы, которые имеют эти слова в именительном и винительном падеже единственного числа и во всех остальных падежах *(мать, матери, матерью, матерей),* относить их к разносклоняемым нет никаких оснований: все окончания, наблюдаемые в словах *мать* и *дочь,* являются флексиями, характеризующими 3-е склонение (ср. разные основы в единственном и множественном числе у слов *небо, чудо,* у слов типа *дерево, котенок, горожанин,* у существительных *судно, курица* и др.).

§ 9. Несклоняемые существительные. В современном русском языке имеется также (и она растет) группа несклоняемых существительных, у которых особые формы числа и падежа отсутствуют, а грамматические значения числа и падежа выражаются лишь синтаксически — посредством предлогов и падежных форм, согласованных с этими именами слов.

К несклоняемым существительным относятся в основном слова иноязычного происхождения. Среди них можно выделить следующие группы:

1. Нарицательные и собственные имена, оканчивающиеся на *е, и, о, у, э, ю* и ударное *а: ателье, кашне, шоссе, купе, алоэ, желе, шимпанзе, рантье, атташе, пари, жюри,*

колибри, кули, леди, денди, депо, кино, пальто, соло рагу, интервью, кенгуру, буржуа, амплуа, бра; Гейне Фурье, Рабле, Нексе, Кале, Паганини, Ганди, Поти Капри, Гори, Сухуми, Чили, Джорджоне, Брно, Токио Дидро, Неру, Амаду, Шоу, Золя, Дюма, Тарту, Пярну, Майами, Перу и т. д.

2. Собственные и нарицательные обозначения лиц женского пола, оканчивающиеся на твердый согласный. Сюда относятся слова *мисс, мадам, миссис* и женские имена и фамилии: *Кармен, Элен; стихи Маргариты Алигер, письма Клары Цеткин* и т. д. (ср.: *роман Теодора Драйзера, письма Ромена Роллана*).

3. К этому разряду несклоняемых иноязычных слов примыкают украинские фамилии на *-енко* и *-ко: Шевченко, Василенко, Березко, Ляшко, Франко* и т. д.

Из слов исконно русского происхождения в разряд несклоняемых существительных входят:

1. Русские фамилии на *-ово, -аго, -ых, -их,* по происхождению представляющие собой застывшую форму родительного падежа единственного числа прилагательных: *Дурново, Черных, Теплых, Чутких.*

2. Русские фамилии с безаффиксной основой, обозначающие лиц женского пола: *заявление гражданки Пахомчук, бригада Татьяны Хмель.*

3. Сложносокращенные слова инициального образования, кроме имен с основой на согласный, образованных сложением начальных звуков: *КПСС, ООН МГПИ, МГУ, АПН, ЭВМ, НТР* (но *вуз, вуза, вузу*).

§ 10. Основные типы ударения при склонении имен существительных. При склонении ударение в одних существительных оказывается постоянным, т. е. падает во всех падежах на один и тот же слог *(подоко́нник, подоко́нника, подоко́нником, подоко́нники, подоко́нниками),* в других — подвижным *(гость, го́стя, го́сти, гостéй, гостя́ми; игра́, и́гры, и́грах).*

Имена существительные, имеющие постоянное ударение, делятся на две группы: для одних характерно постоянное ударение на основе, для других — на окончании.

Постоянное ударение на основе характерно для слов всех трех склонений (*звук, заработок, житель, билет, средство, понятие, болото; муха, неделя, полемика, розочка; требовательность, жизнь, глупость, мораль, нефть*

и т. п.), причем во всех склонениях оно представляет собой наиболее продуктивный тип.

Постоянное ударение на окончании (естественно, что в именительном падеже единственного числа слов мужского рода оно будет на основе) распространено значительно меньше. Продуктивным типом оно является лишь в существительных 1-го склонения: *бык, слон, сентябрь, ферзь, шест, муравей, руль, старик, молодняк, кладовщик, москвич, пустырь, пшено, пальтецо, словцо, литье* и т. д.

Во 2-м склонении таким ударением характеризуется хотя и довольно большая, но замкнутая группа существительных, имеющих непроизводную основу или образованных при помощи непродуктивных суффиксов вроде *-б(а), -изн(а), -в(а), -ц(а): езда, халва, тоска, юла, кутерьма, стрельба, кривизна, листва, мазня, пыльца.*

В словах 3-го склонения постоянного ударения на окончании нет совершенно.

Имена существительные с подвижным ударением представляют значительно большее разнообразие. Это может быть подвижное ударение, переходящее с основы на окончание; подвижное ударение, переходящее с окончания на основу; подвижное ударение, переходящее с существительного на предлог.

Подвижное ударение, переходящее с основы на окончание, наблюдается в 1-м и 2-м склонении. Сюда относятся:

1. Существительные мужского и среднего рода 1-го склонения, имеющие в единственном числе ударение на основе, а во множественном — на окончании: *адрес, паспорт, погреб, колокол, холод, мастер, якорь, место, право, стадо, облако, зеркало* (напр.: *áдрес, áдреса, áдресом* и *адреса́, адресо́в, адреса́ми* и т. п.).

2. Существительные мужского рода 1-го склонения, имеющие в единственном числе (кроме предложного падежа местного значения с предлогами *в(во)* и *на*) ударение на основе, а во множественном числе — на окончании: *шкаф, долг, суп, чай, шаг, дуб, мед, строй* (напр.: *шкаф, шка́фа, шка́фом* и *в шкафу́, шкафо́в, шкафа́ми*)

3. Существительные мужского рода 1-го склонения и женского рода 3-го склонения, имеющие в единственном числе и в форме именительного падежа множественного числа ударение на основе, а в косвенных падежах множественного числа — на окончании: *гусь, гром, камень, локоть, обруч, уголь; весть, плеть, мелочь, ночь, соль,*

страсть, площадь, пристань (напр.: *гусь, гу́ся, гу́си* и *гусе́й, гуся́м, гуся́ми*).

4. Существительные женского рода 3-го склонения, имеющие в единственном числе (кроме предложного падежа местного значения с предлогами *в(во)* и *на*) и в форме именительного падежа множественного числа ударение на основе, а в косвенных падежах — на окончании: *дверь, печь, грязь, горсть, кость, ось, пыль* (напр.: *дверь, две́ри, две́рью* и *на двери́, двере́й, дверя́ми*). Некоторые такие слова могут иметь ударные окончания также в родительном и дательном падеже единственного числа, ср.: *из груди́, по степи́, по Руси́, на цепи́.*

Подвижное ударение, переходящее с окончания на основу, характеризует в основном лишь существительные женского рода 2-го склонения и среднего рода 1-го склонения, а также встречается в четырех словах мужского рода 1-го склонения. Сюда относятся:

1. Существительные женского рода 2-го склонения и среднего рода 1-го склонения, имеющие в единственном числе постоянное ударение на окончании, а во множественном — на основе: *гроза, весна, змея, коса, метла, сестра, струна, труба, сирота, стрекоза; зерно, письмо, стекло, ядро, яйцо* (напр.: *гроза́, грозы́, грозо́й* и *гро́зы, гро́зам, гро́зами*).

2. Немногочисленные существительные женского рода 2-го склонения и четыре слова мужского рода 1-го склонения, в которых ударение с окончания на основу переносится лишь в именительном и винительном падеже множественного числа: *гвоздь, конь, груздь, червь; копна, губа, нога, слеза, тропа, полоса, скорлупа* (ср.: *копна́, копны́, копну́, копно́й, копна́м, копна́ми* и *ко́пны*).

3. Немногочисленные существительные женского рода 2-го склонения, в которых постоянное ударение на окончании переходит на основу в винительном падеже единственного числа и именительном и винительном падеже множественного числа: *рука, вода, спина, стена, щека, борода, сторона, голова, нога* (ср.: *рука́, руки́, руко́й, рука́ми, рука́х* и *ру́ки*)

Подвижное ударение, переходящее с падежной формы существительного на предлог, встречается в предложных сочетаниях с существительными всех трех склонений. Оно везде представляет собой явление непродуктивное, касающееся немногочисленных случаев связанного употребления и полунаречного характера, ср.: *за́ город, по́ двору, за́*

сердце, из́ лесу, на́ пол, по́ столу, за́ угол, по́ уши, за́ голову, на́ зиму, на́ стену, за́ ногу, на́ ночь).

§ 11. Образование имен существительных. Существительные, образованные способом суффиксации. Имена существительные в современном русском языке не только составляют самый обширный разряд слов, но и активно (интенсивнее, чем какая-либо другая часть речи) пополняются новыми словами.

Образование существительных происходит при помощи всех известных сейчас способов словообразования. Однако более всего существительных создано и создается путем суффиксации и сложения. С точки зрения семантики существительные, образованные суффиксацией, распадаются на следующие группы: 1) существительные абстрактного значения; 2) существительные со значением лица; 3) существительные, являющиеся названиями животных; 4) существительные, обозначающие предметы и орудия действия; 5) существительные со значением места. Особо следует выделить существительные с уменьшительными и увеличительными суффиксами субъективной оценки.

Существительные абстрактного значения образуются от самых разнообразных разрядов слов с помощью продуктивных суффиксов *-(е)ств(о), -ость (-есть), -ни(е), -ени(е), -к(а), -изм:*

-ость (-есть) образует существительные со значением отвлеченного качества от основ прилагательных и причастий: *грандиозность, сложность, торжественность, этажность, неумелость, принудительность, свежесть, пахучесть, всхожесть, утомленность, обитаемость* и т. п.; не образуют слов на *-ость* лишь прилагательные с непроизводной основой на *-щ, -ш* и с суффиксом *-ск-* и его производными (исключение составляют слова *детскость, светскость*); вариантом *-ость* является непродуктивный сейчас суффикс *-ность: будущность, общность, бытность, готовность, горячность, живность;*

-ств(о), -еств(о) (от основ прилагательных): *изящество, всемогущество, богатство, равенство, знакомство, любопытство, соседство, величество, удальство, достоинство, геройство, чудачество, материнство, детство, юношество, студенчество, товарищество*; менее продуктивен этот суффикс в образованиях от имен существительных (*кокетст-*

во, художество, невежество) и малопродуктивен в сфере отглагольных образований (*плотничество, бродяжничество);*

-ни(е), -ени(е), варианты — *-нь(е), -ень(е)* (от глагольных основ): *формирование, умение, терпение, горение, мигание, рисование, проектирование, бодрствование, пение, издание, задание, намерение, хранение, посещение, сплочение, хождение, укрепление, нападение, спасение, цветение, возникновение, обобщение, упражнение, прилунение, катапультирование* и т. п.; слова на *-ние* не образуются, как правило, от корневых бессуффиксальных глаголов типа *взять, открыть, развить, жить, шить* и глаголов на *-нуть* (образования типа *возникновение, проникновение, дуновение* являются единичными), а также от глаголов совершенного вида яркого реального значения:-

-к(а) (от глагольных основ): *плавка, расклейка, задержка, подкормка, чистка, распиловка, лакировка, браковка, рубка, поливка, вспышка;* слова с этим суффиксом не образуются от корневых глаголов, глаголов с *-ну,* глаголов на *-ивать(-ывать), -ствовать, -ничать;* значение действия прочно сохраняется в образованиях от глаголов несовершенного вида; в словах же, образованных от глаголов совершенного вида, легко возникает значение орудия действия или его результата: *записка, выписка, сноска, вышивка* и т. п.;

-изм образует от иноязычных основ слова, соотносительные с наименованиями лиц: *коммунизм (коммунист), туризм (турист), либерализм (либерал)*; существительные на *-изм* обозначают состояния, качества и, главным образом, общественно-политические течения и направления: *фанатизм, педантизм, альпинизм, трагизм, утопизм, католицизм*; отдельные существительные на *-изм* были образованы от исконно русских слов: *ленинизм, русизм, очеркизм*;

-аци(я) — иноязычный суффикс, образует слова от глаголов на *-ировать*: *вулканизация, конкретизация, оптимизация, модернизация*;

-щин(а) образует существительные, которые обозначают общественные явления отрицательного характера, в качестве образующих основ нередко выступают собственные имена: *кампанейщина, обломовщина.*

Все прочие суффиксы, выделяющиеся в именах действия, сейчас или непродуктивны, или малоупотребитель-

ны и имеют узкие словообразовательные связи. Суффикс *-ти(е) (-ть(е)* встречается в словах, образованных от глаголов с односложным корнем: *вздутие, вскрытие, бритье.* Суффиксы *-б(а), -еж, -н(я)* наблюдаются в словах, образованных от беспрефиксальных глаголов несовершенного вида: *борьба, стрельба, галдеж, дележ, стряпня, грызня, суетня.* Суффикс *-аж*, как правило, содержится только в словах, образованных от иноязычных основ (*шпионаж, массаж, инструктаж, пилотаж*); суффикс *-тельств(о)* — в немногих словах, образованных от глаголов с приставками (*вмешательство, надругательство, запирательство*); суффикс *-овств(о)* — в единичных словах, образованных от беспрефиксальных глаголов именного происхождения (*мотовство, сватовство, шутовство*). Суффикс *-знь* выделяется в единичных словах давнего происхождения от непродуктивных глаголов типа *жить, болеть, бояться (жизнь, болезнь, боязнь)*; суффикс *-от(а)* — в единичных образованиях от бесприставочных глаголов (*дремота, зевота*); суффикс *-ежк(а)* — в отдельных существительных, образованных от основ отыменных глаголов (*бомбежка, зубрежка, кормежка*).

Остальные суффиксы, наблюдающиеся в отвлеченных существительных, совершенно непродуктивны и встречаются в единственном слове или в очень немногочисленных по количеству словах. К таким суффиксам можно отнести *-иц(а) (путаница, нелепица), -овизн(а) (дороговизна), -енств(о) (первенство), -шеств(о) (пиршество, новшество), -ур(а) (литература, архитектура), -об(а) (злоба, учеба), -от (грохот, топот), -ев(а) (синева), -отн(я) (беготня, толкотня, трескотня), -тв(а) (жатва, молитва), -ик(а) (грамматика, архаика, гимнастика, фонетика), -ив(а) (инициатива), -истик(а) (характеристика), -ад(а) (блокада)* и т. п.

Многие слова, возникнув как абстрактные существительные, позже приобретают конкретное значение лица, предмета, орудия, действия, напр.: *сирота, знаменитость, седина, туманность, крепость, крепление, печенье, заведение, занавеска, чертеж* и т. д.

Не менее разнообразна и обширна группа существительных со значением лица. Нигде нет такого обилия словообразовательных моделей, как в этой группе имен. Однако и здесь четко выделяется группа продуктивных суффиксов, которой противостоит множество малопродуктивных или совершенно непродуктивных.

В качестве продуктивных выступают следующие суффиксы: *-ец, -овец (-евец), -ик, -щик, -чик, -льщик, -ист, -ант:*

-ец, -овец (-евец) (от основ имен существительных): *партиец, ленинградец, армеец, олимпиец, автозаводец, райкомовец, метростроевец;* от основ имен прилагательных и глаголов суффикс *-ец* сейчас является уже непродуктивным, ср.: *юнец, счастливец, глупец, швец, чтец, писец, пловец, творец, борец*;

-ик (от имен прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*): *очник, монтажник, передовик, международник, десантник, высотник, кадровик, массовик, ремонтник, фронтовик*; другие образования с этим суффиксом непродуктивны, ср.: *избранник, техник, политик, критик*;

-щик, -чик (от основ существительных и глаголов): *атомщик, бетонщик, изолировщик, грузчик, разносчик, обходчик, минометчик;*

-льщик (от глагольных основ несовершенного вида): *бурильщик, точильщик, рисовальщик, носильщик, болельщик, чистильщик, обжигальщик;*

-ист (от основ существительных, чаще иноязычных, реже исконно русских): *машинист, металлист, баянист, журналист, связист, сценарист;* слова на *-ист*, обозначающие лицо по принадлежности его к определенному общественному направлению или течению, обычно имеют параллельные абстрактные существительные на *-изм*, ср.: *материалист — материализм, социалист — социализм;*

-ант (-янт) (от иноязычных именных и глагольных основ): *курсант, музыкант, оккупант, спекулянт.*

Остальные суффиксы в сравнении с названными выше образуют новые слова очень слабо. Малопродуктивными являются суффиксы *-тель, -ор, -ёр, -ач, -чанин, -ун, -(а)нец (-инец), -ик* и *-атор:*

суффикс *-тель* образует существительные обычно от префиксальных глаголов исконно русского происхождения: *распространитель, оформитель, соглашатель;*

-ун наблюдается в словах, образованных от бесприставочных глаголов также исконно русского происхождения: *болтун, летун, врун;*

-ор, -ёр выделяются в словах, образованных от глагольных и именных основ иноязычного происхождения: *инструктор, инспектор, ревизор, дирижер, монтер;*

-ач, -чанин, -(а)нец (-инец), -ик и *-атор* соотносительны с именными основами: *-ач* — с непроизводными имена-

ми существительными как исконно русского, так и иноязычного происхождения: *рифмач, циркач, трюкач, трубач; -чанин* и *-(а)нец (-инец)* — с собственными географическими именами: *харьковчанин, ростовчанин, американец, кубинец;*

-ик и *-атор* соотносительны с основами существительных иноязычного происхождения: *историк, комик, академик, экспериментатор, реформатор.*

Непродуктивны в настоящее время суффиксы *-ак, -ан, -овщик (-ёвщик), -арь, -тяй, -яй, -ович, -ич, -ей, -ыш, -як, -чак,* соотносительные с основами имен существительных или прилагательных, напр.: *чудак, рыбак, горлан, пузан, старьевщик, гробовщик, почтарь, лентяй, крепыш, москвич, Кузьмич, грамотей, толстяк, бедняк, смельчак.*

Непродуктивны суффиксы *-лец, -ок, -(а)рь, -ль, -ч, -тай,* соотносительные с глагольными основами, напр.: *страдалец, седок, ездок, пахарь, враль, рвач, толкач, глашатай, оратай.*

Непродуктивны также иноязычные суффиксы *-онер (революционер, селекционер), -ент (референт, оппонент), -ан (критикан, интриган), -ир (кассир, бригадир)* и некоторые другие.

Как правило, названные выше словообразовательные типы слов выступают лишь для обозначения лиц мужского пола. Для обозначения лиц женского пола используются особые слова, соотносительные или образованные от параллельных имен мужского рода. Такие слова, обозначающие лиц женского пола, образуются обычно при помощи суффиксов *-к(а), -иц(а), -ш(а), -овк(а) (-евк(а), -ниц(а), -щиц(а), -чиц(а)* и *-льщиц(а)*, являющихся продуктивными, ср.: *спортсменка, фронтовичка, москвичка, дипломница, полярница, общественница, лифтерша, контролерша, библиотекарша, вузовка, метростроевка, работница, спутница, наборщица, разносчица, писательница, мечтательница, купальщица, штопальщица* и т. д. В целом ряде случаев, однако, в качестве суффиксов, образующих соотносительные с именами мужского рода названия лиц женского пола, выступают и другие, в настоящее время в большинстве своем совершенно непродуктивные суффиксы *-енк(а), -есс(а), -ис(а), -ья, -ын(я) (-ин(я)* и т. п.: *француженка, поэтесса, актриса, болтунья, рабыня, графиня.*

Наименования лиц, отличающихся между собой только полом, образуют по большей части регулярные соответ-

ствия суффиксальных типов: словам на *-ист* соответствуют образованные от них слова на *-ка (баскетболист — баскетболистка)*, словам на *-тель* — образованные от них слова на *-ница (спасатель — спасательница)* и т. д. Однако это наблюдается не всегда, напр.: *портной — портниха, продавец — продавщица, старик — старуха, ткач — ткачиха, господин — госпожа*, но *певец — певица, озорник — озорница, скрипач — скрипачка* и т. д.

В том случае, если существительные мужского рода выступают как названия лиц вообще, безотносительно к полу, параллельных слов женского рода обычно не наблюдается, ср.: *педагог, профорг, товарищ, человек*. Такие существительные одинаково свободно применяются как для обозначения лиц мужского, так и для обозначения лиц женского пола. Параллельных образований не наблюдается также и тогда, когда лицо характеризуется по деятельности или качеству, свойственным лишь одному какому-либо полу, ср.: *бородач, коваль, футболист, прачка, маникюрша*. Только в мужском роде оформляются при помощи малопродуктивных суффиксов *-ёнок, -чонок* и *-ёныш* слова, представляющие собой названия детенышей и детей: *цыпленок, котенок, волчонок, гусеныш, утеныш*.

Так как категория слов общего рода со значением лица в современном русском языке в целом непродуктивна и образует относительно небольшую и слабо пополняющуюся группу существительных, непродуктивными или малопродуктивными оказываются и те суффиксы, при помощи которых эти слова образуются. Существительные общего рода образуются при помощи суффиксов *-ён(а), -иц(а), -к(а), -л(а), -он(я), -х(а), -ош(а), -с(а), -уш(а), -ул(я), -уг(а), -юк(а), -ыг(а), -яг(а)* и др.: *гулена, тупица, тараторка, запевала, тихоня, растеряха, святоша, плакса, дорогуша, капризуля, хапуга, злюка, торопыга, работяга* и т. п.

Полную противоположность существительным со значением лица представляют в словообразовательном отношении имена, обозначающие животных. Здесь нет продуктивных моделей, специфических суффиксов, характерных только для этого разряда слов; нет регулярных и четко отграниченных друг от друга соответствий между названиями животных и определенными типами слов, от которых они образуются. Более или менее однотипно лишь образование слов, обозначающих самок животных (в этом

случае обычно используются суффиксы *-иц(а)* и *-их(а)*, напр.: *тигр — тигрица, заяц — зайчиха, медведь — медведица, слон — слониха* и т. п. Однако и здесь немало нерегулярных образований типа *кот — кошка, козел — коза, павлин — пава, гусь — гусыня,* разнокорневых слов (ср.: *баран — овца, петух — курица, бык — корова*). Другие же образуются при помощи самых разнообразных суффиксов *(кукушка, глухарь, червяк, грызун, петух, утка, кряква)*. Это объясняется прежде всего тем, что большинство такого рода слов, если они не заимствованы, возникло очень давно и пережило немало изменений.

Существительные со значением предмета представляют собой образования от самых разнообразных разрядов слов, однако больше всего среди них производных от глаголов и прилагательных. Именно с основами последних связаны немногие продуктивные в сфере слов этого значения суффиксы.

Наиболее интенсивно пополняющейся группой среди слов предметного значения являются отглагольные существительные со значением орудия действия, образуемые при помощи суффиксов *-тель, -льник, -лк(а)* и *-ник*. Все названные суффиксы первоначально образовывали только имена лиц *(читатель, целовальник, гадалка, шутник)* и лишь с развитием машинной техники стали продуктивными в производстве существительных со значением орудия действия:

-тель, -льник и *-лк(а)* (а также малопродуктивный суффикс *-ло: грузило, поддувало*) образуют слова от переходных глаголов на *-а, -и, -е* как префиксальных, так и бесприставочных, причем при образовании эти суффиксы присоединяются к тематическому гласному инфинитивной основы: *двигатель, зажигатель, углубитель, выпрямитель, копнитель, глушитель, умывальник, кипятильник, морозильник, сеялка, зажигалка, грелка;*

-ник соотносителен с глагольно-именными основами и присоединяется в процессе словопроизводства к конечному согласному основы: *приемник, запальник.*

Суффиксы *-щик, -ор, -ун* встречаются лишь в единичных словах (ср.: *тральщик, культиватор, колун* и т. п.) и не являются продуктивными.

Среди суффиксов, образующих общие наименования предметов, продуктивен только суффикс *-к(а)*. При помощи этого суффикса новые слова образуются на базе

основ прилагательных как параллель словосочетанию: *зенитка, многотиражка, пятилетка, вечерка.*

Остальные суффиксы, самые различные по своим конкретным значениям и словообразовательным связям, в настоящее время непродуктивны и за редким исключением новых слов не образуют. Это суффиксы *-ак (-як), -арь, -в(о), -ев(о), -ель, -ец, -ик, -ин(а), -ник, -няк, -ок* и др., напр.: *пятак, словарь, месиво, капель, сырец, грузовик, утренник, баранина, градусник, известняк, отросток, желток, вкладыш.*

Еще менее продуктивны и количественно немногочисленны суффиксальные существительные со значением места. Только два суффикса здесь могут быть охарактеризованы для современного русского языка как продуктивные. Это суффиксы *-лк(а)* и *-льн(я)*. Все остальные суффиксы *(-ищ(е), -иц(а), -лищ(е), -ник, -н(я), -овь(е)* являются непродуктивными и новых слов со значением места не образуют.

В настоящее время более продуктивными, нежели суффиксальный, в образовании слов этой семантики оказываются суффиксально-префиксальный и морфолого-синтаксический способы. Суффикс *-льн(я)* образовывал и в определенной степени образует существительные от инфинитивной основы глагола, напр.: *раздевальня, парильня, купальня, читальня, ожидальня, красильня, опочивальня.* Таковы же словообразовательные связи суффикса *-лк(а)*, выступающего нередко в качестве разговорного варианта суффикса *-льн(я)* при тех же самых глаголах: *раздевалка, читалка, ожидалка, умывалка* и т. п.

Среди непродуктивных суффиксов суффикс *-лищ(е)* соотносителен с глагольными основами *(училище, жилище, чистилище)*, суффикс *-иц(а)* — с основами имен прилагательных *(больница, темница, теплица)*, суффиксы *-ищ(е), -ник* и *-овь(е)* — с основами имен существительных *(пепелище, стрельбище, пожарище* от *пепел, стрельба, пожар)*. Суффикс *-н(я)* соотносителен как с именами существительными, так и с глаголами: *колокольня, пекарня* и *пашня, бойня.*

Особо следует отметить суффиксы собирательного и единичного значения. Собирательные суффиксы *-няк, -ник, -в(а), -j(е), -ств(о), -ат, -ур(а)* и др. образуют собирательные существительные (типа *ивняк, малинник, листва, тряпье, учительство, старостат, профессура*) от имен, обозначающих единичные предметы. Сингулятивные

суффиксы *-ин(а)* и *-инк(а)* от вещественных и собирательных существительных образуют названия единичных предметов: *горошина, хворостина, чаинка.*

Совершенно отдельно от всех остальных суффиксальных образований необходимо рассматривать существительные с так называемыми суффиксами субъективной оценки. Образования с этими суффиксами представляют собой в подавляющем большинстве такие новые слова, которые отличаются от тех слов, на базе которых они возникли, только особой эмоционально-экспрессивной окраской, напр.: *голос — голосище, место — местечко, год — годик, ночь — ночка, земля — землица, дед — дедушка.*

Из продуктивных суффиксов, в которых тот или иной оттенок субъективной оценки (презрения, уничижения и др.) может сочетаться со значением реальной увеличительности, следует отметить лишь суффиксы *-ищ(е), -ищ(а)* и *-ин(а)*, напр.: *носище, домище, детище, кулачище, силища, духотища, пылища, ручища, домина, хвостина.*

Среди суффиксов, в которых тот или иной оттенок субъективной оценки (ласкательности, сочувствия, пренебрежения, иронии и т. д.) может сочетаться со значением реальной уменьшительности, наблюдается значительно больше разнообразия. В образованиях мужского рода выделяются продуктивные суффиксы *-ик, -чик* и малопродуктивные *-ок (-ек), -ец, -ышек: халатик, тазик, аргументик, чемоданчик, моторчик, костюмчик, листок, материалец, колышек* и т. п. В образованиях женского рода необходимо прежде всего указать продуктивные суффиксы *-к(а), -очк(а), -еньк(а)* и малопродуктивные или непродуктивные вовсе суффиксы *-ешк(а), -иц(а), -ц(а), -енк(а) (-онк(а), -ишк(а), -ушк(а)* и *-урк(а): идейка, комнатка, формочка, кисточка, ленточка, дороженька, Наденька, ноченька, рыбешка, водица, пыльца, коровенка, ручонка, страстишка, избушка, дочурка.*

В образованиях среднего рода наблюдаются продуктивные суффиксы *-ц(е), (-ц(о), -ец(о), -иц(е)* и непродуктивные *-ышк(о), -ишк(о), -к(о)* и *-ик(о): дельце, словцо, пальтецо, мненьице, пятнышко, пальтишко, колечко, личико.*

От образований с уменьшительно-ласкательными суффиксами в ряде случаев могут быть образованы вторичные формы субъективной оценки с помощью суффиксов

-ек и *-к(а)*, напр.: *дружок — дружочек, узелок — узелочек, ремешок — ремешочек, книжка — книжечка, водица — водичка.*

В ряде образований с суффиксами субъективной оценки в результате семантических изменений суффиксы, входящие в их состав, или потеряли свое первоначальное значение *(ножик, печка)*, или не выделяются в настоящее время вовсе *(крыльцо, мешок, чашка, блюдце, корка)*.

Безаффиксный способ образования имен существительных. К суффиксации примыкает безаффиксный способ образования существительных (образованные таким способом слова иногда классифицируются как существительные с нулевым суффиксом). Этот способ довольно продуктивный (правда, словообразовательно и тематически ограниченный). Этим способом в современном русском языке активно образуются существительные только от глаголов со значением действия (имеющиеся у этих слов иные значения — орудие действия, результат действия — появляются в них как вторичные в результате первоначального употребления их в качестве обозначений отвлеченного действия).

Как правило, существительные образуются от невозвратных глаголов несовершенного вида, имеющих префиксальную основу, напр.: *взрыв, выход, разбег, запас, осмотр, откорм, призыв, отзыв, прорыв, раскол, присед, припев, наплыв, подкат, пересказ, полив, проброс, перепись, выплата.* От бесприставочных глаголов несовершенного вида такие слова являются единичными: *пуск, смотр, мах* (спорт.).

От прилагательных образуются существительные, называющие отвлеченный признак. Этим способом слова образуются сейчас редко, ср.: *удаль, заумь.*

Субстантивация прилагательных. В процессе словоупотребления некоторые прилагательные утрачивают свою качественную семантику и приобретают предметное значение, т. е. субстантивируются, переходят в разряд существительных. Субстантивация слов, первоначально выражавших признак предмета, приводит к тому, что вместе с лексическим значением существительных они получают и многие характерные для существительных грамматические свойства: в них становятся самостоятельными грамматическими категориями род, число и падеж,

они входят в разряд одушевленных или неодушевленных, приобретают способность определяться, начинают выступать во всех свойственных существительным синтаксических функциях.

Единственным, что отличает такие слова (если это полные формы) от основной массы существительных, являются окончания. Становясь существительными, такие прилагательные все же сохраняют без изменения свое прежнее склонение.

Субстантивация прилагательных возникает в результате опущения определяемых существительных. В результате функция обозначения предмета переходит на обозначавшее его признак прилагательное, которое с течением времени и становится постоянным наименованием предмета, ср.: *горничная девушка — горничная, столовая комната — столовая, выходной день — выходной, грядущее время — грядущее.*

Субстантивация может быть полной и неполной. При полной субстантивации прилагательное теряет возможность выступать как прилагательное, напр.: *гостиная, портной, приданое, прачечная, пирожное, леший.* При неполной субстантивации прилагательное наряду с обозначением предмета продолжает употребляться и как наименование признака, напр.: *первое, постовой, прямая, прошлое.*

Субстантивированные прилагательные не изменяются по родам и являются словами одного из трех родов. Это характерно не только для случаев полной субстантивации. Не изменяются по родам, когда они выступают как существительные, и субстантивированные прилагательные, способные употребляться в своей исконной функции.

С изменением по родам не следует путать наличие у некоторых слов коррелятивных, т. е. соотносительных, форм мужского и женского рода в обозначениях лиц типа *звеньевой* и *звеньевая, знакомый* и *знакомая,* аналогичных парам *колхозник — колхозница, писатель — писательница.* Аффиксы *-ый — -ая* здесь выражают то же самое, что и суффиксы *-ник — -ниц(а), -тель — -тельниц(а)*, и вовсе не то, что ими выражается, например, в словах *высокопроизводительный — высокопроизводительная.*

Наиболее разнообразны в семантическом отношении субстантивированные прилагательные женского рода, могущие обозначать как одушевленные, так и неодушевленные предметы. Среди них наблюдается больше всего слов

со значением места действия: *булочная, мостовая, столовая, набережная, детская, прихожая.*

Однако имеются также (правда, не образующие продуктивных моделей) слова, которые обладают и другими значениями, ср.: *борзая, гончая, накладная, подорожная, касательная, запятая.*

Субстантивированные прилагательные среднего рода являются обозначениями конкретных предметов и отвлеченных понятий. Среди названий конкретных предметов находим обозначения различных вин, кушаний и лекарств: *шампанское, мороженое, пирожное, заливное, первое, снотворное,* ср. также: *горючее.* Среди субстантивированных прилагательных с отвлеченным значением выделяются слова, являющиеся научными терминами и формами выражения общих абстрактных понятий, напр.: *общее, частное, прекрасное, будущее, прошлое, былое, содержимое.*

Субстантивированные прилагательные мужского рода почти все являются именами лиц, напр.: *ученый, малый, пожарный, раненый, управляющий, заведующий, новенький, штатский, больной, смертный, рядовой.*

Имеется также определенная группа субстантивированных прилагательных, употребляющихся только во множественном числе. Семантически она не менее разнообразна, чем разряд субстантивированных прилагательных женского рода, но в количественном отношении значительно меньше. Сюда относятся, напр.: *данные, суточные, командировочные, близкие, чаевые.*

Субстантивированными прилагательными по происхождению являются также многие топонимические названия и большинство фамильных наименований, ср.: *Смоленск, Ярославль, Медное, Бологое, Узловая, Долгопрудная, Дубровский, Петров, Фокина, Боброва, Бураго, Теплых.*

Субстантивация прилагательных как явление деривации относится к семантико-морфологическому способу словопроизводства. В ряде случаев мы имеем, однако, дело не с субстантивацией прилагательных, а с созданием новых слов по образцу уже имеющихся субстантивированных прилагательных. Такими являются, например, слова *вселенная, насекомое, числительное,* скалькированные с греческих и латинских слов, слова *корректорская* и *диспетчерская,* образованные по образцу *столовая, учительская,* и т. п.

От субстантивированных прилагательных следует отличать слова типа *вожатый* и *зодчий*. Существительные типа *вожатый* (ср.: *завсегдатай*) и *зодчий* (ср.: *казначей*) под влиянием прилагательных типа *богатый, плотничий* приобрели несвойственные им ранее склонение и словообразовательную структуру. Суффиксальные элементы стали в них осознаваться как окончания *-ый, -ий*, и они начали склоняться как прилагательные.

Сложные существительные. Рассмотренные выше суффиксация и субстантивация (прилагательных) относятся к способам образования слов с одной мотивирующей основой. В сфере существительных не менее продуктивны, хотя и более ограничены в своих словообразовательных и семантических возможностях, способы образования слов, имеющих более чем одну мотивирующую основу. Среди этих способов различаются следующие: чистое сложение (слов и полных или сокращенных основ) и сложение с одновременной суффиксацией (или суффиксально-сложный).

При чистом сложении слово образуется в результате соединения в одно целое двух основ или слов без каких-либо дополнительных последующих словообразовательных аффиксов, напр.: *лен, комбайн — льнокомбайн; плащ, палатка — плащ-палатка; газ, снабжение — газоснабжение; Калинин, град — Калининград; тепло, воз(ить) — тепловоз.*

Среди сложных существительных выделяются самые разнообразные типы как по степени и характеру объединения двух слов в одно, так и по словообразовательному строению и лексико-грамматической принадлежности объединяемых основ или слов.

По степени объединения двух слов в одно сложные существительные делятся на две неравные группы. Небольшую, но активно пополняющуюся в настоящее время группу составляют сложные существительные, состоящие из двух склоняемых существительных: *завод-автомат, фабрика-кухня, язык-основа, мать-героиня, платье-костюм, токарь-скоростник, самолет-разведчик.*

Подавляющее же большинство сложных существительных представляют собой слитные слова, единое словесное целое. Слитные сложные существительные с точки зрения характера соединения в них основ распадаются на слова с соединительными гласными *о, е* и слова без соеди-

нительных гласных. Сложение без соединительной гласной в современном русском языке является продуктивным лишь в образовании сложносокращенных слов.

Наиболее продуктивными типами сложения при помощи соединительного гласного являются в настоящее время два:

1. Сложение двух имен существительных, объединяющихся между собой как по способу подчинения, так и по способу сочинения. Среди этих слов наблюдаются слова всех трех грамматических родов. Семантически они чрезвычайно разнообразны и разнородны. Сюда относятся: *теплотехник, силосорезка, судоверфь, торфобрикет, рельсоукладчик, бетономешалка, стекловолокно, снегозадержание, зернохранилище, железобетон, лесопункт, лесонасаждение, металлолом.*

2. Сложение основы имени существительного с бессуффиксальной основой глагола, построенное по принципу подчинения имени глаголу. Род таких существительных — мужской. Семантически они сравнительно единообразны и в подавляющем большинстве являются обозначениями действующих лиц или машин, орудий действий и т. п., напр.: *пылесос, мусоропровод, бензовоз, ледокол, миномет, сталевар, рыболов, водопровод, винторез.*

Остальные типы сложения менее продуктивны. Сюда можно отнести сложные слова:

1) из основ существительного и глагола, параллельных предикативным сочетаниям, напр.: *солнцепек (солнце печет), водопад, снегопад, листопад*;

2) из основ прилагательного и существительного, напр.: *молодожен, чернозем, частокол, краснотал, суходол, белошвейка;*

3) из основ местоимения и существительного, напр.: *самоопыление, самоотвод, самокритика, самоопределение, самооборона, самоанализ, самообразование, себялюбие;*

4) из основ прилагательного или наречия и глагола, напр.: *теплоход, скороход, вездеход, сухостой.*

При сложении с одновременной суффиксацией слово возникает как результат объединения двух основ с одновременной суффиксацией опорной основы. Такой способ словообразования можно назвать сложносуффиксальным, напр.: *редкий, лес — редколесье; восемь, грань — восьмигранник; босая, нога — босоножка.*

Среди сложносуффиксальных слов более всего сложений основы существительного с основой глагола и основы

прилагательного или числительного с основой существительного. В качестве суффикса в таких случаях чаще всего применяется суффикс *-и(е) (-ь(е)* (хотя возможны и другие), напр.: *плодородие, земледелие, сухожилие, легкомыслие, просторечие, долголетие, пятидесятилетие, четверостишие, черноморец.*

В целом ряде слов со значением лица или действующего предмета, содержащих не одну, а две основы, опорные основы выступают в чрезвычайно абстрактном значении, близком к словообразовательной семантике суффикса. Опорные основы таких слов потеряли свое конкретное лексическое значение и могут использоваться как своеобразные словообразовательные элементы, аналогичные суффиксам. Их можно назвать суффиксоидами. В качестве таких элементов в настоящее время функционируют исконно русские морфемы *-вед, -вод, -носец,* ср.: *языковед, садовод, орденоносец, знаменосец.* Заимствованные морфемы *-лог, -граф, -ман, -фил* и некоторые другие *(текстолог, диалектолог, лексикограф, меломан, фотограф, славянофил)* относятся уже к суффиксам. То же можно отметить и относительно аффикса *-(с)мен,* напр.: *спортсмен, конгрессмен, рекордсмен.*

От сложных существительных и существительных, образованных сложносуффиксальным способом, следует строго отграничивать слова, образованные суффиксальным способом от сложных слов. Например, слово *железнодорожник* образовано от слова *железнодорожный* при помощи суффикса *-ик; пчеловодство* — от слова *пчеловод, пароходство* — от слова *пароход* при помощи суффикса *-ств(о)* и т. д.

Особой группой слов являются также существительные, представляющие собой суффиксацию словосочетания, напр.: *себе стоить — себестоимость, себя любить — себялюбие.*

Многие сложные по составу слова являются по своему реальному происхождению словообразовательными кальками.

Своеобразным разрядом существительных, образованных сложением, являются не встречающиеся ни в какой другой части речи сложносокращенные слова, в которых наблюдаются не полные основы, а сокращенные.

Сложносокращенные слова в полном смысле этого термина представляют собой слова четырех типов: слогового, звукового, буквенного и смешанного.

Слоговой тип составляют слова, образованные путем соединения частей основ: *совхоз, партком, линкор, юннат, райком, прораб* (производитель работ), *ликбез* (ликвидация безграмотности), *комсомол, Кузбасс, исполком, кожимит* (имитация кожи), *командарм, завхоз, универмаг.*

В звуковой тип сложносокращенных слов входят существительные, образованные путем сложения начальных звуков слов: *вуз, ГУМ, ЗИЛ, дот, БАМ.*

Буквенные аббревиатуры представляют собой слова, образованные из начальных букв слов: *КПСС, СССР, МГУ.*

Сложносокращенные слова смешанного типа являются существительными, которые образованы тем или иным сочетанием приемов, характерных для различных типов, именно слогового и звукового *(сельпо, завуч)*, буквенного и звукового *(ЦДРИ, ЦДСА)*.

К сложносокращенным словам относят также образования, представляющие собой соединение сокращенной основы слова с полным словом. Такого рода слова, занимающие промежуточное положение между сложными и сложносокращенными словами, возникают на базе сочетания прилагательного (очень редко причастия) и существительного, напр.: *зоосад, профсоюз, партсобрание, стенгазета, промтовары, автоколонна, спортплощадка, земснаряд.*

Особую группу слов (в количественном отношении пока не очень большую) среди существительных составляют слова, образованные путем чистого сокращения, или аббревиации (см. с. 235—236).

Другие способы образования имен существительных. Кроме разобранных способов словопроизводства, имена существительные образуются суффиксально-префиксальным способом (см. с. 234), префиксальным (особенно с приставками степени, отрицания и совместности) и редеривацией (см. с. 234, 237).

ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

§ 1. Имя прилагательное как часть речи. Имя прилагательное — это часть речи, которая обозначает признак предмета и выражает это значение в словоизменительных категориях рода, числа и падежа.

Обозначаемый прилагательным признак предмета может указывать на качество или свойство предмета *(голубое небо, прекрасное начало, ненастная погода, торжественный момент)*, на принадлежность предмета тому или иному лицу или животному *(отцова шапка, Танины слова, кошкин дом)* и, наконец, на отношение предмета к другому предмету, обстоятельству, действию или числу *(железная крыша, теперешнее положение, питательный пункт, седьмой класс)*.

Лишь в немногих прилагательных, обычно очень давних, признак предмета выражается непосредственно лексическим значением их основы. Подавляющее большинство слов этого грамматического класса выражает качество или свойство предмета опосредованно и в связи с этим имеет производную основу с характерной только для прилагательных словообразовательной структурой.

Грамматические категории рода, числа и падежа прилагательных — словоизменительные и выявляются синтаксически: они выполняют лишь функцию согласования с существительным. Чисто синтаксический характер рода, числа и падежа в имени прилагательном объясняет единообразие и прозрачность флексий, присущих словам этой части речи в отличие от имени существительного.

В предложении прилагательное является определением или именной частью сказуемого, напр.: *А кстати: Ларина проста, но очень милая старушка* (Пушкин). *Священная годов минувших память да будет в новом подвиге жива* (Твардовский). В первом примере *проста* — именная часть сказуемого, *милая* — определение; во втором — *священная* — определение, *жива* — именная часть сказуемого.

§ 2. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных. В зависимости от того, каким образом и какой именно признак предмета обозначается теми или иными прилагательными, а также какими грамматическими свойствами они обладают, прилагательные можно разделить на пять больших разрядов: качественные, относительные, притяжательные, качественно-относительные, относительно-притяжательные.

Первые три разряда — основные, два последних являются промежуточными (один — между качественными

и относительными прилагательными, другой — между относительными и притяжательными).

Качественные прилагательные как прямые наименования определенных признаков включают в свой состав прежде всего обозначения различных физических и духовных качеств человека *(крепкий, полный, молодой, суровый, гордый, вспыльчивый, веселый, коварный, назойливый)*, слова, обозначающие свойства и качества предметов и явлений *(глубокий, густой, острый, прочный, тяжелый, интересный, тонкий, шаблонный, вместительный, доходчивый, узловатый, ядовитый)*, названия цветов *(красный, лиловый, черный, оранжевый)*.

Независимо от того, являются ли они непроизводными по своей морфологической структуре или их основа оказывается производной, прилагательные называют эти качества и свойства как непосредственно воспринимаемый признак того или иного предмета.

В подавляющем большинстве качественные прилагательные характеризуются следующими специфическими только для них грамматическими свойствами:

1. Качественные прилагательные, как правило, имеют как полную форму *(серый, -ая, -ое, -ые; логичный, -ая, -ое, -ые; долговечный, -ая, -ое, -ые)*, так и краткую *(сер, -а, -о, -ы; логичен, -чна, -чно, -чны; долговечен, -чна, -чно, -чны)*.

2. В своей большей части они обладают способностью изменяться по степеням сравнения: *удобный — удобнее, более удобный, самый удобный, удобнейший; тонкий — тоньше, более тонкий, самый тонкий, тончайший.*

3. Основная масса качественных прилагательных имеет соотносительные наречия на *-о, -е* или *-и: активный — активно, виртуозный — виртуозно, вызывающий — вызывающе, критический — критически.*

4. Качественные прилагательные обычно обладают способностью сочетаться с наречиями степени типа *вполне, очень, совсем, чрезвычайно, необыкновенно: очень нерасчетливый, вполне корректный, совсем унылый, чрезвычайно щедрый, необыкновенно симпатичный.*

5. От целого ряда качественных прилагательных, имеющих качественно-оценочное значение, существуют или возможны формы субъективной оценки и уменьшительные или увеличительные образования, обозначающие бóльшую или меньшую степень качества и свойства. Сюда относятся как слова суффиксального и префиксального образования, так и формы, образованные повтором или

удвоением, напр.: *бледный — бледноватый, бледненький; глупый — глуповатый, глупенький; кислый, кисленький; злой — злющий, высокий — высоченный, модный — сверхмодный, веселый — развеселый, высший — наивысший, синий-синий, жидкий-прежидкий.*

6. Почти от всех качественных прилагательных образованы или могут быть образованы абстрактные имена существительные с продуктивным суффиксом *-ость (-есть)*, непродуктивными суффиксами *-от(а), -изн(а), -ин(а), -ств(о)* или безаффиксным способом, напр.: *аккуратность, гуманность, верность, задумчивость, ловкость, молодость, обширность, певучесть, густота, краснота, быстрота, чистота, глубина, ширина, толщина, крутизна, желтизна, голубизна, богатство, лукавство, одиночество, синь, тишь, удаль.*

7. Качественные прилагательные могут быть не только словами с производными основами *(беззаботный, общительный, разумный)*, но и словами с непроизводными основами *(бодрый, веселый, прочный, важный, ровный, богатый)*.

8. Качественные прилагательные способны к образованию антонимических пар, т. е. в семантическом отношении противоположных, но вместе с тем соотносительных слов — антонимов, напр.: *бедный — богатый, мягкий — черствый, гладкий — неровный, молодой — старый, грамотный — неграмотный, скупой — щедрый, узкий — широкий, ясный — мутный, прибыльный — убыточный.*

Указанные грамматические свойства присущи не всем качественным прилагательным в равной степени. Многие качественные прилагательные, обладая одними из названных признаков, других не имеют. Так, слово *трагический* не имеет краткой формы и не образует форм субъективной оценки и отвлеченного существительного с суффиксом *-ость;* слово *мертвый* не образует степеней сравнения и не сочетается с наречиями степени. В то же время прилагательному *трагический* свойственна способность к образованию степеней сравнения *(более трагический, самый трагический)*, оно имеет соотносительное с ним наречие *трагически,* может сочетаться с наречиями степени, рядом с ним существует антонимическое прилагательное *комический.* Прилагательное *мертвый* имеет краткую форму *(мертв, -а, -о)*, соотносительное с ним наречие *мертво*, антонимическое прилагательное *живой.*

Особенно много среди качественных прилагательных таких, которые, обладая всеми остальными из указанных грамматических свойств, не имеют и не способны иметь форм субъективной оценки и уменьшительно-увеличительных слов. Последнее объясняется стилистически ограниченным характером такого рода образований.

Относительные прилагательные обозначают признак предмета не прямо, а опосредованно. Они всегда являются словами, в которых тот или иной признак предмета указывает на отношение предмета к другому предмету *(морской, казахский, глиняный, орденский)*, к обстоятельству *(вчерашний, здешний)*, к действию *(точильный, отрывной)* или к числу *(семнадцатый, двойной)*. Общим значением относительных прилагательных является, таким образом, выражение отношения, значение «свойственный предмету» или «относящийся к предмету».

По своим грамматическим свойствам они резко противопоставляются качественным прилагательным тем, что не имеют ни одного признака, характерного для последних: они не обладают краткими формами, не образуют степеней сравнения и форм субъективной оценки, не сочетаются с наречиями степени, обычно они не образуют соотносительных наречий на *-о, -е, -и*, не имеют антонимов и образований на *-ость* и т. д.

В словообразовательном отношении все относительные прилагательные являются словами, имеющими производную основу, в которой аффиксы служат средством выражения отношения: *набивной, безглазый, зауральский, заводской*. Выделяются относительные прилагательные со специфическими для них аффиксами и приемами сцепления с образующей основой (ср. суффиксы *-ск(ий), -ов(ый) (-ев(ый), -ан(ый) (-ян(ый)*, суффиксально-префиксальные образования типа *безусый*).

Выражая признак предмета через отношение, относительное прилагательное всегда имеет синонимичные ему конструкции со словом (существительным, глаголом, наречием), от которого оно образовано, ср.: *безрогий баран — баран без рогов, мясной суп — суп из мяса, стиральная машина — машина, которая стирает*.

Слова, обозначающие порядок предметов при счете, т. е. указывающие на отношение предмета к числу, многими учеными включаются в грамматический класс числительных. Опираются они, по существу, лишь на лексические факты связи и соотносительности этих слов с количе-

ственными числительными. Однако только на этом основании считать *второй, четвертый, миллионный* и другие порядковые прилагательные числительными — значит делать ту же серьезную и явную ошибку, какую сделали бы мы, отнеся к глаголам существительные *чтение, сортировка, окучивание,* к наречиям прилагательные *будничный, вчерашний, всегдашний,* к прилагательным существительные *белизна, восторженность, глубина.* Только словообразовательная и семантическая связь каких-либо разрядов слов ни в коей мере не является доказательством принадлежности их к одному грамматическому классу, особенно если один из этих разрядов является производным от другого (как порядковые прилагательные от количественных числительных).

Рассматривая слова *первый, сотый, тысячный* и др. с точки зрения значения, можно видеть их полное сходство с относительными прилагательными: они так же обозначают признак предмета, в частности так же выражают отношение к числу, как прилагательные *березовый, ржаной, стеклянный, клюквенный, зубной* и т. п.— отношение к предмету.

В еще большей степени неправомерность отнесения порядковых слов в разряд числительных и отрыва их от категории прилагательных становится ясной тогда, когда мы знакомимся с их грамматическими свойствами: 1) эти слова имеют ту же систему склонения, которая характерна для всех относительных прилагательных (слово *третий* склоняется как прилагательное с основой на *-j*, остальные — как прилагательное с твердой основой); 2) они так же, как остальные прилагательные, имеют категорию рода и числа, а в предложении выступают в качестве определения, согласуясь с определяемыми существительными в роде, числе и падеже.

Прилагательность порядковых слов проявляется, наконец, и в их образовании и морфологической структуре, которые идентичны образованию и словообразовательному строению остальных прилагательных. Ряд их (соотносительных с непроизводными количественными числительными) имеет непроизводную основу, аналогичную той, которая характерна прилагательным типа *золотой, злой: четвертый, пятый, седьмой, сотый.* Некоторые (также соотносительные с непроизводными количественными числительными) характеризуются типичной для прилагательных суффиксальной основой (с суффиксами *-j-, -ов-, -н-),*

напр.: *третий, сороковой, тысячный, миллиардный* (ср.: *лисий, луговой, тракторный*).

Что же касается остальных порядковых слов (соотносительных уже с производными и составными количественными числительными), то они в словообразовательном отношении совершенно подобны различным типам сложных прилагательных и прилагательных суффиксального характера от целых словосочетаний. Структура слов *шестидесятый, двухсотый, пятитысячный* целиком соответствует словообразовательному строению прилагательных типа *шестикрылый, двухтонный, пятиэтажный.*

Структура образований *сто сорок пятый, тысяча тридцать восьмой* находит себе аналогию в прилагательных *потусторонний, сногсшибательный:* как в тех, так и в других только последний элемент словосочетания оформляется в соответствии с нормами, свойственными для прилагательного, все остальное остается без изменений. Разница между ними больше графическая: порядковое прилагательное этого типа пишется в несколько слов, а прилагательные типа *потусторонний, сногсшибательный* — в одно слово.

Таким образом, нет никаких оснований относить слова *первый, второй, третий* к категории числительных. Это самые обычные относительные прилагательные, указывающие на признак предмета относительно места его при счете в ряду других, как другие относительные прилагательные указывают этот признак относительно другого предмета *(театральное здание)*, обстоятельства *(вчерашний вечер)* или действия *(танцевальная площадка)*.

Как и другие относительные прилагательные, некоторые порядковые слова (соотносительные с количественными числительными от *одного* до *десяти*) могут в процессе словоупотребления приобретать и чисто качественное значение, правда всегда фразеологически обусловленное, ср.: *второй сорт, первый ученик, девятый вал, через десятые руки, первая скрипка, пятая колонна.*

Качественно-относительные прилагательные совмещают в своей семантике относительное значение с качественным. Относительное значение в этом случае обычно выступает как основное, номинативное значение этих слов, а качественное — как переносное. Обратных случаев, когда вторичным значением является относительное, а качественное значение представляет собой основное, номинативное значение, очень немного. Та-

кие факты наблюдаются лишь при терминологическом использовании общеупотребительных прилагательных.

Употребляясь в относительном значении, эти прилагательные имеют характерные черты относительных прилагательных; выступая в качественном значении, они приобретают свойства качественных прилагательных. Так, прилагательное *сердечный* в относительном значении (ср.: *сердечные мышцы — мышцы сердца, сердечные болезни — болезни сердца)* выступает как относительное прилагательное, в силу чего не имеет краткой формы, не образует степеней сравнения, не имеет соотносительного наречия на *-о* и т. д. Употребляясь же в качественном значении *(сердечный человек, сердечный привет)*, оно ведет себя уже как качественное прилагательное и имеет присущие ему грамматические свойства: обладает краткой формой *(сердечен, -чна, -чно)*, образует степени сравнения *(сердечнее, самый сердечный)*, образует наречие *(сердечно)* и отвлеченное существительное на *-ость (сердечность)*, сочетается с наречиями степени *(очень сердечный)*. Качественно-относительными прилагательными будут также слова *картинный, жизненный, мирный, наблюдательный, музыкальный* и т. п. Ср.: *картинная галерея* (относ.: *галерея для картин)* и *картинная поза* (кач.: *самая картинная, картинна, картинно, картинность*); *жизненный опыт* (относ.: *опыт жизни*) и *жизненное предложение* (кач.: *жизненна, жизненно, жизненность, особенно жизненный*); *мирный труд* (относ.: *труд в обстановке мира*) и *мирный характер* (кач.: *мирен, мирно, очень мирный*); *наблюдательный пункт* (относ.: *пункт для наблюдения*) и *наблюдательный человек* (кач.: *наблюдателен, наблюдательнее, самый наблюдательный, наблюдательность*); *музыкальная школа* (относ.: *школа музыки*) и *музыкальный ребенок* (кач.: *музыкален, музыкальна, музыкальнее, самый музыкальный, музыкальность*).

Некоторые из таких прилагательных, теряя первичные относительные значения, со временем совершенно переходят в разряд качественных, некоторые же, не удерживая новых, качественных значений, возвращаются обратно в разряд относительных.

К относительным прилагательным примыкает группа притяжательных прилагательных, обозначающих принадлежность предмета какому-либо определенному лицу или животному: *Олегов, Анютин, соседкин, братов, белкин.* Среди них следует выделить две группы.

К первой принадлежат образования с суффиксами *-ин (-нин)* и *-ов (-ев)*. От относительных прилагательных они отличаются не столько значением (значение принадлежности в них иногда уступает место относительному значению: *соседкина семья, Олегова жена)*, сколько грамматическими свойствами, морфологической структурой и сферой употребления. В именительном падеже эти прилагательные известны только в краткой форме. Склоняясь, они принимают окончания то имен существительных, то полных прилагательных, в то время как склонение относительных прилагательных целиком аналогично склонению качественных. С точки зрения морфологической структуры они чрезвычайно однообразны и представляют собой соединение основы существительного, обозначающего лицо или животное, и суффикса *-ин (-нин)* или *-ов (-ев)*. Это словообразовательное строение является характерным лишь для этого типа прилагательных.

От других разрядов прилагательных отличаются они также непродуктивностью и очень ограниченной сферой употребления. В свободном употреблении, вне фразеологических оборотов, притяжательные прилагательные встречаются только в живой речи и ее отслоениях в стилях художественной литературы и публицистики. В остальных стилях литературного языка они являются лишь элементами фразеологических оборотов: *анютины глазки, адамово яблоко, ахиллесова пята, чертов мост, соломоново решение* и т. д.

Употребление притяжательных прилагательных все более и более сокращается (особенно это относится к образованиям на *-ов (-ев)*. Очень часто как в литературном языке, так и в живой, разговорной речи они заменяются в настоящее время или родительным падежом принадлежности, или однокорневыми относительно-притяжательными прилагательными (вместо *отцов кабинет — кабинет отца, отцовский кабинет* и т. п.).

Вторую группу составляют притяжательные прилагательные, образованные с помощью суффикса *-ск(ий)* и его производных исключительно от фамилий. Суффикс *-ск(ий)* присоединяется в том случае, если основа фамилии уже содержит суффикс притяжательности: *пушкинский, некрасов-ский.* В тех случаях, когда в основе фамилии суффикса притяжательности нет, то притяжательные прилагательные образуются при помощи суффиксов *-овск(ий) (-евск(ий)* и *-инск(ий): мигунковский, зозулин-*

ский. Если фамилии в своей основе имеют суффикс *-ск(ий)* или его производные (ср.: *Островский, Белинский, Павский)*, то они притяжательных от себя не образуют.

Сфера распространения этих прилагательных та же, что и собственно-притяжательных на *-ин (-нин)* и *-ов (-ев)*,— живая, разговорная речь и ее отражение в художественной литературе и публицистике.

Относительно-притяжательные прилагательные — это прилагательные, имеющие как относительное, так и притяжательное значение. Они включают в себя две группы слов: 1) слова, образованные при помощи суффикса *-j-: волчий, волчья, волчье;* 2) слова, образованные с помощью суффикса *-ин(ый): гусиный, гусиная, гусиное.*

Основная функция отмеченных прилагательных — обозначение характерного для лица или животного свойства (ср.: *рачьи глаза, заячьи повадки, утиный нос*) или указание на материал, из которого что-либо приготовлено *(беличий воротник, куриный суп, лебяжий пух)*. Однако наряду с этими относительными значениями прилагательные на *-ий, -ья, -ье* и *-иный* имеют и притяжательные значения, приобретая оттенок конкретно-единичной принадлежности лишь в определенном контексте, ср.: *Красивые коровьи глаза тоскливо глядели на него (коровьи глаза* — глаза, принадлежащие одной, вполне конкретной корове). *Он вошел во двор и, увидев собачью конуру, остановился. Кот потянулся и открыл глаза: тогда исчез и мышиный хвостик.*

Общей чертой, объединяющей эти прилагательные с притяжательными, является их образование при помощи суффиксов *-j-* и *-ин(ый)* только от нарицательных обозначений лиц и животных: суффикс *-j- (-ий, -ья, -ье)* образует прилагательные как от слов, обозначающих лиц, так и от слов, обозначающих животных *(старушечий, пастуший, верблюжий, бараний)*; суффикс *-ин(ый)* — лишь от слов, являющихся названиями животных *(муравьиный, змеиный, лосиный)*.

Прилагательные типа *бараний, девичий, щучий* выделяются среди других прилагательных, кроме совмещения относительного и притяжательного значения, также системой склонения: в именительном и винительном падеже единственного числа эти прилагательные выступают в кратких формах (ср.: *девичий, девичья, девичье, девичью, девичьи)*, в остальных — в полных (ср.: *девичьею,*

девичьей, девичьем, девичьих, девичьими). Относительно-притяжательным является в настоящее время и прилагательное *отцовский*, ср.: *отцовский костюм* и *отцовские чувства*.

Границы намеченных выше разрядов, как показывают уже промежуточные группы качественно-относительных и относительно-притяжательных прилагательных, не являются постоянными: они подвижны и часто меняются. Переход прилагательных из одного разряда в другой — такое же обычное явление, как и развитие новых значений в слове вообще.

Особенно часто наблюдается переход относительных прилагательных в качественные. Однако он не является прямым и непосредственным.

Вначале относительные прилагательные, обогащая круг своих значений новой, качественной семантикой, переходят в разряд качественно-относительных. И лишь потом, в процессе употребления, они могут, утрачивая свои старые, относительные значения, превратиться в качественные. Так перешли с течением времени в качественные относительные прилагательные с суффиксом *-тельн(ый)*: *привлекательный, разоблачительный, взыскательный, внимательный, возмутительный*. Еще в первой половине XIX в. эти прилагательные были качественно-относительными и имели, помимо современных качественных значений, ныне утраченные относительные значения, бывшие ранее основными и первичными. Так, слово *внимательный* имело значение «слушающий, внемлющий» (*Посол, погибели предтеча, замолк. Но звук последних слов еще гремел, как шум оков, в сердцах внимательного веча* (Одоевский); слово *возмутительный* — значение «характерный, свойственный для возмутителя» (*Я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем* (Пушкин).

Первоначально относительными были и такие прилагательные, как *плавный, щепетильный, бурный, дельный, вздорный, коварный, приятный, обыденный, голубой, вороной, коричневый* и т. п. Еще у А. Грибоедова в «Элегии» мы встречаем слово *бурный* в значении «сопровождаемый бурями»: *Эол во мгле шумит. И бурный вал кипит и плещет*. Прилагательное *дельный* в XIX в. употреблялось и в значении «предназначенный для работы».

Не все качественно-относительные прилагательные обязательно переходят в разряд качественных. Многие из них сохраняют в течение очень длительного времени и качественное, и относительное значение, образуя стойкую группу слов качественно-относительного характера.

§ 3. Полные и краткие прилагательные. Многие прилагательные качественного значения (как качественные, так и качественно-относительные), кроме полных форм, имеют также и краткие формы, ср.: *весел, сладок, глупа, больна, умна, интересно, кратки, счастливы.*

Непременным условием способности того или иного прилагательного образовывать краткую форму является обозначение им такого качества, которое может быть как постоянным признаком предмета, так и его временным свойством. Прилагательные, называющие неизменные признаки предмета, которые указывают его специфические свойства и существуют в нем постоянно, краткими формами не обладают, напр.: *славный* в значении «симпатичный», *бедный* в значении «несчастный», *вороной, голубой.*

Являясь прилагательными, соотносительными в своих значениях, грамматических свойствах и сфере употребления с полными формами, краткие формы выступают как разряд слов, стремящийся к обособлению в особый грамматический класс, промежуточный между полными прилагательными и категорией состояния.

Краткие формы не обладают важнейшими морфологическими и семантическими свойствами имени прилагательного. Имея формы рода и числа, они тем не менее лишены системы падежных форм и не склоняются. Им совершенно несвойственна основная синтаксическая функция прилагательного — выражение определения. В предложении они всегда выступают в роли сказуемого.

В отличие от прилагательных в полной форме прилагательные в краткой форме, выступая в качестве сказуемого, сочетаются не с местоимениями *какой, такой*, а с однокорневыми местоименными наречиями *так, как: Она была такая красивая!* и *Она была так красива! Какая интересная книга!* и *Как интересна книга!*

Нет полного совпадения между краткой и полной формой и в семантическом отношении. Тонкое, но ясное семантическое различие между ними наблюдается даже тогда, когда они обе выступают в роли сказуемого. Полной формой прилагательного выражается постоянный

признак предмета *(Он у меня веселый)*, краткая же форма обозначает качественное состояние, характерное для предмета в определенный момент *(Он весел и доволен)*.

Краткие формы получают нередко такие смысловые оттенки, которые совершенно несвойственны полным формам. Это наблюдается в таких прилагательных, как *узок, широк, молод, стар, велик, мал,* которые приобретают по сравнению с полными формами дополнительное значение чрезмерности обладания тем или иным качеством, напр.: *узкий проход* и *Получившийся проход оказался узок; платье с коротким рукавом* и *рукав короток.* Слова *узкий, короткий* указывают ширину и размер без какой-либо оценки; прилагательные *узок, короток* не только обозначают названные ширину и размер, но и характеризуют их как чрезмерные (короткий рукав не всегда короток, узкий проход может быть и не узок).

Не менее сильный смысловой разрыв кратких и полных форм мы наблюдаем во многих других прилагательных вроде *нужен, хорош, виден, согласен, болен, плох, способен, мил, готов,* ср.: *нужный человек* и *Этот человек вам будет нужен; способная студентка* и *Эта студентка способна была заниматься до самозабвения.*

Краткие формы прилагательных образуются от полных путем прибавления к основе соответствующих родовых окончаний, являющихся общими с окончаниями именительного падежа единственного числа имен существительных, нулевого окончания, *-а (-я), -о, -е, -ы, -и.* При этом основа полного прилагательного, оканчивающаяся на согласный, перед которым стоит гласный, обычно остается без изменений: *счастливый — счастлив, зеленоватый — зеленоват, белобрысый — белобрыс.* Основа же полных прилагательных, имеющая на конце согласный, перед которым стоит другой согласный, оставаясь без изменения при образовании кратких форм женского и среднего рода, обычно изменяется при образовании кратких форм мужского рода. Как правило, между двумя согласными, один из которых сонорный, появляется беглый гласный: *ясный — ясен, кислый — кисел, светлый — светел, хитрый — хитёр, острый — остёр, долгий — долог, яркий — ярок.* Беглый гласный возникает и между взрывными согласными: *хрупкий — хрупок, кроткий — кроток, редкий — редок.* Из этого есть, однако, немало исключений: *мудр, бодр, горд, тверд, желт, нагл, пёстр, быстр, толст, кругл, чёрств* и др. Исключением являются прилагатель-

ные *мудр, бодр, горд, тверд, жёлт, нагл* и др., в которых не содержатся беглые гласные. Если конечным согласным основы является звук [к] после твердого согласного, кроме шипящих, это беглый гласный *о: прыткий — прыток, четкий — четок, цепкий — цепок, звонкий — звонок, меткий — меток.* Если конечным согласным основы является звук [к] после шипящих и мягких согласных или звук [н], это — *е: тяжкий — тяжек, горький — горек, судоходный — судоходен, типичный — типичен, честный — честен, экономичный — экономичен.* Исключения составляют образования от слова *полный* и тех прилагательных, в которых ударение в краткой форме мужского рода падает на беглый звук *(умный — умен, сильный — силен, смешной — смешон, чудной — чуден, полный — полон)*: в них наблюдается беглый гласный не *е*, а *о*.

При образовании краткой формы мужского рода от отдельных прилагательных наблюдается и другая особенность: используется иногда не вся основа, а основа без конечного суффиксального *н*. Такой способ образования краткой формы мужского рода используется в том случае, если полные прилагательные являются: 1) прилагательными, образованными из страдательных причастий на *-нный: одаренный — одарен, уравновешенный — уравновешен, сдержанный — сдержан, униженный — унижен;* 2) прилагательными, образованными при помощи суффикса *-енн(ый): маневренный — маневрен, мужественный — мужествен, существенный — существен, таинственный — таинствен, болезненный — болезнен.* Такое образование кратких форм мужского рода в настоящее время является малопродуктивным. От указанных прилагательных все чаще и свободнее возникают образования по общему правилу — от целой основы, включая второе *н*. Естественно, что между двумя *н* в таком случае появляется беглый гласный *е: свойственный — свойственен* и *свойствен; естественный — естествен* и *естественен; определенный — определен* и *определенен.*

Укрепление такого способа образования кратких форм мужского рода от прилагательных с суффиксом *-енн(ый)* (как образованных от существительных, так и возникших из страдательных причастий) — свидетельство стремления к унификации их производства по общей модели. Именно поэтому отдельные формы типа *свойственен, естественен, определенен* могут расцениваться сейчас как

норма наряду с освященными традицией литературного языка XIX в. формами *свойствен, естествен, определен* и т. п. Однако рассматривать все новые образования такого рода как правильные и литературные еще нельзя (ср. формы вроде *медленен, неслыханен, дисциплинированен*).

Образование кратких форм ограничено такими прилагательными, которые обозначают качество, способное выступать и как постоянный признак предмета, и как его временное свойство. Поэтому не образуют кратких форм не только относительные прилагательные, но и многие качественно-относительные и даже качественные прилагательные. Среди них следует прежде всего отметить следующие разряды:

1) прилагательные на *-ский: братский, дружеский, вражеский, нищенский, издевательский;*

2) прилагательные с суффиксом *-ов(ый): передовой, деловой, боевой, плановый;*

3) прилагательные с суффиксом *-л(ый)*, присоединяющимся к основе инфинитива: *отсталый, обветшалый, запоздалый, устарелый, горелый, закоснелый;*

4) прилагательные типа *дохлый, прошлый, обрюзглый*, возникшие из старых причастий на *-л;*

5) прилагательные с суффиксами и приставками, привносящими значение большей степени качества: *здоровенный, худющий, пренеприятный, разудалый;*

6) прилагательные *большой, старший, младший, меньший*, употребляемые сейчас как прилагательные положительной степени, хотя генетически они являются формами сравнительной степени.

Не имеют кратких форм также многие прилагательные, обозначающие масти животных и цвета: *гнедой, чалый, саврасый, сиреневый, шоколадный, розовый.*

Ограничения в образовании краткой формы существуют и для тех прилагательных, от которых она в принципе возможна. Ограничения проявляются как в том, что краткая форма образуется от подобных прилагательных только в некоторых их значениях, так и в том, что от некоторых из прилагательных образуются формы не для всех родов и не для обоих чисел. Так, прилагательное *случайный* в значении «появившийся, возникший непреднамеренно, непредвиденно» имеет краткую форму *(случаен, -йна, -йно)*, в значении же «происходящий от случая к случаю, непостоянный» употребляется только в полной

форме. Прилагательные *древний, хворый* не имеют кратких форм для женского рода.

Как правило, употребление кратких форм в функции сказуемого в большей степени характерно для литературно-книжных стилей, тогда как использование в этой функции полных прилагательных обычно свойственно разговорному языку, ср.: *Этот раздел очень труден* и *Этот раздел очень трудный.*

Следует отметить, что имеются и такие прилагательные, которые известны только в краткой форме: *рад, должен, надобен, горазд.* Естественно, что они будут одинаково характерны как для книжной, так и для разговорной речи.

§ 4. Степени сравнения имен прилагательных. Многие прилагательные качественного значения известны не только в положительной степени, но и в сравнительной и превосходной.

Среди качественных и качественно-относительных прилагательных положительной степени, имеющих качественную семантику, не образуют степеней сравнения только такие прилагательные, которые или обозначают абсолютный признак, неспособный проявляться в большей или меньшей степени *(слепой мальчик, сиреневое платье, пурпурная мантия),* или имеют элятивное значение наивысшей степени качества *(вернейшее средство, сверхнизкие температуры, презабавный случай, наилучшие показатели, развеселое житье).* Все остальные прилагательные, помимо положительной, могут выступать в сравнительной и превосходной степени.

Разница в значении положительной степени прилагательного, с одной стороны, и сравнительной и превосходной — с другой, заключается в том, что прилагательное положительной степени обозначает определенное качество предмета совершенно безотносительно, тогда как прилагательные сравнительной и превосходной степени выражают это качество путем установления соотношения между качествами предметов. В силу этого качество, обозначаемое прилагательными сравнительной и превосходной степени, имеет относительное значение, ср.: *Мальчик был послушный* и *Он был послушнее Валерика. Он был самый послушный из ребят.*

Таким образом, положительная степень указывает на качество предмета безотносительно к тому, в какой степе-

ни это качество проявляется в других имеющих его предметах или в какой мере оно данному предмету было или будет свойственно: *молодая девушка, сообразительный мальчик, сложная задача, красивая женщина, плохая дорога.*

Сравнительная степень указывает: 1) на то, что называемое прилагательным качество предмета проявляется в этом предмете в большей мере, чем в другом или в других: *Она была моложе его на пять лет. Людмила оказалась сообразительнее своих друзей. Следующая задача оказалась более сложной, чем первая;* 2) на то, что качество предмета, называемое прилагательным, свойственно ему в большей степени, чем это было раньше или будет впоследствии: *Она стала еще прекраснее. Раньше дороги здесь были хуже.*

Превосходная степень указывает на то, что качество, называемое прилагательным, свойственно данному предмету или предметам в ряду однородных предметов в наивысшей степени, т. е. более, чем всем остальным таким же предметам: *Из студенток первого курса она была самая молодая. Самым сообразительным из друзей оказался Дмитрий. Эта задача оказалась наиболее сложной. Она была прекрасней всех.*

Как видим, сравнительная и превосходная степень отличаются друг от друга не только тем, что ими выражаются разные степени качества. Сравнительная степень может служить средством сравнения по качеству как однородных предметов, так и разнородных, если последние могут обладать одинаковыми свойствами: *Этот стол больше того* и *Сын выше отца.* Более того, она может выступать средством сравнения качества, проявляющегося в одном и том же предмете: *Дорога стала прямее. Ничего, будет умнее.* Превосходная же степень является средством сравнения по свойственному для них качеству только однородных предметов: *Она надела самое лучшее платье. Наиболее серьезным оказался доклад Петрова.*

Как правило, степени сравнения образуются от соответствующего прилагательного положительной степени с помощью аффиксов или служебных слов. Примеры супплетивного образования степени сравнения единичны, напр.: *хороший — лучше, лучший; плохой — хуже, худший; маленький — меньше.*

Образование степеней сравнения может быть двояким, поэтому различаются два типа форм степеней сравне-

ния — простые и составные. Простые формы образуются синтетически, прибавлением к основе положительной степени соответствующего формообразующего суффикса: *сильн-ее, выш-е, сильн-ейш(ий), высоч-айш(ий)*. Составные формы образуются аналитически, прибавлением к прилагательному положительной степени служебных слов: *более сильный, более краткий, самый сильный, наиболее краткий.*

Простая форма сравнительной степени прилагательных омонимична с формой сравнительной степени наречий, но четко от нее отделяется своими синтаксическими связями в предложении.

Наиболее продуктивной категорией в сравнительной степени являются составные формы, образуемые присоединением к прилагательному положительной степени слова *более*, напр.: *более интересный, более серьезный, более продолжительный, более разговорчивый, более болезненный.*

Эти составные формы возможны от всех прилагательных качественного значения, которыми обозначается подвижный в степени проявления признак. Они сохраняют способность склоняться и свободно выступать в роли определения.

Кроме них, наблюдаются также и простые формы сравнительной степени, представляющие собой суффиксальные образования. Как формообразующая модель, они значительно древнее составных форм, и отдельные их разряды «грамматичны» в значительно меньшей мере. Так, среди них имеются и супплетивные формы, и такие, которые воспринимаются как особые, с точки зрения современного языкового сознания не вполне правильные образования: *редкий — реже, глубокий — глубже, сладкий — слаще.* Круг прилагательных, от которых они возможны, несколько уже того, от которого можно образовать составные формы. В частности, простые формы не образуются от прилагательных с суффиксами *-ск(ий), -л(ый)* и т. д. (ср. отсутствие простой формы сравнительной степени при наличии составной у слов *товарищеский, массовый, юркий, дерзкий, усталый, запустелый, ветхий, гордый* и др.).

В отличие от составных простые формы сравнительной степени, исключая единичные слова вроде *горший, больший, меньший,* не имеют присущих для прилагательных категорий рода, числа и падежа.

Продуктивным суффиксом, при помощи которого в настоящее время образуются простые степени сравнения, является только суффикс *-ее (-ей): изобразительнее, интенсивнее, полезнее, старательнее.* Между равноправными суффиксальными вариантами *-ее* и *-ей* различие существует только в сфере употребления: формы на *-ей* встречаются лишь в разговорной речи и с версификационными целями в стихотворном языке.

Формы, имеющие непродуктивные суффиксы *-е* и *-ше,* представляют собой замкнутую категорию, возникшую давно и давно уже не пополняющуюся. Суффикс *-е* имеют прилагательные с основой на заднеязычные и *д, т, ст,* по словообразовательному строению являющиеся словами с непроизводной основой или с основой, включающей суффикс *-к(ий).* Для конечных согласных основы или корня (когда суффикс *-к(ий)* при образовании отбрасывается) характерны следующие чередования: *к/ч, г/ж, х/ш, д/ж, т/ч, з/ж, ст/щ (резкий — резче, жаркий — жарче, дорогой — дороже, сухой — суше, твердый — тверже, крутой — круче, близкий — ближе, узкий — уже, чистый — чище).* Этот же суффикс находим в простых формах сравнительной степени от слов *высокий (выше), глубокий (глубже), дешевый (дешевле), сладкий (слаще), широкий (шире),* у которых суффиксу *-е* предшествуют специфические основы: *выш-, глубж-* и т. д. Суффикс *-ше* выделяется лишь в единичных формах: *больше, дальше, дольше, меньше, раньше, тоньше* (от *большой* (ср.: *более*), *далекий, долгий, маленький, ранний, тонкий).*

Все простые формы сравнительной степени с суффиксами *-ее, -е* и *-ше* могут осложняться приставкой *по-.* В соединении с этой приставкой они образуют особую, смягченную сравнительную степень, указывающую на несколько ослабленную степень преобладания качества по сравнению с той, которая обозначается обычной, беспрефиксальной, ср.: *Лишь была б она* [пища] *с наваром, да была бы с пылу с жару — подобрей, погорячей* (Твардовский).

Пять прилагательных: *большой, горький* (в значении «несчастный»), *маленький, плохой, хороший* — имеют устаревшую простую форму сравнительной степени на *-ший: больший, горший, меньший, худший, лучший.* Для этой формы сравнительной степени свойственны все признаки прилагательного в положительной степени: она склоняется, имеет категорию рода и числа. Все эти

образования являются вариантными формами, которыми перечисленные прилагательные обладают наряду с другими, более употребительными, ср.: *больший* и *больше, лучший* и *лучше, горший* и *горше*. Слова *худший* и *лучший* могут использоваться не только как формы сравнительной, но и как формы превосходной степени, ср.: *Лучшего исполнения он от нее и не ожидал* и *Она исполняла лучшие вещи своего репертуара.*

Слова *высший, низший, младший* и *старший,* когда-то также имевшие значение сравнительной степени, в настоящее время его уже не имеют.

Отдельные прилагательные имеют не одну простую форму сравнительной степени, а две (например, от прилагательного *поздний* существуют формы *позднее* и *позже*).

Простые формы сравнительной степени, если они существуют рядом с составными, имеют разговорный оттенок, вариантные составные формы — книжный.

Как правило, формы сравнительной степени употребляются в своем прямом значении. Однако в определенных условиях формы сравнительной степени могут использоваться и для выражения значения превосходной степени. Таким условием является использование их в отрицательных оборотах обобщенного характера и в сочетании с родительным падежом местоимений *весь, всего, всех* или *ничего* (местоимение *всех* употребляется, если обозначается качество лица, местоимение *всего* — если носителем признака выступает неодушевленный предмет): *Однако его морские рассказы талантливее всего, что им было написано. Этот человек оказался счастливее всех. В саду нет ничего прелестнее этого уголка.*

Формы превосходной степени, как и формы сравнительной, могут быть простыми и составными.

Составные формы являются продуктивной категорией, простые — малопродуктивной: если первые имеются или возможны от каждого прилагательного, обозначающего признак, проявляющийся в предмете то в большей, то в меньшей степени, то вторые численно ограничены и от многих прилагательных не образуются.

Составные формы превосходной степени образуются от прилагательных положительной степени при помощи слов *самый* и *наиболее: самый бесхарактерный, самый существенный, наиболее выгодный, наиболее лиричный, самый молчаливый, самый расточительный, наиболее эф-*

фективный, самый миролюбивый. Формы со словом *самый* являются общеупотребительными и одинаково часты как в книжной, так и в разговорной речи. Формы со словом *наиболее* встречаются обычно в различных стилях письменной речи и несут на себе яркий отпечаток книжности.

Простые формы превосходной степени являются суффиксальными образованиями от прилагательных положительной степени. Образуются они присоединением к основе прилагательного формообразующего суффикса *-ейш(ий)*, напр.: *чудесный — чудеснейший, идеальный — идеальнейший, бережливый — бережливейший, исправный — исправнейший, справедливый — справедливейший, ценный — ценнейший.*

Простые формы превосходной степени могут быть образованы не от всех прилагательных качественного значения. Их не имеют не только те прилагательные, которые не обладают простыми формами сравнительной степени, но и подавляющее большинство прилагательных с суффиксами *-чив(ый), -оват(ый), -аст(ый), -ист(ый)* и *-уч(ий)*. Так, отсутствуют простые формы превосходной степени (при наличии сравнительной степени) у прилагательных *восприимчивый, плутоватый, зубастый, напористый, линючий* и т. п.

В отдельных, в целом немногочисленных и давних по времени появления прилагательных простые формы превосходной степени имеют непродуктивный вариант суффикса *-ейш(ий) — -айш(ий)*. Это наблюдается лишь тогда, когда основа прилагательного оканчивается на заднеязычные согласные *к, г, х,* которые в этом случае чередуются с шипящими, напр.: *тонкий — тончайший, строгий — строжайший, тихий — тишайший.* Суффикс *-айш(ий)* встречается также и у двух прилагательных, в которых превосходная степень была образована от непроизводной основы без суффикса *-к-: ближайший, нижайший* (здесь с шипящим *ж* чередуется *з*). Простая форма превосходной степени *кратчайший* (от прилагательного *краткий*) используется не только применительно к слову *краткий,* но и к слову *короткий.*

Выступать как простые формы превосходной степени могут и единичные прилагательные с суффиксом *-ш(ий): высший, низший, худший, лучший.* Значение превосходной степени является в таких образованиях неосновным и в очень большой степени стертым. Именно это позволяет свободно употреблять их в сочетании со словом *самый.*

В отдельных случаях (их наблюдалось значительно больше в русском литературном языке XIX в.) в сочетании со словом *самый* встречаются и некоторые образования на *-ейший, -айший*. Такого рода факты — лишнее свидетельство неограниченной производительности составных форм превосходной степени и малопродуктивности и слабой выразительности простых. Последнее подчеркивается также стилистическим характером и сферой употребления простых форм превосходной степени: они являются принадлежностью литературно обработанной речи и имеют ясно ощущаемый оттенок книжности.

§ 5. Формы субъективной оценки качества. От степеней сравнения, в которых качество выражается относительно — путем сопоставления его в разных предметах, следует четко отграничивать формы субъективной оценки качества. В этих формах признак обозначается так же, как и в основных прилагательных положительной степени: обладающий признаком предмет с другими по этому признаку не сравнивается и признак выступает в нем как качество, взятое само по себе.

Однако в отличие от основных прилагательных положительной степени формы субъективной оценки качества сочетают в себе обозначение признака с выражением оценки его говорящим. Такого рода образования могут быть и чисто эмоциональной оценкой обозначаемого признака, а могут одновременно указывать на реальную бóльшую или меньшую его степень.

Безотносительную степень качества наряду с его субъективной оценкой, а иногда и лишь простое отношение говорящего к качеству могут выражать следующие разряды форм:

1) формы имен прилагательных, образованные при помощи суффиксов *-еньк(ий) (-оньк(ий), -ехонек (-охонек), -ешенек (-ошенек), -юсеньк(ий)*, напр.: *черненький, хитренький, веселенький, сухонький, белехонек, тяжелешенек, малюсенький;*

2) формы имен прилагательных, образованные с помощью суффиксов *-ущ(ий)* и *-енн(ый)*, напр.: *злющий, большущий, широченный, здоровенный;*

3) формы имен прилагательных, образованные посредством префиксов *наи-, пре-, раз-, сверх-, ультра-*, напр.: *наикратчайший, наихудший, архинелепый, архиглупый, прехитрый, пренеприятный, развеселый, разлюбез-*

ный, сверхмощный, сверхмодный, ультрареакционный, ультралевый;

4) формы имен прилагательных, образованные способом чистого или префиксального повтора, напр.: *добрый-добрый, теплый-теплый, глубокий-преглубокий, чистый-пречистый;*

5) омонимичные с превосходной степенью формы имен прилагательных на *-ейший, -айший,* имеющие элятивное значение, т. е. обозначающие безотносительно предельную степень качества предмета: *широчайшие массы, в кратчайший срок, малейший проступок, при ближайшем знакомстве.*

Формы субъективной оценки качества, образованные при помощи суффиксов *-еньк(ий) (-оньк(ий), -ехонек (-охонек), -ешенек (-ошенек),* если они не являются чистым выражением отношения говорящего к качеству предмета, могут иметь как оттенок смягчения степени качества, так и оттенок усиления степени качества. Остальные образования являются эмоционально-экспрессивными словами, которые служат для выражения безотносительно высшей степени качества.

Все отмеченные формы субъективной оценки качества являются стилистически ограниченными категориями слов: одни из них характеризуют разговорно-просторечное употребление (таких больше), другие составляют специфическую особенность литературно-книжной речи (это прилагательные с приставками *архи-, наи-, сверх-, ультра-* и элятив на *-ейший, -айший*). Приставка *наи-* присоединяется не к основному слову, а к элятивной форме на *-ейший, -айший* и *-ший: наистрожайший приказ, наивысший результат, наилучший способ, наикратчайший путь.* В отдельных случаях к такому образованию оказываются способны и некоторые другие приставки: *презабавнейший случай, разлюбезнейший человек.* Приставки в таких случаях лишь закрепляют и еще более усиливают элятивное значение, имеющееся в производных словах *строжайший, высший, кратчайший, забавнейший, любезнейший.* Их роль здесь, таким образом, иная, нежели в формах *развеселый, предобрый, архинелепый,* в которых приставки являются основным элементом значения предельной степени качества. Приставка *пре-* может образовывать формы субъективной оценки качества также и от прилагательных с суффиксами *-еньк(ий) (-оньк(ий): прехорошенький, премиленький* и др.

Все указанные типы форм субъективной оценки качества являются малопродуктивными и немногочисленными категориями слов, ограниченными как в словообразовательном отношении, так и сферой своего употребления. Особенно незначительными по количеству и стилистически ограниченными являются народно-поэтические слова с суффиксами *-ехонек (-охонек), -ешенек (-ошенек)* и научно-технические и общественно-политические образования с приставками *сверх-* и *ультра-*.

Кроме лексического значения и яркой экспрессивной окраски, формы субъективной оценки качества отличаются от основных прилагательных положительной степени также и своей неспособностью к образованию степеней сравнения.

Включаемые нередко в формы субъективной оценки качества прилагательные на *-оватый (-еватый)* таковыми на самом деле не являются. Этим прилагательным присуще обозначение объективной, реальной неполноты признака, заключенного в непроизводной основе, без какой-либо его оценки говорящим, ср.: *беловатый, кисловатый* и *беленький, кислый-прекислый.*

§ 6. Склонение имен прилагательных. Имеются два типа склонения прилагательных: к одному склонению относятся прилагательные полной формы, имеющие в именительном падеже единственного числа мужского рода окончания *-ый, -ий, -ой,* ко второму — прилагательные, имеющие окончания имен существительных.

Первый тип склонения является живым и продуктивным, объединяющим подавляющее большинство склоняемых прилагательных различной семантики; второй представляется непродуктивным и пережиточным и включает в себя лишь замкнутую группу притяжательных и относительно-притяжательных прилагательных.

Прилагательные разного рода обладают различными окончаниями только в единственном числе, во множественном числе для всех родов окончания одинаковые.

Прилагательные мужского и среднего рода в большей степени объединены между собой и в единственном числе: разные окончания они имеют лишь в именительном и винительном падеже *(-ый — -ое, -ой — -ое, -ий — -ее).*

Основной тип склонения делится на две разновидности: первую образуют прилагательные с основой на твер-

дый согласный, вторую — прилагательные с основой на мягкий согласный.

При склонении ударение в прилагательных во всех падежах остается постоянным. В прилагательных с твердой основой ударение может падать как на окончание (тогда именительный падеж единственного числа мужского рода оканчивается на *-ой*), так и на основу (тогда именительный падеж единственного числа мужского рода оканчивается на *-ый*).

В прилагательных с мягкой основой ударение всегда падает на основу.

Различия между твердой и мягкой разновидностью очень незначительны и целиком зависят от фонетических качеств конечного согласного основы единственного числа:

Им. *-ый, -ая, -ое* или *-ой, -ая, -ое* — *-ий, -яя, -ее*
Р. *-ого, -ой* — *-его, -ей*
Д. *-ому, -ой* — *-ему, -ей*
В. *-ый* или *-ого, -ую, -ое* — *-ей* или *-его, -юю, -ее*
Тв. *-ым, -ой (-ою)* — *-им, -ой (-ею)*
Пр. *-ом, -ой* — *-ем, -ей*

Множественное число:

Им. *-ые* — *-ие*
Р. *-ых* — *-их*
Д. *-ым* — *-им*
В. как И. или Р.
Тв. *-ыми* — *-ими*
Пр. *-ых* — *-их*

При отнесении прилагательного к той или иной разновидности следует строго отграничивать фонетические явления от фактов орфографии. Так, прилагательные с основой на *ш, ж, ц (свежий, хороший, куцый)* относятся к твердой разновидности, хотя их окончания на письме совпадают иногда с окончаниями прилагательных мягкой разновидности (ср. формы *свежий* и *синий, чужим* и *синим, куцем* и *синем, хорошие* и *синие,* которые, графически не различаясь, произносятся по-разному: све[жъи] — си[н'ии], чу[жым] — си[н'им], хоро[шъи] — си[н'ии]). Вариантных окончаний в парадигме прилагательных, за исключением формы творительного падежа единственного числа женского рода, нет.

Прилагательные с основой на *к, г, х* составляют своеобразную группу, склоняющуюся по твердой разновидно-

сти, но имеющую отдельные окончания прилагательных мягкой разновидности. Окончания, свойственные прилагательным с мягкой основой, эти слова имеют в творительном падеже единственного числа мужского и среднего рода (ср.: *новым,* но *широким* и *древним*) и во всех падежах множественного числа. Имея это в виду, иногда их справедливо выделяют в особую, смешанную разновидность склонения.

От основного типа склонения прилагательных отличается склонение прилагательных с суффиксами *-ов (-ев), -ин (-ын)* и *-j-* (типа *отцов, мамин, рыбий*), имеющих (при большинстве окончаний, целиком совпадающих с окончаниями полных прилагательных основного склонения) в отдельных падежах особые окончания, совпадающие с флексиями существительных.

В прилагательных с мягкой основой, образованных при помощи суффикса *-j-*, окончания кратких форм прилагательных наблюдаются только в именительном и винительном падеже: нулевое окончание в прилагательных мужского рода, окончание *-а* (им. п.) и *-у* (в. п.) в прилагательных женского рода и окончание *-е* в прилагательных среднего рода; во множественном числе окончание *-и* для всех трех родов, ср.: *рыбий, рыбья, рыбье, рыбьи.*

В прилагательных с твердой основой, образованных при помощи суффиксов *-ов (-ев), -ин (-ын),* окончания кратких форм, кроме именительного и винительного падежа обоих чисел *(сестрин, сестрина, сестрино, сестрины; приятелев, приятелева, приятелево, приятелевы),* имеют также родительный и дательный падеж единственного числа мужского и среднего рода (ср.: р. п.— *приятелева, сестрина,* д. п.— *приятелеву, сестрину*). Эти окончания являются единственно возможными только в прилагательных на *-ов (-ев),* ср.: *отцову шапку, адамова яблока, глауберову соль, приятелева портфеля.* В прилагательных на *-ин (-ын)* они не основные, а вариантные и в настоящее время почти не употребляются, заменяясь окончаниями полных прилагательных *-ого, -ому.* Тем самым прилагательные на *-ин (-ын)* по склонению начинают соотноситься с прилагательными типа *рыбачий* с суффиксом *-j-,* как твердая основа с мягкой.

Характеризуя склонение прилагательных на *-j-,* следует особо предостеречь от неверной трактовки как окончания сочетания *-ий* в *лисий, охотничий* и тому подобных прилагательных. Сочетание *-ий* является фонетическим

видоизменением суффикса *-j-*, наблюдающимся и в других разрядах слов, и представляет по отношению к окончанию *-ий* омоморфему. Соотношения *лисий — лисьи, лисьего, лисью* целиком соответствуют соотношениям, наблюдающимся в существительных *воробей — воробья, воробьи, воробью, ущелий — ущелью, ущельем.*

§ 7. Образование имен прилагательных. Прилагательные, образованные способом суффиксации. Наиболее продуктивными способами образования имен прилагательных оказываются суффиксация и словосложение, наименее продуктивным — префиксация. Как образующий, но ограниченный в своих возможностях выступает суффиксально-префиксальный способ словообразования. Так как притяжательные и относительно-притяжательные прилагательные являются непродуктивными разрядами и по способу образования простыми и однотипными (они все суффиксальные и образуются при помощи суффиксов *-ин, -ов, -ин(ый), -ов(ый)* только от основ существительных, обозначающих людей и животных), а качественно-относительные, как переходные, своих особых словообразовательных моделей не имеют, то кратко, не перечисляя всего словообразовательного инвентаря, остановимся лишь на образовании качественных и относительных прилагательных.

Среди продуктивных суффиксов, образующих одни только относительные прилагательные, можно отметить лишь суффикс *-ов- (-ев-)*. Этот суффикс в настоящее время активно образует прилагательные от основ неодушевленных имен существительных *(бензиновый, бежевый, жанровый, кадровый, содовый, пластмассовый, брезентовый, классовый, фетровый)*, редко — от основ одушевленных существительных *(бобровый, тигровый)* и от отдельных качественных прилагательных *(беловой, легковой, черновой)*. Остальные, специфические только для относительных прилагательных суффиксы *(-ян- (-ан-), -н'-, -шн'-)*, хотя и встречаются в целом ряде образований, в настоящее время являются непродуктивными. Почти все прилагательные, содержащие эти суффиксы, являются давними и по своему строению довольно однотипными. Суффикс *-ян-(-ан-)* выделяется в небольшой группе прилагательных, образованных от вещественных существительных и обозначающих (если они не выражают отношение к предмету вообще) «сделанный из того или иного ма-

териала»: *дровяной (склад)* — от *дрова, ржаной — рожь, серебряный — серебро, жестяной — жесть, кожаный — кожа, просяной — просо.* Вариант *-ан-* встречается лишь после шипящих и возник как результат их отвердения. Этот же суффикс находим в словах *оловянный, деревянный, стеклянный,* в которых наблюдается написание с двумя *н (-янн-* представляет собой не оправданный ни этимологией, ни логикой орфографический двойник суффикса *-ян-).* Суффикс *-н'-* встречается в немногочисленных прилагательных, образованных лишь от слов с местным или временным значением, напр.: *осень — осенний, рано — ранний, вечер — вечерний, ближе — ближний, даль — дальний.*

Производный от *-н'-* суффикс *-шн'-* вычленяется исключительно в единичных прилагательных, образованных от наречий времени и места, напр.: *вчерашний, будничний, тогдашний, домашний, внешний.* Как образования на *-н'-*, так и слова на *-шн'-* выражают отношение к месту и времени.

Среди продуктивных суффиксов, образующих только качественные прилагательные, следует назвать суффиксы *-ист-, -к-, -лив-* и *-чив-:*

-ист- образует прилагательные либо от основ существительных или прилагательных (в таком случае они обозначают «обладание чем-либо, обычно в большом количестве»: *пористый, сахаристый, породистый, волокнистый, жилистый, цветистый, хлористый, йодистый, сернистый, маслянистый*); либо от глагольных основ (в таком случае они выражают склонность к какому-либо действию: *задиристый, раскатистый, размашистый, порывистый, отрывистый*);

-к- образует прилагательные, обозначающие склонность к действию, выраженному производящей основой глагольного или глагольно-именного характера: *едкий, колкий, липкий, маркий, мылкий, ноский, тонкий, ходкий* (это производящий суффикс прилагательности (из *-ькъ-*), присоединявшийся когда-то к основам прилагательных для более яркого выражения признака, напр.: *жесткий, мелкий, редкий, тонкий, узкий, близкий, дерзкий, краткий, низкий, сладкий*);

-лив- образует прилагательные от основ глагольного и отглагольного происхождения со значением действия и действующего лица: *блудливый, выносливый, говорливый, заботливый, кокетливый, конфузливый, крикливый,*

надоедливый, податливый, пытливый, шутливый, приветливый, сонливый, сметливый (выражают склонность к какому-либо действию); от именных основ предметного значения (помимо отмеченного, могут иметь значение обладания чем-либо в большей степени): *тоскливый, слезливый, дождливый, талантливый, жалостливый* (особое присоединение суффикса *-лив-* к целой инфинитивной основе, включая классовый показатель глагола, имеется лишь в старых образованиях *терпеливый* и *горделивый;* слово *молчаливый* было образовано суффиксом *-ив-* от устар. *молчаль* «молчание»);

-чив- образует прилагательные только от глагольных и отглагольных основ со значением действия и обозначает склонность к этому действию: *обидчивый, обманчивый, отходчивый, разговорчивый, доверчивый, доходчивый, задумчивый, заносчивый, настойчивый, устойчивый.*

Все остальные, характерные только для качественных прилагательных суффиксы или малопродуктивны, или непродуктивны вовсе. Это суффиксы *-ав-(-яв-), -ляв-, -ат-, -аст-, -чат-, -ит-, -овит-* и *-ив-.* Словообразовательные связи их очень узки, а группы слов, содержащих их, в количественном отношении немногочисленны. Подавляющее большинство слов, образованных этими суффиксами, очень давнего происхождения.

Суффикс *-ав-(-яв-)* выделяется в прилагательных, образованных как от существительных, так и от прилагательных, напр.: *величавый, кудрявый, гнусавый, ржавый, кровавый, моложавый, чернявый.* Суффикс *-ляв-,* возникший на базе суффикса *-яв-,* содержится в прилагательных, образованных от существительных, напр.: *писклявый, костлявый, трухлявый* (исключение составляет слово *вертлявый,* образованное от глагола). Суффикс *-ат-* встречается в немногочисленных словах, образованных от названий частей тела человека и животных (исключение составляют слова *полосатый* и *женатый*), напр.: *лохматый, волосатый, чубатый, хвостатый, бородатый, носатый, горбатый, рогатый.* Прилагательные с этим суффиксом обозначают обладание (чаще всего в чрезмерной степени) тем, что обозначено производящей основой. Только значение обладания каким-либо свойством в чрезмерной степени имеют экспрессивно-эмоциональные образования с суффиксом *-аст-,* которому свойственны те же самые словообразовательные связи, напр.: *чубастый, зубастый, скуластый* (изолированно стоит лишь *цветастый*). Мало-

продуктивный неударный суффикс *-ат-* наблюдается в словах, образованных от существительных на *-к(а)* со значением предмета, напр.: *бородавчатый, клеенчатый, решетчатый, веснушчатый, сетчатый, дымчатый.*

Суффикс *-оват-(-еват-)* (производный от *-ат-*) входит в прилагательные со значением «несколько, слегка», напр.: *кисловатый, рыжеватый, красноватый, кругловатый, дороговатый, синеватый, грязноватый, крупноватый, седоватый.* Такое же значение свойственно и суффиксу *-ат-*, если он присоединяется к основам прилагательных, имеющих в себе суффикс *-ов-(-ев-)*, напр.: *розоватый, кремоватый.* Образование прилагательных на *-оват-* от прилагательных замкнуто в сфере непроизводных основ и суффиксальных основ с суффиксами *-л-, -к-* и *-н-:* суффиксальные прилагательные с двузвучными суффиксами (не говоря о более сложных) слов на *-оват-* не образуют. Суффикс *-оват-*, присоединяемый к основам существительных, содержат прилагательные со значением «отчасти напоминающий кого-либо» или «имеющий некоторые свойства чего-либо», напр.: *плутоватый, стекловатый, фатоватый, щеголеватый, клочковатый, суковатый, узловатый.* Отдельно в семантическом отношении следует выделить слово *виноватый.*

Малопродуктивный суффикс *-чат-* (являющийся также производным от *-ат-*) включают слова от существительных *(бревенчатый, половинчатый, узорчатый, таблетчатый)* и глаголов *(расплывчатый, обрывчатый, рассыпчатый, взрывчатый, переливчатый)*. В первом случае прилагательное обозначает обладание в большей степени тем, что обозначено производящей основой, во втором — склонность к выраженному глаголом действию.

Совершенно непродуктивным в настоящее время является суффикс *-ив-* (ср. его однозначные производные — продуктивные *-чив-* и *-лив-*). При помощи его были образованы прилагательные от основ существительных, напр.: *красивый, лживый, миролюбивый, ленивый, фальшивый, красноречивый.*

Абсолютно непродуктивен сейчас и суффикс *-ит-* (напр.: *именитый*), давший производный словообразовательный аффикс *-овит-(-евит-)*. Однако и этот суффикс, образующий прилагательные со значением обладания в большей мере тем, что обозначено основой, малопродуктивен и ограничен в своих словообразовательных связях одними непроизводными основами имен существитель-

ных, напр.: *даровитый, глянцевитый, мозговитый, башковитый, плодовитый, ядовитый.*

Остальная масса суффиксов свойственна как качественным, так и относительным прилагательным. Среди них (да и среди всех суффиксов прилагательных вообще) наиболее продуктивными, активно и регулярно образующими новые слова являются суффиксы *-н-* и *-(е)ск-*.

Суффикс *-н-* свободнее всего образует прилагательные от неодушевленных существительных, напр.: *атомный, бурный, влажный, грамотный, загадочный, зеркальный, конечный, мощный, опытный, пагубный, праздничный, семейный;* сравнительно редко соединяется с основами наименований лиц и животных, напр.: *слесарный, конный;* не сцепляется обычно с основами существительных, оканчивающихся на две или более согласные (исключая *ст*) *(бритва, множество, тряпье, риск, митинг, ковш, рубль, комизм);* совершенно не способен к образованию прилагательных от существительных с суффиксами субъективной оценки.

Суффикс *-ск-(-еск-)* образует прилагательные как от неодушевленных имен существительных, так и от имен лиц: *-еск-* выступает после шипящих и *ц*, *-ск-* — во всех остальных случаях, напр.: *ангельский, авторский, писательский, марксистский, докторский, дружеский, товарищеский, шахтерский, партизанский, крымский, майский, городской, советский, факультетский.* Особо тесное слияние суффикса с производящей основой наблюдается тогда, когда прилагательное образуется при помощи *-ск-* от существительных на *-ец, -ак (-як), -ач,* напр.: *молодецкий, бедняцкий (бедняк + ск + ий → бедняцкий), ткацкий.* Как правило, он не образует прилагательных от тех основ, от которых возможно образование прилагательных при помощи суффикса *-н-*. Значительно теснее, нежели суффикс *-н-*, он связан с существительными определенной словообразовательной структуры (например, с именами на *-ист, -ник, -тель, -ец, -ение*).

И тот и другой суффиксы имеют чрезвычайно широкие словообразовательные связи, свободно образуют прилагательные как от исконно русских, так и от иноязычных основ и являются базой для разветвленной системы производных суффиксов: от *-н-* — *-льн-, -альн-, -ивн-, -ичн-, -онн-;* от *-(е)ск-* — *-овск-, -йск-, -инск- (-енск-), -ическ-.*

Среди производных суффиксов продуктивными являются суффиксы *-льн-*, *-альн-*, *-ивн-*, *-ичн-*, *-онн-* и *-овск- (-евск)*, *-инск- (-енск-)*, *-ическ-*.

Суффикс *-льн-* содержат прилагательные (со значением «служащий для производства какого-либо действия»), образованные от основы инфинитива, напр.: *купальный, брошюровальный, сушильный, копировальный, гравировальный.* Суффиксы *-альн-*, *-ивн-*, *-ичн-*, *-онн-* служат для производства прилагательных только от основ имен существительных иноязычного происхождения, напр.: *документальный, парадоксальный, театральный, центральный, префиксальный, иллюстративный, индуктивный, предикативный, прогрессивный, патриотичный, эгоистичный, типичный, ароматичный, позиционный, реакционный, сенсационный, традиционный.*

Суффикс *-овск- (-евск-)* образует прилагательные от основ неодушевленных существительных и имен, обозначающих лиц мужского пола, напр.: *мартовский, вузовский, кремлевский, стариковский, отцовский, королевский.* Суффиксы *-инск- (-енск-)*, *-йск-* продуктивны лишь в образовании географических названий (напр.: *керченский, пензенский, пресненский, бакинский, кубинский, сочинский, горийский)*, хотя и встречается в единичных прилагательных от названий лиц (напр.: *ольгинский, сатанинский)*. Суффикс *-ическ-* характерен для имен прилагательных от иноязычных имен существительных, напр.: *педагогический, лингвистический, сценический, аристократический, климатический, фотографический.*

Остальные суффиксы представляют собой или малопродуктивные элементы, или такие, которые, свободно выделяясь в слове, в настоящее время совершенно не образуют слов. К малопродуктивным следует отнести суффиксы *-тельн-*, *-енн-*, *-озн-*, *-(и)анск-*, *-ьянск-*, *-ческ-*. Суффикс *-тельн-* встречается в отглагольных прилагательных, чаще всего по своей семантике почти равных действительным причастиям настоящего времени; такие прилагательные иногда имеют значение, аналогичное образованиям с суффиксом *-льн(ый)* и *-м(ый)*, напр.: *вместительный, выразительный, губительный, длительный, желательный, изобразительный, наблюдательный, очаровательный, требовательный.* Суффикс *-енн-* наблюдается обычно в прилагательных, образованных от существительных, основа которых оканчивается на сочетание согласных (прежде всего на суффиксы *-ств-*, *-ствиj-*, *-тв-*, *-знь*), напр.: *ве-*

щественный, восторженный, жизненный, качественный, маневренный, мужественный, общественный, тождественный, хозяйственный. Однако выделяется он и в некоторых прилагательных, образованных от других основ, ср.: *мертвенный — мертвый, медленный — медлить, обеденный — обед, соломенный — солома, особенный — особый.* Суффикс *-озн- (венозный, нервозный, помпезный, религиозный, тенденциозный)* характерен лишь для прилагательных от иноязычных основ, особенно в профессиональном употреблении медиков. Суффиксы *-(и)анск-, -ьянск-* выделяются у прилагательных, образованных от имен собственных иноязычного происхождения, напр.: *американский, спартанский, перуанский, мексиканский, кантианский, гегельянский, итальянский.* Суффикс *-ческ-* встречается в отдельных прилагательных, образованных от существительных с элементами *-вод-* и *-вед-*, и некоторых других, напр.: *полеводческий, животноводческий, искусствоведческий, языковедческий.*

Некоторые суффиксы непродуктивны вовсе. Суффиксы *-ичн-, -есн-, -ебн-* выделяются в немногих словах, образованных от порядковых прилагательных (напр.: *первичный, вторичный, десятичный)*, от существительных типа *небо* (напр.: *словесный, древесный, чудесный, небесный*) и существительных на *-ба,* сейчас уже не употребляющихся (напр.: *врачебный, лечебный, хвалебный, целебный*). Суффиксы *-уальн-, -ональн-, -арн-* выделяются (но пока не являются еще образующими) в отдельных прилагательных, возникших на базе иноязычных слов, напр.: *контекстуальный, национальный, профессиональный, фрагментарный.*

Помимо перечисленных выше суффиксов имен прилагательных, встречаются и такие, которые наблюдаются лишь в одном-двух словах, напр.: *-ощав- (сухощавый, худощавый), -ельн- (смертельный), -нат- (мохнатый, пернатый), -менн- (низменный),-енн(ий) (внутренний), -орн- (иллюзорный)* и т. д. Такого рода факты являются результатами процесса переразложения основ, не ставших моделью для словопроизводства.

Целый ряд прилагательных содержит в своем составе суффиксы причастного характера: *-л-* (напр.: *вялый, мерзлый, горелый, зрелый, переспелый, бывалый, лежалый*), *-уч- (-юч-), -ач- (-еч-), -ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-), -(е)н-, -(е)нн-, -вш-, -ш-, -им-, -ем-, -ом-* (напр.: *кипучий, пахучий, сыпучий, рваный, мороженый, ученый, вареный,*

блестящий, подходящий, потрясающий, сдержанный, умеренный, бывший, минувший, падший, допустимый, ископаемый, осязаемый, искомый).

Прилагательные, образованные способом префиксации. В отличие от суффиксального способа словообразования, при помощи которого новые прилагательные образуются очень интенсивно и свободно, префиксация как способ образования новых слов является в сфере прилагательных малопродуктивной. Малопродуктивность этого способа словообразования проявляется не только в узком круге образующих приставок, не только в их ограниченных словообразовательных связях, но и в очень небольшой производительности. Продуктивными здесь оказываются лишь приставки-отрицания *(не-, без-)* и иноязычные, греческие по происхождению, *а-* и *анти-*, напр.: *неграмотный, неизвестный, некомпетентный, непокорный, необычный, нетребовательный; безграмотный, безмятежный, безопасный; алогичный, аморальный, аритмичный; антирелигиозный, антифашистский, антихудожественный.*

Остальные приставки являются малопродуктивными и образуют новые прилагательные спорадически. Это иноязычные приставки *интер- (интернациональный)* и *про- (проамериканский, проанглийский, профашистский)* и исконно русские приставки *со- (сопредельный, сопричастный)* и *небез- (небезопасный, небезызвестный).*

От префиксального образования новых прилагательных следует отличать префиксальное производство форм субъективной оценки, напр.: *архинелепый, наивысший, презабавный, развеселый, сверхнизкий, ультраправый.*

Прилагательные, образованные суффиксально-префиксальным способом. Очень продуктивным в настоящее время, хотя и более ограниченным в своих возможностях, чем суффиксация, является в сфере прилагательных суффиксально-префиксальный способ образования.

Суффиксально-префиксальным способом следует назвать образование нового прилагательного при помощи суффикса не от одного слова, а от сочетания полнозначного и служебного слова. В сущности, здесь наблюдается такая же суффиксация, как и при производстве слов типа *комсомольский, транзитный, утешительный,* только суффикс присоединяется не к основе слова, а к сочетанию знаменательного и служебного слова, становящемуся

в акте словопроизводства основой, напр.: *за океаном — заокеан-ский, за рекой — зареч-ный, не истребить — неистреби-мый.*

Наиболее продуктивным является образование прилагательных на базе сочетания существительного с предлогом, но возможно их производство и на основе сочетания глагола с отрицательной частицей *не*.

Учитывая строение и способ образования, суффиксально-префиксальные прилагательные можно разделить на три группы.

Наиболее многочисленную группу составляют слова, образованные посредством суффиксов *-н-* и *-ск-* (реже — *-енн-, -ов-* и т. п.) от предложных сочетаний существительных. В качестве предлогов, переходящих в слове в приставку, могут выступать *без, вне, внутри, до, за, между (меж), на, над, от, по, после, под, при, пред, сверх* и некоторые другие, напр.: *безошибочный, безрезультатный; внеклассный, внеплановый; внутрипартийный, внутрисоюзный; довоенный, досрочный; зарубежный, закавказский; международный, междуведомственный, межсоюзный, межрайонный; нательный, настольный; надгробный, надстрочный; отглагольный, отнаречный; почасовой, подекадный; послереволюционный, послевоенный; подмосковный, подводный; пришкольный, приморский; предрассветный, предвоенный; сверхштатный, сверхсрочный.* Среди этой группы в качестве особого разряда можно выделить прилагательные, возникшие на базе сочетаний существительных с отрицанием *не* и предлогом *без,* напр.: *небезвыгодный, небезгрешный, небездарный, небеспричинный.*

Замкнутую группу префиксально-суффиксальных прилагательных, возникших на базе сочетания существительного с предлогом *без*, образуют слова, в которых в роли суффиксального словообразовательного элемента выступает окончание *-ый (-ий)*. Эти слова обычно заключают в основе то или иное название части тела, напр.: *бескрылый, безликий, безбровый, безбокий, безволосый, безглавый, беззубый, безрукий, безрогий.*

Немногочисленны также прилагательные, образованные при помощи суффикса *-ем-* на основе глагола с отрицанием *не,* напр.: *невознаградимый, непромокаемый, неистощимый, невыносимый.*

Близка к суффиксально-префиксальному способу образования изредка встречающаяся суффиксация словосо-

четаний типа *с ног сшибать — сногсшибательный, по ту сторону — потусторонний, ни к чему — никчемный.*

Сложные имена прилагательные. Еще более продуктивным (приближаясь по активности и разнообразию к суффиксальному) оказывается в пределах прилагательных словосложение. Как и в категории существительных, оно может быть чистым и осложненным суффиксацией. Возникая на базе различных типов словосочетаний (как сочинительного, так и подчинительного характера), сложные прилагательные всегда выступают как цельнооформленные слова.

Среди прилагательных, образованных сложением, с точки зрения морфологической структуры их основ выделяются (при учете того, что генетически, т. е. по характеру исходного словосочетания, они могут быть разными) следующие основные группы слов:

1. Прилагательные, в которых слагаемые основы оформлены как основы прилагательных, с сочинительными отношениями, напр.: *научно-исследовательский, инженерно-технический, профессорско-преподавательский, сине-бело-красный, темно-желтый, бледно-розовый.*

2. Прилагательные, в которых слагаемые основы оформлены как основы существительного и прилагательного и соотносительны со словосочетаниями с управлением, напр.: *работоспособный, зимостойкий, жизнерадостный, паровозоремонтный.*

3. Прилагательные, в которых слагаемые основы представляют собой основы прилагательного и существительного (последняя основа является обычно обозначением какой-либо части тела) и соотносительны со словосочетаниями со связью согласования, напр.: *чернобровый* (ср.: *белобрысый* от *бры* «бровь»), *седобородый, тупоносый, сизокрылый, широкополый, узкоплечий.*

4. Прилагательные, в которых слагаемые основы являются основами существительного и причастия, наречия и прилагательного и числительного и прилагательного, напр.: *свободомыслящий, малопитательный.*

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

§ 1. Имя числительное как часть речи. Имя числительное — это часть речи, которая обозначает число и выраженное им количество однородных предметов или какую-либо часть целого.

Выражение числительными счетно-числовых понятий целиком определяет характерное для них абстрактно-количественное значение, не свойственное другим разрядам слов. Взятые отдельно, числительные являются чистыми наименованиями количества. Так, числительные *три, сто пятнадцать, пять шестых* вне сочетания с именами существительными являются простыми названиями чисел, которые графически могут быть выражены и цифрами 3, 115, $\frac{5}{6}$. Именно поэтому они могут определять с количественной стороны любые существительные, которые обозначают предметы, могущие подвергаться счету в целых или дробных единицах: *три года, предложения, друга; сто пятнадцать тонн, лет, бойцов; пять шестых комнаты, дыни.*

Тем самым числительные, начиная с *двух,* выступают в качестве своеобразного средства точного определения того недифференцированного понятия множественности, которое свойственно во множественном числе именам существительным, ср.: *стояли столы — стояло пять, десять, сто, тысяча столов; шли ученики — шло семь, сорок, триста учеников.* Этим и объясняется употребление числительных (если они не используются отдельно) в соединении лишь с именами существительными: последние указывают в данном случае на те однородные предметы, количество которых обозначается соответствующими числительными.

Таким образом, абстрактно-количественная семантика числительных, выражающаяся в том, что они являются чистыми количественными определениями существительных, предполагает в то же время точное и конкретное указание того или иного количества в определенных счетных единицах. Именно этим числительные резко отличаются от неопределенно-количественных слов, выражающих недифференцированное большое или малое количество (*много, немного, капельку, бездна* и т. п.). Числительные — это слова, выражающие определенное числовое количество.

Специфическое абстрактно-количественное значение числительных является основным, но не единственным

признаком, отграничивающим их от имен существительных и прилагательных.

Числительные обладают также и целым рядом морфологических и синтаксических свойств, совершенно нехарактерных для других имен. Как названия счетных понятий, почти все они не имеют категории числа. Подавляющему большинству их несвойственна категория рода. Многие из них обладают рядом особенностей в склонении.

В синтаксическом отношении числительные характеризуются прежде всего свойством выступать (в качестве количественного определителя) только в сочетании с существительными. Они совершенно неспособны иметь определения качественного характера. Сочетания числительных с существительными (*пять тетрадей, тысяча рублей, сорок дней* и т. д.) имеют синтаксически не разложимый характер и функционируют в речи как один член предложения. Своеобразную группу среди имен представляют собой числительные и с точки зрения своего словообразовательного строения.

Не всем числительным в одинаковой степени свойственны признаки, характерные для них в целом. Некоторые из них отдельными особенностями не обладают. Так, числительные *два, две* в именительном и винительном падеже обладают родовыми различиями (*два стола, две стены*); числительное *сто* может выступать и в форме множественного числа (напр.: *сот пять книг, с двумястами книгами*); числительные *тысяча, миллион, миллиард* имеют почти все грамматические признаки имен существительных. Неодинаковые грамматические свойства, характеризующие отдельные числительные, объясняются тем, что имя числительное как особый класс слов складывался постепенно и на базе различных имен существительных и прилагательных.

§ 2. **Разряды имен числительных.** Принимая во внимание особенности в значении, различные структурно-грамматические свойства и характер употребления, числительные можно разделить на следующие группы: количественные, собирательные, дробные. Все они являются обозначением абстрактного количества, но применительно к различным по своей семантике именам существительным.

Некоторыми исследователями, кроме названных разрядов, выделяются еще порядковые и неопределенно-количественные числительные.

Слова, обычно причисляемые к порядковым числительным, по значению, строению и употреблению ближе к прилагательным и рассматриваются в данном учебном пособии как относительные прилагательные (см. с. 299—301).

Слова неопределенно-количественного значения являются или наречиями, или местоимениями, или существительными: *много садов, несколько гектаров, капелька воды, уйма народу.* В словах *много, немного, мало, немало* понятие большого или малого количества не дифференцируется и представлено в очень общих чертах, а числительные всегда являются точным количественным определителем существительного. Эти слова могут (что не характерно для числительных) выступать в одном и том же значении количественного определителя как при существительном, так и при глаголе, напр.: *много книг — много читал, мало денег — мало спал, немного вишен — немного поиграл, немало песен — немало пел.* Многие из них способны определяться наречиями степени, напр.: *очень много книг, крайне мало времени, совсем немного работы.* Для некоторых из них возможны формы сравнительной степени *(больше книг, меньше разговоров)* и субъективной оценки *(немножко цветов).* Сочетаясь с существительными, эти слова могут выступать, в отличие от числительных, даже при отвлеченных существительных *(немного терпения, мало радости)* и субстантивированных прилагательных абстрактного значения *(много хорошего, немало интересного).* Эти слова не склоняются. Формы *многих, многим, немногих, немногим* и т. п. (не говоря уже о формах *малых, малым, достаточных, достаточным*) являются формами косвенных падежей однокорневых прилагательных, а не слов *много, немного* и т. д. Эти слова как в качестве обстоятельства при глаголе, так и в качестве количественного определителя при существительном представляют собой один из разрядов наречных слов.

Яркая обобщенно-местоименная семантика слов *несколько, столько, сколько* (именно указание на число, а не его выражение) и характерное для местоимений употребление дают все основания рассматривать их как местоимения, подобно местоимениям *кто-то, некоторый, тот, этот, кто, что, который, какой.*

Слова типа *уйма, крошечка, часть* являются неопределенно-количественными существительными. Они обозначают или неопределенно большое количество *(без-*

дна мух, масса людей, пропасть воды, уйма яблок, тьма народу), или неопределенно малое количество *(капелька варенья, ни крошечки смысла)*, или, наконец, часть целого *(меньшинство студентов, большинство снимков, ряд машин, часть грибов)*. Отдельно стоят существительные *множество* (книжн.) и *малость* (прост.), образованные от слов *много* и *мало* и сохраняющие значение производящих основ: *множество вещей, малость чайку.*

Некоторые из указанных неопределенно-количественных слов могут быть количественным определителем самых разнообразных существительных *(пропасть малины, людей* и т. д.), некоторые же в своем употреблении крайне ограничены. Так, слова *капелька, крошечка* употребляются лишь при вещественных и отвлеченных существительных и не могут быть при существительных, обозначающих единичные предметы; противоположны им в своем употреблении слова *большинство, меньшинство* и *ряд,* которые могут количественно определить только существительные, обозначающие единичные предметы.

§ 3. Количественные числительные. Количественные числительные по своему употреблению являются наиболее универсальными. Они выступают в качестве количественного определителя почти всех существительных, обозначающих предметы, которые можно подвергнуть счету в целых единицах: *шесть вагонов, семьдесят студентов, тысяча километров.*

По строению и характеру образования выделяются три группы количественных числительных: простые, производные и составные.

К простым относятся однословные числительные с непроизводной основой, равной корню: *два, три, шесть, десять, сорок, сто, тысяча.*

Производными являются однословные числительные, состоящие или из простого числительного и суффикса, или из двух простых числительных: *одиннадцать, пятнадцать, шестьсот, восемьдесят, четыреста.*

Составные числительные представляют собой словосочетания, образованные из нескольких отдельных числительных: *сто сорок пять, шестьсот восемьдесят, триста пятьдесят, тысяча двадцать, четыреста семьдесят два.*

Среди всех этих групп постоянно увеличивающейся в количестве является только третья. Простые и производ-

ные числительные в своем составе в настоящее время не меняются.

Небольшой фонд простых числительных, представляющих словообразовательную базу для всех остальных числительных, в своем подавляющем большинстве очень давнего происхождения и унаследован русским языком из общеславянского языка. Таковы числительные первого десятка *(один — десять), сто* и *тысяча.* Исключение составляют числительное *сорок,* являющееся восточнославянским новообразованием (из существительного *сорок* «мешок, куда помещалось сорок шкурок соболей»), и недавние заимствования из французского: *миллион* (с XVII в.), *миллиард* (с XVIII в.).

Немногочисленными по количеству являются также производные числительные, появившиеся на основе указанных выше простых. Это образования, являющиеся результатом слияния в одно слово нескольких слов. Числительное *одиннадцать* возникло в результате сращения (с последующими фонетическими изменениями) словосочетания *один на десяте* (т. е. один сверх десяти). Аналогичны по своему образованию числительные *двенадцать — девятнадцать.* Числительные *двадцать* и *тридцать* образовались из сочетаний *два десяти, три десяти.* Все эти числительные осознаются сейчас как суффиксальные (с суффиксами *-надцать, -дцать*).

Иными по структуре являются обозначения остальных десятков и сотен. Числительные *пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, восемьдесят* появились в результате сращения соответствующих простых числительных *(пять, шесть, семь, восемь)* с родительным падежом множественного числа числительного *десять,* который оно когда-то имело (как сейчас его имеют слова *тысяча, миллион, миллиард*).

Числительное *девяносто* произошло, очевидно, из слияния архаической формы *девять* без суффикса.

Числительные *двести, триста, четыреста, полтораста* являются результатом слияния сочетаний *две сътѣ* (им. п. дв. ч.), *три ста, четыре ста, полтора ста* (им. п. мн. ч.).

Числительные *пятьсот, шестьсот, семьсот, восемьсот, девятьсот* получились из сочетаний простых числительных *пять — девять* и родительного падежа множественного числа числительного *сто.* От других производных они отличаются тем, что, обозначая не точное, а приблизительное количество, могут употребляться как два отдель-

ных слова (т. е. как составные), ср.: *сот пять лошадей, сот девять пудов.* Этим они по структуре и характеру сближаются с составными числительными типа *пять тысяч, семь миллионов* и т. д., ср.: *тысяч пять лошадей, миллионов семь пудов.*

Названными выше словами, по существу, и ограничивается круг однословных количественных числительных, т. е. лексический состав счетно-количественных корней.

Остальные количественные числительные представляют собой составные имена, образованные и образуемые на основе однословных, напр.: *сто двадцать восемь, тысяча триста сорок девять, сто девятнадцать миллиардов восемьсот тридцать миллионов пять тысяч семь* и т. д. Порядок следования одних элементов составных числительных за другими четкий и закрепленный. Обозначения единиц являются в них конечными словами, которым предшествуют обозначения десятков, сотен, тысяч и т. д.; названия десятков, в свою очередь, стоят после обозначений сотен, обозначения сотен — после наименований тысяч и т. п. Совершенно недопустимы в составных числительных какие-либо вставки. Фонетически составные числительные характеризуются особой интонационной целостностью.

С морфологической стороны почти все количественные числительные характеризуются тем, что не имеют числа и рода. Особое положение среди них в этом отношении занимают лишь числительные *один* и *два,* с одной стороны, и наименования больших узловых чисел *(тысяча, миллион, миллиард)* — с другой.

Числительное *два* в двух падежах — именительном и винительном — обладает родовыми различиями, ср.: *два клена, две березы.* Числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* имеют как род, так и число. Имея в виду последнее и делая почему-то исключение для слова *один,* некоторые исследователи числительные *тысяча, миллион, миллиард* нередко относят к существительным. Между тем в такой же, если не в большей степени имеются все основания с этой точки зрения отнести числительное *один* к категории прилагательных. Как у слов *тысяча, миллион, миллиард* имеются все формальные признаки существительных в виде форм рода, числа и склонения, так и у слова *один* есть все формальные признаки прилагательных. Более того, при ярком количественном значении, конкретизирующем неопределенную множественность первых

трех, у слова *один* можно отметить ослабленную счетно-числовую семантику, ибо единичность передается уже самим единственным числом существительного, ср.: *девушки — тысяча девушек* и *девушка — одна девушка.* Тем самым числительное *один* выступает как тавтологическое обозначение того, что уже выражено единственным числом существительного. Однако, несмотря на целый ряд общих (с прилагательными — у слова *один,* с существительными — у слов *тысяча, миллион, миллиард*) формальных признаков, все они в противоположность целому ряду слов количественного значения являются настоящими числительными, относить которые к другим разрядам слов было бы совершенно неверно. В частности, их необходимо строго отграничивать от счетных существительных, с одной стороны, и от местоименно-количественных слов *оба, обе,* обычно всегда без оговорок включаемых в состав числительных,— с другой.

Тысяча, миллион, миллиард, один входят как равноправные с другими числительными члены в составные числительные, без них система обозначения количества предметов и счетно-числовых понятий была бы невозможна, напр.: *семь миллиардов сто двадцать миллионов триста девять тысяч тридцать один рубль.* Что касается счетных существительных типа *сотня, дюжина, десяток* и слов *оба, обе,* то они составными элементами числительных не являются и быть ими не могут. Числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* являются единственными обозначениями соответствующего количества. Счетные же существительные и слова *оба, обе* выступают в качестве параллельных и неосновных обозначений количества при однозначных числительных: *сотня — сто, дюжина — двенадцать, десяток — десять; пара — две, два; оба, обе — два, две.* Причем количественное значение в словах *оба, обе* не является основным и непосредственным их значением: оно выводится из их ведущего, превалирующего местоименного значения «и тот и этот», «и то и это», «и та и эта». Именно в силу этого слова *оба, обе,* хотя и указывают на то же количество, не являются синонимичными числительному *два, две* (ср.: *Оба сына учились в школе* и *Два сына учились в школе*), в то время как счетные существительные синонимичны соответствующим числительным (ср.: *сотня человек* и *сто человек, дюжина ложек* и *двенадцать ложек, пара лошадей* и *две лошади*).

Один, тысяча, миллион, миллиард как числительные, употребленные вне сочетания с существительными, обозначают только абстрактное счетно-числовое понятие. У счетных же существительных (в том числе и у омонимичных однокорневым числительным существительных *тысяча, миллион, миллиард),* употребляемых вне сочетания с названиями считаемых предметов, на первый план выступает уже не числовое, а чисто предметное значение, напр.: *Не нагнать тебе бешеной тройки* (Некрасов); *семерка* (в картах), *пятачок* и т. п.

Тысяча, миллион, миллиард, не говоря уже о числительном *один,* не могут определяться, если они употребляются как числительные, качественными прилагательными; счетные существительные в противоположность им могут соединяться с качественными прилагательными, ср.: *великолепная пятерка.*

Один, тысяча, миллион, миллиард графически равнозначны цифрам, передающим то же количество, и могут в письменной речи ими заменяться: *один человек — 1 человек, тысяча человек — 1000 человек, миллион человек — 1 000 000 человек, миллиард человек — 1 000 000 000 человек.* Счетные слова в сочетаниях *оба яблока, весь десяток лиц, целую дюжину ложек* и др. графически цифрами передать нельзя.

Один, тысяча, миллион, миллиард по своему употреблению являются универсальными и могут служить количественным определителем любых существительных, обозначающих единичные предметы. Счетные существительные количественно характеризуют обычно лишь ограниченные группы существительных (ср.: *десяток яиц, дюжина вилок, пяток яблок, пара сапог, тройка коней* и т. п. при невозможности «тройка килограммов»).

Слова *один, тысяча, миллион, миллиард,* в отличие от счетных существительных и слов *оба, обе,* имеют при себе соответствующие порядковые прилагательные *первый, тысячный, миллионный, миллиардный.*

При числительных *тысяча, миллион, миллиард,* употребленных в сочетании с существительными, сказуемое-глагол может быть во множественном числе *(Тысяча новых специалистов выпускаются в этом году нашим городом),* сочетания со счетными существительными этого не допускают.

Наконец, в противоположность давно непроизводным числительным *тысяча, миллион, миллиард* подавляющее

большинство счетных существительных является и осознается вторичными образованиями от соответствующих числительных: *десяток* от *десять*, *сотня* от *сто* и т. д.

От количественных числительных *тысяча, миллион, миллиард* следует отличать омонимичные существительные предметно-количественного значения. Эти слова имеют все грамматические свойства существительных: *Истрачена последняя тысяча.*

От числительного *один* следует отличать местоименное прилагательное *один (Мы оба работали тогда в одном* (том же самом) *институте)*, неопределенное местоимение *(Сдавал экзамены в зимнюю сессию один* (некий, какой-то) *студент)* и ограничительную частицу, по значению равнозначную *только, лишь (Одна Максимова не написала в срок курсовую работу)*.

Говоря о категории числа числительного *один*, следует отметить особое, нежели у прилагательных, использование формы множественного числа. Числительное *одни* является по отношению к словам *один, одна, одно* простым вариантом, употребляющимся при существительных, обозначающих парные предметы (ср.: *одни носки* и *пять пар чулок*), и при словах, имеющих форму лишь множественного числа *(одни сани, одни ворота)*. При словах, имеющих как единственное, так и множественное число (исключая обозначения парных предметов), слово *одни (одни столы, одни студенты, одни цветы)* числительным не является, употребляясь чаще всего или как ограничительная частица, или как неопределенное местоимение. Такое же употребление слова *одни* может быть и при существительных, обозначающих парные предметы: *В шкафу нашлись одни носки* (т. е. только носки), *не было ни пары чулок.* Что касается форм множественного числа слов *тысяча, миллион, миллиард*, то они ничем принципиально не отличаются от аналогичных форм числительного *сто*, ср.: *несколько сот человек* и *несколько тысяч человек, с несколькими стами рублей* и *с несколькими миллионами рублей.*

Представляя собой чрезвычайно пеструю группу с точки зрения структуры и происхождения, количественные числительные существенно различаются между собой и по своему склонению.

Числительные *один, одна, одно* склоняются как местоимения *этот, эта, это.* Окончания, подобные присущим этому числительному, имеют в родительном, дательном

и предложном падеже и числительные *два, три, четыре.* Однако окончания, которые они имеют в именительном и творительном падеже, являются совершенно своеобразными (тв. п.— *двумя, тремя, четырьмя*). Кроме того, их словоизменение ярко выделяется особым характером конечной гласной основы (на *-у* и *-е, -ё*). Винительный падеж всех этих числительных (от *одного* до *четырех*) совпадает или с именительным (при неодушевленных существительных: *вижу два окна*), или с родительным (при одушевленных существительных: *вижу двух друзей*).

Числительные от *пяти* до *двадцати,* а также *тридцать* склоняются как имена существительные женского рода 3-го склонения (напр.: *тетрадь*). Отличия от склонения существительных, которые здесь наблюдаются, касаются лишь числительных *пять, десять, двадцать, тридцать* и носят чисто акцентологический характер: ударение в них обычно падает не на основу, а на окончание: *пятú, пятью̀* (старое ударение на основе сохраняется только в оборотах типа *пя́тью шесть, се́мью восемь* и т. п.).

Числительное *восемь* в творительном падеже имеет две формы, различающиеся основой,— *восемью* и *восьмью.* Обычной является первая основа, вторая в настоящее время встречается все реже и реже. Числительные *сорок, девяносто, сто* имеют только две падежные формы: в именительном и винительном падеже — *сорок, девяносто, сто;* в остальных — *сорока, девяноста, ста.* В древнерусском языке они склонялись как существительные (*сорок* — как *творог; сто, девяносто* — как *окно*). Сохранение старого склонения числительного *сто* во множественном числе до сих пор наблюдается в производных числительных *двести, пятьсот* и т. п.

В производных числительных *пятьдесят, шестьдесят* и *семьдесят* склоняются обе части, при этом основное ударение падает в косвенных падежах на окончание первой части. В косвенных падежах вторая часть этих числительных имеет формы числительного *десять:* Им., В.— *пятьдесят,* Р., Д., Пр.— *пятидесяти,* Тв.— *пятьюдесятью.*

Обе части изменяются при склонении также и в производных числительных, обозначающих сотни. Причем в числительных *двести, триста, четыреста* при склонении и первая, и вторая части имеют флексии множественного числа: Им.— *двести,* Р.— *двухсот,* Д.— *двумстам,* В.— *двести* или *двухсот,* Тв.— *двумястами,* Пр.— *двухстах.* Что же касается числительных *пятьсот* — *девятьсот,* то

для них флексии множественного числа косвенных падежей характерны лишь для второй части, первая же имеет в этих случаях флексии единственного: Им.— *пятьсот*, Р.— *пятисот*, Д.— *пятистам*, В.— *пятьсот*, Тв.— *пятьюстами*, Пр.—*пятистах*. Ударение во всех косвенных падежах числительных, обозначающих сотни, падает или на окончание, или, если окончания нет, на конечный слог опорной основы. В именительном и винительном падеже числительные *двести, триста, четыреста* имеют ударение на первой части, а числительные *пятьсот — девятьсот* — на второй.

Несколько особняком стоит производное числительное *полтораста*, имеющее (как *сорок, девяносто, сто*) только две формы: одну — *полтораста* — для именительного и винительного падежа и другую — *полутораста* — для остальных.

Числительное *тысяча* склоняется так же, как существительные женского рода 2-го склонения *(добыча)* Однако в творительном падеже, кроме основной формы *тысячей*, оно имеет и вариантную форму *тысячью*.

Числительные *миллион, миллиард* склоняются подобно существительным мужского рода 1-го склонения *(медальон, бильярд)*.

При склонении составных числительных, как правило, изменяется каждый компонент соответствующего числительного, напр.: *тысяча сто пятьдесят два, тысячи ста пятидесяти двух, к тысяче ста пятидесяти двум* и т. п.

Являясь различными с морфологической точки зрения, количественные числительные не представляют единую группу и по своим синтаксическим свойствам. В характере сочетания их с существительными наблюдается целый ряд особенностей, причем разных для отдельных групп. Числительные *один, одна, одно* соединяются с существительными по способу согласования; образуемое таким образом словосочетание выступает синтаксически всегда (как в именительном и винительном падеже, так и в остальных) как двучленное: *один студент, одна тетрадь, одно письмо, одни ножницы, одного года, одной недели*.

С числительными *два, три, четыре* существительные соединяются в именительном и винительном падеже по способу управления, а в остальных — по способу согласования. Причем при этих числительных в именительном и винительном падеже существительные стоят в форме

родительного падежа единственного числа *(два ученика, три стены, четыре окна)*, а в остальных падежах — в соответствующем существительному падеже множественного числа *(двумя учениками, трем стенам, четырех окон)*. Исключение составляют существительные, возникшие из прилагательных. Субстантивированные прилагательные мужского и среднего рода сочетаются с числительными *два, три, четыре* в именительном и винительном падеже в форме родительного падежа множественного числа *(два часовых, четыре сказуемых)*, а женского рода — или в форме родительного, или в форме именительного и винительного падежа множественного числа *(две столовых* и *две столовые, четыре дежурные* и *четыре дежурных)*.

Числительные, начиная с *пяти*, в именительном и винительном падеже соединяются с существительными по способу управления, в остальных — по способу согласования. Характерной чертой способа соединения их с существительными, в отличие от числительных *два, три, четыре*, является то, что в именительном и винительном падеже существительные при них ставятся в родительном падеже не единственного, а множественного числа: *пять человек, сорок метров, сто дней, пятьсот рублей.*

Числительные *миллион, миллиард* всегда образуют с существительным неразложимое количественно-именное сочетание; при них в родительном падеже множественного числа существительные стоят во всех падежах, а не только в именительном и винительном.

Числительное *тысяча* обычно сочетается с существительными так же, как и *миллион, миллиард*.

Прилагательные, определяющие в количественно-именных сочетаниях существительные, которые обозначают считаемые предметы, стоят почти всегда в том же падеже, что и существительные: *одну теплую комнату, двух красивых девушек, пятью светлыми окнами, ста полярных дней, миллионам маленьких ребят*. Исключение составляют сочетания с числительными *два, три, четыре* в именительном и винительном падеже: при них прилагательные, определяющие следующие далее существительные, ставятся или в форме родительного, или в форме именительного падежа множественного числа. Как правило, в таких случаях прилагательные ставятся в родительном падеже множественного числа, если они определяют существительные мужского или среднего рода *(два высоких клена, три больших окна, четыре толстых бревна)*,

и в именительном падеже, если они относятся к существительным женского рода (*три белые березки, две толстые книжки, четыре красивые складки*).

Числительные *один, тысяча, миллион, миллиард* могут стоять лишь перед существительными: *один день, тысяча глаз, миллион километров, миллиард лет*. Остальные числительные могут употребляться как препозитивно, так и постпозитивно, однако употребление этих числительных после существительных ведет к изменению значения количественно-именного сочетания: оно начинает обозначать не точное количество, а приблизительное (ср.: *восемь человек* и *человек восемь, полтораста шагов* и *шагов полтораста*).

§ 4. Собирательные числительные. Собирательные числительные представляют собой небольшую группу слов, образованных от соответствующих количественных числительных.

С точки зрения морфологической структуры они являются производными числительными суффиксального характера: *двое, трое* образованы от числительных *два, три* при помощи суффикса *-j(e); четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро* — от числительных *четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* посредством суффикса *-ер(о)*.

В грамматическом отношении они очень близки основной массе количественных числительных. Собирательные числительные не имеют рода и числа. В их склонении наблюдается то же самое противопоставление именительного и винительного падежа остальным падежам, какое характерно для склонения количественных числительных. Их сочетания с именами существительными в именительном и винительном падеже образуют также неразложимые сочетания, используемые как единый член предложения.

Собирательные числительные отличаются от количественных прежде всего своей немногочисленностью в составе и непродуктивностью в образовании. В общем употреблении их всего девять, и новых образований не возникает. Однако более серьезным является отличие собирательных числительных от количественных с точки зрения их употребления.

В качестве счетно-числового определения собирательные числительные могут употребляться с несравненно более узким кругом имен существительных, чем количе-

ственные числительные, при этом здесь можно наметить два случая.

В одном случае собирательные числительные выступают с существительными как вариантная, параллельная форма сочетаниям с количественным числительным, напр.: *двое студентов — два студента, четверо человек — четыре человека.*

В другом случае они являются единственным количественным определителем, могущим быть при соответствующих существительных, напр.: *трое суток, двое детей.* Существительные *дети* и *сутки* сочетаться с числительными *три, два* и т. д. не могут.

В качестве вариантной количественным числительным формы собирательные числительные употребляются: 1) с именами существительными, обозначающими лиц мужского пола: *пятеро — пять учеников, трое — три прохожих;* 2) с именами существительными, обозначающими детенышей животных: *семеро щенят — семь щенков, двое козлят — два козленка, четверо медвежат — четыре медвежонка.*

В качестве вариантной количественным числительным формы собирательные числительные (исключая *двое, трое, четверо*) употребляются также с обозначениями единичных предметов, являющихся именами существительными, имеющими только множественное число, напр.: *пятеро носилок* (ср.: *пять носилок*), *шестеро суток* (ср.: *шесть суток*), *шестеро саней* (ср.: *шесть саней*).

Все собирательные числительные сочетаются и с именами существительными, обозначающими предметы, которые обычно считаются парами. В таком случае собирательные числительные обозначают количество не единичных предметов, а составляющих их пар, ср.: *трое носков, пятеро чулок, четверо перчаток* и *три носка, пять чулок, четыре перчатки.* Поэтому вариантность таких сочетаний, соответствующих сочетаниям с количественными числительными, является мнимой, чисто формальной, а не семантической (*трое чулок* — не три чулка, а шесть чулок).

В качестве единственно возможного количественного определителя собирательные числительные употребляются: 1) при личных местоимениях: *Нас было семеро. Не нашли только их троих. Двоих вас мы лишь не видали*; 2) при слове *дети: двое, пятеро, семеро детей.*

В качестве количественного определителя собирательные числительные *двое, трое, четверо* употребляются так-

же при существительных pluralia tantum, обозначающих единичные предметы: *двое суток, трое ворот, четверо щипцов.*

Со всеми остальными разрядами имен существительных, обозначающих считаемые предметы, собирательные числительные не употребляются.

Сочетаются собирательные числительные с существительными по способу управления в именительном и винительном падеже и по способу согласования в остальных, причем в именительном и винительном падеже существительные всегда стоят в родительном падеже множественного числа, напр.: *двое ворчунов, трое волчат,* но *двоих ворчунов, двоими ворчунами, о троих волчатах, троим волчатам.*

Склоняются собирательные числительные по образцу имен прилагательных во множественном числе: *двое, трое* — по образцу прилагательных с мягкой основой, *четверо* и т. д.— по образцу прилагательных с твердой основой. Ударение в косвенных падежах всегда находится на окончании.

Следует отметить, что в современном русском литературном языке косвенные падежи собирательных числительных при существительных pluralia tantum встречаются очень редко. Вместо них обычно употребляются косвенные падежи количественных числительных. Особенно следует отметить это относительно форм косвенных падежей для числительных, начиная с *пятеро.*

Несколько более продуктивными и употребительными являются косвенные падежи собирательных числительных при других разрядах существительных, с которыми эти числительные сочетаются. Однако и здесь чаще наблюдается употребление форм количественных числительных: рядом с формами *двоими учениками, троих котят* чаще наблюдаются формы *двумя учениками, трех котят.*

Употребление собирательных числительных при именах существительных является всегда препозитивным, после имен существительных собирательные числительные не встречаются.

Помимо употребления в сочетании с существительными, собирательные числительные могут употребляться вне связи с ними, являясь в этом случае обозначениями лиц как мужского, так и женского рода: *На скамейке сидели двое.*

Иногда к собирательным числительным относят местоименно-количественные слова *оба, обе*. Эти слова нельзя относить ни к количественным, ни к собирательным числительным. Помимо яркого местоименного значения «и тот и этот», от собирательных числительных слова *оба, обе* отличают: 1) наличие рода; 2) сочетание их с существительными как мужского, так и женского рода; 3) невозможность сочетания с существительными, имеющими только множественное число; 4) сочетание с ними существительных в родительном падеже единственного числа; 5) отсутствие соответствующего параллельного количественного числительного, ср.: *два студента* или *двое студентов*, но *оба студента*.

§ 5. Дробные числительные. Дробные числительные представляют собой слова, в отличие от количественных и собирательных обозначающие количество не в целых единицах, а в дробных, напр.: *три и две пятых, семь и двадцать сотых*. В функции количественных определителей они выступают не только при существительных, обозначающих единичные предметы, но и при существительных собирательных и вещественных, чем также отличаются от собирательных и количественных числительных, напр.: *четыре пятых стола, одна седьмая сахара, пять шестых воды, две трети нормы*.

Сочетаются с именами существительными дробные числительные всегда по способу управления: имя существительное при дробном числительном любого падежа стоит в родительном падеже, причем как единственного, так и множественного числа.

Всегда в родительном падеже единственного числа с дробными числительными сочетаются собирательные и вещественные существительные, употребляющиеся только в единственном числе: *восемь десятых всего сырья, три седьмых добытого таким образом меда, две трети масла*.

Всегда в родительном падеже множественного числа употребляются с дробными числительными вещественно-собирательные и др. существительные pluralia tantum: *девять десятых консервов, щипцов, брюк, всходов, белил, саней*.

Следует учитывать неопределенность значения образующихся при этом сочетаний (*четыре пятых саней* — это и четыре пятых одних саней, и четыре пятых нескольких саней: *Четыре пятых саней занимала огромная туша мед-*

ведя и *Четыре пятых саней совхоза было отправлено на станцию встречать новоселов*).

В родительном падеже как единственного, так и множественного числа с дробными числительными сочетаются такие существительные, которые обозначают единичные предметы, существующие и как целое, и как какая-либо его часть. В единственном числе они ставятся в том случае, если последними указывается определенная часть целого предмета *(две пятых комнаты, семь десятых города, тридцать сотых озера)*, во множественном числе — в том случае, если числительными указывается определенная часть совокупности однородных предметов *(две пятых сел, семь десятых карандашей)*.

Только в родительном падеже множественного числа возможно сочетание с дробными числительными существительных, обозначающих единичные предметы, существующие лишь как целые. Сочетание таких существительных с дробными числительными указывает на ту или иную часть совокупности однородных предметов: *восемь десятых пионеров этой школы, три четвертых выпускников*.

По своей структуре дробные числительные являются составными. Они представляют собой сочетание именительного падежа количественного числительного с родительным падежом множественного числа или именительным падежом единственного числа субстантивированного порядкового прилагательного женского рода: *одна пятая, две пятых*.

Если в роли количественного числительного выступает (самостоятельно или в качестве последнего компонента составного числительного) слово *одна*, то субстантивированное порядковое прилагательное стоит в именительном падеже единственного числа: *одна шестая, двадцать одна сотая, сорок одна тысячная*.

В остальных случаях дробные числительные образуются соединением количественного числительного с субстантивированным порядковым прилагательным по способу управления: субстантивированное порядковое прилагательное ставится в родительном падеже множественного числа *(две восьмых, пять десятых, сто и восемь сотых)*.

Количественные числительные обозначают в дробных числительных число дробных единиц, субстантивированные порядковые прилагательные — степень дробности этих единиц.

При склонении дробных числительных изменяются все составляющие их слова: Им.— *двадцать две сотых,* Р.— *двадцати двух сотых,* Д.— *двадцати двум сотым,* В.— *двадцать две сотых,* Тв.— *двадцатью двумя сотыми,* Пр.— *(о) двадцати двух сотых.*

Совершенно особняком среди остальных числительных стоят числительные *полтора, полторы.* Со стороны значения (они обозначают количество, состоящее из целого и его половины) их можно охарактеризовать как количественно-дробные.

Все остальные обозначения с подобной семантикой представляют собой свободное соединение количественных числительных с дробными при помощи слов *и* или *целых: семь и восемь десятых минуты, пять и три четвертых ведра* или *семь целых восемь десятых минуты, пять целых три четвертых ведра.*

Числительные *полтора, полторы* в роли количественного определителя могут выступать лишь при существительных, являющихся наименованием единичных предметов, которые можно подвергать счету одновременно как в целых, так и в дробных единицах.

Числительные *полтора, полторы,* как *два, две,* в именительном и винительном падеже имеют категорию рода: *полтора* употребляется при существительных мужского и среднего рода *(полтора часа, полтора окна), полторы* — при существительных женского рода *(полторы дыни, полторы секунды).* Существительные с этими числительными сочетаются точно так же, как с числительными *два, две, три, четыре.* Исключением является родительный падеж множественного числа в сочетании *пóлтора суток,* где числительное имеет и необычное ударение, ср.: *полторá яблока, полторы́ меры овса.* Числительные *полтора, полторы* имеют, как и *полтораста,* только две падежные формы: *полтора, полторы* — для именительного и винительного падежа, *полутора* — для всех остальных.

МЕСТОИМЕНИЕ

§ 1. Местоимение как часть речи. Местоимения — это слова, которые указывают на предметы и признаки, исходя из конкретной речевой ситуации *(он, ты, кто, чей, который),* или обозначают неопределенные предметы и признаки *(кто-либо, какой-то, ничей).*

Состав местоимений современного русского языка, включающий несколько десятков единиц, формировался тысячелетиями. Ряд современных местоимений *(ты, мой, свой)* восходит еще к индоевропейскому праязыку, другой ряд возник в общеславянскую эпоху *(я, он, что, кто)*, некоторые — в восточнославянскую эпоху *(тот)* и в более поздние времена *(этот, кто-либо, какой-нибудь* и другие составные местоимения). В последние два века местоимения пополнились словесными формами других частей речи, приобретшими местоименные значения: *известный, указанный, определенный, следующий.*

Местоимения в морфологическом и синтаксическом отношении очень сходны с именами (существительными, прилагательными и числительными), отличаясь от них только семантикой.

Сходство с именами — это единственный общий признак для всех слов, традиционно причисляемых к местоимениям: именно по этому признаку их можно объединить в одну часть речи.

С этой точки зрения выделяются:

1) местоимения-существительные *(я, ты, вы, он, кто, что, это, кто-нибудь)*, употребляющиеся как подлежащие и дополнения;

2) местоимения-прилагательные *(мой, твой, ваш, этот, такой, всякий, какой-либо, никакой)*, употребляющиеся как определения или как именная часть сказуемого;

3) местоимения-числительные *(сколько, столько, сколько-нибудь, несколько, нисколько)*, употребляющиеся в позиции и функции числительного.

По семантическим качествам и грамматическим свойствам местоимения целесообразно делить на две большие группы — заместительные и автосемантические (полнознаменательные, с самостоятельным значением) местоимения. Эти две группировки единиц делятся на несколько разрядов.

§ 2. Заместительные местоимения. Заместительные местоимения служат для замещения в речи семантически самостоятельных слов (обозначающих понятия или служащих наименованиями лиц, животных, географических и других объектов), а также словосочетаний и предложений. В речи такие местоимения соотносятся с замещаемыми единицами (что бывает ясно из контекста или из ситуации речи), и тем самым достигается

краткое, отсылочное выражение уже ранее ясно раскрытого содержания, избегается повтор и многословие. Ср.: *Мария Николаевна работает в школе десять лет. Ребята любят е е. Нередко о н и бывают у н е е дома.* Без местоимений этот отрывок звучал бы тавтологично: *Мария Николаевна работает в школе десять лет. Ребята любят Марию Николаевну. Нередко ребята бывают у Марии Николаевны дома.* Ср. также: *Была плохая погода. Из-за э т о г о мы не поехали на стадион.* Если бы не было возможности употребить здесь местоимение, замещающее известное собеседнику, то нужно было бы или прибегать к тавтологии *(Из-за плохой погоды...)*, или перестраивать высказывание. С другой стороны, если бы собеседник услышал только: *Из-за этого мы не поехали на стадион*, он не понял бы, в чем заключается причина несостоявшейся поездки, и это также доказывает заместительную, а не семантически самостоятельную природу подобных местоимений.

Заместительные местоимения подразделяются на следующие разряды: личные, притяжательные, возвратные, указательные, относительные, вопросительные.

Л и ч н ы е м е с т о и м е н и я *(я, ты, он, она, оно, мы, вы, они)* служат для замещения имен, фамилий и других антропонимов, а также названий животных, неодушевленных предметов и отвлеченных понятий: *Я правде посвятил свой пламенный восторг* (Вяземский). *Кто сей путник и отколе? И далек ли путь ему? Поневоле иль по воле мчится он в ночную тьму?* (Вяземский). *Не часто к нам слетает вдохновенье, и краткий миг в душе оно горит* (Дельвиг).

Местоимение 1-го лица *я* замещает имя или другое обозначение говорящего (это замещение всегда осуществляется им самим): *Я к вам приду в коммунистическое далеко...* (Маяковский). *Мы* заменяет названия производящего высказывание и еще кого-либо: *Мы долго молча отступали* (Лермонтов). *Ты* замещает название собеседника, к которому непосредственно обращаются с речью: *Ты читал объявление у входа? Вы* заменяет название нескольких собеседников *(Вы читали объявление у входа?)*, а также название единственного лица — собеседника — при официально-вежливом обращении *(Что вы всё дома сидите, прогулялись бы)*. Местоимения *он, она, оно, они* замещают либо название лица, к которому речь непосредственно не обращена, либо названия животных, пред-

метов, отвлеченных понятий: *Он медлит с ответом, мечтатель-хохол...* (Светлов). *«Я влюблена»,— шептала снова старушке с горечью она* (Пушкин). *Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом по листам затрепетало* (Фет). *Они студентами были, они друг друга любили...* (Асадов).

Притяжательные местоимения *(мой, твой, его, ее, наш, ваш, их, свой)* служат для замещения притяжательных прилагательных, слов и оборотов — названий лиц, животных, предметов, которые характеризуются в плане принадлежности или свойственности им чего-либо.

Мой, употребляемое говорящим в связи с указанием принадлежности, свойственности ему чего-либо, замещает оборот *принадлежащий мне, свойственный мне (мой стол, мое желание); его* — для замещения оборота *принадлежащий ему, свойственный ему, имеющийся у него* (ср.: *дно стакана — дно, имеющееся у него — его дно*) или для замещения конкретного притяжательного прилагательного, собственного или нарицательного существительного (ср.: *Петин стакан — его стакан, заметка корреспондента — его заметка)* и т. д.

Притяжательные местоимения единственного числа *(мой, твой, его, ее)* обозначают, что принадлежность чего-либо касается одного лица или предмета; местоимения множественного числа *(наш, ваш, их)* — что принадлежность чего-либо касается нескольких или многих лиц или предметов. Местоимение *свой* стоит вне лица. Оно замещает слово, характеризующее принадлежность как говорящему, так и собеседнику и постороннему к разговору лицу, а также свойственность предмету. Это всегда выясняется из контекста или речевой ситуации, ср.: *Я встретился со своим другом. Ты встретился со своим другом. Они встретились со своим другом.* Чаще всего *свой* указывает на принадлежность, свойственность лицу или предмету, обозначенному подлежащим того же предложения; реже — принадлежность лицу, обозначенному дополнением: *Я присутствовал на встрече бывших школьников со своими учителями.*

Возвратные местоимения *(себя, друг друга, один другого)* служат для замещения слова, которым выражено подлежащее или дополнение, если то же лицо необходимо обозначить в том же предложении еще раз как объект: *Незнакомец рассказывал о себе немного. Мы*

взвалили на себя мешки и пошли. Нам предложили взять вещи с собой.

Под внутренней формой термина «возвратное местоимение» понимается возврат к обозначению того же лица, но уже не как субъекта действия (или состояния), а как его объекта. В определенно-личных и других односоставных предложениях такой возврат также есть, хотя и менее заметен. Ср.: *Над кем смеетесь? над собою смеетесь* (Гоголь) (субъект действия обозначен формой глагола). *Не нужно переоценивать себя* (здесь субъект подразумевается и может быть выражен дополнением в дательном падеже (*человеку*).

Местоимение *друг друга* выполняет функцию, очень сходную с функцией местоимения *себя*, но с той разницей, что имеет возвратно-взаимное значение: *Друзья помогают друг другу. Мы надоели друг другу. Нам скучно друг без друга.* При этом, как правило, обозначается, что каждый член из множества субъектов делает или испытывает что-то не в отношении лично себя, а в отношении другого члена этого множества, реже — что состояние субъектов вызывается взаимным влиянием.

Указательные местоимения (*этот, это, тот, сей, такой, таков, указанный, данный, следующий*), как и притяжательные местоимения, замещают определительные слова или словосочетания, но безотносительно к грамматическому лицу или принадлежности. По сравнению с личными, притяжательными и возвратными, эти местоимения более отвлеченные, поэтому их заместительные возможности гораздо шире: *Вы можете меня не слушать, но от этого вам будет не лучше. Таковы выводы, таковы факты. В тот день я был очень занят. В данном случае вы не правы. Нас пригласили к пяти часам, и мы пришли в указанный срок.* Будучи при существительных, указательные местоимения *этот* и *тот* во многом напоминают определенные артикли западно-европейских языков. Термин «указательное местоимение» объясняется нередким совмещением их произношения с жестом указания на соответствующий предмет.

Относительные местоимения (*кто, что, который, чей, какой, каков, сколько*) — это еще одна группа отвлеченных заместителей. В отличие от указательных местоимений они, кроме замещения автосемантического слова или словосочетания, осуществляют функцию тесной синтаксической связи придаточного и поясняемого им

предложения: *Наступил день, которого мы давно ждали* (здесь *которого* заменяет сочетание *этого дня*, хотя в речи такую замену безболезненно для структуры и смысла всего предложения сделать нельзя — этим игнорировалась бы вторая, упомянутая выше роль относительного местоимения). *Всем стало ясно, что нужно делать. Я выяснил, какие документы нужно представить. Заплатим сколько нужно.*

Относительное местоимение *чей* одновременно является и притяжательным, так как специально указывает на принадлежность чего-либо лицу, животному, упоминающемуся в поясняемом предложении: *Спросите совета у человека, чьим мнением вы дорожите.*

Относительные местоимения могут замещать в речи, в придаточном предложении не только автосемантическое слово, но и другие местоимения, которые замещают логически подразумеваемое автосемантическое слово, напр.: *Я тот, к о г о никто не любит...* (Лермонтов).

При употреблении относительных местоимений заменяемое может быть ясно собеседнику до высказывания говорящего из левого контекста [1] или известной ему части ситуации (напр.: *Покажи, что ты вчера купил)* или после высказывания из правого контекста или последующей ситуации (напр.: *Я сейчас тебе покажу, что я купил*).

В о п р о с и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я *(кто, что, который, чей, какой, каков, сколько)* употребляются в так называемых специальных вопросах, замещая те слова, которые составляют рематическую часть ответа на тот или иной специальный вопрос: *Который сейчас час? Что вам подарить? Каковы у команды шансы победить в этом матче? Сколько вам лет?*

По звуковой форме вопросительные местоимения — это те же единицы, что и относительные местоимения (лишь по форме, не по функции). Следовательно, они составляют с последними омонимические пары. Замещая слова правого контекста, вопросительные местоимения во многом конструируют вопрос, назначением которого и является выяснить конкретное замещаемое и его содержание. Конечно, на вопрос может последовать и не-

---

[1] Термины «левый» и «правый контекст» связаны с направлением русского письма слева направо. Левый контекст какого-то слова — это то, что написано до него и поясняет его; правый — то, что написано после него.

раскрывающий ответ (ср.: *Чья это сумка? — Откуда я знаю?!*), но такое замещаемое всегда существует.

§ 3. Автосемантические местоимения. Автосемантические местоимения, такие, как *кто-нибудь, кто-то, никакой, никто* и т. п., с семантической стороны чаще всего характеризуются обозначением неопределенности лица, предмета (ср. *Кто-то их предупредил* — неясно, кто именно) или признака (*В дверь просунулась чья-то голова. Послышался какой-то шум* — непонятно чья, какой). Другие автосемантические местоимения синонимичны тем или иным существительным, словам *все, всё* или словосочетаниям (ср. *На площади не осталось никого — На площади не осталось людей; В сумке не было ничего — В сумке не было никаких вещей; Никто из нас не пришел — Мы все не пришли*). Отрицательные местоимения, синонимичные словам *люди, вещи, все, всё*, обычно употребляются в отрицательных конструкциях, что создает неверное впечатление, что они обозначают отрицание предмета и т. д. На самом деле в таких конструкциях отрицается не предмет, лицо или признак, а его действие или свойство. Отрицательные местоимения чаще всего отрицательны лишь по форме.

В отличие от заместительных местоимений автосемантические местоимения не заменяют в речи других слов, имеют самостоятельный постоянный в различных ситуациях речи смысл, а не переменное, отраженное от других слов значение, как местоимения-заменители *он, тот* и т. п.

По семантическим признакам автосемантические местоимения можно было бы включить в существительные, прилагательные или числительные как их разновидности. Но их обыкновенно рассматривают в рамках местоимений, учитывая деривационную соотнесенность с заместительными местоимениями (ср.: *кто — никто, некто, кто-нибудь; чей — ничей, чей-либо* и т. д.) и несовпадение морфологических признаков у них и у слов-имен (особенности склонения, отсутствие у местоимений-прилагательных форм степеней сравнения, корреляции кратких/полных форм и др.).

Автосемантические местоимения делятся на неопределенные [1] и отрицательные. Неопределенные подраз-

[1] В данном учебном пособии мы сознательно и принципиально отказываемся от выделения разряда так называемых определи-

деляются еще на адъективные (обозначающие признак), субстантивные и количественные, а отрицательные — на адъективные и субстантивные.

К адъективным неопределенным относятся местоимения *всякий, любой, каждый, другой, иной, некий, какой-нибудь, такой-то, какой-то, какой-либо, кое-какой, некоторый, определенный, известный*, напр.: *Приходите в любое время* (но все же неясно, в какое время). *Приходите в другое время. Мы спросили дорогу у какого-то прохожего. В некоторые дни я сильно уставал. В определенных условиях ваш метод работы будет эффективен. Мы условились встретиться в такое-то время.*

Иногда в качестве адъективного неопределенного местоимения употребляется слово *какой* (в разговорном стиле): *Льет дождь, не найдется ли у вас какого (какого-нибудь) зонтика?*

Субстантивные неопределенные местоимения — это *каждый, всякий, любой, другой, иной, кто-либо, кто-нибудь, кто-то, что-либо, что-нибудь, что-то, некто, нечто, кое-кто, кое-что*, а также *что* (в разговорном стиле), напр.: *Это известно каждому, всякому. Нужно думать не только о себе, но и о других. Кто-то стучит. Вам кто-нибудь должен помочь. Что-то осталось неясным. Если я в чем-либо ошибусь, поправьте меня. Кое-что о происшедшем нам уже известно. Мне нужно поговорить кое с кем. В его лице было нечто знакомое. Если что будет не так, скажите* (здесь *что* в значении «что-нибудь»).

тельных местоимений, как неправомерного, хотя и кочующего из учебника в учебник. В этот разряд включают местоимения *сам, самый, весь, каждый, всякий, любой, другой, иной.*

Классификация местоимений всегда страдала той или иной степенью алогичности. В частности, единицы, объединяемые в группу определительных местоимений, весьма разнородны по отношению друг к другу, но подчас обладают набором тех же признаков, что и единицы других разрядов. Полностью игнорировалась смысловая близость единиц *любой, всякий, каждый* и *какой-нибудь, никакой*, относимых к разным разрядам, ср.: *У него отсутствует всякое представление о тактичности* (т. е. какое-либо представление о тактичности, нет никакого представления о тактичности). *Спроси у любого прохожего* и *Спроси у какого-нибудь прохожего. Отвергать какие-либо предложения* и *Отвергать любые предложения; Вне всякого сомнения* и *Вне какого-либо сомнения.*

Единицы *сам, самый* лучше рассматривать не как местоимения, а как склоняющиеся усилительные частицы, ср.: *Я сам сделаю это* и *Я лично сделаю это. Именно я сделаю это. Критика бьет в самую цель* и *Критика бьет точно в цель, прямо в цель.*

Количественные неопределенные местоимения — это *сколько-нибудь, сколько-то, несколько,* напр.: *Предоставьте в мое распоряжение сколько-нибудь людей. Если бы у него было сколько-нибудь совести... Прошло сколько-то времени* (разг.). *Туристы посетили несколько городов.*

К адъективным отрицательным местоимениям относятся слова *никакой, ничей,* напр.: *Сегодня не было никаких писем. С этим ребенком не хватит никакого терпения. Не презирай совета ничьего, но прежде выслушай его* (Крылов).

Субстантивные отрицательные местоимения — это *никто, ничто, некого, нечего,* напр.: *Никто не заметил нашего отсутствия. Не с кем было посоветоваться. Ничто не ускользнуло от его внимания. Есть было нечего.*

Между неопределенными и отрицательными местоимениями нет непроходимой границы, они нередко взаимозаменимы, ср.: *Не хватает никакого терпения* и *Не хватает какого-либо терпения. Не следует говорить об этом никому* и *Не следует говорить об этом кому-либо.*

§ 4. Склонение местоимений. Склонение местоимений в целом напоминает склонение прилагательных, но отличается нерегулярностью. Их склонение удобнее проследить по разрядам.

Склонение личных местоимений отличается наибольшим своеобразием. Местоимения *я* и *мы* в косвенных падежах имеют супплетивные основы с подчас редкими окончаниями: *я, меня, мне, мной, обо мне; мы, нас, нам, нами, о нас.* Местоимения *он, она, оно, они* также имеют в косвенных падежах супплетивную основу j-, но к ней присоединяются регулярные окончания, как к прилагательным с мягкой основой: *он, его* [jи³вó], *ему; они, их* [jих], *им.* При этом в предложных падежных формах основа меняется на [н']: *у него, к ней* и т. п. Местоимения *ты* и *вы* также имеют редкие, нечастотные по образованию формы косвенных падежей: *ты, тебя, тебе, тобой; вы, вас.*

Притяжательные местоимения 1-го и 2-го лица склоняются по образцу склонения прилагательных с мягкой основой *(мой, моего, моему; ваш, вашего, вашему);* в единственном числе местоимения имеют ударение на конечном слоге. Притяжательные местоимения 3-го лица *(его, ее, их)* не склоняются.

Возвратное местоимение *себя* склоняется как местоимение *ты*, но не имеет именительного падежа. В местоимении *друг друга* склоняется только вторая часть (как существительные типа *берег*): *друг другу, друг с другом, друг о друге.*

Местоимения всех остальных разрядов склоняются или как прилагательные с твердой основой (напр.: *иной, иного, иному; любой, любого, любому*), или как прилагательные с мягкой основой (напр. *чей, сей, чьего, сего, чьему, сему*), или по смешанному склонению прилагательных (*другого, такого, другому, такому,* но *другим, таким*).

Исключения касаются отдельных форм некоторых местоимений и сводятся к следующему. Местоимение *этот* во множественном числе смягчает основу: *эти, этих, этим.* У местоимений *тот, кто, что* и их производных (*кто-то, что-нибудь*) особая форма творительного падежа единственного числа: *тем, кем, чем.* Местоимение *тот* имеет особые окончания и во множественном числе: *тех, тем, теми, те.* Субстантивные отрицательные местоимения *некого, нечего* не имеют именительного падежа. У производных автосемантических местоимений склоняется только исходная часть — производящая основа: *кое-кто, кое-кого, кое-кому, кое с кем; какой-нибудь, какого-нибудь; некого, не с кого, не с кем;* при этом наблюдается известная проницаемость слова: предлог расчленяет местоимение надвое: *не у кого, кое у кого.*

§ 5. Стилистическая характеристика местоимений. Местоимения — самые употребительные (особенно личные и притяжательные) слова речи. Поэтому естественно, что большая их часть — общеупотребительные нейтральные единицы. Некоторые из них, однако, являются ограниченными в употреблении и выполняют особые стилистические функции, как в целом, так и в отдельных своих формах.

Местоимения с *-либо (кто-либо, какой-либо)* имеют заметный налет книжности, и их не следует употреблять в разговоре на обычные темы. В качестве неопределенных местоимений употребляются в разговорной речи усеченные формы *кто, что, какой* (сокращения от *кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь*): *Может быть, тебе кто наговорил обо мне? Не будет ли у тебя чего закусить? Нет ли какой возможности?* В функции неопределенных местоимений в разговорной речи употребляются и удвоения *кто-кто, что-что: Кого-кого* (в значении «кого-нибудь еще»),

а его не проведешь. Уж чего-чего, а книг у нас хватает. Разговорно-пренебрежительную окраску имеет неопределенное местоимение *некто* в сочетании с фамилией субъекта: *Вам звонил некто Потапов.* Схожую, но более грубую окраску в этих же условиях придает речи местоимение *какой-то: Вам звонил какой-то Потапов.* В других случаях *некто* придает высказыванию юмористический оттенок: *К вам приходил некто* (ср.: *К вам приходил кое-кто, кто-то*). Близкий оттенок имеет *нечто: Мне сейчас сказали нечто. Я знаю о нем нечто такое...*

Местоимения *кой, оный* отличаются архаичностью, и их употребление в настоящее время придает речи претенциозный или шутливый характер: *В кои веки я собрался пойти в театр. Я встретился с его родителями, коих уведомил, что с ним все благополучно; во времена оны; За свой счет или за оный?* Близко к этому употребление местоимения *таковой: Чая не было, и мы обошлись без такового.*

Местоимения *он, она, оно, они*, употребляемые в высказываниях с именительным представления, обычно придают им разговорно-сниженную окраску: *Сын ваш, он последнее время учится хуже. Институт — в него еще поступить надо.* В последние годы такие конструкции стали употребительны в газетном стиле: *Служба быта: какой ей быть?* (заголовок в газете).

Набор форм личного местоимения *он* включает в архаическую форму именительного падежа множественного числа женского рода *оне*, которую можно встретить в русской классической поэзии и которая воспринимается ныне как вносящая в текст возвышенность: *Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной; напоминают мне оне иную жизнь и берег дальний* (Пушкин). *Оне* противопоставлялось форме *они* как форме мужского рода множественного числа (ср. поэтический диалог между юношами и девушками в известном романсе С. Рахманинова:. *Спросили они: «Как красавиц привлечь?...» — «Любите», — о н е отвечали*).

Личное местоимение 2-го лица множественного числа *вы* и притяжательное местоимение *ваш* употребляются по отношению к одному собеседнику как выражение вежливости, почтительности: *Вы единственный человек, кому я доверяю. Вы* вежливости вместо *ты* употребляется в разговоре с неблизкими людьми, со старшими по возрасту или по положению. В прошлом веке в дворянских и купе-

ческих семьях дети нередко говорили *вы* своим родителям, что легко пронаблюдать по произведениям русской классической литературы (сейчас это бывает крайне редко).

Обращение на *ты* к неблизкому человеку (не к другу, не к члену семьи), к старшему годами чаще всего расценивается как фамильярность и даже как намерение унизить. В то же время в устах пожилого человека это звучит естественно и не имеет характера непочтительности. В поэзии обращение на *ты* лишено какой-либо непочтительности, напротив, выражает приподнятость чувств, ср.: *Под звуки вальса плавные я вспомнил годы славные... тебя, с седыми прядками, над нашими тетрадками, учительница первая моя* (Матусовский).

ГЛАГОЛ

§ 1. Глагол как часть речи. Глагол — часть речи, которая обозначает действие и выражает это значение в формах вида, залога, наклонения, времени, лица, выступая в предложении в функции сказуемого.

Понятие действия предполагает определенную временную протяженность, те или иные изменения. Любые изменения происходят во времени. Значение времени, временной протяженности является характерным признаком любого глагола, хотя различные галаголы выражают действия разной длительности, ср.: *Мальчик спит. Девочка бегает. Самолет пролетел мимо нас. Я уже прочитал эту книгу.*

В сравнении с остальными частями речи глагол имеет самый богатый набор грамматических категорий. Это, в свою очередь, обусловливает разветвленную систему грамматических форм глагола. В русском языке один глагол способен иметь 138 форм. Многие из форм глагола при каждом употреблении способны выражать до шести грамматических значений. Например, форма *строим* в предложении *Мы строим Дворец спорта* выражает значения несовершенного вида, действительного залога, изъявительного наклонения, настоящего времени, 1-го лица, множественного числа.

Грамматические формы глагола по своим особенностям (функциям, составу грамматических категорий, характеру изменения или отсутствию способности изменяться) подразделяются на две группы — неопределенную

форму (инфинитив) и спрягаемые формы. Спрягаемые формы называются еще личными, так как они способны выражать значение лица. В предложении они обычно выполняют функцию сказуемого, т. е. предиката, поэтому их нередко называют также предикативными.

В отличие от спрягаемых форм инфинитив является неспрягаемой (неличной) формой глагола.

Для всех (спрягаемых и неспрягаемых) форм глагола характерна не только лексическая, но и грамматическая общность. Спрягаемые формы и инфинитив одного глагола имеют одно и то же видовое и залоговое значение. Так, инфинитив *строить (дом)* и форма 1-го лица единственного числа *(я) строю (дом)* одинаково обладают значением несовершенного вида и действительного залога.

Все грамматические формы одного глагола управляют одним и тем же падежом имени, напр.: *любить брата, люблю брата, люби брата; заниматься спортом, занимаюсь спортом, занимайся спортом.* Одно и то же слово может примыкать ко всем грамматическим формам одного и того же глагола. Так, наречие *регулярно* легко сочетается со всеми формами глагола *заниматься: регулярно заниматься (спортом), регулярно занимаюсь (спортом), регулярно занимайся (спортом).*

В предложении спрягаемые формы глагола выступают в функции сказуемого. В этой функции могут употребляться и слова других частей речи, однако только глагол способен выражать отношение процесса к действующему лицу (деятелю), напр.: *Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно горячим светом по листам затрепетало* (Фет). *Красавица зорька в небе загорелась, из большого леса солнышко выходит* (Кольцов). Неопределенная форма глагола употребляется в роли сказуемого, подлежащего и второстепенных членов предложения, напр.: *Жизнь прожить — не поле перейти* (Пословица) (*прожить* — подлежащее, *перейти* — сказуемое). *Ее преследовала тайная мечта уйти в партизанское подполье* (Фадеев) (*уйти* — определение). *«Я попрошу вас говорить по существу дела»,— сухо заметил старичок* (Горький) (*говорить* — дополнение). *Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться* (Лермонтов) (*освежиться* — обстоятельство).

§ 2. Неопределенная форма глагола (инфинитив). Эта форма глагола получила название неопределенной пото-

му, что она, обозначая действие, не указывает на лицо, которое осуществляет его. Идея действия в этой форме глагола выражена в наиболее чистом виде, поэтому, когда надо просто назвать какое-либо действие, называют его обычно инфинитивом. Инфинитив содержит минимальную грамматическую информацию, выражает значения только вида и залога. В сравнении с другими грамматическими формами глагола он имеет более простой состав, ср.: *чита-ть* и *чита-j-у (читаю)*. На его базе образуются другие грамматические формы глагола (формы прошедшего времени, сослагательного наклонения). Учитывая все это, инфинитив называют исходной (словарной) формой глагола. И не случайно в качестве заглавной формы в словарях дается именно инфинитив.

Неопределенная форма глагола оканчивается на *-ть, -ти, -чь*. Среди них самым распространенным показателем инфинитива является суффикс *-ть*. Все вновь возникающие и заимствуемые глаголы оформляются только с помощью этого суффикса, напр.: *вживить (вживлять), глиссировать, десантировать, загерметизировать, катапультировать, ужесточить (ужесточать), мелиорировать, кольцевать* [1] и др.

В небольшой группе глаголов инфинитив оформлен при помощи суффикса *-ти*. Сюда относятся *идти, везти, ползти, пасти, спасти, расти, вести, цвести, плести, нести, мести, брести, грести, скрести, трясти*. Во всех простых (непроизводных) глаголах этот суффикс находится под ударением. Ударение на суффиксе сохраняется также в образованных от них префиксальных глаголах совершенного вида, напр.: *завезти, навезти, обвезти, ввезти, подвезти, развезти, привезти, довезти, провезти; занести, перенести, пронести, донести, отнести, внести*. Исключение из этого правила составляют лишь образования с приставкой *вы-*: в этих глаголах (и производных от них) ударение перемещается с суффикса на приставку: *вывезти, вылезти, выползти, вынести, повывезти, повылезти, повытрясти, повыгрести*.

Суффикс *-ти* является непродуктивным: он не оформляет глаголы, возникающие в современном русском языке.

---

[1] Эти слова зафиксированы в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971).

Неопределенная форма на *-чь* встречается в небольшой группе непродуктивных глаголов. В нее входят *жечь, лечь, влечь, печь, беречь, стеречь, сечь, течь, стричь, волочь, толочь, помочь, пренебречь, обречь, наречь, застичь, настичь, достичь, постичь, напрячь, впрячь, выпрячь, перепрячь, распрячь, упрячь, спрячь.* Сюда же относятся производные префиксальные глаголы, образованные от этих слов: *зажечь, поджечь, прижечь, сжечь, поприжечь, выжечь, повыжечь, ожечь, разжечь, изжечь, возжечь, дожечь, недожечь, пожечь, прожечь, отжечь.* В приведенных глаголах *-чь* не суффикс инфинитива, а конечная фонема корня, ср.: *влечь — влеку, влекла; печь — пеку, пекла; беречь — берегу, берегла*, где *ч* чередуется с *к* или *г* в составе корня.

§ 3. Основы глагола. В отличие от имен существительных и прилагательных, имеющих одну основу, глагол, как правило, обладает двумя формообразующими основами, которые у большинства глагольных слов последовательно отличаются по своему составу. Это основа неопределенной формы глагола и основа настоящего времени.

Основа неопределенной формы остается, если отбросить суффиксы инфинитива *-ть* и *-ти*, напр.: *лететь — лете-, пахать — паха-, колоть — коло-, белеть — беле-, читать — чита-, прочитать — прочита-, нести — нес-, везти — вез-.*

Основа настоящего времени получается путем отделения окончаний 3-го лица множественного числа в форме настоящего (или простого будущего) времени, напр.: *летят — лет'-, пашут — паш-, колют — кол'-, белеjут (белеют) — белеj-, читаjут (читают) — читаj-, прочитаjут (прочитают) — прочитаj-, несут — нес-, везут — вез-.*

Пути образования и структурные различия между двумя основами глагола отражены в таблице (см. с. 363).

Основа инфинитива в приведенных примерах оканчивается на гласный, поэтому ее называют еще основой на гласный (вокалической основой). Основа настоящего времени оканчивается на согласный, поэтому ее называют основой на согласный (консонантной основой).

Основа на гласный по отношению к основе на согласный выступает в качестве исходной, производящей. Значит, основа на согласный является производной, образу-

Неопределенная форма	Основа	Настоящее или простое будущее время	Основа
дела-ть	*дела-*	*делаj-ут (делают)*	*делаj-*
крича-ть	*крича-*	*крич-ат*	*крич-*
черне-ть	*черне-*	*чернеj-ут (чернеют)*	*чернеj-*
шипе-ть	*шипе-*	*шип'-ат (шипят)*	*шип'-*
поло-ть	*поло-*	*пол'-ут (полют)*	*пол'-*
пухну-ть	*пухну-*	*пухн-ут*	*пухн-*
би-ть	*би-*	*б'j-ут (бьют)*	*б'j-*

ется от основы на гласный, напр.: *дела-* → *дела* + *j-*, *черне-* → *черне* + *j-*.

Консонантная основа является производной и в случаях типа *крича-* → *крич-*, *шипе-* → *шип'-*, *поло-* → *пол'-*, *бели-* — *бел'-*, где она оказывается короче вокалической. Это объясняется тем, что в таких парах консонантная основа образуется путем усечения гласного вокалической основы.

Исключением из этого соотношения двух глагольных основ являются основы некоторых небольших групп глаголов, относящихся к непродуктивным в системе современного русского языка:

Неопределенная форма	Основа	Настоящее или простое будущее время	Основа
прочес-ть	*прочес-*	*прочт-ут*	*прочт-*
пас-ть	*пас-*	*пад-ут*	*пад-*
клас-ть	*клас-*	*клад-ут*	*клад-*
грыз-ть	*грыз-*	*грыз-ут*	*грыз-*
лез-ть	*лез-*	*лез-ут*	*лез-*
нес-ти	*нес-*	*нес-ут*	*нес-*
вез-ти	*вез-*	*вез-ут*	*вез-*
печь	*печь-*	*пек-ут*	*пек-*
течь	*течь-*	*тек-ут*	*тек-*

Здесь обе основы глагола оканчиваются на согласную фонему.

У некоторых глаголов основа неопределенной формы и основа настоящего времени материально совпадают, ср.: *пас(ти)* и *пас(ут)*. И в таких случаях основы настоящего времени являются производными от основ инфинитива, нет нарушения общей закономерности образования одной основы глагола от другой.

Взаимоотношения основ часто осложняются чередованиями корневых гласных и согласных, выпадением и вставкой фонем, ср.: *тере(ть)* и *тр(ут)*, *жечь* и *жг(ут)*, *зва(ть)* и *зов(ут)*, *собра(ть)* и *собер(ут)*, *реза(ть)* и *реж(ут)*, *пляса(ть)* и *пляш(ут)*, *рокота(ть)* и *рокоч(ут)*, *нача(ть)* и *начн(ут)*, *жи(ть)* и *жив(ут)*, *де(ть)* и *ден(ут)*, *слы(ть)* и *слыв(ут)*, *ста(ть)* и *стан(ут)*, *да(ть)* и *дад(ут)*.

Основа инфинитива обычно совпадает с основой прошедшего времени глагола, ср.: *чита(ть)* и *чита(л)*, *прыга(ть)* и *прыга(л)*, *сине(ть)* и *сине(л)*, *би(ть)* и *би(л)*, *ли(ть)* и *ли(л)*, *мы(ть)* и *мы(л)*. Принимая это во внимание, вокалическую основу глагола называют еще основой прошедшего времени. Таким образом, соотношение основ выглядит так: основа инфинитива (= основа прошедшего времени) → основа настоящего (или простого будущего) времени. Однако основа инфинитива и основа прошедшего времени совпадают не у всех слов. В отдельных разрядах глаголов они различаются. Слова, относящиеся к таким рязрядам, имеют не по две, а по три основы, которые отличаются одна от другой. Таковы глаголы с полногласным *ере*, ср.: *тере(ть)*, *тр(ут)* и *тёр* (прош. вр.); *запере(ть)*, *запр(ут)* и *запер* (прош. вр.); *умере(ть)*, *умр(ут)* и *умер* (прош. вр.). Сюда же относятся глаголы на *-ну(ть)*: *глохну(ть)*, *глохн(ут)* и *глох* (прош. вр.); *мокну(ть)*, *мокн(ут)* и *мок* (прош. вр.); *сохну(ть)*, *сохн(ут)* и *сох* (прош. вр.), а также их префиксальные производные, напр.: *высохну(ть)*, *высохн(ут)* и *высох* (прош. вр.).

Две основы глагола — основа инфинитива и основа настоящего (или простого будущего) времени — обеспечивают образование всех его грамматических форм. Вокруг этих основ группируются все возможные у глагола грамматические формы. Причем от каждой основы образуется строго определенный набор форм.

От основы инфинитива образуются формы прошедшего времени и сослагательного наклонения, напр.: *сдела(ть) — сдела + л, сдела + л бы; прочита(ть) — прочита + л, прочита + л бы; мы(ть) — мы + л, мы + л бы.*

От основы настоящего (простого будущего) времени образуются личные формы настоящего и простого будущего времени и формы повелительного наклонения, напр.: *дела- — делаj + у (делаю), делаj + эшь (делаешь), делай; сдела- — сделаj + у (сделаю), сделаj + эшь (сделаешь), сделай.*

§ 4. Продуктивные классы и непродуктивные группы глаголов. На соотношении основ инфинитива и настоящего времени строится распределение глаголов по классам. Если глагол имеет такое соотношение основ инфинитива и настоящего времени, которое встречается у вновь возникающих в современном русском языке глаголов, то он относится к продуктивным классам. Например: глагол *приземлиться* относится к продуктивным, так как в современном русском языке создаются слова, которые по соотношению основ инфинитива и настоящего времени входят с ним в один класс слов, ср.: *приземлиться* и *прилуниться, примарситься* и другие слова, созданные недавно и встречающиеся в русском языке наших дней. Если же глагол имеет соотношение двух основ, которое не встречается у вновь образуемых слов, то он входит в одну из непродуктивных групп. Так, глагол *петь* относится к непродуктивным: новые слова с соотношением основ *е/оj (пе-ть → поj-ут)* в современном русском языке не возникают.

Продуктивные глаголы составляют 5 классов.

К первому классу относятся слова с основой инфинитива на *а(я)* и основой настоящего времени на *а(я) + j: прыга(ть) — прыга + j(ут), гуля(ть) — гуля + j(ут), пада(ть) — пада + j(ут), сажа(ть) — сажа + j(ут), чита(ть) — чита + j(ут).* Глаголы первого класса имеют неподвижное ударение во всех своих формах, напр.: *потеря́ть — потеря́ю, потеря́ешь, потеря́ет.*

Второй класс образуют слова с основой инфинитива на *е* и основой настоящего времени на *е + j: худе(ть) — худе + j(ут), беле(ть) — беле + j(ут), чернеть — черне + j(ут), ледене(ть) — ледене + j(ут).* Ударение, как и в глаголах первого класса, постоянное, падает на суффикс *-е-*; напр.: *худе́ть — худе́ю, худе́ешь,*

худе́ет. Суффикс *-е-* является безударным лишь в глаголах, образованных от прилагательных, имеющих суффиксы *-ав(ый)*, *-ат(ый)*, *-ив(ый)*, *-ов(ый)*, и в глаголах с приставками *без-*, *обез-*, *вы-*, напр.: *кроваве́ть*, *черви́веть*, *суро́веть*, *безу́меть*. Неударяемое *-е-* имеют также отдельные производные глаголы, сохраняющие ударение своих производящих: *и́ндеветь*, *румя́неть*, *посты́леть* (ср.: *и́ней*, *румя́ный*, *посты́лый*).

Третий класс составляют слова с основой инфинитива на *-ова-(-ева-)* и основой настоящего времени на *у + j*: *зим-ова(ть) — зим-у + j(ут)*, *чар-ова(ть) — чар-у + j(ут)*, *цел-ова(ть) — цел-у + j(ут)*, *днева(ть) — дн'-у + j(ут)*. Глаголы третьего класса обычно имеют ударение на гласном суффикса (*штурмова́ть*, *тосковáть*) или корня (*бесе́довать*, *жа́ловаться*, *про́бовать*); в обоих случаях оно является неподвижным, напр.: *бесе́довать — бесе́дую*, *бесе́дуешь*, *бесе́дует*. Если ударение в инфинитиве падает на гласный *а* суффикса, то в формах с основой настоящего времени оно падает на *у*, напр.: *штурмова́ть — штурмова́л*, но *штурму́ю*, *штурму́ешь*, *штурму́ет*, *штурму́й*.

Четвертый класс имеет основу инфинитива на *и*, которое выпадает в основе настоящего времени: *вози(ть) — воз(ят)*, *грузи(ть) — груз(ят)*, *бели(ть) — бел(ят)*. Глаголы этого класса имеют два типа ударения — неподвижное и подвижное. Неподвижное ударение может быть на суффиксе или на слоге, предшествующем суффиксу: *храни́ть*, но *сла́вить*, *ра́нить*. В глаголах с ударным *и* ударение в личных формах падает на окончание: *храни́ть — храни́л*, *храни́л бы*, *храни́*, *храню́*, *храни́шь*, *храни́т*, *храни́м*, *храни́те*, *хранят*.

В глаголах с подвижным ударением в неопределенной форме и в 1-м лице единственного числа настоящего (простого будущего) времени ударение падает на последний слог, а во всех остальных формах — на основу, напр.: *носи́ть*, *ношу́*, но *но́сишь*, *но́сит*, *но́сим*. Формы прошедшего времени и повелительного наклонения имеют ударение на *и*: *носи́л*, *носи́*.

Пятый класс составляют слова, имеющие суффикс *-ну-* в основе инфинитива и *-н-* (*у* подвергается усечению) в основе настоящего времени: *крикну(ть) — крикн(ут)*, *прыгну(ть) — прыгн(ут)*, *шагну(ть) — шагн(ут)*. В глаголах этого класса суффикс *-ну-* имеет значение однократности и совершенного вида. К пятому классу при-

мыкают четыре глагола несовершенного вида: *гнуть, льнуть, тонуть, тянуть*, в которых суффикс *-ну-* уже не выделяется. Этот суффикс не вычленяется и в составе отдельных глаголов совершенного вида на *-нуть*, относящихся к данному классу: *пнуть, минуть*. Лишены четких границ между корнем и суффиксом также глаголы *обмануть, помянуть*.

Ударение в глаголах пятого класса неподвижное. Оно падает на суффикс или корень, напр.: *качну́ть — качну́л, качни́, качну́, качнёшь, качну́т; ка́пнуть — ка́пнул, ка́пни, ка́пну, ка́пнешь, ка́пнут*. Подвижное ударение имеют лишь четыре глагола: *помяну́ть, обману́ть, тону́ть, тяну́ть*, напр.: *тяну́*, но *тя́нешь; тону́*, но *то́нешь; обману́*, но *обма́нешь; помяну́*, но *помя́нешь*.

Соотношение основ в продуктивных классах глаголов отражено в следующей таблице:

Классы	Показатели основ	
	инфинитива	настоящего (простого будущего) времени
I	*а* *чита(ть)*	*а + j* *чита + j(ут)*
II	*е* *владе(ть)*	*е + j* *владе + j(ут)*
III	*ова(ева)* *целова(ть), горева(ть)*	*у + j* *целу + j(ут),* *гор'у + j(ут)*
IV	*и* *вози(ть)*	без *и* *воз(ят)*
V	*ну* *прыгну(ть)*	*н* *прыгн(ут)*

Подавляющее большинство глаголов распределяется по пяти продуктивным классам. Вне их остается более

четырехсот непроизводных глаголов, а также их префиксальные производные. Они имеют иное соотношение основ инфинитива и настоящего времени, чем продуктивные глаголы. Это непродуктивные глаголы.

Классификация непродуктивных глаголов, как и распределение продуктивных глаголов по классам, осуществляется с учетом соотношения двух основ — основы инфинитива и основы настоящего (простого будущего) времени. По соотношению этих основ непродуктивные глаголы объединяются в группы.

Основы отдельных глаголов, относящихся к непродуктивным группам, не имеют четких морфемных границ. В ряде слов неясны границы между основой и окончанием. Некоторые глаголы непродуктивных групп имеют особенности в образовании личных форм.

Изучение и запоминание таких свойств непродуктивных слов необходимо прежде всего для правильного понимания системы формообразования глагола, но особенно важно это для правильного употребления этих слов в речи, так как они обладают высокой частотой употребления.

Выделяется 16 групп непродуктивных глаголов.

Первая группа включает глаголы I спряжения (160) [1] с основой инфинитива на гласный *а(я)*, который отсутствует в основе настоящего времени. В основах инфинитива и настоящего времени часто чередуются корневые согласные и гласные фонемы: *иска(ть) — ищ(ут), писа(ть) — пиш(ут), бормота(ть) — бормоч(ут), клевета(ть) — клевещ(ут), колеба(ть) — колебл'(ут), реза(ть) — реж(ут), сея(ть) — сеј(ут), бра(ть) — бер(ут), зва(ть) — зов(ут).*

Вторая группа состоит из глаголов II спряжения (35) с основой инфинитива на гласный *а(я)*, который отсутствует в основе настоящего времени: *ворча(ть) — ворч(ат), визжа(ть) — визж(ат), лежа(ть) — леж(ат), слыша(ть) — слыш(ат), стоя(ть) — стој(ат), боя(ть)ся — бој(ат)ся.*

Третья группа состоит из глаголов II спряжения (45) с основой инфинитива на гласный *е*, который отсут-

---

[1] Цифры в скобках обозначают количество глаголов, входящих в каждую группу, и охватывают только непроизводные слова. При подсчете не учтены префиксальные производные этих глаголов, которые изменяются так же, как и их производящие.

ствует в основе настоящего времени: *виде(ть) — вид(ят), сиде(ть) — сид(ят)*.

Четвертая группа объединяет глаголы (60) с основой инфинитива на *ну* и основой настоящего времени на *н*. По соотношению двух основ глаголы этой группы не отличаются от глаголов пятого продуктивного класса: *мокну(ть) — мокн(ут), вяну(ть) — вян(ут), мерзну(ть) — мерзн(ут)*. От них они отличаются по значению суффикса *-ну-*. Суффикс *-ну-* в глаголах этой группы обозначает постепенность, длительность действия и выражает значение несовершенного вида, в отличие от омонимичного суффикса *-ну-* с однократным значением совершенного вида в составе глаголов пятого продуктивного класса.

Непродуктивные глаголы на *-ну(ть)* имеют одну существенную формальную особенность: у них обычно не совпадают основы инифинитива и прошедшего времени. В современном русском языке формы прошедшего времени образуются преимущественно без суффикса *-ну-*, особенно в префиксальных глаголах, ср.: *мерзну(ть) — мерз + □, замерзну(ть) — замерз + □, примерзну(ть) — примерз + □*. Для многих глаголов (особенно бесприставочных) характерно образование параллельных форм прошедшего времени с суффиксом *-ну-* и без суффикса *-ну-*, напр.: *мокну(ть) — мок + □*, мокну + *л; вяну(ть) — вя + л, вяну + л*.

В эту непродуктивную группу входят отдельные непроизводные префиксальные глаголы совершенного вида, при которых в современном русском языке соответствующие им бесприставочные глаголы отсутствуют. Сюда же относятся глаголы совершенного вида, в составе которых приставки уже не вычленяются, напр.: *ввергнуть, низвергнуть, застигнуть, исторгнуть, отвыкнуть* (ср.: *привыкнуть, свыкнуться, исчезнуть*).

Пятая группа включает глаголы (7), в которых суффиксы инфинитива *-ть, -ти* следуют непосредственно за корнем на согласные *з, с*. Основа настоящего времени совпадает с основой инфинитива и прошедшего времени, ср.: *вез(ти) — вез — вез(ут); грыз(ть) — грыз — грыз(ут); лез(ть) — лез — лез(ут); пас(ти) — пас — пас(ут); полз(ти) — полз — полз(ут); нес(ти) — нес — нес(ут); тряс(ти) — тряс — тряс(ут)*.

Шестая группа объединяет глаголы (16) с инфинитивом на *-чь*, которому в основе настоящего и про-

шедшего времени соответствуют *к* и *г*, ср.: *течь — тек — тек(ут), стричь — стриг — стриг(ут)*.

Противопоставление основ настоящего и прошедшего времени выражено здесь при помощи чередований корневых гласных *е/о* и □/*о*: *жг(ут) — жег, пек(ут) — пек, стеречь — стерег*.

Седьмая группа состоит из глаголов (около 30) с инфинитивом на *-сть, -сти*, с основой настоящего времени на *т, д, б* и с формой прошедшего времени на *л* (без предшествующего согласного *с*), ср.: *бре(сти) — бре-л — бред(ут); ме(сти) — ме-л — мет(ут); гре(сти) — греб — греб(ут);* сюда же: *кля(сть) — кля-л — кля-н(ут); ра(сти) — рос — раст(ут)*.

Восьмая группа объединяет глаголы (около 70) с основой инфинитива на *ва*, которому в основе настоящего времени соответствует *j*: *дава(ть) — да-j(ут), встава(ть) — вста-j(ут), зазнава(ть)ся — зазна-j(ут)ся*.

Девятая группа включает односложные глаголы (6) с основой инфинитива на *и* и с основой настоящего времени на *j* (вместо инфинитивного *и*): *би(ть) — б'j(ут), вить — в'j(ут), ли(ть) — л'j(ут), пи(ть) — п'j(ут), ши(ть) — шj(ут);* к этой же группе примыкают *бри(ть) — брej(ут), гни(ть) — гниj(ут)*.

Десятая группа объединяет односложные глаголы (6) с основой инфинитива на *ы* и с основой настоящего времени на *oj*: *вы(ть) — вoj(ут), ны(ть) — нoj(ут), кры(ть) — кроj(ут), мы(ть) — мoj(ут), ры(ть) — рoj(ут);* сюда же: *пе(ть) — пoj(ут)*.

Одиннадцатая группа включает глаголы (3) с основой инфинитива на *у* и с основой настоящего времени на *у + j*: *ду(ть) — дуj(ут), разу(ть) — разуj(ут), обу(ть) — обуj(ут)*.

Двенадцатая группа объединяет глаголы (3) с основой инфинитива на *и(ы)* и с основой настоящего времени на *и(ы) + в*: *жи(ть) — жи-в(ут), плы(ть) — плы-в(ут), слы(ть) — слы-в(ут)*.

Тринадцатая группа состоит из глаголов (11) с основой инфинитива на *е, а(я)* и с основой настоящего времени на *е, а(я) + н*: *де(ть) — ден(ут), разде(ть) — разден(ут), заде(ть) — заден(ут), подде(ть) — подден(ут), взде(ть) — взден(ут), возде(ть) — возден(ут), проде(ть) — проден(ут), сде(ть) — сден(ут), ста(ть) — стан(ут), завя(ть) — завян(ут), застря(ть) — застрян(ут)*.

Четырнадцатая группа объединяет глаголы (46) с основой инфинитива на *а(я)* и с основой настоящего времени на *н, м, им: жа(ть) — жн(ут), жа(ть) — жм(ут), мя(ть) — мн(ут), нача(ть) — начн(ут), взя(ть) — возьм(ут), сня(ть) — сним(ут), заня(ть) — займ(ут)*.

Пятнадцатая группа включает глаголы (5) с основой инфинитива на *-оро(ть), -оло(ть)* и с основой настоящего времени на *ол', ор': коло(ть) — кол'(ут), боро(ть)ся — бор'(ут)ся, поло(ть) — пол'(ут)*; сюда же: *моло(ть) — мел'(ут)*.

Шестнадцатую группу образуют глаголы (4) с инфинитивом на *-ере(ть)*, имеющие основу прошедшего времени на *ер* и основу настоящего времени на *р*. При образовании основы настоящего времени корневое *е* чередуется с нулем звука: *умере(ть) — умер — умр(ут); тере(ть) — тер — тр(ут); (за)пере(ть) — (за)пер — (за)пр(ут); протере(ть) — протер — протр(ут)*.

За пределами перечисленных непродуктивных групп глаголов остаются одиночные слова или пары слов, имеющие изолированные от общей системы основы и обладающие специфическими особенностями в спряжении. К ним относятся *бежать, ошибиться, ушибиться, реветь, хотеть, ехать, быть, дать, создать, есть*.

§ 5. Спряжение глагола. Парадигма форм глагола. В русском языкознании спряжение понимается по-разному[1]. В узком понимании спряжение — это изменение глагола по лицам и числам (в настоящем и простом будущем времени). Такое определение спряжения получило широкое распространение в практических грамматиках русского языка. Оно давно применяется в школьной практике, где принято различать два спряжения — I и II, которые отличаются друг от друга гласными фонемами окончаний 2-го, 3-го лица единственного числа и 1, 2, 3-го лица множественного числа под ударением. В 1-м лице единственного числа окончания глаголов I и II спряжения совпадают.

К первому спряжению относятся глаголы с окончаниями *-у(-ю), -ешь, -ет, -ем, -ете, -ут(-ют)*.

---

[1] Обзор и анализ различных определений спряжения см.: *Тихонов А. Н.* О границах русского спряжения.— Русский язык в школе, 1967, № 4.

Ко второму спряжению относятся глаголы с окончаниями *-у(-ю), -ишь, -ит, -им, -ите, -ат(-ят)*. Примеры:

Лицо	Единственное число		Множественное число	
	I спряжение	II спряжение	I спряжение	II спряжение
1-е	*нес-у*	*крич-у*	*нес-ем*	*крич-им*
2-е	*нес-ешь*	*крич-ишь*	*нес-ете*	*крич-ите*
3-е	*нес-ет*	*крич-ит*	*нес-ут*	*крич-ат*

Глаголы всех продуктивных классов и непродуктивных групп относительно легко распределяются по этим двум спряжениям. Вне их остается небольшое число слов, которые по составу окончаний не могут быть подведены под одно из двух спряжений. Таковы глаголы *бежать, чтить, хотеть* и все их префиксальные производные: *вбежать, добежать, забежать; захотеть, расхотеть; почтить*. Эти глаголы называются разноспрягаемыми. Они совмещают окончания обоих спряжений, как бы образуя смешанное спряжение. Глаголы *бежать, чтить* имеют окончания II спряжения *(бег-у, беж-ишь, беж-ит, беж-им, беж-ите; чт-у, чт-ишь, чт-ит, чт-им, чт-ите)*, кроме 3-го лица множественного числа, где они имеют окончание I спряжения *(бег-ут, чт-ут)*. Глагол *хотеть* в единственном числе изменяется по I спряжению *(хоч-у, хоч-ешь, хоч-ет)*, а во множественном числе — по II *(хот-им, хот-ите, хот-ят)*.

Нехарактерную для глаголов I и II спряжения систему окончаний имеют глаголы *есть, надоесть, дать, создать*:

	Единственное число		Множественное число	
1-е л.	*е-м*	*да-м*	*ед-им*	*дад-им*
2-е л.	*е-шь*	*да-шь*	*ед-ите*	*дад-ите*
3-е л.	*е-ст*	*да-ст*	*ед-ят*	*дад-ут*

Глагол *надоесть* спрягается по типу глагола *есть*, а глагол *создать* спрягается так же, как и *дать*.

Термин «спряжение» применяется и в широком значении. В этом случае он охватывает все грамматические формы глагола, т. е. формы лица, числа, рода, времени, наклонения, залога, вида. Тогда инфинитив в качестве исходной формы глагола возглавляет спряжение, как име-

нительный падеж возглавляет склонение имен. Однако для обозначения совокупности всех форм глагола чаще пользуются термином «парадигма».

§ 6. Категория вида. Категория вида обозначает отношение действия к внутреннему пределу. Внутренний предел действия следует понимать как его естественный исход, достижение предполагаемой цели или определенного результата, достижение известной границы, вытекающей из семантической природы глагольного действия. Совершенный вид при этом выступает как сильный, маркированный (отмеченный) член видового противопоставления, обозначающий предел действия, его естественный исход или результат, а несовершенный вид — как слабый, немаркированный (неотмеченный) член видового противопоставления, который не обозначает предела действия, а выражает действие в его течении, длительности, ср.: 1) *Рабочие строят* (несов. в.) *дом — Рабочие построят* (сов. в.) *дом.* 2) *Рабочие строили* (несов. в.) *дом — Рабочие построили* (сов. в.) *дом.* 3) *Профессор читает* (несов. в.) *лекцию — Профессор прочитал* (сов. в.) *лекцию.* 4) *Художник рисует* (несов. в.) *картину — Художник нарисовал* (сов. в.) *картину.*

Вид охватывает все глагольные формы. В системе русского глагола нет ни одной грамматической формы, которая не выражала бы видового значения. Этим вид отличается от остальных грамматических категорий глагола — наклонения, времени, лица, числа, рода, присущих лишь отдельным разрядам глагольных форм. Так, категорией времени, наклонения и лица обладают лишь личные формы, категория числа отсутствует в инфинитиве, категория рода присуща только формам прошедшего времени и сослагательного наклонения.

Виды такого ограничения не имеют. Категория вида органически переплетается со всеми другими грамматическими категориями глагола, образуя в их пределах четкую, последовательную, регулярную систему видовых противопоставлений, ср.: 1) формы инфинитива: *ставить — поставить;* 2) личные формы: а) настоящее и простое будущее: *ставлю — поставлю, ставишь — поставишь, ставит — поставит, ставим — поставим, ставите — поставите, ставят — поставят;* б) будущее сложное и простое: *буду ставить — поставлю, будешь ставить — поставишь, будет ставить — поставит, будем ставить — поставим, бу-*

дете ставить — поставите, будут ставить — поставят; в) прошедшее несовершенного вида и прошедшее совершенного вида: *ставил — поставил, ставила — поставила, ставило — поставило, ставили — поставили;* г) формы сослагательного наклонения: *ставил бы — поставил бы, ставила бы — поставила бы, ставило бы — поставило бы, ставили бы — поставили бы;* д) формы повелительного наклонения: *ставь — поставь, ставьте — поставьте.*

Виды управляют глагольным формообразованием. Возможность / невозможность образования тех или иных форм глагола целиком зависит от его видового значения. Так, от инфинитива совершенного вида *поставить* образуются прошедшее время *поставил*, будущее простое *поставлю*, однако не образуются настоящее и будущее сложное, а от инфинитива *ставить* прошедшее, настоящее и будущее сложное образуются, но простое будущее при нем отсутствует. Таким образом, в системе глагола вид выступает как основная грамматическая категория, определяющая состав грамматических форм глагола.

Видовые пары глаголов. Основу вида как грамматической категории составляют парные глаголы, т. е. глаголы, образующие видовую пару, или видовую корреляцию (соотношение).

Видовую пару (корреляцию) образуют две соотносительные формы одного и того же глагола, совпадающие по смыслу (лексически) и имеющие разные видовые значения: одна — несовершенного, другая — совершенного вида. Члены видовых корреляций обозначают один и тот же факт действительности, называют две стороны одного и того же действия, одного и того же процесса — отношение действия к внутреннему пределу (совершенный вид) или длительность его, продолжительность (несовершенный вид), ср.: *писать письмо* (несов. в) — *написать письмо* (сов. в.), *закрыть окно* (сов. в.) — *закрывать окно* (несов. в.), *строить дом* (несов. в.) — *построить дом* (сов. в).

В многозначных глаголах члены видовых пар обычно совпадают во всех значениях, т. е. имеют полную семантическую соотносительнось. Ср. *открыть* и *открывать* во всех значениях: 1) поднять крышку, раздвинуть створки чего-нибудь: *открыть сундук* (ср.: *открывать сундук*), *открыть дверь, окно* (ср.: *открывать дверь, окно*); 2) сделать доступным, свободным для чего-нибудь: *открыть*

путь (ср.: *открывать путь*); 3) обнажить, освободив от чего-нибудь закрывающего: *открыть грудь* (ср.: *открывать грудь*); 4) разомкнуть, раскрыть что-нибудь сложенное или сомкнутое: *открыть зонтик* (ср.: *открывать зонтик*), *открыть глаза* (ср.: *открывать глаза*); 5) пустить, ввести в действие что-нибудь: *открыть воду* (ср.: *открывать воду*), *открыть газ* (ср.: *открывать газ*); 6) сообщить откровенно о чем-нибудь, обнаружить: *открыть свои намерения* (ср.: *открывать свои намерения*), *открыть правду* (ср.: *открывать правду*); 7) предоставить, доставить (книжн.): *открыть возможность* (ср.: *открывать возможность*), *открыть поле деятельности кому-нибудь* (ср.: *открывать поле деятельности кому-нибудь*); 8) положить начало каким-нибудь действиям, деятельности: *открыть митинг* (ср.: *открывать митинг*), *открыть заседание* (ср.: *открывать заседание*), *открыть театр* (ср.: *открывать театр*), *открыть огонь* (ср.: *открывать огонь*) — начать стрелять; 9) установить существование, наличие чего-нибудь: *открыть залежи руды* (ср.: *открывать залежи руды*), *открыть заговор* (ср.: *открывать заговор*) [1]. Несовершенный вид *открывать* дублирует все значения совершенного вида *открыть*. Ср. также по значению члены разных типов видовых пар: *разрезáть — разрéзать, нарезáть — нарéзать, ставить — поставить, делать — сделать, терять — потерять, гаснуть — погаснуть, сесть — садиться, лечь — ложиться* и др.

Семантическое совпадение — необходимое условие видовой парности глаголов. Если те или иные глагольные образования не имеют ни одного совпадающего значения, то при всей семантической близости такие образования видовой пары не образуют. Ср.: *вдоветь* и *овдоветь, клеветать* и *оклеветать;* они имеют разные, несовпадающие значения: *вдоветь* обозначает «жить вдовой или вдовцом», *овдоветь* — «стать вдовой или вдовцом»; *клеветать* значит «распространять ложные слухи», управляет винительным падежом с предлогом *на (клеветать на кого-то)*, а также употребляется без дополнения, *оклеветать* — «очернить, опорочить клеветой», управляет винительным падежом без предлога *(оклеветать кого-то)*.

К видовым корреляциям не относятся пары типа *ужинать — отужинать, звонить — отзвонить, петь — попеть,*

---

[1] Система значений глаголов дается по «Словарю русского языка» С. И. Ожегова (М., 1972).

играть — поиграть, петь — запеть, кричать — закричать и т. п. Префиксальные образования в них отличаются от своих производящих не только видовым значением. Приставки отчетливо сохраняют свои временные значения: префикс *от-* — значение финитивности (доведение действия до конца, исчерпанность действия во времени); *по-* — ограниченно-длительное значение (действие осуществляется за ограниченное время); *за-* показывает начало действия. Поскольку приставки *от-, за-, по-* в приведенных примерах сохраняют свои лексические значения (кроме значения совершенности, вносят еще дополнительные значения в семантику исходной основы), они не являются чисто грамматическим средством образования видовых пар. Каждый член соотношения выступает как самостоятельная лексическая единица, отдельное слово.

Частные значения видов. Кроме общего значения, которым обладают все глаголы данного вида и все формы любого глагола данного вида, каждый из видов имеет еще так называемые частные значения. Они свойственны лишь тем или иным формам видов и реализуются в строго определенных условиях употребления видовых форм глагола. Так, основным значением несовершенного вида является обозначение длительности действия.

К частным значениям несовершенного вида относятся:

1) конкретно-процессное значение (действие происходит в определенный отрезок времени, один раз): *Что вы там делаете? — Мы лепим ракету. Сегодня целый час я слушал дедушкины сказки;*

2) постоянно-непрерывное значение: *Река Карасу впадает в Зерафшан;*

3) наглядно-примерное значение (повторяющееся действие выступает в одном из актов своего проявления): *Каждое воскресенье мы всей семьей садимся в автобус и едем за город отдыхать;*

4) неограниченно-кратное значение (действие представляется как неограниченный ряд повторений): *По временам с высокой скалы открывался вид на далекое море...* (Лидин);

5) потенциальное значение (действие, возможное в любой момент): *Мой брат хорошо плавает, стреляет без промаха из ружья;*

6) ограниченно-кратное значение (повторяемость действия имеет ограниченный характер): *Карим живет в Ташкенте. Он два раза приезжал к нам в гости в Самарканд.*

Первые три значения связаны с действиями неповторяющимися, единичными, а остальные три — с повторяющимися, кратными действиями.

К частным значениям совершенного вида относятся:

1) конкретно-фактическое значение (действие как конкретный единичный факт): *Этот пример запишите в тетради;*

2) наглядно-примерное значение (один акт повторяющегося действия служит наглядным примером других актов): *Виктор — самый аккуратный дежурный в классе: придет в школу раньше всех, намочит тряпку, сотрет с доски, вытрет стол учителя, польет цветы и строго следит за порядком во время перемен;*

3) суммарное значение (действие проявляется как сумма конкретных фактов): *Дым разъедал глаза, дважды каждый из нас обжег руки* (Солоухин).

Видовые корреляции не имеют однообразного оформления. В выражении видовых различий глаголов в русском языке участвуют разнообразные средства: суффиксы, префиксы, чередование согласных и гласных в основе, ударение, «сплетение» основ (супплетивизм).

Суффиксальные видовые пары. В современном русском языке это самый распространенный тип видовых пар. Сюда относятся видовые пары, члены которых отличаются друг от друга наличием / отсутствием того или иного суффикса: *отличить — отличать, получить — получать, заработать — зарабатывать, дать — давать.*

Видовые значения членов суффиксальных пар обычно выражаются противопоставлением (или чередованием) суффиксов, т. е. тем или иным видовым значением глагольный суффикс обладает не сам по себе (если даже он встречается в составе глаголов только одного какого-либо вида), а в противопоставлении другому материально выраженному или нулевому суффиксу, ср.: *отличить — отличать* (материально выраженный суффикс *-и-* здесь противопоставлен другому материально выраженному суффиксу — *-а-*); *забить — забивать* (нулевой суффикс противопоставлен материально выраженному суффиксу *-ва-*).

Самым многочисленным типом суффиксальных корреляций являются видовые пары, в которых форма несовершенного вида образуется при помощи суффикса *-ива-(-ыва-)*. Форма совершенного вида в этих видовых парах может иметь суффиксы *-а-*, *-и-*, *-е-*, *-ну-*$_1$, *-ну-*$_2$, *-ова-(-ева-)* (см. таблицу).

Чередующиеся суффиксы	Совершенный вид	Несовершенный вид	Чередующиеся фонемы основы
1) *-а-/*	*развязать*	*развязывать*	—
-ыва-(-ива-)	*списать*	*списывать*	—
2) *-и-/*	*раскрасить*	*раскрашивать*	*щ/ск*
-ива-(-ыва-)	*выбросить*	*выбрасывать*	*о/а, в/вл*
»	*вытащить*	*вытаскивать*	*с/ш*
»	*восстановить*	*восстанавливать*	*о/а*
3) *-ну-/*	*расстегнуть*	*расстегивать*	*е/о*
-ива-(-ыва-)	*натянуть*	*натягивать*	*—/г*
4) *-ова-/*	*срисовать*	*срисовывать*	—
(-ов-)-ыва-	*забинтовать*	*забинтовывать*	—
-ева-/			
(-ев-)-ыва-			
5) *-е-/*	*рассмотреть*	*рассматривать*	*о/а*
-ива-(-ыва-)	*подглядеть*	*подглядывать*	—
6) *-о-/-ыва-*	*заколоть*	*закалывать*	*о/а*
»	*перемолоть*	*перемалывать*	*о/а*

Из шести отмеченных в таблице подтипов только четыре первых являются продуктивными.

Значительное место в системе видов занимают корреляции, состоящие из форм совершенного вида с суффик-

сом *-и-* и из форм несовершенного вида с суффиксом *-а-(-я-)*. Как исходная в них выступает основа совершенного вида: *решить — решать, пустить — пускать, бросить — бросать, отпустить — отпускать, разделить — разделять, прилепить — прилеплять, нагрузить — нагружать, добавить — добавлять.*

В современном русском языке одним из продуктивных типов видовых пар являются корреляции, в которых форма совершенного вида образуется при помощи суффикса *-ну-* со значением однократности. В качестве исходной здесь выступает основа несовершенного вида, имеющая суффиксы *-а-, -е-, -о-, -и-: кричать — крикнуть, толкать — толкнуть, глядеть — глянуть, хрустеть — хрустнуть, колоть — кольнуть.*

Большую, но непродуктивную группу составляют глаголы, образующие видовую пару противопоставлением суффикса *-ну-* в совершенном виде и суффикса *-а-* в несовершенном виде: *воздвигнуть — воздвигать, замерзнуть — замерзать, привыкнуть — привыкать, потухнуть — потухать.*

Среди непродуктивных типов видовых пар выделяются в особую группу глаголы, образующие форму несовершенного вида с помощью суффикса *-ва-:* 1) *разбить — разбивать, вылить — выливать, вышить — вышивать;* 2) *закрыть — закрывать, зарыть — зарывать, смыть — смывать, остыть — остывать, добыть — добывать;* 3) *затвердеть — затвердевать, надеть — надевать, согреть — согревать, созреть — созревать;* 4) *обуть — обувать, раздуть — раздувать;* 5) *засеять — засевать;* 6) *отдать — отдавать, узнать — узнавать.*

К непродуктивным относятся также видовые пары типа: 1) *спасти — спасать, зацвести — зацветать, подмести — подметать, залезть — залезать;* 2) *помочь — помогать;* 3) *обнять — обнимать, принять — принимать.*

Префиксальные видовые пары. Приставки в системе глагола выполняют различные функции. Они могут служить для образования новых слов, отличающихся от исходных своим смысловым содержанием. При этом приставки могут и не изменять видового значения исходных основ, т. е. не играть видообразующей роли. Словообразовательная функция в этом случае оказывается единственной функцией приставки. Как правило, в исключительно словообразовательной функции приставки выступают при

сочетании с глаголами совершенного вида, ср.: 1) *дать — отдать, выдать, продать, передать; пустить — пропустить, отпустить;* 2) *двинуть — продвинуть, сдвинуть, отодвинуть, выдвинуть; толкнуть — вытолкнуть, столкнуть;* 3) *открыть — приоткрыть.*

Однако в большинстве случаев префиксация связана с лексико-грамматическими преобразованиями производящих основ. Приставка, сочетаясь с исходной основой, изменяет не только ее лексическое, но и грамматическое значение — переводит эту основу из несовершенного вида в совершенный, ср.: *строить* и *перестроить, настроить, застроить.* Исходная основа *строить* обозначает «сооружать», а производный глагол *перестроить* — «произвести переделку в какой-либо постройке, построить по-иному», *настроить* — «построить много», *застроить* — «занять постройками какую-либо площадь». Исходная основа *строить* — несовершенного вида, все префиксальные ее производные — совершенного вида, ср. также: *брать — набрать, перебрать, выбрать; гнать — погнать, загнать, угнать.* Во всех этих примерах приставки совмещают словообразовательную и видообразующую функцию.

В глаголах определенного семантического содержания и морфологической структуры приставки служат средством образования формы совершенного вида. Это так называемые чистовидовые приставки.

Чистовидовые приставки отличаются от лексических тем, что они, не меняя лексического значения бесприставочной производящей основы глагола, изменяют ее грамматическое значение — переводят из несовершенного вида в совершенный. Основа глагола с чистовидовой приставкой обозначает тот же самый процесс, то же самое действие, что и производящая основа несовершенного вида. Разница между ними заключается только в том, что бесприставочная основа обозначает это действие как длительное, в процессе совершения, а основа с чистовидовой приставкой выражает внутренний предел, границу этого действия, естественный исход его, ср.: *строить дом — построить дом, тушить пожар — потушить пожар, завтракать сытно — позавтракать сытно, варить обед — сварить обед, ткать ковер — соткать ковер.*

В чистовидовой функции выступают приставки *по-* (более 300 глаголов), *с-* (более 220), *за-* (более 160), *о-* (более 150), *на-* (около 90), *про-* (около 60), *вы-* (около 50),

у-, от-, раз-, из- (от 30 до 40 каждая) и в отдельных глаголах — *при-, воз-, пере-, под-*.

Как правило, исходные бесприставочные основы несовершенного вида входят в видовую пару с одной из производных приставочных основ. Например, глагол *писать* образует видовую пару с *написать*, но *приписать, выписать, дописать* и др. не образуют видовой пары с *писать*, так как они обозначают качественно иные процессы и входят в видовые пары с семантически эквивалентными суффиксальными образованиями *приписывать, выписывать, дописывать* и др.

Но встречаются случаи, когда в разных своих значениях исходные бесприставочные основы несовершенного вида коррелируют с разными приставочными основами, ср.: *стареть — постареть (Он начал быстро стареть, постарел)* и *стареть — устареть (Истинно художественное произведение не стареет, не устареет никогда)*.

В современном русском языке префиксация является продуктивным способом образования видовых форм глагола. Чистовидовые приставки все более и более расширяют свои сферы действия. Наиболее активны в формообразующей функции приставки *с-, за-, про-, по-, от-*. Приставки *на-, о-, у-* малопродуктивны. Непродуктивны в чистовидовой функции приставки *вы-, из-, вз-, раз-, при-, пере-, под-, воз-*.

Видовые пары префиксально-суффиксального типа. В отличие от префиксальных видовых пар форма совершенного вида образуется здесь не присоединением к образующей основе префикса, а присоединением к ней префикса и суффикса одновременно, т. е. форма совершенного вида образуется от формы несовершенного вида префиксально-суффиксальным путем. К таким парам относятся *вешать — повесить (флаги), кланяться — поклониться (низко кому-либо), ронять — уронить (деньги на пол), сажать — посадить (картофель), цепляться — уцепиться (за что-либо), глотать — проглотить (пилюлю)*. В одной видовой паре префиксально-суффиксальным образованием является, наоборот, форма несовершенного вида: *покупать* (несов. в.) — *купить* (сов. в.).

Роль ударения в образовании видовых пар. Ударение как средство образования видовых пар используется в русском языке редко. При помощи ударения различают-

ся видовые формы префиксальных глаголов, образованных от *резать* и *сыпать: нарéзать* (сов. в.) — *нарезáть* (несов. в.), *обрéзать* (сов. в.) — *обрезáть* (несов. в.); *засы́пать* (сов. в.) — *засыпáть* (несов. в.), *насы́пать* (сов. в.) — *насыпáть* (несов. в.).

Как и чередование фонем, ударение самостоятельно различает видовые значения в ограниченном составе форм глаголов. При помощи ударения различают виды в инфинитиве и в формах, образованных от основы инфинитива — в прошедшем времени, сослагательном наклонении, ср.: *нарéзать — нарéзал — нарéзал бы* (сов. в.); *нарезáть — нарезáл — нарезáл бы* (несов. в.). В остальных формах видовые значения этих глаголов различаются не только ударением, ср.: *нарéжу* (сов. в.) — *нарезáю (нарезáй-у)* (несов. в.), *разрéжу* (сов. в.) — *разрезáю (разрезáй-у)* (несов. в.).

Чередование гласных и согласных при образовании видовых пар. Чередование фонем в подавляющем большинстве случаев лишь сопровождает суффиксацию, ср.: *ответить — отвечать, победить — побеждать, примкнуть — примыкать, умереть (умру) — умирать, подождать — поджидать, запереть (запру) — запирать, расколоть — раскалывать, обсудить — обсуждать, закрепить — закреплять, заработать — зарабатывать.*

Чередоваться могут как гласные, так и согласные фонемы.

Чередование согласных фонем не имеет самостоятельного видообразующего значения, оно всегда лишь сопровождает суффиксацию, т. е. в выражении видовых значений участвует только вместе с суффиксами: *прибавить — прибавлять, укрепить — укреплять, отправить — отправлять.*

В отличие от чередования согласных фонем, чередование гласных в одних случаях лишь сопровождает суффиксацию, а в других случаях имеет самостоятельное видообразующее значение — является единственным средством, дифференцирующим видовые формы глаголов. Так, видовые формы некоторых глаголов в инфинитиве отличаются только чередованием нуля звука с гласными фонемами: *собрать — собирать, содрать — сдирать, назвать — называть, подождать — поджидать, послать — посылать.* Во всех формах, кроме инфинитива, эти глаголы в совершенном и несовершенном виде отличаются суффикса-

ми: в совершенном виде — нулевой суффикс, а в несовершенном виде — суффикс *-а- (собер-у — собир-а-ю, назов-у — назыв-а-ю, оторв-у — отрыв-а-ю)*. Ср. также императивы: *оторви — отрывай, назови — называй;* сослагательное наклонение: *оторвал бы — отрывал бы, назвал бы — называл бы, сорвал бы — срывал бы.*

Члены одной и той же видовой пары могут отличаться как чередованием согласных, так и чередованием гласных, ср.: *выскоч-и-ть — выскак-ива-ть (о/а, ч/к), расспрос-и-ть — расспраш-ива-ть (о/а, с/ш), подготов-и-ть — подготавл-ива-ть (о/а, в/вл), загород-и-ть — загораж-ива-ть (о/а, д/ж), затоп-и-ть — затапл-ива-ть (о/а, п/пл)*. Одновременное чередование гласных и согласных фонем наблюдается в глаголах, для которых характерна мена гласных *о/а*.

Супплетивные видовые пары. Члены различных типов видовых пар, охарактеризованных выше, соотносятся как производящая и производная основы. Так, в паре *переписать — переписывать* производящей является форма *переписать,* форма несовершенного вида *переписывать* выступает как производная.

В отличие от компонентов таких видовых пар члены супплетивных видовых корреляций не имеют морфологических связей: один коррелят не является производным от другого. Члены супплетивных видовых пар восходят к разным словам:

ловить (несов. в.) — *поймать* (сов. в.)
говорить (несов. в.) — *сказать* (сов. в.)
класть (несов. в.) — *положить* (сов. в.)
брать (несов. в.) — *взять* (сов. в.)

Члены супплетивных видовых пар вполне отвечают общим требованиям видовой парности глаголов: являются лексически тождественными, совпадают во всех значениях или в части значений.

Видовых пар типа *брать — взять* в русском языке всего четыре. Члены остальных супплетивных видовых пар исторически восходят к однокоренным образованиям: *лечь* (сов. в.) — *ложиться* (несов. в.), *сесть* (сов. в.) — *садиться* (несов. в.), *стать* (сов. в.) — *становиться* (несов. в.), *лопнуть* (сов. в.) — *лопаться* (несов. в.).

В таких видовых парах в современном русском языке один член корреляции уже не является производным от

другого. Формы несовершенного вида более сложны по составу в сравнении с формами совершенного вида.

Двучленные и многочленные видовые корреляции. С точки зрения количества компонентов все имеющиеся в современном русском языке видовые корреляции делятся на двучленные и многочленные.

В двучленных корреляциях одной форме каждого вида соответствует только одна форма противоположного вида, напр.: *чертить — начертить, забить — забивать, разрешить — разрешать.*

В многочленных корреляциях одной форме того или иного вида соответствуют две (редко — три) формы противоположного вида, напр.:

приготовить (сов. в.) *ужин*	*приготовлять* (несов. в.) *ужин* *приготавливать* (несов. в.) *ужин*
мыть (несов. в.) *пол*	*помыть* (сов. в.) *пол* *вымыть* (сов. в.) *пол*

Особенности образования видовых пар в глаголах движения. В современном русском языке 14 пар исходных бесприставочных глаголов движения:

бежать — бегать	*лезть — лазить*
идти — ходить	*тащить(ся) — таскать(ся)*
ехать — ездить	*лететь — летать*
брести — бродить	*ползти — ползать*
везти — возить	*плыть — плавать*
вести — водить	*нести(сь) — носить(ся)*
гнать(ся) — гонять(ся)	*катить(ся) — катать(ся)*

Оба члена таких пар несовершенного вида, и поэтому видовых корреляций они не образуют. Один член соотношения обозначает однонаправленное движение *(бежать, лезть)*, другой — разнонаправленное движение *(бегать, лазить)*. Однако оба члена пары являются семантически соотносительными, обозначают один и тот же способ перемещения или одинаковые действия: *бежать* «перемещаться бегом» и *бегать* «перемещаться бегом», *ехать* «перемещаться при помощи средств сообщения» и *ездить* «перемещаться при помощи средств сообщения» и т. д.

Глаголы однонаправленного движения обычно обозначают «действие, протекающее в одном направлении, непрерывно и в определенный момент», а глаголы разнонаправленного движения обозначают «действие, совершающееся не в одном направлении или не за один прием, не в одно время», ср.: *Я ехал на перекладных из Тифлиса* (Лермонтов) и *Софья Львовна все ездила на извозчике и просила мужа, чтобы он покатал ее на тройке* (Чехов).

Глаголы разнонаправленного движения могут обозначать, что субъект способен выполнять названное действие, что выполняемое действие для него является обычным занятием, привычным делом, напр.: *Маленький Петя уже ползает. Валя уже ходит и даже бегает. Владимир хорошо плавает.* Поэтому в форме настоящего времени эти глаголы могут обозначать вневременное действие: *Рыбы плавают, а черви ползают. Птицы летают, а животные (коровы, лошади, овцы) ходят и бегают.*

В сфере глаголов движения видовые корреляции характерны только для производных префиксальных образований. Различаются следующие типы видовых пар:

1) *внести — вносить*
вознести — возносить
вынести — выносить
донести — доносить
разнести — разносить
поднести — подносить
принести — приносить
пронести — проносить

2) *втащить — втаскивать*
вытащить — вытаскивать
дотащить — дотаскивать
натащить — натаскивать
оттащить — оттаскивать
притащить — притаскивать

3) *доплыть — доплывать*
заплыть — заплывать
подплыть — подплывать
приплыть — приплывать

4) *влезть — влезать*
вылезть — вылезать
залезть — залезать

перелезть — перелезать
слезть — слезать
пролезть — пролезать

5) *взбежать — взбегать*
вбежать — вбегать
выбежать — выбегать
отбежать — отбегать
перебежать — перебегать
подбежать — подбегать

6) *въехать — въезжать*
выехать — выезжать
доехать — доезжать
подъехать — подъезжать
приехать — приезжать
проехать — проезжать

Таким образом, образование видовых пар в глаголах движения нестандартно.

Одновидовые глаголы. В русском языке нет глагола, глагольной формы, которая не имела бы видового значения. Однако не каждый глагол образует видовую пару. Часть глаголов обладает только формой одного из видов — или только несовершенного, или только совершенного вида. Так, глаголы совершенного вида *опомниться, очутиться, хлынуть* и др. не имеют соотносительных форм несовершенного вида, а глаголы несовершенного вида *отсутствовать, сидеть, лежать, обитать, бездействовать* и т. п. не имеют соотносительных форм совершенного вида. Такие глаголы называются одновидовыми, непарными.

Одновидовые глаголы делятся на две группы: одновидовые глаголы несовершенного вида (imperfectiva tantum) и одновидовые глаголы совершенного вида (perfectiva tantum).

Одновидовые глаголы существенно отличаются от парных глаголов. Они имеют неполный состав грамматических форм, характерных для глагольного слова: одновидовые глаголы несовершенного вида не имеют форм будущего простого времени и всех форм, образуемых от основы совершенного вида; одновидовые глаголы совершенного вида не имеют форм настоящего, будущего сложного времени и всех форм, образуемых от основы несовершенного вида.

Парные глаголы имеют по два инфинитива, по две формы прошедшего времени, повелительного наклонения, сослагательного наклонения, по две формы прошедшего времени действительного залога, тогда как одновидовые глаголы обладают лишь одной формой.

Основной причиной непарности глаголов является семантика. Так глагол несовершенного вида в выражении *толочь воду в ступе* по своей семантике не допускает образования формы совершенного вида: *толочь воду в ступе* значит «заниматься тем, что ни к какому успеху, результату не приведет». Глаголы совершенного вида, наоборот, обозначают результативный исход действия. Действия же, выражаемые глаголами несовершенного вида *лежать, сидеть, обитать, бездействовать, отсутствовать, разгуливать, расхаживать* и т. п., не предполагают результативного исхода.

Одновидовые глаголы совершенного вида обозначают такие действия, которые не мыслятся в длительности и осуществляются обычно мгновенно, быстро, неожиданно: *очутиться, ринуться, грянуть, хлынуть.*

Причиной видовой дефектности нередко является и невозможность присоединения тех или иных морфем к исходной форме. Иногда отсутствие одной из форм вида у глаголов объясняется фонетическими причинами. Часто фонетические условия определяют выбор тех или иных средств видообразования. Так, в двувидовых глаголах на *-овать* выбор морфологических средств для дифференцированного выражения значений несовершенного и совершенного вида зависит от ударения. Если ударение падает на *-овать,* то эти глаголы могут образовать форму несовершенного вида при помощи суффикса *-ива-(-ыва-): организовать — организовывать, арестовать — арестовывать, образовать — образовывать, конфисковать — конфисковывать* — или образуют совершенный вид при помощи приставок: *маскировать — замаскировать, мариновать — замариновать.* Если же ударение падает не на *-овать,* то эти глаголы могут образовать совершенный вид только при помощи префиксов: *визировать — завизировать, вуалировать — завуалировать.*

Одновидовые глаголы несовершенного вида обозначают такие действия, которые обычно не предполагают результативного исхода, не направлены на достижение результата. Сюда относятся *сожалеть, благоговеть, сострадать, сочувствовать, обожать, восторгаться, опасаться,*

ненавидеть, заискивать, недоумевать, бездействовать, ожидать, созерцать, жить, отсутствовать.

Не имеют форм совершенного вида многие глаголы состояния: *лежать, сидеть, молчать, спать, стоять, дышать.* Лишены парных форм совершенного вида некоторые безличные глаголы: *следует, сдается, не спится, подобает.*

Не имеет видовых пар большая группа глаголов несовершенного вида, обозначающих действие субъекта по занимаемой должности, профессии и т. п. Сюда относятся в основном глаголы на *-ствовать, -ничать: царствовать, барствовать, начальствовать, учительствовать, сапожничать, хозяйничать, столярничать, слесарничать, токарничать.*

Формы совершенного вида отсутствуют у всех бесприставочных глаголов движения: у глаголов разнонаправленного движения *(бегать, ходить, ездить, бродить);* у глаголов однонаправленного движения *(бежать, брести, везти).*

Среди производных префиксальных глаголов движения значительное количество слов не имеет видовых пар. К одновидовым глаголам относятся все глаголы с префиксом *по-*. В сочетании с разнонаправленными исходными глаголами этот префикс образует глаголы с ограниченно-длительным значением *(побегать, полетать),* а в сочетании с однонаправленными глаголами — начинательные глаголы *(побежать, полететь).* Префикс *с-* образует одновидовые глаголы, обозначающие движение туда и обратно («рейсовое» движение): *сбегать (в магазин), сходить (на рынок), слетать (в Москву), съездить (в Ленинград).* Одновидовые глаголы движения образуются также при помощи префиксов *из-* (в значении исчерпанности действия, осуществляемого во всех направлениях: *избегать весь город, изъездить всю страну, исходить весь свет), за-* (в начинательном значении: *забéгать*).

Двувидовые глаголы. В одних своих формах двувидовые глаголы выступают со значением совершенного вида, в других — имеют значение несовершенного вида. В инфинитиве, в формах прошедшего времени, сослагательного и повелительного наклонения видовые значения двувидовых глаголов дифференцируются лишь синтаксически — в словосочетании или в предложении: *Каждый день они* [фашисты] *казнят* (несов. в.) *французских патриотов* (Эренбург). *Никто из родных не спал в эту ночь. Да и не*

только родные не спали: все знали, что в эту ночь казнят (сов. в.) *молодогвардейцев* (Фадеев).

Многие двувидовые глаголы имеют свою специфическую видовую характеристику. Так, двувидовой глагол *образовать* в форме прошедшего времени употребляется только в значении совершенного вида. То же самое следует сказать о глаголе *реализовать (реализовал* всегда обозначает результативность и имеет значение совершенного вида).

Самую древнюю и самую малочисленную группу двувидовых глаголов образуют слова *казнить, женить, велеть, крестить, ранить, венчать, обещать, молвить*. Состав этих глаголов в современном русском языке не пополняется.

Непродуктивную группу составляют также некоторые глаголы на *-овать: исследовать, обследовать, расследовать, наследовать, воздействовать, образовать, использовать, миловать, содействовать*. Глаголы этой группы в основном представляют собой заимствования из старославянского языка и относятся к книжной лексике.

Основную, самую многочисленную и активно развивающуюся группу двувидовых глаголов составляют глаголы на *-овать,* заимствованные из разных, в основном из западноевропейских, языков, и глаголы, образованные в русском языке от иноязычных именных основ: *организовать, арестовать, атаковать, рапортовать, конфисковать*.

Состав двувидовых глаголов в современном русском языке постоянно пополняется. Если в четырех томах словаря Д. Н. Ушакова насчитывается 575 двувидовых глаголов, то в однотомном словаре С. И. Ожегова их уже более 600.

В сфере двувидовых глаголов наблюдается ярко выраженная тенденция к образованию видовых пар. Двувидовые глаголы образуют видовые пары как при помощи суффиксации, так и при помощи префиксации. Суффиксальные видовые пары занимают весьма скромное место: *конфисковать — конфисковывать, арестовать — арестовывать, образовать — образовывать, атаковать — атаковывать, реализовать — реализовывать, ассигновать — ассигновывать*.

В образовании видовых пар более активно участвуют префиксы. Возникновение в языке бесприставочного глагола несовершенного вида, способного (по своему лексическому значению) иметь парный глагол другого вида,

всегда влечет за собой необходимость образования формы совершенного вида, выражающей отношение этого действия к внутреннему пределу.

Чаще всего используются префиксы *с-, за-, про-;* реже — *о-, у-* и др.: *координировать — скоординировать, моделировать — смоделировать, конструировать — сконструировать, бронировать — забронировать, консервировать — законсервировать, асфальтировать — заасфальтировать, вентилировать — провентилировать, демонстрировать — продемонстрировать, консультировать — проконсультировать, публиковать — опубликовать, характеризовать — охарактеризовать, штрафовать — оштрафовать, регулировать — урегулировать, комплектовать — укомплектовать.*

Употребление видов глагола. Сущность видов, их функциональные особенности раскрываются в основных закономерностях сочетаемости видовых форм глагола.

Конкуренция видов. Условия функционирования и условия реализации значений совершенного и несовершенного вида, как правило, не совпадают. Однако в некоторых случаях видовые формы глагола могут употребляться в одном и том же контексте, в одном и том же окружении. Замена форм одного вида формами другого в таких условиях не влияет на основное содержание высказывания. При этом видовые различия форм совершенного и несовершенного вида окончательно не стираются. Они как бы нейтрализуются в данной речевой ситуации, и различение их оказывается несущественным для передачи необходимой информации. Говорящий не ставит цели сосредоточить внимание слушателя на смысловых элементах, выражаемых формами видов. Такое употребление видовых форм глагола называется конкуренцией видов. Примеры: *Вчера по телевидению показали* (ср.: *показывали*) *выступление ансамбля «Березка». Я вас уже предупредил* (ср.: *предупреждал*), *что скоро будет контрольная работа. «Позвони, чтобы кушать давали* (ср.: *дали*)*»,— сказала старшая сестра* (Гончаров). *Скорее кончалось бы* (ср.: *кончилось бы*) *все это!* (Горький). Взаимозамена видов в приведенных предложениях не искажает основного смысла высказывания. Так, в первом предложении просто ставится цель сообщить, что показ по телевидению выступления ансамбля «Березка» имел место. В целевые установки говорящего не

входит указание на результативный исход этого действия, достижение им своего внутреннего предела. Поэтому здесь возможно употребление обеих форм вида *(показали — показывали)*.

Свободно заменяют друг друга формы совершенного и несовершенного вида в ответных репликах диалогов следующего типа:

— Ты уже выполнил задание?	*— Нет, еще не выполнял (не выполнил).*
— Вы сказали Иванову, что завтра в 14.15 заседание студсовета?	*— Нет, не говорил (не сказал).*
— Ты начертил уже схему?	*— Нет, еще не чертил (не начертил).*
— Врач приходил?	*— Врач еще не приходил (не пришел).*

Сочетаемость видов с обстоятельствами. Во многих случаях видовые формы глаголов сочетаются с одними и теми же обстоятельственными словами или словосочетаниями, ср.: *вчера читал* (несов. в.) *рассказ — вчера прочитал* (сов. в.) *рассказ, недавно смотрел* (несов. в.) *фильм — недавно посмотрел* (сов. в.) *фильм, рано встаю* (несов. в.) *— рано встану* (сов. в.), *рано ложусь* (несов. в.) *спать — рано лег (лягу)* (сов. в.) *спать.*

При этом каждый из видов сочетается с одними обстоятельствами и не сочетается с другими. Обстоятельства типа *долго,* сочетания типа *целый день, весь день,* обозначающие длительность действия, и обстоятельства типа *часто, иногда, редко, изредка,* выражающие нерегулярную повторяемость действия, употребляются только с глаголами несовершенного вида, напр.: *долго (весь день) спал, часто встречаемся, реже видимся, изредка пишет, чаще приходите.* Нельзя сказать: «Целый день нарисовал». «Все утро проработаю». Иное дело: *За целый день написал* (сов. в.) *только одно письмо. За весь день прочитал* (сов. в.) *50 страниц книги.* Ср. также:

Несовершенный вид	Совершенный вид
Два дня учил это стихотворение наизусть.	*За два дня выучил это стихотворение наизусть.*
Три часа решал задачу.	*За три часа решил задачу.*

Два месяца строили дом.	*За два месяца построили дом.*

Обстоятельства типа *постепенно, бесконечно, беспрерывно,* обозначающие непрекращающуюся длительность, обстоятельства типа *временами, время от времени,* обозначающие нерегулярную повторяемость действия, и *ежедневно, ежечасно, по субботам, по средам, каждый день,* обозначающие регулярную повторяемость действия, сочетаются обычно с глаголами несовершенного вида, напр.: *Я ежедневно по часу занимаюсь физкультурой. По субботам мы смотрим телепередачи.*

Исключительно с формами несовершенного вида сочетаются обстоятельства, подчеркивающие нарастание, усиление или, наоборот, ослабление действия: *все выше и выше (поднимается), все реже и реже (показывается), все больше и больше (краснеет), все меньше и меньше (становится), день ото дня (худеет), год от года (умнеет), с каждым днем (взрослеет).*

Обстоятельства, обозначающие быстроту, внезапность действия, обычно сочетаются с глаголами совершенного вида, напр.: *Вдруг светом, нестерпимо белым, ярким, хлестнуло по глазам до слепоты* (Щипачев). *К нам неожиданно сегодня приехал обедать Гоголь* (Панаева). *Долго Авилов слушал эти страстные, отчаянные жалобы... и вдруг неожиданно, сразу заснул крепким, здоровым сном* (Куприн).

Сочетаемость видов с глаголами. Виды избирательно сочетаются с фразовыми и отдельными глаголами других семантических классов. Глаголы, обозначающие различные этапы, фазы (начало, продолжение, конец) действия, называются фазовыми. К ним относятся *начать — начинать, стать; продолжить — продолжать, перестать — переставать, кончить — кончать* и др. С этими глаголами сочетаются только формы инфинитива несовершенного вида: *начал (начну), начинаю (буду начинать)+писать* (несов. в.); *стал (стану)+читать* (несов. в.); *продолжим (продолжаем)+читать* (несов. в.); *перестал (перестану)+кричать* (несов. в.); *кончил (кончу), кончаю+рисовать* (несов. в.); сюда же: *пустился бежать, пошел ругать, принялся (принимался) читать.*

После глаголов *привыкнуть, надоесть, научиться, запрещаться, устать, запретить* и некоторых других всегда употребляется инфинитив несовершенного вида: *Мне на-*

доело это слушать (несов. в.). *Я привык вставать* (несов. в.) *рано.*

Со словами *удаться, успеть, забыть* и др. часто употребляется инфинитив совершенного вида: *Он уже успел позавтракать* (сов. в.). *Мне удалось подняться* (сов. в.) *выше других.*

Сочетаемость видов с модальными словами. Со словами *надо, нужно, следует, должен, необходимо* и др. преимущественно употребляется инфинитив совершенного вида, напр.: *Мне надо позвонить* (сов. в.) *домой. Самолет должен прилететь* (сов. в.) *вовремя.*

Модальное слово *нельзя,* сочетаясь с глаголами разных видов, выражает различные значения: когда сочетается с глаголами несовершенного вида, обозначает запрет *(В этом месте нельзя переходить* (несов. в.) *улицу* (т. е. запрещается); когда сочетается с глаголами совершенного вида, выражает невозможность выполнения действия *(В этом месте нельзя перейти* (сов. в.) *улицу* (т. е. невозможно).

Сочетаясь с отрицанием *не,* все эти слова *(не надо, не нужно, не следует, не должен* и т. д.) требуют инфинитива несовершенного вида. Сюда же: *не стоит, не к чему, незачем* и т. п., напр.: *Не стоит волноваться* (несов. в.): *все уладится. Ей незачем было к нему ездить* (несов. в.).

Употребление видов в однородных глагольных сказуемых.В однородных глагольных сказуемых употребляются глагольные формы одного и того же вида. Получаются схемы: сов. в.+сов. в.+сов. в. (с+с+ +с...); несов. в.+несов. в.+несов. в. (нс+нс+нс...). При этом цепочка глаголов совершенного вида обозначает последовательность законченных действий: *Самгин вымылся, оделся и прошел в переднюю* (Горький). *Удачно прихлопнув муху рукописью, он облегченно вздохнул, приподнял губу и немножко растянул ее* (Горький). *Михайлов еще раз кисло улыбнулся, сконфузился и замигал глазами* (Чехов).

Цепочка глаголов несовершенного вида обозначает одновременность действий: *Я часто гуляю в поле, смотрю, как там казармы для артиллеристов строят* (Горький). *Он шел и смотрел, как вырастают казармы* (Горький). *Анна Павловна кокетливо щурила глаза и рассказывала, как она когда-то танцевала в Петербурге* (Чехов).

Одновременность действий иногда может выражаться глаголами совершенного вида, и наоборот, глаголы несо-

вершенного вида могут обозначать последовательность действий, напр.: *В девять утра она уходила в школу, являлась домой к трем; от пяти до семи гуляла с ребенком и книгой в саду, в семь снова уходила заниматься с любителями хорового пения, возвращалась поздно* (Горький).

Схемы с+с+с... и нс+нс+нс... в некоторых случаях нарушаются, и возникают смешанные ряды форм типа с+нс+нс..., нс+с+с+с..., с+с+нс..., с+нс+с..., напр.: *Самгин остался в кухне и видел, как она сожгла его записки* (Горький) (с+нс). *Варвара спряталась за спину Самгина и смотрела через плечо* (Горький) (с+нс).

§ 7. Способы действия. Способы действия (или способы проявления действия) — это семантико-словообразовательные группировки глаголов, объединенные по общности количественно-временных значений, выражаемых при помощи аффиксов. Они представляют собой такое семантическое видоизменение производящих глаголов, при котором не возникает новых по своему процессуальному значению глаголов, ср.: *шуметь* и *зашуметь, пошуметь, отшуметь, прошуметь, нашуметь, нашуметься, расшуметься.* Все префиксальные образования обозначают тот же самый процесс, что и производящий глагол *шуметь.* Однако каждый из них характеризует этот процесс с какой-либо стороны: *зашуметь* обозначает «начать шуметь», *пошуметь* — «некоторое время шуметь», *отшуметь* — «кончить шуметь», *прошуметь* — «проходя (пролетая) мимо, шуметь», *нашуметь* — «много шуметь» (поднять большой шум), *нашуметься* — «вдоволь (по)шуметь», *расшуметься* — «начать сильно шуметь (шуметь и дойти до наивысшей точки проявления этого действия)». Таким образом, производные глаголы, относящиеся к способам проявления действия, выражают тот же самый процесс, что и глаголы, на базе которых они созданы, они лишь конкретизируют этот процесс с точки зрения временной и количественной определенности: одни производные уточняют временную протяженность действия, выражают распределение действия на линии времени (*зашуметь, отшуметь, пошуметь* и др.); другие обозначают степень проявления действия (*нашуметь, нашуметься, расшуметься*).

Большинство глаголов различных способов действия относится к одновидовым образованиям. Одновидовость — характерный признак способов действия. Соотно-

сительные по виду глаголы среди способов действия занимают скромное место. Видовая парность здесь скорее исключение, чем правило. Если ядро грамматической категории вида образуют парные глаголы, то в центре способов действия находятся одновидовые глаголы.

Категория вида и способы глагольного действия отличаются по степени охвата глагольной лексики. Категория вида охватывает все глаголы. В русском языке нет ни одного глагола, который бы не обладал видовым значением и не относился бы к одному из видов. А способы действия объединяют в своем составе только определенную часть производных слов, распределяя их на группы по характеру протекания действия. Так, вне способов действия остаются все непроизводные глаголы, не выражающие особенностей протекания действия, напр.: *колоть, рыть, прыгать, ныть, петь, чуять.* Вне системы способов действия остаются приставочные глаголы с пространственным значением, напр.: *вогнать, выгнать, загнать, подогнать, пригнать, угнать, разогнать, согнать.* Как правило, такие глаголы образуют видовые пары, ср.: *вогнать — вгонять, выгнать — выгонять, загнать — загонять, подогнать — подгонять, пригнать — пригонять, угнать — угонять, разогнать — разгонять, согнать — сгонять.*

Точный состав способов действия в русском языке до сих пор не установлен, поэтому охарактеризуем лишь важнейшие группы глаголов, составляющие способы действия.

Способы действия (СД) делятся на два основных типа — временные и количественные. Одни СД имеют чисто временнóе или количественное значение, другие совмещают оба типовых значения, напр.: *запеть* обозначает только начало действия (временнóе значение), *накидать* обладает только количественным значением (кидать в большом количестве один предмет на другой в одно и то же место), но глагол *покалывать* значит: 1) время от времени, иногда колоть (временнóе значение); 2) слегка, немного колоть (количественное значение, неполнота действия).

Значения СД в контексте часто выражаются при помощи специальных лексических показателей (слов или сочетаний слов). Так, в предложении *Чуть-чуть потягивал свежий ветерок, слегка покалывая щеки* в качестве лексических показателей выступают наречия *чуть-чуть* (при

глаголе *потягивал*), *слегка* (при деепричастии *покалывая*) — они подчеркивают количественное значение (значение СД) глаголов.

В современном русском языке к СД временнóго типа относятся:

1. Начинательный СД. Сюда относятся глаголы совершенного вида с приставками *за-*, *по-*, обозначающие начало действия. Приставка *за-* охватывает самое большое число глаголов (около 900) и является продуктивной *(забарабанить, застучать, завыть, замычать, зареветь, захрюкать, запищать, запеть): Птицы зацокали. Снова заорали ослы* (Бородин). Приставка *по-* является непродуктивной и сочетается только с глаголами однонаправленного движения *(побежать, побрести, повезти, погнать, поехать, пойти, покатить, полезть, полететь, понести, поплыть, поползти, потащить): Илья прыгнул вперед и побежал изо всей силы* (Горький).

2. Длительно-ограничительный СД. Сюда относятся глаголы совершенного вида с префиксом *про-*, которые обозначают, что действие происходит в течение определенного (обычно длительного) промежутка времени (целый день, весь год, месяц и т. п.) и в своем проявлении ограничено этим временем *(пробéгал весь день, продежурил сутки, продремал час, проболтать часа два* и т. п.): *Достаточно наши отцы и мы сами целую жизнь пробатрачили на Потоцкого* (Н. Островский).

3. Финитивный СД включает глаголы совершенного вида с приставкой *от-*. Они обозначают прекращение длительного действия, доведение его до абсолютного конца *(отшуметь, отмучиться, отболеть, отгреметь, отгудеть, отгрохотать, отгрустить, отгореть* и т. п.): *Уже отгремели аплодисменты и шла музыкальная передача* (Караваева). *Софья отговорила. Василий Васильевич встал и благодарил за милостивые слова* (А. Толстой).

4. Многократный СД. Глаголы этого СД образуются при помощи суффиксов *-ива-(-ыва-)*, *-ва-*, *-а-* и выражают нерегулярное повторение действия в отдаленном прошлом (обычно употребляются в форме прошедшего времени): *хаживал, сиживал, говаривал, едал, певал.* Все они несовершенного вида.

Глаголы, относящиеся к количественным СД, обозначают различную степень проявления действия — ослабление или усиление его.

Неполноту проявления действия, ослабление его обозначают:

1. Смягчительный СД. Малую степень действия, уменьшение, ослабление его передают глаголы совершенного вида с префиксами *по-, под-, при-: поотстать* (отстать немного, несколько), *поосвежить* (освежить несколько), *попридержать, пообсохнуть, поотмякнуть, подбодрить* (несколько ободрить), *подбелить* (белить слегка, дополнительно), *поднажать, подзубрить, приболеть, приотворить, притормозить.* Значение неполноты проявления действия часто подчеркивается при помощи лексических показателей: *Рассказ этот немного поосвежил мою голову* (Г. Успенский). *Я глядела на Маню... она немножко подвыросла, но переменилась очень мало* (Лесков). *Я несколько призабыл греческую историю* (Салтыков).

2. Сопроводительный СД. Сюда относятся глаголы несовершенного вида с приставками *при-, под-* и суффиксами *-ива- (-ыва-), -ва-.* Они обозначают действие, которое сопровождает другое действие и проявляется в слабой степени, в неполной мере *(присвистывать, приговаривать, пристукивать, прихрамывать, причмокивать, прибаюкивать, припрыгивать, пританцовывать, приплясывать, прихлопывать, припевать, поддакивать, подплясывать, подсвистывать, подтанцовывать, подпрыгивать, подвывать, подпевать, подвизгивать, поддразнивать, подкрякивать, подкрикивать, подхрапывать, подмигивать, подмаргивать): Он всплеснул руками и ушел и, пока шел, все что-то приговаривал* (Чехов). *Говорит картавя, присюсюкивает* (Лесков).

Усиление, интенсивность, высокую степень проявления действия выражают:

1. Накопительный СД. Накопление объектов в результате действия обозначают глаголы совершенного вида с приставкой *на-: нарубить, наколоть (дров); наварить (каши), накупить (книг); надымить, насорить, напылить (в комнате); накрошить, наговорить* и т. п. Мера действия часто передается с помощью лексических показателей: *Он, верно, много нарассказал бы дивного* (Гоголь). *Поедемте-ка во Льгов... мы там уток настреляем вдоволь* (Тургенев).

Значительную группу образуют накопительные глаголы с вторичной приставкой *по-.* Они обозначают, как правило, последовательный (поочередный) охват действием множества объектов или просто высокую степень про-

явления действия *(понакидать, понанести, понаползти, понапихать, понастроить, понатыкать, понатащить, понасказать, понасажать): Проклятые бабы понапугали нас так, что и сказать стыдно* (Гоголь).

2. Тотальный СД. Глаголы этого СД обозначают, что действие охватывает весь объект или субъект, все объекты или субъекты. Сюда относятся глаголы совершенного вида с приставками *из-(ис-), по-, пере-: избить, изрубить, исписать (всю бумагу), истрепать, изрезать, повянуть, попадать, порезать (весь костюм), потоптать (все цветы), пораскидать (все вещи), поотрывать (все пуговицы), переженить, переколоть, переловить, перецеловать (всех)*. Глаголы с приставками *по-, пере-* могут обозначать распространение действия на субъекты или объекты по очереди, последовательно. Значение тотальности обычно подчеркивается различными средствами контекста: *Мужики от толчка попадали друг на друга* (Серафимович). *Вы у меня всех кур поразгоняли* (Чехов).

3. Сатуративный СД объединяет глаголы совершенного вида с приставкой *на-* и постфиксом *-ся*, обозначающие полную удовлетворенность субъекта действием *(насмотреться, наесться, набегаться, накричаться, наплясаться, нашептаться, наиграться, налюбоваться): Налюбовавшись досыта островом, отправились мы с Евсеичем на мельницу* (Аксаков). *Наревевшись до утомления, мы заснули* (Горький). *Наездился, набегался, наволновался. Сто дел переделал, сто тысяч слов произнес* (Панова).

4. Глаголы совершенного вида с приставкой *до-* и постфиксом *-ся* обозначают длительные действия, чрезмерность которых приводит субъект к отрицательным последствиям: *допрыгаться, доиграться, доплясаться, добегаться.*

5. Глаголы совершенного вида с приставкой *из-(ис-)* и постфиксом *-ся*. В результате длительного и интенсивного действия возможности субъекта исчерпаны, и он находится в состоянии крайнего истощения психических и физических сил *(измаяться, изволноваться, измучиться, издрожаться, исстрадаться, истерзаться, изболеться, истомиться, искричаться, исплакаться* и т. п.): *Ссоры пошли чаще и бурные — бывало,* [муж и жена] *искричатся оба так за день, что ввечеру изнемогут, лежат в креслах, молчат* (Вовчок). *Не взыщи ты на мне, на*

старухе, за глупый мой разговор: ведь все сердечушко издрожалось (Мамин-Сибиряк).

К словам этой группы примыкают глаголы с приставкой *у-* и постфиксом *-ся*, которые обозначают, что субъект в результате длительного и интенсивного действия доведен до крайней усталости *(уходиться, умориться, убегаться, упрыгаться)*, а также глаголы совершенного вида с приставкой *за-* и постфиксом *-ся*, которые выражают, что субъект увлечен действием и забывает все остальное, в результате чего действие переходит границы обычного *(засмотреться, заглядеться, забегаться, захлопотаться, заговориться, засидеться, заиграться, загуляться, заспаться): Он спит, по обыкновению. Ночь спит, день спит; заспался совсем* (А. Островский).

Временные и количественные значения совмещают глаголы следующих СД:

1. Усилительный СД. В него входят глаголы совершенного вида с приставкой *раз-* и постфиксом *-ся*, обозначающие интенсивность проявления действия с дополнительным оттенком его начала *(расшуметься* (начать сильно шуметь), *расхохотаться* (начать сильно хохотать), *расшалиться, разволноваться, рассмеяться, раскалиться* и т. п.): *Волгин сильно раскашлялся* (Чернышевский). Сюда же относятся глаголы с приставкой *вз-(вс-) (взреветь* (начать сильно реветь или сильно и внезапно зареветь), *взвыть* (начать сильно выть или сильно и внезапно завыть): *Медведь взревел и замертво упал* (Крылов).

2. Ограничительный СД. Это глаголы совершенного вида с приставкой *по-*, обозначающие ограничение действия во времени и в степени проявления: *посидеть, побегать, поболтать, полежать, попрыгать, полетать, погулять, поговорить, помечтать, пореветь, поплакать, поиграть, пописать, подергать* и т. п. В выражении ограничительного значения активно участвуют лексические показатели: *Чуть-чуть поинтриговать ребячески всегда была тогда охота* (Фурманов).

3. Прерывисто-смягчительный СД. Сюда относятся глаголы несовершенного вида с приставкой *по-* и суффиксами *-ива- (-ыва-), -ва-*, которые обозначают, что действие осуществляется «время от времени, иногда, изредка» и «слегка, немного, в слабой степени»: *посматривать, поглядывать, побаливать, позвякивать, покачивать, позванивать, поигрывать, покалывать* и др. Для передачи прерывистости действия, проявляемого в слабой степени,

используются лексические показатели: *Она недвижно сидела на своем месте, по временам вздрагивала... покашливала да поглядывала на свою дочку* (Григорович).

Таким образом, в русском языке исходные бесприставочные глаголы, с одной стороны, образуют видовые пары (ср.: *строить — построить, делать — сделать, читать — прочитать, мыть — помыть, петь — спеть*), с другой стороны,— способы действия (ср.: *строить — настроить, понастроить; делать — наделать, понаделать; мыть — перемыть (всю посуду); читать — начитаться, зачитаться, перечитать (все), почитывать, дочитаться (до слепоты); петь — запеть, попеть, пропеть, перепеть (все песни), напевать, припевать, подпевать, распеться, допеться, напеться*).

Многие глаголы видовых пар не образуют, но имеют обширный состав способов действия. Так, довольно большой состав способов действия у глаголов *сидеть (посидеть, просидеть, отсидеть, насидеться, сиживать, посиживать, досидеться), плакать (заплакать, поплакать, проплакать, наплакать, отплакать, переплакать, выплакаться, наплакаться, расплакаться, поплакаться, доплакаться, заплакаться, проплакаться), бегать (забегать, побегать, пробегать, отбегать, набегаться, избегаться)*.

§ 8. Переходные и непереходные глаголы. По лексическому значению и синтаксическим свойствам глаголы в русском языке делятся на переходные и непереходные.

Переходные глаголы обозначают действие, которое направлено, переходит на предмет (объект): *пилить бревно, рубить дрова, читать газету, шить пальто*. Объект уточняет значение глагола, делает его более конкретным.

Понятие объекта — это очень широкое и весьма отвлеченное понятие. Оно охватывает и конкретные предметы, которые преобразуются или возникают в результате действия *(погладить брюки, выстроить дом, сварить кашу, смастерить табуретку)*, и абстрактные понятия *(чувствовать радость, видеть сон, испытать нужду, говорить правду, ненавидеть ложь, любить справедливость)*.

Значение переходности выражается синтаксически: объект при переходных глаголах стоит в форме винительного падежа без предлога: *написать поэму, прочитать рассказ, любить друга* [1].

---

[1] Не всегда винительный падеж без предлога является показателем переходности глагола. Винительный падеж без предлога, обозначающий

Вместо винительного падежа прямой объект в двух случаях выражается формой родительного падежа:

1) если действие охватывает не весь объект, а только часть его: *съел хлеба, выпил молока;*

2) если при глаголе имеется отрицание: *не пил молока, не ел хлеба, не читал газеты, не колол дров* (ср., однако, разг. *не пил молоко, не знал нужды* и т. п.).

Непереходные глаголы обозначают действие, которое не переходит на объект: *страдать, идти, бежать, сидеть, расти, ходить, обедать, радоваться, одеваться* и т. п. Они не могут иметь при себе прямого дополнения, выраженного винительным падежом без предлога.

Особый разряд составляют так называемые косвенно-переходные глаголы. К ним относятся возвратные и невозвратные глаголы, управляющие косвенными падежами существительных (без предлогов и с предлогами). Они обозначают обычно отношение к объекту или состояние субъекта, но не выражают перехода действия на предмет, воздействия субъекта на объект: *желать победы, гордиться братом.*

Нередко один и тот же глагол в одних своих лексических значениях относится к переходным глаголам, а в других — к непереходным. Так, глагол *писать* является переходным в значениях: 1) создавать, сочинять литературное, научное произведение: *писать рассказы, повесть, диссертацию;* 2) создавать произведение живописи, рисовать: *писать картину, портрет, декорацию;* 3) создавать, сочинять музыкальное произведение, записывая его: *писать музыку, оперу, симфонию.* Этот же глагол выступает как непереходный, когда обозначает: 1) уметь пользоваться письменной формой речи: *Мальчик уже пишет* (т. е. умеет писать); 2) заниматься литературной деятельностью: *В. Одоевский пишет давно, но в последнее время его художественная деятельность обнаружилась в большей силе* (Белинский).

Переходными или непереходными бывают целые семантические группы глаголов. Например, глаголы созидания, а также разрушения, уничтожения объекта, как правило, являются переходными: 1) *строить (построить) дом, шить (сшить) пальто, рубить (срубить) избу, ткать (со-*

определенный промежуток времени или пространства, выражает не прямой объект, а меру действия, т. е. выступает в функции обстоятельства: *сидел весь день, думал целый час, спал всю дорогу, проболел неделю.*

ткать) ковер; 2) *разрушить (разрушать) старое здание, разбить (разбивать) стакан, жечь (сжечь) мусор.*

К непереходным относятся большие группы глаголов перемещения *(бежать, бегать, ходить, идти, лететь, летать, плыть, плавать, скакать, спешить)*, положения в пространстве *(сидеть, лежать, стоять, висеть)*, звучания *(греметь, визжать, мяукать, гудеть)*, состояния *(молчать, болеть, грустить, горевать, завидовать, кипеть, дышать, переживать)*, изменения состояния, становления (со значением «становиться (стать) каким-либо»: *худеть (похудеть), глупеть (поглупеть), белеть (побелеть), краснеть (покраснеть)*. Непереходными являются глаголы на *-ствовать, -ничать, -ить*, обозначающие занятие лица, названного в производящей основе *(учительствовать, геройствовать, злодействовать, адвокатствовать, малярничать)*; глаголы поведения на *-ничать, -ствовать (великодушничать, малодушничать, двурушничать, кокетничать, хулиганить, самовольничать)*.

В выражении переходности/непереходности участвуют также аффиксы — суффиксы и префиксы. Постфикс *-ся* всегда является показателем непереходности глагола. Присоединяясь к любому переходному глаголу, он делает его непереходным, ср.: *радовать родителей (успехами) — радоваться, мыть посуду — мыться, чистить пальто — чиститься.* Глаголы на *-ся* не могут сочетаться с винительным падежом прямого объекта.

Непереходные отыменные глаголы образуются с помощью суффикса *-е-*. Он выражает значение постепенности накопления субъектом каких-либо признаков: *умн(ый) — умнеть* (становиться умным), *зелен(ый) — зеленеть* (становиться зеленым).

Среди бесприставочных глаголов лишь третья часть имеет переходное значение. Состав переходных глаголов непрерывно пополняется за счет приставочных образований. Многие приставки, присоединяясь к непереходным глаголам, превращают их в переходные. Приставка *вы-* образует переходные глаголы в значении «достичь (достигать) чего-нибудь при помощи действия» *(играть — выиграть мотоцикл)*; приставка *за-* — в значении «довести (доводить) действием предмет (объект) до плохого состояния» *(читать — зачитать книгу (до дыр на страницах)*; ср. также: *ходить — обходить, ехать — объехать (город); скакать — обскакать (друга).*

Переходные отыменные глаголы образуются с помощью суффикса *-и-*: *син(ий) — синить белье* (делать синим), *бел(ый) — белить потолок* (делать белым), *черн(ый) — чернить доску* (делать черной) и т. п. Большинство глаголов этого типа являются соотносительными с непереходными глаголами с суффиксом *-е-*, ср.: *синеть* (неперех.) — *синить* (перех.), *белеть* (неперех.) — *белить* (перех.). По переходности/непереходности противопоставлены также члены пар *обессилеть — обессилить, обезуметь — обезумить, охладеть — охладить, ослабеть — ослабить;* сюда же: *гаснуть (погаснуть) — гасить (погасить), гибнуть (погибнуть) — губить (погубить), стынуть (остынуть) — студить (остудить), слепнуть (ослепнуть) — слепить (ослепить), воскресать (воскреснуть) — воскресить (воскрешать), глохнуть (оглохнуть, заглохнуть) — глушить (оглушить, заглушить), лежать — уложить, сидеть (посидеть) — сажать (посадить), спать — усыпить, стоять — ставить, висеть (повисеть) — вешать (повесить), противостоять — противопоставить, состоять — составить, гнить — гноить, кипеть — кипятить* и др. В одной только паре оба глагола являются переходными: *пить молоко — поить ребенка молоком.* Вторые члены таких пар обозначают «заставлять (заставить) выполнять (выполнить) какое-либо действие», «заставлять (заставить) находиться в каком-либо состоянии». Их принято называть каузативными глаголами (от лат. causa «причина»), ср.: *умереть — умертвить, сидеть — сажать.*

Каузативное значение часто объясняют как «служащий причиной (поводом) для совершения действия, вызывающий какое-либо действие»: *поить* — вызывать действие *пить, гноить* — вызывать действие *гнить, ставить* — вызывать действие *стоять, класть (положить)* — вызывать действие *лежать, сажать* — вызывать действие *сидеть.* По мнению Г. А. Золотовой, «каузативные глаголы означают воздействие на лицо или предмет, в результате которого лицо совершает действия, испытывает состояния, предмет изменяет свое состояние, качество, местоположение. Ср.: *напиться воды — напоить коня водой, проснуться — разбудить спящего, идти в зоопарк — вести детей в зоопарк, быть в ярости — привести брата в ярость.* В качестве каузаторов могут выступать как лица, так и отвлеченные понятия — явления, действия, качества *(Сын удивляет мать своим поведением — По-*

ведение сына удивляет мать — Мать удивляется поведению сына)» [1]. При этом «состояния, признаки субстанции могут быть представлены в аспекте их становления, с указанием причин возникновения, мотивации. В таких случаях признаки предметов (в широком смысле) появляются как следствие определенного воздействия извне, причем инициатором их возникновения является активное действующее лицо. Ср.: *Сестра погасила свет — Свет погас; Лида мочила бинт — Листья мокли под окном; Мама нас в одни и те же часы кормила и поила — Мы пили чай* и т. д.» [2]

Необходимо обратить внимание на то, что в каузативных ситуациях наличие одного действия предполагает наличие другого действия или состояния как следствие первого. Ср.: *Разбудить ребенка — Ребенок проснулся.*

Каузативность связана с делением глаголов на переходные и непереходные. Основной морфологический признак каузативных глаголов — их переходность. Однако не все переходные глаголы имеют значение каузативности. Так, не относятся к каузативным переходные глаголы, обозначающие внутреннее состояние субъекта: *видеть, смотреть, говорить, изучать.*

Каузативность связана также с категорией залога — с выражением субъектно-объектных отношений действия, ср. члены пар *расставлять — расставляться, разбить — разбиться, дробить — дробиться, мариновать — мариноваться.* Эти каузативные оппозиции одновременно являются и залоговыми противопоставлениями. Ср. также: *Колхоз строит клуб — Клуб строится. Повар варит суп — Суп варится* (см. § 9).

Каузативность охватывает более широкий круг явлений, чем залог. В большинстве своем каузативные пары не составляют залоговых корреляций, ср.: *свечи тухнут* и *тушить свечи, он сидит на стуле* и *сажать его на стул;* сюда же: *молодеть — молодить, стареть — старить, полнеть — полнить, идти — вести, просыпаться — будить, вырасти — вырастить.* К залогу относятся лишь формально выраженные субъектно-объектные отношения действия, что и составляет его грамматическое содержание. Каузативность же зиждется на смысловой коррелятивности двух дейст-

[1] *Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982, с. 166.

[2] *Кильдибекова Т. А.* Глаголы действия в современном русском языке. Саратов, 1985, с. 64, 65.

вий, из которых одно вызывается другим в результате активного воздействия субъекта. Каузативность — функционально-семантическая, а залог — грамматическая категория глагола.

В русском языке каузативность выражается с помощью разноуровневых средств — лексических, словообразовательных, морфологических, синтаксических. Основными, наиболее распространенными средствами выражения каузативности являются лексические средства. При этом в каузативную оппозицию вступают разнокоренные глаголы, обладающие общей лексической базой, ср.: *течь* и *лить, встать* и *поднять, выздороветь* и *вылечить, упасть* и *уронить, есть* и *кормить, идти* и *вести.* Одному члену каузативной оппозиции может соответствовать целый синонимический ряд глаголов, ср.: *умереть* и *убить, уничтожить, умертвить, отравить, задушить; стоять* и *ставить (поставить), установить (устанавливать), воздвигнуть (воздвигать); ехать, лететь, плыть* и *везти.*

Один и тот же глагол может совмещать каузативное и некаузативное значение, ср.: *мясо оттаяло* и *оттаять мясо, народ бунтует* и *бунтовать народ, пароход причаливает к берегу* и *причаливать пароход к берегу, пароход отчаливает от берега* и *отчаливать пароход от берега.* Такие каузативные корреляции тоже относятся к лексическим средствам языка. К ним примыкают глаголы, лексическая семантика которых носит каузативный характер: *заставить (заставлять), вынудить (вынуждать), принудить (принуждать), велеть, приказать (приказывать).* Некаузативные глаголы, сочетаясь с ними, выражают каузативность: *заставить (заставлять)+работать, пахать, сеять, читать.*

К словообразовательным парам относятся: *гаснуть — гас+и+ть, ослепнуть — ослеп+и+ть, заглохнуть — заглуш+и+ть, пить — по+и+ть.* С помощью словообразовательных средств каузативность производящих слов иногда передается производным от них словам, ср., с одной стороны, *идти* и *вести,* с другой — их производные: *войти* и *ввести, выйти* и *вывести, зайти* и *завести, дойти* и *довести, обойти* и *обвести, перейти* и *перевести, пойти* и *повести, подойти* и *подвести, пройти* и *провести, уйти* и *увести, разойтись* и *развести;* с одной стороны, *расти* и *растить,* с другой — их префиксальные производные: *взрасти* и *взрастить, вырасти* и *вырастить, дорасти* и *дорастить, зарасти* и *зарастить, отрасти* и *отрастить, под-*

расти и *подрастить, прирасти* и *прирастить, прорасти* и *прорастить, разрастись* и *разрастить, срастись* и *срастить.*

Яркое каузативное значение имеют многие производные глаголы, относящиеся к разным словообразовательным типам: *очистить, облегчить, опорожнить* (сделать чистым, легким, порожним); *выпрямить, выровнять* (сделать прямым, ровным); *насытить, наполнить; повысить, понизить; увлажнить, удешевить, укоротить, удлинить.*

К морфологическим средствам относится постфикс *-ся,* образующий каузативные противопоставления, совпадающие с залоговыми корреляциями, ср.: *переставлять* и *переставляться, рассердить* и *рассердиться, членить* и *члениться.*

Таким образом, каузативность как функционально-семантическая категория своеобразно и весьма сложными нитями связана с различными уровнями языка. Все типы каузативности, все средства ее выражения объединяет общность семантической базы каузативных оппозиций. В ее структуру входит и грамматический элемент. Перекрещиваясь и взаимодействуя с переходностью/непереходностью и с категорией залога, каузативность имеет прямое отношение к морфологии. Однако в русской морфологии она не развила собственные средства выражения. В ней нет специальных морфологических показателей, которые выражали бы только каузативность и носили бы регулярный характер. То, что каузативность в русском языке не оформилась в грамматическую категорию, не значит, что она лишена важных функций в языке. Каузативность оказывает решающее влияние на формирование и функционирование разнообразных синтаксических структур.

§ 9. Залоги глагола. С переходностью/непереходностью глаголов тесно связана категория залога. З а л о г о в ы е ф о р м ы глагола выражают отношение действия к субъекту и объекту.

Субъект (Подлежащее)	**Действие (Сказуемое)**	**Объект (Прямое дополнение)**
Инженер ←	*составляет* →	*проект.*
Директор ←	*подписывает* →	*заявление.*
Цех ←	*выполняет* →	*план.*
Самолет ←	*доставляет* →	*почту.*

Действительный залог. В приведенных примерах все глаголы переходные. Производитель действия (деятель, субъект) выступает в функции подлежащего, а предмет (объект), над которым производится действие, на который направлено действие, является прямым дополнением. Такие конструкции, состоящие из подлежащего (субъекта), сказуемого, выраженного переходным глаголом, и прямого дополнения (объекта), называются действительными оборотами.

Глаголы, способные употребляться в таком окружении, относятся к действительному залогу. Значит, действительный залог обозначает, что действие субъекта переходит на объект. Глаголы действительного залога всегда переходные.

Страдательный залог. Конструкции с формой действительного залога легко преобразуются в конструкции, где прямое дополнение становится подлежащим, а подлежащее — косвенным дополнением, выраженным творительным падежом.

Подлежащее	Сказуемое	Косвенное дополнение
Проект	← *составляется* →	*инженером.*
Заявление	← *подписывается* →	*директором.*
План	← *выполняется* →	*цехом.*
Почта	← *доставляется* →	*самолетом.*

Такой творительный называется творительным действующего лица (деятеля, субъекта), а такие обороты — страдательными. Подлежащее в них не является производителем действия. Оно, наоборот, само испытывает действие, названное в сказуемом, лишь пассивно воспринимает его.

Глаголы, употребляемые в таких оборотах, относятся к страдательному залогу. Формы страдательного залога всегда непереходные, но образуются они только от переходных глаголов.

Страдательное значение наиболее отчетливо выступает в конструкциях, где имеется творительный действующего лица, напр.: *Чины людьми даются* (Грибоедов). *Все эти давние необыкновенные происшествия давно заменились спокойною и уединенной жизнью* (Гоголь).

При отсутствии в контексте творительного действующего лица страдательное значение выступает слабо, нечетко, напр.: *Владимир Дубровский воспитывался в ка-*

детском корпусе (Пушкин). *Заканчивались мелкие недоделки пути, подправлялись бровки и насыпи* (Шолохов-Синявский).

Возвратный залог. Отношение действия к субъекту и объекту выражают не только соотносительные формы действительного и страдательного залога. Такое отношение способны выражать все возвратные глаголы, образующиеся от переходных глаголов, напр.: *одеть (одевать) малыша — одеться (одеваться) самому, остановить (останавливать) прохожего — остановиться (останавливаться) самому, радовать (обрадовать) мать — радоваться (обрадоваться) самому.* Это глаголы возвратного (или средневозвратного) залога. Они обозначают, что действие субъекта направлено на себя, оно как бы «возвращается» к самому деятелю. Субъект действия одновременно является и его объектом. Действие сосредоточено в самом субъекте. Примеры: *Ветер злился и гнал темные волны на берег* (Чириков). *Татьяна поясок шелковый сняла, разделась и в постель легла* (Пушкин).

Глаголы возвратного залога по значению делятся на несколько групп:

1. Глаголы с общевозвратным значением: *раскрыться (раскрываться), расшириться (расширяться), броситься (бросаться), вырваться (вырываться), повернуться (поворачиваться), спуститься (спускаться), подняться (подниматься), радоваться (обрадоваться), веселиться (развеселиться).* Они обозначают замкнутость действия в субъекте и сочетаются со словом *сам (самому): сам поднялся по лестнице; Останови всех, и пора остановиться самому.*

2. Глаголы с собственно-возвратным значением: *купаться (искупаться), раздеться (раздеваться), бриться (побриться), одеться (одеваться), румяниться (нарумяниться), пудриться (напудриться), умыться (умываться).* Они обозначают возврат действия на самого деятеля. В этих глаголах постфикс *-ся* выражает значение, близкое к значению местоимения *себя*, ср.: *укрой себя хорошо — укройся хорошо, не расстраивай себя понапрасну — не расстраивайся понапрасну, не оправдывай себя — не оправдывайся.*

Как отмечает академик В. В. Виноградов, «далеко не всегда такие парные выражения синонимичны (ср. *убиться* и *убить себя*). Ср.: *лишиться жизни* и *лишить себя*

жизни. Ср.: *Он-то считает себя умным, а у окружающих считается круглым дураком.* Ср.: *беречь себя* и *беречься* и другие подобные»[1]. Сюда же он относит пару *застрелить себя — застрелиться.* В этот ряд входят также *ударить себя — удариться, испачкать себя — испачкаться, обжечь себя — обжечься, ошпарить себя — ошпариться, уколоть себя — уколоться.* В отличие от сочетаний глагола с местоимением *себя* возвратные глаголы типа *убиться, уколоться, обжечься, удариться, испачкаться* обладают оттенком нечаянности, случайности, непреднамеренности осуществления действия.

3. Глаголы с косвенно-возвратным значением: *строиться (построиться), убраться (убираться в квартире), уложиться (укладываться), собраться (собираться в дорогу).* Они обозначают, что действие совершается в интересах субъекта, для него.

4. Глаголы с взаимно-возвратным значением: *целоваться (поцеловаться, расцеловаться), родниться (породниться), обняться (обниматься), браниться (побраниться), мириться (помириться), ссориться (поссориться), ругаться (поругаться), встречаться* и т. п. Они обозначают, что действие выполняется двумя и более лицами, каждое из которых одновременно выступает и как субъект, и как объект действия (испытывает действие другого лица). Постфикс *-ся* в них обозначает «друг друга» или «один другого». При взаимно-возвратных глаголах обычно употребляется творительный падеж с предлогом *с*, обозначающий соучастника действия: *поругаться с другом, помириться с товарищем, встречаться с одноклассниками.*

5. Глаголы с активно-безобъектным значением. Примеры: *Собака бросается, кидается на людей, кусается. Корова бодается. Пчела жалится. Куры клюются. Лошадь лягается. Крапива жжется.* Сюда же примыкает: *Верблюды плюются* (глагол *плеваться* образован от непереходного *плевать*). Субъект характеризуется тем, что имеет постоянную способность активно проявлять себя в процессе названного действия. Объект действия имеется (подразумевается), но обычно не называется.

6. Глаголы с пассивно-качественным значением. Примеры: *Воск плавится. Проволока гнется. Стекло бьется, но не гнется. Вода испаряется. Железо*

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947, с. 631.

окисляется. Палка ломается, но не сгибается. Резина сжимается и растягивается. Они обозначают способность пассивного субъекта (предмета) подвергаться названному действию. Действие характеризует предмет как его постоянный качественный признак.

Один и тот же глагол с постфиксом *-ся* в разных лексических значениях может выражать значения разных залогов, ср.: *Она румянилась* (собств.-возвр. знач.) — *Щеки румянятся морозом* (страдат. знач.) (см. также таблицу на с. 411).

Вне системы залогов остаются невозвратные непереходные глаголы и глаголы, образованные при помощи постфикса *-ся* от непереходных глаголов. Присоединяясь к непереходным глаголам, постфикс *-ся* подчеркивает, усиливает их непереходность и образует не залоговые формы, а новые слова: *грозить* и *грозиться, плакать* и *плакаться, смотреть (в зеркало)* и *смотреться, стучать* и *стучаться (в дверь), белеть* и *белеться, зеленеть* и *зеленеться, чернеть* и *чернеться, светлеть* и *светлеться* и т. п. Примеры: *Травка зеленеет, солнышко блестит* (Плещеев). *Около крыльца между камнями зеленелась мшистая травка* (Л. Толстой).

В словообразовательной функции выступает постфикс *-ся* и в тех случаях, когда используется для создания безличных глаголов. Безличные глаголы образуются на базе: 1) непереходных глаголов: *дремать — ему дремлется, спать — здесь хорошо спится, сидеть — ему не сидится*; 2) переходных глаголов (реже, чем от непереходных глаголов): *пить — мне что-то не пьется, есть — ему не ется, читать — ему не читается.* Например: *Но я плачу не для вас: мне просто плачется* (Гончаров).

Часть возвратных глаголов относится к непроизводным словам. В их составе постфикс *-ся* выделяется, но они не имеют соответствующих невозвратных глаголов: *артачиться, бороться, бояться, глумиться, гнушаться, добиться, зариться, здороваться, карабкаться, касаться, каяться, кланяться, любоваться, мерещиться, надеяться, намереваться, нравиться, остаться, отречься, плестись* (идти очень медленно), *пресмыкаться, разразиться, расстаться, сомневаться, улыбаться, ютиться* и др. (около 150 слов). В этих глаголах постфикс *-ся*, хотя и является показателем их непереходности, не выполняет ни залогообразующей, ни словообразующей функции (приведенные глаголы не имеют своих производящих).

Глаголы	Лексическое значение	Примеры	Залог
строиться	1. Строить себе дом или другие постройки	*К весне солдат купил место у самого базара и начал строиться* (Мамин-Сибиряк)	Возвратный (косвенно-возвратное знач.)
	2. Составляться, сочиняться	*Для того чтобы владеть диалогом, надо усвоить, услышать музыкальным ухом, как этот диалог строится автором* (Юрьев)	Страдательный
переписываться	1. Обмениваться письмами, писать друг другу письма	*Я же с ним все время переписывался* (Горький)	Возвратный (взаимно-возвратное знач.)
	2. Подвергаться переписыванию	*После доработки сочинение переписывается учащимися набело*	Страдательный
собираться	1. Снаряжаться куда-либо	*Утром 4 августа мы стали собираться в путь* (Арсеньев)	Возвратный (косвенно-возвратное знач.)
	2. Создаваться в результате соединения частей	*Матвей работал в сборочной мастерской. Здесь собирались паровозы* (Ляшко)	Страдательный

Многие слова с постфиксом *-ся* разошлись по значению с соответствующими невозвратными глаголами. «У многих глаголов на *-ся*,— пишет академик В. В. Виноградов,— в процессе исторического развития ослабела или даже вовсе оборвалась семантическая связь с про-

изводящими глаголами без *-ся* (ср.: *раздать* и *раздаться в ширину, раздалось пение* и т. п.; *прощать* и *прощаться; пробирать* (кого-нибудь) и *пробираться* (через что-нибудь) и т. п.)»[1]. Ср. также: *давить (лимон)* и *давиться (костью); драть лыко, драть за уши* и *драться; добить* и *добиться (хороших результатов); пытать* «мучить» и *пытаться* (ср.: *попытаться*).

§ 10. Категория лица. Категория лица является одной из важнейших грамматических категорий глагола. Вместе с категориями времени и наклонения она выражает сказуемость, т. е. оформляет предложение как синтаксическую единицу.

Категория лица выражает отношение действия к субъекту, устанавливаемое говорящим лицом.

Субъектом действия может быть сам говорящий (1-е лицо), его собеседник (2-е лицо), лицо или предмет, не участвующие в речи (3-е лицо).

Система форм, обслуживающая категорию лица, состоит из шести форм: трех форм единственного числа *(я, ты, он, она, оно)* и трех форм множественного числа *(мы, вы, они)*.

Категория лица в глаголе выражается синтетически (при помощи личных окончаний) и аналитически (при помощи личных местоимений).

Состав (набор) форм лица, способы выражения категории лица по-разному проявляются в трех группах грамматических форм глагола: 1) в настоящем и будущем времени; 2) в прошедшем времени и сослагательном наклонении; 3) в повелительном наклонении.

В настоящем и будущем времени изъявительного наклонения глаголы имеют полный набор личных форм. Категория лица в этих временах выражается обоими путями — синтетически и аналитически: *я переписыва-ю, ты переписыва-ешь, он переписыва-ет, мы переписыва-ем, вы переписыва-ете, они переписыва-ют; я перепиш-у, ты перепиш-ешь, он перепиш-ет, мы перепиш-ем, вы перепиш-ете, они перепиш-ут; я буд-у переписывать, ты буд-ешь переписывать, он буд-ет переписывать, мы буд-ем переписывать, вы буд-ете переписывать, они буд-ут переписывать.*

В прошедшем времени изъявительного наклонения и в сослагательном наклонении глагол не имеет личных

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947, с. 637.

окончаний: категория лица здесь выражается аналитически — при помощи личных местоимений: *я, ты, он, она, оно переписывал(-а, -о)* (несов. в.), *переписал(-а, -о)* (сов. в.); *мы, вы, они переписывали* (несов. в.), *переписали* (сов. в.); *я, ты, он, она, оно переписывал(-а, -о) бы* (несов. в.), *переписал(-а, -о) бы* (сов. в.); *мы, вы, они переписывали бы* (несов. в.), *переписали бы* (сов. в.).

В повелительном наклонении употребляется только синтетическая форма 2-го лица единственного и множественного числа: *переписывай* (несов. в.), *перепиши* (сов. в.), *переписывайте* (несов. в.), *перепишите* (сов. в.). Эти формы, как правило, применяются без личных местоимений.

Каждая из форм лица обладает присущим ей значением.

Первое лицо единственного числа обозначает действие говорящего: *Я вас люблю любовью брата и, может быть, еще нежней* (Пушкин). *Еду. Тихо. Слышны звоны под копытом на снегу* (Есенин). При переносном употреблении эта форма указывает на обобщенный субъект. Причем в роли такого субъекта выступает сам говорящий. Например, в пословицах и поговорках: *Чье кушаю, того и слушаю. Моя хата с краю — ничего не знаю.*

Форма первого лица множественного числа *(мы)* обозначает совместное действие говорящего и другого лица (или других лиц), т. е. *мы = я + ты, я + вы, я + другие*, напр.: *Мы башню ставим себе на защиту* (Бородин). Эта форма может употребляться вместо 2-го лица единственного и множественного числа и тогда обозначает «участливую совместность» (В. В. Виноградов) действия говорящего с собеседником: *«А, милый юноша! — встретил его доктор.— Ну, как мы себя чувствуем? Что скажете хорошенького?»* (Чехов). Ср.: *Ну, как вы себя чувствуете?* В пословицах и поговорках эта форма может обозначать «неопределенную группу лиц, с которой говорящий объединяет себя в силу солидарности, общности характера или привычек: *Поживем — увидим; Что имеем, не храним — потерявши плачем»* [1]. Наконец, «говорящий (или пишущий) может пользоваться этой формой вместо 1-го лица единственного числа в интересах скромности, как бы скрывая свою

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947, с. 459.

личность за другими, или, напротив, выставляя свою личность, себя как выразителя мысли и воли группы, целого коллектива, или же манерно придавая своей речи экспрессию величия, торжественности и авторской важности»[1]; напр.: *«Неужели ты еще не бросил школы?» — «А почему я ее должен бросить?» — «Так там же учиться надо, сдавать экзамены».— «Учимся! И экзамены сдаем! — с достоинством, но без заносчивости, с расчетливой веселой улыбкой ответил Андрей.— И паровозом будем управлять не хуже других... если ты поможешь»* (Авдеенко). Особенно широко в указанной функции используется эта форма в устных выступлениях, научных исследованиях. Автор (докладчик), обращаясь к читателям (слушателям), обычно говорит (пишет) *Мы хотим подчеркнуть... Мы рассматриваем...*

Второе лицо единственного числа обозначает: 1) действие собеседника: — *Ну что ж, Онегин? ты зеваешь.— «Привычка, Ленский».— Но скучаешь Ты както больше* (Пушкин); 2) действие любого (всякого) лица (имеет обобщенно-личное значение): *Внешне ему* [коню] *восемь* [лет], *больше не дашь* (Первенцев). *Чуден Днепр при тихой погоде... Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величавая ширина* (Гоголь). *Что посеешь, то и пожнешь. Тише едешь — дальше будешь.*

Второе лицо множественного числа 1) выражает действие собеседников: *Ну, чего вы боитесь, скажите на милость!..* (А. Островский); 2) имеет обобщенно-личное значение: *За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем...* (Тургенев); 3) употребляется вместо формы 2-го лица единственного числа при вежливом обращении младшего к старшему, при обращении к незнакомому лицу, которое не связано с говорящим близкими, родственными отношениями: *Скажите, пожалуйста, как доехать до стадиона?*

Третье лицо единственного числа служит для обозначения субъекта, не участвующего в речи. Формы 3-го лица обозначают отношение действия не только к лицам (не участвующим в речи), но и к предметам: *Налетел противник. Горели баржи и пароходы... Бой-*

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947, с. 458.

цы... говорили о Серафимовиче... Позже я видел Александра Серафимовича в Москве. Он выступал в Доме литераторов (Первенцев).

Формы третьего лица множественного числа активно используются в обобщенно-личном и неопределенно-личном значении: *«Ведь как изранили Семена Михайловича!» — сказала Мария Васильевна* (Первенцев). *А ведь ворон не жарят, не варят* (Крылов). *По радио только что сообщили последние известия. У нас не курят.*

Не все глаголы имеют полный набор форм лица. Ряд глаголов не имеет формы 1-го лица, напр.: *победить, убедить (переубедить, разубедить), обуржуазить, затмить, чудить (отчудить, начудить), дерзить (надерзить), бузить.* Многие глаголы не имеют форм 1-го и 2-го лица: *белеться, чернеться, желтеться, светлеться, зеленеться, темнеться; белеть, чернеть, желтеть* (в значении «виднеться в белом, черном, желтом цвете»); *буксовать (забуксовать, пробуксовать), забухнуть, взбухнуть.* В отдельных значениях (нередко в большинстве значений) не образуют форм 1-го и 2-го лица глаголы типа *распределиться, расплыться, распространиться, расплющиться* и т. п.

Слова с неполным набором форм лица в системе глагола занимают значительное место. Отсутствие форм 1-го и 2-го лица у приведенных глаголов объясняется прежде всего их семантикой: они обозначают действия, субъектом которых не может быть лицо *(ветвиться, смеркаться)*, ср.: *бродить* «находиться в процессе брожения» *(тесто бродит)* и *бродить* «бесцельно ходить» *(я брожу, ты бродишь, он бродит)*. Неупотребительность форм 1-го лица у глаголов типа *дерзить, бузить* также объясняется семантическими причинами, но уже иного порядка — омонимическим отталкиванием совпадающих форм разных глаголов. Возможные формы 1-го лица *(держу, бужу)* здесь не употребляются потому, что они полностью совпали бы с формами других глаголов, ср.: *держать — держу, будить — бужу.* Это создавало бы определенные неудобства и даже недоразумения при использовании их в процессе общения.

§ 11. Безличные глаголы. Глаголы, изменяющиеся по лицам и обладающие системой личных форм, противопоставлены безличным глаголам. Безличные глаголы обозначают процессы, которые протекают без участия

субъекта, совершаются сами по себе. Сюда относятся: 1) явления природы (состояние природы): *светает, дождит, моросит, смеркается, вечереет, вьюжит, похолодало*; 2) физические состояния и физиологические процессы, связанные с организмом человека или животного: *тошнит, лихорадит, пучит, рвет*; 3) непроизвольные действия: *угораздило.*

Класс безличных глаголов активно пополняется за счет личных глаголов. Единственным средством образования безличных глаголов от личных является постфикс *-ся: работаю — Мне хорошо работается; не читаю — Мне что-то не читается; не сплю — Мне не спится; дышу — Здесь хорошо дышится; хорошо живу — Мне хорошо живется; хочу спать — Мне хочется спать; не верю — Мне не верится; не пишу — Сегодня что-то не пишется; пою — Здесь хорошо поется.*

В современном русском языке широко распространено употребление личных форм глаголов в безличном значении: *Меня взорвало* (ср.: *Саперы взорвали мост*). *Его клонит в сон* (ср.: *Ветер клонит деревья*). *На тебя дует* (ср.: *Ветер дует с юга*); *в глазах позеленело* (ср.: *Он позеленел от злости*); *в ушах зазвенело* (ср.: *Колокольчик зазвенел*); сюда же: *Волна опрокинула лодку — Лодку опрокинуло волной. Град побил посевы — Посевы побило градом. Пахнет черемухой, медовой кашкой и ландышем* (Чехов) — *Черемуха пахнет приятно.* Во всех этих случаях безличные формы лексически соотносительны с личными формами тех же глаголов.

Однако во многих случаях в современном русском языке уже нет прямой смысловой соотносительности между личной и безличной формой. Семантические связи между ними разорваны. Такие образования в синхронной системе языка выступают как омонимы, ср.: *Лошадь везет телегу* и *Ему всегда везет.*

Безличные глаголы образуются также на базе безличных при помощи приставок: *першит (в горле) — запершило (в горле)* и др.

Безличные глаголы обладают своеобразной грамматической характеристикой. Они не изменяются по лицам, во всех трех временах употребляются только в форме 3-го лица, которая, однако, не имеет личного значения.

Полный набор форм времени имеют только парные по виду безличные глаголы: *рассвести — рассветать, холодать — похолодать* и др.

Безличные глаголы имеют формы инфинитива (ср.: *начинает светать — начало светать*), изъявительного и сослагательного наклонения. Формы повелительного наклонения у них отсутствуют. Они не изменяются не только по лицам, но и по числам и родам. От них не образуются причастия и деепричастия.

§ 12. Категория времени. Абсолютное и относительное время. Время и пространство являются основными формами существования материи. «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» [1].

Средства выражения временных отношений в русском языке разнообразны. Это наречия (*утром, завтра, сегодня, рано, поздно*), существительные (*вечер, утро, месяц, год*), предложно-падежные формы существительных (*к утру, после обеда, до лета*), префиксы (*посидеть час, просидеть весь день, зашуметь, предутренний, предзакатный, дореформенный, пореформенный*), словосочетания (типа *целый день, весь вечер*), сложные предложения с придаточными времени, сложносочиненные предложения и др. Все эти средства (лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические) выражают различные типы временных отношений.

Особый тип временных отношений выражает грамматическая категория времени глагола. Категория времени показывает отношение действия к моменту речи.

Настоящее время обозначает, что действие совершается в момент речи, время действия и момент речи совпадают: *рисую портрет, читаю книгу, отвечаю на вопросы.*

Прошедшее время показывает, что действие происходило или произошло до момента речи: *рисовал портрет, читал книгу, отвечал на вопросы, нарисовал портрет, прочитал книгу, ответил на вопросы.*

Будущее время обозначает, что действие будет осуществляться или осуществится после момента речи: *буду рисовать портрет, буду читать книгу, буду отвечать на вопросы, нарисую портрет, прочитаю книгу, отвечу на вопросы.*

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 14, с. 162.

Таким образом, в категории времени момент речи является той точкой отсчета, опираясь на которую определяется конкретное содержание каждого времени.

Время, определяемое по отношению к моменту речи, принято называть абсолютным временем, а формы глагола, выражающие его,— формами абсолютного времени.

Абсолютное время в грамматике противопоставляется относительному времени. Относительное время — это время протекания одного действия по отношению ко времени другого действия. Формы, выражающие такое значение, называются формами относительного времени, напр.: *Когда мы выехали из лесу, пошел сильный дождь.* В данном предложении глагольные формы выражают относительное время: форма прошедшего времени *выехали* обозначает действие, которое предшествует действию *пошел.* Сюда же: *Если опоздаем на электричку, в аэропорт поедем на такси. Я буду читать, а ты записывай*; ср. также: *Мы видели, как ты бежал к остановке троллейбуса.*

Система времен. Система времен русского глагола в изъявительном наклонении состоит из пяти временных форм: настоящего времени (несовершенного вида), прошедшего несовершенного вида, прошедшего совершенного вида, будущего сложного (несовершенного вида) и будущего простого (совершенного вида), напр.: *улетаю* (наст. вр.), *улетал* (прош. вр. несов. в.), *улетел* (прош. вр. сов. в.), *буду улетать* (буд. сложн. вр.), *улечу* (буд. прост. вр.).

Категория времени в русском языке подчинена категории вида. Состав временных форм определяется видовой принадлежностью, видовой характеристикой глагола. Для каждого вида существует свой особый инфинитив. Глаголы, образующие видовые пары, имеют по две формы инфинитива: *отметить — отмечать, создать — создавать, переделать — переделывать.* Одновидовые глаголы имеют по одной форме инфинитива: *сожалеть, обожать, бежать* (несов. в.); *ринуться, взреветь, хлынуть* (сов. в.).

От каждого инфинитива образуется строго определенный набор временных форм. Инфинитив несовершенного вида служит для образования форм настоящего времени, прошедшего времени несовершенного вида и будущего сложного; а инфинитив совершенного вида используется для создания прошедшего времени совершенного вида и будущего простого.

Парные по виду глаголы имеют все пять форм времени. Одновидовые глаголы обладают неполной (дефектной) парадигмой времени: одновидовые глаголы несовершенного вида образуют три формы, а совершенного вида — только две формы времени (прошедшего и будущего).

Значит, формы времени в русском языке являются видовременными формами глагола, т. е. они совмещают в себе значение вида и времени.

Формы времени являются грамматическими формами глагола. Глаголы изменяются по временам. Изменение их по временам входит в спряжение.

Русский глагол не обладает специальными формами для выражения значения каждого времени. Только прошедшее время имеет особый морфологический показатель — суффикс *-л*. К нему присоединяются окончания *-а* (для женского рода), *-о* (для среднего рода), *-и* (для множественного числа). Отсутствие материально выраженного окончания после суффикса *-л* является показателем мужского рода.

Некоторые группы слов, а также отдельные слова имеют особенности в образовании форм прошедшего времени. Глаголы на *-сть, -сти* с основой настоящего времени на *д, т* образуют форму прошедшего времени без этих согласных: *се(сть) — се-л, пря(сть) — пря-л, ве(сти) — ве-л, цве(сти) — цве-л*; но *кля(сть) — кля-л* в настоящем времени имеет основу *клян(ут)*.

Отдельные непродуктивные глаголы на *-ну(ть)* имеют форму прошедшего времени без суффикса *-ну-* и конечного *д*, появляющегося в некоторых формах этих глаголов: *увянуть — увя-л* (ср. несов. в.: *увядать*).

Некоторые непродуктивные группы глаголов в мужском роде образуют форму прошедшего времени без суффикса *-л*. Сюда относятся: 1) глаголы с основой инфинитива и настоящего времени на *з, с: вез(ти) — вез* (но *везла, везли*), *нес(ти) — нес* (но *несла, несли*); 2) глаголы на *-чь* с основой настоящего времени на *г, к: беречь — берег* (но *берегла, берегли*), *печь — пек* (но *пекла, пекли*); 3) глаголы на *-ере-* (с корневым *-ер-*) с основой настоящего времени на *р: умере(ть) — умер* (ср.: *умру*), *тере(ть) — тер* (ср.: *тру*).

Не имеют суффикса *-л* в форме прошедшего времени мужского рода глаголы *грести — греб* (но *гребла, гребли*), *скрести — скреб* (но *скребла, скребли*), *расти — рос* (но *росла, росли*), *ушибиться — ушибся* (но *ушиблась,*

ушиблись), *ошибиться — ошибся* (но *ошиблась, ошиблись*).

Суффикс *-л* отсутствует в формах мужского рода прошедшего времени непродуктивных глаголов с суффиксом *-ну-* после *г, к, х, з, с, б, п,* если при образовании форм прошедшего времени *-ну-* исчезает: *воздвигнуть — воздвиг* (но *воздвигла, воздвигли*), *замолкнуть — замолк* (но *замолкла, замолкли*), *замерзнуть — замерз* (но *замерзла, замерзли*), *повиснуть — повис* (но *повисла, повисли*).

Глагол *идти* в прошедшем времени имеет супплетивную основу: *идти — шел, шла, шло, шли* (но в настоящем времени: *иду, идешь, идет*). Все приставочные глаголы совершенного вида, образованные от глагола *идти*, имеют такие же формы прошедшего времени: *дойти — дошел, зайти — зашел, выйти — вышел* и т. п.

Значения настоящего и будущего (простого) времени выражаются без особых показателей — словоформой в целом.

Форма будущего сложного (в отличие от остальных форм времени) является аналитической — она состоит из личных форм вспомогательного глагола и инфинитива основного глагола: *буду читать, будешь читать, будет читать, будем читать, будете читать, будут читать.*

Вспомогательный глагол в этой форме служит только для выражения грамматических значений лица, числа, будущего времени, изъявительного наклонения. Лексическое значение формы выражается инфинитивом основного глагола.

По отношению к основному глаголу вспомогательный глагол может употребляться не только в препозиции, но и в постпозиции, зависимые от аналитической формы слова могут находиться между вспомогательным и основным глаголом: *Во время грозы облака будут спускаться до моей кровли* (Лермонтов). *Я не пианистка, на сей счет я уже не заблуждаюсь и не буду при вас ни играть, ни говорить о музыке* (Чехов). Ср.: *Я при вас не буду говорить. При вас я говорить не буду.* При этом, однако, меняется и логическое ударение.

Значение времени имеют все формы изъявительного наклонения. Временными значениями не обладают только инфинитив, формы сослагательного и повелительного наклонения.

Значения временных форм. Формы времени многозначны. Многозначные формы времени употребляются не только в собственном значении (или в собственных значениях), но и в значении других временных форм. Например, формы прошедшего времени нередко выражают значение настоящего или будущего времени, а формы будущего совершенного используются для обозначения событий прошлого. Однако при каждом своем употреблении они реализуют обычно лишь одно из своих значений.

В настоящем времени различаются две основные разновидности — настоящее актуальное и настоящее неактуальное. Основной разновидностью является настоящее актуальное.

Настоящее актуальное выражает действие, которое происходит в момент речи: *«Видишь девочку в голубой блузке? — вдруг шепнул Павлику Валька.— Вон, вон... сейчас около двери идет...»* (Горбатов). *Птицы поют в саду. Который теперь час?* (Чехов). Настоящее актуальное обозначает также действие или состояние как постоянные свойства подлежащего. Это настоящее время постоянного действия (настоящее постоянное): *Человек дышит легкими, а рыба — жабрами. Земля вертится вокруг своей оси. Коровы мычат, а ослы кричат. Слабые люди, говоря с самим собою, охотно употребляют энергические выражения* (Тургенев).

Настоящее неактуальное не содержит указания на отнесенность действия к моменту речи. Формы настоящего неактуального обозначают повторяющиеся, обычные, обобщенные действия, которые не связаны с конкретным моментом, напр.: *Хорошо в деревнях хлеб пекут* (Горький). *Грибов ищут — по лесу рыщут. Кто не работает, тот не ест.* При них нередко употребляются обстоятельства типа *всегда, часто, каждый день, обычно, по субботам* и т. п., обозначающие повторяемость действия, напр.: *И с каждой осенью я расцветаю вновь* (Пушкин). *В кинотеатре «Заря» по субботам показывают документальные фильмы.*

При переносном употреблении формы настоящего времени выражают значения будущего и прошедшего времени. Формы настоящего времени в функции будущего обозначают уверенность субъекта в осуществлении действия, готовность осуществить это действие: *Прощай, любимый город. Уходим* (= уйдем) *завтра в море* (Чуркин). *«Сегодня ночью мы выступаем* (= выступим)*»,— сказал*

он Драницыну (Никитин). *Вечером идем* (= пойдем) *в театр.* Слова *завтра, сегодня ночью, вечером* подчеркивают, что действие связано с будущим.

В функции прошедшего времени выступает так называемое настоящее историческое (praesens historicum). Эта форма широко используется для красочной передачи событий прошлого, при этом факты прошлого как бы оживают, происходят на глазах говорящего: *Сидел я тогда дома, были сумерки, и только что хотел выходить, оделся, причесался, платок надушил, фуражку взял, как вдруг отворяется* (= отворилась) *дверь и передо мной, у меня на квартире, Екатерина Ивановна* (Достоевский). *Иду я вчера поздно вечером и в переулке слышу...* (= шел... и слышал...).

Формы прошедшего времени несовершенного и совершенного вида имеют разные значения.

Формы несовершенного вида чаще всего обозначают: 1) конкретное единичное действие, происходившее в прошлом в определенное время: *Под балконами брызгала галька. Шумело недалеко море, черные тени кораблей вставали во тьме, как призраки* (Первенцев); 2) действие повторяющееся, обычное: *В шесть тридцать он забирал свои блокноты и уходил в кабинет* (Панова). *Часто им прощал я то, чего б они мне не простили* (Лермонтов); 3) факт наличия или отсутствия действия в прошлом: *Мне не звонили? — Звонили. «Ушел не спросясь. Ты должен был спроситься».— «Я спрашивался»,— промычал Степан* (Чехов).

Формы совершенного вида обозначают: 1) действие как факт в прошлом или как сумму фактов, имевших место в прошлом и следующих друг за другом: *Охлопков побагровел, прокашлялся и объявил перерыв* (Первенцев); 2) действие, которое совершилось в прошлом, но его результат налицо в момент речи (перфектное значение): *Ефимов принял знамя, опустился на колено* (Первенцев). *Кто это говорил вам, что я похудел?* (Достоевский). *Все хлопцы выросли, поумнели* (Беляев).

При переносном употреблении прошедшее совершенного вида выражает: 1) значение будущего времени: *Шлите помощь. Иначе мы погибли* (= погибнем) (Вл. Ставский); 2) значение абстрактного настоящего: *Хорошо, Никешка, в солдатах! Встал* (= встаешь) *утром... лошадь вычистил* (= чистишь)... *ранец... Ну, да ведь солдат работы не боится* (Щедрин).

Наиболее распространенным и наименее зависимым от контекста (нередко вообще независимым), а также наиболее свободным от стилистических ограничений является противопоставление в прошедшем времени конкретно-процессного значения несовершенного вида конкретно-фактическому значению совершенного вида: *В тот вечер умер капитан Никитенко, он мучительно умирал* (Эренбург). *В общем, они стали откатываться назад. Откатились* (Зощенко). *Съехались кареты. Кучеры с ночными факелами съезжались к дому на Неве* (Тынянов). *Он конной гвардии атаку отбивал. Атаку отбил. А его пулей* (Тынянов).

Очень ярко это противопоставление выражено в оборотах типа *не сдавался, не сдавался, да наконец сдался; выбирал, выбирал и наконец выбрал* или в оборотах типа *объяснял, но не объяснил; доказывал, но не доказал* и т. п.: *Все собирался побеседовать с Ольгой, да никак пока не собрался* (Малышкин).

Значение длительности процесса в глаголах несовершенного вида часто подчеркивается, уточняется при помощи слов и словосочетаний обстоятельственного характера: *На этот раз она д о л г о не возвращалась. Когда она вернулась, Касатский сидел в том же положении...* (Л. Толстой). *«Дело было бы...» — и улыбнулся. И в е с ь д е н ь улыбался* (Шишков). *Он не мыслил более о карьере, которая могла бы открыться,— она с л и ш к о м д о л г о не открывалась* (Тынянов).

Форма несовершенного вида часто встречается в сочетании со словами *обычно, обыкновенно, всегда* и т. п.: *И она это поняла, как понимала все с ним происходящее всегда, всегда* (Панова). *Вдруг он улыбнулся Синцову не насмешливо, как улыбался до этого...* (Симонов). *Тут поцеловал он его в голову и обратился к Манилову и его супруге с небольшим смехом, с каким обыкновенно обращаются к родителям, давая им знать о невинности желаний их детей* (Гоголь).

Глаголы несовершенного вида часто сопровождают слова и словосочетания, передающие кратность действия (*тысячу раз, каждый раз, дважды, трижды, иногда, порой, часто, временами* и т. п.): *Иногда он оборачивался назад и делал мне руками какие-то знаки* (Горький). *Минутами она спохватывалась и сама недоумевала: «Ну, чего же я жду?»* (Николаева).

Аналитическая форма б у д у щ е г о в р е м е н и н е с о в е р ш е н н о г о в и д а обозначает действие, которое осу-

ществляется после момента речи. При этом она выражает: 1) конкретное единичное действие: *Мы будем брать город с моря! Будем атаковать его неожиданно для врага!* (Первенцев). *Мы будем сейчас готовить ужин;* 2) обычное, повторяющееся действие: *Встречаться с тобою реже мы будем по вечерам* (Гусев). *Теперь почаще буду приходить к вам в гости;* 3) обобщенный факт: *Будешь шалить? Будете мешать? Будут они спать или нет?*

В переносном употреблении описательная форма будущего времени выступает в значении абстрактного настоящего: *Я, например, в дороге спать не могу,— хоть убейте, а не засну... Я одну, другую, третью ночь не буду спать* (= не сплю), *а все-таки не засну* (Л. Толстой).

Форма будущего времени совершенного вида обозначает: 1) конкретное единичное действие, которое произойдет после момента речи: *К свадьбе как раз поспеют мандарины. В конце октября Диане исполнится восемнадцать* (Первенцев). *«Сейчас мы поедем на завод»,— сказал Листопад* (Панова); 2) обычное, повторяющееся действие: *Теперь Марийка знала, что в деревне есть человек, который всегда поможет ей в любой беде* (Бубеннов). *По праздникам за этот стол сядут лучшие люди округа* (Горький). *Только изредка подойдет он к углу, посмотрит и опять отойдет* (Гайдар). Повторяемость действия подчеркивается словами типа *всегда, по праздникам, изредка, иногда.*

Будущее простое выступает также в значении других временных форм: 1) выражает значение абстрактного настоящего (настоящего неактуального): *Только остановится* (= останавливается) *поезд, народ высыпает из вагонов и спешит к заводу* (Панова). *Богатырь умрет* (= умирает) — *слава его воюет* (Пословица); 2) обозначает прошедшие события, которые повторялись, чередовались: *Сипягин говорил о нем с большой теплотой и горечью от утраты: «Вот здесь, на вашем месте, сидел не раз и Куников. Придет, постучится и робко войдет, милый был, приветливый человек, интеллигентный...»* (Первенцев). Ср.: *приходил, стучал и робко входил.*

В будущем времени конкретно-процессное значение несовершенного вида противопоставляется совершенному виду в конкретно-фактическом значении: *Теперь подходите все, кто в чем нуждается, мы составим списки и будем вам раздавать — я все вам раздам, что имею* (Фурманов).

Формы несовершенного вида в будущем времени легко реализуют конкретно-процессное и обобщенно-фактическое значение, а формы совершенного вида — конкретно-фактическое и наглядно-примерное значение. Единичный факт противопоставляется как процессу, так и повторяемости действия.

Будущее несовершенного вида чаще всего обозначает разобщенность действия с моментом речи: *Рядом с нашим домом будут строить кинотеатр. Завтра я буду готовиться к экзаменам.* Будущее время несовершенного вида встречается в конкретно-процессном значении: *Я буду мыть посуду, а ты будешь вытирать.*

Для реализации этого значения не нужны какие-либо особые условия. То же самое можно сказать и об обобщенно-фактическом значении: *Вы будете читать?— Да, я буду читать.*

При передаче факта действия в будущем времени легко реализуются значения обоих видов, ср.: *Завтра он будет докладывать об этом начальнику лагеря — Завтра он доложит об этом начальнику лагеря.* Это конкуренция видов. Ср. также: *Если он будет спрашивать меня, скажите, что я скоро вернусь — Если он спросит меня, скажите, что я скоро вернусь.* Факт действия в несовершенном виде может выражать почти любой бесприставочный глагол.

Будущее совершенного вида встречается чаще, чем будущее несовершенного вида. Оно употребляется преимущественно в двух своих значениях — конкретно-фактическом и наглядно-примерном: *Советские люди поддерживают и поддержат любое предложение о реальном разоружении* (Эренбург). *Ежели заберут — скажу, что мобилизованный, авось, не тронут — бывает, что и не трогают* (Фурманов).

С наглядно-примерным значением будущего совершенного вида связано обозначение обычности или повторяемости глагольного действия: *У меня всегда так: пока не задают вопросов, все знаю, как зададут — все забыл* (Симонов). *Она сказала, смеясь: «Почему ты никогда не объяснишься мне в любви?»* (Панова).

Значение единичности совершенного вида особенно ярко выступает на фоне повторяющихся или обычных постоянных действий, выражаемых формами несовершенного вида настоящего или прошедшего времени: *Не горюй, говорит, дедушка. Русские вернутся. Русские всегда возвращаются* (Леонов). *Так и быть, зажжем вот эту*

[свечку] — *последний раз ее зажигали на далекой зимовке.*

Частные видовые значения будущего совершенного почти всегда сопровождаются различными модальными оттенками и значениями. Форма будущего совершенного может выражать уверенность, невозможность, вынужденность действия, неизбежность результата действия и т. д., напр.: *«Я не понимаю, но пойму»,— сказала Тоня* (Кетлинская). *Как аукнется, так и откликнется* (Пословица). *Были все основания надеяться, что Святослав в скором времени так или иначе объявится* (Катаев).

Как правило, такими модальными оттенками «обрастает» форма совершенного вида в наглядно-примерном значении, которое, будучи наиболее отвлеченным и образным, благоприятствует развитию самых разнообразных модально-экспрессивных оттенков и значений.

Формы прошедшего времени глаголов несовершенного вида с многократным значением. В русском языке существует небольшая группа производных глаголов несовершенного вида, которые образованы от бесприставочных непроизводных глаголов несовершенного же вида при помощи суффиксов *-а-, -ва-, -ива- (-ыва-): быть — бывать, бить — бивать, брать — бирать, браниться — бранываться, бросать — брасывать, видеть — видать* и *видывать, говорить — говаривать, делать — делывать, жить — живать, знать — знавать, обедать — обедывать, петь — певать, писать — писывать, пить — пивать, сидеть — сиживать, слышать — слыхать* и *слыхивать, читать — читывать* и т. п. Эти глаголы употребляются в основном в форме прошедшего времени, изменяются по родам, числам и обладают специфическим значением — обозначают нерегулярную повторяемость действия, имевшего место в отдаленном прошлом. Подчеркивая способность выражать повторяемость действия, их часто называют многократными глаголами. Учитывая, что эти формы служат для передачи действия, происходившего в далеком (давнем) прошлом, их называют еще формами давнопрошедшего времени.

Формы давнопрошедшего времени довольно широко употреблялись в русском литературном языке XIX в. Примеры из произведений А. Пушкина: *Старушка ей: «А вот камин; Здесь барин сиживал один. Здесь с ним обедывал зимою Покойный Ленский, наш сосед... И старый барин*

здесь живал...» («Евгений Онегин»). *Часто бирал я с бою то, что... следовало мне по праву* («Станционный смотритель»). В современном литературном языке они продолжают употребляться, но встречаются значительно реже: *Такой маленькой лошадки Гаврик еще никогда в жизни не видывал* (Катаев). *Было мое время — и я с рогатиной хаживал* (Е. Носов).

Значение нерегулярно повторяющегося в давнем прошлом действия выражают также сочетания форм прошедшего времени несовершенного вида (включая и многократные), настоящего времени и будущего совершенного вида с частицей *бывало: Сядет, бывало, и начнет рассказывать. Бывало, сидит и смотрит на Ирину* (Тургенев). *Бывало, писывала кровью Она в альбомы нежных дев* (Пушкин).

Сочетания глагольных форм прошедшего времени с частицей *было* обозначают безуспешно предпринятое действие, т. е. действие начатое и прерванное другим действием: *Пошел было, да остановился.*

Формы прошедшего времени с внезапно-мгновенным значением. В живой, разговорной речи и в текстах классической, а также современной художественной литературы и фольклорных произведений довольно широко употребляются формы типа *прыг, скок,* напр.: *Одна передняя скамейка и грохнулась — ножки с одного конца фальшивые были,— ну, дамы и кувырк* (Решетников). *Вдруг слышим у двери кто-то звяк в кольцо* (Лесков). [Глухарь] *зацокает, зачокает... ты — скок, а он и замолчал* (Куприн). *За чужим окном было так светло, Так манил огонь, Что я — стук в окно* (Полонский). Они соотносительны с формами прошедшего времени однократных глаголов с суффиксом *-ну-,* ср.: *стукнуть — стукнул* и *стук, бахнуть — бахнул* и *бах, прыгнуть — прыгнул* и *прыг, толкнуть — толкнул* и *толк, трахнуть — трахнул* и *трах* и т. д. Лишь отдельные из них не имеют соотносительных форм прошедшего времени типа *стукнул,* ср.: *вертеть — верть, крутить — круть, хватить(ся) — хвать.* Однако в сравнении с формой прошедшего времени однократных глаголов с суффиксом *-ну- (прыгнул)* они более экспрессивны, обозначают внезапное, стремительное, мгновенное действие (звучание или движение) субъекта, сопровождаемое резким (сильным) звуком. А. М. Пешковский рассматривал их как «ультрамгновенный вид русского глагола». По

мнению В. В. Виноградова, «их можно назвать глагольно-междометными формами внезапно-мгновенного действия».

Образования типа *трах, бух* и т. п. совмещают глагольные и звукоподражательные значения и являются по отношению друг к другу омоформами, ср.: *Он схватил его и трах об землю* (*трах* — глагольная форма, употреблена здесь в значении 3-го лица прошедшего времени сослагательного наклонения) и *Трах! Раздался треск упавшего дерева* (*трах* — звукоподражание).

Формы с внезапно-мгновенным значением обладают рядом глагольных грамматических признаков — выражают значение совершенного вида прошедшего времени изъявительного наклонения. Они не имеют форм лица, числа и рода. Значение лица и числа они передают с помощью личных местоимений: *я прыг, ты прыг, он прыг, мы прыг, вы прыг, они прыг.* У них много общих синтаксических свойств с обычными глаголами: они обладают способностью управлять другими словами (в том числе и формой винительного падежа без предлога), в предложении выступают в функции сказуемого (обычно определенно-личного предложения), сочетаются с различными обстоятельственными словами: *Подруга каждая тут тихо толк подругу* (Крылов). *Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько медведя толк ногой* (Крылов). *Смотрю, слезы у нее по глазам и на столе кап-кап, как гороховины* (Лесков).

Формы прошедшего времени мгновенно-произвольного действия. В разговорной речи активно употребляются экспрессивные глагольные формы совершенного вида, по внешнему облику совпадающие с формой повелительного наклонения единственного числа: *Стоял, стоял, да и пойди* (= да и пошел) *за водой к колодцу* (Тургенев). *Титка когда мы раскулачивали, он и напади* (= и напал) *с занозой на товарища Давыдова* (Шолохов). Однако они не выражают значений повелительного наклонения, а обозначают внезапное произвольное действие, осуществленное в прошлом. Для них характерна не интонация повеления, а интонация неожиданности. Они не имеют значений рода, числа; формы лица у них образуются при помощи личных местоимений (аналитически).

Совпадение форм мгновенно-произвольного действия с формой повелительного наклонения чисто внешнее. Фор-

мы повелительного наклонения выражают значение 2-го лица и могут сочетаться с местоимением *ты*. Формы же мгновенно-произвольного действия не имеют императивного значения 2-го лица единственного числа. Они сочетаются только с местоимениями 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа и с существительными в именительном падеже в функции подлежащего: *я (он, мы, они, Иван, Мария) и напиши (ему письмо), возьми да пригласи (в гости)* и т. д. Примеры: *Я шутить ведь не умею и вскочи* (= вскочил) *ему на шею* (Ершов). *Он вдруг возьми да пригласи* (= взял да пригласил) *меня к себе на вечер* (Тургенев). Ср.: *Мы возьми да пригласи его на вечер. Они возьми да пригласи его в гости. А тут к беде еще беда: случись* (= случилось) *тогда несчастье* (Крылов). *В эту-то Дуняшу и влюбись* (= влюбился) *Аким!* (Тургенев).

Способность этих форм употребляться безлично также свидетельствует об отсутствии у них связи с инфинитивом: *Будь ему здесь плохо, он уехал бы.*

§ 13. Категория наклонения. Категория наклонения обозначает отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

Важная роль здесь отводится говорящему лицу. Именно оно определяет, как действие относится к действительности. Формы наклонения выражают модальность действия.

По значению, средствам и способам передачи модальных значений в русском языке различаются три наклонения: изъявительное (индикатив), сослагательное (конъюнктив) и повелительное (императив).

Изъявительное наклонение. Изъявительное наклонение (индикатив) показывает, что говорящий считает действие реальным фактом в прошедшем, настоящем или будущем времени. Формы прошедшего, настоящего и будущего времени являются одновременно формами изъявительного наклонения, так как, кроме обозначения времени, они служат еще средством выражения реальности действия и совмещают в себе значения времени и наклонения.

Формы изъявительного наклонения констатируют наличие действия или отрицают его наличие (при сочетании с частицей *не*): *А ему я очень много писала. Пишу и те-*

перь. И всегда буду (Федин). *Нет, весь я не умру* (Пушкин).

Изъявительное (прямое) наклонение обозначает реальное действие и по этому признаку противопоставляется двум другим (косвенным) наклонениям — сослагательному и повелительному, которые выражают нереальное (ирреальное) действие.

Сослагательное наклонение. Сослагательное наклонение (конъюнктив) обозначает предположительность (гипотетичность) действия. С точки зрения говорящего, это действие является предполагаемым, возможным или желаемым. Среди значений сослагательного наклонения особо выделяется значение желания. Это наиболее яркое и экспрессивное значение формы сослагательного наклонения. Значение желания реализует форма сослагательного наклонения в функции сказуемого как в простых, так и в сложных предложениях: *Я ищу свободы и покоя, Я б хотел забыться и заснуть* (Лермонтов). *Комета ли идет,— не отвел бы глаз! Красота! Звезды-то уж пригляделись, все одни и те же, а это — обновка; ну, смотрел бы да любовался!* (А. Островский).

Формы сослагательного наклонения часто обозначают возможные действия и выступают в условном значении, которое обычно выражается в сложных предложениях с придаточным условия, напр.: *Но если бы еще раз налетела такая буря, он бы опять растопырил ей руки — пошел бы навстречу* (Шукшин). *Дарование у него, кажется, есть, и было бы очень полезно, если б он отнесся к нему серьезнее* (Горький). *Ох, лето красное! Любил бы я тебя, Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи* (Пушкин).

Наконец, формы сослагательного наклонения выражают просьбу, совет и даже побуждение. В этом случае по значению они приближаются к формам повелительного наклонения, напр.: *Вот этого интереса к хорошему я бы очень желал современной русской молодежи* (Горький). *Сипягин недовольно хмурится и после второй чашки со вздохом советует: «Шел бы к себе, парень»* (Первенцев). *Вы бы меня угостили, что ли* (Катаев). *Слушай, сынка, сбегал бы ты к дяде Никифору, а?* (Е. Носов).

Формы сослагательного наклонения образуются аналитическим путем — присоединением частицы *бы* к форме прошедшего времени. Формы сослагательного наклонения изменяются по родам и числам.

Частица *бы*, сочетаясь с формой прошедшего времени, выражает только значение сослагательного наклонения. Она часто находится после глагола, но может находиться и перед глаголом, может быть отделена от него другими членами предложения. Но чаще всего она стоит в предложении после первого слова; легко сочетается с союзами: *хотя бы, если бы, лишь бы, как бы, когда бы,* частицей *хоть (хоть бы)*, напр.: *И не пил бы и не ел бы — все бы слушал да глядел* (Пушкин). *Я волком бы выгрыз бюрократизм* (Маяковский). *Нет, я бы на это не решился* (Крылов). *Хоть бы травка, хоть бы листок на дереве шевельнулся* (Писемский). *Она* [Наташа] *не могла принять той манеры, которая бы сделала ее смешною...* (Л. Толстой).

В несобственном значении формы сослагательного наклонения выражают значение повелительного наклонения (обозначают просьбу, совет): *Сходил бы* (= сходи) *ты к врачу. Поел бы* (= поешь) *ты супа, может, лучше станет. Поговорил бы* (= поговори) *с Георгием. Ты бы отдохнул* (= отдохни). Отсутствие связи с реальным действием мешает формам сослагательного наклонения употребляться в значении изъявительного наклонения.

В функции сослагательного наклонения широко употребляется инфинитив в сочетании с частицей *бы: Не попасть бы нам впросак. Ехать бы нам* (Чехов). *Вам хоть бы концерты давать* (Тургенев).

Значения сослагательного наклонения выражаются также формами повелительного наклонения: *Знай* (= знал бы) *я раньше, что у тебя есть такая прелесть, ни за что бы в те годы не ездил за границу* (Чехов).

В сослагательном наклонении семантика видов всегда выступает в неразрывном единстве с модальными значениями, которые существенно влияют на конструирование предложений. Противопоставление видов в сослагательном наклонении имеет место как в независимых простых, так и в сложных предложениях, обычно в придаточной части сложноподчиненных предложений: *Лучше помогал бы ты маме убирать квартиру — Лучше помог бы ты маме убрать квартиру. Если бы всегда вовремя поливали огород, то огурцы не засохли бы (не засыхали бы) — Если бы вовремя полили огород, то огурцы не засохли бы. Если бы Марийка не портила настроение, все было бы хорошо* (Панова).

Специфична в сослагательном наклонении конкуренция видов, хотя и выражена она слабо. Формы совершенного и несовершенного вида могут иметь одинаковую модальную окраску или отличаться друг от друга (иногда весьма заметно) модальными оттенками и значениями: *Хорошо, если бы дождь не прекращался* (ср.: *не прекратился*) *до утра* (Мальцев). *Взял бы* (ср.: *брал бы*) *он пример с заграничных редакций* (Чехов). *Несомненно, что и всякий другой сколько-нибудь порядочный человек при таких обстоятельствах не взял бы* (ср.: *не брал бы*) *денег* (Вересаев). *Если бы Таня ушла* (ср.: *уходила*) *хоть на минуту...* (Кетлинская). *Вова, написал бы ты деду письмо* (выражено пожелание с оттенком побуждения) — *Вова, писал бы ты деду письмо* (только пожелание). *Помог бы маме — Помогал бы маме.*

Обе видовые формы могут выражать учтивое пожелание, ср.: *Я просил бы вас поговорить с ним — Я попросил бы вас поговорить с ним. Мне хотелось бы, чтобы вы побеседовали с ним — Мне хотелось бы, чтобы вы чаще беседовали с ним.*

В некоторых оборотах при выражении желания, просьбы преимущественно или исключительно употребляется форма совершенного вида, напр.: *Полежал бы ты часок. Походил бы ты на свежем воздухе. Рассказал бы ты нам что-нибудь.*

При отрицании форма совершенного вида обычно обозначает не желание, а беспокойство, опасение, напр.: *Не свалился бы малыш на пол!* (ср.: *Как бы не свалился малыш на пол!*). *Не простудился бы он!* (ср.: *Как бы не простудился он!*).

При выражении совета чаще встречается форма несовершенного вида, но употребляется и совершенный вид: *Шел бы ты домой, Володя. Ложилась бы ты, мама* (ср.: *Легла бы ты, мама*).

Повелительное наклонение. Повелительное наклонение выражает волю говорящего, побуждение к действию, которое должен совершить собеседник (2-е лицо): *Шуми, шуми с крутой вершины, Не умолкай, поток седой!* (Баратынский). *Пора, красавица, проснись: Открой сомкнуты негой взоры Навстречу северной Авроры, Звездою севера явись!* (Пушкин). *Марш ваш — наш марш. Я — чуваш, послушай, уважь* (Маяковский).

В качестве «собеседника», который должен выполнять действие, выступают не только одушевленные, но и неодушевленные предметы: *Раззудись, плечо! Размахнись, рука! Ты пахни в лицо, Ветер с полудня!* (Кольцов).

Формы повелительного наклонения обладают массой оттенков значения — от мольбы и самой вежливой просьбы до самого категорического приказания и запрета. В выражении разнообразных значений и оттенков исключительно важную роль играет интонация.

Основными формами повелительного наклонения являются формы 2-го лица единственного и множественного числа: *Послушай, береза, о белая дева, Сосна, что гордишься своей прямотою, Осина, обиженная клеветою,— Послушайте все вы!* (Мартынов).

Форма 2-го лица единственного числа, как правило, образуется от основы настоящего (простого будущего) времени: 1) присоединением суффикса *-и: писать — пиш(ут) — пиши, решить — рещ(ат) — реши, отвыкнуть — отвыкн(ут) — отвыкни, сказать — скаж(ут) — скажи, прочесть — прочт(ут) — прочти, нести — нес(ут) — неси, жить — жив(ут) — живи;* 2) без суффикса *-и: бросать — бросаj(ут) — бросай, решать — решаj(ут) — решай, читать — читаj(ут) — читай, сеять — сеj(ут) — сей, мазать — маж(ут) — мажь, выть — воj(ут) — вой, петь — поj(ут) — пой, ковать — куj(ут) — куй, атаковать — атакуj(ут) — атакуй.* В формах без *-и* нередко происходит чередование твердых и мягких согласных: *кин(ут) — кинь, двин(ут) — двинь, слез(ут) — слезь, сяд(ут) — сядь, буд(ут) — будь.*

Суффикс *-и* в одних случаях является ударяемым, в других — неударяемым.

Ударяемое *-и* имеют глаголы, у которых в форме 1-го лица единственного числа ударение падает на окончание: *молчу́ — молчи́, хожу́ — ходи́, плыву́ — плыви́.* Форма повелительного наклонения глаголов на *-ить* всегда имеет ударяемое *-и*: *бели́ть — бели́, черти́ть — черти́.* Неударяемое *-и* имеют глаголы с ударением на основе настоящего (простого будущего) времени, которая оканчивается на две и более согласных (не *ст* и первый согласный не *р*): *продо́лжат — продо́лжи, привы́кнут — привы́кни, е́здят — е́зди, сту́кнут — сту́кни,* но *почи́стят — почи́сть, прочи́стят — прочи́сть, перепо́ртят — перепо́рть, взго́рбят — взгорбь.*

Глаголы совершенного вида с приставкой *вы-* также имеют неударяемое *-и*. Ударение в них всегда падает на приставку: *выпотрошить — выпотроши* (но *потрошить — потроши*), *выкрасть — выкради* (но *красть — крадй*), *выгнать — выгони* (но *гнать — гони*).

В ряде случаев в образовании формы повелительного наклонения наблюдаются особенности, не укладывающиеся в рамки общих правил. Сюда относятся:

1. Глаголы с суффиксом *-ва-* в неопределенной форме и без этого суффикса в форме настоящего времени в повелительном наклонении сохраняют этот суффикс: *давать — даj(ут) — давай, вставать — встаj(ут) — вставай, сознаваться — сознаj(ут)ся — сознавайся, создавать — создаj(ут) — создавай.*

2. Глаголы с корнем на *и (бить, вить, лить, пить, шить)* и все их приставочные производные *(вбить, выбить, добить, завить, свить)* в повелительном наклонении имеют основу на *-ей: бей, вей, лей, пей, шей.* Эта основа у них не совпадает ни с основой инфинитива, ни с основой настоящего (простого будущего) времени, ср.: *бить — б'j(ут) — бей, вить — в'j(ут) — вей.* В приставочных производных: *вбить — воб'j(ут) — вбей, забить — заб'j(ут) — забей, завить — зав'j(ут) — завей, налить — нал'j(ут) — налей, запить — зап'j(ут) — запей, сшить — сошj(ут) — сшей.*

3. По-особому образуют форму повелительного наклонения отдельные глаголы: *есть — ешь* (ср. формы настоящего времени: *ем, ешь, ест, едим, едите, едят*), *дать — дай* (ср. формы будущего простого: *дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут*), *ехать — поезжай* (ср. формы настоящего времени глагола *ехать: еду, едешь, едет*), *лечь — ляг* (ср. форму 3-го лица множественного числа простого будущего времени: *лягут; г* не чередуется с *ж* и не смягчается; форма «ляжь» является неправильной, просторечной).

Некоторые глаголы имеют вариантные формы повелительного наклонения, одинаково употребительные в современном русском языке: *высунуть — высунь* и *высуни, высыпать — высыпь* и *высыпи, прочистить — прочисть* и *прочисти, уведомить — уведомь* и *уведоми, закупорить — закупорь* и *закупори, откупорить — откупорь* и *откупори, лезть — лезь* и *полезай* и др.

Каждый член видовой пары имеет свою форму повелительного наклонения: *писать — пиши* (несов. в.) —

написать — напиши (сов. в.); *создать — создай* (сов. в.) — *создавать — создавай* (несов. в.); *рассказать — расскажи* (сов. в.) — *рассказывать — рассказывай* (несов. в.); *решить — реши* (сов. в.) — *решать — решай* (несов. в.).

Не совпадают формы повелительного наклонения у однонаправленных и разнонаправленных глаголов движения:

Однонаправленные глаголы

бежать — бег(ут) — беги
везти — вез(ут) — вези
вести — вед(ут) — веди
лететь — лет(ят) — лети
ползти — полз(ут) — ползи
нести — нес(ут) — неси
плыть — плыв(ут) — плыви

Разнонаправленные глаголы

бегать — бегаj(ут) — бегай
возить — воз(ят) — вози
водить — вод(ят) — води
летать — летаj(ут) — летай
ползать — ползаj(ут) — ползай
носить — нос(ят) — носи
плавать — плаваj(ут) — плавай

Не все глаголы образуют формы повелительного наклонения. Так, отсутствуют формы императива у глаголов *слышать (заслышать, недослышать, расслышать), видеть, хотеть, мочь, гнить (прогнить, сгнить), болеть* («испытывать боль»: *рука болит, нога болит), стоить, значить, предстоять, противостоять* и др. Большинство таких глаголов не образует формы повелительного наклонения по семантическим причинам: они, как правило, обозначают процессы, которые не зависят от воли субъекта, от вмешательства говорящего *(темнеть, белеть, глупеть, недомогать)*, которые невозможно достичь по побуждению других *(видеть, слышать)*. Формы повелительного наклонения отсутствуют у безличных глаголов, которые обозначают процессы, осуществляющиеся (совершающиеся) без деятеля: *знобит, тошнит, морозит, светает.*

Форма множественного числа повелительного наклонения образуется при помощи постфикса *-те*, который присоединяется к форме единственного числа (*пишите, решите, бросайте, лейте, куйте, мажьте, киньте*), напр.: *О как больно душе, как мне хочется плакать! Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..* (Жемчужников). *Строки этой главы, гремите, время ритмов роя!* (Маяковский). Этот постфикс выражает значение множественного числа и в других случаях: *идемте, сядемте, полноте, нате, нуте.* Он пишется всегда слитно: *пишите, идемте, нате.*

Для выражения различных значений побуждения, относящихся к 1-му и 3-му лицу, используются также формы настоящего и будущего времени.

Когда формы 1-го лица множественного числа настоящего и будущего времени произносятся с интонацией побуждения, то они выражают призыв, приглашение к совместному действию, в котором участвует и сам говорящий. Они применяются при обращении к одному или многим собеседникам. Множественность собеседников обозначается при помощи постфикса *-те*, напр.: *Споемте, друзья, перед разлукой.* Форма множественного числа на *-те* может выражать вежливое обращение к одному лицу: *Дайте мне руку, любезный читатель, и поедемте вместе со мной* (Тургенев).

Формы совместного действия чаще всего образуются от глаголов совершенного вида. От несовершенного вида такие формы образуют лишь глаголы однонаправленного движения: *идемте, несемте, едемте.* Глаголы других семантических разрядов имеют сложные формы будущего времени совместного действия: *будем(те) приступать к работе, будем(те) работать, будем(те) петь, будем(те) писать.*

Призыв к совместному действию выражает также сочетание *давай(те)* + инфинитив: *Давай со мной бороться. Я — с удовольствием* (Гладков).

Побуждение, относящееся к 3-му лицу, выражается при помощи форм 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и простого будущего времени в сочетании с частицами *пусть (пускай)* и *да.* Эти сочетания произносятся с повелительной интонацией. Они не адресуют волю говорящего субъекту, а передают ее через посредство собеседника: *Скажи ей, пусть она мне позвонит.*

Формы настоящего времени в сочетании с частицей *пусть (пускай)* обозначают разрешение совершать дей-

ствие: *Пусть они играют. Пускай ребята порезвятся Пусть она рисует.*

Сочетания с частицами *пусть (пускай), да* имеют значение согласия, пожелания, напр.: *Пусть кремлевские темные ели Тихо-тихо стоят на заре, Островерхие дети метели — Наша память о том январе* (Смеляков). *Не бойтесь бурь! Пускай ударит в грудь Природы очистительная сила!* (Заболоцкий). *Да останется это между нами, прошу вас* (Горький).

Частица *пускай* на фоне частиц *пусть* и *да* имеет разговорный оттенок. Частицы *да, пусть* широко употребляются в торжественных пожеланиях, призывах: *Да здравствует марксизм-ленинизм — победоносное знамя Великого Октября! Пусть живет в веках имя и дело Владимира Ильича Ленина!*

Формы императива могут сочетаться с постфиксом *-ка* (пишется всегда через черточку): *иди-ка сюда, пойдем-ка, сходи-ка ты к бабушке, зайдемте-ка в комнату, двинемтесь-ка скорее* и др.; *Сходи-ка, старуха, невестку проведать* (Никитин).

В составе этих форм постфикс *-ка* имеет разные значения. Сочетаясь с основными формами императива, он чаще всего выражает просьбу, которая носит смягченный характер, придает ей окраску фамильярности: *скажика.* Присоединяясь к форме 1-го лица будущего простого времени, которая произносится с экспрессивной интонацией, такая глагольная форма обозначает решимость: *Пойду-ка я домой.* Постфикс *-ка* сочетается также с междометиями волеизъявления: *ну-ка, нуте-ка.*

Таким образом, для выражения многочисленных значений повелительного наклонения широко используются не только синтетические, но и аналитические формы. При этом большую роль играет интонация, с помощью которой передаются тончайшие экспрессивные оттенки модальных значений форм императива. Разнообразные модальные функции выполняют частицы *пусть (пускай), давай(те), да,* постфикс *-ка.* В оформлении повелительного наклонения ярко проявляются черты агглютинативного строя *(-те, -ка).*

Формы повелительного наклонения обозначают: 1) простое побуждение: *Расскажи подробнее, время у нас есть* (Первенцев); 2) шутливо-ироническое побуждение: *Кричи шибче, чтобы соседи услыхали, коли стыда в тебе нет* (А. Островский); 3) категорическое приказание:

Оставьте это, слышите? Я не хочу. Не смейте говорить со мной так. Разве я дала вам право? (Горький); 4) запрещение (с частицей *не*): *Не заходите, она спит... Не беспокойте ее...* (Горький); 5) угрозу: *Ты у меня пикни только* (А. Островский); 6) команду: *Слушай мою команду! Постройся!* (Фадеев); 7) позволение (разрешение): *Ну, мой друг, бог с тобой! Поезжай, уж если тебя так тянет отсюда! Я не удерживаю* (Гончаров); 8) пожелание: *«Крепни и славься!» — говорит народ своей Советской Армии в канун ее славного юбилея* (Вершигора); в формулах пожеланий: *Будь здоров! Расти большой!;* 9) призыв: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Юноши и девушки! Настойчиво овладевайте знаниями, культурой, профессиональным мастерством!;* 10) наказ: *Нам критика из года в год нужна, запомните, как человеку — кислород, как чистый воздух — комнате* (Маяковский); 11) совет: *Старайтесь зимой спать не меньше восьми часов;* 12) предостережение, напутствие и напоминание: *Смотрите же берегите себя!* (Куприн); 13) просьбу и мольбу: *Не стреляйте в белых лебедей!* (Б. Васильев).

Формы повелительного наклонения в определенных контекстных условиях могут лишаться побудительного значения и выражать модальные значения изъявительного и сослагательного наклонения.

В значении сослагательного наклонения они выступают, когда являются средством подчинительной связи в условных или уступительных синтаксических конструкциях, напр.: *Ну, ударь* (= если ударит) *теперь мороз — озими все пропадут* (Л. Толстой). *Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* (Гоголь).

В значении изъявительного наклонения для обозначения мгновенного и внезапного действия, совершившегося неожиданно в прошедшем времени, употребляется форма повелительного наклонения, напр.: *Вдруг приглянись* (= приглянулась) *мне девушка, ах, да какая же девушка была, красавица, умница, а уж какая добрая была!* (Тургенев).

Иногда императивные формы обозначают вынужденное действие субъекта, которое он обязан выполнять и которое вызывает в нем чувство протеста, недовольства, напр.: *«Путают, путают, а я распутывай»,— сердито сказал он* (Сологуб).

Значения повелительного наклонения довольно часто выражаются при помощи других форм глагола. При этом

большую роль играет интонация. Другие глагольные формы способны выражать значение побуждения только при соответствующем интонационном оформлении. К ним относятся:

1. Инфинитив. Он, как правило, обозначает категорическое приказание, запрет, напр.: *Встать! Суд идет! С кем ты разговариваешь? Молчать!* (Чехов). Однако он может выражать и смягченную просьбу, увещание *(Ну, спать, спать; уже утро* (Полевой), призыв *(Упорно и настойчиво овладевать знаниями!)*.

2. Форма 2-го лица будущего простого и сложного времени. Она выражает распоряжения говорящего, в исполнении которых он нисколько не сомневается, напр.: *Вот какое дело. Пойдешь на ту сторону, найдешь Василия, передашь ему, что взрыв моста отставить* (Симонов).

3. Формы прошедшего времени отдельных глаголов движения: *Побежали! Поехали! Пошли! Ну, взяли! Начали! Тронулись!* Они обозначают приглашение начать какое-либо действие совместно с говорящим: *«Ну, поплыли»,— говорил он... кидался в пруд и плыл* (А. Толстой). *Ну, ладно, поползли* (Симонов).

Реализация видовых значений в формах повелительного наклонения зависит от коммуникативных установок говорящего, речевой ситуации, контекста и модальных значений и оттенков, свойственных этому наклонению. Все эти факторы (то вместе, то в отдельности) так или иначе влияют на употребление видов, причем влияние их здесь особенно ощутимо.

Большинство модальных значений форм повелительного наклонения закреплено за тем или иным видом. Так, значения побуждения, приглашения и др. обычно выражаются формами несовершенного вида; в значениях совета, просьбы и т. д. употребляется преимущественно совершенный вид.

Основным модальным значением формы несовершенного вида является обозначение побуждения. Внимание говорящего направлено на факт действия, а не на его результат, цель, напр.: *Ты скоро соберешься? Собирайся, я подожду на крыльце* (Бубеннов). *«На это мнение можно возразить вам, Варвара Васильевна»,— остановил он поток ее речей. «Что же, возражайте!» — разрешила она с улыбкой* (Горький). Реализация этого значения не требует контекста, поэтому глаголы, выражающие его, обычно употребляются изолированно или в ми-

нимальном контексте, где, как правило, отсутствуют прежде всего слова, обозначающие объект действия.

Побуждение может быть адресовано к собеседнику с целью продолжения начатого действия, напр.: *Рассказывай, рассказывай — я тебя слушаю. Пойте, пойте — у вас хорошо получается.*

Формам несовершенного вида свойственно значение приглашения, напр.: *Заходите, заходите, дружочки. Ну вот, хорошо! А то уж я тревожился. Столько дней никого...* (Кассиль, Поляновский).

Несовершенный вид в повелительном наклонении широко употребляется в призывах, в текстах реклам, вывесок, в инструкциях и т. д., напр.: *Колхозники и колхозницы, боритесь за высокие урожаи хлопка!*

Формы совершенного вида обычно выражают приказание, совет, просьбу и т. д. Примеры: *А ну, расскажи, как ты там жил в эти два года* (Горький). *«Упрись крепче!» — возглашал мой оппонент* (Горький).

Частицы *да, же,* характерные для разговорной речи, придают формам совершенного вида оттенок настойчивости, нетерпения, напр.: *«Дайте же веер!» — сказала она.— «Жалко отдавать»,— сказал он, подавая ей белый дешевенький веер* (Л. Толстой). Постфикс *-ка* вносит оттенок фамильярности, напр.: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спаленная пожаром, французу отдана?* (Лермонтов).

Для подчеркивания, усиления некоторых модальных значений иногда используется частица *смотри,* напр.: *Да смотри учись лучше. Смотри не проговорись.*

В повелительном наклонении, как и во всех рассмотренных временах и наклонениях, наблюдается конкуренция видов: *А теперь кладите* (ср.: *положите*) *ручки и слушайте внимательно. А ты бери* (ср.: *возьми*) *тряпку и скорее сотри с доски.*

§ 14. Словообразование глаголов. Среди всех частей речи глагол имеет самые широкие словообразовательные связи и активно влияет на все важнейшие процессы словообразования.

Глагол обладает самым высоким словообразовательным потенциалом. Например, глагол *нести* имеет 533 производных слова, *вести* — 487, *ходить* — 440, *катить* — 335, *гнать* — 268, *ехать* — 232, *лететь* — 201, *плыть* — 172, *тащить* — 169, *везти* — 164, *бежать* — 162. Таких

глаголов в русском языке немало, особенно в сфере слов, обозначающих конкретные физические процессы: *работать, строить, бить, вить, вязать, копать* и т. п. На базе глаголов образуются слова всех основных частей речи — имена существительные, имена прилагательные, наречия, глаголы. Различные глагольные формы переходят в модальные слова, категорию состояния, предлоги, частицы, междометия.

В образовании глаголов принимают участие имена существительные, имена прилагательные, местоимения, числительные, наречия, междометия, звукоподражания и сами глаголы. Таким образом, глагол, проникая в систему словообразования всех частей речи, связывает все основные участки русского словообразования.

Глаголы образуются обычно при помощи аффиксальных способов словообразования — постфиксации, суффиксации, префиксации, префиксально-суффиксального, суффиксально-постфиксального, префиксально-постфиксального способов. Редко создаются они путем сложения.

Постфиксальный способ образования глаголов. Глаголы от глаголов часто образуются с помощью постфикса *-ся: хотеться, деться, белеться, краснеться, смотреться, грохнуться* и др.

Суффиксальный способ образования глаголов. При помощи суффиксов образуются глаголы от имен существительных, имен прилагательных, редко — от местоимений, числительных, междометий и звукоподражаний.

На базе основ имен существительных образуются глаголы при помощи следующих суффиксов:

-и(ть): слесарить, секретарить, партизанить, батрачить (обозначают «действие (занятие) лица, названного в производящей основе»); *пудрить, перчить, маслить* (обозначают «покрыть что-либо предметом, названным в производящей основе»);

-нича(ть): токарничать, лентяйничать (обозначают «действие (занятие) лица, названного в производящей основе»);

-ствова(ть): учительствовать, покровительствовать, диктаторствовать (действие (занятие) лица, названного в производящей основе);

-а(ть): сапожничать, мошенничать (действие (занятие) лица, названного в производящей основе); *пеленать,*

ужинать, седлать (действие, имеющее отношение к предмету, названному в производящей основе);

-е(ть): звереть, советь, холодеть, потеть (обозначают «приобретать признаки лица или предмета, названного в производящей основе»);

-ова(ть), -ирова(ть), -изирова(ть), -изова(ть), -(и)фицирова(ть): резюмировать, радиофицировать, газифицировать, парализовать, терроризировать, стартовать, бинтовать (обозначают разнообразные процессы, имеющие отношение к предметам, названным в производящей основе).

От имен прилагательных глаголы образуются с помощью суффиксов:

-е(ть): добреть, чернеть, черстветь, твердеть (обозначают «приобретать признак, названный в производящей основе»);

-и(ть): белить, синить, сушить, крепить (имеют значение «делать каким-либо в соответствии со значением производящей основы», напр.: *сушить* «делать сухим»); *хитрить, кислить* (проявлять признак, названный в производящей основе);

-ича(ть): наивничать, нервничать, жадничать (проявлять признаки, названные в производящей основе);

-ова(ть), -изова(ть), -изирова(ть): пустовать, активизировать, нейтрализовать, стабилизовать, материализовать (делать каким-либо в соответствии со значением производящего прилагательного);

-а(ть)/-я(ть): ровнять, крепчать (обозначают различные процессы в соответствии со значением производящего прилагательного).

Глаголы, образованные от остальных частей речи суффиксальным путем, немногочисленны. Сюда относятся глаголы, образованные от местоимений *(якать, тыкать, выкать)*, междометий и звукоподражаний *(мяукать, кукарекать, ойкать, хихикать, ахать, акать)*.

Префиксальный способ образования глаголов. Префиксальные глаголы образуются только от глаголов. В их образовании участвуют следующие префиксы: *в- (во-), вз- (взо-, вс-), воз- (возо-, вос-), вы-, де- (дез-), дис-, до-, за-, из- (изо-, ис-), на-, над- (надо-), недо-, низ- (низо-, нис-), о- (об-, обо-), от- (ото-), пере-, по-, под- (подо-), пре-, пред- (предо-), при-, про-, раз- (разо-, рас-), ре-, с- (со-), у-*. Не все названные префиксы являются продук-

тивными. К непродуктивным относятся *воз-, низ-, пре-, пред-, со-* (*вознегодовать, воссоздать, низринуться, ниспасть, преувеличить, преуменьшить, предвидеть, предначертать, сонаследовать*). В небольших группах иноязычных глаголов вычленяются, но не проявляют словообразовательной активности приставки *де- (дез-), дис-, ре-: демобилизовать, декодировать, дешифровать, дезорганизовать, демаскировать, дисквалифицировать, дисгармонировать, реорганизовать, ремилитаризовать*. В нескольких словах выделяются непродуктивные приставки *без-, противо-: бездействовать, противопоставить, противостоять, противодействовать* и др.

Приставки сообщают глаголам временные, пространственные и количественные значения. Чаще всего эти значения выступают отдельно (одно независимо от другого), но они могут и совмещаться, т. е. иногда встречаются в семантике одного глагола как его разные значения или составляют компоненты одного его лексического значения. Так, приставка *за-* выражает начинательное значение (*запеть, заиграть*), а *вз-* обозначает интенсивное начало процесса (*взвыть* «внезапно и сильно начать выть» — в одном значении глагола *взвыть* слиты количественное и временное значения).

Временные значения выражают приставки:

за-: зашуметь, загреметь, закричать (начало процесса);

воз- (вос-): возликовать, вознегодовать, вострепетать и др. (обозначают начало действия, употребляются в высоком стиле);

по-: 1) *полететь, помчаться, побежать, поплыть* (начало однонаправленного движения); 2) *посидеть, почитать, побегать* (осуществление действия в течение некоторого времени);

вз- (вс-): взреветь, вспетушиться и т. п. (интенсивное начало действия);

от-: отгреметь, отзвучать (прекращение, конец действия);

про-: просидеть (целый день), прождать (час), проболеть (целый месяц) (осуществление действия в течение длительного времени);

до-: дожить (до весны), досидеть (до конца фильма) (доведение действия до его временнóго предела);

пере-: переждать (дождь), пересидеть (пургу) (охват действием определенного промежутка времени).

Количественные значения имеют приставки:

вы-: выварить, выжарить, вымокнуть (тщательное выполнение действия, полнота проявления действия);

до-: докупить (хлеба), досолить (суп), долить (воды в чайник) (доведение действия до нормы, дополнительное действие);

за-: заговорить (товарища), заиграть (пластинку), заездить (лошадь) (доведение объекта действия до нежелательного состояния);

из- (изо-, ис-): изорвать (костюм), изрезать (ткань), искрошить (хлеб) (действие охватывает весь предмет); *исписать (карандаш)* (исчерпанность объекта действия);

на-: наколоть (дров), нарвать (цветов), накупить (подарков) (большое накопление объектов в результате действия);

недо-: недовыполнить (план), недоварить (обед), недожарить (котлеты) (недоведение действия до нормы);

о- (об-): обегать (весь город), обыскать (всю квартиру), объехать (все города области) (охват действием всего предмета или распространение действия на множество предметов);

пере-: переварить (суп), пересолить (борщ), перегреть (утюг) (выход действия за пределы нормы, чрезмерность действия); *перемыть (всю посуду), перепортить (всю бумагу)* (поочередный охват действием большого количества объектов или всех объектов);

по-: побросать (вещи на пол), попрятать (все книги) (распространение действия на множество или на все объекты);

под-: подранить (утку), подкрасить (дверь) (неполнота действия); *подсыпать (сахару в компот), подлить (воды в чайник)* (дополнительное действие);

при-: приоткрыть (дверь), притушить (огонь), притормозить (машину) (неполнота действия);

про-: просушить (зерно), проварить (мясо) (действие охватывает весь предмет, выполняется интенсивно и тщательно);

раз- (разо-, рас-): расседлать (лошадь), разморозить (мясо), распаковать (вещи) (уничтожение результата ранее выполненного действия); *расхвалить (спортсмена), разукрасить (елку)* (интенсивность действия); *рассмотреть (предмет), растолковать (значение слова)* (тщательность действия);

у-: уставить (полку книгами), увешать (стены картинами), устлать (пол коврами) (распространение действия на весь объект).

Пространственными значениями обладают приставки:

в-: вбежать, влететь (в комнату), вбить (клин в землю), вставить (стекло в раму) (направление действия внутрь предмета);

вз- (взо-, вс-): взбежать (на гору), взлезть (на дерево) (движение вверх);

вы-: выехать (из города), вытащить (из комнаты) (движение изнутри наружу); *выдавить, выжать (сок из лимона), вырвать* (удаление части предмета, изъятие одного предмета из другого);

до-: доплыть (до берега), доехать (до леса), добрести (до дома) (доведение действия до его пространственного предела);

за-: забежать (за дом), заползти (за бревно) (движение за предмет); *залить (яму водой), замазать (дырку)* (заполнение пустоты);

на-: наклеить (марки на конверт), налепить (картинку на стенку), накинуть (платок на плечи) (направление действия на поверхность предмета);

над-: надрезать (пирог), надколоть (лед) (распространение действия на часть поверхности предмета);

о- (об-): окопать (деревья), обить (диван тканью) (осуществление действия вокруг предмета);

пере-: перелететь (через океан), перебежать (дорогу), перепрыгнуть (через канаву) (перемещение через предмет или пространство);

под-: подлезть (под вагон), поднырнуть (под лодку) (направление действия под предмет); *подплыть (к берегу), подбежать (к дому), подойти (к товарищу)* (приближение к объекту);

при-: прибежать (домой), прилететь (с юга), привезти (подарки из Москвы) (приближение, прибытие); *пришить (воротник к рубашке), пристрочить (карманы к пальто)* (присоединение одного предмета к другому);

про-: прогрызть (дырку в мешке), прорубить (окно в стене), пробуравить (отверстие в двери) (направление действия сквозь предмет); *пробежать (мимо дома), проехать (мимо деревни)* (движение мимо объекта);

раз- (разо-, рас-): разбросать (игрушки), раскидать (все вещи) (рассредоточение объектов); *разбить (тарелку), разорвать (бумагу)* (деление объекта на части);

с- (со-): сбежать (по лестнице), слететь (с дерева), съехать (с горки) (движение сверху вниз); *сшить (два куска материи), склеить (листы бумаги)* (соединение);

у-: убежать (из плена), улететь (далеко) (удаление).

Префиксально-суффиксальный способ образования глаголов. При помощи префиксально-суффиксального способа образуются глаголы от глаголов и от основ других частей речи (имен существительных, прилагательных, числительных, наречий, местоимений).

Глаголы от глаголов образуются с помощью приставок *по-, под-, при-* и суффиксов *-ива-(-ыва-), -ва-:*

по-...-ива-(-ыва-)(ть): попрыгивать, посвистывать, покачивать (действие совершается время от времени и с небольшой интенсивностью);

под-...-ива-(-ыва-), -ва(ть): подплясывать, подсвистывать (действие сопровождает другое действие, напр.: *идет и подплясывает*);

при-...-ива-(-ыва-), -ва(ть): приплясывать, присвистывать, прихрамывать (действие, как и в предыдущем типе, сопровождает другое действие: *идет прихрамывая, идет и приплясывает, идет приплясывая*).

К основам имен существительных присоединяются приставки *за-, из-, о-, обез-, от-, пере-, по-, при-, про-, раз-, с-, у-* и суффикс *-и(ть)*. Они образуют глаголы с разнообразной семантикой, так или иначе связанной со значением производящих существительных:

за-...-и(ть): зашторить (окно), захламить (комнату), засекретить (открытие);

из-...-и(ть): изъязвить (руки), известить (всех);

о-...-и(ть): озвучить (фильм), обожествить (силы природы), опушить (рукава пальто);

обез-...-и(ть): обезводить (организм), обескровить (врага), обезоружить (противника);

от-...-и(ть): отсрочить (платеж), ответвить (оросительные каналы);

пере-...-и(ть): переместить (вещи);

по-...-и(ть): поместить (книги на полку);

при-...-и(ть): пригубить (стакан), приземлить (самолет);

про-...-и(ть): проветрить (комнату), просрочить (платеж);

раз-...-и(ть): разместить (людей), рассрочить (выплату долга), рассекретить (тайну);

с-...-и(ть): сместить (заведующего магазином);

у-...-и(ть): удочерить (девочку), усыновить (мальчика), уместить (все книги на полке).

К основам имен прилагательных присоединяются приставки *вы-, за-, из-, на-, о-, обез-, по-, под-, про-, раз-, с-, у-* и суффикс *-и(ть)*. Образованные глаголы обозначают процессы в соответствии с семантикой производящих прилагательных:

вы-...-и(ть): выяснить (обстоятельства);

за-...-и(ть): завысить (нормы), занизить (нормы), закруглить (фразу);

из-...-и(ть): изъяснить (свою просьбу), испошлить (интересный замысел);

на-...-и(ть): наполнить (ведро), насытить (всех);

о-...-и(ть): обеднить (язык, мысль), обогатить (язык, мысль), округлить (счет);

об-...-и(ть): обособить (определение), объяснить (задачу);

обез-...-и(ть): обезопасить (преступника);

по-...-и(ть): повысить (в должности), понизить (в должности);

под-...-и(ть): подновить (краски на картине), подкруглить (счет);

про-...-и(ть): прояснить (мысль), проредить (посевы);

раз-(рас-)...-и(ть): расширить (юбку), разжижить (суп), разредить (посадки);

с-...-и(ть): сузить (юбку), снизить (цены);

у-...-и(ть): углубить (яму), увлажнить (землю), усложнить (решение задачи) и др.

Редко образуются глаголы префиксально-суффиксальным путем на базе числительных, местоимений, наречий. Примеры: *удвоить (доходы), утроить (усилия), учетверить, упятерить, удесятерить; присвоить; переиначить.*

Суффиксально-постфиксальный способ образования глаголов. Этим способом образуются глаголы на базе имен существительных и прилагательных:

-и(ть) + ся: телиться, ягниться, щениться, петушиться, ветвиться, толпиться;

-и(ть)+ся: скупиться, кудрявиться, резвиться (проявлять признаки, названные в производящем прилагательном).

Префиксально-постфиксальный способ образования глаголов. Наиболее часто постфикс *-ся* выступает в сочетании со следующими префиксами:

в-...-ся: вслушаться, всмотреться, вдуматься (углубление, погружение субъекта в действие);

вы-...-ся: выплакаться, выспаться, выговориться (удовлетворенность субъекта действием);

до-...-ся: доиграться, добегаться, доплясаться (доведение действия до неприятных для субъекта последствий);

за-...-ся: засмотреться, заиграться, зачитаться (увлеченность субъекта действием);

на-...-ся: наесться, напиться, напрыгаться (полная удовлетворенность субъекта действием);

от-...-ся: отвоеваться, отсеяться (освобождение субъекта от действия);

с-...-ся: сыграться, сработаться, спеться (достижение субъектами согласованности в результате совместного действия).

Сложение. В системе глагола сложение не получило распространения. Сложные глаголы малопродуктивны: *самовозгораться, самовоспламениться, самообольщаться, самоопределиться, самоуспокоиться, самоустраниться, самоопыляться, самоочищаться, самоуправляться; полузакрыть, полулежать, полусидеть; видоизменить, злоупотребить, взаимодействовать.*

Множественность словообразовательной структуры глаголов. Среди глаголов многоструктурные слова [1] занимают значительное место. К ним относятся глаголы типа:

1) *обрадоваться: радоваться — об-радоваться* и *обрадовать — обрадовать-ся; построиться: строиться — построиться* и *построить — построить-ся;*

2) *упрямствовать: упрям(ый) — упрям-ствова-ть* и *упрямств(о) — упрямств-ова-ть; свидетельствовать: свидетель — свидетель-ствова-ть* и *свидетельств(о) — свидетельств-ова-ть;*

---

[1] Производные слова, имеющие два или более производящих, являются многоструктурными.

3) *капризничать: каприз — каприз-нича-ть, капризн(ый) — капризн-ича-ть* и *капризник — капризнич-а-ть; модничать: мод(а) — мод-нича-ть, модн(ый) — модн-ича-ть* и *модник — моднич-а-ть;*

4) *обессмертить: смерть — обес-смерт-и-ть* и *бессмерт(ный) — о-бессмерт-и-ть; обескрылить: крыл(о) — обес-крыл-и-ть* и *бескрыл(ый) — о-бескрыл-и-ть;*

5) *перестраиваться: перестроиться — перестра-иваться* и *перестраивать — перестраивать-ся; отбиваться: отбиться — отби-ва-ться* и *отбивать — отбивать-ся.*

ПРИЧАСТИЕ

§ 1. Причастие как часть речи. Причастие — это часть речи, которая обозначает действие как признак предмета и обладает общими с глаголом и прилагательным свойствами.

Свойства причастий, общие с глаголом. Причастия прочно связаны с глаголом. Все они создаются только на базе глаголов, ср.: *подписать — подписанный, подписавший; подписывать — подписывающий, подписываемый; подписаться — подписавшийся; подписываться — подписывающийся, подписывавшийся.*

Все причастные образования имеют общие с глаголом лексические значения. Если глагол многозначен, то, как правило, всеми его значениями обладают и причастия, образующиеся от этого глагола.

Причастия имеют общие с глаголом морфологические и синтаксические свойства. Общими являются у них следующие морфологические свойства: вид, время, переходность/непереходность, залог.

От каждой видовой формы глагола образуются свои причастия: *раскрыть* (сов. в.) — *раскрытый, раскрывший; раскрывать* (несов. в.) — *раскрывающий, раскрываемый, раскрывавший.*

Причастия имеют формы двух времен — настоящего и прошедшего: *раскрывающий, раскрываемый* (наст. вр.), *раскрытый, раскрывший, раскрывавший* (прош. вр.). В отличие от глаголов у причастий отсутствуют формы будущего времени.

Причастия сохраняют значение переходности/непереходности того глагола, от которого образуются. Так, явля-

ется переходным причастие *раскрывающий*, образованное от переходного глагола *раскрывать: ветер, раскрывающий окно.* К непереходным относятся причастия *сидящий, горящий,* образованные от непереходных глаголов *сидеть, гореть: сидящий у окна мальчик, тускло горящая лампа.*

В причастиях сохраняются залоговые значения производящих глаголов, ср.: *Исследователи раскрыли* (действ. залог) *тайну атома — исследователи, раскрывшие* (действ. залог) *тайну атома. Братья помирились* (взаимн. знач.) — *помирившиеся* (взаимн. знач.) *братья. Мальчик купается* (собств.-возвр. знач.) — *купающийся* (собств.-возвр. знач.) *мальчик.*

В отличие от глагола причастия обладают специальными морфологическими формами для выражения коррелятивности действительного и страдательного залога: *рабочий, выполняющий план — план, выполняемый рабочим; рабочий, выполнивший план — план, выполненный рабочим.* В системе глагола морфологически выражен только страдательный залог (при помощи постфикса *-ся*). Что же касается действительного залога, то он выражается в глаголе всегда синтаксически. Это проявляется в сочетаемости глаголов действительного залога с именем существительным (местоимением) в форме винительного падежа без предлога, ср.: *Рабочие выполняют план — План выполняется рабочими.*

К синтаксическим свойствам причастий, общим с глаголом, относятся: 1) способность сочетаться с одними и теми же наречиями; 2) свойство управлять одними и теми же формами.

Глагол и производные от него причастия сочетаются с одними и теми же наречиями или наречными сочетаниями слов, напр.: *красиво писать — пишущий красиво, писавший красиво; появляться время от времени — появляющийся время от времени, появляющийся время от времени; летит низко — летящий низко, летевший низко.*

Причастия способны управлять теми же формами, которыми управляют производящие их глаголы, ср.: *Стол стоит посредине комнаты — стоящий посредине комнаты стол. Лампа висит над столом — висящая над столом лампа. Лампу подвесили к потолку — лампа, подвешенная к потолку. Ветер раскрыл окно — ветер, раскрывший окно.*

Свойства причастий, общие с прилагательными. Как и прилагательные, причастия обозначают признаки предметов. Действие или состояние они выражают как временный признак предмета: *сидящий человек* — тот, кто сидит (в настоящее время); *сидевший человек* — тот, кто сидел; *пролетающий самолет* — самолет, который пролетает (в настоящее время). *Сидящий, сидевший* — признаки, характеризующие человека, пока он находится (находился) в таком состоянии. По действию *пролетающий* существительное *самолет* характеризуется до тех пор, пока он не пролетит. Проявление подобных признаков ограничено временем, выраженным в причастии. Время проявления их, длительность может быть уточнена при помощи контекстуальных средств, напр.: *Старик, обычно дремлющий на этой скамейке часами, сегодня сюда не приходил.*

В отличие от причастий имена прилагательные выражают постоянный признак предмета, напр.: *узкие брюки, белая бумага, умный человек, женский голос.*

Обозначая признак предмета, причастия, как и прилагательные, выступают в функции определения. При этом, обладая морфологическими свойствами имени прилагательного — изменяясь по родам, числам и падежам, они согласуются с определяемыми словами. Примеры: *За калиткою смолкшего сада позвенит и замрет бубенец* (Есенин). *Спасибо, маленькая птица, спасибо твоей сильной и вольной песенке, так неожиданно зазвеневшей над моим окном в тот невеселый час* (Тургенев). *Как молоком облитые, стоят сады вишневые* (Некрасов). *Дед глянул и увидел бегущий вдали поезд* (Бунин).

Краткие причастия, как и краткие прилагательные, являются сказуемыми, напр.: *Рубаха расстегнута, штаны оборваны и прожжены.* Выступая в функции сказуемого, они выражают значение прошедшего и будущего времени при помощи связки *быть: Марья Гавриловна была воспитана на французских романах* (Пушкин). *Здесь будет город заложен назло надменному соседу* (Пушкин).

Наконец, причастия имеют ту же систему флексий, что и прилагательные. Они склоняются так же, как и прилагательные.

Одинаково тесная и многосторонняя связь причастий с глаголом и с именем прилагательным всегда давала повод для споров, к какой же части речи следует их относить — к глаголу или к имени прилагательному. Не без основания одни ученые рассматривали их как «отглаголь-

ные прилагательные» (Л. А. Булаховский), включали в состав прилагательных (представители формального направления, Б. А. Богородицкий и др.), часто подчеркивая «промежуточное положение» их между глаголом и прилагательным или считая «гибридными глагольно-прилагательными формами» (В. В. Виноградов). Другие относили к глаголу, характеризуя их как атрибутивные формы слов данной части речи. Эта точка зрения стала традиционной. Она получила наибольшее распространение в вузовской и школьной традиции, пустила глубокие корни в научных грамматиках и теоретических исследованиях.

Несмотря на последнее обстоятельство, эта точка зрения не опирается на веские языковые аргументы. Как представляется, если причастия включаются в глагол, то над ними совершается «квалификационное» насилие. В этом случае фактически игнорируются их важнейшие словоизменительные признаки имени прилагательного. Поэтому, учитывая двойственную природу причастий, одинаково яркие и сильные признаки в них и глагола, и имени прилагательного, целесообразно выделять их в самостоятельную часть речи.

§ 2. Образование причастий. Состав причастных форм определяется видовым значением и переходностью/непереходностью производящих глаголов. От глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего и прошедшего времени *(сидящий* и *сидевший; раскрывающий, раскрываемый* и *раскрывавший)*, а от глаголов совершенного вида — только причастия прошедшего времени *(просидевший, раскрытый, раскрывший)*.

Переходные глаголы образуют причастия действительного *(раскрывший, раскрывающий, раскрывавший)* и страдательного *(раскрытый, раскрываемый)* залога. Непереходные глаголы образуют только причастия действительного залога: *сидящий, сидевший.*

Образование причастий действительного залога. Действительные причастия образуются от невозвратных переходных и непереходных глаголов. По формам времени они делятся на действительные причастия настоящего времени и действительные причастия прошедшего времени.

Действительные причастия настоящего времени образуются при помощи суффиксов *-ущ-(-ющ-)* (от

глаголов I спряжения) и *-ащ-(-ящ-)* (от глаголов II спряжения) на базе основ настоящего времени несовершенного вида. При этом к суффиксам присоединяются окончания мужского, женского и среднего рода единственного числа или окончания множественного числа имен прилагательных, напр.: *пиш(ут) — пиш-ущ-ий, бег(ут) — бег-ущ-ий, кол(ют) — кол-ющ-ий, рису(ют) — рису-ющ-ий, крич(ат) — крич-ащ-ий, леж(ат) — леж-ащ-ий, говор(ят) — говор-ящ-ий, смотр(ят) — смотр-ящ-ий.*

Действительные причастия прошедшего времени образуются при помощи суффиксов *-вш-, -ш-* от основ прошедшего времени (инфинитива) глаголов несовершенного и совершенного вида. Если основа глагола оканчивается на согласную фонему, используется суффикс *-ш-;* если же основа глагола оканчивается на гласную фонему, используется *-вш-*, напр.: *погиб — погиб-ш-ий, нес — нес-ш-ий, достиг — достиг-ш-ий, писа(л) — писа-вш-ий, бежа(л) — бежа-вш-ий.*

Непродуктивные глаголы с основой настоящего времени на *д, т (привести — привед(у), мести — мет(у)*, не имеющие этих фонем в основе прошедшего времени *(приве-л, ме-л)*, образуют действительные причастия прошедшего времени от основы настоящего (простого будущего) времени: *отцвести — отцвет(у) — отцвет-ш-ий, соблюсти — соблюд(у) — соблюд-ш-ий, вести — вед(у) — вед-ш-ий, обрести — обрет(у) — обрет-ш-ий;* в нескольких глаголах этой группы используется основа прошедшего времени: *украсть — украд(ут) — укра(л) — укра-вш-ий, сесть — сяд(ут) — се(л) — се-вш-ий.* На базе основы настоящего времени образуются также действительные причастия прошедшего времени от глаголов *грести — греб(ут) — греб-ш-ий, скрести — скреб(ут) — скреб-ш-ий;* таким же путем образуются эти причастия и от их префиксальных производных (*выгрести, выскрести, соскрести* и т. п.). Глаголы *расти, идти* образуют действительные причастия по общему правилу — от основы прошедшего времени: *расти — рос — рос-ш-ий, идти — ше(л) — шед-ш-ий.* Глагол *пасть* имеет форму действительного причастия прошедшего времени от основы прошедшего времени: *па(л) — па-вш-ий* (форма *падший* от основы настоящего — будущего времени уже стала прилагательным; она является устаревшей и стилистически окрашенной). Префиксальные глаголы *впасть, выпасть, упасть* и др. образуют причастия только с суффиксом

-вш-: Щеки впали — впа-вш-ие щеки. Вчера выпал снег — выпа-вш-ий вчера снег. Монета упала на пол — упа-вш-ая на пол монета.

Образование причастий страдательного залога. По формам времени страдательные причастия тоже делятся на два типа: страдательные причастия настоящего времени и страдательные причастия прошедшего времени.

Страдательные причастия настоящего времени образуются при помощи суффиксов *-ем-* (от глаголов I спряжения) и *-им-* (от глаголов II спряжения) на базе основ настоящего времени переходных глаголов несовершенного вида. К суффиксам причастий присоединяются окончания мужского, женского и среднего рода единственного числа или окончания множественного числа прилагательных.

Страдательные причастия настоящего времени образуются не от всех глаголов. В их образовании активно участвуют следующие переходные глаголы несовершенного вида:

1) префиксальные (реже — бесприставочные) глаголы на *-ать(-ять), -ывать(-ивать), -вать* первого продуктивного класса: *печатать — печата-ем-ый, вычислять — вычисля-ем-ый, подписывать — подписыва-ем-ый, разыскивать — разыскива-ем-ый, создавать — создава-ем-ый;*

2) бесприставочные глаголы на *-овать(-евать)* третьего продуктивного класса: *исследовать — исследу-ем-ый, подозревать — подозрева-ем-ый;*

3) префиксальные (реже — бесприставочные) глаголы движения: *привозить — привоз-им-ый, уносить — унос-им-ый;*

4) непродуктивные глаголы на *-вать: раздувать — раздува-ем-ый.*

Причастия с суффиксом *-ом-,* образуемые от некоторых глаголов I спряжения, в современном русском языке непродуктивны: *вести — вед(ут) — ведомый, нести — нес(ут) — несомый.* От глагола *двигать* образуется страдательное причастие настоящего времени при помощи суффикса *-им-: двигать — движимый (движимый чувством справедливости, движимый интересами общества).*

Страдательные причастия не следует смешивать с префиксально-суффиксальными прилагательными, которые образуются при помощи префикса *не-* и суффиксов *-ем-, -им-:* 1) от непереходных глаголов: *сгорать — несгорае-*

мый шкаф, увядать — неувядаемая слава, иссякать — неиссякаемая энергия; 2) от переходных глаголов совершенного вида: *возмутить — невозмутимое спокойствие, утомить — неутомимый человек, сравнить — несравнимые явления.*

Страдательные причастия настоящего времени, как правило, не образуются от непереходных глаголов, а также от глаголов непродуктивных групп.

Страдательные причастия прошедшего времени образуются при помощи суффиксов *-нн-, -енн-, -т-* от основы инфинитива переходных глаголов совершенного вида. К суффиксам присоединяются окончания мужского, женского и среднего рода единственного числа или окончания множественного числа прилагательных. Каждый из этих суффиксов сочетается с определенными классами основ.

Суффикс *-нн-* присоединяется к основам глаголов на *-ать(-ять)* первого и *-овать(-евать)* третьего продуктивного класса, а также некоторых непродуктивных групп: *прочита(ть) — прочитанный, организова(ть) — организованный, созда(ть) — созданный, виде(ть) — виденный, осмотре(ть) — осмотренный.*

Суффикс *-енн-* сочетается с основами глаголов:

1) на *-ить* четвертого продуктивного класса и непродуктивных групп (при образовании причастий *-и-* усекается, конечные фонемы *з/ж, с/ш, т/ч, т/щ, д/ж, д/жд, б/бл, в/вл, м/мл, п/пл, ф/фл* чередуются): *побел(ить) — побеленный, посад(ить) — посаженный, разбуд(ить) — разбуженный, прослав(ить) — прославленный, род(ить) — рожденный, накорм(ить) — накормленный;*

2) на согласные (кроме *р*): *унес(ти) — унес — унесенный, испечь — испек — испеченный, выгрес(ти) — выгреб — выгребенный, сжечь — сжег — сожженный* (*г/ж, к/ч* чередуются).

Глаголы с основами на *д, т* образуют причастия при помощи суффикса *-енн-* от основы настоящего (простого будущего) времени: *украсть — украд(ут) — украденный, сплести — сплет(ут) — сплетенный, съесть — съед(ят) — съеденный.*

Суффикс *-т-* образует страдательные причастия прошедшего времени:

1) от продуктивных глаголов на *-нуть: продвину(ть) — продвинутый, закину(ть) — закинутый, трону(ть) — тронутый;*

2) от глаголов с основой инфинитива на корневые гласные *е, и, о, у, ы,* а также *а(я)* (если эти *а(я)* чередуются с *н, м, им*): *разде(ть) — раздетый, разби(ть) — разбитый, расколо(ть) — расколотый, обу(ть) — обутый, отмы(ть) — отмытый, приня(ть) — принятый, нача(ть) — начатый.*

Причастия от возвратных глаголов образуются при помощи тех же суффиксов, что и от невозвратных глаголов. Постфикс *-ся* стоит в них после окончаний: *улыба-ться — улыба-ющ-ий-ся человек, улыба-ющ-ее-ся лицо, улыба-ющ-ая-ся девушка, улыба-ющ-ие-ся ребята, улыба-вш-ий-ся студент, улыба-вш-ая-ся женщина, улыба-вш-ие-ся пассажиры.*

Образование кратких форм страдательных причастий и их особенности. В отличие от действительных причастий страдательные причастия прошедшего времени совершенного вида имеют краткую форму. Она образуется путем отсечения окончания полной формы: *открытый — открыт, закрытый — закрыт.*

Суффиксы *-нн-* и *-енн-* в кратких формах причастий имеют только одно *н: накормленный — накормлен, убежденный — убежден, организованный — организован, прочитанный — прочитан.*

Краткие причастия не склоняются. Они изменяются лишь по родам и числам, напр.: *дом построен, фабрика построена, предприятие построено, дома (фабрики, предприятия) построены.*

Страдательные причастия настоящего времени для современного русского языка не характерны. Они очень редко встречаются и употребляются в основном в книжном языке, напр.: *Нами ты была любима и для милого хранима* (Пушкин).

§ 3. Временные значения причастных форм. Система времен в причастиях не совпадает с системой времен глагола. В отличие от глагола в причастиях налицо только одна временная оппозиция — противопоставление настоящего прошедшему. В этой оппозиции формы настоящего времени обозначают процесс-признак, проявляющийся в настоящем, а формы прошедшего времени — процесс-признак, относящийся к прошлому, ср.: *книга, читаемая учеником — книга, читанная учеником; читаемая учеником книга — прочитанная учеником книга; ученик, читаю-*

щий книгу — ученик, читавший книгу; ученик, читавший книгу — ученик, прочитавший книгу.

В этих противопоставлениях, в сущности, выражены те же самые значения, которые передают обычно формы времени глагола, ср.: *читаемая учеником книга* и *книга, которую ученик читает; читанная учеником книга* и *книга, которую ученик читал; ученик, читавший книгу* и *ученик, который читал книгу; ученик, прочитавший книгу* и *ученик, который прочитал книгу.*

Однако здесь три типа оппозиции. Одни оппозиции являются чисто временными: *читаемая учеником книга — читанная учеником книга* (наст. вр.— прош. вр.); *ученик, читающий книгу — ученик, читавший книгу* (наст. вр.—прош. вр.). Разница между двумя парами примеров заключается лишь в том, что в первой паре противопоставление времен осуществляется на базе страдательного залога. Залоговые значения членов пар совпадают: в первой паре оба члена противопоставления имеют страдательное значение, а во второй — значение действительного залога. Видовые значения причастий в каждой паре также совпадают — оба члена несовершенного вида. В таких противопоставлениях собственно временные значения причастий проявляются в наиболее чистом виде, без примеси видовых, залоговых, модальных и других значений.

Другой тип оппозиции зиждется на чистовидовых отношениях, ср.: *ученик, читавший книгу* и *ученик, прочитавший книгу* (несов. в.— сов. в.). Временные и залоговые значения членов корреляции совпадают — обе формы прошедшего времени и действительного залога.

Третий тип оппозиции строится на видовременных отношениях. Причастные формы, вступающие в такие корреляции, противопоставлены одновременно как по временному, так и по видовому значению, ср.: *книга, читаемая учеником* и *книга, прочитанная учеником* (наст. вр.— прош. вр., несов. в.— сов. в.). Залоговые значения членов пары совпадают — обе причастные формы страдательного залога. Ср. также противопоставление значений настоящего и прошедшего времени причастных форм в сочетаниях *рисуемый отцом мой портрет — нарисованный отцом мой портрет, выдвигаемая нами кандидатура на пост председателя — выдвинутая нами кандидатура на пост председателя, пролетающий над головой самолет — пролетевший над головой самолет.*

Во всех таких примерах выражен процесс-признак в его отношении к моменту речи: проявление его, совпадающее с моментом речи, обозначают причастия настоящего времени, а наличие его до момента речи выражают причастия прошедшего времени, находясь между собой (друг с другом) в коррелятивных отношениях. Иначе говоря, во всех этих случаях причастные формы связаны с абсолютным временем.

Кроме абсолютного времени, причастия выражают относительное время. Формы настоящего и прошедшего времени несовершенного вида обычно обозначают одновременность: действие, выражаемое причастием, происходит или происходило одновременно с другим действием. Примеры: *Я глухо слышу, жутко чую вой голодающих волков* (Брюсов). *День потухающий дымился...* (Тютчев). *«Восемьдесят»,— сострила барышня, глядя со смехом на фокусы, какие выделывал руками и ногами плясавший художник* (Чехов).

В случаях, когда основной глагол стоит в форме совершенного вида, действия по времени проявления совпадают лишь частично: *Спеша с добычей домой, я увидел возле дороги пахавшего мужика* (Тургенев). Говорящий заметил мужика, когда тот пахал. Мужик же пахал и до того, как его заметил говорящий. Действия говорящего и мужика происходят одновременно, но не совпадают по длительности. Время действия глагола *увидел* охватывает лишь часть времени действия причастия *пахавший.*

Формы прошедшего времени совершенного вида причастий обладают значением предшествования: действие, названное в причастии, произошло раньше действия, обозначенного глаголом: *Солдаты... прошли шагов двадцать вправо и остановились* (сов. в.) *у сломанной чинары* (Л. Толстой). *Проехав шагов сто, Хаджи-Мурат увидел* (сов. в.) *сквозь стволы деревьев костер и до половины освещенную огнем стреноженную лошадь в седле* (Л. Толстой). *По дорогам медленно двигались* (несов. в.) *группы отставших бойцов* (Павленко). *Погасший пепел уже не вспыхнет* (сов. в.) (Пушкин).

Итак, причастия выражают не только относительное, но и абсолютное время, хотя не имеют предикативных форм (наклонения, лица), отсутствие которых накладывает определенные ограничения на функции временных форм причастий. Причастные формы входят в два типа временных противопоставлений: находясь в оппозиции

одно с другим, они обозначают абсолютное время; вступая в соотношения с личными формами глагола, они выражают относительное время.

§ 4. Залоговые корреляции причастий. Причастия сохраняют залоговые значения производящих глаголов. Категория залога причастия не имеет принципиальных отличий от категории залога глагола. Основные расхождения в системе залогов глагола и причастия касаются лишь одного типа залоговых корреляций — противопоставления форм действительных и страдательных залогов глаголов.

Причастия располагают бо́льшими возможностями для более регулярного выражения коррелятивных значений действительного и страдательного залога, чем глагол. Так, в системе глагола страдательный залог имеет одно-единственное морфологическое средство — постфикс *-ся*. В причастиях страдательный залог, кроме постфикса *-ся*, обладает целой системой суффиксов, служащих для образования форм настоящего *(-ем-, -им-, -ом-)* и прошедшего времени *(-нн-, -енн-, -т-)*.

В системе причастий выделяется три типа корреляций действительного и страдательного залога:

1. Действительный залог выражается формами причастий настоящего времени несовершенного вида с суффиксами *-ущ- (-ющ-), -ащ- (-ящ-)*, а страдательный — причастиями с суффиксами *-ем-, -им-, -ом-*, которые могут иметь синонимичные образования с постфиксом *-ся:*

студент, читающий книгу	*книга, читаемая студентом* *книга, читающаяся студентом*
плотники, строящие дом	*дом, строящийся плотниками*
художник, рисующий пейзаж	*пейзаж, рисуемый художником*

2. Действительный залог выражается причастиями прошедшего времени несовершенного вида с суффиксами *-вш-, -ш-*, а страдательный — причастиями с суффиксами *-нн-, -енн-, -т-*, которые могут иметь синонимичные образования с постфиксом *-ся:*

студент, читавший книгу	*книга, читанная студентом*
	книга, читавшаяся студентом
плотники, строившие дом	*дом, строившийся плотниками*
художник, рисовавший пейзаж	*пейзаж, рисовавшийся художником*

3. Действительный залог выражается причастиями совершенного вида с суффиксами *-вш-*, *-ш-*, а страдательный залог — причастиями с суффиксами *-нн-*, *-енн-*, *-т-*, которые не имеют синонимичных образований с постфиксом *-ся:*

плотники, построившие дом	*дом, построенный плотниками*
художник, нарисовавший пейзаж	*пейзаж, нарисованный художником*

Переходные глаголы, образующие видовые пары, обычно имеют все типы корреляций действительного и страдательного залога, напр.: *открыть — открывать, закрыть — закрывать, повторить — повторять, изучить — изучать, подрéзать — подрезáть* и т. п. Двувидовые глаголы также образуют все корреляции. Однако, обладая только одной формой прошедшего времени для двух видов, они без соответствующего окружения нечетко выражают значения совершенного и несовершенного вида в корреляциях второго и третьего типа, ср.:

ученые, исследующие космос	*космос, исследуемый учеными*
ученые, исследовавшие (несов. в.) *космос в течение года*	*космос, исследовавшийся* (несов. в.) *учеными в течение года*
ученые, исследовавшие космос и опубликовавшие (сов. в.) *свои наблюдения*	*космос, исследованный* (сов. в.) *учеными, которые опубликовали свои наблюдения...*

Вне этих залоговых корреляций остаются причастия, образованные от непереходных парных и непарных по виду глаголов (из-за отсутствия у них соотносительных страдательных форм), напр.: *погибающий, погибавший* (от *погибать*), *погибший* (от *погибнуть*); *прилетевший* (от *прилететь*), *прилетающий, прилетавший* (от *прилетать*);

тонущий, тонувший (от *тонуть*), *утонувший* (от *утонуть*); *лежащий, лежавший* (от *лежать*); *очнувшийся* (от *очнуться*) и др.

В стороне от основных типов корреляций действительного и страдательного причастия остаются краткие формы страдательных причастий. Они коррелируют с возвратными страдательными глаголами несовершенного вида, которые среди личных форм глагола не имеют своего видового коррелята. Сюда относятся пары типа:

Дом строится плотниками.	*Дом построен плотниками.*
Деньги выдаются кассиром.	*Деньги выданы кассиром.*
Проект составляется инженером.	*Проект составлен инженером.*

Краткие причастия, вступая в видовую пару с глагольными формами, с одной стороны, восполняют недостающие члены видовых корреляций глагола, с другой стороны, связывают в единую систему видовые и залоговые формы причастий и глагола.

ДЕЕПРИЧАСТИЕ

§ 1. Деепричастие как часть речи. Деепричастие — это часть речи, которая совмещает в себе свойства глагола и наречия. Примеры: *Вблизи осматривая диво, объехал голову кругом* (Пушкин). *Взревев, река несет... поднятый ею лед!* (Баратынский).

К наречным свойствам деепричастий относятся: 1) неизменяемость (отсутствие форм словоизменения); 2) способность употребляться в функции обстоятельства (образа действия, времени, условия, причины), примыкая к глаголу-сказуемому, ср.: *осматривая, объехал...* и *кругом объехал, быстро объехал, верхом объехал.*

Примыкая к глаголу, который в предложении обозначает основное действие, деепричастие выражает второстепенное (сопутствующее) действие. Поэтому, когда говорят о синтаксической функции деепричастий, обычно называют их второстепенным сказуемым.

Действия, выражаемые деепричастием и глаголом, относятся к одному и тому же субъекту, напр.: *Водопьянов пробирается сквозь толпу, на ходу тиская протянутые ему руки* (Первенцев). Субъектом обоих действий — *пробирается* и *тиская* — является Водопьянов.

Как правило, деепричастия примыкают к личным формам глагола, которые в предложении употребляются в функции сказуемого, реже они примыкают к причастиям, напр.: *Направо от него была его дама, красавица Орбельяни, налево — стройная, черная, румяная, в блестящих украшениях, княжна-грузинка, не переставая улыбавшаяся* (Л. Толстой).

Свойства деепричастий, общие с глаголом:

1. Деепричастия образуются только от глаголов. У каждого деепричастия имеется свой производящий глагол: *читать — читая, написать — написав, смеяться — смеясь, улыбаться — улыбаясь.*

2. Деепричастия имеют общие с производящим глаголом лексические значения. Ср. во всех значениях *читать, прочитать* и *читая, прочитав.*

3. Деепричастия имеют общие с глаголом морфологические и синтаксические признаки. К общим морфологическим свойствам относятся вид, переходность/непереходность, залог.

Деепричастия образуются отдельно от каждой видовой формы глагола: *читать* (несов. в.) — *читая, прочитать* (сов. в.) — *прочитав; раскрыть* (сов. в.) — *раскрыв, раскрывши; раскрывать* (несов. в.) — *раскрывая.* В деепричастиях всегда сохраняется видовое значение производящего их инфинитива.

Деепричастия наследуют от производящего глагола и значение переходности/непереходности, ср.: *читать книгу* (в. п. без предлога) и *читая книгу* (в. п. без предлога), *гореть желанием* (тв. п.) и *горя желанием* (тв. п.).

В деепричастиях сохраняются залоговые значения производящих глаголов, ср.: *радовать* (действ. залог) *друзей своими успехами — радуя* (действ. залог) *друзей своими успехами* и *радоваться* (общевозвр. знач.) *успехам друзей — радуясь* (общевозвр. знач.) *успехам друзей.*

Подобно глаголу деепричастия имеют только один морфологический показатель залога — постфикс *-ся,* который употребляется в них после суффиксов деепричастий (ср.: *умывая — умываясь; высунув, высунувши — высунувшись)* и выражает те же залоговые значения, что и в глаголе.

К общим с глаголом синтаксическим свойствам деепричастий относятся: 1) способность сочетаться с одними и теми же наречиями и наречными сочетаниями, ср.: *читать бегло — читая бегло, прочитать бегло — прочитав*

бегло, заниматься на отлично — занимаясь на отлично, появляться время от времени — появляясь время от времени; 2) свойство управлять одними и теми же формами, ср.: *переписываться с друзьями — переписываясь с друзьями, вставать на рассвете — вставая на рассвете, вставать перед рассветом — вставая перед рассветом.*

Наличие у деепричастий важнейших свойств двух различных частей речи (глагола и наречия) всегда вызывало серьезные трудности в определении их места в системе частей речи. Поскольку они обладают основными признаками обеих частей речи, одни ученые относят их к наречиям, другие — включают в состав форм глагола.

В школьных и вузовских учебниках, во многих научных исследованиях деепричастия характеризуются как особые глагольные формы, совмещающие в себе признаки глагола и наречий. Такой взгляд на деепричастия стал уже традиционным.

Однако отнесение деепричастий к глаголу так же условно, как и отнесение их к наречиям. Лексико-грамматические свойства деепричастий не укладываются ни в рамки глагола, ни в рамки наречия. Деепричастия, хотя и представляют собой «гибрид» глагола с наречием, формируются как таковые на глагольном материале под контролем и сильным влиянием наречия. Это уже не глаголы и еще не наречия, поэтому лучше рассматривать их как особый самостоятельный разряд слов, хотя, конечно, самостоятельность их весьма и весьма относительная.

§ 2. **Образование деепричастий.** Деепричастия несовершенного и совершенного вида образуются при помощи разных суффиксов, которые сочетаются с разными типами основ.

Деепричастия несовершенного вида образуются от основы настоящего времени при помощи суффикса *-я* (после шипящих *-а*): *говор(ят) — говоря, чита(ют) — читая, слыш(ат) — слыша, полощ(ут) — полоща, уч(ат) — уча, уч(ат)ся — учась, сме(ют)ся — смеясь, раду(ют)ся — радуясь.*

Глаголы, у которых в основе настоящего времени выпадает суффикс *-ва-* (*вставать — встаю, создавать — создаю, давать — даю* и др.), образуют деепричастия от основы инфинитива, где имеется суффикс *-ва-: создавать — создава-я, вставать — встава-я, давать — дава-я.*

Деепричастия несовершенного вида образуются не от всех глаголов. Так, отсутствуют деепричастия при глаголах *врать, тесать, плясать, спать, лгать, чесать* и многих других.

Деепричастий несовершенного вида не образуют следующие группы глаголов:

1) непродуктивные глаголы с суффиксом *-ну-*: *сохнуть, гаснуть, вянуть, мокнуть, вязнуть, глохнуть*;

2) непродуктивные глаголы, не имеющие гласных в основе настоящего времени: *рв(ут), жд(ут), тк(ут), жм(ут), жн(ут), мн(ут), тр(ут), б'j(ут), в'j(ут), л'j(ут), шj(ут)* (исключения: *мч(ат) — мча, мч(ат)ся — мчась);*

3) непродуктивные глаголы, имеющие в основе инфинитива *з, с, ст, х,* а в конце основы настоящего времени шипящие: *вяз-а(ть) — вяж(ут), пис-а(ть) — пиш(ут), мах-а(ть) — маш(ут);*

4) глаголы на *-чь* в неопределенной форме: *печь, течь, стричь, стеречь, жечь, мочь* (но *толочь — толча).*

Не употребляются деепричастия от глаголов *жаждать, стонать, слать, лезть, ехать, звать, петь, гнить, брать, колоть, ковать, плевать, стыть.*

Не образуют деепричастий безличные глаголы *светает, морозит* и т. п.

Глагол *быть* образует деепричастие посредством суффикса *-учи: будучи (будучи на отдыхе, будучи сообразительным).*

Формы с суффиксом *-учи (-ючи)* употребляются только в произведениях устного народного творчества или в художественных произведениях, где используются языковые элементы фольклора, например в «Песне про купца Калашникова» М. Лермонтова:

По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается.

Деепричастия совершенного вида образуются от основы инфинитива путем присоединения к ней суффиксов *-в,* реже — *-вши* (после гласного) и *-ши* (после согласного): *прочита(ть) — прочита-в, сдела(ть) — сдела-в, зары(ть) — зары-в, нарисова(ть) — нарисова-в, уби(ть) — уби-в, приня(ть) — приня-в, исчезну(ть) — исчезну-вши, изнемочь — изнемог-ши, принес(ти) — принес-ши.*

Многие глаголы образуют параллельные (синонимичные) формы деепричастий на *-в* и *-вши: прочита(ть) — прочита-в* и *прочита-вши; потеря(ть) — потеря-в* и *потеря-вши; нарисова(ть) — нарисова-в* и *нарисова-вши; откры(ть) — откры-в* и *откры-вши.*

Непродуктивные глаголы с суффиксом *-ну-* и глаголы с полногласием *-ере(ть)* также имеют параллельные формы деепричастий: *высохну(ть) — высохну-в, высохну-вши* и *высох-ши; поникну(ть) — поникну-в, поникну-вши* и *поник-ши; запере(ть) — запере-в, запере-вши* и *запер-ши; вытере(ть) — вытере-в* и *вытер-ши* и т. п.

Возвратные формы деепричастий образуются только с помощью суффиксов *-вши(сь), -ши(сь)* (суффикс *-в* в них не используется): *обня-вши-сь, побоя-вши-сь, погна-вши-сь, запер-ши-сь, возврати-вши-сь.*

От небольшой группы глаголов с основой на согласные (кроме основ на *г, к* и основ с суффиксом *-ну*) и на *-иться* деепричастия образуются при помощи суффикса *-а(-я)*, который присоединяется к основе простого будущего времени: *прочт(ут) — прочтя, увид(ят) — увидя, привед(ут) — приведя, найд(ут) — найдя, прид(ут) — придя, прост(ят)ся — простясь,* напр.: *Некоторые, возвратясь в столовую, дообедали* (Бунин). Как правило, при таких деепричастиях имеются параллельные образования с типичными суффиксами деепричастий совершенного вида *-в, -вши, -ши,* ср.: *принес(ти) — принес-я* и *принес-ши; увид(ят) — увид-я* и *увиде-в* (от основы инфинитива *увидеть*); *прост(ят) — прост-я-сь* и *прости-вши-сь* (от основы инфинитива *простить*).

В отличие от остальных слов двухвидовые глаголы имеют по два деепричастия: с суффиксом *-а(-я)* для выражения значения несовершенного вида и *-в* для выражения значения совершенного вида, напр.: *атаковать — атаку-я* (ср.: *атаку-ют*) и *атакова-в* (ср.: *атакова-л*); *исследовать — исследу-я* (ср.: *исследу-ют*) и *исследова-в* (ср.: *исследова-л*); *организовать — организу-я* (ср.: *организу-ют*) и *организова-в* (ср.: *организова-л*). Параллельные формы типа *увидя* и *увидев,* образуемые с помощью суффиксов *-я* и *-в,* не отличаются своими видовыми значениями: обе они имеют значение совершенного вида.

§ 3. Временные значения деепричастий. Деепричастия не выражают значений абсолютного времени, они обозна-

чают только относительное время, причем деепричастия несовершенного и совершенного вида имеют разные значения относительного времени.

Деепричастия несовершенного вида обозначают одновременность действий, т. е. выражают, что действие деепричастия и действие глагола-сказуемого происходят одновременно, совпадают во времени: *Ветер злой, бушуя, веет и небо кроет седою мглой* (Баратынский). *Задерживаю ответ, наблюдая за актером* (Первенцев).

Деепричастия совершенного вида обозначают неодновременность действий, т. е. действие деепричастия не совпадает с действием глагола. Действие, выражаемое деепричастием, происходит или раньше, или позже действия, обозначаемого глаголом. Значение предшествования выражено в следующих предложениях: *Я уже заболеваю летом, еле выздоровев от зимы* (Цветаева). *Забравшись на сосну большую, по веточкам палицей бьет* [о морозе] (Некрасов). *Подъехав к лесу, Хаджи-Мурат остановился и, забрав много воздуху в легкие, засвистал* (Л. Толстой). Осуществление действия деепричастия после действия глагола (значение следования) выражено в следующих предложениях: *Он разделся наскоро и лег в постель, закутавшись одеялом* (Горький). *С зловещим свистом пролетело ядро и ударилось в середине обоза, подле дороги, в кукурузное поле, взрыв на нем землю* (Л. Толстой). В таких случаях «деепричастие совершенного вида, примыкая к глаголу, облеченному в форму прошедшего времени совершенного вида, и стоя позади него, обозначает действие... как бы непосредственно последующее, являющееся органическим следствием основного действия. Деепричастие в этих случаях обозначает следствие, сопутствующее основному действию, выражает результат, осуществление которого обусловлено совершением основного действия...» [1].

НАРЕЧИЕ

§ 1. Наречие как часть речи. Наречия — это неизменяемые знаменательные слова, обозначающие признаки действий, состояний, качеств и выступающие в функции

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947, с. 391.

обстоятельства. В пределах словосочетания они примыкают к глаголу, прилагательному, наречию, категории состояния и — реже — к существительному.

Морфологически наречия характеризуются тем, что не изменяются (не склоняются, не спрягаются и ни с какими словами не согласуются), не обладают грамматическими категориями и не выражают грамматических значений.

Важнейшими синтаксическими свойствами наречий являются: 1) способность сочетаться с другими знаменательными словами по способу примыкания; 2) употребление в функции обстоятельства.

Наречия примыкают:

1) к глаголу: *Быстро падала темнота* (Бунин) (наречие *быстро* выражает качественный признак действия *падала* (темп этого действия) и является обстоятельством);

2) к имени прилагательному: *Я слышу иволги всегда печальный голос* (Ахматова) (наречие *всегда* обозначает временно́й признак прилагательного *печальный* и является обстоятельством). *Вера же была строго проста, со всеми холодно и немного свысока любезна, независима и царственно спокойна* (Куприн) (наречия *строго, холодно, свысока, царственно,* являясь обстоятельствами, характеризуют признаки (*проста, любезна, спокойна)* с их качественной стороны);

3) к причастию: *За несколько дней разоделись кусты, недавно раскрывшие листья* (Маршак) (наречие *недавно* выражает временно́й признак причастия *раскрывшие* и выступает в роли обстоятельства);

4) к наречию: *Он вел себя подчеркнуто вежливо* (наречие *подчеркнуто* обозначает степень проявления признака наречия *вежливо* и выступает в роли обстоятельства);

5) к категории состояния: *Мне стало нестерпимо грустно* (Горький) (наречие *нестерпимо* выражает количественный признак состояния *грустно* (степень проявления этого состояния) и является обстоятельством);

6) к деепричастию: *Он поцеловал ей обе руки и, нежно погладив их, сказал, что непременно побывает еще на днях* (Чехов) (наречие *нежно* выражает качественный признак деепричастия *погладив* и выступает в функции обстоятельства).

Сравнительно редко используются наречия для обозначения признака предметов. Это объясняется тем, что

признаки предметов обычно выражаются прилагательными. Наречия же в этой функции выступают, как правило, в тех случаях, когда для обозначения соответствующих признаков предметов в языке отсутствуют прилагательные: *яйца всмятку, рубашка навыпуск, прогулка верхом, чтение нараспев, чтение вслух, шаг назад, кофе по-турецки* и т. п. В русском языке у наречий *всмятку, навыпуск, верхом, вслух, назад* нет однокоренных прилагательных, которые могли бы заменить их в этих словосочетаниях. Что же касается наречия *по-турецки,* то оно имеет однокоренное с ним прилагательное *турецкий,* но это прилагательное не соответствует наречию *по-турецки* по значению. Сочетание *турецкий кофе* обозначает «кофе, привезенный из Турции». В то время как сочетание *кофе по-турецки* значит «кофе, приготовляемый так, как готовят его в Турции, турки». Во всех приведенных словосочетаниях наречия, примыкая к существительным, выступают в функции несогласованного определения.

Еще реже наречия употребляются в роли сказуемого: *Пальто тебе в пору. Факты теперь на лицо. Его приезд был очень кстати. Он был со мной настороже. Мы были начеку* и др.

Из всех синтаксических функций наиболее характерной для наречия является функция обстоятельства.

§ 2. Разряды наречий по значению. Несмотря на большое разнообразие наречий по значению, все они группируются вокруг двух основных типов — определительных и обстоятельственных.

Определительные наречия обозначают качественные и количественные признаки действий, состояний, свойств, а обстоятельственные наречия — временные, пространственные, причинные и целевые отношения к ним.

По данным словарей, в современном русском языке насчитывается около 6 тысяч определительных наречий и более 260 обстоятельственных. Активно пополняются лишь определительные наречия.

Определительные наречия делятся на следующие разряды:

1. Качественные наречия (отвечают на вопрос *как?*): *хорошо, плохо, быстро, медленно, широко, узко, взволнованно, спокойно, громко, тихо, шумно, радостно, печально, смело, трусливо, твердо, мягко, отлично, блестя-*

ще, замечательно, иронически, золотисто, вызывающе, наскоро, напряженно и др., напр.: [Варвара Михайловна] *глядела на него в упор, открыто, немного надменно и вызывающе* (Федин). *Иван Алексеевич... радостно и взволнованно улыбался* (Шолохов).

2. Количественные наречия:

1) наречия, обозначающие неопределенное количество (отвечают на вопрос *сколько?*): *много, мало, немного, немало, приблизительно, почти* и др., напр.: *Для того чтобы проложить ее* [тропу]... *понадобилось употребить немало усилий и испортить много пил и топоров* (Арсеньев). *Немного лиц мне память сохранила, немного слов доходит до меня* (Пушкин). *Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение* (Гоголь);

2) наречия, обозначающие определенное количество (наречия меры; отвечают на вопросы *сколько раз? во сколько раз? на сколько частей?*): *дважды, трижды, четырежды, вдвое, втрое, вчетверо, впятеро, надвое, натрое, начетверо, вдвойне, втройне* и т. п., напр.: *Сложив это письмо вдвое, он спрятал его в карман записной книжки* (Чехов). *Время на железной дороге кажется всегда вдвое длиннее, чем дома* (Мамин-Сибиряк);

3) наречия степени (отвечают на вопрос *в какой степени?*): *чуть, чуть-чуть, очень, весьма, совершенно, (не) совсем, чересчур, крайне, чрезвычайно, чрезмерно, вдоволь, дотла, досыта, слишком, до отвала, довольно* и т. п., напр.: *Было весьма холодно* (Чернышевский). *Ничего не может быть хуже и обиднее слишком поздно пришедшего счастья* (Тургенев). *Оленин на вид казался совсем другим человеком* (Л. Толстой).

3. Наречия образа и способа действия (отвечают на вопрос *как?*): *вплотную, нараспев, плашмя, пешком, верхом, ползком, гуськом, вереницей, сидя, лежа, наперегонки, вброд, вплавь, вручную, вслух, басом, шепотом, втихомолку, вразвалку, ощупью, наизнанку, наперебой, вприпрыжку* и т. п., напр.: *Затем он запер вплотную дверь в кабинет* (Лесков). *Что вы там шепчетесь? Говорите вслух!* (А. Островский). *Через речку вплавь переправляйся, конь тебя из погибели вымчит* (Пушкин).

4. Сравнительно-уподобительные наречия (отвечают на вопросы *как? каким образом?*):

по-летнему, по-весеннему, по-осеннему, по-утреннему, по-ноябрьски, напр.: *На ферме еще горел свет, но было уже по-ночному тихо и пусто* (Николаева);

по-моему, по-нашему, по-твоему, напр.: *А все же площадь называется по-нашему* (Слуцкий);

по-военному, по-фронтовому, напр.: *А спишь-то ты чутко.— Что поделаешь... по-военному* (Бабаевский);

по-волчьи, по-кошачьи, по-медвежьи, по-змеиному, по-черепашьи, напр.: *Мальчик разглядывал Алешку по-собачьему: то наклонит голову к одному плечу, то к другому* (А. Толстой). *Дрозд пропел сначала по-соловьиному, затем по-жавороночьи, по-перепелиному и все поглядывал на человека* (Павленко);

по-детски (ср.: *детски*), *по-братски* (ср.: *братски*), *по-геройски* (ср.: *геройски*), *по-девичьи,* напр.: *Самсонов по-отечески любил Чернухина* (Лавренев);

по-русски, по-французски, по-чувашски, по-турецки, по-татарски, напр.: *Сани были заложены по-русски: тройка в ряд, одна к корню, две на пристяжке* (Тургенев). *Бороду брил и волосы носил по-немецки* (Тургенев);

по-варшавски, по-венски, по-московски, напр.: *кофе по-варшавски (по-турецки), шницель по-венски, котлеты по-киевски;*

дугой, колесом, камнем, вихрем, столбом, стрелой: нестись стрелой, грудь колесом, мчаться вихрем, напр.: *Рекой с бедняжки льется пот* (Крылов).

5. Наречия совместности (отвечают на вопросы *как? каким образом?*): *вдвоем, втроем, вчетвером, впятером, вшестером, всемером, ввосьмером, вдевятером, вдесятером, стаями, табунами, парами, повзводно, поротно, по двое, по трое* и др., напр.: *Старая мать приедет к нему* [Павлику], *так и будут они жить вдвоем* (Горбатов). *Вся рота была по частям разбросана по плацу. Делали повзводно утреннюю гимнастику* (Куприн). *Под самым берегом ходили стаями неторопливые пучеглазые голавли* (Паустовский).

Две последние группы слов — сравнительно-уподобительные наречия и наречия совместности — нередко рассматриваются в составе наречий образа и способа действия.

Обстоятельственные наречия делятся на следующие разряды:

1. Наречия места (отвечают на вопросы *где? куда? откуда?*): *где, здесь, тут, там, везде, внизу, всюду, нигде, вдалеке, кое-где, где-то, вблизи, куда, туда, сюда, домой, влево, вправо, вверх, вниз, куда-то, куда-нибудь, вперед, откуда, издали, издалека, изнутри, оттуда, отсюда, откуда-то, докуда* и др. (более 110 слов), напр.: *Вблизи стены города оказались далеко не такими внушительными и прочными, как выглядели издали* (Степанов). *Вдали, как и вблизи, я буду вам родной* (Жуковский). *Я жил вверху в светелке, под крышей, куда подымался по чрезвычайно крутой и скрипучей лесенке* (Достоевский).

2. Наречия времени (отвечают на вопрос *когда?*): *когда, прежде, теперь, сперва, потом, сегодня, завтра, ныне, рано, поздно, утром, вечером, всегда, иногда, повседневно, повсеместно, повсечасно, ежеминутно, ежечасно, ежедневно, еженедельно, ежемесячно, ежегодно, годами, неделями, месяцами, часами, исстари, задолго, вскоре, сначала* и др. (более 130 слов), напр.: *Мы пришли в Керчь поздно вечером* (Горький). *Рано утром на Волге бродил легкий туман* (Чехов). *Рано чувства в нем остыли* (Пушкин).

3. Наречия причины (отвечают на вопрос *почему?*): *почему, потому, сдуру, сослепу, сгоряча, со зла, поневоле* и др. (около 10 слов), напр.: *Я сгоряча, не одумавшись, сделала самый важный шаг в жизни, я поторопилась выйти замуж* (А. Островский). *Мне нужны во что бы то ни стало деньги... Приходится поневоле ездить и собирать долги* (Чехов).

4. Наречия цели (отвечают на вопрос *зачем?*): *зачем, затем, назло, нарочно, на смех, умышленно, напоказ* и др. (около 10 слов), напр.: *Впервые он почувствовал какую-то неприязнь к Нине. Показалось, будто она делает что-то назло и назло старается помешать его мыслям* (Добровольский). [Тентенников] *убеждал товарищей, что нельзя выставлять напоказ свое страдание* (Саянов).

Среди наречий выделяются местоименные наречия (наречия-местоимения). Они совмещают в себе значение наречия и местоимения. В отличие от остальных наречий они не называют различных обстоятельств, а лишь указывают на них или служат для обобщения а также для выражения вопроса, напр.: *Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы*

из-под сердца, т а к бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово (Гоголь). *К у д а, к у д а вы удалились, весны моей златые дни?* (Пушкин). *А г д е же мать?* (Е. Носов). *«П о ч е м у же это для вас решительно все равно»? — спросил я* (Чехов).

Местоименные наречия делятся на следующие разряды:

1. В о п р о с и т е л ь н ы е: *где, куда, когда, откуда, зачем, почему, как.*

2. О т н о с и т е л ь н ы е (это те же вопросительные местоимения, но в иной функции — в функции союза): *К о г д а кончился обед, Крылина увели отдыхать* (Чехов). *Я никак не могу вспомнить, о т к у д а попала мне в голову эта легенда* (Чехов).

3. О п р е д е л и т е л ь н ы е: *всегда, иногда, всюду, повсюду, везде.*

4. У к а з а т е л ь н ы е: *здесь, там, туда, сюда, тогда, затем, поэтому, потому, так.*

5. О т р и ц а т е л ь н ы е: *нигде, никогда, никуда, ниоткуда, никак, негде, некогда, некуда, неоткуда, незачем.*

6. Н е о п р е д е л е н н ы е: *некогда* (когда-то); все вопросительные местоимения в сочетании с суффиксами *-то, -либо, -нибудь* и префиксом *кое- (где-то, куда-то, как-то, где-либо, когда-либо, зачем-либо, откуда-нибудь, зачем-нибудь, где-нибудь, кое-где, кое-куда, кое-откуда, кое-когда).*

§ 3. Степени сравнения наречий. Определительные наречия с суффиксом *-о* образуются от качественных прилагательных, ср.: *весел(ый) — весело, темн(ый) — темно, высок(ий) — высоко.* Они наследуют от этих прилагательных не только их лексическое значение, но и отдельные грамматические свойства — способность иметь степени сравнения и формы оценки.

Формы с р а в н и т е л ь н о й с т е п е н и наречий совпадают с формами сравнительной степени имен прилагательных. Они образуются с помощью суффиксов *-ее(-ей), -ше, -е: кричать громко — кричать еще громче, любить сильно — любить еще сильнее, говори тихо — говори тише, прыгнул высоко — можно прыгнуть еще выше, вставай рано — вставай раньше.* Примеры: *Нерадостно пишут писатели, как будто ворочают глыбы. Еще н е р а д о с т н е е катит эти глыбы издатель в типографию* (Тынянов). *Собаки залаяли г р о м ч е и д р у ж н е е* (Чехов).

Наречия, как и прилагательные, имеют также супплетивные формы сравнительной степени: *Он всегда пел хорошо, а сегодня спел лучше. В первом тайме команда выступила плохо, а во втором она выступала еще хуже. Я собрал ягод мало, но ты собрал еще меньше.*

Формы сравнительной степени наречий, как и прилагательных, могут сочетаться с префиксом *по-*. Приставочные образования обозначают незначительное преобладание признака, выражают оттенок смягченности: *поднимись выше — поднимись повыше, рассмотри лучше — рассмотри получше, читай внимательнее — читай повнимательнее.* Ср.: *поднимись чуть выше* и *поднимись повыше.*

От некоторых наречий образуются две формы сравнительной степени — при помощи суффикса *-ее (-ей)* и *-ше: далеко — далее* и *дальше; рано — ранее* и *раньше; поздно — позднее* и *позже; мало — менее* и *меньше; много — более* и *больше,* напр.: *Довольно любил, чтоб вечно любить, для счастья же мало любил* (Лермонтов). *Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне, закажите ей меньше печалиться* (Лермонтов). *Иван Петрович менее* (ср.: *меньше*) *беспокоился об успехе своих намерений, чем Муромский* (Пушкин).

Составные (аналитические) формы сравнительной степени наречий, как и прилагательных, образуются прибавлением слов *более* и *менее* к положительным формам: *высоко — более высоко* и *менее высоко; строго — более строго* и *менее строго; подробно — более подробно* и *менее подробно,* напр.: *Это позволяет полнее и более качественно использовать ресурсы при минимальных затратах общественного труда.*

Составные формы сравнительной степени образуют не только определительные наречия на *-о,* но и некоторые наречия на *-ски, по-...-ому, по-...-ски: более дружески, более чем дружески, более чем по-дружески, более по-твоему, более чем по-отечески* и т. п., напр.: *Рогожин... в собеседничестве нуждался, казалось, более механически, чем нравственно* (Достоевский).

Формы превосходной степени наречий образуются так же, как и у имен прилагательных. Простые формы с суффиксом *-айше (-ейше),* встречающиеся в сочетаниях типа *покорнейше прошу, нижайше кланяюсь, строжайше (наистрожайше) предупреждаю, глубочайше сожалею, почтительнейше кланяюсь,* в современном рус-

ском языке употребляются исключительно редко: *Наипочтительнейше стаскивал с плеч своего племянника драповое пальто* (Караваева).

Основными формами превосходной степени наречий являются составные формы. Они состоят из формы сравнительной степени и слов *всего, всех* или из слов *наиболее, наименее* и положительной формы наречий, напр.: *Он* [Вольтер] *Себом был воспитан, издетства стал пиит, всех больше перечитан, всех менее томит* (Пушкин). *Наиболее многообразно и свободно комбинируются номинативные значения существительных, особенно конкретного, вещественного характера* (Виноградов). *Мы уважаем его больше всех. Он поет лучше всех. Она больше всего любит конфеты. Наиболее успешно выступила заводская команда. В прошлом году она выступала наименее успешно;* сюда же: *наиболее выгодно — наименее выгодно, наиболее ярко — наименее ярко.*

§ 4. Формы оценки. От наречий на *-о* образуются формы оценки при помощи усилительных и увеличительных суффиксов с различными эмоционально-ласкательными оттенками — *-оват- (-еват-), -оньк- (-еньк-): встал поздно — поздновато, улыбнулся хитро — хитровато, живете скучно — скучновато, ответил слабо — слабовато, женился рано — рановато, поклонился низко — низенько, живется ему трудно — трудненько, устроился уютно — уютненько,* напр.: *Скуповато лучше, чем мотовато* (Пословица). *Ой, вставала я ранешенько* (Из песни).

В народно-поэтическом стиле широко употребляются формы оценки с суффиксом *-ехоньк-о (-охоньк-о), -ешеньк-о: густо — густехонько, густешенько (растет); бело — белехонько, белешенько (умылся); низко — низехонько, низешенько (поклонился).*

Во многих словах выделяется суффикс *-к-*, причем с помощью этого суффикса образуются формы оценки не только от качественных, но и от некоторых обстоятельственных наречий, напр.: *тихонько — тихонечко, хорошенько — хорошенечко, легонько — легонечко, маленько — маленечко* (во всех словах чередуются *к/ч*); *полегоньку — полегонечку, помаленьку — помаленечку, понемножку — понемножечку (к/ч); украдкой — украдочкой (к/ч), стороной — сторонкой, вечером — вечерком, рядом — рядком, шагом — шажком* (в слове *рядышком* вы-

деляется суффикс *-ышк-*, а в наречии *утречком* — суффикс *-ечк-*).

Суффиксы оценки не присоединяются непосредственно к основе производящих слов, как при обычной суффиксации (ср.: *лес-ок, дом-ик, дорож-к-а, вод-иц-а)*, а вставляются внутрь производящей основы перед суффиксом, находящимся в конце слова: *холодн-о — холодн-оват-о, слаб-о — слаб-оват-о, вечер-ом — вечер-к-ом,* но *рысь-ю — рыс-цой* (при образовании наречия *рысцой* суффикс *-ю* в производящем слове подвергся усечению: *рысь(ю) — рыс-цой*).

Формы оценки образуются также префиксальным путем. Самым активным является префикс *пре-: мило — премило, длинно — предлинно, спокойно — преспокойно, вкусно — превкусно, жалобно — прежалобно, грустно — прегрустно* и др. Префикс *пре-* обозначает высшую степень признака (*премило* значит «в высшей степени мило, очень мило», *предлинно* — «в высшей степени длинно, очень длинно») и обычно присоединяется к наречиям на *-о*. Однако встречаются случаи, когда *пре-* сочетается с определительными наречиями на *-ски (-цки): дьявольски — предьявольски.*

Префиксы *архи-, сверх-* и др., используемые при образовании форм оценки имен прилагательных, в сфере наречий применяются редко: *гениально — сверхгениально, модно — сверхмодно, метко — сверхметко, неверно — архиневерно, нелепо — архинелепо, ударно — сверхударно* и т. п.

§ 5. Словообразование наречий. В сравнении с именами существительными, прилагательными, глаголами наречия обладают слабым словообразовательным потенциалом. Наречные словообразовательные гнезда имеют малочисленный состав производных. Так, у наречия *завтра* пять производных: *завтра — завтрашний, назавтра, послезавтра, послезавтрашний.* Большинство наречий вообще не имеет производных.

В современном русском языке в образовании наречий принимают участие имена прилагательные, существительные, глаголы, числительные, местоимения. Все наиболее продуктивные словообразовательные модели наречий связаны с именами прилагательными. Словообразовательные связи наречий с этой частью речи постоянно расширяются. Имена прилагательные — основная словообразова-

тельная база наречий. Доля остальных частей речи в образовании наречий незначительна.

Наречия образуются при помощи суффиксального, префиксального, префиксально-суффиксального способов словообразования. Сложение для них нехарактерно. Среди производных наречий имеется лишь один продуктивный разряд сложных слов, куда входят слова типа *вполнакала, вполсилы* и т. п.

Базой для суффиксального образования наречий служат имена прилагательные, существительные, числительные, глаголы и наречия.

От имен прилагательных (включая адъективированные причастия) образуются наречия при помощи следующих суффиксов:

-о (-е): громко (громко разговаривать), тихо (тихо сидеть), высоко (высоко подняться), взволнованно (взволнованно говорить), организованно (организованно провести весенний сев), вызывающе (вызывающе вести себя), раздражающе (раздражающе действовать);

-и: отечески (отечески заботиться), критически (критически оценить факты), реалистически (реалистически мыслить).

На базе имен существительных путем адвербиализации, т. е. морфолого-синтаксическим способом, образованы наречия, ныне выделяющие суффиксы:

-ом (-ком, -иком): чудом (чудом спастись), утром (приехать утром), вечером (вернуться вечером), целиком, пешком;

-ой (-ою): зимой (зимой холодно), дорогой (Обсудим вопрос дорогой, во время пути);

-ю: осенью (осенью красиво), ночью (ночью прохладно);

-ами: временами (Временами дует сильный ветер), местами (Местами встречаются болота, т. е. в отдельных местах).

К именам числительным восходят небольшие группы наречий, выделяющих суффиксы:

-жды: однажды, трижды (наречие *единожды* образовано от прилагательного *единый*);

-ю: восемью (восемью восемь — шестьдесят четыре), двадцатью (двадцатью два — сорок), десятью, пятью, тридцатью, шестью.

Слова обеих групп являются непродуктивными.

Непродуктивны также отглагольные наречия: *дрожмя (дрожать), ревмя (реветь), кишмя (кишеть), ливмя (льет), стоймя (стоять), слыхом (не слыхать), (пропади) пропадом, торчком, ползком (пробраться).*

Малопродуктивны отглагольные наречия с суффиксом *-а (-я): лежа (читать лежа), молча (отойти молча), шутя (шутя три пуда поднимает), стоя (есть стоя), любя.*

Словообразование наречий на базе самих наречий в русском языке развито слабо. Сюда относятся неопределенные наречия с постфиксами:

-то: когда-то, куда-то, откуда-то, где-то, как-то, зачем-то, отчего-то, почему-то;

-либо: когда-либо, куда-либо, откуда-либо, где-либо, как-либо, зачем-либо, отчего-либо, почему-либо.

Как видно из примеров, постфиксы *-то, -либо* сочетаются с одними и теми же производящими наречиями. Такие же производные образует и постфикс *-нибудь.*

Суффиксы образуют формы оценки наречий.

Среди приставок самым активным является префикс *не-*, образующий наречия от наречий: *негде, некуда, некогда, неоткуда, незачем, незадолго, недавно, невдалеке, недорого, незамужем, недаром, невысоко, несмело.* Наречия типа *невысоко* являются двуструктурными: *высоко — не-высоко* и *невысок(ий) — невысок-о.* Сюда же: *несмело (смело — не-смело* и *несмел(ый) — несмел-о), нерешительно (решительно — не-решительно* и *нерешительн(ый) — нерешительн-о), недалеко (далеко — не-далеко* и *недалек(ий) — недалек-о)* и т. п.

Остальные приставки непродуктивны и встречаются в составе небольшого числа наречий. Среди них:

во-: вовне (находиться вовне), вовнутрь (вставить вовнутрь);

до-: доныне (сохраниться доныне), дотуда (ехать дотуда);

за-: заранее (подготовиться заранее), задаром (купить задаром);

на-: навсегда (покинуть навсегда), насовсем (уехать насовсем);

ни-: нигде (нигде не найти), никак (никак не поднять);

от-(ото-): откуда (Откуда идешь?), отовсюду (Депутаты съехались отовсюду);

по-: повсюду (Повсюду радостное оживление), поныне (помнить поныне) и др.

Префиксально-суффиксальные по своей структуре наречия наблюдаются от имен прилагательных, существительных, числительных, местоимений и наречий.

Префиксально-суффиксальные по своей структуре наречия от имен прилагательных отличаются разнообразием средств и словообразовательных типов:

по-...-ому (-ему): по-новому (по-новому жить), по-старому (по-старому мыслить), по-летнему (по-летнему одет);

в-...-ую: вплотную (вплотную подойти), вслепую (двигаться в темноте вслепую), вручную (изготовить что-либо вручную);

по-...-и: по-дружески (поговорить по-дружески), по-русски (свободно говорить по-русски);

в-...-ых (-их): во-первых, во-вторых, в-третьих;

до-...-а: досыта (поесть досыта);

из-...-а: изредка (встречаться изредка), издалека (вернуться издалека);

с-...-а: слева (сидеть слева), снова (Снова пошел дождь), справа (справа от театра);

в-...-е: вкратце (изложить вкратце), втайне (держать что-либо втайне), вдалеке (Вдалеке виднелась река);

на-...-е: наедине (поговорить с кем-либо наедине), наравне (Самолет летел наравне с облаками);

в-...-о: влево (повернуть влево), вправо (вправо от дома);

на-...-о: начисто (переписать начисто), насухо (вытереть насухо).

Наречия, образованные от имен существительных:

в-...-у: вверху (находиться вверху), внизу (оставаться внизу);

до-...-у: донизу (сверху донизу), доверху (наполнить доверху);

к-...-у: кверху (поднять глаза кверху), книзу (Нора расширяется книзу);

с-...-у: сверху (сверху видно все), снизу (посмотреть снизу), сбоку (встать сбоку).

Наречия, образованные от имен числительных: *вдвоем, втроем, всемером, вдесятером (жить вдвоем, пойти в кино втроем, заниматься вдесятером), помногу (не ешь помногу), понемногу (ешь понемногу), вдвое (сложить лист вдвое), втрое (втрое больше), натрое (разрезать натрое).*

Наречия, образованные от местоимений: *по-твоему (пусть будет по-твоему), по-моему (делай по-моему), по-*

своему (сделать по-своему), по-вашему (пусть будет по-вашему), по-нашему (жить по-нашему).

Наречия, образованные от наречий: *подолгу (не видеться подолгу), потихоньку (уйти потихоньку), почасту* и др.

Далеко не все наречия с приставками и суффиксами образованы суффиксально-префиксальным способом: многие из них по своему происхождению являются словами, возникшими с помощью лексико-синтаксического способа.

К продуктивному типу сложных наречий относятся: *вполглаза (наблюдать вполглаза), вполголоса (петь вполголоса), вполдерева, в пол-лица, вполнакала, вполоборота, вполсилы* и др. Они образуются от слова *пол* и основы существительного (*глаз-, голос-, дерев-, лиц-* и др.) или глагола (*прищур-*). Одновременно к ним присоединяются префикс *в-* и суффиксы *-а, -и (-ы)*. К сложениям относятся также наречия *полулежа, полусидя, полушутя* и др.

КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

Категория состояния — это неизменяемые слова, обозначающие состояние, способные сочетаться со связкой и употребляться в функции сказуемого безличного предложения или в роли сказуемого двусоставного предложения с подлежащим — инфинитивом, напр.: *Шли-шли, Таютке тоскливо стало* (Бажов). *Шурке было неловко: он понимал, что поступил нехорошо* (Станюкович).

Впервые термин «категория состояния» предложил Л. В. Щерба в статье «О частях речи в русском языке» (1928), подчеркнув им лексическое значение этой части речи. Этим термином пользуются В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Н. С. Поспелов, А. Н. Гвоздев и др. Существует и другой термин — «безлично-предикативные слова», который подчеркивает синтаксические функции ее. Ввел его С. И. Абакумов. В научных работах, посвященных этой части речи, одинаково используются оба термина. Ученые, не признающие эти слова как особую, самостоятельную часть речи, обычно называют их предикативными наречиями. Последний термин встречается у Д. Н. Овсянико-Куликовского, А. А. Шахматова

и др. А. В. Исаченко пользуется термином «предикативы», который имеет слишком широкое значение. Предикативом (предикативным членом предложения) обычно называют сказуемое. В роли сказуемого могут употребляться все знаменательные слова, поэтому вряд ли можно признать удачной попытку закрепить термин «предикативы» только за словами одной части речи, выступающими в роли сказуемого.

Категория состояния как часть речи имеет свои специфические — лексические и грамматические (морфологические и синтаксические) — признаки, отличающие ее от других частей речи.

Главным отличительным признаком безлично-предикативных слов является их семантическая общность. Безлично-предикативные слова выражают состояние — физическое или психическое состояние субъекта, состояние предмета, состояние окружающей среды: *душно, радостно, пыльно, тепло, тоскливо, весело, лень, страшно* и т. п.

В зависимости от того, какое состояние выражают безлично-предикативные слова, они делятся на следующие группы:

1. Слова, обозначающие состояние окружающей среды, обстановки: *темно, жарко, пусто, сыро, мокро, холодно, светло, бело,* напр.: *Было душно, жарко, шумно. Пахло борщом, подгорелым маслом* (Коновалов). *С утра было ветрено* (А. Толстой). *Было тепло, сыро и душно* (Николаева). *Тихо в избе* (Шишков). Слова этой группы обычно сочетаются лишь с обстоятельствами, редко — с дополнением в родительном падеже, но при них не может быть дательного падежа, обозначающего субъект. При наличии дательного субъекта эти слова обозначают не состояние среды, а состояние субъекта, если даже в предложении при них имеются обстоятельственные слова, напр.: *Мне здесь душно. Ему здесь хорошо. Им там весело.*

2. Слова, выражающие физическое состояние живых существ: *мутно, тошно, больно, зябко, горько, холодно, дурно, щекотно, жарко,* напр.: *Истомно, жарко Прохору, сладостно* (Шишков). *Тепло ему стало* (Бажов). В том или ином состоянии может находиться только часть организма живого существа, напр.: *Щекам было жарко* (Шишков). *Когда он вошел в черную тень деревьев, стало неприятно спине* (А. Н. Толстой). *Стало горячо сердцу* (А. Н. Толстой).

3. Слова, выражающие душевное состояние человека, его эмоционально-психические переживания, напр.: *Прохору стало жутко. Ему стало обидно, горько* (Шишков). *Ему было неудобно и стыдно* (А. Н. Толстой). *Ему и приятно, и жутко, и в то же время досадно...* (Станюкович). В переносном значении душевное состояние могут выражать многие слова первой и второй группы, напр.: *Миша, тебе не боязно жить вот так? Мутно на душе, да?* (Коновалов). *Горько мне с вами...* (Шишков). *И так, братцы, жутко и тошно на душе, что и не сказать* (Станюкович).

4. Слова, выражающие состояние временных и пространственных отношений: *далеко, близко, глубоко, мелко, высоко, долго, широко, узко,* напр.: *Здесь очень глубоко. Пока не поздно, надо что-то сделать* (Катаев).

5. Слова, выражающие отрицательную или положительную оценку какого-либо состояния или действия: *Верно, Рыбин! Правильно, кочегар!* (Горький). *«Идиллия,— сказал он.— Поют и мечтают на луну! Прелестно, клянусь богом!»* (Чехов). К словам этой группы примыкают *видно, слышно* и др. Они обычно выражают оценку состояния окружающей среды с точки зрения слуховой и зрительной воспринимаемости предметов: *Здесь ничего не видно. Там плохо слышно. С горы было видно весь город. Тропинку еле заметно.*

6. Безлично-предикативные слова, имеющие модальное значение: *надо, нужно, можно, нельзя, возможно, невозможно, должно, необходимо,* напр.: *Можно тебе — зайди, нельзя — нечего делать* (Достоевский). *Коли тебе надобно, поезжай в свои места один* (Бажов).

7. Слова с модальным значением, выражающие проявление чего-нибудь в достаточной, по определению говорящего, мере, обозначающие необходимость прекращения действия: *достаточно, довольно, полно, хватит, будет.* Эта группа вплотную примыкает к шестой, но лексически она ограничена еще больше, чем шестая, напр.: *Будет тебе, Яша, сердце надрывать* (Горький). *Нет, Пинчук не хочет, чтобы колхозники в его селе жили под соломенными крышами. Хватит!* (Алексеев). *«Баста! — сказал он густым голосом.— Довольно болтовни. За дело, ребята»* (А. Н. Толстой).

8. Отдельную группу составляют слова типа *крышка, каюк, капут, крест, конец* и т. п., традиционно рассматриваемые в междометиях. К междометиям их трудно от-

нести, во-первых, потому, что в отличие от междометий эти слова грамматически связаны с другими словами: они управляют дательным падежом субъекта *(ему каюк, вам капут)*, сочетаются с обстоятельственными словами, обозначающими место, время *(завтра ему крышка, здесь ему и каюк)*; во-вторых, потому, что все они обозначают состояние субъекта, которое как бы решает его судьбу (реже они обозначают такое же состояние чего-нибудь), напр.: *А вору Феденьке, мучителю ее,— крест...* (Шишков). *Всему конец* (Некрасов). *«Эти маленькие городишки — точно мышеловки,— тихо говорил он.— Попадет в такой город человек, и — капут ему!»* (Горький). *А деду все хуже да хуже... Сердце отказывается работать. Капут старику* (Неверов). Некоторые из этих слов, например *каюк, капут*, употребляются только в функции сказуемого безличных предложений.

Некоторые (многозначные) безлично-предикативные слова могут входить в несколько групп. Так, слова *жарко, темно* входят в первую и третью группу, ср.: *Вокруг темно было* и *На душе темно было. Сеньке Козырю жарко сделалось* (Шишков) и *В лачуге сделалось жарко* (Шишков). Слова *хорошо, плохо*, самые абстрактные из слов категории состояния, могут входить в первую, вторую, третью и пятую группы, ср.: *Хорошо в лесу зимой — Хорошо мне, тепло — Хорошо на душе — А фабрики, заводы, асфальтированные улицы — это потом придет, само собой, сейчас это не важно. И что страшно сейчас — согласен. Страшно и жадно на душе. Хорошо* (А. Толстой).

Ряд слов категории состояния сохраняет живую семантическую связь со своими производящими. Ср.: *Солнечно и недвижимо* и *Недвижимы Волга и Ока* (Шишков), где *недвижимо* — категория состояния, а *недвижимы* — краткое прилагательное. Ср. еще: *Лицо его грустно* (краткое прилагательное) и *Мне грустно* (категория состояния). Даже в таких случаях между безлично-предикативным словом и краткой формой прилагательного есть существенная разница: первое обозначает состояние, а второе — вре́менный признак предмета.

Многие безлично-предикативные слова еще более резко порвали смысловую связь с соответствующими прилагательными и наречиями. Академик В. В. Виноградов по этому поводу пишет: «Между полными и краткими формами имен прилагательных и между соответствующи-

ми безлично-предикативными формами наблюдаются очень значительные грамматические и лексические расхождения. Очевидно, это разные слова в современном русском языке. Например, *завидный — завиден* означает: такой заманчивый, что можно позавидовать *(завидное положение, завидная участь, завидная карьера* и т. п.). Между тем безличное *завидно* в значении сказуемого говорит о чувстве зависти, испытываемом кем-нибудь *(мне завидно)* или возникающем под влиянием какого-нибудь действия (в конструкции с инфинитивом: *завидно смотреть на такое счастье)*.

Безличное *хорошо*, которым обозначается состояние внутреннего удовлетворения, счастья, хорошего самочувствия *(у меня хорошо на душе, мне хорошо)*, уже отделилось от слова *хороший — хорош*. Ср.: *дурной* и *мне дурно; душный* и *душно; легкий* и *на душе легко* и т. п.

В сущности, отношение *хорошо* в сочетании *хорошо на душе* и *хорошо* в предложении *Мое здоровье хорошо* такое же, как *рвет* в сочетании *его рвет* к *рвет* в предложении *Он рвет цветы* (ср.: *Пахнет резедой* и *Резеда недурно пахнет)*. Это — омонимы». Отсюда у В. В. Виноградова вытекает вполне естественный вывод: «Между безлично-предикативными словами на *-о* и краткими формами имен прилагательных с той же основой часто нет ни грамматического, ни лексико-семантического параллелизма» [1].

Лексической соотносительности с краткими прилагательными и наречиями на *-о* не имеют и следующие безлично-предикативные слова: *грешно, боязно, нужно, совестно, стыдно, тошно, щекотно, больно, жалко, неудобно (Мне неудобно перед ним...), неловко (Ему неловко об этом говорить), надобно* и др. (ср.: *стыдный* и *стыдно, совестный* и *совестно, тошный* и *тошно)*.

Целая группа слов категории состояния не имеет омонимов ни в прилагательных, ни в наречиях, ни в существительных, напр.: *можно, жаль, любо, недосуг, невмоготу, щекотно, боязно, невдогад, невмочь, нельзя, невдомек* и др.

Безлично-предикативные слова, наиболее четко обособившиеся семантически от своих омонимов, образуют лексическое ядро категории состояния, являются ее сердцевиной.

---

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М.; Л., 1947, с. 405—406.

В качестве формальных признаков категории состояния Л. В. Щерба отметил неизменяемость и употребление со связкой. «Первым она отличалась бы,— писал он,— от прилагательных и глаголов, а вторым — от наречий» [1]. С помощью связки безлично-предикативные слова образуют аналитические формы времени, наклонения и формы степеней сравнения.

Безлично-предикативные слова употребляются в форме трех времен: настоящего (нулевая связка), прошедшего (со связкой *было*) и будущего (со связкой *будет*): *тепло, можно, жаль* (наст. вр.); *было тепло, было можно, было жаль* (прош. вр.); *будет тепло, будет можно, будет жаль* (буд. вр.), напр.: *Темно, и будет темно до полудня* (Маяковский). *Было темно, душно, и пахло дрянью* (Шишков). Наречия форм времени не имеют.

Формы времени одновременно являются формами изъявительного наклонения. В отличие от глагола категория состояния имеет только формы изъявительного и сослагательного наклонения. Повелительного наклонения у нее нет.

Сослагательное наклонение категории состояния образуется присоединением к ней формообразующей частицы *бы* вместе с вспомогательным глаголом *быть* в форме прошедшего времени *(было): На лесном озере было тихо, но там было бы еще тише, если бы утки не плескались в камышах.*

Слова категории состояния выражают значение сослагательного наклонения и в форме настоящего времени. Тогда частица *бы* присоединяется непосредственно к безлично-предикативным словам или же, значительно реже, к зависящим от них инфинитивам: *Хорошо бы и ему, старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств* (Чехов). *Заря погасла. Кончена работа. Уснуть бы, кажется, пора* (Никитин). *Нам надо бы прошение подать* (Чехов).

Кроме форм времени и наклонения, основные разряды безлично-предикативных слов (первая, вторая, третья группы) имеют формы вида, которые у них возникают при сочетании с полуотвлеченными связками.

В результате видового противопоставления связок *становится — стало* и *делается — сделалось* у слов категории состояния образуются аналитические видовые пары: *ста-*

---

[1] *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 74.

новится жутко (несов. в.) — *стало жутко* (сов. в.), *делается грустно* (несов. в.) — *сделалось грустно* (сов. в.). У В. Шишкова в «Угрюм-реке»: *Но до чего образованна эта Нина, даже становится неловко* (несов. в.) и *Петру Данилычу стало неловко, жутко* (сов. в.). Аналитические формы несовершенного вида обозначают развивающееся состояние, а соответствующие им формы совершенного вида выражают конечный предел, до которого развивается это состояние.

Под влиянием глагола в безлично-предикативных словах развивается способность управлять различными падежными формами. Безлично-предикативные слова управляют обычно дательным, предложным, реже — родительным (с предлогом и без предлога) падежом; некоторые из них даже приобретают способность управлять винительным падежом прямого объекта, напр.: *Там нужно не женскую силу!* (Некрасов). *Досадно стало Передонову на самого себя* (Сологуб). *Жалко было мать* (Коновалов). *И больно мне и страшно за людей* (Никитин). *Очень больно ногу в бедре* (Шишков).

Способность управлять прямым дополнением — особенность глагола, ср.: *читать книгу; читаю, читал, буду читать книгу; читал бы, читай книгу.* Появление этого специфически глагольного свойства у категории состояния связано с употреблением ее в функции сказуемого, обычной именно для глагола. У безлично-предикативных слов способность управлять прямым дополнением возникла под влиянием тех переходных глаголов, с которыми они имеют словообразовательные связи, ср.: *жаль, жалко* и *жалеть; желательно* и *желать, слышно* и *слышать, видно* и *видеть, заметно* и *заметить, приметно* и *приметить.*

В современном русском языке винительным падежом без предлога (наряду с родительным) управляют обычно следующие безлично-предикативные слова: *жаль, жалко, больно, нужно, надо, надобно, желательно, приметно, заметно, слышно, видно, можно,* напр.: *Мне всю эту картину очень даже видно* (Шолохов). *Дверь — настежь, звезды видно* (Шишков). *До слез жалко было ему ее великолепное лицо, печальные и нежные глаза* (Горький).

Слова категории состояния имеют степени сравнения.

Формы сравнительной степени имеются только у безлично-предикативных слов на *-о,* напр.: *Но занять, говорят, невозможно, невозможнее долг отдавать* (Некрасов). *Инженеру хорошо, а доктору лучше*

(Маяковский). *Некоторое время шуршали падающие камешки. Стало тихо, еще тише* (А. Н. Толстой).

Аналитическая форма сравнительной степени безлично-предикативных слов образуется посредством присоединения к ним вспомогательных слов *более* или *менее: «Как у вас нынче людно,— говорит он* [Горчаков] *рассеянно,— совсем как в Лондоне. Но здесь более людно»* (Тынянов). *Было жалко потерять женщину. Еще более жалко было себя* (Горький). *«Нет, душа моя, для меня уж нет таких балов, где весело,— сказала Анна.— Для меня есть такие, на которых менее трудно и скучно»* (Л. Толстой).

Значение превосходной степени безлично-предикативных слов выражается только описательно. Превосходная степень категории состояния образуется присоединением слов *всех, всего* к форме сравнительной степени, напр.: *Здесь были люди, которым всего скучнее* (Тынянов). *Веселей всех у молодой вдовы Настасьи* (Шишков).

Формы сравнительной степени безлично-предикативных слов следует отличать от омонимичных форм прилагательных и наречий. Формы сравнительной степени прилагательных выступают в предложении или в роли именной части составного сказуемого, или в роли определения (при существительном, местоимении и субстантивированных словах): *Мрачней и угрюмей становится тайга* (Шишков). *Дыхание становилось все короче и отрывистее* (Коновалов). Наречия в сравнительной степени определяют глагол и являются в предложении обстоятельством: *«Стойте!» — спокойнее и трезвее сказал Бердников* (Горький). Слова категории состояния употребляются обычно в безличных предложениях в роли сказуемого и никаких слов не определяют: *Прохор мысленно упрекнул себя,— сделалось очень стыдно,— и пошел на улицу. Церковный сторож вставлял выбитые вчера стекла. Прохору стало еще стыдней* (Шишков).

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

Модальные слова — это особая часть речи, которая объединяет неизменяемые слова, выражающие отношение всего высказывания или его частей к реальности, грамматически не связанные с другими словами, но интонационно выделяющиеся в структуре предложения: *Яков*

почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, к а ж е т с я, ни разу не приласкал ее (Чехов). *Взлететь на Марс, р а з у м е е т с я, не трудно — для этого нужен только ультралиддит (в е р о я т н о, это что-то вроде бензина)* (Тынянов).

По значению модальные слова делятся на две группы:

1. Модальные слова с у т в е р д и т е л ь н ы м з н а ч е н и е м: *разумеется, действительно, истинно, подлинно, неоспоримо, непременно, обязательно, конечно, точно, безусловно, верно, несомненно, правда, факт, поистине*; сочетания *само собою разумеется, само собою, в самом деле* и др. Они обозначают уверенность говорящего в реальности сообщаемого, т. е. выражают реальную модальность: *В самом Тютчеве было, н е с о м н е н н о, какое-то личное, интимное очарование* (Тынянов). *Иногда я разговаривал с Верочкой, и Марья Алексеевна не мешала, не косилась, хотя, к о н е ч н о, не оставляла без надзора. О, р а з у м е е т с я, не оставляла* (Чернышевский). *Д е й с т в и т е л ь н о, он пробежал один только несколько шагов* (Л. Толстой). *За семьдесят лет существования Союза ССР во всех сферах нашей жизни сложились свои традиции. Есть они, к о н е ч н о, и в изобразительном искусстве и, естественно, в сатирической графике.*

2. Модальные слова с п р е д п о л о ж и т е л ь н ы м з н а ч е н и е м: *кажется, вероятно, по-видимому, возможно, никак, едва ли, вряд ли, видимо, видно, видать, знать, право, наверно, наверное, наверняка, может, может быть, должно, должно быть, авось, небось, чай, будто, просто, пожалуй.* Сюда же относятся сочетания типа *по всей видимости, по всей вероятности, бог (черт, шут) знает.*

Модальные слова этой группы обозначают гипотетическую (предположительную) модальность. Говорящий лишь предполагает, что сообщаемое возможно, однако он не уверен в реальности осуществления сообщаемого. Примеры: *Скажи, ты знаешь, н а в е р н о* (Ахматова). [Экспрессионизма]... *не существует и, м о ж е т б ы т ь, не существовало как единого литературного течения* (Тынянов). *К а з а л о с ь, небо сожжено червонно дымною зарею* (Ахматова). *Страшное у меня горе. В е р о я т н о — лишусь сна* (Маяковский). *Дом старый, я молода, а то б, п о ж а л у й, чужих деревьев не жалела* (Цветаева). *Ч а й, заждался? Н е б о с ь, бранил дядю за то, что не едет?* (Тургенев). *Молодые республиканцы! Вы, к а ж е т с я, скоро все заснете от ваших серьезных разговоров* (Куприн). *З н а т ь, забило сердечко тревогу* (Некрасов).

Основным морфологическим признаком модальных слов является их неизменяемость. Как правило, все изменяемые слова при переходе в модальные становятся неизменяемыми, при этом в качестве модального слова в языке закрепляется лишь одна из грамматических форм изменяемого слова. Так, в модальное слово перешла краткая форма среднего рода единственного числа прилагательного *вероятный — вероятно,* инфинитив глагола *знать,* формы именительного падежа единственного числа существительных *факт, правда* и т. д. Единичны случаи перехода в модальные слова нескольких форм одного и того же слова, напр.: *Я ее* [осу] *нечаянно прижала и, казалось, умерла она* (Ахматова). *Он, казалось, и жил только Пушкиным* (Тынянов). *Я его, кажется, сто лет не видала* (Куприн). *Будет сестра Васи и, кажется, профессор Спешников* (Куприн). *Безвольно слабеют колени, и кажется, нечем дышать* (Ахматова). *Казалось бы, новое чувство жизни не должно ни с чем и ни с кем считаться, а вышло наоборот* (Тынянов).

Будучи неизменяемыми и лишенными средств грамматической связи, модальные слова в структуре предложения синтаксически не связаны с остальными словами — они и не примыкают к другим словам, и не управляют ими. С высказыванием, модальность которого они выражают, модальные слова связаны лишь интонационно.

Модальные слова обслуживают предложение или его части, но они не являются членами предложения. Чаще всего модальные слова выступают в функции вводных слов: *Вы, верно, молодой человек, нездоровы?* (Куприн). *«Так, видно, она замужем?» — сказал я* (Пушкин). *Видно, ей самой было странно подумать, что этот строгий, красивый мужчина был тот самый Андрюша* (Л. Толстой).

Находясь в начале предложения, модальные слова обычно выражают достоверность всего высказывания. Употребляясь в середине предложения, они подчеркивают главным образом модальность последующей части высказывания, напр.: *Правда, знал Касьян, что ежели поехать лесом и миновать его, то сперва будут Ливны* (Е. Носов). *Правда, Касьян не велел появляться своей Натахе* (Е. Носов). *Меня, правда, есть за что ругать* (Коптяева). Она [Софи], *видимо, чувствовала себя не в силах глядеть на него* [Пьера] *без смеха* (Л. Толстой).

Мне же лично очень не нравилась эта улыбка ее и то, что она всегда, видимо, подделывала лицо (Достоевский).

Модальные слова обладают необходимыми предикативными свойствами и употребляются как слова-предложения: *«Ежели бы правда, что он разбит, так пришло бы известие».— «Вероятно»,— сказал князь Андрей* (Л. Толстой). *«Придешь?» — «Непременно».* Слова, употребленные в ответной реплике диалога, выражают модальность предыдущего высказывания.

Модальные слова могут подчеркивать модальность сказуемого. В этом случае они способствуют логическому выделению сказуемого и интонационно не обособляются. Такие модальные слова обычно находятся перед сказуемым или в составе сказуемого и в предложении не выделяются запятыми: *Непременно надо перенести* [больного] *на кровать* (Л. Толстой). *Доктор действительно лежал на диване* (Куприн). *Свежевский действительно выражал своим лицом самое подобострастное и преувеличенное внимание* (Куприн).

Модальные слова как особый разряд слов формируются на базе разных частей речи. Они пополняются за счет следующих частей речи:

1) имен существительных: *правда, факт;*

2) кратких форм среднего рода на *-о* имен прилагательных: *истинно, подлинно, бесспорно, верно;*

3) кратких форм причастий: *видимо, вестимо;*

4) категории состояния: *видно, слышно, очевидно, понятно, вероятно;*

5) наречий: *никак, по-видимому;*

6) глагольных форм: *кажется, казалось, разумеется, знать, видать, стало быть, может быть.*

В модальные слова переходят некоторые лексикализованные словосочетания: *само собою разумеется, по всей видимости, в самом деле, должно быть* и т. п. Это обусловливает широкую омонимию в сфере модальных слов.

ПРЕДЛОГ

§ 1. Предлог как часть речи. Предлоги — это служебные слова, обладающие лексическим значением очень общего характера и выражающие совместно с формами косвенных падежей синтаксически зависимое отношение существительного к другому слову в составе словосочета-

ния или в предложении. Так, в предложении *Листья чуть шумели над моей головой* (Тургенев) предлог *над* связывает слово *шумели* и управляемое слово *головой* и способствует выражению пространственных отношений между ними; в предложении *Через полчаса он простился со мною на опушке леса* (Тургенев) предлог *через* устанавливает между словами *простился* и *полчаса* временные смысловые отношения, указывая на синтаксическую зависимость второго от первого.

Предлог устанавливает связь грамматического господства/подчинения между глаголом и существительным *(рассказали о героях войны, жили за лесом)*, между существительным и существительным *(любовь к Родине)*, прилагательным и существительным *(готовый на подвиг, рад за сестру)*, числительным и существительным *(двое из солдат)*, предикативом или наречием и существительным *(стыдно за этих людей, выступил неплохо для новичка)*, местоимением и существительным *(мы с приятелем)*. Всякие другие подчиненные слова выступают заместителями существительного. Ими могут быть субстантивные местоимения, способные заменять существительное в любых случаях *(рассказали о них, готовый на все, стыдно за них* и т. д.), или окказионально зависимые слова других частей речи (напр.: *Делай через «не могу». Ешь через «не хочу». Любите при сейчас, любите при всегда* (Вознесенский) (ср., однако, образования, вошедшие в литературный язык: *навсегда, донельзя, поныне*). Предлог может связывать управляющее слово и именное словосочетание: *Мы работаем до без четверти семь.* Зависимое слово может быть опущено: *Кто против? Вы — в шапке, я — без.*

Предлоги, как правило, определяют форму зависимого слова. Каждый из них употребляется со строго определенными падежными формами. Нередко с предлогом употребляется только одна падежная форма, напр.: *к* употребляется только с дательным падежом, *для* — только с родительным, *при* — только с предложным. С рядом предлогов возможны две падежные формы, напр.: *за* может употребляться с винительным *(за деньги, за руки)* и творительным *(за деньгами, за горой)* падежом; *на* может употребляться с винительным и предложным падежом *(на дерево, на дереве)*. Редко предлог управляет тремя падежами, напр.: предлог *с* может выступать совместно с родительным, творительным и винительным падежом *(с земли, с приятелем, с дерево)*; предлог *по* — с дательным,

винительным и предложным *(по дороге, по грибы; По ком скорбят?)*.

Однако в подобных случаях из двух или трех возможных при каком-то предлоге падежей для конкретного высказывания берется не какой попало, а строго определенный, соответствующий для выражения нужной мысли. Так, если мы хотим обозначить движение от чего-либо, то можем употребить предлог *с* с родительным падежом *(поднял с земли, снял с полки)*, но не с творительным или с винительным (нельзя: «поднял с землей», «снял с полку»). Если мы хотим выразить отношение совместности, то берем предлог *с* с творительным падежом *(ушел с приятелем)*, но не с родительным или винительным, т. е. предлог с каждым возможным при нем падежом выражает всякий раз разное значение. Иногда предлог может употребляться с разными падежами, и это не влияет на основной смысл: *между деревьев — между деревьями, по пяти штук — по пять штук* (в этих случаях имеются лишь стилистические различия).

Как предлог требует после себя того, а не иного падежа существительного (местоимения), так и господствующее слово предложного словосочетания требует того, а не иного предлога. Появление в речи тех или иных предлогов иногда зависит не столько от выражаемых смысловых отношений, сколько от сугубо формальной причины — от грамматической индивидуальности глагола. Так, глагол *жениться* требует предлога *на* для выражения прямообъектных отношений между обозначаемым им действием и его прямым объектом; *скучать* при таких же условиях требует предлога *по, зависеть* — предлога *от*. Не только глаголы, но и слова других частей речи могут вызывать после себя семантически не мотивированный предлог: *похож на кого-либо, рад за вас*. В подобных случаях предлог лексически опустошен.

Однако гораздо чаще господствующее слово требует определенный предлог в соответствии с его лексическим смыслом: выбор предлога обусловливается не только грамматически, но и его собственным лексическим значением. Отсюда сочетаемость господствующего слова с предлогами регулируется возможностями лексико-семантического соответствия всех компонентов предложного сочетания, лексическими возможностями любого из них.

В этом отношении интересны по своим формально-смысловым связям предлога с глаголом сочетания типа

наехал на камень, вбить в стену. Здесь наблюдается совпадение предлога и глагольной приставки, и, имея это в виду, говорят о своеобразном согласовании. В русском языке довольно много омонимичных предлогов и приставок, и они до известной степени закономерно вступают в тавтологическое соответствие друг с другом в предложном словосочетании, напр.: *отъехать от станции, сойти со сцены.* Такое согласование, однако, занимает скромное место в современном русском языке.

Русские предлоги имеют в речи достаточно фиксированное место: почти всегда они занимают препозицию по отношению к управляемому ими слову, оправдывая тем самым внутреннюю форму (предлог); при этом они могут ставиться как в контактной препозиции к управляемому слову *(к городу)*, так и в дистантной, отделяясь от него определениями (ср.: *к старинному русскому городу)*, редко — другими словами, обычно вводными (ср.: *Все это дело вышло из-за, царствие ему небесное, мертвого трупа* (Чехов). Некоторые предлоги могут стоять в постпозиции к управляемому слову: ср.: *ради чего?* и *чего ради?, вопреки рассудку* и *рассудку вопреки, спустя час* и *час спустя.*

Отдельные предлоги могут опоясывать управляемое слово, напр.: *Орел, с отдаленной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне* (Пушкин); ср. также: *сидели рядом с нами — сидели с нами рядом, вместе с нами — с нами вместе, судя по внешности — по внешности судя, невзирая на лица — на лица невзирая.*

§ 2. Классификация предлогов по происхождению и морфологическому составу. По происхождению все русские предлоги делятся на первообразные и производные; последние, в свою очередь, подразделяются на наречные, отыменные, отглагольные.

По морфологическому составу производные предлоги делятся на простые, представляющие собой цельнооформленное слово *(вокруг, спустя, благодаря)*; сложные, являющиеся сочетанием падежной формы с предшествующим первообразным предлогом *(по линии, по поводу, в пользу, со стороны, за исключением)*; составные (сложносоставные), состоящие из падежной формы с предшествующим и последующим простыми предлогами *(в зависимости от, по направлению к, в связи с, по пути к)*, а также из наречной или деепричастной формы с по-

следующим первообразным предлогом *(вплоть до, вдоль по, несмотря на, одновременно с, судя по)*.

Первообразные предлоги *(на, по, за, о, при, в, от* и др.*)* — это наиболее древние предлоги, образовавшиеся, как таковые, еще в общеславянскую эпоху или ранее. Они большей частью состоят из одного, двух или трех звуков. Многие первообразные предлоги представлены в современном русском языке в вариантах, ср.: *перед домом* и *передо мной, предо мной; о потолок, об стенку, обо что-то; из последних сил, изо всех сил.* Такая вариантность объясняется больше всего выпадением или прояснением редуцированного гласного в составе предлогов, а также ассимиляцией старославянских неполногласных предлогов, параллельных русским полногласным. Среди первообразных предлогов есть несколько двойных (сращенных) предлогов, возникших вследствие слияния двух: *из-за, из-под (из-за спины, коробочка из-под лекарства);* менее употребительны двойные предлоги *по-над (По-над Доном сад цветет* (Кольцов) и *по-за (Чичиков скорее за шапку да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо* (Гоголь).

Производные предлоги образовались в более позднюю эпоху и продолжают образовываться поныне и мотивированы существующими в настоящее время полнозначными словами (наречиями, существительными, деепричастиями).

Наречные предлоги происходят от наречий: *обежал кругом дома, сидел напротив меня, встал поперек дороги, температура свыше двадцати градусов, плыли навстречу ветру.* Часто такие предлоги омонимичны соответствующим наречиям, ср.: *Особенно успешно коллектив трудился накануне праздника* и *Всех предупредили накануне. Действуйте сообразно обстоятельствам* и *Действуйте сообразно.* В этих параллелях словесные формы *накануне* и *сообразно* то выполняют функцию предлога, связывая и соотнося знаменательные слова, то выполняют функцию наречия, обозначая признак действия. Чтобы практически распознать, является словесная форма в предложении предлогом или наречием, нужно выяснить, сохраняет ли она понятийное значение или нет. В первом случае слово употребляется как наречие, и, следовательно, оно член предложения и его можно заменить синонимом-наречием, ср.: *предупредили накануне — предупредили вчера, недавно.* Во втором случае (если словесная

форма не выражает понятия) она выступает как предлог, к которому должно быть управляемое слово — существительное или местоимение в косвенном (обычно в родительном) падеже, стоящее рядом, и возможна замена на синоним — заведомый предлог, ср.: *трудились накануне праздника — трудились перед праздником.* Наречные предлоги функционируют в предложении либо с родительным *(возле, вокруг, мимо, относительно, поперек чего-либо)*, либо (реже) с дательным падежом *(вслед ему, навстречу весне, подобно брату, согласно расписанию)*.

Отыменные предлоги представляют собой какие-то бывшие формы существительных, утратившие прежнюю семантику. Существительные переходят в предлоги или непосредственно, или сначала становятся наречиями, затем — предлогами. Наиболее употребительны отыменнные предлоги *путем, в течение, посредством, по мере, по причине, в лице, с помощью, вроде, наподобие*, напр.: *Вопрос был улажен в течение нескольких минут. Туча увеличивалась по мере приближения. Соревнования перенесены на другой день по причине плохой погоды. Выводы исследователей были проверены посредством эксперимента. В лице начальника мы имели старшего друга.*

Отыменные предлоги и мотивирующие формы существительных выступают в качестве омонимов, ср.: *Добились согласия путем внушений и уговоров* и *Пошли через лес кратчайшим путем.* Для установления принадлежности формы к той или иной части речи необходимо решить вопрос о степени ее знаменательности, ее сочетаемости и для проверки подобрать синонимы-заменители. Например, в предложении *Никогда не изгладятся из памяти подвиги, совершенные во время войны* слово *во время* — предлог, так как форма не имеет понятийного содержания, управляет существительным в родительном падеже и допустима замена на первообразный предлог *(совершенные в войну)*; в предложении *Много новых городов появилось в советское время* слово *время* — существительное: возможна замена на синонимическое существительное *(в советскую эпоху)*. Отыменные предлоги в большинстве своем употребляются с родительным падежом *(в целях усиления, на предмет проверки, в знак уважения, во имя мира, в интересах безопасности)*, редко — с дательным *(не в пример ему, в противовес их действиям)*.

Составной предлог требует после себя всегда одного и того же падежа — того же самого (или одного из тех),

которым управляет заканчивающий его первообразный предлог: *в ответ на ваше письмо* — с винительным падежом, так как его требует предлог *на; в связи с отъездом* — с творительным падежом, так как это один из падежей, ставящихся после предлога *с*.

Небольшую группу образуют отглагольные предлоги, образовавшиеся из глагольных форм — деепричастий *(благодаря, спустя, начиная с, кончая, исключая, включая, несмотря на, невзирая на)*, напр.: *Благодаря вам мы успели на поезд. Он вернулся только спустя час. Обследование охватывало людей всех возрастов, начиная со стариков и кончая маленькими детьми. Цех выполнил месячный план несмотря на сложившиеся неблагоприятные условия.* Перечисленные отглагольные предлоги синонимичны первообразным, ср.: *спустя час — через час, начиная со стариков и кончая детьми — от стариков до детей.* Отглагольные предлоги функционируют с разными падежными формами: *благодаря* — с дательным *(благодаря вам)*, *спустя* — с винительным *(спустя минуту)*, *несмотря на* — с винительным *(несмотря на лишения)*, *исключая, включая* — с винительным *(Пришли все, включая (исключая) меня)*, *кончая* — с творительным *(кончая сентябрем)*.

§ 3. Грамматические отношения, выражаемые при помощи предлогов. Сфера грамматических отношений между словами предложного сочетания, выражаемых при помощи предлогов, очень широка. Выделяются следующие основные виды таких отношений:

1. Пространственные отношения выражаются предлогом *в* с винительным или предложным *(вошел в гостиную)*, *у* с родительным падежом *(стояли у колодца)* и др.

2. Временные отношения выражаются предлогом *к* с дательным *(пришли к вечеру)*, *между* с творительным *(Это случилось между десятью и одиннадцатью часами)*, *через* с винительным падежом *(Поезд отправляется через час)* и др.

3. Причинные отношения выражаются предлогами *из-за (Не пошли на прогулку из-за плохой погоды)*, *от (красный от волнения)*, *из (сделали из любезности)*, *благодаря (встретились благодаря случаю)* с родительным падежом и др.

4. Целевые отношения выражаются предлогом *к* с дательным *(торт к чаю, цветы к дню рождения), для, ради* с родительным *(Для облегчения трудоемких работ поставлен конвейер; Не ради славы, ради жизни на земле* (Твардовский), *на* с винительным падежом *(маневр на окружение противника, разведка на нефть)*.

5. Определительные отношения выражаются предлогом *в* с винительным *(платье в горошек), с* с творительным падежом *(мотоцикл с коляской)* и др.

6. Количественно-определительные отношения выражаются предлогами *в (трава в рост человека)* и *с (стог сена с дерево)* с винительным падежом.

7. Отношения сравнения выражаются предлогами *подобно, наподобие, против (рычит подобно льву, постоянная выставка наподобие музея, достигнуты лучшие показатели против прошлого года)*.

8. Уступительные отношения выражаются предлогами *вопреки, несмотря на (Проект был принят вопреки возражениям. Несмотря на громадность машины, она почти не издавала стука* (Куприн).

9. Изъяснительные отношения (указание на предмет мысли, чувства) выражаются предлогом *о* с предложным *(рассказали о научных достижениях), над* с творительным *(задумались над проблемой), про* с винительным падежом *(Про что тебе рассказать?)*.

10. Отношения совместности выражаются предлогом *с* или *вместе с* с творительным падежом (*Хорошо нам с тобой живется, Варя.* (Чехов).

11. Отношения причастности выражаются предлогом *при* с предложным падежом *(Это случилось при мне)*.

12. Отношения соответственности выражаются предлогом *по* с дательным падежом и предлогами *согласно, в соответствии с (сделали по договору, предупредили согласно правилам, осуществили в соответствии с законом)*.

13. Отношения удаления, лишения выражаются предлогами *без (без преподавателя), вне (объявлен вне закона)*.

14. Отношения перехода из одного состояния в другое выражаются предлогом *в* с винительным падежом *(Вода превратилась в лед; смяли в лепешку)*.

15. Дистрибутивные (распределительные) отношения выражаются предлогом *по* с датель-

ным *(Все получили по яблоку)*, *на* с винительным падежом *(разделили на двоих)*.

16. Отношения происхождения выражаются предлогами *из (родом из крестьян)*, *от (писатель от станка)* с родительным падежом.

17. Инструментальные отношения выражаются предлогом *в* с винительным *(смотреть в бинокль)*, *на* с предложным падежом *(играть на аккордеоне)*.

18. Предикативные отношения выражаются предлогом *за* с родительным *(остался за хозяина)*, *в* с предложным или винительным падежом *(служил в сторожах, нанялся в дворники)*.

§ 4. Стилистическая характеристика предлогов. Современные русские предлоги неоднородны в стилистическом отношении. Прежде всего, наблюдается функционально-стилевое расхождение между первообразными и производными предлогами.

Первообразные предлоги в основном нейтральны: как с точки зрения сфер употребления, так и в отношении эмоциональной окраски они употребляются в любых стилях речи, не внося никакого эмоционального содержания. Лишь некоторые из них имеют эмоционально-стилевую окраску (в целом или в каком-то своем значении).

Несколько предлогов имеют возвышенно-поэтическую окраску и встречаются главным образом в стихах: *средь*, *чрез*, *меж*, *о* (во временно́м значении), *пред*, *предо*, ср.: *Уснув меж розами, на тернах я проснулся* (Пушкин). *Я не унижусь пред тобою* (Лермонтов). *Там о заре прихлынут волны на брег песчаный и пустой* (Пушкин).

Некоторые первообразные предлоги имеют оттенок разговорности: *про* в изъяснительном значении *(фильм про войну)*, *за* в предикативном значении *(слыл за чудака, год ему показался за два)*, *по* в целевом значении *(пошли по грибы, по орехи, по воду)*, *с* в причинном значении *(с испугу, со сна, со стыда)*. Другие предлоги наряду с разговорностью характеризуются оттенком шутливости или насмешки: *о* в количественно-определительном значении *(стул о трех ногах, избушка об одном окне)*, *во*, *про* в целевом значении *(Ушли во избежание неприятностей. Эти удовольствия не про нас. Эта девушка не про тебя)*, *пред* с винительным падежом *(предстать пред его светлые очи)*. Разговорный предлог *ради* может произноситься с интонацией мольбы, сочувствия или насмешки и,

следовательно, в конкретных случаях имеет один из этих оттенков *(ради бога; Ради тебя я постараюсь. Ради чего мне вставать так рано?)*.

Реже первообразные предлоги в отдельных значениях принадлежат к письменным стилям. Так, предлог *в (во)* в значении образа действия имеет официально-деловой оттенок *(Во исполнение приказа министра проведена серия мероприятий)*; предлог *от* в генитивном значении, встречаясь в публицистической речи, имеет оттенок насмешки *(делец от науки, мошенник от искусства)*.

Для русской непринужденной разговорной речи характерно тавтологическое употребление многих первообразных предлогов — постановка его как перед существительным, так и перед определением к нему, особенно если определение идет за существительным. Это может быть связано с некоторым оттенком насмешки или раздражения, ср.: *Вот Павел и погибает от скуки от этой.* В поэзии это имеет народно-поэтический оттенок, ср.: *От Москвы до самых до окраин...* (Лебедев-Кумач). В разговорной речи иногда употребляются сразу, спаренно предлоги *для* и *ради* (обычно в шутку): *Для ради чего мне это нужно?*

Производные предлоги в целом принадлежат письменной речи (официально-деловой, научной, публицистической), отчасти проникая из нее в устную, ср.: *меры по отношению к виновным, принято решение относительно строительства шоссе, приехали с целью инспектирования.*

Все предлоги, как правило, употребляются не только в определенных стилевых сферах, но и в определенных лексических контекстах. Перенесение предлога в новую для него стилевую сферу или новый контекст может придать речи известную экспрессивность, т. е. вызвать какой-то положительный стилистический эффект, ср.: *воспитание посредством трудового обучения* и *обошлась посредством платка* (Гоголь), *дежурный по этажу* и *Я дежурный по апрелю* (Окуджава).

СОЮЗ

§ 1. Союз как часть речи. Союзы — это служебные слова, выполняющие синтаксические функции: 1) соединения слов (обычно знаменательных), соединения предикативных частей в составе сложного предложения, соединения отдельных предложений; 2) установления между свя-

зуемыми частями разных видов отношений. Так, в предложении *Солнце давно спряталось за горами и лесами* (Короленко) союз *и* связывает два слова (дополнения) в плане чистого соединения и рядоположения (сопоставления); в предложении *Осип Иваныч спал мертвым сном, но я долго не мог заснуть* (Мамин-Сибиряк) союз *но* связывает два простых предложения в плане грамматического противопоставления.

В отличие от предлогов употребление союзов не зависит от предшествующего им соединяемого слова или соединяемой части, от их грамматической природы и лексического значения и они никак не влияют на форму последующего соединяемого слова или какой-то части.

§ 2. Классификация союзов. По происхождению союзы делятся на первообразные и производные. Первые образовались в далекие времена и в настоящее время не мотивированы никакими словами и формами: *и, а, но, да, или, то... то.* С развитием синтаксического строя появляется много новых союзов. В них преобразуются наречия, предложно-именные и другие сочетания: *как, потому что, ввиду того что, благодаря тому что* и т. п.

По морфологическому составу союзы делят на простые (*и, или, что, чтобы* — каждый является цельнооформленным словом) и на составные, представляющие собой комбинацию двух или нескольких различных словесных элементов, передаваемых на письме раздельнооформленно (*потому что, не столько... сколько* и т. п.). Составные союзы, в свою очередь, подразделяются на нерасчлененные (*потому что, с тех пор как, благодаря тому что*) и на расчлененные (*не только... но и, чем... тем, если... то, не то чтобы... а*). Нерасчлененные союзы в речи, в предложении не разбиваются, их элементы не разъединяются членами предложения, идут сплошной группой: *Быстро выздоровел благодаря тому, что был крепок. Прошло много лет, с тех пор как мы не виделись.* Расчлененные союзы (их элементы) разделяются в речи соединяемыми частями: *Я не то чтобы болен, а плохо себя чувствую. На собрании выступали не только преподаватели, но и аспиранты и студенты.*

Многие союзы способны повторяться при соединении однородных связуемых частей, ср.: *Нужно остаться тебе или мне* и *Нужно остаться или тебе, или мне. Я сказал, что тороплюсь и зайду в следующий раз* и *Я сказал, что то-*

роплюсь и что зайду в следующий раз. Есть союзы, которые могут в речи употребляться только как повторяющиеся и не могут стоять однократно *(то... то, то ли... то ли)*, напр.: *То густо, то пусто, то нет ничего* (Поговорка). *То ли дождик, то ли снег, то ли будет, то ли нет* (Поговорка).

По общему характеру устанавливаемых ими синтаксических отношений союзы делятся на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы соединяют слова или предложения, грамматически не зависимые одно от другого (сочинительный союз, стоящий между ними, как раз и удостоверяет это синтаксическое равенство). В пределах простого предложения сочинительные союзы соединяют однородные члены. Так, в предложении *Мал золотник, да дорог* (Пословица) союз *да* связывает однородные именные сказуемые. Этим союзы отличаются от предлогов, которые связывают неоднородные члены простого предложения. В пределах сложного предложения сочинительные союзы связывают грамматически однородные и логически достаточно автономные простые предложения. Так, в предложении *Набежала туча, и упали первые капли дождя* союзом *и* подчеркивается, что ни одно из простых предложений не «обслуживает» другое как исходный смысловой центр.

Подчинительные союзы связывают только предложения, но не члены предложения. Они удостоверяют грамматическое неравноправие объединяемых в одно целое частей, логическую (информационную) неавтономность одной из предикативных частей; конкретизируют, в какого рода смысловой зависимости находится одно простое предложение (его информация) от другого. Например, в предложении *Позовите меня, если кто-нибудь придет* постановка подчинительного союза *если* подчеркивает зависимый характер вводимого им придаточного и дает понять, какие именно подчинительные отношения устанавливаются между двумя предложениями (условные).

Есть известные исключения из этих общих правил. Союз *хоть (хотя)* может употребляться и как подчинительный (ср.: *Хоть подеритесь, не поверю* (Грибоедов), и как сочинительный (ср.: *День прохладный, хоть и солнечный*). Все сравнительные союзы (*как, словно, будто, чем* и др.) употребляются только как подчинительные, связывая предложения *(Убежал так быстро, словно его*

сдули) и слова в простом предложении (*сделано словно по заказу; Лес стоял как стена* (ср.: *стоял подобно стене*). *Я старше, чем он* (ср.: *старше его*). Слова *стоял* и *стена, старше* и *он,* соединяемые союзами,— неоднородные члены, и, следовательно, сравнительные союзы напоминают предлоги, когда употребляются в простом предложении. Союз *как* в значении «в качестве» тоже употребляется в простом предложении для связи неоднородных членов: *Что вы нам посоветуете как специалист?*

§ 3. Грамматические значения, выражаемые при помощи союзов. Сочинительные союзы всегда означают, что между соединяемыми частями имеется логическое равноправие. Конкретно сочинительные союзы устанавливают:

1) соединительные отношения, т. е. союз обозначает, что связываются объединяемые в какое-то целое два или несколько компонентов, напр.: *Мороз и солнце, день чудесный!* (Пушкин). *Сонливый да ленивый одно дважды делают* (Поговорка); могут связываться компоненты и в плане отрицания, напр.: *У предпоследней избы не было ни ворот, ни крытого сплошь двора, ни хозяйственных пристроек* (Мамин-Сибиряк);

2) разделительные отношения, т. е. союз обозначает, что связываемые члены — это чередующиеся или взаимоисключающие явления, напр.: *Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика, то разгулье удалое, то сердечная тоска* (Пушкин). *Паду ли я, стрелой пронзенный, иль мимо пролетит она, Все благо...* (Пушкин);

3) противительные отношения, т. е. союз обозначает, что связываемые части противопоставляются, напр.: *Не место красит человека, а человек место* (Пословица);

4) градационные отношения, когда союз выделяет последний компонент в сравнении с предыдущим (или предыдущими) однородным, напр.: *Вы не только можете, но и должны хорошо учиться. Ей сорок, если не сорок пять. Не то чтобы очень поздно, а темно. Не столько умен, сколько хитер.*

Подчинительные союзы все в целом всегда означают, что вводимая ими часть (простое предложение) не является грамматически и логически не зависимой, а призвана лишь уточнить, пояснить другую часть. Конкретно подчинительные союзы устанавливают:

1) временные отношения, т. е. союз обозначает, что придаточное предложение уточняет время действия друго-

го предложения, напр.: *Когда она думала о Вронском, ей представлялось, что он не любит ее* (Л. Толстой);

2) условные отношения, т. е. союз обозначает, что придаточное раскрывает условие, при котором осуществляется действие другого предложения, напр.: *Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись* (Пушкин). *Кабы на цветы не морозы, и зимой бы они цвели*;

3) целевые отношения, т. е. союз обозначает, что придаточное раскрывает цель действия, названного в другом предложении, напр.: *Уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь* (Грибоедов);

4) причинные отношения, т. е. союз обозначает, что придаточное раскрывает причину осуществления действия в другом предложении, напр.: *И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может* (Пушкин);

5) уступительные отношения, т. е. союз обозначает, что в придаточном указывается, в противовес чему осуществляется действие в главном предложении (напр.: *Успели на работу, несмотря на то что поезд опоздал*), или что последствия осуществления действия главного предложения нежелательны (напр.: *Согласились, хотя после пришлось пожалеть*);

6) следственные отношения, когда союз указывает, что обозначаемое в придаточном есть результат обозначаемого в другом, главном предложении, напр.: *У директора совещание, так что подождите*;

7) изъяснительные отношения, т. е. союз выражает, что содержание придаточного является восполнительным к содержанию главного и не конкретизирует характер зависимости, напр.: *Он понял, что она ехала в Ергушово со станции железной дороги* (Л. Толстой);

8) сравнительные отношения, когда союз обозначает, что придаточное разъясняет член другого предложения через сравнение, напр.: *Анна воображала его лучше, чем он был в действительности* (Л. Толстой).

Имеются также и другие значения союзов (пояснительные и т. д.).

Некоторые союзные образования могут совмещать значения сочинительных и подчинительных союзов, создавая усложненную взаимосвязь связуемых частей, ср.: *Хоть видит око, да зуб неймет* (Пословица), где союзное образование *хоть... да* выражает противительно-уступительное отношение.

Как и слова любой части речи, союзы могут быть полисемантическими, т. е. один и тот же по форме союз может устанавливать различные отношения между связываемыми частями. Так, союз *да* создает то соединительные отношения *(судили да рядили)*, то противительные *(Мал золотник, да дорог)*; союз *когда* обычно создает временные отношения *(Приду, когда освобожусь)*, но иногда создает и условные (*Когда в товарищах согласья нет, на лад их дело не пойдет* (Крылов).

На основное значение союза может накладываться еще и присоединительное значение, т. е. союз, помимо прочего, может указывать одновременно на добавочный характер вводимой части в сравнении с предшествующей частью, напр.: *Да, у него есть брат. И сестра* (здесь не только соединительные отношения, но и присоединительные; последнее больше всего выражается интонацией, но, видимо, отчасти установлению таких отношений способствует и союз, когда он имеется) [1].

§ 4. Стилистическая характеристика союзов. Современные русские союзы распадаются на три функционально-стилистические группы: нейтральные (межстилевые), союзы устной речи и союзы письменной речи. Эмоциональная окраска у союзов отсутствует.

Ряд союзов (если брать самое типичное их употребление) стилистически нейтральны: *и, но, или, когда, пока, если, как* и др. Лишь повтор их в высказывании создает стилистический эффект, напр.: *И божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь* (Пушкин).

Многие союзы свойственны только устной речи, в частности литературной разговорной. К ним относятся *да, покуда, даром что, благо* «тем более что», *кабы, ежели, коли, раз, разве что, покамест, коль скоро,* напр.: *Молчи, покуда тебя не спрашивают. Мальчик много ест, даром что маленький. Проходи, раз пришел. Окна были раскрыты, благо погода стояла великолепная* (Тургенев). *Не выйдет у вас ничего, разве что я помогу.* Также разговорными являются союз *когда* в условном значении (*Когда бы вверх могла поднять ты рыло, тебе бы видно было, что желуди на мне растут* (Крылов), союз *как*, устанавли-

---

[1] Такое синтаксическое явление называется парцелляцией. Парцелляция может быть без союза *(Купила новое пальто. Зимнее)* или с частицей, омонимичной союзу *(Покритикуйте его. И хорошенько)*.

вающий временные отношения *(Как начнутся дожди, дороги будут грязные)*, и некоторые градационные союзы: *не то чтобы... а, если не... то.*

Многие составные союзы (производные) принадлежат письменной речи, причем одинаково всем ее основным стилям, особенно такие, как *ввиду того что, в силу того что, так как, как... так и, вследствие того что, невзирая на то что.* Союз *ибо* также встречается в основном в письменной речи (в устной он уместен лишь в сентенциях философского характера), напр.: *Нельзя жить только сегодняшним, ибо оно чаще всего незаконченное вчерашнее* (Чехов).

Некоторые, в прошлом книжные, союзы перешли в разговорные: *доколе, ежели.* Союзы *сиречь, дабы* являются архаизмами: *Червь, сиречь животина, скот* (Фонвизин). [Иудушка] *встал перед образом, дабы еще раз подкрепить себя божественным собеседованием* (Салтыков-Щедрин).

ЧАСТИЦЫ

§ 1. Частица как часть речи. Частицы — это служебные слова, имеющие очень общее лексическое значение, выражающие в предложении логико-смысловые, эмоциональные и модально-волевые оттенки, связанные с основным смыслом отдельного слова, словосочетания или предложения в целом. Так, в предложениях *Нешто она* [собака] *достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила!* (Чехов) три частицы — *нешто*, помогающая сконструировать вопрос, *ведь*, подчеркивающая смысл последней части, и *вон* с оттенком указательности.

Частицы нередко способствуют выражению темы и ремы высказывания, т. е. делению высказывания на известную из ситуации, контекста часть высказывания и информационно новую часть, актуальную в данных условиях речи (см. с. 570—574). Например, частица *-таки*, присоединяемая обычно к глаголу, указывает на ситуационную важность его смысла, даже если он помещен и не в конце предложения: *Понял-таки свою ошибку. Экзамены он сдал-таки за эту сессию.* Наоборот, частица *-то*, присоединенная к существительному, прилагательному и другим частям речи, обозначает, что смысл слова ситуа-

ционно неактуален, т. е. она обычно является указателем темы, ср.: *Приехал ее брат!* (если по ситуации интересно знать, кто приехал) и *Приéхал ее брат-то!* (если по ситуации известно, что брат должен приехать, но задерживается, что-то ему препятствует и т. п.). *Старые-то рабочие лучше знают это производство* и *Лучше-то знают это производство старые рабочие.* Частица *ли* обычно стоит за рематической частью, тем самым формально обозначая ее: *Интересно, поступил ли он в институт. Интересно, в институт ли он поступил. Интересно, в наш ли институт он поступил.* Частица *не*, помимо функции отрицания, является указателем рематического характера слова, к которому оно относится: *Я вам не звонил. Не я вам звонил. Я звонил не вам.*

К частицам также причисляют некоторые словесные единицы, служащие для образования отдельных глагольных форм: *пусть, пускай, давай, давайте (пусть идут, давайте работать).*

§ 2. Классификация частиц по значению и функции. С семантико-функциональной точки зрения частицы распределяются по следующим разрядам:

1. Определительные (количественные) частицы, служащие для уточнения смысла того слова в предложении, к которому они относятся (насколько в данном контексте и ситуации это слово следует понимать в его определенном значении): *почти, чуть, чуть не, еле, совсем, как раз, едва, точь-в-точь, именно, подлинно,* ср.: *Найдя Колю, он чуть не зарыдал от восторга* (Чехов). *К иному приглядишься человеку — точь-в-точь, как тот петух, кричит он: «Кукареку!»* (Михалков). *Конь устал мой совсем* (Кольцов). *Это общество было почти незнакомо Наташе* (Л. Толстой). Определительные частицы обычно ставятся впереди соответствующего слова.

2. Выделительно-ограничительные частицы, отмечающие, что какой-либо предмет, действие и т. д. выделяется в данной ситуации как частное явление из остального предполагаемого круга явлений или как часть из целого: *только, лишь, лишь только, всего,* ср.: *Лишь Терек в теснине Дарьяла, гремя, нарушал тишину* (Лермонтов). *Я могу приехать только завтра. Дайте только срок. Осталось всего три рубля.* Эти частицы обычно ставятся в контактной препозиции к слову.

3. Модально-оценочные частицы, выражающие отношение говорящего к достоверности сообщаемого или указывающие, что передается чужая речь: *пожалуй, едва ли, вряд ли, авось, небось, никак, право, будто, словно, де, дескать, чай, мол.* Место этих частиц незакрепленное, часть из них приближается к модальным словам, ср.: *Ведь вы, чай, больше для собственного удовольствия едете?* (Гоголь). *Понятна мне времен превратность, не прекословлю, право, ей* (Пушкин). *Вы де с барином мошенники и барин твой плут* (Гоголь). *«Петр,— прибавил он и протянул руку,— это, никак, наши мужики едут»* (Тургенев). *Пожалуй, будет дождь.*

4. Указательные частицы, служащие для указания на предмет или явление внешнего мира или для мнимо указательного подчеркивания знаменательных слов: *вот, вон,* ср.: *Вот моя деревня, вот мой дом родной* (Суриков). Указательные частицы располагаются в начале предикативной части. В положении перед именным сказуемым они выполняют функцию связки: *Человек — вот правда* (Горький).

5. Отрицательные частицы, ставящиеся перед каким-либо членом предложения и обозначающие, что выражаемое им понятие не является признаком характеризуемого явления: *не, ни*[1], ср.: *Я не могу слышать равнодушно, как нападают на женщин* (Тургенев). *Аркадий не вытерпел наконец* (Тургенев). *Вокруг ни одного человека. Мы договорились не сразу.*

6. Вопросительные частицы, способствующие оформлению вопроса или сами представляющие собой вопрос-побуждение: *неужели, разве, ли, нешто,* ср.: *Да разве с ним сговоришься!* (А. Островский). *Уж не пожар ли где-нибудь?* (Чехов). *Нешто я злодей какой?* (Чехов). Частицы *неужели, разве, нешто* обычно находятся в самом начале предложения, *ли* — после слова-понятия, относительно которого что-либо выясняется.

7. Перфектные частицы, подчеркивающие важность признака, обозначенного сказуемым (реже — другим членом), для какого-то момента: *уже, еще, только что, теперь,* ср.: *Впереди уже виден был неприятель* (Л. Толстой). *Я царь еще* (Пушкин). *Тонкий же только что вы-*

---

[1] Частица *ни* обычно употребляется в предложении, где есть частица *не,* и усиливает ее отрицание: *ни капли не боюсь, ни на минуту не останавливаются.* Если *ни* повторяется в предложении, то это не частица, а соединительный союз: *Ни сам не едет, ни письма не пишет.*

шел из вагона... (Чехов). *Теперь я горький сиротина!* (Ф. Глинка). Эти частицы ставятся препозитивно, реже — постпозитивно к сказуемому.

8. Эмоционально-усилительные частицы, вместе с интонацией и другими средствами выражающие то или иное чувство говорящего и одновременно нередко указывающие на то явление (обозначенное знаменательным словом), которое вызывает данную эмоцию: *ведь, -то, -таки, то-то, же, ишь, вишь, себе, -ка, даже: Что ты спишь, мужичок? Ведь весна на дворе* (Кольцов). *Давненько-таки я у вас здесь, голубчики, не бывала* (Салтыков-Щедрин). *Думает: то-то я огурцов не досчитываюсь* (Салтыков-Щедрин). *И стоит себе лес улыбается* (Никитин). *Румяный критик мой, насмешник толстопузый; Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной* (Пушкин). *Я даже не видел!*

9. Формообразующие частицы, посредством которых образуются повелительное и сослагательное наклонение и другие формы глагола: *пусть, пускай, да, давай, давайте, бы, бывало, было*, ср.: *Пусть сильнее грянет буря!* (Горький). *Петь мы песни давай* (Кольцов). *Подвиньтесь-ка лучше к нам, и давайте поспоримте о чем-нибудь* (Тургенев). *Помнишь, как я, бывало, шутя рисовал свою будущность?* (Бунин). *Пришли было половые и сам хозяин трактира и стали упрашивать господ* (Писемский).

§ 3. Стилистическая характеристика частиц. В стилистическом отношении многие частицы нейтральны: *ли, только, даже, не, ни, разве, же, бы, пусть, еле, уже, еще, почти, совсем, однако, едва, вот* и др. Еще большее число частиц принадлежит к разговорному стилю: *неужели, чуть, точь-в-точь, никак, -таки, -ка, право, дескать, де, мол, чай, ведь, вряд ли, небось, авось, то-то, ишь, вишь, аж, пускай.*

Некоторые частицы, встречающиеся в художественных произведениях, выходят за пределы литературности, являясь просторечными: *нешто, во, вишь, пущай*, напр.: *Пущай мне заплатят* (Чехов).

Оттенок книжности и вместе с тем торжественности имеет повелительная частица *да*: *Да здравствует солнце! Да скроется тьма!* (Пушкин). Устаревшая вопросительная частица *ужели* употребляется в поэтических текстах: *Ужель ты спишь теперь, Мальвина?* (Пушкин).

Определительная частица *отнюдь не* имеет оттенок книжности: *отнюдь не глуп, отнюдь не согласен.*

В народно-поэтической речи встречается своеобразная ласкательная частица *свет*, употребляемая при именах людей: *Впереди идет да Степан сударь, Степан сударь, свет Иванович, А за ним идет да Марья свет* (Народная песня). *Настасья свет Ивановна* и т. п. В обычной разговорной речи она сейчас может употребляться с оттенком юмористичности.

В русской дореволюционной литературе часто встречается когда-то употребительная частица *-с* (она называется *слово-ер-с (словоерс)*, которая присоединялась к знаменательным словам для придания речи оттенка вежливости, подобострастия, а также иронического оттенка: *«Хорошо-с,— отвечаю,— маменька, хорошо, хорошо! Во всем за меня будьте покойны»* (Лесков). После революции эта частица вышла из употребления, сохранившись лишь в выражениях *ну-с, так-с!*

МЕЖДОМЕТИЯ

§ 1. Междометие как часть речи. Междометия — это неизменяемые слова, функционирующие в речи обычно как цельные, законченные высказывания и служащие для выражения чувств, ощущений, волевых импульсов и других реакций на окружающую действительность, напр.: *ай!, ой!, ах!, и-и!, фи!, гм!, ау!, цыц!, ого!, ура!* и т. п.

В системе частей речи эти слова стоят особо: они не входят ни в группу знаменательных, ни в группу служебных слов. К знаменательным словам междометия не относятся прежде всего потому, что они в своем типичном функционировании не являются какими-либо отдельными членами предложения (точнее сказать, их роль в речи затруднительно или нецелесообразно истолковывать, употребляя привычные термины-понятия «подлежащее», «сказуемое» и т. д.). К знаменательным словам междометия не относят и по причине морфологической аморфности, и из-за свойственной им неинтеллектуальной или ущербной интеллектуальной семантики. В то же время к служебным словам междометия причислять нельзя, ввиду того что они не выполняют никаких служебных грамматических или лексических функций, т. е. не связывают другие

слова или предложения, не дополняют содержания высказываний какими-либо смысловыми оттенками, но сами полностью определяют всю семантику высказывания.

Общим для всех междометий и наиболее отличающим их от других слов признаком является их характерная синтаксическая функция. Как правило, междометие составляет отдельное высказывание без участия других слов, информационно и формально (в сегментно-интонационном отношении) законченное. Такое высказывание называется нечленимым, междометным, ср.: *ах!, ой-ой-ой!*

Междометное высказывание может сопровождаться обращением, другим высказыванием и даже вклиниваться в него, но тем не менее остается таковым, ср.: *Ах, няня, няня! Я тоскую* (Пушкин). *Ах, боже мой! Что станет говорить княгиня Марья Алексевна!* (Грибоедов). *Но, увы, нет дорог к невозвратному! Никогда не взойдет солнце с запада!* (Кольцов).

Междометие-фразеологизм также образует нечленимое высказывание, ср.: *вот так раз!, вот тебе (и) на!, вот оно что!, ну и ну!, фу-ты ну-ты!, на-поди!, слава богу!*

Распространение междометия каким-либо логико-грамматическим членом малотипично и, вероятно, происходит под влиянием основных структурных схем (моделей) интеллектуальных высказываний (тем самым такие построения нужно рассматривать как гибридные явления). Так, мы встречаем случаи: *Увы мне!* (ср.: *Горе мне!*). *Брысь отсюда!* (ср.: *Пошла отсюда!*). *Слава богу, что успели* (ср.: *Хорошо, что успели*). *Спасибо вам* (ср.: *Благодарю вас*). *Ура героям!* (ср.: *Молодцы герои!*). Но в большинстве случаев междометные высказывания распространить нельзя, например такие, как *ах!, ох!, бис!, фи!, эхма!, тсс!*

Встречаются, однако, редкие случаи применения междометных форм в конструкциях, в своей основе явно не междометных. Ср.: *Посмотрю я на вас, братцы, житье ваше — о-ой!* (Горький), где *о-ой* — именное сказуемое. Это следует расценивать как переход междометных форм в круг слов других частей речи, но переход, естественно, речевой, окказиональный, а не узуальный.

Кроме выполнения указанной основной функции, междометия бывают компонентом высказывания, в котором совмещается указание объекта эмоции и выражение самой эмоции, ср.: *Ай да дочка! Ай да помощники! Ох уж*

эти критики! Ох уж эта мода! Такие предложения не являются по своей структуре междометными.

Другим важным признаком междометий является их полная морфологическая аморфность, т. е. отсутствие у них грамматических форм. Правда, некоторые отглагольные междометия сохраняют корреляцию по единичности/множественности, ср.: *здравствуй — здравствуйте, прощай — прощайте.* По аналогии с глагольными формами междометия *на, айда, полно* имеют форму множественного числа: *нате, айдате* (прост.), *полноте*, но эти факты являются отклонениями.

Междометия в целом характеризуются одинаковой стилистической маркировкой — они почти целиком принадлежат разговорной речи и поэзии. Некоторые из них имеют оттенок просторечности *(эхма!, нишкни!, эге-ге!)* или небольшой налет книжной возвышенности *(браво!, увы!)*.

В ряде междометий наблюдаются фонетические аномалии в сравнении с остальным словарем — необычные звуки и звукосочетания. Так, в междометии *тпру!* есть губно-губной дрожащий звук ([п] дрожащий); в междометии *гм!* — гортанный носовой, не встречающийся больше нигде; в междометии *ого-го!* — безударные звуки [о] и гортанные; в междометии *кыш!* — крайне нетипичное для современного русского языка сочетание звуков [к] и [ы]; в междометиях *ш-ш!, тсс!* (призывы к тишине), *гм!*, несмотря на функционирование их как фраз, нет гласных звуков и, следовательно, имеется слоговая аномалия. Различные формы смеха, также относящиеся к междометиям, еще более своеобразны с фонетической стороны.

§ 2. Разряды междометий. Семантически междометия неоднородны и распределяются на два разряда (типа) — эмоциональные и побудительные междометия. Некоторые единицы, совмещающие эмоциональное и побудительное значение, образуют гибридный тип, более тяготеющий, однако, к побудительному.

Эмоциональные междометия не имеют никакой денотации и являются выразителями только эмоционального и стилевого значения. Они выражают различные чувства, т. е. способны информировать о том, что говорящий испытывает в момент речи то или иное чувство. Это и обусловливает их употребление говорящим при необходимости, ср.: *Эх, Петербург! Что за жизнь, право!*

(Гоголь) — выражение восторга; *О, лейтесь, лейтесь же ручьями, горючи слезы из очей* (Кольцов) — выражение чувства горя; *Увы, наш круг час от часу редеет* (Пушкин) — выражение сожаления; *Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают* (Гоголь) — выражение недоверия; *Эхма, сват, состарился я, а все еще глуп* (А. Островский) — выражение досады.

За многими эмоциональными междометиями закреплено строго определенное эмоциональное значение, т. е. они моносемантичны (одно значение при одной сегментной и суперсегментной форме). Некоторые междометия дисемантичны. Так, междометие *ай-ай-ай!* выражает укоризну; *увы!, эхма!* — сожаление (досаду); *бр-р!* — чувство (ощущение) холода или физической неприязни; *фи!* — презрение; *гм!* — недоверие или недоумение; *фу-ты!* — раздражение; *фу-ты ну-ты!* — добродушное удивление.

Ряд эмоциональных междометий (*а-а!, о-о!, ой!* и др.) представляются полисемантичными, если исходить из их сегментной фонетической части, которая неизменна при разном семантическом наполнении. Но поскольку их конкретное лексическое значение больше связывается с накладываемой на звук-шум интонацией (т. е. имеется всякий раз, по существу, новая материальная форма), то полисемантизм становится весьма относительным. Так, междометие *а-а!* может выражать при одной интонации неожиданное удивление *(А-а! Вот кого давно не видел!)*, при другой — безразличие *(А-а! Бог с ним)*, при третьей — злорадство *(А-а! Не нравится!)* и другие чувства. Междометие *ой!* может с соответствующей различной интонацией выражать ощущение боли, удивление, неожиданный испуг, неожиданное разочарование или недовольство, сомнение и, возможно, другие чувства. Таким образом, в эмоциональных междометиях основной материальной частью нередко является интонация, а не сегментная звуковая линия, служащая опорой той или иной интонации.

Побудительные междометия — это морфологически аморфные единицы со значением призыва или повеления, ср.: *Эй, пошел, ямщик!..* (Пушкин). *Ну! Тащися, сивка, пашней, десятиной!* (Кольцов). *«Не играйте! — замахали старшины музыкантам.— Тсс! Егор Нилыч спит...»* (Чехов).

Многие побудительные междометия, безусловно, соотносительны с повелительной формой глагола, но вряд ли

с глаголами в целом. Так, можно усматривать смысловое сходство и иногда даже смысловую идентичность словесных форм *айда!* и *пойдем!, на!* и *возьми!, стоп!* и *стой!, брысь!* и *убирайся!, пли!* и *стреляйте!; вон!, прочь!* и *уходи!; цыц!* и *замолчи!; тсс!, ш-ш!* и *не разговаривай!* Однако лексико-понятийная сторона у этих соответствий, вероятно, чаще всего неидентична: *на!* — это не просто «возьми», а «возьми то, что я тебе протягиваю»; *брысь!* означает не просто «убирайся!», но «быстро убирайся отсюда, с этого конкретного места» и т. д. Кроме того, значения модальности и лица в побудительных междометиях заложены в их целостное и нерасторжимое (кумулятивное) лексическое значение, не отделимы от остальной семантической части.

К побудительным междометиям должны быть отнесены также и такие единицы-призывы (в широком смысле), как *здравствуй(те)!, пожалуйста, до свидания, пока!, спасибо*, а также (условно) слова-утверждения *да, ага, точно* и слова-отрицания *нет! ни-ни!* и др.

Особую группу побудительных междометий составляют слова, служащие для общения с животными: *но!, тпру!* (к лошади); *брысь!, кис-кис!* (к кошке); *ату!* (к собаке); *цып-цып* и др.

Некоторые слова совмещают побуждение и эмоциональное значение, и их можно расценивать как конативно-эмоциональные междометия, ср.: *браво!* (призыв-похвала и одновременно выражение восторга), *бис!* (побуждение к повторению и чувство восторга), *виноват* (призыв-извинение и сожаление), *баю-бай* (волеизъявление и чувство любви), *ура!* как возглас в бою (призыв и выражение чувства воодушевления) и *ура!* как военное приветствие (призыв-ответ и выражение восторга) [1] и т. п.

Междометий в современном русском языке в совокупности несколько десятков. Число их, хотя и медленно, пополняется. Большинство междометий исконны, и среди них различаются:

1) первообразные, существующие издревле, немотивированные с точки зрения деривации и обычно с темной этимологией: *а!, о!, ах!, ой!, эй!, на!, ух!, фу!, тьфу!, ш-ш!*;

---

[1] Слово *ура!*, употребляемое в повседневной речи (*Ура! Наши спортсмены выиграли!* и т. п.), является чисто эмоциональным междометием.

2) производные, развившиеся из форм слов других частей речи в письменный период истории русского языка и подразделяющиеся на:

а) отглагольные: *пли!, чу!, здравствуй, прощай;*

б) отыменные: *марш!, огонь!, караул!, господи!, боже!, до свидания;*

в) отнаречные: *полно!, прочь!, вперед!, кругом!;*

г) происходящие от частиц: *вон!;*

д) образовавшиеся из словосочетаний: *спасибо, спокойной ночи, вот так раз!, мать честная!* и др.

Меньшая часть междометий русского языка — заимствования из разных европейских языков в последние три века: *ба!* (франц.); *браво!, баста!* (итал.); *бис!* (франц.); *карамба!* (исп.); *стоп!, алло!* (англ. или франц.). Заимствованные междометия (кроме *ба!, алло!* и *стоп!*) употребляются редко и в специфических условиях: их использование часто придает речи характер претенциозности.

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

В современном русском языке имеется и употребляется в речи немало слов, называемых звукоподражательными, которые по совокупности признаков должны объединяться в отдельную лексико-грамматическую категорию, так как не подводятся ни под одну из традиционно выделяемых частей речи. Такими единицами являются, например, слова *ку-ку, динь-динь-динь, тик-так, тук-тук, хрю-хрю* и т. п., копирующие с разной степенью точности те или иные звучания.

Возможно, что звукоподражательные слова больше всего похожи на междометия, к которым их часто традиционно приравнивают: они так же морфологически аморфны, синтаксически достаточно самостоятельны и находятся как бы на периферии, на отшибе в лексико-семантической системе. Однако имеются заметные функциональные расхождения (междометия и звукоподражания используются с совершенно разными синтаксическими целями), обусловленные семантическими и семиотическими отличиями (междометия и звукоподражания не только связаны с различными семантическими сферами, но и представляют собой знаки разных типов).

Синтаксически звукоподражательные слова могут: 1) занимать позицию подлежащего, быть его аналогом: *А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: жжж...* (Гоголь); 2) занимать позицию сказуемого: *Кони снова понеслися; колокольчик дин-дин-дин...* (Пушкин); 3) составлять прямую речь или ее часть в соответствующей конструкции с нею: *«И-го-го! — поет лошадка.— Спи, мышонок, сладко-сладко...»* (Маршак); 4) образовывать независимое высказывание: *Молот ваших мышц и дум счастье выкует народа, волю-долю... Дзин-дзин! Бум!* (Якубович).

Звукоподражательные слова являются более или менее точной, часто весьма приблизительной имитацией звуков или звучаний, издаваемых теми или иными существами или неодушевленными предметами. Имитации подвергаются: 1) крики и пение птиц (*кукареку*[1], *ко-ко-ко, кря-кря, чик-чирик*); 2) крики и другие звуки животных (*му-у, мяу, ррр*); 3) звуки, издаваемые механизмами (*дз-з-з, динь-динь, би-би, пиф-паф, тик-так*); 4) звучание музыкальных инструментов (*трень-брень, ду-ду-ду, тра-та-та*); 5) асемантические комплексы звуков, издаваемые людьми (*кхе-кхе, апчхи, хр-р*); 6) человеческая речь, представляемая как звуковой эскиз (*бу-бу-бу, та-та-та*); 7) различные другие звучания (*тук-тук-тук, у-у-у*).

Звукоподражательные слова могут передавать асемантическое звучание (не речь, не звуковой знак) и в этом случае являются прямыми знаками, передающими с определенной степенью точности форму референта-звучания и тем самым внушающими понятие или представление об этом референте через материю языка. Таковы звукоподражания — иконические лингвистические знаки: *тик-так, динь-динь-динь, дзинь-дзинь, бум, апчхи* и др.

Звукоподражательные слова, вероятно, еще чаще изображают то, что является в том или ином смысле семантическим звучанием (тем или иным знаком иного, нежели естественный язык, кода), ср.: *би-би* (передача сигнала машины), *ту-у* (передача сигнала поезда), *тук-тук-тук* (как лингвистическая передача знака-запроса о разрешении войти), *дз-з-з* (как передача сигнального звучания

---

[1] Чтение письменной передачи звукоподражания вариантно: на письме не отражаются достаточно четко и непосредственно многие фонетические моменты, наблюдаемые в реальной имитации звучания.

телефона) и т. п. Такие слова являются особыми знаками — косвенно-прямыми: как прямые знаки, они отражают форму референта и этим внушают понятие (представление) о нем, как о таковом; как косвенные знаки, они включают в себя дополнительную семантику, свойственную изображаемому референту как прямому знаку (сигналу). К числу звукоподражательных единиц — косвенно-прямых знаков — следует относить и слова *ко-ко-ко, мяу, гав-гав* и т. п., так как достаточно правомерно признавать за известными криками животных сигнальную (конативную или эмоциональную) функцию.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ

Синтаксис

Слово *синтаксис* происходит от греческого syntaxis «построение, сочетание, порядок». В современном понимании синтаксис — это раздел грамматики, в котором описываются способы соединения слов в словосочетания и предложения, типы словосочетаний и предложений, их значения, функции, а также характер и виды отношений между словами в словосочетании, между словами и словосочетаниями в предложении.

Основными единицами синтаксиса являются словосочетание и предложение.

В настоящее время синтаксис русского языка активно развивается. Создаются новые концепции, некоторые из них используются на практике — при построении учебников русского языка как иностранного [1], при создании школьных учебников. Поэтому при изложении материала будет учитываться современное состояние синтаксической теории при максимальном сохранении терминологии и последовательности изложения материала, характерных для русской и советской лингвистической традиции.

Прежде всего учет современного состояния синтаксической теории будет относиться к текстовому принципу подачи материала. При таком подходе описание будет строиться в основном не на отдельных, вырванных из контекста предложениях, а на фрагментах текста (назовем их микротекстами).

Отбор материала и обсуждение каких-то его частей с большей или меньшей широтой охвата также определя-

---

[1] См.: Учебник русского языка для студентов-иностранцев естественных и технических специальностей: I и II курсы. Практическая грамматика. М., 1984, авторы которого положили в его основу теорию семантического субъекта Г. А. Золотовой.

ется в зависимости от современного состояния синтаксической теории.

И наконец, при обращении к конкретным языковым явлениям современный подход будет использоваться в тех случаях, когда он позволит существенно упростить теоретическое представление языковых реалий.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

§ 1. Определение словосочетания. Главный отличительный признак словосочетания заключается в следующем: словосочетание выполняет в предложении ту же функцию, что и слово. Другими словами, словосочетания называют предметы, действия, признаки, напр.: *старший брат, жена сына, начать говорить.* Многие словосочетания можно свернуть до одного слова: *жена сына — сноха, начать говорить — заговорить.* В тексте, когда возникает необходимость повторить словосочетание, оно часто заменяется одним словом с сохранением значения всего словосочетания: *Тут он* [соболь] *забился в узкую щель между двумя острыми скалами. В щели он сидел до самой ночи...* (Бианки).

Для словосочетания характерна подчинительная связь между словами: в нем есть главное слово (его иногда называют стержневым) и зависимое. Эта связь всегда однонаправленна, т. е. имеет одно направление — от главного слова к зависимому. Например, в словосочетаниях *южный ветер, вступительные экзамены* главным словом будет существительное, зависимым — прилагательное. В словосочетаниях, состоящих из двух существительных, форма главного слова будет зависеть от функции словосочетания в предложении, форма зависимого слова определяется главным и не изменяется при изменении функции словосочетания в предложении: 1) *Истинную природу свечения моря разгадал Крузенштерн. Он первый предположил, что свечение моря вызывается организмами* (Зенкевич). 2) *Лесничество стояло на большой поляне на берегу реки* (Паустовский). *Мальчика решили вывести в поле, на берег ближней реки* (Короленко). В первом примере главное слово словосочетания — *свечение;* его грамматические формы определяются функцией в предложении. Зависимое слово — *море;* в обоих предложениях оно имеет форму родительного

падежа. Эта форма определяется главным словом словосочетания. То же и во втором примере: главное слово словосочетания *берег реки — берег,* зависимое — *реки.*

Таким образом, словосочетания — это такие сочетания слов, в которых слова объединены подчинительной связью. Наличие предикативной связи между словами свидетельствует о том, что перед нами не словосочетание, а предложение.

В лингвистике существует и другое понимание словосочетания, когда словосочетанием признается сочетание двух или более полнозначных слов, в том числе объединенных предикативной связью. Эта точка зрения была наиболее отчетливо сформулирована Ф. Ф. Фортунатовым, включавшим предложения в словосочетания. В соответствии с таким подходом, понятие «словосочетание» оказывается более широким, чем понятие «предложение».

Очевидно, в какой-то момент развития синтаксической науки расширенное толкование словосочетания диктовалось практическими потребностями: оно позволяло изучать предложение вне присущих ему категорий, без учета его целевого назначения и конкретной семантики. Все это давало возможность изучать в словосочетании и предложении прежде всего отношения и связи между их компонентами. В настоящее время, когда эта сторона предложения достаточно изучена и когда внимание исследователей привлекают вопросы синтаксического строя, специфики предложения, надобность в расширенном толковании словосочетания отпала. К словосочетаниям большинство современных лингвистов относят только непредикативные сочетания слов, т. е. только сочетания слов, связанных подчинительными отношениями.

В. В. Виноградов говорил о «строевой» роли некоторых элементов лексики, о «типизованных словосочетаниях», выполняющих в предложении определенные грамматические функции. К таким типизованным словосочетаниям В. В. Виноградов относил, в частности, соединения инфинитива с глаголами *мочь, сметь, уметь, приходится, остается, следует* и т. д., выражающие различные модальные значения (возможности, необходимости, желательности и др.) [1].

---

[1] См.: Труды Института русского языка. М.; Л., 1950, т. 2, с. 51, 52.

Велика также роль словосочетаний в выражении состава подлежащего и сказуемого, второстепенных членов предложения.

Вынесение синтаксиса словосочетания в специальный раздел, предваряющий синтаксис предложения, особенно важно для национальной (нерусской) аудитории: оно позволяет изучить связи и отношения между словами в чистом виде, в отвлечении от категорий и семантики предложения. При этом особенно важно учитывать сходство и различие в построении словосочетаний в русском и родном языке учащихся.

Необходимо отграничить словосочетания от фразеологических сочетаний, таких, как *филькина грамота* (так мы называем не имеющую никакого значения, пустую бумажку, липовый, не обладающий реальной ценностью документ), *во весь опор* (этим фразеологическим оборотом выражается понятие чрезвычайной быстроты движения) и т. п.[1] Отличие словосочетания от фразеологического оборота заключается в том, что фразеологический оборот употребляется каждый раз как готовая единица, с той же последовательностью компонентов. Словосочетание представляет собой свободное сочетание слов, что дает возможность создавать бесчисленное количество вариантов, необходимых для построения предложения и тем самым для выражения мыслей. «Единицами синтаксического уровня служат не конкретные словосочетания и предложения, а модели их производства»[2].

§ 2. Способы связи между словоформами в словосочетании. Между словоформами словосочетания выделяют три типа связи: согласование, управление и примыкание.

Согласование — это такая связь слов в словосочетании, при которой подчиняющее слово требует от подчиненного обязательного соответствия имеющихся у них общих категорий. Рассмотрим это на примере микротекста:

Ибрагим проводил дни однообразные, но деятельные,— следственно, не знал скуки. Он день ото дня более привязывался к государю, лучше постигал его высокую душу. Следовать за мыслями великого че-

---

[1] Подробнее об этом см.: *Шанский Н. М.* В мире слов. М., 1985, с. 201.

[2] *Сиротинина О. Б.* Лекции по синтаксису современного русского языка. М., 1980, с. 26.

ловека есть наука самая занимательная (Пушкин).

В словосочетаниях *дни однообразные, но деятельные; высокую душу, великого человека, наука самая занимательная* форма главного слова определяется его категориальной принадлежностью и ролью в предложении. Форма зависимого слова соответствует форме главного.

Так, существительное *дни* — главное слово первого словосочетания. В предложении является именной частью составного сказуемого. Оно относится к существительным мужского рода, употреблено в винительном падеже множественного числа. Именно эти морфологические категории — мужской род, винительный падеж и множественное число — характеризуют зависимые слова словосочетания — полные прилагательные *однообразные, деятельные.* Они отвечают на вопрос *какие? (дни).*

В следующем словосочетании главное слово — существительное *душу.* Оно является дополнением, употреблено в предложении в винительном падеже единственного числа. Зависимое слово словосочетания — полное прилагательное *высокую.* Его морфологические формы соответствуют морфологическим формам главного слова. Зависимое слово отвечает на вопрос *какую? (душу).*

Главное слово следующего словосочетания — существительное *человека.* Оно выступает в предложении в роли косвенного определения к существительному *мысли,* относится к существительным мужского рода, употреблено в родительном падеже единственного числа. Зависимое слово словосочетания — полное прилагательное *великого.* Его морфологические формы соответствуют морфологическим формам главного слова. Отвечает на вопрос *какого? (человека).*

Главное слово словосочетания *наука самая занимательная* — существительное *наука;* оно является именной частью составного сказуемого, употреблено в именительном падеже единственного числа. Зависимые слова словосочетания — местоименное прилагательное *самый* и полное прилагательное *занимательный.* Их морфологические формы соответствуют морфологическим формам главного слова. Отвечают на вопрос *какая? (наука).*

Полные прилагательные и причастия, местоимения-прилагательные, являясь зависимым компонентом словосочетания, согласуются с главным компонентом — существительным или местоимением, а также субстантиви-

рованными частями речи — в формах рода, числа и падежа. Если главный компонент такого словосочетания употреблен во множественном числе, то зависимый компонент согласуется с ним только в формах числа и падежа (показатели рода в этом случае нейтрализуются), ср., например, словосочетания *синие просторы* и *снеговые горы* в стихотворении С. Щипачева:

Себя не видят синие просторы,
И в вечном холоде светлы, чисты.
Себя не видят снеговые горы,
Цветок своей не видит красоты.

Порядок слов в таких словосочетаниях может быть любым: полное прилагательное или причастие может предшествовать существительному, а может следовать за ним, ср., например, название статьи «На земле якутской» в сборнике «Человек и стихия» и начало предложения из этой же статьи: *На якутской земле работало много различных экспедиций.* Обычным для таких словосочетаний в русском языке является порядок слов, когда прилагательное предшествует существительному. Существительное занимает первое место в редких случаях. В нашем примере это было название статьи. Цель инверсии (необычного порядка слов) здесь — вызвать у читателя статьи определенный эмоциональный настрой. Такую же роль играет инверсия в приведенном выше микротексте *(дни однообразные, но деятельные; наука самая занимательная)*. Такой порядок слов часто используется в поэзии, напр.:

В шар земной упираясь ногами,
Солнца шар я держу на руках.
(Межелайтис)

При изучении таких словосочетаний важно учитывать возможные расхождения в русском и в родных языках учащихся. Это относится к порядку слов: положение зависимого слова после главного не является для русского языка обычным, поэтому постоянное вынесение вперед главного слова словосочетания воспринимается как излишняя аффектация или неправильность.

Связь слов способом согласования носит предсказующий характер, т. е. формы главного слова предсказывают формы зависимого компонента: если главное слово слово-

сочетания — существительное мужского рода именительного падежа единственного числа, то прилагательное или причастие будет иметь форму мужского рода именительного падежа единственного числа: *зеленый карандаш, синий костюм, смешной случай.*

При управлении подчиненное слово употребляется в определенном косвенном падеже без предлога или с предлогом: *прочитать (что?) лекцию, лететь (на чем?) на космическом корабле, потребность (в чем?) в нефти,* напр.: *Как раз те родители, которые плохо воспитывают своих детей, и вообще те люди, которые отличаются полным отсутствием педагогического такта,— все они слишком преувеличивают значение педагогических бесед* (Макаренко). В приведенном предложении несколько словосочетаний, основанных на связи управления: *воспитывать (кого?) детей, отличаться (чем?) отсутствием, отсутствие (чего?) такта, преувеличивать (что?) значение, значение (чего?) бесед.*

В этих словосочетаниях падеж зависимого слова определяется валентностью главного слова. Так, переходные глаголы *воспитывать* и *преувеличивать* требуют от зависимых компонентов формы винительного падежа, глагол *отличаться* — творительного падежа, существительные *отсутствие* и *значение* — родительного падежа.

В качестве управляющих в таких словосочетаниях могут выступать существительные, глаголы, причастия, сравнительная степень наречия, в качестве управляемых — существительные или субстантивированные части речи.

Связь управления неоднородна по предсказуемости, ср.: *шум (чего?) моря, машины, ветра* и *окно (где?) на первом этаже, (куда?) во двор, (без чего?) без форточки, (с чем?) со ставнями.*

При изучении русского языка носителями других языков ошибки в управлении особенно часты и устойчивы. Поэтому следует обращать внимание на глаголы и другие части речи, требующие определенного падежа. При этом важно помнить, что глаголы могут иметь такое же управление, как и другие части речи с той же основой, но могут и отличаться от них по управлению. Это определяется следующими факторами.

При предсказуемом зависимом компоненте возможны два типа словосочетаний: 1) главное слово словосочетания управляет зависимым в соответствии со своей при-

надлежностью к определенной части речи; 2) главное слово словосочетания управляет зависимым в соответствии со своей принадлежностью к определенному семантическому классу слов. В первом случае будут наблюдаться расхождения в управлении между глаголом и существительным, глаголом и прилагательным, выступающими в качестве главных компонентов словосочетания, напр.: *читать (что?) книгу — чтение (чего?) книги, защищать (что?) диплом — защита (чего?) диплома, уважать (кого?) ученика — уважение (к кому?) к ученику, вредить (чему?) здоровью — вредный (для чего?) для здоровья, интересовать (кого?) ученых — интересный (для кого?) для ученых.* Словосочетания этой группы относятся к лексически свободным.

Во втором случае управление главного компонента словосочетания — глагола, прилагательного или существительного может совпадать. Так, в словосочетаниях *беседовать (о чем?) о театре* и *беседа (о чем?) о театре* общность семантики слов *беседовать* и *беседа* сильнее их грамматических различий, ср. также: *выйти (откуда?) из тупика — выход (откуда?) из тупика, приехать (куда?) в деревню — приезд (куда?) в деревню.* Но возможны и расхождения: *удивляться (чему?) жизни — удивление (перед чем?) перед жизнью.*

Различают сильное и слабое управление. При сильном управлении наличие зависимой словоформы определяется свойствами главного слова словосочетания. Так, переходный глагол предполагает существительное в винительном падеже: *встречать (кого? что?) брата, поезд, рассвет.* При слабом управлении наличие зависимого слова необязательно, ср.: *Он скучал* и *Он скучал по брату.*

Важно также различать предсказующее и непредсказующее управление. Предсказующее управление наблюдается, когда форма зависимого слова определяется свойствами главного слова словосочетания: *окончить институт* (переходный глагол предсказывает употребление винительного падежа), *приближение к истине* (приставка *при-* соотносится с предлогом *к*; глагол предсказывает форму дательного падежа с этим предлогом). При непредсказующем управлении форма зависимого слова не определяется свойствами главного и не может быть предсказана, ср.: *поездка с братом — поездка на юг — поездка в город.*

Кроме того, управление может быть вариативным или невариативным. Пример вариативного управления: *выпить молоко* или *выпить молока*. При невариативном управлении возможна только одна форма зависимого слова, напр.: *купить книгу*.

Таким образом, для характеристики управления недостаточно оценить этот вид связи только как сильное или слабое управление, необходимо также определить предсказуемость или непредсказуемость зависимого слова, вариативность или невариативность формы зависимого слова. Так, связи в словосочетании *съесть яблоко* характеризуются следующим образом: сильное, предсказующее, невариативное управление.

При работе в национальной (нерусской) аудитории важно учитывать, что в случаях сильного управления предлог теснее связан с главным словом, в случаях же слабого управления — с зависимым: при сильном управлении он как бы является послелогом управляющего слова, при слабом приближается по своей функции к префиксу управляемого слова, ср.: *приближаться к дому, к берегу, к решению* (сильное управление) и *плавать в бассейне, под водой, на поверхности* (слабое управление).

Слабое управление очень близко к другому типу связи между словами в словосочетании — к примыканию. Например, при выражении обстоятельственных отношений зависимое существительное с предлогом может заменяться наречием: *уехать на месяц / после обеда — уехать надолго / сразу, уехать в город / за город / на север — уехать далеко / домой*.

При примыкании зависимым компонентом является неизменяемое слово: *бежать быстро, говорить стоя, поступить учиться*. Такими неизменяемыми словами могут быть наречие, деепричастие, инфинитив.

Главное слово такого словосочетания обычно занимает первое место. Это может быть глагол *(идти вперед, говорить улыбаясь, уметь плавать)* или существительное *(поездка верхом, стремление учиться)*. Если главное слово — прилагательное или наречие, то первое место занимает, как правило, зависимый компонент: *слишком старательный, очень громкий, далеко впереди, слишком рано*.

Следует обратить особое внимание на словосочетания, включающие деепричастия. Такие словосочетания возможны только при условии, что главное и зависимое слово

(глагол и деепричастие) обозначают действия одного и того же лица, напр.: *Когда Тысяча явилась в предложение, все места уже были заняты. Тысяча потопталась в нерешительности, а потом подошла к самому большому Слову, предполагая, что оно-то и есть здесь самое главное* (Кривин). Во втором предложении глагол *подошла* и деепричастие *предполагая* обозначают действия одного и того же лица, в данном случае Тысячи. При нарушении указанной закономерности возникают нелепые фразы. Этот эффект использовал А. Чехов в рассказе «Жалобная книга»: *Подъезжая к сией станции и глядя на природу в окно, у меня слетела шляпа.*

§ 3. Виды отношений между главным и зависимым словом словосочетания. Между главным и зависимым словом словосочетания могут устанавливаться различные синтаксические отношения: атрибутивные, или определительные, объектные и обстоятельственные.

Атрибутивные отношения наблюдаются между главным словом — существительным и зависимым словом, которое обозначает качественные или относительные признаки главного слова, напр.: *старый мост (какой мост?), первый этаж (какой этаж?), память о прошлом (какая память?), экзамен по истории (какой экзамен?).*

Словосочетания с этим значением чаще всего состоят из существительного (или заменяющего его местоимения) и полного прилагательного или причастия, а также местоимения-прилагательного. Слова в таких словосочетаниях соединены по способу согласования. Для них, как уже отмечалось ранее, типичен следующий порядок слов: прилагательное предшествует существительному, напр.: *активная позиция, растущий организм, первый учитель, свой взгляд.* Зависимое слово в таких словосочетаниях отвечает на вопросы *какой? какая? какое? какие?*

Распространены в русском языке также атрибутивные словосочетания, в которых зависимый компонент представлен некоторыми предложно-падежными формами существительных. Слова в таких словосочетаниях соединены по способу управления. Особенно часто в них встречается существительное в форме родительного падежа, но возможны и другие формы зависимого слова, напр.: *книга сестры, радость жизни, банка для молока, игра без правил.* Порядок слов в таких словосочетаниях за редким исключением следующий: на первом месте — главное сло-

во, на втором — зависимое. Зависимый компонент также отвечает на вопрос *какой?: Я забыл на столе (какую книгу?) книгу сестры. Дети испытывают (какую радость?) радость жизни.*

Объектные отношения — это такие отношения, при которых главный компонент — глагол, зависимый — существительное в падежной или предложно-падежной форме. Такие отношения устанавливаются между глаголом, обозначающим действие, и существительным, обозначающим предмет, на который направлено действие, или лицо, которому это действие адресовано. Главное и зависимое слово в таких словосочетаниях связаны по способу управления, напр.: *писать сочинение, сдавать экзамены, думать о матери, надеяться на везение.*

При объектных отношениях главным словом словосочетания может быть также прилагательное или существительное, напр.: *гордый победой, защита диплома.* Как правило, главные слова таких словосочетаний семантически соотносимы с глаголом, ср.: *гордиться победой — гордый победой, защищать диплом — защита диплома.*

В словосочетаниях с объектными отношениями обычно главное слово предшествует зависимому.

§ 4. Типы словосочетаний. С учетом способа связи главного и зависимого компонентов словосочетания и вида синтаксических отношений между ними выделяются словосочетания лексически ограниченные и лексически неограниченные.

Лексически неограниченные словосочетания образуются на основе таких связей, как согласование и управление. И главное и зависимое слова таких словосочетаний могут вступать в отношения с другими и создавать аналогичные словосочетания. Например, главное слово словосочетания *активный студент* может образовать такие словосочетания: *серьезный студент, хороший студент, способный студент* и т. д. Зависимое слово словосочетания *активный студент* может образовать следующие словосочетания: *активный деятель, активный газ, активное вещество, активная сфера* и т. п.

Лексически ограниченные словосочетания образуются на основе связей управления (преимущественно сильного) и примыкания. Лексическая ограниченность словосочетаний обычно связана с глагольным

компонентом: *окончить институт, техникум, университет, курсы, академию; пожинать плоды, лавры.* В приведенных примерах место одного из компонентов заполняется не любым словом соответствующей категории, а лишь некоторыми, образующими определенную семантическую группу или закрытый ряд. Степень открытости или закрытости таких словосочетаний может быть различной.

По составу словосочетания разделяются на простые, сложные и комбинированные.

Простые словосочетания могут быть двучленными, трехчленными и четырехчленными.

Примеры двучленных словосочетаний: *писать письмо, новый ученик, бежать рядом, стремиться победить.*

Трехчленные и четырехчленные словосочетания состоят из слова и словосочетания или из словосочетания и словосочетания, объединенных на основе связей и отношений, которые мы рассмотрели выше, напр.:

студент — второго курса

сдавать — вступительные экзамены

переводить рассказ — с русского на эстонский

Сложные словосочетания образуются на основе двух или более разных связей, исходящих от одного главного слова, напр.: *блестяще сдавать экзамены* (*сдавать блестяще* и *сдавать экзамены*).

В состав комбинированных словосочетаний входят простые и сложные словосочетания, напр.: *блестяще защитить дипломную работу* (*блестяще защитить* и *защитить работу* — сложное словосочетание; *дипломную работу* — простое словосочетание).

С учетом принадлежности главного слова словосочетания к той или иной части речи выделяются глагольные словосочетания (главное слово — глагол), субстантивные (главное слово — существительное, местоимение-существительное, количественное числительное), адъективные (главное слово — прилагательное, местоимение-прилагательное или причастие) и наречные (главное слово — наречие или сравнительная степень прилагательного или наречия).

Возможно и дальнейшее деление словосочетаний, в зависимости от принадлежности зависимого слова к той или

иной части речи (глагольно-субстантивные, глагольно-наречные, субстантивно-адъективные, субстантивно-субстантивные и наречно-глагольные). Из них мы выделим наречно-глагольные и глагольно-инфинитивные словосочетания как представляющие определенную трудность при изучении в нерусской аудитории.

В наречно-глагольных словосочетаниях нужно учитывать возможные расхождения в порядке слов: если в русском языке наречие, как правило, предшествует глаголу, в родном языке учащихся возможен другой порядок слов.

При изучении глагольно-инфинитивных словосочетаний важно обращать внимание на вид инфинитива. Так, можно напомнить, что глаголы, обозначающие начало, конец или продолжение действия, требуют после себя инфинитив только несовершенного вида: *Город лишь замирал, но не переставал жить уже не наружной, не суетливо-шумной, а потаенной жизнью. Какие-то станки не остановились, раздутые печи не погасли, дежурные краны продолжали ворочаться, крутились роторы электростанции, гнали по проводам электричество...* (Тендряков). *Почему перестали петь птицы?* (Нагибин). Обязателен инфинитив несовершенного вида и после глаголов *научиться, привыкнуть, отвыкнуть, надоесть, устать, раздумать: Нечуйветер привык вставать до рассвета, когда на этих водах еще стелются седые туманы и всюду по низинам роса, как вода,— тогда самое время целебное зелье собирать* (Гончар) (инфинитив несовершенного вида имеет значение повторяемости).

Также обязательно употребление инфинитива совершенного вида после глаголов *удалось, успел, забыл: За окном уже проплывали какие-то строения, умывальник был заперт, и Светлана, досадуя на себя, едва успела запихнуть в чемодан платок и полотенце с мыльницей* (Алигер) (*запихнуть* здесь имеет результативное значение).

В остальных случаях закономерности употребления инфинитива совершенного или несовершенного вида те же, что и в обычных глагольных формах.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 1. Предложение как предикативная единица. Предложение — это минимальная единица общения. Ни слово, ни словосочетание такой единицей не являются. Но и слово, и словосочетание могут стать предложением

23-3

и выступить в качестве единицы общения: *Осень. Потерпи! Едем! Мороз и солнце!*

Чем же отличается слово *осень* от предложения *Осень*? Обычно в таких случаях говорят о смысловой и интонационной завершенности, свойственной предложению. Действительно, когда мы приводим в качестве примера слово или словосочетание, то придаем ему интонацию незавершенности, выделяя его повышением тона, напр.: *В слове «приду» прежде всего выделяется окончание -у (ср.: придешь — придет и т. д.)* (Шанский).

В тех случаях, когда мы приводим в качестве примера несколько слов и последнее из них завершает предложение, это слово получит интонацию завершенности, законченности, но такая интонация не будет его собственной: это будет завершающая часть интонации всего предложения, напр.: *Давайте подумаем, какие предложения можно составить из слов «встречать», «мой», «подруга», «сестра»* (Постникова).

Приведем определение предложения, предлагаемое в «Словаре лингвистических терминов»: предложение — это «грамматически и интонационно оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли о некоторой действительности и отношения к ней говорящего» [1].

Итак, главная функция предложения, отличающая его от других языковых единиц, например от слова или словосочетания, заключается в «формировании, выражении и сообщении мысли о некоторой действительности». Эту функцию предложения принято называть предикативной.

В предикативной функции может выступать и отдельное предложение, и предложение как часть текста. В первом случае предикативную функцию предложения поддерживает ситуация общения, которая заменяет собой контекст.

Приведем небольшой отрывок из книги А. Ливановой «Л. Д. Ландау»:

В Институте физических проблем Ландау нашел свой подлинный дом (1). *С ним связал жизнь и судьбу до конца* (2). *Был вместе и в дни мира, и в дни войны* (3). *Летом 1941 года институт эвакуировался в Казань* (4). *Там, как и остальные сотрудники, Ландау отдавал силы*

---

[1] *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 347.

прежде всего оборонным заданиям (5). *Он строил теории и производил расчеты процессов, определяющих боеспособность вооружения* (6). *В 1945 году, когда война заканчивалась, в «Докладах Академии наук» появились три статьи Ландау, посвященные детонации взрывчатых веществ* (7). *В каждой наряду с Институтом физических проблем указан еще один «адрес» — Инженерный комитет Красной Армии* (8).

Можно видеть, как каждое предложение по своей предикативной функции связано с предшествующим и последующим. Так, в предложении 1 предикативная функция — сообщить читателю, что Институт физических проблем стал для Ландау, советского физика-теоретика, настоящим домом. Следующие два предложения повторяют, уточняют, усиливают сказанное в предложении 1. Предложения 4—8 иллюстрируют, развертывают то, что было высказано в предложении 3. Однако наряду с этим в каждом из них осуществляется и своя предикативная функция: в четвертом сообщается об эвакуации института в Казань, в пятом — об отдаче сотрудниками института и Ландау всех сил оборонным заданиям и т. д.

Предложения в тексте имеют некоторые особенности: фамилия ученого Ландау заменяется местоимением *он* (6); вместо того чтобы повторять словосочетание *три статьи,* автор использует слово *каждая* (8) и т. д. Это происходит потому, что предложение входит в текст, находится под влиянием других предложений и само влияет на них. Прежде всего это относится к предикативной функции предложения: предикативная функция каждого предложения формируется (и понимается слушающим или читающим) в связи с другими предложениями или, если предложение единично, в связи с ситуацией, предшествующим контекстом, рисунком, фотографией и т. п.

Приведем определение предикативности из книги «Русский язык: Энциклопедия» (М., 1979, с. 226): «Предикативность — синтаксическая категория, формирующая предложение. Предикативность относит содержание предложения к действительности и тем самым делает его единицей, предназначенной для сообщения. Поскольку отнесение содержания предложения к действительности предполагает помещение его в определенный временной и модальный (реальный или ирреальный) план, постольку и предикативность представляет собой неразрывное един-

ство двух синтаксических категорий — времени и наклонения».

Это определение отражает наиболее распространенное в русистике понимание предикативности. В своей основе оно имеет определение В. В. Виноградова, с тем различием, что В. В. Виноградов, кроме синтаксического времени и модальности, включал в категорию предикативности также синтаксическое лицо.

§ 2. Категория синтаксического лица. Морфологическая категория лица присуща глаголам настоящего и будущего простого времени (*рисую, рисуешь; нарисую, нарисуешь*), а также личным и притяжательным местоимениям (*я, ты; мой, твой*). Она имеет план содержания (отношение действия к субъекту, устанавливаемое говорящим лицом (подробнее см. раздел «Морфология» данного пособия) и план выражения (окончания глаголов настоящего и будущего простого времени и лексико-грамматические формы личных и притяжательных местоимений).

Категория синтаксического лица шире категории морфологического лица. Она реализуется на уровне предложения и включает в себя, помимо 1, 2 и 3-го лица единственного и множественного числа, определенное лицо, неопределенное лицо и обобщенное лицо. К категории синтаксического лица относится также понятие безличности. На основе категории синтаксического лица строится традиционная классификация односоставных предложений (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные и безличные предложения (подробнее см. раздел «Односоставные предложения» данного пособия).

§ 3. Категория синтаксического времени. Эта категория базируется на категории морфологического времени.

На морфологическом уровне мы имеем дело с системой времен русского глагола, состоящей из пяти временных форм. Эта система тесно связана с категорией вида, что отразилось на терминологических словосочетаниях типа «настоящее несовершенное», «настоящее — будущее несовершенное» и т. д.

На уровне предложения время может быть абсолютным (определяемым по отношению к моменту речи) или относительным (время протекания одного действия определяется по отношению ко времени другого действия).

Относительное время наблюдается в частях сложного предложения, а также в простых предложениях, распространенных причастными или деепричастными оборотами, напр.: *Погода стояла морозная, крепкий устойчивый северный ветер бил в лицо, заставляя отворачиваться* (Рытхэу). Здесь действие, обозначенное деепричастным оборотом *заставляя отворачиваться,* одновременно действию, выраженному глаголом *бил.*

Кроме того, на уровне предложения часто встречается переносное употребление времен, когда «контекст вступает в противоречие с грамматическим значением формы времени» [1], напр.: *Мы поселились в школе, и иногда по ночам нас будил дружный вой уэленских собак. Ни с того ни с сего сначала на одном краю села завоет собака, ей отзывается другая, присоединяется третья, и спокойный и сонный воздух прорезает... полный глубокой, непонятной печали всеобщий собачий вой* (Рытхэу). В этом предложении выделенные глагольные формы передают значение настоящего исторического времени (другой термин — «настоящее повествовательное»). Они чередуются с формами прошедшего времени.

Наибольший интерес представляет значение настоящего неактуального времени. В предложениях с этим временным значением часты лексические показатели типа *всегда, никогда, обычно, каждый день, каждый вечер, каждое утро, каждую неделю,* напр.: *Каждое утро на Автозаводскую улицу выплескивается людской поток, валом прокатывается по тротуарам, скверу и исчезает в проходных ЗИЛа* (Аджиев). *Свобода — это хлеб, который каждый день замешивают, выпекают и едят* (Ралин).

Примерами предложений с настоящим неактуальным могут служить пословицы и поговорки: *Семеро одного не ждут. Наука учит только умного. Дело мастера боится. Солнышко нас не дожидается.*

§ 4. Категория модальности. В настоящее время многие исследователи современного русского языка признают неоднородность явлений, объединяемых термином «модальность». В частности, Г. А. Золотова отмечает сложность, многоплановость самого понятия «модальность»: «По существу, речь должна идти о разных аспектах проявления модальности, можно сказать — о разных модаль-

---

[1] *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967, с. 98.

ностях»[1]. Та же мысль была сформулирована и другими синтаксистами, в частности П. Адамцем и Т. П. Ломтевым.

Существуют различные определения модальности, в соответствии с которыми по-разному решается вопрос о границах этой категории. Наиболее общепризнанным является определение авторов академической «Грамматики современного русского языка»: «Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности есть прежде всего модальное отношение»[2]. Оно основано на признании модальности одной из синтаксических категорий, формирующих предикативность.

В соответствии с этим определением в современном русском языке выделяются три вида модальности (три разные модальности): модальность реальности / ирреальности, модальность возможности, необходимости и действительности и субъективная модальность.

Противопоставление предложений по признаку реальности / ирреальности имеет в своей основе морфологическое противопоставление изъявительного и сослагательного наклонения. Приведем микротекст, в котором сообщение, содержащееся в первом и втором предложении, относится к действительности как реальное, в третьем предложении — как нереальное:

О чем только не говорят служебные слова в неслужебное время! Этого вы никогда не прочтете.

— Если бы у меня было не две, а хотя бы три буквы,— говорит частица Бы,— я бы такое сказала!

Ах, эта частица Бы, какая она мечтательница! Вечно ей хочется того, чего нет (Кривин).

Третье предложение в приведенном микротексте содержит нереальное условие *(Если бы у меня было не две, а хотя бы три буквы...)* и нереальное следствие *(...я бы такое сказала!)*. Это модальное значение характерно в основном для сложных предложений.

Предложения с модальными значениями возможности и необходимости формируются главным образом при участии сочетаний слов с зависимым инфинитивом, выражающих модальные значения. Слова с модальными значениями могут относиться к различным морфологиче-

---

[1] *Золотова Г. А.* О модальности в русском языке.— Филологические науки, 1962, № 4, с. 65.

[2] Грамматика современного русского языка: Т. 2. Синтаксис. М., 1980, ч. 1, с. 80.

ским классам. Это могут быть личные глаголы *(мочь, сметь, затрудняться)*, безличные глаголы *(следует, придется, предстоит)*, предикативы *(надо, нужно, можно, нельзя)*, краткие прилагательные *(должен)*. Принадлежность этих слов к разным морфологическим классам в данном случае не имеет значения, поскольку все они объединены функционально. Рассмотрим это на примерах: *Пробитое пулей горло заживало. Но разговаривать мог я еще только вполголоса* (Гайдар). *Помолвка — это два года, когда он и она присматриваются друг к другу. Им можно бывать в театре, даже в ресторане* (Глинка). *Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования* (Платонов).

В приведенных примерах глагол *мочь* выступает в двусоставном предложении с подлежащим — субъектом действия в именительном падеже. Слова категории состояния *можно* и *нельзя* в таких предложениях не употребляются: они как бы замещают глагол *мочь* в предложениях другого типа — с субъектом в дательном падеже или без указания на субъект (ср. первое предложение со вторым и третьим). Это означает, что функционально предложения с глаголом *мочь* и предложения со словами категории состояния *можно* и *нельзя* тождественны.

Это явление очень важно учитывать в национальной школе, поскольку модальность может выражаться словами, относящимися к разным морфологическим классам.

Особенностью русского языка является то, что система предложений с модальными значениями возможности и необходимости распадается на ядро и периферию.

Ядро этой системы составляют предложения, в которых модальные значения возможности и необходимости выражаются сочетаниями с инфинитивом слов *мочь, можно, нельзя* и *должен / должна, должно, должны, надо / нужно* [1].

Предложения с перечисленными словосочетаниями поддаются трансформации, ср.: *Студенты могут / должны прочитать эту статью на русском языке — Студентам можно / надо прочитать эту статью на русском языке — Эта статья может / должна быть прочитана студентами на русском языке.*

---

[1] Слова категории состояния *надо* и *нужно* являются абсолютными синонимами; в настоящее время заметна тенденция к вытеснению слова *нужно* более коротким и удобным для произнесения *надо*.

Список ядерных моделей ограничен: с учетом категории синтаксического лица, активности/пассивности и отрицания в него войдут восемь моделей со значением возможности и восемь моделей со значением необходимости. Покажем это на конкретных примерах, объединив попарно предложения со значениями возможности и необходимости: 1) *Петров может / должен написать реферат.* 2) *Таня не может / не должна решать такие задачи.* 3) *Нам можно / надо уйти.* 4) *Нам нельзя / не надо здесь оставаться.* 5) *Эту книгу можно / надо прочитать за неделю.* 6) *Здесь нельзя / не надо ходить.* 7) *Эта работа может быть / должна быть выполнена в срок.* 8) *Это объяснение не может / не должно быть принято во внимание.*

Другой особенностью моделей, составляющих ядро, является их способность выразить не одно значение возможности или необходимости, а по крайней мере три. При этом значение собственно возможности или собственно необходимости рассматривается как основное. Иногда это значение называют внутренней возможностью или внутренней необходимостью.

Собственно возможность определяется способностью или неспособностью субъекта к данному действию либо условиями, в которых протекает действие, напр.: *Поезд может идти со скоростью 90 километров в час* (способность субъекта данного предложения к совершению названного действия). *Эту работу можно сделать за два часа* (условия, в которых протекает действие, в данном случае — характер работы, позволяют совершить это действие в указанный промежуток времени).

Собственно необходимость обычно исходит от субъекта и означает необходимость совершения действия по внутреннему долгу, убеждению или отражает объективную необходимость, необходимость, обусловленную какими-либо закономерностями, напр.: *Я должен решить эту задачу* (внутренний долг). *Квадрат гипотенузы должен быть равен сумме квадратов катетов* (геометрическая закономерность).

Другим часто встречающимся в текстах значением является возможность или необходимость как разрешение, требование, запрещение, т. е. возможность или необходимость, исходящие от воли другого лица. Иногда это значение называют внешней возможностью или необходимостью, напр.: *Ну хорошо, Пятернев может оставаться...*

(Макаров) (разрешение). *По боевому расписанию я должен находиться в операционно-перевязочном пункте, расположенном с правого борта, на нижней палубе...* (Новиков-Прибой) (требование распорядка на военном корабле).

Иногда вместо вводных слов и словосочетаний типа *может быть, наверное, конечно* и т. д. используются сочетания слов *мочь, можно, нельзя, должен, надо / нужно* с инфинитивом. Значения этих слов близки к субъективной модальности. Назовем их степенью вероятности события, напр.: *От одной мысли, что меня могут заподозрить в мошенничестве, бросало то в жар, то в холод* (Зубавин). *Некоторым может показаться странным тревожный призыв, вынесенный в заголовок статьи* (Русанов) (ср.: *От одной мысли, что меня, может быть, заподозрят... Некоторым, может быть, покажется странным...*).

Умение различать перечисленные значения возможности и необходимости важно для правильного употребления вида зависимого инфинитива. Одна из таких закономерностей — употребление только несовершенного вида инфинитива в предложениях со словами *не + надо / нужно: Название этой статьи не надо понимать буквально* (Торопцев). *В его* [медведя] *теперешней жизни было одно счастливое обстоятельство, о котором он сначала не догадывался: ему не нужно было никого бояться, кроме человека* (Казаков).

Эта закономерность распространяется также на предложения со словом *нельзя,* имеющие значение запрещения: *Вам нельзя разговаривать, Семен Митрофанович* (Грекова). *Опытом старших товарищей пренебрегать нельзя* (Астафьев).

Предложения со словом *нельзя,* имеющие значение собственно возможности, встречаются как с инфинитивом совершенного, так и с инфинитивом несовершенного вида: *При произнесении фразы в столь быстром темпе редукция конечного гласного в слове «Тоня» доходила до его полного исчезновения. В этом случае на осциллограмме н е л ь з я б ы л о р а з д е л и т ь звуки [н] из «Тоня» и [т] из «топила»* (Чистович). *Кажется, все эти дни было дождливо, на этюды х о д и т ь б ы л о н е л ь з я...* (Крутилин).

Во всех остальных предложениях со значениями собственно возможности и собственно необходимости, разрешения, запрещения или требования закономерности

употребления вида зависимого инфинитива совпадают с закономерностями употребления вида глагола в личной форме, напр.: *В то время поездка в Михайловское была большим испытанием. Поезд из Ленинграда до Пскова шел около двух суток. Из Пскова в Пушкинские Горы нужно было ехать или на лошади, или на попутных грузовиках, да и то только до реки Великой, что у деревни Селихново* (Гейченко) (собственно необходимость; инфинитив несовершенного вида имеет значение процесса). *Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне* (Пушкин) (собственно возможность; инфинитив совершенного вида имеет результативное значение — недостижимость результата).

Значение степени вероятности события связано с инфинитивом совершенного вида: *Обо всем этом Вострецов рассказал мне торопливым шепотом, с опаской поглядывая на дверь. Там в любую секунду могла появиться тетя Даша* (Соколовский). *Страшила одна река — Подкаменная Тунгуска. По ее берегу можно пройти сотни километров, не встретив жилья* (Сартаков). Однако в таких предложениях возможно употребление инфинитива и несовершенного вида. Это относится прежде всего к глаголам длительного вида, а также к случаям, когда в предложении есть лексические показатели длительности или процесса.

Из факта универсальности ядерных моделей, как структурной, так и семантической, следует важный методический вывод: для активного владения русским языком достаточно усвоить ядерные модели, с помощью которых можно выразить любое модальное значение возможности или необходимости в любой синтаксической форме. Однако для пассивного владения (чтение научной и художественной литературы, восприятие устного высказывания) необходимо знание периферийных моделей со значениями возможности и необходимости. Разумеется, умение употреблять эти конструкции делает речь более выразительной.

Отличие периферийных моделей от ядерных заключается в том, что первые имеют только одно значение — возможности или необходимости. Как правило, они дублируют ядерные модели, но их модальная семантика более разнообразна и часто более эмоциональна. Покажем это на примерах со значением собственно возможности: *Не только Коншин с сержантом маются в ожидании... Весь взвод, по двое, по трое слоняются по передовой. Сидеть*

в шалашах или валяться под елками уже невмочь (Кондратьев). *«Михалыч! — сказал вдруг Алеша,— вам ведь невмоготу огонь всю ночь поддерживать»* (Чивилихин). *Что же касается обстоятельств, при которых он* [сын] *погиб, затрудняюсь ответить вам по давности истекших лет* (Герасимов).

В научных текстах распространено сочетание с инфинитивом слова *возможно*. В таких предложениях модальное значение собственно возможности выражается в чистом виде, напр.: *Возможно объединить эти и другие проблемы одной широкой и исключительно важной темой долгосрочного географического прогноза* (Саушкин).

Особое место в периферийной системе модальности занимают предложения с глаголами *придется / приходится, остается, предстоит, суждено, доведется, досталось* и некоторыми другими. Такие предложения имеют значение собственно необходимости с ярким дополнительным оттенком неизбежности, напр.: *Никому и в голову не приходило, что тут и воевать придется, думали, получив оружие, что будем доучиваться, что входим в какой-то особый глубинный резерв. Но дней через десять иллюзиям суждено было рассеяться* (Грибачев). *Однако мне вовсе не хочется с тобой ссориться, тебе предстоит выслушать неприятную новость* (Н. Горбачев).

В периферийную систему предложений с модальными значениями возможности и необходимости входят также предложения с независимым инфинитивом. Они, если рассматривать их в чистом виде — без частиц *бы, ли,* побудительной интонации и т. п., способны выражать только два модальных значения: собственно невозможности и собственно необходимости с оттенком неизбежности. Структурно они распределяются следующим образом: отрицательная частица *не* и совершенный вид инфинитива передают значение невозможности; совершенный вид инфинитива без частицы *не,* несовершенный вид инфинитива с частицей *не* или без нее — значение неизбежности. При этом значение невозможности тесно связано с настоящим неактуальным, значение неизбежности — с будущим временем. Приведем примеры: *А рабочие тогда мальчишки были, лет по четырнадцать-пятнадцать,— им катушку-то не поднять на машину. Я, считай, за четверых работал* (Британишский) (значение невозможности со-

вершения действия). *Мне дважды не жить этой жизнью земной. Вершина мечты высока надо мной* (Айтхожина) (значение неизбежности).

Следует отметить и так называемую субъективную модальность. Обычно это модальное значение понимается как добавочное, образующее в предложении второй модальный слой. Основное средство выражения этого значения — вводные слова и словосочетания, которые занимают в предложении автономное положение, напр.: *Мы долго лежали на привалах и слушали, как шумят океанским прибоем вершины сосен,— высоко над головой дул медленный летний ветер. Он был, должно быть, очень горяч* (Паустовский). В приведенном примере вводное словосочетание *должно быть* не входит в структуру предложения и не влияет на отношения между членами предложения (ср.: *Он был очень горяч*). Функция этого словосочетания — выразить отношение говорящего к достоверности сообщаемого (то, что ветер был очень горяч,— предположение рассказчика).

Вводные слова и словосочетания могут выражать различную степень достоверности сообщаемого. Наиболее высокая степень достоверности выражается словом *безусловно*. Достаточно высокая степень достоверности выражается словосочетаниями *должно быть, в самом деле*, словами *очевидно, наверно / наверное, разумеется*. Среднее положение по отношению к степени достоверности сообщаемого занимают слова и словосочетания типа *по-видимому, вероятно, возможно, может быть, надеюсь*. Наиболее низкая степень достоверности присуща словам *кажется, пожалуй*.

ДЕЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО ЦЕЛИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ 5. Повествовательное предложение. Предложение всегда обращено к кому-то: говорящий (пишущий) обращается к слушающему (читающему). Целью обращения может быть сообщение информации, запрос информации или волевое воздействие на собеседника. В первом случае будет использовано повествовательное предло-

жение, во втором — вопросительное, в третьем — побудительное [1].

В повествовательном предложении информация направлена от говорящего (пишущего) к слушающему (читающему). Повествовательные предложения служат для сообщения о реальных фактах, о полученных новых знаниях, для описания вымышленных или предполагаемых событий. Например:

Численность белых медведей в Арктике увеличилась. Такой вывод позволяют сделать исследования ученых на острове Врангеля. Этот остров — один из крупнейших «родильных домов». Здесь ежегодно в сентябре — октябре залегают 150—250 медведиц. Зимой у каждой появляется 1—3 детеныша. Охота на белых медведей в СССР запрещена (Алексеева).

Все предложения этого микротекста — повествовательные. Функция, цель каждого из них — сообщить читателю информацию о белых медведях в Арктике (об их численности, о рождаемости, запрещении охоты на них в СССР).

В следующем микротексте М. Пришвин передает читателю свое отношение к природе:

Природа для меня — огонь, вода, камень, растения, животные — все это части разбитого единого существа. А человек в природе — это разум великого существа, накопляющий силу, чтобы собрать всю природу в единстве.

В повествовательном предложении могут быть выражены различные модальные значения: то, что в нем сообщается, может мыслиться как реальное, нереальное, желательное, возможное, необходимое, требуемое, напр.:

Не все, оказывается, можно объяснить даже самому себе. Я хочу видеть медведя. Мне ничего от него не надо, пусть он неторопливо пройдет по склону, а я буду смотреть. И эти пустынные горы сразу станут для меня другими (Сладков).

Повествовательным предложениям свойственна интонация завершенности, законченности предложения, выражающаяся в понижении голоса.

---

[1] Некоторые синтаксисты включают побудительные предложения в число повествовательных, поскольку побудительные предложения содержат сообщение о действиях, требуемых от данного лица (см.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979, с. 212). Думается, что такое включение усложняет анализ и восприятие двух видов предложений, существенно различающихся выраженным в них отношением к информации.

Разновидностью повествовательных предложений являются восклицательные предложения, в которых сообщение информации сопровождается ее эмоциональной оценкой, напр.: *Дорогая Анна Андреевна! Так много нужно сказать — и так мало времени!* (М. Цветаева).

§ 6. Вопросительное предложение. Содержание вопросительных предложений заключается в запросе информации, поэтому сами они информации не несут, но предполагают ее получение от собеседника. Информация в этом случае направлена от слушающего (читающего) к говорящему (пишущему), напр.:

— Как ваше здоровье,— спросил я,— деревья? —
Деревья молчали вначале.
Скучали? Презреньем встречали?
Едва ли.
Они тосковали.

(Мартынов)

В данном отрывке поэт задает вопрос деревьям и сам отвечает на него, сначала предполагая *(Скучали? Презреньем встречали?)*, затем как бы угадывает ответ, находит точное определение состояния деревьев: *Они тосковали.* И хотя деревья молчат, ответное сообщение направлено от них к поэту.

Степень полноты информации, которой располагает говорящий, определяет структуру вопросительного предложения. Если говорящему ничего не известно о данном лице, предмете или явлении, он задаст самый общий вопрос, напр.: *Вы что-нибудь слышали об этом?* (или *Вы слышали об этом?*). *Вы что-нибудь о нем знаете? Кто-нибудь звонил?* (или *Мне звонили?*).

При наличии хотя бы минимума информации вопрос будет сформулирован иначе: *Что вы слышали об этом?* (или *Что произошло вчера?*). *Что вам известно о нем?* (или *Что с ним?*). *Кто звонил?* Говорящий располагает информацией о том, что его собеседник что-то слышал о данном событии, что ему что-то известно о данном лице, что ему кто-то звонил, но эта информация не конкретна. На первое место выносится вопросительное местоимение *кто* или *что.*

Если же говорящий располагает достаточно полной информацией, но испытывает сомнение в ее достоверно-

сти, то он задаст уточняющий вопрос, напр.: *«Василий Васильевич, ведь вы, наверно, и сами стихи пишете, раз все так хорошо знаете и умеете объяснять?» — «Нет, не пишу»,— ответил Свистунов, и ответ этот был полной неожиданностью для меня* (Исаковский). В данном вопросительном предложении выражена уверенность в том, что учитель пишет стихи, и даже приведен аргумент — знание учителем правил стихосложения. Цель вопроса — уточнить предполагаемую информацию. Отрицательный ответ воспринимается задавшим вопрос с удивлением.

В уточняющих вопросах широко используются частицы *ведь, да ведь, же* и др. Уточнение может относиться к части информации, напр.: *Вы студент второго курса или третьего?* В этом случае используется разделительный союз *или*.

В целях большей выразительности высказывания иногда используется так называемый риторический вопрос. Риторический вопрос возможен только при наличии полной информации о предмете речи. Он представляет собой как бы доказательство от противного. Его функция в предложении — усиление эффекта от описываемого действия или события, напр.: *Следующей страной была Италия. Кто не мечтает увидеть Рим, Неаполь, Венецию, Флоренцию, произведения великих творцов эпохи Возрождения? Конечно, эта поездка была для нас большим подарком* (Есипова) (ср.: *Каждый мечтает увидеть Рим, Неаполь, Венецию, Флоренцию, произведения великих творцов эпохи Возрождения* — в повествовательном предложении та же мысль выражена менее эмоционально).

Интонация вопросительных предложений зависит от их структуры и семантики. Наиболее типичной для них является нисходяще-восходяще-нисходящая интонация, когда наибольшее повышение тона приходится на середину фразы: *Может быть, у вас какие-то сомнения возникли?* Возможно также повышение тона в конце фразы (нисходяще-восходящая интонация): *«А вы, товарищи, сами откуда?» — «Сейчас из Привалова, а вообще из Москвы».— «Из самой Москвы?»* (Кобрин). И последний возможный вариант — повышение тона в начале фразы (восходяще-нисходящая интонация): *«Ты взял у сестры куклу?» — Эти слова упали на меня так отчетливо и резко, что я вздрогнул. «Да»,— ответил я тихо* (Короленко).

§ 7. Побудительное предложение. Побудительные предложения обращены к слушающему (читающему) с целью побудить его к какому-либо действию, напр.:

Ведь сколько раз измена очагу
Заканчивалась родине изменой...
Храните дом,
В котором мы живем!

(Савельев)

Побуждение к действию может быть выражено в мягкой форме — просьба, совет, пожелание: *«Расскажите еще что-нибудь, Виталий Андреевич!» — попросил Лаптев* (Ваншенкин).

Наиболее жесткой формой побуждения является приказ: *Двадцать второго февраля ровно в девять утра будь на Четырнадцатой стрит...* (Стуруа).

Просьба, совет, приказ могут быть сформулированы в вежливой форме: *Сюда, в эту мастерскую, и пригласил меня однажды Корин. «Входите, пожалуйста»,— радушно приветствовал гостей Павел Дмитриевич, открывая дверь* (Н. Михайлов) (вежливое приглашение). *«Знакомый путь, знакомый,— говорил Тергукасов на военном совете, расхаживая по штабной палатке.— Две особенности прошу припомнить и не забывать»* (Васильев) (вежливый приказ).

Основным средством выражения побуждения является глагол в повелительном наклонении: *Данилов подождал Наташу. «Вы со мной сегодня не говорите ни о чем,— сказала Наташа.— И не провожайте меня»* (Орлов).

Для передачи требования или приказа может использоваться инфинитив: *Объявить обитателям планеты, именуемой Лесная Грудь, о нашем отказе вступать с ними в какие бы то ни было виды контактов как несовместимых с историческим опытом, насущными интересами и особенностями нынешнего развития человеческого общества на Земле* (Айтматов).

В значении побуждения могут выступать также существительные и наречия: *«Теперь к берлоге,— скомандовал Рыжий.— Она где-то рядом...»* (Наровчатов). *«Вперед! — закричал майор Дембровский.—Сейчас вышибем их...»* (Васильев).

Приглашение к совместному действию обычно выражается глаголом множественного числа: *«Ну, по-*

шли!» — сказал Иван Иванович (Тараканова). *У ворот я встречаю Михал Титыча. Он приветливо протягивает руку: «Как дела?» — «Нормально,— говорю,— дела, Михал Титыч, резина нужна — и можно ехать». — «Пойдем поглядим»* (Гейко).

Иногда очень мягкое приглашение к действию может выражаться вопросительным предложением: *Часу в одиннадцатом вечера Чичерин постучал ко мне... «Да, Георгий Васильевич...» — «Нет настроения постоять под открытым небом? По-моему, прошел дождь и пыль прибило...» — «Ну что ж, охотно»* (Дангулов).

Наиболее распространенной для побудительных предложений является нисходяще-восходящая интонация (повышение тона на конце).

§ 8. Утвердительные и отрицательные предложения. В предложении может утверждаться связь между явлениями, о которых в нем говорится. Например, в предложении *Студент читает* утверждается связь между студентом и чтением. Такие предложения называются утвердительными. В отрицательном предложении указывается на отсутствие связи между явлениями, о которых в нем говорится. Например, в предложении *Петр не уехал* отрицается связь между Петром и отъездом.

Отрицание в русском языке выражается частицей *не*, а также словами *никто, ничто, никакой, нигде, никогда* и др.; частицей *ни* в значении «ни один»; отрицательным союзом *ни... ни*; отрицательными предикативными словами *нет, некого, негде, некогда, нельзя, невозможно* и др.

Важно различать, относятся ли отрицательные слова ко всему предложению в целом или к одному из его членов. В первом случае все предложение является отрицательным. Во втором случае отрицается только один из компонентов предложения, предложение же в целом относится к утвердительным, ср.: *Старики не узнали своих мест* (Гейченко) (отрицательное предложение). *К концу уроков утомились не только ребята* (Куранов) (утвердительное предложение: утверждение *Ребята утомились к концу уроков* не отрицается).

Повторение отрицания имеет положительный смысл, т. е. предложение с повторением отрицания является утвердительным, напр.: *Раскольников не мог не засмеяться* (Достоевский) (= засмеялся).

При употреблении отрицательных предложений в устной речи и на письме необходимо помнить о следующих закономерностях:

1. При наличии в предложении отрицательного местоимения, наречия или частицы *ни* отрицательная частица *не* обязательна: *Он* [Игорь] *никогда не задумывался ни над завтрашним днем, ни над вчерашним* (Макаренко).

2. Если частица *не* относится к переходному глаголу в действительном залоге, то прямое дополнение обычно стоит в родительном или винительном падеже, напр.: *Вот уже две недели ездит он* [Ибрагим] *женихом, а до сих пор не видал невесты* (Пушкин).

3. При глаголе в страдательном залоге частица *не* часто требует безличной конструкции, ср.: *На пришкольном участке были посажены деревья* (двусоставное предложение: подлежащее *деревья*) — *На пришкольном участке не было посажено ни одного дерева* (безличное предложение).

ДВУСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 9. Главные члены предложения. К двусоставным предложениям относится подавляющее большинство предложений, которые мы встречаем в письменных текстах или воспринимаем на слух. Они включают в себя два главных члена — подлежащее и сказуемое, причем сказуемое в них координируется с подлежащим.

Подлежащее — один из главных членов двусоставного предложения. Основная грамматическая форма подлежащего — именительный падеж существительного или местоимения-существительного. Эта форма является грамматически максимально не зависимой. Именно поэтому в качестве подлежащего может выступать только одна глагольная форма — инфинитив. Подлежащим может быть также любая субстантивированная словоформа.

Подлежащее обозначает носителя того признака, который назван другим главным членом — сказуемым. Между подлежащим и сказуемым существуют отношения координации: категории числа, рода и лица у частей речи, выражающих подлежащее и сказуемое, всегда соответствуют друг другу.

Важным является вопрос о границах подлежащего.

Хотя форма именительного падежа имени или форма инфинитива грамматически достаточна для выражения подлежащего, не всегда можно считать подлежащим только ее. Так, если независимая словоформа представляет собой количественное числительное или существительное типа *большинство, меньшинство,* то семантически она оказывается недостаточной, напр.: *Большинство студентов было в аудитории. Пять лекций будет по синтаксису. Один из мельников отгребал в мешки размол ячменя...* (Песков).

В связи с этим более правильно выделять подлежащее из предикативной основы предложения, т. е. в соотношении со сказуемым. При таком подходе возможен учет не только грамматической стороны, но и семантической. Так, в приведенных примерах со сказуемыми соотносятся не словоформы *большинство* и *пять,* а словосочетания *большинство студентов* и *пять лекций.*

Подлежащее выражается словосочетанием и в случаях, когда действие, выраженное сказуемым, совершается совместно несколькими лицами: *Дед с внуком пошли на рыбалку. Мы с братом ждали отца.*

Подлежащее может быть выражено фразеологическим сочетанием, например: *Дикие животные обладают обостренным чувством территории* (Даррел).

Сказуемое — один из главных членов двусоставного предложения. Оно является носителем категории предикативности, реализующейся в категориях синтаксического лица, времени и модальности. В сказуемое обязательно входит предикативная форма глагола, в том числе нулевая. Грамматическая форма сказуемого находится в координационной связи с подлежащим: *Студент читает. Я работаю* (координация синтаксического лица). *Студент читал. Бабушка отдыхала. Море было спокойно* (координация рода). *Ребенок играет. Дети гуляют* (координация числа).

Очень важно не смешивать категории морфологического и синтаксического лица. Синтаксическое лицо обозначает не просто признак лица, а отнесенность этого признака к подлежащему. Так, в предложении *Александр Иванович был человек очень смелый* (Киселев) связочный глагол *был* не просто передает значение лица, но соотносит его с подлежащим *Александр Иванович*, координируясь с подлежащим в грамматической форме.

То же относится и к терминам «морфологическое» и «синтаксическое время». Морфологическое время — это время существования признака, синтаксическое время — «отнесенность проявления, обнаружения признака к моменту речи»[1]. Рассмотрим это на примере сказуемых, выраженных причастиями. Морфологически причастие имеет формы времени, но в выражении синтаксического времени они не участвуют. Поэтому причастием прошедшего времени может быть выражено и отношение к будущему *(План будет выполнен)* и настоящему времени *(План выполнен)*.

Классификация сказуемых основана на различии вещественного и грамматического (синтаксического) значения. Если вещественное и грамматическое значение сказуемого выражены формой одного глагола, то это простое сказуемое: *Поднялся ветер. В одну минуту пламя охватило весь дом* (Пушкин). Если же вещественное значение сказуемого выражено формой одного слова, а грамматическое — формой другого слова, то это составное сказуемое:

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.
(Есенин)

Простое сказуемое может быть только глагольным. Обычно оно состоит из одного слова. Исключение составляют случаи, когда сказуемое выражено фразеологическим оборотом, тождественным по значению глаголу, напр.: *Но он, пискарь-сын, отлично запомнил научение пискаря-отца, да и на ус себе намотал* (Салтыков-Щедрин) (здесь фразеологический оборот *на ус себе намотал* дублирует значение глагола *запомнил*, усиливая эмоционально-экспрессивную сторону предложения).

Часты случаи, когда сказуемое выражается описательным оборотом: *проводить консультацию, принимать решение, приносить присягу, подводить итоги, наводить справки* и т. д. Такое сказуемое нельзя отнести к составному, поскольку глагол в нем частично сохраняет лексическое значение. Нельзя отнести его и к простому сказуемому, так как глагол свободно сочетается с целым рядом су-

---

[1] *Лекант П. А.* Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М., 1976, с. 12.

ществительных: *получать применение, развитие, распространение; испытывать желание, радость, потребность, тревогу; делать доклад, замечание, остановку, усилие; вести беседу, переговоры, расследование, спор*[1]. Подобные сочетания не являются фразеологическими.

Основным классифицирующим признаком составного сказуемого является, как уже отмечалось, передача грамматического значения одним его компонентом, вещественного — другим. Составное сказуемое может быть глагольным или именным.

Именное составное сказуемое выражается двумя самостоятельными словами — связкой и присвязочным, или предикативным, членом. Связка иногда может опускаться.

Связка выражает грамматические значения лица, времени и наклонения, она же выполняет функцию соединения сказуемого с подлежащим. Нулевая связка — показатель настоящего времени, в том числе настоящего неактуального.

Присвязочный член выражает признак подлежащего, напр.: *Зима этого года была холодная и снежная...* (Иванов). *Для меня мои ученики были и учителями. Они максималисты, и мне по душе их непримиримость к фальши всякого рода и нечестности* (Степанов).

Вещественный компонент может быть выражен свободными или фразеологическими словосочетаниями, напр.: *Первоначально, до прихода людей, Новая Зеландия была страною птиц* (Зверев) (именная часть сказуемого — свободное словосочетание). *В битве под Красным Понселе был на волоске от смерти* (Смышляев) (именная часть сказуемого — фразеологическое сочетание).

Необходимо отличать связочный глагол *быть* от полнозначного. В следующем примере глагол *быть* имеет значение бытия и является полнозначным: *Есть на севере острова, где живут только птицы* (Акимушкин) (ср. с предложением, в котором *быть* выступает как связка: *Вася доплыл до маленького островка, заросшего ка-*

---

[1] Некоторые лингвисты рассматривают сказуемое, выраженное описательным оборотом, как особый тип, другие, в частности П. А. Лекант, считают его простым.

мышом, спрятался там, но из воды выходить боялся. Река была ледяная... (Лужная).

Кроме глагола *быть*, в качестве связки используются глаголы *стать, казаться, считаться, являться, называться, слушать* и др., частично утратившие вещественное значение, а также глаголы, сохранившие свое вещественное значение: *жить, ходить, родиться, работать, лежать* и др. В предложении такие глаголы могут встречаться не только в функции связки, но и в функции простого сказуемого: *Он казался счастливым* (глагол *казаться* в значении связки) — *Все это тебе показалось* (полнозначный глагол *показаться*).

В функции присвязочно-предикативных членов могут выступать имена существительные в различных падежах, в том числе с предлогами, краткие и полные прилагательные (последние в именительном или творительном, а также в родительном падеже и в форме сравнительной степени), краткие и полные причастия, местоимения, числительные, наречия, междометия, фразеологические сочетания, напр.: *Лес был строевой... Лиственницы были могучи, спокойны, тихи... Травы были ровные-ровные, повсюду только чуть выше колен, совсем не зеленые, а какие-то прозрачные на солнце, и даже не росные, а все погруженные в прозрачный пар* (Залыгин).

Составное глагольное сказуемое образуют два элемента — форма личного глагола и инфинитив.

Такое сказуемое может выражать различные значения: начало, продолжение, конец действия, возможность, необходимость, желание совершить действие, эмоциональное отношение к действию и т. д., напр.: *Шоу не мог долго сидеть на стуле, часто вскакивал с одного места и пересаживался на другое или начинал торопливо ходить на длинных, тощих ногах из угла в угол* (Майский).

В конкретном предложении не всегда бывает легко различить подлежащее и сказуемое. Это относится к случаям, когда и подлежащее, и сказуемое представлены существительными в именительном падеже или инфинитивом. Порядок слов здесь не является средством различения, поскольку у него другие функции, ср.: *Москва — столица СССР* и *Столица СССР — Москва.* Иногда разграничить подлежащее и сказуемое в таких случаях можно с помощью преобразования: *Москва является сто-*

лицей СССР. Это связано с тем, что существительное в форме именительного падежа, выступающее в качестве именной части сказуемого, имеет более широкий объем понятия. Так, в предложении *Книги — источник знания* объем понятия «источник знания» шире, поскольку источником знания могут служить не только книги. Здесь подлежащее — *книги,* сказуемое — *источник знания.* Возможное преобразование: *Книги являются источником знания.* При равном объеме понятий такое преобразование перестает быть различающей операцией, ср.: *Победитель парусных гонок — студент из Риги* (одинаково возможны *Победитель парусных гонок является студентом из Риги* и *Студент из Риги является победителем парусных гонок*). Различение подлежащего и сказуемого возможно здесь только с учетом актуального членения предложения, т. е. в конкретных условиях общения. Так, при ответе на вопрос *Кто победитель парусных гонок?* подлежащее определится как *студент из Риги.*

§ 10. Второстепенные члены предложения. Второстепенные члены предложения — это зависимые компоненты словосочетаний. В их число обычно включают определение, дополнение и обстоятельство. Они могут выполнять в предложении две функции: 1) быть распространителями главных членов предложения; 2) быть распространителями предложения в целом [1].

Определение — второстепенный член предложения, который распространяет и поясняет другой член предложения (подлежащее, дополнение и т. д.), выраженный именем существительным. Отвечает на вопросы *какой? чей? который?*, напр.: *Я был рожден для жизни мирной, для деревенской тишины...* (Пушкин) (определения, выраженные полными прилагательными *мирной* и *деревенской,* распространяют дополнения *жизни* и *тишины*).

---

[1] В современной лингвистике компоненты предложения, распространяющие предложение в целом, не относят к второстепенным членам предложения. Их выделяют в особую группу и рассматривают на одном уровне с главными членами предложения как формирующие предложение. Обычно их называют «детерминанты» (дательный падеж субъекта) и «ситуанты», или «обстоятельственные детерминанты» (обстоятельства, указывающие на условия протекания действия).

Определение может быть согласованным и несогласованным, напр.: *М. Залка вернулся с Украины к именинам своей жены — 29 сентября* (Залка, Сапрыкин). *На стене висел небольшой гобелен с изображением сельского пейзажа.* В этих предложениях согласованные определения выражены притяжательным местоимением *своей* и прилагательными *небольшой, сельского,* несогласованное — словосочетанием с главным словом существительным — *с изображением пейзажа.*

Согласованное определение не надо смешивать с именной частью составного сказуемого, ср.: *29 сентября, Москва. Весь день хожу как в воду опущенный. Стесненное положение наших испанских друзей становится все более очевидным* (Залка, Сапрыкин). Выделенные сочетания слов представляют собой именную часть составного именного сказуемого, в первом случае выраженную фразеологическим оборотом с причастием *опущенный,* во втором — сравнительной степенью прилагательного *очевидный* в творительном падеже. Прилагательные *стесненное* и *испанских,* местоимение *наших* выступают в этом предложении в функции определений к существительным *положение* и *друзей.*

Приложение — это определение, выраженное именем существительным, согласующимся с определяемым словом в падеже, напр.: *летчик-космонавт, девочка-первоклассница, город Ленинград.*

Приложения делятся на определительные и уточняющие.

Определительные приложения определяют предмет или лицо: *газета «Известия», заслуженный учитель Петров Иван Семенович.*

Уточняющие приложения содержат дополнительную информацию о предмете или лице: *Моя сестра живет в Оймяконе, самом холодном городе Советского Союза.* Уточняющие приложения используются для характеристики лица со стороны его национальности *(студент-грузин)*, профессии *(инженер-строитель)*, социального происхождения *(старик крестьянин)* и т. д.

Приложение может относиться к любому члену предложения, выраженному именем существительным, личным местоимением, субстантивированными прилагательными или причастиями, числительными.

Приложения могут присоединяться к определяемому слову при помощи союзов *или, а именно, то есть*, сочетаний *по имени, по фамилии, по профессии* и т. д.

Если приложение выражено нарицательным существительным и состоит из одного слова, а определяемое существительное также нарицательное, то они сливаются по смыслу в одно понятие и пишутся через дефис. Определяемое слово занимает первое место, приложение стоит после него, ср.: *автоматический завод — завод-автомат*.

Дополнение — это второстепенный член предложения, отвечающий на вопросы косвенных падежей. Оно служит для распространения и пояснения сказуемого или другого члена предложения. Дополнения могут быть приглагольными и присубстантивными, напр.: *Каждое слово состоит из звуков* (Л. Успенский). *Сережка был сыном помощника машиниста* (Н. Островский). В первом предложении *из звуков* — приглагольное дополнение к *состоит*, во втором *помощника машиниста* — присубстантивное дополнение к *сыном*. В обоих случаях дополнения распространяют сказуемое (в первом случае — глагольное, во втором — именную часть составного).

Приглагольные дополнения делятся на прямые и косвенные. Приименные дополнения всегда косвенные.

Прямое дополнение относится к члену предложения, выраженному переходным глаголом, и обозначает объект, на который непосредственно распространяется действие. Прямое дополнение выражается существительным в винительном падеже без предлога: *Все реже крестьяне ткут холсты, так как их заменяет более дешевый фабричный ситец* (Прокин, Соловьев).

Присубстантивное косвенное дополнение необходимо в некоторых случаях отличать от несогласованного определения, ср.: *С кем у тебя сегодня встреча? — Встреча с друзьями* (дополнение). *Какие у тебя планы на вечер? — Встреча с друзьями* (несогласованное определение: отвечает на вопрос *какая встреча?*).

Приглагольное косвенное дополнение по форме сближается с обстоятельством, ср.: *встретить друга с радостью* (обстоятельство образа действия: отвечает на вопрос *как?*) — *встретить друга с сестрой* (дополнение: отвечает на вопрос *с кем?*), *уехать весной* (обстоятельство: отвечает на вопрос *когда?*) — *повеяло весной* (дополнение: отвечает на вопрос *чем?*). В первом примере различия определяются лексическим значением существительных

радость и *сестра*, во втором — лексическим значением глаголов *уехать* и *повеять*.

Обстоятельство обычно определяется как второстепенный член предложения, сообщающий о способе, месте, времени, цели, причине, условии и других подобных характеристиках действия или состояния и отвечающий на вопросы *как? каким образом? где? когда? почему?* и др.

Функция обстоятельств — распространение членов предложения или предложения в целом. Они могут выражаться наречиями, существительными в косвенных падежах с предлогами и без предлогов, деепричастиями, инфинитивом, фразеологическими сочетаниями, напр.:

Бедный деревьями степной аул весь был открыт солнцу. Улица пустовала. Только у сакли торговца Кумалея, в тени серебристого тополя, сидел на корточках бритоголовый нищий. Под другим тополем стоял оседланный конь. Стайка голубей подбирала в пыли зерна. Птицы двигались вяло: клюнут — и посидят без движения, клюнут — и приоткроют клюв, задыхаясь. Было знойно. Из сакли вышел джигит в папахе, с кинжалом у туго стянутого пояса. В руках держал он кожаную сумку (Бианки).

В этом микротексте мы можем наблюдать обстоятельства места *(у сакли, в тени, под тополем, в пыли, из сакли, у пояса, в руках)*, отвечающие на вопросы *где? откуда?*; обстоятельства образа действия *(на корточках, вяло, без движения, задыхаясь, туго)*, отвечающие на вопросы *как? каким образом?* Одни из них относятся к сказуемому *(сидел на корточках, двигались вяло, посидят без движения; приоткроют клюв, задыхаясь)*, другие — к второстепенным членам предложения, например к определению *(туго стянутого)* или дополнению *(с кинжалом у пояса)*, третьи, интонационно обособленные,— ко всему предложению в целом *(под тополем, из сакли)*.

ОДНОСОСТАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 11. Главный член односоставного предложения. В течение длительного времени двусоставное предложение рассматривалось синтаксистами как основное для русского языка. Однако характерной особенностью русского языка являются односоставные предложения. В односоставных предложениях только один

главный член, напр.: *Перестрелка отдалилась. Гарь. Пороховой дым. Запах войны. И щемящее чувство безопасности. Близко, на путях, сопит бронепоезд. Мглистый ранний вечер. Скоро совсем стемнеет* (Ржевская). Второе, третье, четвертое, пятое, седьмое и восьмое предложения имеют только один главный член.

По поводу главного члена односоставного предложения существуют две точки зрения. В соответствии с первой в односоставном предложении можно выделить только один главный член, объединяющий признаки подлежащего и сказуемого. Вторая точка зрения основана на субстантивном или глагольном оформлении главного члена: в первом случае главный член односоставного предложения признается подлежащим, во втором — сказуемым.

Из приведенных примеров все односоставные предложения микротекста окажутся, в соответствии с первой точкой зрения, содержащими главный член, в соответствии же со второй точкой зрения, в предложениях *Гарь. Пороховой дым. Запах войны. И щемящее чувство безопасности. Мглистый ранний вечер* выделяется подлежащее, в предложении же *Скоро совсем стемнеет* — сказуемое. Первая точка зрения основана на определении главных членов двусоставного предложения, вторая — на формальных признаках подлежащего и сказуемого, в частности на том, какой частью речи выражен данный член предложения и какие распространители он может иметь при себе (ср. согласованные и несогласованные определения в предложениях, в которых выделяется подлежащее *(пороховой, войны, щемящее, безопасности, мглистый, ранний)*, и обстоятельства времени и степени действия в предложениях, в которых выделяется сказуемое *(скоро, совсем)*.

Что же представляет собой главный член субстантивных односоставных предложений типа *Июль. Прифронтовые города* (Попов)? Сторонники второй точки зрения, выделяющие в таких предложениях подлежащее, считают, что в этих предложениях только называются явления, существование которых утверждается. Однако у нас нет оснований согласиться с этим мнением: один-единственный главный член предложения, не связанный с другим и, следовательно, не противопоставленный ему, нельзя рассматривать как только называющий явление: такой член предложения и называет явление, и выражает его признак.

Обратимся к односоставным предложениям, главный член которых выражен глаголом: *Состоялась 32-я Пагуошская конференция в Варшаве, посвященная 25-летию Пагуошского движения. Напомню историю этого движения* (Емельянов). *К ночи все небо заволокло тучами* (Суворов). Глаголы в приведенных примерах содержат указание на синтаксическое лицо: *напомню* (речь идет о 1-м лице), *заволокло* (указание на безличность).

Таким образом, несмотря на внешнее сходство главных членов некоторых односоставных предложений с подлежащим, а других — со сказуемым, у нас нет оснований переносить это деление с двусоставных предложений на односоставные. Поэтому для двусоставных предложений сохраним термины «подлежащее» и «сказуемое», для односоставных же будем пользоваться термином «главный член односоставного предложения» или просто «главный член».

§ 12. Виды односоставных предложений. Традиционно к односоставным предложениям относят предложения следующих типов: номинативные, определенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные.

Определенно-личные предложения — это предложения, в которых значение лица передается одним главным членом. Указание на лицо в таких предложениях заключается в формах 1-го или 2-го лица настоящего — будущего времени. Другие глагольные формы (3-го лица настоящего — будущего времени, прошедшего времени, сослагательного наклонения) многозначны, так как могут выступать в качестве главного члена безличных или неопределенно-личных предложений, ср.: *Прочитав указ, пошел я в наградной отдел уточнить, может быть, это и не мне присвоено звание, а однофамильцу. Прихожу. Обращаюсь к майору, который сидит за перегородкой* (Карпов) (предложения *Прихожу. Обращаюсь к майору...* могут быть только определенно-личными). *Душу леденит недоступностью и неподвластностью этих далей...* (Астафьев). *Генерал реагирует очень живо. Но на юмор не отзывается никак* (Сельвинский) (в первом примере глагол в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени передает значение безличности *(леденит)*, во втором — значение 3-го лица *(не отзывается)*; различие между ними определяется только контекстом, грамматическая же форма здесь омонимична).

Определенно-личные предложения являются стилистическим вариантом двусоставных предложений, ср.: *Я понимаю вас — Понимаю вас*. Они часто употребляются в живой, разговорной речи и в поэзии. Иногда определенно-личные предложения омонимичны неполным двусоставным предложениям, поэтому при определении типа предложения необходимо обращать внимание на предшествующий контекст. Так, в первом предложении следующего микротекста подлежащее выражено личным местоимением *я*, второе предложение можно рассматривать как неполное двусоставное: *Я бреду по тугаям* [низинам] *с биноклем и фотоаппаратом, в высоких резиновых сапогах. Палкой проверяю путь* (Зверев).

Неопределенно-личное предложение — это односоставное предложение, в котором и действие, и деятель представлены глаголом в форме 3-го лица множественного числа.

Как и определенно-личные предложения, они омонимичны неполным двусоставным предложениям, ср.: *Что они делают? — Стучат* (неполное двусоставное). *Слышишь, стучат* (односоставное).

Неопределенность в таких предложениях может иметь разную степень. Наименьшая неопределенность возникает, когда субъект действия известен, хотя и не назван: *Вас просят не уходить. Меня ждут*. В первом случае деятель известен и говорящему, и слушающему, но не назван, так как говорящий не считает информацию о нем существенной. Во втором деятель может быть известен и говорящему, и слушающему или только говорящему, который либо не считает информацию о деятеле существенной (цель коммуникации в данном случае — объяснить причину ухода), либо по каким-то причинам не хочет назвать лицо, которое его ждет.

В следующем примере общее представление о деятеле есть и у говорящего, и у слушающего, но оно не может быть в данных условиях определенным: *Подползает отставший немного Рябиков: «По цепи передают — командиру второго взвода принять роту»* (Кондратьев).

Наибольшая неопределенность характерна для случаев, когда субъект действия неизвестен говорящему, о нем можно только догадываться, напр.: *Звонят. Стучат*.

Высокая степень неопределенности свойственна неопределенно-личным предложениям в микротекстах типа: *Обыкновенно в мирное время выгнанные гимназисты по-*

ступали в юнкера. В военное время они ехали на фронт. Однако для меня это оказалось не так-то просто. В пехоту — пожалуйста. Но в пехоте наверняка убьют (Катаев). *У арабов лошадь — член семьи. Там на нее, как на самую верную няньку, оставляют малых детей* (Куприн).

Неопределенно-личные предложения с наибольшей степенью неопределенности приближаются по своей семантике к обобщенно-личным. Но и при максимальной неопределенности сохраняется следующая семантическая закономерность: неопределенное лицо, неопределенный деятель в неопределенно-личном предложении имеет некоторую очерченность во времени и пространстве. Так, в предложении *Стучат* при полной неизвестности лица (лиц), производящего (производящих) действие, временные границы действия достаточно четки (это происходит сейчас, в момент времени, совпадающий с моментом речи). Указаны и пространственные границы (на лестничной площадке, на крыльце, в коридоре). Тем самым и производитель действия получает предельно общую характеристику: тот, кто в настоящий момент стоит за дверью.

В следующем микротексте производитель действия в неопределенно-личных предложениях — это владелец и администрация фирмы, потенциальные заказчики фирмы. Действие относится к настоящему времени:

У сварочного станка стоял мальчик... Без перчаток, голыми руками мальчик зажимал на станке деталь, надавливал на кнопку пуска и отворачивался: защитных очков у мальчика не было... Ему было двенадцать лет. По японским законам его еще запрещалось ставить за станок.

— А тебе платят? — спросил я мальчика.

— Нет, ничего не платят,— ответил он.

— Так чего ж ты работаешь?

— Господину Итикаве не дают теперь заказов, и ему нечем платить. Он обещал мне игрушку — маленького заводного робота (Цветов).

Обобщенно-личные предложения содержат глагол, называющий действие, которое относится к широкому, обобщенно представленному кругу лиц:

«Мама, ты очень похудела. Я знаю, вас тут не очень закармливают, но ведь папа и Миша высылают тебе свои офицерские аттестаты. Почему ты ими не пользуешься?» Мать горько усмехнулась: «Некогда мне, Алеша, по рынкам расхаживать, на спекулянтские рожи любоваться,

отстоишь у станка четырнадцать часов, добредешь до казармы и свалишься на койку, а то и не добредешь, прямо в цеху на ящики ляжешь...» (Старилов).

В этом примере говорящий мог не переходить на обобщенно-личную форму глагола, а продолжать рассказ от 1-го лица, но мать Алеши вспоминает и о других женщинах, работавших не только с нею, о женщинах всей страны в тяжелое военное время и одновременно включает в свои переживания сына.

Таким образом, неопределенно-личные предложения содержат меньшую степень обобщенности: неопределенное лицо в них обладает некоторой очерченностью во времени и пространстве. Обобщенно-личные предложения повествуют нам о лицах, объединяемых не столько пространственно-временными рамками, сколько общими категориями, напр.:

Настоящая дружба
Творится в трудах и невзгодах,
Средь лгунов и бездельников
Друга себе не найдешь.

(Мирмухсин)

В этом примере время и пространство предельно обобщены, они могут включать весь мир в прошлом, настоящем и будущем. Такое расширение времени и пространства, их крайнее обобщение соотносится и с обобщением неназванного лица, производящего действие,— вообще любой человек всегда.

Иногда отмечается, что на обобщенное лицо может указывать глагол в форме 3-го лица множественного числа. В таком случае в качестве примера обычно приводят пословицы: *Цыплят по осени считают. За очи коня не покупают* (т. е. не глядя). Однако материал пословиц в данном случае лучше не использовать. Во-первых, в современном русском языке они представляют собой более древний слой и в них, следовательно, сохраняются элементы более древних систем, в том числе синтаксических. Поэтому в каких-то ситуациях они могут служить дополнительным иллюстративным материалом, но не аргументом при рассмотрении противоречивых языковых явлений. Во-вторых, в пословицах всегда наличествует обобщение, поэтому пословица в любом синтаксическом оформлении

может быть воспринята как обобщенно-личное предложение, напр.: *Рыбак рыбака видит издалека. Ласковый теленок двух маток сосет.* По форме это двусоставные предложения, но с временными и пространственными характеристиками, представленными крайне обобщенно. Во всех этих предложениях есть один семантический признак, не позволяющий рассматривать их как обобщенно-личные: действие пословиц в большинстве случаев может быть соотнесено с любым человеком, кроме говорящего; говорящий исключает себя из числа действующих лиц. И еще один момент: время действия, пространство, в котором это действие разворачивается, и лицо в пословице не очерчены, но сама пословица применяется говорящим в определенной ситуации и содержит в этой ситуации критику определенного лица, характеристику определенного явления.

Безличные предложения обычно определяются как односоставные предложения, сказуемое которых называет действие или состояние, представленные без участия грамматического субъекта действия — подлежащего. Однако данное определение позволяет отнести к безличным не только предложения типа *Морозит. Темнеет*, но и предложения с дательным падежом субъекта действия типа *Мне нездоровится.* По своему синтаксическому оформлению предложения с дательным падежом субъекта действия односоставны, семантически же их следует признать содержащими субъект действия. Более правильно поэтому определять безличные предложения как такие, деятель которых не только не назван, но и не мыслится [1].

Таким образом, безличными называются односоставные предложения, главный член которых выражен безличным глаголом или словом категории состояния, напр.: *Светает... В лесу еще темно, но тропу уже видно* (Сладков). *По-прежнему тянет меня на озеро Дго, но я туда больше не езжу* (Журкович). *С утра прояснилось, снег перестал, набегавшие на небо мрачные тучи разом вдруг разогнало куда-то...* (Субботин). *Холодно, неприютно осенью в тундре* (Акимушкин). Главный член этих пред-

---

[1] О. Б. Сиротинина предлагает по отношению к ним термин «отношение к не-лицу»: «...можно сказать, что они выражают отношение к не-лицу, то, что какое-то действие или состояние не производится ни говорящим, ни его собеседником, ни кем-то (или чем-то) третьим» (Лекции по синтаксису современного русского языка. М., 1980, с. 77).

ложений передает действие сил природы *(светает, темно, видно, прояснилось, разогнало)*, состояние (*тянет, холодно, неприютно)*. Личные местоимения и существительные, передающие значение лица или предмета, здесь пассивны, т. е. испытывают состояние, выраженное глаголом *(меня)*, или на них направлено действие, выраженное глаголом, словом категории состояния, кратким прилагательным *(тропу, тучи)*.

Иногда одно и то же действие может быть передано с помощью как неопределенно-личного, так и безличного предложения, ср.: *Его ранили — Его ранило.* В первом примере неопределенное лицо показывает, что говорящий воспринимает противника реально, на фоне фронтовых будней. Во втором предложении безличная конструкция подчеркивает восприятие войны как стихийного бедствия (ср. название повести Е. Таракановой «Если ранили друга...» и фрагмент из нее: *Оказывается, бойца уже перевязывали. Его ранило еще утром, когда шли в наступление...*).

Предложения с дательным падежом субъекта, как мы уже говорили, традиционная грамматика относит к безличным. Однако такому отнесению препятствует наличие в них семантического субъекта действия. В предложении *За стол сел Хосе: ему тоже не спится* (Боровик) личное местоимение *ему* передает значение лица (ср.: *Он тоже не спит*). Именно на таких предложениях построено стихотворение Э. Блиновой «Летний дождь»:

Не идется мне, а танцуется
в паре с тенью веселой моей.
Под ногами фыркают лужицы
на серьезных и взрослых людей.
Не живется мне, а играется,
отражается в зеркалах.
Посмотрите, какая грация! —
называется: просто — ах!
Не смеется мне, а хохочется.
Оборачиваются вслед...
Этот день никогда не кончится.
Это лето в семнадцать лет...

Такие предложения односоставны формально, семантически же их следует признать содержащими не только предикат, но и субъект действия.

Чешские синтаксисты, представители пражской лингвистической школы, предлагают рассматривать подобные предложения в их сопоставлении с двусоставными активными конструкциями, с одной стороны, и с двусоставными пассивными — с другой. В этом случае лицо, выраженное существительным или местоимением в дательном падеже, займет по степени своего участия в действии промежуточное положение между активным и пассивным деятелем. Предложения такого типа получили в современной лингвистике название полуактивных, ср.: *Я пишу — Мне пишется. Ученики пишут сочинение — Сочинение пишется учениками.*

Наблюдается следующая закономерность: в пассивные преобразуются предложения, содержащие в качестве сказуемого переходные глаголы, в полуактивные — предложения с непереходными глаголами. Исключения являются кажущимися, когда один и тот же глагол употребляется в двух разных значениях, одно из которых допускает употребление винительного объекта, другое — нет, ср. два диалога:

1) — *Ты читаешь?*
— *Нет, не читаю.*
— *Почему?*
— *Не могу, мне не читается.*
2) — *Что ты читаешь?*
— *«Игру» Бондарева.*
— *Да, эта книга читается с интересом.*

В первом диалоге глагол *читать* передает действие обобщенно, не требует прямого дополнения и не является переходным. Именно поэтому он и способен в таком контексте передавать действие-состояние, не вполне зависящее от субъекта. Во втором диалоге глагол *читать* употреблен в значении, предполагающем его переходность и допускающем преобразование в пассивную конструкцию.

Обычно полуактивность характерна для предложений, содержащих глаголы типа *спать, дышать, грустить, думать*, передающие состояние или настроение лица, мыслительные процессы, напр.: *Родные углы... По ним плачешь вдалеке, а вернешься, они после радости тут же чем-нибудь огорчают. Мне уже плохо сидится дома* (Лихоносов). *Ветер мешает говорить. Губы еле открываются, как резиновые. Едем, едем. Думается, думается... Глаза сами собой закрываются* (Катаев).

К полуактивным относятся также предложения с дательным падежом субъекта типа *Ему нельзя вставать. Мне можно уехать*, семантику которых мы рассматривали при обсуждении категории модальности.

Форма дательного падежа субъекта сочетается также с независимым инфинитивом. Некоторые авторы выделяют инфинитивные предложения в самостоятельный раздел, в ряде учебников их относят к безличным.

Инфинитивные предложения содержат инфинитив в функции главного члена. Они могут включать дательный падеж субъекта, но могут его только подразумевать. Приведем примеры с дательным падежом субъекта:

Как падающих в бездну удержать?
Ведь на лету не вырастить и м крылья!
(Рудой)

Я поняла: м н е больше не уснуть.
Вставал рассвет за шторами в просвете,
и электричка совершала путь.
(Колесникова)

Инфинитивные предложения, в которых отсутствует указание на лицо, производящее действие, сближаются по своему значению с обобщенно-личными. Это относится прежде всего к инфинитивным и обобщенно-личным предложениям с инфинитивом или глаголом в форме 2-го лица единственного числа совершенного вида, содержащим отрицание: *И как часто на полевой работе возникают трудности, к о т о р ы х н е п р е д у с м о т р е т ь, н е и з б е ж а т ь* (Чивилихин). *А мысли невеселые. Наверное, от усталости: ноги как ватные, р у к у н е п о д н я т ь н а у р о в е н ь п л е ч а* (Грибачев).

Интересны в этом плане пословицы, имеющие иногда параллельные варианты — с независимым инфинитивом совершенного вида с отрицанием и с глаголом в форме 2-го лица единственного числа совершенного вида с отрицанием: *Шилом моря не нагреть — Шилом моря не нагреешь.*

Возможны случаи употребления при инфинитиве связочного глагола *быть* в форме будущего или прошедшего времени: *Мы решили собраться нашим классом. Я когда узнал, обрадовался вдвойне: и своих повидать интересно, и сразу вообразил во всех лицах, как буду рассказывать —*

сначала про десант, а потом про жизнь со львом, про будущие фильмы. Другим после меня будет и рта не раскрыть! Что они видели в жизни?! (Чулаки). *«Этот мост построили в войну, когда немцы захватили Донбасс,— сказала Галина Тимофеевна.— Без северного угля было не обойтись, но его возили по воде, рекой, морем — долго. А требовалось срочно...»* (Рекемчук).

Такие случаи, хотя они и редки, показывают, что употребление определенных инфинитивных конструкций в том или ином модальном значении является грамматической закономерностью и практически не зависит от их временнóй отнесенности.

К односоставным предложениям относятся также номинативные предложения. Это простые односоставные безглагольные предложения, главный член которых выражен именительным падежом существительного (номинативом), напр.: *«Я вспомнил, конечно, где мы встречались,— писал Потапов,— но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году? Осень. Старые каштаны в Ливадийском парке. Меркнущее небо, бледное море»* (Паустовский).

Вопрос о границах номинативных предложений является сложным и спорным. Это связано с тем, что они формально омонимичны слову, поскольку предикативность в них не имеет внешних показателей. В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) предлагаются следующие критерии выделения номинативных предложений: ограниченность наполнения структурной схемы «словами, в силу своего значения способными передавать бытийность»; появление в прошедшем и будущем времени и в ирреальных наклонениях вспомогательного глагола *быть*, а также полусвязочных глаголов: *Была ночь. Будет ночь* [1].

Важно разграничивать односоставные номинативные и двусоставные неполные предложения. Рассмотрим это на микротексте, в котором речь идет о юноше, впервые

---

[1] Авторы не считают такие предложения двусоставными, поскольку «между именем существительным и глаголом не устанавливается отношений признака и его носителя и глагол является служебным синтаксическим формантом — показателем временнóй отнесенности или временных изменений» (см.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 560).

открывшем глаза после отравления газами (действие происходит во время первой мировой войны):

Где я? Трава. Солнце. Ветер. Деревья. Шевелится стеклянная листва. Я укрыт шерстяным одеялом. Ах да! Я узнаю это одеяло. Такие одеяла, пахнущие карболкой, имеются у нас в околотке. А вот и знакомый доктор. Рыжий. Громадный. Вороньи глаза. Тараканьи усы (Катаев).

Здесь второе, третье, четвертое и пятое предложения номинативные. Юноша еще не связывает предметы и явления, попавшие в поле его зрения. Он их ни с чем не соотносит, лишь называет. Только в шестом предложении появляется глагол. Затем начинается узнавание: сначала он узнает одеяло, потом — доктора. Функция последних четырех предложений — описание внешности доктора. Они связаны с предложением *А вот и знакомый доктор* и являются его развитием. Это неполные двусоставные предложения, причем неполнота в данном случае связана с передачей автором потока сознания героя повести.

ОСЛОЖНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 13. Предложения с обособленными членами. Второстепенный член предложения, как распространенный, так и нераспространенный, может выделяться (обособляться) интонационно в устной речи или знаком препинания на письме.

Обособляются обычно согласованные определения, выраженные причастиями и прилагательными, если они стоят после определяемых существительных и имеют при себе зависимые члены, напр.: *В декабре ударили сильные морозы, доходившие местами до 50 градусов, нанесли страшный ущерб садам и паркам* (Гейченко). Обособляются также два и более нераспространенных определения, стоящих после определяемого слова, напр.: *Глаза, молодые и сильные, смотрят в бесконечность и в глубину себя одновременно...* (Куранов).

Всегда обособляются определения к личному местоимению: *Взволнованный и счастливый, я слышу голос председателя совета командиров товарища Шведа, объявляющего о зачислении меня в коммунары* (Явлинский).

Нераспространенное приложение, относящееся к личному местоимению, обособляется независимо от того, стоит оно перед местоимением или после него: *Ему ли, карлику, тягаться с исполином?* (Пушкин).

Распространенное приложение всегда обособляется, если оно относится к нарицательному существительному или местоимению. Если же оно относится к имени собственному, то обособляется тогда, когда стоит после определяемого слова, напр.: *С этого месяца ко мне идет работать тов. Л. Д. Ландау — доктор физики, один из самых талантливых физиков-теоретиков у нас в Союзе* (Ливанова) (ср.: *В городе Барнауле глухой на оба уха, очень милый инженер-гидротехник Мичков выдвинул проблему орошения Кулундинских степей* (Залыгин).

Обособляются дополнения, выраженные существительными с предлогами *кроме, помимо, за исключением: Такие люди во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение* (Чехов).

Как правило, обособляются обстоятельства, выраженные деепричастиями, деепричастными и субстантивными оборотами: *Старуха помолчала как бы в раздумье, потом отступила в сторону и, указывая на дверь в комнату, произнесла, пропуская гостя вперед: «Пройдите, батюшка»* (Достоевский). *Иногда он* [Александр] *переходил к окну, выходившему на двор и на улицу, в село* (Гончаров). *Чтобы действовать наверняка, отряд разделился на две группы, почти так же, как и там, в деревне, на ночевке* (Чигринов).

§ 14. Вводные и вставные элементы в составе предложения. Вводные слова, словосочетания и предложения занимают в предложении автономную позицию. Их функция — выражение субъективного отношения говорящего к сообщаемому.

Это отношение может быть модальным, и тогда для его выражения используются модальные слова и словосочетания *может, возможно, может быть, должно быть* и др., напр.: *Детских книг я почти не читал, должно быть, у меня их и не было* (А. Толстой).

При помощи вводных слов *безусловно, вероятно, по-видимому, разумеется, кажется, пожалуй* и др. говорящий уточняет степень достоверности сообщаемого, напр.: *Ве-*

роятно, каждый из вас слышал о Красной книге, но не многие знают ее историю (Банников).

Вводные слова и словосочетания *известно, по-моему, говорят, на мой взгляд, по словам (кого-либо)* и др. указывают на источник сообщения: *По-вашему, Ирина Вадимовна, слово «стул» состоит из одной части* (Э. Успенский).

Используя вводные слова и словосочетания *прежде всего, во-первых, итак, значит, следовательно, наконец, кстати, между прочим* и др., можно делать композиционно-смысловые акценты в предложении: *Наконец, в последние годы я работал над книгой «Литератор», представляющей собою как бы итог всей моей литературной жизни* (Каверин).

Вводные слова *к счастью, к сожалению* и др. выражают различные эмоциональные оттенки (удовольствие, неодобрение, осуждение и т. д.): *К сожалению, бабушка моя так и не написала своих воспоминаний* (Блок).

Вводные предложения передают те же значения, что и вводные слова и словосочетания. По своей структуре они могут быть двусоставными *(я думаю, я помню, вы знаете)*, односоставными неопределенно-личными *(ему сказали, как говорили)*, односоставными безличными *(ему казалось, само собой разумеется, как нам стало известно)*, напр.: *Я помню, многие из нас самым серьезным образом думали, что Антон Семенович умеет читать мысли и скрыть от него ничего невозможно — он все равно узнает* (Явлинский). *Мне кажется, я знаю, где она живет* (Э. Успенский).

Вводные предложения могут включаться в основное предложение с помощью союзов и союзных слов: *как уже было сказано, если можно так выразиться* и др. Эти союзы или союзные слова не выражают отношений подчинения, в отличие от аналогичных им союзов в сложноподчиненных предложениях, ср.: *Но, если хотите, так самое любопытное это то, что то же латинское слово «аква» — «вода» — в том же французском языке испытало и еще один путь изменения...* (Л. Успенский) (союз *если* включает вводное предложение). *Если художнику-пейзажисту случится быть на Сахалине, то рекомендую его вниманию арковскую долину* (Чехов) (союз *если* присоединяет придаточную часть со значением условия).

Вводные предложения выделяются в устной речи интонационно, на письме для их выделения используются

запятые, тире и скобки. Границы вводного предложения, обозначенные запятыми, являются менее резкими; наиболее резкое выделение вводного предложения обозначается скобками, напр.: *Много людей потерял он* [Багратион] *в этом бою (среди них был генерал-лейтенант князь А. И. Горчаков — племянник А. В. Суворова), но флеши и Семеновская были вновь отбиты* (Троицкий).

§ 15. Предложения, осложненные обращением. Обращение обозначает лицо или предмет, которому адресована речь. В предложении обращение является обособленным элементом. Оно не зависит от членов предложения грамматически, в устной речи выделяется интонацией, на письме запятыми, восклицательным или вопросительным знаком, напр.: *А ты знаешь, Люба, сколько этому шкафу лет?* (Чехов). *Как же вам не стыдно, товарищ Чернявин!* (Макаренко).

Обращение выражается существительным или личным местоимением в именительном падеже и произносится с особой интонацией.

В стилистических целях (например, для передачи колорита исторической эпохи) могут использоваться вышедшие из употребления формы звательного падежа (*брате, человече, сыну, старче* и др.), напр.: *Отпусти ты, старче, меня в море!* (Пушкин).

К вводным конструкциям примыкают вокативные предложения, представляющие собой разновидность обращений. Их единственным членом является название лица по имени или родству, которое произносится с эмоционально-экспрессивной интонацией (упрек, мольба, страх и т. д.), напр.: Надя. *Не трогайте мою маму! Вы говорите о ней всегда не так!* Полина (изумленно). *Надя! Ты больна?.. Опомнись! Твоя мать была сестрой мне, я ее знаю лучше тебя...* (Горький). В отличие от обращения, вставляемого в предложения, вокативные предложения интонационно более изолированы от окружающего текста.

§ 16. Предложения с однородными членами. Члены предложения, как главные, так и второстепенные, выполняющие в предложении одинаковую синтаксическую функцию и связанные с другими членами предложения одинаковой синтаксической связью, называются однородными. Они произносятся с интонацией перечисления.

Однородные члены предложения могут быть нераспространенными и распространенными. Они могут соединяться при помощи сочинительных, противительных, разделительных, сопоставительных союзов. Союзная связь может и отсутствовать, напр.: *Париж! Город, о котором столько сказано и написано всеми людьми земли* (Белов) (сочинительный союз *и* соединяет однородные сказуемые). *В нашей стране обитает семь видов журавлей: серый, красавка, канадский, даурский, черный, белый (или стерх), японский* (Сосновский) (бессоюзная связь между дополнениями).

Определения могут быть как однородными, так и неоднородными. Однородные определения характеризуют предмет или лицо с одной стороны, неоднородные — с разных сторон (см. раздел «Второстепенные члены предложения»).

Повторения одного из членов предложения с экспрессивной целью не являются однородными членами, напр.: *Еду, еду в чистом поле; колокольчик дин-дин-дин...* (Пушкин). Не являются однородными членами фразеологические сочетания типа *ни свет ни заря, и день и ночь, ни взад ни вперед* и др., напр.: *На другой день, ни свет ни заря, Лиза уже проснулась* (Пушкин).

Однородные члены предложения, не соединенные союзами, отделяются друг от друга запятыми, напр.: *Отец утешал, уговаривал, обещал повезти рыбачить на горную реку* (Искандер).

Если однородные члены соединяются повторяющимися союзами, то перед союзами ставятся запятые, напр.: *Всплеск рыбы, или крик ночной птицы, или шорох осыпающегося песка, или едва уловимый шум пароходного колеса — и снова дремотное, невнятное шептание...* (Серафимович).

Если два однородных члена соединены союзом, то запятая ставится перед противительным и не ставится перед соединительным союзом, ср.: *Придя в чувство, я осмелился и попросил позвать зверей поближе. Гепарды это охотно сделали, но подошли не ко мне, а к хозяину, двое вплотную, а остальные, не доходя шага два, улеглись на землю* (Сосновский).

Между однородными членами, связанными сочинительными отношениями, запятые ставятся, если союзы повторяются: *Митрофан Нарчук, который все это время держал в поле зрения и дальние, и ближние подступы*

к лесу, подал комиссару сигнал отвести группу назад (Чигринов).

§ 17. Неполное предложение. В неполных предложениях отсутствуют один или несколько необходимых членов, напр.: *«Ты приедешь еще?» — «Только в туман...» — тихо ответила она* [Таня] (Каширин). Здесь в ответной реплике отсутствует сказуемое, которое легко восстанавливается из контекста. Возможны диалоги с пропуском обоих главных членов: *Никулин в жизни — разговорчивый, веселый, добрый человек. Однажды для праздничного номера «Литературной газеты» я взял у него шуточное интервью. На вопросы, что он любит и чего не любит, Никулин ответил: «Цвет?.. В клеточку. Запах?.. Старых книг»* (Виленкин). В ответных репликах Никулина отсутствуют оба главных члена — и подлежащее, и сказуемое. Ответы построены на определениях к словам *цвет* и *запах*.

В приведенных примерах отсутствующий член предложения легко восстанавливается из контекста. Такие неполные предложения принято называть контекстуальными. Они часто встречаются в диалогической речи: обычно это ответные (вторые) реплики, которые можно соотнести с первыми, напр.: *«Сколько лет вашему сыну?» — «Семнадцать»* (Голованов). Полный вариант ответа можно восстановить из первой (вопросной) реплики: *Моему сыну семнадцать лет*. Следовательно, во второй, неполной реплике приведенного диалога отсутствует косвенное дополнение в дательном падеже (по традиционной терминологии), или детерминант,— необходимый член данной конструкции.

Очень близко по своему характеру к контекстуальным неполным предложениям стоят ситуативные неполные предложения, в которых отсутствующие необходимые члены восстанавливаются из внеязыковой ситуации: *У парадного входа, с винтовкой, аккуратненькая, розовая Люба Ротштейн стоит над целой территорией сухих мешков, разостланных на полу, и сегодня пристает к каждому без разбору: «Ноги!.. Богатов, ноги!.. Беленький, не забывай!..»* (Макаренко).

Кроме контекстуальных и ситуативных неполных предложений, в русском языке распространены также регулярные неполные образования, отсутствие в которых одного из членов является языковой нормой. Это эллиптиче-

ские неполные предложения, напр.: *Виктор Ильич! Я в штаб... Вернусь, вероятно, ночью* (Гайдар). В предложении *Я в штаб* место отсутствующего глагола может занять не один строго определенный глагол, а любой глагол из соответствующей лексико-грамматической группы: *Я поеду/еду/иду в штаб*. Однако необходимости в постановке глагола здесь нет: предложение в эллиптированной форме полностью выполняет свою функцию без опоры на контекст или внеязыковую ситуацию, поскольку все необходимое для его осмысления заключено в самом предложении. К тому же отсутствие глагола здесь значимо: оно передает динамику событий, которая исчезает при введении глагола.

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

§ 18. Понятие актуального членения предложения. Актуальное членение предложения — это категория коммуникативного синтаксиса, который, в отличие от формального структурного синтаксиса, изучает предложения в реальной коммуникации, в реальных ситуациях общения.

В реальной коммуникации очень важно отделить новое, то, ради чего мы строим предложение [1], от уже известного, данного, от того, что служит для связи с предшествующим предложением (предложениями) или с элементами внеязыковой ситуации общения, напр.: *Прошел месяц, и Диме стало казаться, что так было всегда. Он вставал в шесть часов утра, основательно, не торопясь, завтракал и шел на работу* (Каверин). Во втором предложении известное, данное — *он*, вся остальная часть — новое.

Деление на данное и новое представляет собой один из частных случаев актуального членения. Поэтому для обозначения исходной части высказывания используется термин «тема», для обозначения основной части высказывания — термин «рема». Таким образом, тема — это предмет сообщения, рема — коммуникативный центр высказывания, основное содержание сообщения.

---

[1] Обычно предложение, возникающее в реальной коммуникации, называют высказыванием, однако термин «предложение» в этом случае также правомерен.

В тексте тема первого предложения, как правило, повторяет заголовок, тема второго предложения либо совпадает с ремой первого, либо повторяет тему первого предложения — это зависит от структуры текста. Так, в приведенном ниже микротексте тема первого предложения повторяет заголовок, рема первого предложения содержит новую информацию; тема второго предложения совпадает с ремой первого, рема второго предложения сообщает новое, и ее содержание переходит в тему третьего предложения и т. д. Такую структуру текста называют последовательной. В лингвистической литературе принято обозначать тему прописной (заглавной) буквой *Т*, рему — прописной буквой *Р*. Цифра справа внизу обозначает порядковый номер предложения.

Лучи от Кремля

Лучи от Кремля (T_1) — это древнейшие улицы, радиусами расходящиеся от исторического центра Москвы (P_1). Они ($T_2 = P_1$) известны каждому москвичу (P_2). И вместе с тем мы, москвичи ($T_3 = P_2$), еще плохо знаем каменную летопись наших улиц (P_3). Улицы ($T_4 = P_3$) — это прежде всего дома, безмолвные свидетели прошедших десятилетий и столетий (P_4) (По Федосюку).

В текстах энциклопедического характера обычно наблюдается параллельное развертывание текста: тема первого предложения переходит в тему второго, затем третьего предложения и т. д., как это можно видеть на примере следующего микротекста:

Всеволод Вишневский

Всеволод Витальевич Вишневский (1900—1951) (T_1) — известный советский писатель, драматург и публицист, автор революционно-романтической драмы «Оптимистическая трагедия», пьесы и киносценария «Мы из Кронштадта» и других произведений, отличающихся революционным пафосом (P_1). Вишневский ($T_2 = T_1$) участвовал в октябрьских боях в Петрограде, в боях гражданской и Великой Отечественной войн (P_2). Его активная общественная и литературная деятельность в послевоенный период ($T_3 = T_1$ и T_2) протекала в Москве (P_3) (Из книги «Имена московских улиц»).

В реальном тексте обычно присутствуют и тот и другой способы его развертывания. Кроме того, тема или рема одного предложения может дробиться в следующих предложениях, образуя несколько тем, напр.:

Всюду ритмы...

По классификации Ф. Хальберга, ритмические процессы в организме (T_1) могут быть разделены на три группы (P_1). К первой (T_2 = части P_1) относятся ритмы высокой частоты с периодом до 0,5 часа (P_2). Это ($T_3 = P_2$) ритмы дыхания, сердца, электрических явлений в мозге, периодические колебания в системах биохимических реакций (P_3). Вторая группа (T_4 = части P_1) — ритмы средней частоты с периодом от 0,5 часа до 6 дней (P_4). Это ($T_5 = P_4$) смена сна и бодрствования, активности и покоя, околосуточные изменения обмена веществ (P_5). И наконец, третью группу (T_6 = части P_1) составляют низкочастотные ритмы с периодом от шести дней до одного года (P_6). Сюда ($T_7 = P_6$) входят недельный, лунный и годичный ритмы (P_7) (По Агаджаняну и др.).

Схематически эти три микротекста можно представить следующим образом:

I. $T_1 \rightarrow P_1$
$\downarrow$
$T_2 \rightarrow P_2$
$\downarrow$
$T_3 \rightarrow P_3$
$\downarrow$
$T_4 \rightarrow P_4$

II. $T_1 \rightarrow P_1$
$\downarrow$
$T_2 \rightarrow P_2$
$\downarrow$
$T_3 \rightarrow P_3$

III. $T_1 \rightarrow P_1$

$T_2 \rightarrow P_2$ $T_4 \rightarrow P_4$ $T_6 \rightarrow P_6$

$T_3 \rightarrow P_3$ $T_5 \rightarrow P_5$ $T_7 \rightarrow P_7$

В микротексте «Всюду ритмы...» рема первого предложения переходит последовательно в темы второго, четвертого и шестого предложения. В свою очередь, рема второго предложения переходит в тему третьего, рема четвертого — в тему пятого, рема шестого — в тему седьмого предложения. Таким образом, рема первого предложения оказывается расчлененной на три части (на три темы). Рема каждой из этих трех частей раскрывается в третьем, пятом, седьмом предложении.

Возможны случаи, когда тема реального предложения (высказывания) соответствует содержанию целого предложения или даже нескольких предложений, напр.:

Восклицание

Повстречались на листе бумаги Ноль с Восклицательным Знаком. Познакомились, разговорились.

— У меня большие неприятности,— сказал Ноль.— Я потерял свою палочку. Представляете мое положение: Ноль — и без палочки.

— Ах! — воскликнул Восклицательный Знак.— Это ужасно! (Кривин).

Тема последнего предложения микротекста «Восклицание» — *это*. Она включает в свое содержание все сказанное Нолем, т. е. содержание третьего, четвертого и пятого предложения.

Актуальное членение предложения противопоставляется его грамматическому членению. При этом считается, что актуальное членение предложения накладывается на грамматическое. Однако взаимоотношения между актуальным и грамматическим членением более сложны. Даже в предложении, взятом изолированно, вне контекста и реальной ситуации общения, актуальное членение предполагается нами, причем в его наиболее типичном, наиболее

нейтральном варианте. Поэтому более правильно говорить не о наложении актуального членения на грамматическое (конструктивно-синтаксическое), а об их взаимодействии [1].

§ 19. Взаимодействие актуального и грамматического членения. Наиболее простым случаем взаимодействия актуального и грамматического членения является совпадение темы с подлежащим (группой подлежащего), ремы — со сказуемым (группой сказуемого), напр.: *Митька — это ходячий анекдот* (Шукшин). Здесь тема совпадает с грамматическим подлежащим *Митька*, рема — с грамматическим сказуемым *это ходячий анекдот*, именная часть которого выражена фразеологическим оборотом. Тема в этом предложении предшествует реме. Такое расположение компонентов типично для актуального членения. Но возможно и предшествование ремы, напр.: *Душевный был пес Буран. Когда умер отец, он не ел и не пил несколько дней...* (Тройнин). В первом предложении тема совпадает с подлежащим *Буран*, рема — со сказуемым *душевный был пес*, при этом тема занимает последнее место, рема выдвинута на первое место. Такое расположение компонентов актуального членения служит здесь экспрессивным целям, целям большей выразительности повествования.

Иногда при актуальном членении предложения происходит разрыв темы или ремы, соответствующий разрыву групп подлежащего, сказуемого или второстепенных членов: *Иван вытащил из миски большую разваренную рыбу и стал есть ее, выбирая кости. «Хорошего Федор подъязка поймал...» — начал он...* (Васильев). Здесь в реплике Ивана на первое место выдвинуто слово *хорошего*, входящее в словосочетание *хороший подъязок* (название речной рыбы). Это слово отделено от главного компонента словосочетания словом *Федор*. *Федор* — подлежащее и тема высказывания, *поймал хорошего подъязка* — группа сказуемого (или, по другой терминологии, сказуемое и дополнение) и рема высказывания.

---

[1] Именно о взаимодействии грамматического и актуального членения идет речь в работах И. И. Ковтуновой, хотя, следуя традиции, она также говорит о том, что «вне речи актуального членения не существует» (см.: *Ковтунова И. И.* Принципы словорасположения в современном русском языке.— В кн.: Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967, с. 103).

Несовпадение актуального и грамматического членения является достаточно распространенным. В следующем примере контекст показывает, что подлежащее второго предложения — рема, сказуемое — тема: *Я уже заканчивал этот очерк, когда вдруг получил письмо с Пинеги. Писал мой давний знакомый Евгений Горончаровский, баянист карпогорского Дома культуры* (Ларин). Сказуемое — глагол *писал* — связывает второе предложение с первым *(письмо с Пинеги — писал)*. Группа подлежащего — вся остальная часть предложения — содержит новую информацию (сообщает, кем был отправитель письма).

Расхождение между актуальным и грамматическим членением может заключаться в несовпадении самих границ членения, когда в состав темы или ремы попадает только часть подлежащего, сказуемого или второстепенных членов: *И вдруг совсем близко возникла кабина летящей на него машины, красновато вспыхнули и погасли во мгле ее фары. Ни свернуть в сторону, ни дать по тормозам Веня не успел* (Шишаев). Здесь тема второго предложения совпадает с частью глагольного составного сказуемого *ни свернуть в сторону, ни дать по тормозам*, в рему входит подлежащее *Веня* и часть сказуемого *(не успел)*. Тема служит для связи этого предложения с предшествующим и содержит, так же как и рема, новую информацию. Функция ремы — передать не просто новую, а наиболее значимую информацию (*не успел*, причем не водитель встречной машины, а именно Веня). В следующем примере тема второго предложения — подлежащее и сказуемое, рема — обстоятельство места: *Илья Львович ушел добровольцем на фронт в августе 1941 года. Направлен он был на Крымский фронт. Там Сельвинский воевал в гражданскую войну...* (Воскресенская). Это подтверждается контекстом: с ремой первого предложения *(ушел добровольцем на фронт в августе 1941 года)* второе предложение связано своей первой частью, т. е. темой *(направлен он был)*; рема *(на Крымский фронт)* переходит в тему третьего предложения *(там)*.

Подлежащее в русском языке имеет формальное ограничение. Для склоняемых частей речи таким ограничением является форма именительного падежа. Между тем семантический субъект в русском предложении может выражаться формами косвенных падежей с предлогами и без предлогов. Прежде всего, это дательный падеж

субъекта, а также конструкция «*у* + родительный падеж существительного или местоимения-существительного»: *Ему не спится. У нее хорошая память.* Для актуального членения семантический субъект равноценен подлежащему, ср.: *Ребенок не играет* (*ребенок* — тема и подлежащее, *не играет* — рема и сказуемое) — *Ребенку не играется* (*ребенку* — тема и косвенное дополнение, или детерминант, *не играется* — рема и сказуемое).

Не все предложения в русском языке поддаются актуальному членению. Для нерасчлененных предложений характерно значение бытийности, констатации факта: *Наступила весна. Идет дождь.* В таких предложениях наблюдается более тесное единство подлежащего и сказуемого, чем в расчлененных предложениях.

Нерасчлененные предложения можно превратить в расчлененные, изменив порядок слов: *Весна наступила. Дождь идет.* При начальном положении слов *весна* и *дождь* они превращаются в тему, в данное, о котором уже шла речь раньше; рема сообщает, что ожидавшееся событие произошло.

При наличии в таких предложениях обстоятельств, относящихся ко всему предложению в целом (ситуантов), вопрос об их расчлененности или нерасчлененности решается более сложно. В некоторых случаях наличие обстоятельств, относящихся ко всему предложению, не влияет на его актуальное членение, а в некоторых предложение становится расчлененным, причем обстоятельство (ситуант) выступает в нем в качестве темы. Это определяется семантико-синтаксической структурой предложения, а также контекстом. Так, в предложении *Подошел трамвай с номером 1298 на последнем вагоне. За оконным стеклом сидела ко мне спиной кондукторша в знакомой синей кофточке, без косынки* (Лихоносов) обстоятельство места *за оконным стеклом* (ситуант) связано с предшествующим предложением, а именно с его ремой *трамвай с номером 1298 на последнем вагоне*, поэтому оно берет на себя во втором предложении функции темы, и предложение тем самым становится расчлененным на тему и рему. В следующем примере обстоятельство времени *навсегда* не составляет темы, а выносится вперед как независимый член предложения, связанный со всем предложением в целом: *Нажми первую кнопку — и тут же будут нажаты все ответные! Навсегда исчезнут все эти*

обреченные города и погибнут все люди, живущие в этих городах (Образцов).

§ 20. Актуализация. В реальном предложении возможно усиление значимости одного из компонентов словосочетания. Такое усиление достигается одним из следующих способов: с помощью логического ударения или с помощью изменения порядка слов.

Логическое ударение в письменном тексте обозначается путем шрифтового выделения, как, например, в повести В. Короленко «Слепой музыкант»: *Однажды утром Петрик прибежал к ней в необыкновенном волнении. «Мама, мама! — закричал он.— Я видел сон».— «Что же ты видел, мой мальчик?» — спросила она с печальным сомнением в голосе.* Здесь автор с помощью разрядки актуализирует часть ремы.

Шрифтовое выделение слова *самый* в повести С. Славич «Конфликт» значимо не только для этого предложения, но и для понимания идеи повести читателем, поскольку слово относится к началу конфликта: *«История болезни, объяснение Матвеевой, протокол вскрытия у Надъярных»,— прочитала Софья Петровна... Значит, ординатор — Матвеева! Та самая Матвеева, или, вернее, дочь того самого Матвеева...*

В устной речи такая актуализация выражается с помощью интонации: тон голоса резко повышается на актуализируемом компоненте, напр.: *Ва́ш брат выступал по радио? Ваш бра́т выступал по радио?* (актуализируется один из компонентов словосочетания *ваш брат — ваш* или *брат*). *Ваш брат выступа́л по радио? Ваш брат выступал по ра́дио?* (актуализируется один из компонентов словосочетания *выступал по радио — выступал* или *по радио*).

Другим средством актуализации компонентов словосочетания является порядок слов. Так, в согласованных определениях нейтральный порядок слов — предшествование зависимого слова главному. При необходимости актуализировать зависимое слово его перемещают на последнее место, наиболее значимую для русского языка позицию: *Конечно, ополчение было армией своеобразной* (Адамович, Гранин).

Для словосочетания, в котором главное слово — глагол, зависимое — имя существительное или местоимение, нейтральным является порядок слов с предшествованием главного слова. Перемещение зависимого слова

вперед также способствует его актуализации: *«Вы где живете в Москве?» — спросила она* [дочь Аристарха Безденежных].— *«Возле метро «Проспект Мира».— «Да? — она удивилась.— А я снимаю комнату на Колхозной площади, рядом. Я медсестрой работаю у Склифосовского»* (Евдокимов). В последнем предложении актуализируется зависимое слово словосочетания *работать медсестрой*. Такая актуализация — перемещение актуализируемого компонента вперед — менее выразительна, чем в случае согласованного определения, когда актуализируемый компонент занимает последнее место.

ПОРЯДОК СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 21. Грамматическая функция порядка слов. Порядок слов в русском языке в целом не является свободным. Однако расположение разных элементов предложения характеризуется различной степенью вариативности. Есть элементы, местоположение которых определяется строгими правилами. Это относится к предлогам, союзам, отдельным частицам и модальным словам. Так, предлоги всегда помещаются перед словом или словосочетанием, к которому они относятся: *Мы вышли к реке / к горной реке / к белой от пены горной реке / к горной реке, белой от пены.* Постановка предлога после слова или словосочетания, к которому он относится, в русском языке невозможна.

Во многих случаях порядок слов не является строго фиксированным, но в то же время подчиняется определенным закономерностям, нарушение которых свидетельствует о незнании этих закономерностей, другими словами, расценивается носителями русского языка как ошибка.

Грамматическая функция порядка слов не является для русского языка основной: развитая система глагольных и предложно-падежных окончаний позволяет отразить любые синтаксические отношения. В подтверждение того, что порядок слов способен дифференцировать различные члены предложения, обычно приводят пример *Мать любит дочь* или *Дочь любит мать*, в котором подлежащее и прямое дополнение различаются только с помощью порядка слов. Но это очень редкий случай, поскольку здесь в роли подлежащего и прямого дополнения оказались два одушевленных существительных женского рода, оканчиваю-

щихся на мягкий знак и, следовательно, формально совпадающих в именительном и винительном падеже. К неодушевленным существительным мужского или среднего рода в роли подлежащего и прямого дополнения довольно трудно подобрать переходный глагол, действие которого одинаково проецируется и на субъект, и на объект: в предложениях *Ветер надувает парус* и *Парус надувает ветер* подлежащее — *ветер*, прямое дополнение — *парус* при любом порядке слов.

Итак, в русском языке в функции порядка слов не входит различение членов предложения: такое различение имеет место на уровне редких примеров, другими словами — на уровне исключений.

Однако порядок слов в русском языке служит и грамматическим целям. Это относится прежде всего к отрицательным предложениям, ср.: *Он не едет в Ленинград — Он едет не в Ленинград.* Первое предложение является отрицательным, второе — утвердительным (факт поездки в нем не отрицается). В общеотрицательных предложениях частица *не* стоит перед глаголом или, при отсутствии связки, перед именной частью составного сказуемого, напр.: *«Вы не удивлены, что я говорю по-русски?» — машинально спросил Сурокамм.— «Нет. Я знаю, что вы несколько лет были военным атташе в Москве, поэтому думаю, что мы с вами не допустим напрасного кровопролития.— На лице советского генерала не было и тени волнения, только страшная усталость от бессонных ночей.— Вы должны понять, если еще не поняли, всю бесперспективность вашего сопротивления»* (Шарипов).

В утвердительных предложениях с частным отрицанием *не* стоит перед отрицаемым словом или словосочетанием. В последнем случае отрицаться может как словосочетание полностью, так и один из его компонентов. В следующем примере отрицание перед словом *меня* не делает предложение отрицательным: предложение в целом остается утвердительным и по форме, и по содержанию, отрицается только объект чествования — И. С. Тургенев, приехавший в Россию. Это событие послужило только поводом для выражения политических настроений молодежи. Тут же указывается и истинная причина чествования, понятая писателем: *Вернувшись в Париж, Тургенев скажет Герману Лопатину: «Ведь я понимаю, что не меня чествуют, а что мною, как бревном, бьют в правитель-*

ство».— Тургенев красочным жестом показал, как это делается (Волгин).

Поскольку при отрицании компонентов глагольного словосочетания — зависимого инфинитива — предложение в целом остается утвердительным, отрицаемый компонент можно заменить антонимом без отрицания, ср.: *Визит к Глебову ненадолго, напомнить, чтоб поскорее выделили ассигнования,— тот обещал не тянуть...* (Гусев) — *...тот обещал сделать быстро.*

Однако отрицание перед инфинитивом в предложениях с модальными значениями возможности и необходимости не во всех случаях следует рассматривать как частное: такое отрицание может превращать предложение в целом в отрицательное, иногда даже усиливая отрицательный компонент его значения. Такая постановка отрицания, частного по форме, но общего по существу, используется авторами произведений научной и художественной литературы в целях придания высказыванию большей категоричности: *Можно говорить о русской рецензии церковнославянского языка, о рецензиях сербской, болгарской, румынской и рассматривать их изменения по векам. Однако надо при этом не упускать из вида, что...* (Лихачев). *Но у пулеметчика была трудная задача: он должен был не повредить своих, сблизившихся на смыкание с противником* (Платонов).

Постановка отрицания перед инфинитивом в предложениях со словами *мочь, можно, нельзя* и значением собственно возможности изменяет модальное значение таких предложений, ср.: *Он не может приходить сюда каждый день* (невозможность) — *Он может не приходить сюда каждый день* (отсутствие необходимости). В таких же предложениях со значением степени вероятности события происходит следующее явление: модальное значение предложения без отрицания перед инфинитивом тождественно модальному значению предложения с частным отрицанием перед инфинитивом. При постановке отрицания перед инфинитивом меняется только оценка говорящим степени вероятности ожидаемого события: *Поезд может опоздать — Поезд может не опоздать.* Общее отрицание в таких предложениях невозможно: оно превратило бы событие из вероятного в неизбежное. При использовании в таких предложениях слова *должен* ситуация меняется на противоположную: отрицание перед словом *должен* дает вариант, тождественный по модальности утверди-

тельному предложению; постановка отрицания перед инфинитивом невозможна, так как придает высказыванию категоричность, исключающую значение степени вероятности события, ср.: *Судя по всему, дом не должны сдать в срок — Судя по всему, дом должны не сдать в срок.*

§ 22. Коммуникативная функция порядка слов. Коммуникативная функция порядка слов является для русского языка основной: именно коммуникативное задание говорящего, тип развертывания текста определяют положение темы и ремы в каждом предложении. При этом, как уже отмечалось выше, в русском языке тема далеко не всегда совпадает с подлежащим, а рема — со сказуемым.

Нейтральным для расчлененных предложений является предшествование темы: *Где ребята? — Они пошли купаться (они* — тема, *пошли купаться* — рема).

Для нерасчлененных предложений — односоставных и двусоставных, распространенных и нераспространенных — характерен строго определенный порядок слов: на первом месте в них находится глагол *(Начиналась гроза. Не хотелось говорить на эту тему)*, обстоятельство места или времени *(Под нами степь. К вечеру приземлились)*.

Таким образом, для порядка слов важно не деление на состав подлежащего и сказуемого и не сам факт двусоставности или односоставности предложения, а деление на тему и рему или факт нерасчлененности предложения в плане актуального членения.

Также важно для русского языка взаимное расположение компонентов словосочетаний: согласуемое слово обычно предшествует главному, управляемое следует за главным словом словосочетания. Такой порядок компонентов словосочетания соответствует нейтральному расположению компонентов актуального членения, т. е. компонентов темы и ремы, напр.: *Они выбрали трудный маршрут. Он только что вернулся из тайги. Я начал читать интересную книгу.*

§ 23. Экспрессивно-стилистическая функция порядка слов. Эта функция порядка слов тесно связана с коммуникативной функцией: только на фоне определенной языковой нормы возможно усиление выразительности высказывания за счет отступления от этой нормы.

Отступления от нейтрального с точки зрения актуального членения порядка слов могут быть следующими:

перемещение ремы вперед по отношению к теме, изменение типичного взаиморасположения компонентов словосочетания. Напр.: *«Значит, вы их всех хорошо знаете? — помолчав немного, спросила Натка.— А где, Гитаевич, у Альки мать? Она умерла?» Гром барабанов и гул музыки заглушили ответ. Это проходили лагерные военизированные отряды пионеров* (Гайдар). Контекст показывает, что рема предпоследнего предложения — *гром барабанов и гул музыки.* Она выдвинута на первое место в экспрессивных целях и переходит в следующее предложение как его тема *(это).* Тема — прямое дополнение *ответ.* Она связывает рассматриваемое предложение (предпоследнее) с предшествующим по смыслу (вопрос о матери Альки — ответ на вопрос). Таким образом достигается эмоциональный и художественный эффект: гром барабанов и гул музыки эмоционально тесно связаны с героической гибелью матери Альки; выдвижение ремы вперед усиливает эту связь.

Изменение типичного взаиморасположения компонентов словосочетания (инверсия) придает высказыванию экспрессивность, подчеркивает отношение говорящего к предмету: *Вы представляете, что там должно сохраниться, на Печоре? Старинные книги, притом рукописные, ранние списки, а может быть — и неизвестные вовсе. Грамоты, письма. Иконы бесценные, утварь, одежда... А песни?* (Рекемчук) (здесь инверсия в словосочетании *бесценные иконы* подчеркивает отношение ученого к иконам).

Существенно отличается по функциям порядка слов от нормированного литературного языка (его обычно называют кодифицированным) разговорная речь. В разговорной речи порядок слов в меньшей степени связан с актуальным членением, так как там актуальное членение может выражаться с помощью интонации и логического ударения. Поэтому порядок слов в разговорной речи в существенной мере выполняет экспрессивную функцию. Так, в разговорной речи высказывание часто начинается с ремы: *Что там упало? Утюг? — Нет, плитка упала.* В нерасчлененных двусоставных предложениях высказывание часто начинается с подлежащего: *Что ты ищешь? — Газеты здесь лежали вчерашние* (ср. с глагольным началом таких высказываний в кодифицированном литературном языке).

Характерно для разговорной речи выдвижение на первое место в словосочетании наиболее значимого компо-

нента: *Покажите мне плащ зеленый. Сейчас мы чай будем пить. Гулять поехали!* [1]

Авторы произведений художественной литературы используют особенности порядка слов в разговорной речи со стилистической целью — для передачи диалога: *«Жиган,— спросил Димка,— а колбасу где ты взял?»* (Гайдар). *«Как же ее величать?» — Имя ее Маргарет»* (Задорнов).

Особенно велика экспрессивно-стилистическая функция порядка слов в поэзии, где она усиливается разбивкой стихотворного текста на строчки и строфы, напр.:

Голуби воркуют; слышен разговор
На конце селенья;
И опять все смолкло, лишь стучит топор
Звонко в отдаленьи.

И смотреть, и слушать не наскучит мне,
На дороге стоя...
Здесь бы жить остаться! В этой тишине
Что-то есть святое...

(Жемчужников)

Переправа, переправа!
Берег левый, берег правый.
Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,
Кому темная вода,—
Ни приметы, ни следа.

(Твардовский)

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 1. Понятие о сложном предложении. Простое предложение является основной, но не единственной коммуникативной единицей. Потребности общения привели к образованию другой, более сложной единицы коммуникации, которая в лингвистике получила наименование «сложное предложение».

---

[1] Примеры взяты из статьи: *Ковтунова И. И.* Принципы словорасположения в современном русском языке.— В кн.: Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967, с. 144, 145.

Сложное предложение — это особая синтаксическая единица, представляющая собой объединение двух (или более) предикативных частей на основе синтаксической связи и функционирующая в речи как единое интонационное и коммуникативное целое.

В этом определении сложного предложения важно подчеркнуть две его стороны:

1. Сложное предложение понимается как единая, целостная грамматическая единица, а не как сочетание простых предложений. Из этого вытекает, что значение сложного предложения не равно арифметической сумме значений входящих в него предикативных частей. Возьмем, например, из текста два стоящих рядом (т. е. образующих сочетание) предложения: *Канат крепок. Якорь держится надежно.* Первое предложение содержит качественную характеристику предмета; второе сообщает об устойчивом, стабильном местоположении предмета в каком-то пространстве. Если эти предложения изолировать, отделить друг от друга, то между фактами, о которых они сообщают, мы не обнаружим никакой связи. Если они сочетаются в тексте, то мы, сопоставляя эти факты, можем предположить, что второе событие, вероятнее всего, стало возможным благодаря первому, т. е. что эти события связаны отношениями «причина — следствие». Это предположение мы делаем на основе опыта, нашего знания реальной ситуации. Специальными языковыми средствами данные смысловые отношения не выражены. Включим теперь эти предложения в состав сложного. Мы получим не одно, а несколько сложных предложений: 1) *Канат крепок, и якорь держится надежно.* 2) *Так как (вследствие того что) канат крепок, якорь держится надежно.* 3) *Пока канат крепок, якорь держится (будет держаться) надежно.* 4) *Канат крепок, поэтому якорь держится надежно.* 5) *Если (когда) канат крепок, якорь держится надежно.*

Мы видим, что в составе сложного предложения простые предложения вступают в ясно выраженные смысловые отношения (соединительные, временные, условные). Отношения «причина — следствие», о которых мы могли только догадываться, теперь передаются специальными лексическими средствами.

Попробуем проделать обратное действие: расчленим единое сложное предложение на составляющие его предикативные части и представим его в виде сочетания двух

простых предложений: *И снова я с людьми,— затем что я поэт* (Брюсов). Сочетание в тексте предложений *И снова я с людьми. Я поэт* окажется невозможным, потому что между ними нельзя обнаружить никакой смысловой связи. Превращение предикативных частей в самостоятельные простые предложения привело к устранению между частями отношений причинного обоснования, которые составляли важнейший компонент значения всего сложного предложения. В других случаях сочетание предложений оказывается возможным, но смысловые отношения, которые существовали между частями в составе сложного предложения, также не сохраняются, напр.: *Месяца не было, но звезды ярко светили на черном небе* (Л. Толстой). Сочетание предложений *Месяца не было. Звезды ярко светили на черном небе* возможно при описании окружающей среды, но в этом сочетании уступительно-противительные отношения, составляющие основное значение сложного предложения, отсутствуют — они заменяются отношениями соединительными.

Таким образом, сложное предложение неправомерно рассматривать как простое сочетание отдельных самостоятельных предложений, композиционное объединение их в тексте. Оно представляет собой единую коммуникативную единицу, которую нельзя отождествлять с суммой составляющих его частей. Возникает вопрос: а можно ли части сложного предложения считать самостоятельными простыми предложениями? Простое предложение обладает тремя важнейшими признаками: 1) ему свойственно грамматическое значение — предикативность; 2) для него характерна интонационная завершенность (в повествовательных предложениях это так называемая интонация точки); 3) оно способно служить самостоятельной информативной единицей (единицей общения). Посмотрим, в какой степени части сложного предложения отвечают всем этим требованиям.

Нетрудно заметить, что части сложного предложения являются предикативными единицами. С точки зрения информативной они неоднородны. Одни из них обнаруживают смысловую незавершенность и не могут употребляться самостоятельно как единицы общения, напр.: *Вдруг вижу — лес кончился... Гора была такая, что с нее спускались весь день* (Гончар). *Простота — вот качество, которое я желаю приобрести больше всех других* (Л. Толстой). *Чем выше поэт, тем больше при-*

надлежит он обществу, среди которого родился (Белинский). *Не будь дружбы советских народов, и Азербайджан не уберег бы нефть от охотников до чужого добра* (Михайлов).

Другие, наоборот, могут быть употреблены как самостоятельные высказывания: *Гроза прошла, и ветка белых роз в окно мне дышит ароматом* (Блок).

Однако даже те части сложного предложения, которые могут быть употреблены самостоятельно, не обладают интонацией завершенности в составе сложного предложения. Таким образом, ни одна из частей сложного предложения не обладает всеми признаками простого предложения, и поэтому нет оснований видеть в них отдельные предложения.

Сложное предложение обнаруживает единство не только с коммуникативной и семантической, но и с интонационной стороны: все сложные предложения произносятся как единое интонационное целое и тем самым отличаются от сочетания предложений в тексте.

2. Сложное предложение является не только единой коммуникативной единицей, но и представляет собой особую, отличную от других (и прежде всего от простого предложения) синтаксическую единицу. Различия между простым и сложным предложением легко обнаруживаются при сопоставлении данных единиц с трех взаимообусловленных сторон: формально-грамматической, смысловой и коммуникативной.

Сложное предложение отличается от простого прежде всего по характеру составляющих его компонентов: составляющими простого предложения выступают синтаксические формы слов, составляющими же сложного предложения являются предикативные единицы. Таким образом, простое предложение предстает как монопредикативная единица, сложное — как единица полипредикативная. Простое предложение несет в себе один синтаксический комплекс модальности и времени, сложное предложение содержит как минимум два таких комплекса. Со смысловой стороны сложное предложение также существенно отличается от простого. Простое предложение употребляется для наименования одного события. Сложное предложение служит специальным обозначением двух (или более) взаимосвязанных событий. Связь между событиями, названными в сложном предложении, может быть различной. Одно из событий может занимать место обяза-

тельного структурного компонента в составе другого, напр.: *Мы не хотим, чтоб кровью и огнем залить весь мир война опять сумела* (Безыменский). В этом предложении второе событие занимает место объекта в составе первого события. Второе событие может конкретизировать, уточнять, соотносить с реальным объектом один из компонентов в составе первого события, который в предложении был назван десемантизированным словом: *Я пришел к выводу, что когда по лесу на лыжах идешь тихо, то больше видишь, думаешь и чувствуешь* (Солоухин). Часто второе событие включается в состав первого как его неструктурный компонент, называя условие, причину, цель этого события, напр.: *Левинсон потерял связь с другими отрядами, оттого что забрался в глухое место* (Фадеев).

Сложное предложение специально предназначено для того, чтобы быть сложным обозначением двух взаимосвязанных между собой событий, обычно составляющих один акт деятельности.

Со стороны коммуникативной и простое, и сложное предложение представляют собой целостные коммуникативные единицы. Однако коммуникативные единицы, образуемые простыми и сложными предложениями, неодинаковы. Так, например, в предложениях *Занятия будут в аудитории 307. Занятия будут в той же аудитории, где были в прошлый раз (что и в прошлый раз)* актуализирован один и тот же компонент со значением места действия, но в простом предложении этот компонент обозначен прямо, точно, определенной формой слова (первичное наименование), в сложном предложении это обозначение опосредованное (через обозначение события) — вторичное наименование. В простом предложении, как правило, актуализируется один компонент события, в сложном же может быть два центра актуализации, напр.: *Я сегодня на занятия не пойду: у меня высокая температура.* Здесь единое коммуникативное задание членится на две части: основную, содержащую сообщение об отказе от совершения ранее планируемого действия, и дополнительную, называющую фактор, который объясняет, делает ситуативно мотивированным первое сообщение. В коммуникативном плане вторая часть подчинена первой. Это сообщение имеет единственную цель — убедить собеседника, что поведение говорящего (его отказ от выполнения действия) соответствует создавшейся ситуации, является целесообразным: без второй части собеседник не сможет

понять и принять как должное первое событие. Это событие нельзя передать с помощью простого предложения *Я сегодня не пойду на занятия из-за высокой температуры.* Такое высказывание не будет синонимично первому, потому что в нем может быть актуализирован лишь компонент *из-за высокой температуры* и нельзя актуально выделить сразу два компонента события — *не пойду* и *из-за высокой температуры.* Это можно сделать лишь с помощью парцелляции (интонационного расчленения единого предложения на несколько частей с подчеркнутым ударением на каждой части): *Я сегодня на занятия не пойду.../из-за высокой температуры.*

Итак, сложное предложение и в плане формально-грамматическом, и как единица общения представляет собой особую синтаксическую единицу, существенно отличающуюся от простого предложения.

Изложенное здесь понимание грамматической природы сложного предложения, которое в настоящее время разделяется такими ведущими синтаксистами, как В. А. Белошапкова, Л. Ю. Максимов, В. В. Бабайцева, сложилось в русской науке о языке не сразу. До 30-х гг. нашего столетия господствующей оставалась другая точка зрения: сложное предложение рассматривалось как сочетание предложений. Такой взгляд на сложное предложение встречаем в трудах А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, М. Н. Петерсона [1]. Мысль о единстве сложного предложения впервые была высказана в трудах В. А. Богородицкого, который писал: «Во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что, будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него» [2]. В 50-е гг. мысль о целостности сложного предложения была развита в трудах Н. С. Поспелова, создавшего стройное учение о сложном предложении как об особой синтаксической единице [3].

---

[1] См.: *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923.

[2] *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935, с. 229.

[3] См.: *Поспелов Н. С.* О грамматической природе сложного предложения.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950.

§ 2. Средства выражения связи и отношений между частями сложного предложения. Объединение частей сложного предложения и установление смысловых отношений между ними достигается различными синтаксическими средствами. Это союзы и союзные слова, соотносительные местоименные слова (корреляты), порядок следования частей, интонация, соотносительное употребление определенных форм глаголов-сказуемых в каждой части, обязательное употребление фразеологических элементов в одной из частей.

Наиболее ярко, дифференцированно связь между частями сложного предложения проявляется при объединении их с помощью союзов и союзных слов.

Союзы употребляются как в сложносочиненных, так и в сложноподчиненных предложениях: *В небе ярко сверкнула первая звездочка, и в окнах домов замелькали огоньки* (Гончаров). *Я очень рано понял, что человека создает его сопротивление окружающей среде* (Горький). Функции союзов в составе сложных предложений неодинаковы. В одних случаях союз используется главным образом как средство более тесного объединения частей, установления формальной связи между ними, тогда как смысловые отношения между частями определяются однозначно на основе конкретного содержания частей: *Алексей не сомневался, что снова станет и бегать, и летать, и плавать* (Полевой). В других предложениях союз выступает единственным показателем смысловых отношений между частями сложного предложения, он точно дифференцирует эти отношения: *Закончим работу, и все вместе поедем на стадион. Когда закончим работу, все вместе поедем на стадион. Как только закончим работу, все вместе поедем на стадион. Если закончим работу, все вместе поедем на стадион.*

Союзы, употребляющиеся в сложном предложении, очень разнообразны (их состав будет представлен при характеристике отдельных типов сложных предложений).

Наряду с союзами в составе сложноподчиненного предложения широко употребляются союзные слова. Союзные слова — это относительные местоимения *(кто, что, который)* и местоименные наречия *(где, куда, почему)*, которые являются средством связи между частями сложного предложения и одновременно выступают в роли члена одной из его частей (зависимой). Так, например, они могут употребляться: 1) в функции подлежащего:

Кто служит родине, тот остается жить в памяти народной (Пушкин); 2) в функции прямого или косвенного дополнения: *Захаров стрелял и промахнулся, чему в душе я порадовался* (Арсеньев). *Я понял, что он имеет в виду;* 3) в функции различного рода обстоятельств: *Пашка часа два стоял в темных сенях и ждал, когда отопрут дверь* (Чехов). *На седьмые сутки своего похода Алексей узнал, откуда донеслись до него вьюжной ночью звуки отдаленного боя* (Полевой). *Я ему молвить боялась, как я любила его* (Некрасов). *Дубровского вызвали на заседание суда, зачем он и выехал спешно* (Пушкин). *Запахло зимой, подул с востока холодный ветер, почему в лесу стало неуютно и глухо* (Горький).

Некоторые союзные слова *(что, когда, как)* совпадают по форме с одноименными союзами. Главное отличие между ними состоит в том, что союзы не входят в состав ни одной из частей сложного предложения, а союзные слова обязательно являются структурным компонентом той части сложного предложения, в которой они находятся. Кроме того, в устной речи союзные слова обычно (но не всегда) выделяются особым ударением, являются сильноударными, ср.: *Вы не можете сказать, что́ здесь происходит? — Я сказал, что здесь собрались люди для встречи высокого гостя.*

Среди союзных слов особое место занимает союзное слово *который.* В сложном предложении оно имеет двойную зависимость: оно согласуется в роде и числе с существительным главной части, к которому оно относится, а его падеж зависит от того, функцию какого члена предложения оно выполняет в составе зависимой части, напр.: *Я встретил студента, который приехал из Молдавии (студентку, которая приехала из Молдавии; студентов, которые приехали из Молдавии; студентов, с которыми я познакомился в Москве).*

Все союзные слова относятся к знаменательным частям речи (местоимениям или наречиям), а союзы, как известно, являются служебными словами.

Связь между частями сложного предложения становится более тесной, если вместе с союзными словами и союзами в зависимой части в оформлении предложения участвуют соотносительные слова (корреляты) в главной части, содержание которых соотнесено с содержанием придаточной части. В качестве соотносительных слов выступают местоимения *тот, та, то* и местоимен-

ные наречия *такой, таков, там, туда, оттуда, так* и др. Они передают лишь самые обобщенные значения предмета, события, признака, качества, конкретное содержание которых раскрывается в придаточном предложении, напр.: *Я поместил в этой книге только т о, что относится к пребыванию Печорина на Кавказе* (Лермонтов). *Каштанка перебежала дорогу к т о м у месту, где оставила хозяина* (Чехов).

Употребление соотносительных слов в одних предложениях является обязательным, в других — факультативным, ср.: *Аня пошла т у д а, где у нее лежал автомат* (Симонов). *Только посередине, т а м, где колесами и копытами дорога взбита, как пуховик, взрываются пыльные клубы* (Дубов).

В бессоюзных предложениях соотносительные слова могут употребляться как средство связи частей самостоятельно, без соотношения с союзами и союзными словами, напр.: *Блеск огней достигал до самого дна бухты, так прозрачна была морская вода* (Паустовский).

Важным средством связи и установления отношения между частями сложного предложения является п о р я д о к с л е д о в а н и я ч а с т е й. Порядок следования частей может быть негибким, фиксированным — его изменение приводит к нарушению связей между частями и обессмысливанию всего предложения: *В моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он* [Печорин] *рассказывает всю жизнь свою* (Лермонтов).

Перестановка частей часто оказывается невозможной потому, что второе предложение обозначает последующее действие (событие), обусловленное первым: *Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно, на аллеях лежали темные листья* (Чехов).

В некоторых случаях фиксированный порядок связан не с конкретным значением частей, а с употреблением во второй части союзов, которые не могут начинать первое предложение (таковы союзы *ибо, потому что* и др.): *Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, ибо со мной был чугунный чайник* (Лермонтов).

Фиксированный порядок следования частей наиболее характерен для бессоюзных сложных предложений. Многие типы сложных предложений союзного типа допускают свободный порядок частей. При этом перестановка не нарушает синтаксических отношений, хотя иногда меняет коммуникативную перспективу высказывания (соотноше-

ние темы и ремы), ср.: *Каков цветок у нее — сказать не могу — Не могу сказать, каков у нее цветок.*

Универсальным, присущим каждому сложному предложению средством связи частей является интонация. Интонация указывает на объединенность предикативных единиц внутри сложного предложения. Это достигается наличием интонации точки только в конце сложного предложения и произнесением всех предикативных частей, кроме последней, с интонацией незавершенности. Особенно важна объединительная функция интонации в бессоюзных сложных предложениях.

Интонация может выполнять роль средства, которое указывает на различные смысловые отношения между частями сложного предложения. В русском языке с помощью интонации различаются отношения перечислительные, противительные, изъяснительные, уточняющие (конкретизации), пояснительные и др. Так, например, в предложениях *Полдень знойный, на небе ни облачка. Полдень знойный: на небе ни облачка* только с помощью интонации можно разграничить отношения перечисления (в первом предложении) и отношения конкретизации (во втором).

В диалогической речи интонация может служить средством актуального членения сложного предложения: *Вы понимаете, о чем он говорит? — Да, я отлично понимаю, о чем он говорит. Вы хоть что-нибудь понимаете из того, что он говорит? — Я понимаю, что он говорит об очень важном.*

Связь между частями сложного предложения может проявляться также в определенных соотношениях грамматических форм глаголов-сказуемых. Семантика сложного предложения обычно накладывает определенные ограничения на соотношение модального и видовременного плана частей. Так, в предложениях с союзом *по мере того как* значение неограниченной длительности создается формами глаголов несовершенного вида, напр.: *По мере того как мы приближались к цели, идти становилось все труднее и труднее.* В сложноподчиненных предложениях с временными придаточными предложениями, вводимыми союзами со значением близкого следования *(как только, лишь только, едва)*, в обеих частях могут употребляться только глаголы одного вида: *Едва завечерело, девушки собрались на лугу* (Тургенев). *Как только провяла земля, начались полевые работы* (Аксаков).

В различных типах сложных предложений есть свои закономерности, регулирующие возможности соотношения модальных планов предикативных частей. Так, в предложениях с перечислительными отношениями возможно лишь соединение предикативных единиц, имеющих единый модальный план, напр.: *Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя застучали, зашумели по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась* (Тургенев). А в предложениях с союзом *но* возможны любые сочетания модальных планов частей: *Небо было пасмурно, но дождя уже не было* (Чехов). *У меня сейчас много работы, но я все-таки нашел бы для вас свободную минуту. Я знаю, что это нелегко, но все-таки пусть он попробует.*

Роль конструктивного компонента, а следовательно, и показателя связи между частями сложного предложения могут выполнять и некоторые лексические элементы в его составе, которые превратились в устойчивые, фразеологические обороты. Такие предложения в русском языке довольно многочисленны: *Бойся не бойся, а идти надо. Не успела она кончить, как Райский вскочил* (Гончаров). *Стоило ей повернуться, как Чарли с лаем кинулся к ней* (Александров). Эти предложения строятся по особым, синтаксически связанным структурно-семантическим моделям (фразеосхемам), имеющим, однако, относительно свободное лексическое наполнение.

Таковы основные средства связи частей сложного предложения. Они функционируют в составе сложного предложения совместно или в определенных сочетаниях друг с другом.

§ 3. Сочинение и подчинение как основные виды синтаксической связи предикативных частей в составе сложного предложения. В русской синтаксической науке традиционно, уже с середины XIX в., принято различать два вида связи между предикативными единицами в составе сложного предложения — сочинение и подчинение. Первоначально различение сочинительных / подчинительных отношений между частями, составляющими сложное предложение, проводилось на основе признака смысловой независимости / зависимости частей. Вопрос о том, в чем проявляется эта независимость / зависимость и каковы формальные средства, позволяющие разграничить эти от-

ношения, долгое время подробно не обсуждался. Значительным этапом в разработке вопроса о грамматической природе сочинения и подчинения стала дискуссия по этому вопросу, развернувшаяся в 20-х гг. нашего века. Профессор М. Н. Петерсон высказал мысль о том, что смысловые отношения между простыми предложениями, входящими в состав сложного, при сочинении и подчинении не всегда четко разграничиваются, критерий смысловой независимости / зависимости предикативных частей не применим по отношению к каждому конкретному сложному предложению. На этом основании он сделал вывод, «что объективного различия между ними [сочинением и подчинением] нет, и нет нужды сохранять это наследие теории предложения» [1]. Эти идеи профессора М. Н. Петерсона не были приняты. Наиболее интересным опровержением явилась статья профессора А. М. Пешковского «Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений?» [2]. В этой статье сочинение и подчинение рассматриваются уже не как смысловые, логические категории, а как категории грамматические, языковые. Этот поворот означал дальнейшее, более углубленное изучение синтаксической природы понятий сочинения и подчинения. А. М. Пешковскому удалось обнаружить целый ряд формальных различий между сочинением и подчинением в составе сложного предложения. Важнейшее из них он видел в различии между сочинительными и подчинительными союзами. При подчинении союзное средство находится только в придаточной части, более того, подчинительный союз «не только ритмически примыкает к своему предложению, а составляет его органическую формальную принадлежность» [3], при сочинении «показатели отношения стоят или при каждом из соотносящихся (в части случаев соединительного и разделительного сочинения), или между соотносящимися, не сливаясь внутренне ни с одним из них» [4]. Сочинительные союзы, по мнению ученого, одинаково чужды и одинаково общи соединяемым предложениям и внутренне не связаны ни с одним из них. А. М. Пешковский предлагает и другие

---

[1] *Петерсон М. Н.* Очерк синтаксиса русского языка. М., 1923, с. 32.

[2] См.: *Пешковский А. М.* Существует ли в русском языке сочинение и подчинение предложений? — В сб.: Родной язык в школе: Научно-педагогический сборник, книга 11—12. М., 1926.

[3] *Пешковский А. М.* Избранные труды. М., 1959, с. 135.

[4] Там же, с. 140.

критерии разграничения сложносочиненных и сложноподчиненных предложений на основе различий сочинительных и подчинительных союзов: 1) сочинительные союзы могут употребляться как в составе сложного, так и в составе простого предложения; употребление подчинительных союзов в составе простого предложения ограничено; 2) в отличие от сочинительного союза, который находится в самом начале второй части, подчинительный союз в определенных типах предложений может находиться и внутри придаточной части. Прямым следствием этих особенностей сочинительных и подчинительных союзов является взаимное расположение частей сложного предложения. При сочинении одна часть не может находиться внутри другой, так как сочинительный союз не принадлежит ни одной из них, а при подчинении придаточная часть может стоять перед главной частью или после нее или может быть включенной внутрь главной части.

Выявленные А. М. Пешковским формальные различия между частями сложного предложения служат убедительным доказательством того, что сочинение и подчинение как виды синтаксической связи существуют, однако ни одно из этих различий не является универсальным, т. е. его невозможно применить ко всем без исключения сложным предложениям.

Различение сочинения и подчинения в сложном предложении в настоящее время проводится на основе установления грамматической зависимости / независимости предикативных частей в его составе. Грамматическая зависимость / независимость проявляется в однофункциональности / неоднофункциональности предикативных единиц в составе всего сложного предложения. Однофункциональность частей предполагает: 1) их одинаковую роль в конструировании всего сложного предложения; 2) их грамматическую самостоятельность по отношению друг к другу. Эта характеристика была очень точно подмечена И. А. Поповой: «В сочинении каждое высказывание сохраняет значение самостоятельного утверждения, существующего прежде всего для самого себя, хотя и сопоставленного или соединенного с другими» [1].

---

[1] *Попова И. А.* Сложносочиненное предложение в современном русском языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 392.

Неоднофункциональность частей находит проявление в том, что: 1) они играют различную роль в построении целого предложения: одна из них более важна при передаче общего содержания, другая же каким-то образом дополняет, поясняет или расширяет содержание первой части; 2) в предложении устанавливаются отношения формальной зависимости одной части от другой.

В формировании сочинительных или подчинительных отношений между предикативными компонентами, входящими в сложное предложение, участвуют все синтаксические средства связи, но главными из них выступают: 1) союзы и союзные слова; 2) интонация. Важным показателем является также смысловое содержание частей, а именно: сообщается ли в них о событиях, не связанных между собой, обособленных, или о событиях, обусловленных, связанных отношениями временной, пространственной, причинной или какой-либо другой зависимости.

Если все эти факторы действуют в одном направлении (установления независимости / зависимости частей), то в сложном предложении формируются сочинительные или подчинительные отношения в чистом виде, не осложненные элементами противоположного качества (сочинения или подчинения). Если же действия этих факторов являются разнонаправленными, то в сложном предложении формируются сочинительные отношения с элементами подчинения или подчинительные отношения с элементами сочинения. Особенно наглядно это видно при рассмотрении сложных предложений с союзом *и,* самым асемантичным союзом, имеющим наиболее общее значение соединения. Так, в предложении *Над полем жаворонок вьется, во ржи синеют васильки, и солнце весело смеется в прозрачном зеркале реки* (Фофанов) каждая из частей передается однородной интонацией, что создает сочинительные отношения перечисления. Сами описываемые события также однородны: это внутренне независимые фрагменты, создающие единую картину окружающей человека природы. Бессоюзное и союзное объединение их однородной линейной связью, которую подчеркивают союз *и* и единые формы вида, времени и наклонения глаголов в каждой из частей, формирует сочинительные отношения перечисления. Однофункциональность предикативных частей проявляется здесь особенно ярко, вследствие чего и становится возможным появление сложных предложений открытой

структуры. Несколько иной характер имеет сочинительная связь в предложении *Я передал ему ваше поручение, и он исполнил его с большим удовольствием* (Чехов). В этом предложении формальные средства — интонация и союз *и* — создают отношения однородности предложений, их однооформленности, но этому препятствует конкретное содержание частей: в них передается сообщение о событиях, связанных отношениями временной обусловленности — второе может осуществиться только после осуществления первого. Но все же формальные показатели связи оказываются сильнее, и все сложное предложение можно классифицировать как сложносочиненное.

Еще более могут быть осложнены элементами подчинения сочинительные отношения в предложении типа *Я стал просить за Швабрина, и добрый комендант решился его освободить* (Пушкин). Здесь интонация и соединительный союз *и* создают сочинительные отношения между частями, но конкретное содержание частей, в которых речь идет о событиях, связанных причинно-следственными отношениями, т. е. отношениями односторонней зависимости второго события от первого, внушает мысль и о подчинительных отношениях. Однако и здесь формальные показатели связи (союз *и* и интонация) удерживают отношения между частями в границах сочинения, ибо «не столько самим кругом смысловых отношений определяется сочинение, сколько характером, способом их выражения» [1].

Наконец, средства выражения синтаксических отношений сочинения и подчинения между предикативными частями в сложном предложении могут уравновешивать друг друга, и тогда бывает трудно определить тип отношений. Такие конструкции сложного предложения принято называть переходными между сложносочиненными и сложноподчиненными. К ним обычно относят сложные предложения, в которых отношения смысловой зависимости между частями оформляются сочетанием подчинительного и сочинительного союза одновременно:

1) предложения с союзами *хотя... но,* выражающими уступительно-противительные отношения между частями, напр.: *Хотя я уже ездил один раз в Чурасово, но*

---

[1] *Попова И. А.* Сложносочиненное предложение в современном русском языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 392.

местность всего пути была мне совершенно неизвестна (Аксаков) (союз *хотя* формирует подчинительные отношения между частями, союз *но* — сочинительные; они находятся в разных частях предложения, и каждый из них может быть опущен, т. е. не является обязательным; таким образом, формальные средства связи, создающие отношения сочинения и подчинения, взаимно уравновешиваются, и отношения эти можно квалифицировать как сочинительно-подчинительные);

2) предложения с союзным сочетанием *и поэтому*, выражающие причинно-следственные отношения между частями: *Лето было дождливое, и поэтому покос задержался*. (союз *и* с соединительным значением создает сочинительные отношения, а союзный компонент *поэтому* поддерживает отношения причины и следствия, создаваемые семантикой частей; каждый из этих союзов можно считать факультативным: он может быть опущен). Такие предложения традиционно рассматривают как сложносочиненные, хотя было бы более уместно относить их к числу переходных конструкций.

Существуют сложные предложения, в которых сочинительные по своему характеру смысловые отношения между предикативными частями передаются подчинительными союзами *если... то, в то время как, тогда как,* напр.: *Если вчера еще весь день шел дождь, то сегодня светит яркое солнце. Она умеет читать и писать, тогда как Марья Порфирьевна совершенно безграмотна* (Щедрин). В таких предложениях сопоставительные отношения, сочинительные по своему характеру заключены в самом содержании частей, а средства связи между частями (подчинительные союзы) действуют в направлении подчинения. Но поскольку равноправные смысловые отношения между частями не допускают односторонней зависимости одной части от другой, т. е. отношений подчинения, союзные средства изменяют свое значение (союз *если* теряет условное значение, а союз *тогда как* — временно́е) и становятся союзами с сопоставительно-противительным значением. В некоторых сложных предложениях с присоединительными отношениями между предикативными частями (напр.: *Манилов все время сидел и курил трубку, что тянулось до самого ужина* (Гоголь) объединяются внутренне не зависимые по своему содержанию части, имеющие в своем составе один общий компонент. Связующим средством между ними выступает

союзное слово *что* — формальный показатель подчинительных отношений. В таких предложениях формальные показатели связи оказываются более важными, чем смысловые, что и дает больше оснований относить такие конструкции к сложноподчиненным. Сложных предложений, в которых сочинительные и подчинительные отношения уравновешивают друг друга, в русском языке немного. В большинстве же сложных предложений союзного типа отчетливо выявляются либо сочинительные, либо подчинительные отношения между частями.

Наиболее важным формальным дифференцирующим средством выражения тех и других отношений в союзных сложных предложениях считается использование союзов различных семантических разрядов. В связи с этим все союзные сложные предложения принято делить на сложносочиненные (с сочинительной связью между частями) и сложноподчиненные (с подчинительной связью между частями).

Что касается сложных предложений с бессоюзным соединением частей, то их выделяют в особый подкласс наряду с союзными сложными предложениями. Некоторые исследователи видят различия между бессоюзными и союзными сложными предложениями не только в выражаемом ими содержании и средствах связи между частями (отсутствие / наличие союзных средств), но и в характере синтаксических отношений частей. Так, например, профессор В. А. Белошапкова квалифицирует синтаксические отношения между частями бессоюзного сложного предложения как недифференцированные, поскольку в них формальное «противопоставление сочинительной и подчинительной связи снято» [1].

Итак, все сложные предложения на основе наличия / отсутствия союзной связи между составляющими их предикативными частями делятся на два подкласса: союзные сложные предложения и бессоюзные сложные предложения. В свою очередь, союзные сложные предложения на основе характера синтаксических отношений между частями и союзного средства как важнейшего формального показателя этих отношений членятся на сложносочиненные и сложноподчиненные предложения.

---

[1] *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. М., 1981, с. 520.

СЛОЖНОСОЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 4. Общая характеристика и принципы классификации сложносочиненных предложений. Сложносочиненными называются такие предложения, части которых связаны сочинительными отношениями и соединяются с помощью сочинительных союзов.

Предикативные части, из которых состоит сложносочиненное предложение, грамматически не зависят друг от друга и выполняют в предложении одну и ту же функцию, и в этом отношении их можно назвать однородными. Сочинительные союзы *и, да, но, или, либо, ни... ни, то... то* и др., выражая различные грамматические значения (наиболее общие смысловые отношения) между частями, в то же время подчеркивают относительно не зависимый характер, относительную самостоятельность каждой части, напр.: *Воспоминания детства звали к родным местам, к родным полям, и паровоз в степные дали бежал по гулким колеям* (Садофьев). *Светило солнце, но вдруг с востока надвинулась темная грозовая туча* (Барков). Союзы, употребляющиеся в сложносочиненных предложениях, те же, что и при однородных членах предложения. Смысловые отношения, которые устанавливаются с помощью этих союзов между предикативными частями в сложносочиненных предложениях, также в основном совпадают с отношениями между однородными членами. Это соединительные, противительные, разделительные, присоединительные и пояснительные отношения. Однако эти отношения в составе сложного предложения приобретают некоторые дополнительные оттенки, обусловленные особым (по сравнению с однородными членами) характером объединяемых частей, каждая из которых обладает грамматическим значением предикативности. Так, соединительные отношения осложняются:

1) значением одновременности событий: *И поля цветут, и леса шумят, и лежат в земле груды золота, и во всех концах света белого про тебя* [Русь] *идет слава громкая* (Никитин). *Лил холодный дождь, и в саду шумел мокрый ветер* (Паустовский);

2) значением временной последовательности: *Слуга вскочил на облучок, ямщик свистнул, и лошади поскакали. Прошло несколько лет, и обстоятельства привели меня на тот самый тракт, в те самые места* (Пушкин);

3) значением причинно-следственного характера: *К отцу приехали гости, и нам запретили шуметь* (Аксаков).

Структурное единство различных сложносочиненных предложений, которое создается интонацией и союзными средствами, неодинаково. Если в предложении употреблен двойной союз *не только... но и* или взаимообусловленные повторяющиеся союзы *ни... ни, не то... не то,* то оно функционирует как единое структурное целое, которое невозможно расчленить на составляющие предикативные единицы с тем же значением, напр.: *Не то это было раннее утро, не то уже наступал вечер* (Фадеев). *Не только что нашего клуба не было или фонарей на улицах, но и лавок на весь город было только две* (А. Кольцов). Наименее заметный характер носит связь между частями в сложносочиненных предложениях с соединительными отношениями, передаваемыми одиночным союзом *и*. Такие предложения легко могут быть расчленены на два отдельных, самостоятельных высказывания, напр.: *В небе ярко сверкнула первая звездочка, и в окнах домов замелькали огоньки* (Гончаров). Некоторые исследователи рассматривают такие сложносочиненные предложения не как единое структурное целое, а как композиционное объединение простых предложений [1].

Структурно-семантическое единство сложносочиненных предложений поддерживается также различными лексическими элементами, которые, участвуя в дифференциации смысловых отношений между предикативными частями, в то же время выполняют в его составе роль строевых элементов. Таковы, прежде всего, местоименные наречия *потому, поэтому, оттого,* вводные слова *следовательно, значит,* частицы *все-таки, все же, ведь, все равно, между тем, тем не менее* и др., напр.: *У судьи губы находились под самым носом, и оттого нос его мог нюхать верхнюю губу сколько душе угодно было* (Горький). *Правда, на дискуссию у нас ушло много сил, но все-таки молодежь, участвовавшая в ней, многому научилась* (Н. Островский). *Часов в восемь вечера дождь перестал, и все же небо было по-прежнему хмурое* (Арсеньев).

Показателем более тесного объединения частей сложносочиненного предложения является наличие в первой части общего второстепенного члена, а также употребление во второй части местоимений и местоименных наречий

---

[1] См.: Современный русский литературный язык. М., 1981, с. 525.

(*он, это, этот, тот, там, тогда* и др.) в анафорической (заместительной) функции, напр.: *В ноябре постепенно понижается температура воздуха и дуют сильные ветры. У берегов лед был прозрачный, и его даже вблизи было трудно заметить* (Паустовский). Структурную взаимосвязь частей сложносочиненного предложения может подчеркивать и неполнота второй части: *Старшего мальчика звали Петя, а младшего — Павлик* (Катаев).

Структурная неоднородность сложносочиненных предложений не позволяет, однако, обнаружить единые формальные критерии, на основе которых можно было бы выделить их отдельные разновидности. Используемый некоторыми исследователями для этих целей признак открытости (неограниченности ряда составляющих сложные предложения частей) / закрытости (двучленности сложного предложения) структуры не является специфическим только для сложного предложения, он характерен и для однородных членов в простом предложении [1]. Классификация сложносочиненных предложений традиционно строится на основе различий в их общих грамматических значениях (наиболее общих смысловых отношениях между предикативными частями), создаваемых значением союзов. На этом основании выделяются сложносочиненные предложения с соединительными, противительными, разделительными, пояснительными, присоединительными отношениями.

В рамках этих общих отношений проводится дальнейшая дифференциация сложносочиненных предложений в соответствии с теми значениями, которые создаются семантикой отдельных групп союзов, а также различными соотношениями видовременных и модальных форм сказуемых в их частях.

§ 5. Сложносочиненные предложения с соединительными отношениями. Соединительные отношения в сложносочиненных предложениях выражаются союзами *и, да, ни... ни, тоже, также*. Предложения этого типа отчетливо членятся на две группы. Одну из них составляют предложения, в которых сочинительные отношения между частями не осложнены элементами подчинения. Их называют или предложениями однородного состава [2], или

---

[1] См.: Современный русский литературный язык. М., 1981, с. 527.

[2] См.: *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. М., 1981, ч. 3, с. 188.

предложениями с собственно соединительным значением [1].

Вторая группа представлена предложениями, в которых сочинительные отношения между частями осложнены элементами подчинения (отношениями причинно-следственными, условно-следственными и др.). Такие предложения квалифицируются как предложения неоднородного состава [2] и как предложения с несобственно соединительными значениями [3].

В сложносочиненных предложениях первой группы между предикативными частями устанавливаются перечислительные отношения. Предикативные части в них содержат отдельные частные сообщения, из которых создается целостная ситуация, напр.: *Ночь темна, на небе тучи, белый снег кругом, и разлит мороз трескучий в воздухе ночном* (Огарев).

Средством соединения частей в предложениях этой разновидности служат союзы *и* (одиночный или повторяющийся), *да, ни... ни*. Наиболее употребителен среди них союз *и*. Однородность перечисляемых фактов выражается также формально-грамматическими средствами: во всех предикативных частях предложения сказуемые имеют единый временной план, а глаголы-сказуемые употреблены в единых видовременных формах.

Значительно реже встречаются предложения с союзом *ни... ни*. Этот повторяющийся союз характерен для отрицательных предложений. Он придает всему предложению отрицательно-усилительный оттенок значения, напр.: *Охотник пробирался к глухарям очень тихо. Ни один звук не выдал его, ни одна веточка не треснула под его ногами* (Николаева).

Сложносочиненные предложения с перечислительным значением, соединяемые союзами *и, ни... ни,*— это конструкции открытой структуры, т. е. количество составных частей в них формально не ограничено, оно зависит от конкретной ситуации.

Перечислительное значение может передаваться также сложносочиненными предложениями закрытой структуры, в которых связующим средством выступает соединитель-

---

[1] См.: Русская грамматика. М., 1980, т. 2, с. 617.

[2] См.: *Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю.* Современный русский язык. М., 1981, ч. 3, с. 188.

[3] См.: Русская грамматика. М., 1980, т. 2, с. 618.

ный союз *да,* который, помимо основной своей функции, специально указывает на ограниченность ряда событий, объединяемых в единое целое: *Только иволги кричат, да кукушки наперебой отсчитывают кому-то непрожитые годы* (Шолохов). *Только вдали поле с рожью точно горит огнем да речка блестит и сверкает на солнце* (Гончаров).

Сложносочиненные предложения второй группы, отмеченной выше, наряду с основным, соединительным значением передают дополнительные значения, которые создаются конкретным содержанием составляющих их частей, специализированными лексическими средствами или значением союзов. На этом основании среди них выделяют несколько семантических разновидностей:

1. Соединительные предложения с причинно-следственным оттенком значения, вытекающим из конкретного содержания частей: *Вековые темные деревья сомкнулись над головами бойцов, и солнце не могло пробиться сквозь листву* (Гончар).

Этот оттенок значения еще более отчетливо передается специальными союзными средствами — местоименными наречиями *потому, поэтому, оттого,* которые образуют сложные союзные сочетания с союзом *и (и поэтому, и потому): Котомки наши были тяжелы, и потому мы сильно устали* (Арсеньев).

2. Соединительные предложения с дополнительными отношениями основания-вывода. Эти отношения обеспечиваются за счет вводных слов *следовательно, значит* в сочетании с союзом *и: Река сплошь была занесена плавником, и, следовательно, всюду можно было свободно перейти с одного берега на другой* (Арсеньев). Такие сложносочиненные предложения характерны для научного и делового стилей речи.

3. Соединительные предложения с дополнительными уподобительно-отождествительными отношениями между частями. Эти отношения выражаются с помощью союзов *тоже* и *также,* которые располагаются внутри второй части предложения, обычно занимая в ней второе место: *Луна взошла сильно багровая и хмурая, звезды также хмурились* (Чехов). *Дочь училась дома и росла хорошо, мальчик тоже учился недурно* (Л. Толстой).

4. Соединительные предложения с дополнительным распространительным значением, которое вносится второй частью, если она содержит какие-то новые сведения, име-

ющие отношение к событию, заключенному в первой части. Обычно вторая часть соединяется с первой сочетанием союза *и* и анафорического местоимения *это*, напр.: *На одно мгновение она оказалась смущенной, и это удивительно изменило ее лицо* (Короленко).

5. Соединительные предложения с дополнительным градационным значением (значением нарастания смысловой интенсификации описания в последней части). В этих предложениях наиболее употребителен расчлененный союз *не только... но и*, который своим значением указывает на то, что субъект, действие, признак, объект или обстоятельство в действительности представлены в большем объеме, более масштабно, чем об этом сообщается в первой части. Вторая часть как раз и уточняет действительные размеры события. Именно поэтому в таких предложениях всегда более значимой является вторая часть: *Не только Соня без краски не могла выдержать этого взгляда, но и старая графиня и Наташа покраснели, увидев этот взгляд* (Л. Толстой).

§ 6. Сложносочиненные предложения с противительными отношениями. В предложениях данного вида сообщается о совместном существовании различных, казалось бы не соотносимых друг с другом явлений, событий, фактов. Противительное значение формируется в них прежде всего союзами *но, а, однако, же, зато* и др. и соотношением конкретного содержания предикативных частей. Все сложносочиненные предложения с противительным значением представляют собой конструкции закрытой структуры, все они двучленны. В зависимости от того, как противопоставлено содержание частей сложного предложения, какие элементы этого содержания несоотносительны или противоположны друг другу, все сложносочиненные предложения данного типа делятся на несколько основных разновидностей:

1. Противительно-ограничительные предложения. В них противительные отношения создаются тем, что событие, о котором сообщается во второй части, ограничивает проявление, частично опровергает событие первой части, препятствует его возникновению или течению. В них употребляются союзы *но, однако, да*, напр.: *Нам горькие выпали дни, грозят небывалые беды, но Родина с нами, и мы не одни, и нашею будет победа* (Берггольц). *Поклажа бы для них казалась и легка, да Лебедь рвется*

в облака, Рак пятится назад, а Щука тянет в воду (Крылов). *Олег усмехнулся, однако чело и взор омрачилися думой* (Пушкин).

В обеих частях предложения может сообщаться о реальных, действительных событиях. Однако в первой части речь может идти и о событии нереальном или нежелательном, в то время как вторая часть всегда называет действительное событие. План ирреальной модальности (см. главу «Простое предложение», § 4) передается формами глаголов так называемого «недействительного» наклонения (формой глаголов прошедшего времени совершенного вида с частицей *было* или формой прошедшего времени глаголов со значением желания, стремления: *хотеть, думать, собираться, начать* и т. д.— в соединении с неопределенной формой другого глагола и частицей *было: Школьники совсем было приготовились к эвакуации в Саратовскую область вместе со всей школой, но эвакуацию отменили* (Фадеев) или формой сослагательного наклонения *(Следовало бы описать канцелярские комнаты, которыми проходили наши герои, но автор питает сильную робость ко всем присутственным местам* (Гоголь).

2. Несколько иной круг отношений характерен для противительно-уступительных предложений. В них наряду с противительными отношениями наблюдается значение несоответствия, несоотносительности между событием-условием, о котором сообщается в первой части, и событием-результатом, которое имело место в действительности и полностью противоречит первому событию. На основе этого несоответствия возникает уступительное значение: факты, о которых говорится в первой части, уступают место другим, действующим в противоположном направлении, о которых в предложении не сообщается, но о которых можно догадаться на основании события-результата: *Голос Павла звучал твердо, слова звенели в воздухе четко и ясно, но толпа разваливалась, люди один за другим отходили вправо и влево к домам, прислонялись к заборам* (Горький). *В саду уже поселилась осень, а листья нашей березы оставались зелеными и живыми* (Паустовский). *Дичи у него* [Пеночкина] *в поместье водится много, дом построен по плану французского архитектора, а все-таки неохотно к нему едешь* (Тургенев).

В противительно-уступительных предложениях наиболее употребительны союзы *но, однако.* Союз *а* редко употребляется самостоятельно для передачи этого значения.

Как правило, он сочетается с частицами *все-таки, все ж, между тем,* с наречиями *еще, уже,* которые дифференцируют значение союза *а,* усиливают уступительный оттенок значения.

3. В сложносочиненных предложениях с противительно-возместительным значением основным формальным показателем смысловых отношений между частями является союз *зато* (реже в сочетании с союзом *но — но зато*). В таких предложениях возместительное значение создается в результате того, что событие, о котором сообщается в первой части, оценивается говорящим как отрицательное, а событие, о котором повествуется во второй части,— как положительное. Союз *зато* своей семантикой подчеркивает, что событие второй части компенсирует, снимает отрицательные последствия события первой части, напр.: *Песня над домом смолкла, зато над прудом соловей заводил свою* (Короленко). *Здешняя липа не достигает таких размеров, как в Южно-Уссурийском крае, но зато ствол ее не имеет дупла* (Арсеньев). *Здесь уже не пахло акацией и сиренью, не слышно было музыки, но зато пахло полем, зеленели молодые рожь и пшеница, пищали суслики, каркали грачи* (Чехов).

§ 7. Сложносочиненные предложения с разделительными отношениями. Разделительные отношения включают значения двух видов:

1) значение взаимоисключения, или собственно разделительное, проявляется в том, что из двух, трех или более соотносительных между собой событий реальным оказывается одно и реальность этого события исключает реальность всех остальных, напр.: *Либо я все устрою по-прежнему, либо я его на дуэль вызову* (Тургенев);

2) значение чередования, или несобственно разделительное, проявляется в том, что соотносимые события не могут осуществиться одновременно, а осуществляются в разное время, как правило, поочередно сменяя друг друга, напр.: *То падал как будто туман, то вдруг припускал косой крупный дождь* (Л. Толстой).

Основным средством выражения разделительных отношений являются союзы *или (иль), либо, то... то, не то... не то, то ли... то ли.*

Посредством союза *или* (одиночного или повторяющегося) могут передаваться значение взаимоисключения

(как в вышеприведенных примерах) и чередование событий: *Для разнообразия мелькнет в бурьяне белый булыжник, или вырастет на мгновение серая каменная баба, или перебежит дорогу суслик, и опять бегут мимо глаз бурьян, холмы, грачи* (Чехов).

Союз *либо* (одиночный или повторяющийся) выражает собственно разделительные отношения, передает значение взаимоисключения, но имеет более книжный характер, чем союз *или*, и употребляется сравнительно редко: *Мне хотелось либо заночевать в степи, либо я готов был бродить всю ночь напролет, вдыхая ее аромат, внимая всем звукам ее* (Кешоков).

Повторяющийся союз *то... то* служит только для передачи значения чередования, временного следования событий: *То к речке крутая тропинка спустилась, то вьется она высоко в облаках* (Кешоков).

Союзы *то ли... то ли, не то... не то* наряду со значением взаимоисключения несут в себе и значение предположительности, указание на то, что говорящий сомневается, не уверен в том, какое из событий имело место в действительности: *То ли вода еще была холодна, то ли Кадошка еще молод и глуп, только остановился он у воды и не может идти дальше* (Пришвин). *Не то дождь идет, не то мокрые хлопья снега падают на землю* (Ушаков).

Данные предложения всегда представляют собой конструкции открытого типа, в которых объединены две и более предикативные части. Нередко составляющие их части имеют однородное грамматическое значение. В них сочинительные отношения не осложнены элементами подчинительной связи.

§ 8. Сложносочиненные предложения с присоединительными отношениями. Эта разновидность сложносочиненных предложений была описана сравнительно недавно[1]. По характеру связи присоединительные отношения близки к соединительным, но в то же время существенно отличаются от них. Объединяемые ими предикативные части неравнозначны по своему содержанию: в первой части передается основное содержание высказывания, а во второй содержится как бы добавочная, допол-

---

[1] См.: *Крючков С. Е.* О присоединительных связях в современном русском языке.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 397.

нительная информация к тому, о чем сообщается в первой части, напр.: *Я ничего не отвечал, да и зачем мне было отвечать.* Вторая часть интонационно резко отличается от первой и произносится с интонацией вводности: в конце первой части тон голоса понижается, затем следует пауза, после которой вторая часть произносится более низким тоном и в более быстром темпе, чем первая, что и подчеркивает добавочный характер содержания этой части.

Присоединительные отношения выражаются также специальными союзами и союзными сочетаниями: *и, да и, а также, притом, и притом, причем, при этом, к тому же* и др.

Союз *и* в присоединительных конструкциях употребляется сравнительно редко. Он располагается не между предикативными частями сложного предложения, а стоит внутри второй части, перед словом, на которое падает логическое ударение: *Все с огромным вниманием слушали выступление докладчика, внимательно слушал и я.*

Наиболее употребителен в присоединительных предложениях союз *да и.* Для предложений с союзом *да и* характерно то, что замысел второй части рождается у говорящего уже по ходу произнесения первой части, как бы попутно, как такая дополнительная информация, которая помогает аргументированно представить содержание первой части, напр.: *Ничьего не прошу сожаленья, да и некому будет жалеть* (Некрасов).

Другие союзные средства употребляются значительно реже и более характерны для официального, а не обиходно-бытового общения: *Он вернулся через два часа и получил тот же ответ, причем лакей как-то косо посмотрел на него* (Тургенев). *Вода была тепла, но не испорчена, и притом ее было много* (Гаршин). *К весне ремонт инвентаря был закончен, а также был произведен пробный выезд в поле.*

§ 9. Сложносочиненные предложения с пояснительными отношениями. Пояснительные отношения выражаются союзами *то есть, а именно.* Эти союзы указывают, с одной стороны, на тождество первой и второй части, а с другой стороны, они дифференцируют содержание частей, сигнализируют о том, что вторая часть конкретизирует или раскрывает содержание более общей первой части: *Николай был одет по-дорожному, то есть штаны были всунуты в сапоги, а старый сюртук туго-*

натуго подпоясан кушаком (Л. Толстой). *Мужская комнатная прислуга была доведена до минимума, а именно, сколько мне помнится, для всего дома полагалось достаточным не больше двух лакеев* (Щедрин).

Помимо того, предложения с союзом *то есть* одновременно могут во второй части давать более точную формулировку той мысли, которая не совсем верно или не совсем определенно выражена в первой части. Союз *то есть* в таких предложениях имеет значение «точнее говоря».

§ 10. Сложносочиненные предложения с сопоставительными отношениями. В предложениях этой разновидности сопоставляются, соотносятся два объекта или явления для того, чтобы показать резкое различие между ними, их противоположность в том или ином отношении, напр.: *Цветы были незнакомые, похожие на колокольчики. Но у колокольчиков чашечка всегда склоняется к земле, а у этих цветов сухие чашечки стояли вытянувшись вверх* (Паустовский). Наиболее употребительны сложносочиненные предложения с союзом *а*, напр.: *Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп* (Чехов). *Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня как на необходимое зло* (Пушкин). Предложения с союзами *тогда как, в то время как* не употребительны в обиходе, но обычны в газетно-публицистическом, научном и официально-деловом стиле речи: *Живое слово богато и щедро. У него множество оттенков, в то время как у слова-термина всего только один-единственный смысл и никаких оттенков* (Маршак). Поскольку при сопоставлении объекты, явления сравниваются между собой по одному логическому основанию, обычно на основе различий предикативного признака, то для таких предложений характерен структурный параллелизм их частей, а также наличие слов одной тематической группы, антонимов, указывающих на противоположность признаков, напр.: *Так и надо: мне смеяться, а тебе плакать* (А. Островский).

Особую семантическую группу составляют сопоставительные предложения с союзом *же*, который стоит после первого слова второй части предложения. Союз *же* способствует интонационному, логическому выделению первого слова, благодаря чему сопоставительное значение

приобретает еще и выделительный оттенок, напр.: *Березы распустились, дубы же стояли обнаженными* (Чехов).

СЛОЖНОПОДЧИНЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 11. Общая характеристика сложноподчиненных предложений. Сложноподчиненными называются сложные предложения, состоящие из двух синтаксически неравноправных предикативных частей, соединенных между собой подчинительными союзами и союзными словами.

Подчинительные отношения между предикативными частями сложноподчиненного предложения проявляются в синтаксической зависимости одной части от другой. Та предикативная часть сложноподчиненного предложения, которая является синтаксически не зависимой и подчиняет себе другую, называется главной. Грамматически зависимая предикативная часть сложноподчиненного предложения называется придаточной.

Сложноподчиненные предложения различны по своему строению и выражаемому в них типовому содержанию. Одни из этих различий затрагивают конструктивную основу сложноподчиненных предложений, охватывают все или почти все их разновидности и поэтому существенны для характеристики сложноподчиненных предложений как синтаксической единицы; другие же не влияют на структурную организацию сложноподчиненных предложений, характеризуют только некоторую часть их и поэтому для грамматического описания менее существенны. Наиболее существенное, глубинное различие сложноподчиненных предложений связано с тем, каким образом соотносятся между собой главная и придаточная часть, а именно: соотнесена ли придаточная часть со всей главной в целом (или, что то же самое, с ее предикативным центром) или непосредственно прикрепляется по смыслу и с формальной стороны только к одному слову главной части. На этом основании принято различать сложноподчиненные предложения: 1) с детерминантной связью частей: *Если враг не сдается, его уничтожают* (Горький). *Я пригласил своего спутника выпить вместе стакан чаю, ибо со мной был чугунный чайник* (Лермонтов); 2) с присловной связью: *Березки, которые при нем* [Дубровском] *только что были*

посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями (Пушкин).

Сложноподчиненные предложения с детерминантной связью обозначают термином «двучленные» или «расчлененные»; предложения с присловной связью называют одночленными [1] или нерасчлененными [2]. Неодинаковый характер подчинительной синтаксической связи в нерасчлененных и расчлененных предложениях обусловливает и другие различия между ними, которые касаются прежде всего состава, средств выражения связи между частями и их функций, обязательности / необязательности связи частей, порядка их расположения относительно друг друга, соотнесенности временных, аспектуальных (видовых) и модальных планов частей и т. д.

Другим конструктивно важным признаком, который определяет многие формально-семантические особенности сложноподчиненных предложений, является тип связи частей, а именно: находятся ли показатели формально-грамматической связи в обеих частях сложного предложения или только в придаточной части. По этому признаку все сложноподчиненные предложения делятся на три класса. В одних из них показатели связи обязательны в обеих частях: в главной части — это соотносительные местоимения и местоименные наречия (корреляты), в придаточной — подчинительные союзы и союзные слова, напр.: *Патриот — т о т, к т о в самые трудные минуты для Родины берется за самые трудные дела* (Павленко). *Где-то рядом грянули т а к, ч т о задрожала земля* (Ильина).

Им противопоставлены сложноподчиненные предложения, в которых показатель связи (союз, союзное слово) находится только в составе придаточной части, тогда как в главной части соотносительного слова нет и оно невозможно, напр.: *Я посвятил свое искусство родному пейзажу, п о т о м у ч т о люблю свою страну, люблю ее природу* (Рылов). *Левин поехал домой рысью, ч т о б ы успеть пообедать и приготовить ружье к вечеру* (Л. Толстой). Некоторые авторы связь первого типа называют соотносительной, а связь второго типа — несоотносительной.

В современном русском языке существуют и такие сложноподчиненные предложения, в которых различие

---

[1] См.: *Поспелов Н. С.* О грамматической природе сложного предложения.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 321.

[2] См.: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. М., 1981, с. 535.

типов связи нейтрализуется: в них соотносительная связь возможна, но она факультативна. Обычно такие предложения употребляются без соотносительных слов в главной части, но они допускают варианты, когда главная часть (всегда постпозитивная) включает в свой состав коррелятивное слово *то* наиболее общей семантики, близкое по своей функции к функции заключительной частицы, напр.: *Если бабушка опаздывала приготовить чай к сроку, установленному дедом, то он долго и сердито ругался* (Горький).

Соотносительность / несоотносительность связи между предикативными частями сложноподчиненного предложения влияет на такие его качества, как обязательность / необязательность этой связи, фиксированный / нефиксированный порядок следования частей, соотношение видовременных форм глаголов-сказуемых в обеих частях, коммуникативную перспективу высказывания и т. д. Иначе говоря, признак соотносительности / несоотносительности связи частей вскрывает существенные, глубинные различия в структуре сложноподчиненных предложений, но не охватывает всей их совокупности, не является всеобщим. Многочисленные различия сложноподчиненных предложений, которые затрагивают самые разные стороны их формальной организации, осложняют выработку единых критериев для их классификации, поэтому проблема разграничения классов и типов сложноподчиненных предложений остается наиболее острой в научной грамматике уже в течение долгого времени (с середины XIX в.) и ее нельзя назвать окончательно решенной и в настоящее время.

§ 12. Принципы классификации сложноподчиненных предложений. Проблема разграничения типов сложноподчиненных предложений возникла одновременно с введением А. Х. Востоковым в научный обиход термина «придаточное предложение» и определением его общего понятия. В «Русской грамматике» А. Х. Востоков писал: «Вместо одного определительного или дополнительного слова может присовокуплено быть к подлежащему или сказуемому целое предложение придаточное» [1]. Придаточное предложение приравнивается Востоковым к развернутому члену предложения, из чего можно заключить, что

[1] *Востоков А. Х.* Русская грамматика. 5-е изд. М., 1842, с. 224.

все сложноподчиненное предложение рассматривается на тех же основаниях, что и простое предложение, т. е. уподобляется по своему общему строению простому предложению. Тем самым было положено начало логическому направлению в классификации сложноподчиненных предложений, по которой придаточные предложения разграничиваются с учетом того, позицию какого члена предложения в главной части занимает придаточная часть. Наиболее целостно, системно логический подход был представлен в «Опыте исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева, который писал: «Каждый из членов главного предложения, кроме сказуемого, может быть выражен предложением придаточным» [1]. В представленной им классификации в соответствии с членами простого предложения выделены придаточные предложения подлежащные, дополнительные, определительные и обстоятельственные со значениями места, времени, образа действия, меры и счета, причины, цели, условия, основания, повода, уступки, сравнения. Эта классификация в дальнейшем уточнялась, видоизменялась, но, по существу, она оставалась в течение целого столетия основной и стала традиционной. Жизнеспособность, особую привлекательность этой классификации придает то, что в ней сохранен тот же принцип, что и при выделении членов простого предложения, чем создается единообразие при рассмотрении как простого, так и сложного предложения, а это очень важно для практического преподавания языка в школе. Однако этот подход является односторонним и внутренне противоречивым. При таком подходе принимаются во внимание лишь некоторые структурно-семантические особенности главной части сложноподчиненного предложения, тогда как структура придаточной части остается неучтенной. Именно поэтому одинаковые по своему содержанию и структуре придаточные распределяются по разным типам в таких предложениях, как *Мне совсем не слышно, что он говорит* (с придаточным подлежащным). *Я совсем не слышу, что он говорит* (с придаточным дополнительным).

Кроме того, дальнейшее изучение сложноподчиненного предложения привело к выявлению таких придаточных частей, которые не могут быть уподоблены членам про-

---

[1] *Буслаев Ф. И.* Опыт исторической грамматики русского языка. М., 1858, с. 212.

стого предложения. Таковы, прежде всего, предложения с придаточными следствия и придаточными присоединительными.

Все это побуждало исследователей искать новые критерии для классификации сложноподчиненных предложений. Так, в противовес логическому появляется формальное направление классификации. Первоначально ученые обратили внимание на то, что сложноподчиненные предложения резко различаются средствами связи главной и придаточной части: в одних из них употребляются подчинительные союзы, в других — союзные слова. В соответствии с этим все сложноподчиненные предложения подразделяются на два типа: 1) предложения с подчинительными союзами (союзное подчинение); 2) предложения с союзными словами (относительное подчинение). Особенно подробно анализ значений подчинительных союзов и союзных слов проводится А. М. Пешковским в книге «Русский синтаксис в научном освещении», хотя в ней и отсутствует какая-либо классификация придаточных предложений. В дальнейшем формальную классификацию отстаивали М. Н. Петерсон, Л. А. Булаховский, А. Б. Шапиро.

Хотя исследователями этого направления было сделано много интересных наблюдений по выявлению значений и употребления союзов и союзных слов, все же им не удалось построить строгую классификацию сложноподчиненных предложений, поскольку оказалось невозможным свести рассмотрение такой многоаспектной единицы, как сложноподчиненное предложение, к описанию различий только одного структурного компонента — средств связи частей. Одновременно стало ясно, что строить классификацию сложноподчиненных предложений невозможно на основании одного только критерия, что для этого важно учитывать структуру обеих частей сложноподчиненного предложения, синтаксические средства связи между ними, а также смысловые отношения, устанавливающиеся между главной и придаточной частью. Такой многоаспектный подход к классификации сложноподчиненных предложений, который называют структурно-семантическим, получает в настоящее время наибольшее признание и положен в основу описания их в настоящем учебнике. Основные положения структурно-семантического подхода к классификации сложноподчиненных предложений были впервые системно сформулированы В. А. Богородицким в «Общем

курсе русской грамматики», где он писал: «При исследовании придаточных предложений нужно иметь в виду: 1) к чему относится, 2) какие формальные слова применяются (также и другие средства — интонация и т. п.) и 3) какие смысловые оттенки в каждом случае принадлежат самим придаточным предложениям, а не тому или другому члену главного предложения» [1]. Дальнейшая, более детальная разработка основных принципов и критериев разграничения сложноподчиненных предложений в рамках структурно-семантического подхода связана с именем Н. С. Поспелова, который обнаружил, что все сложноподчиненные предложения делятся на два класса по характеру соотнесенности между главной и придаточной частью, а именно: в одних из них придаточная часть непосредственно соотносится с одним словом главной части, а в других — со всей главной частью [2].

Предложения первого класса Н. С. Поспелов назвал одночленными, второго — двучленными. Дальнейшее деление внутри этих классов он проводит по разным логическим основаниям. Одночленные предложения подразделяются им в зависимости от существенных для сложного предложения признаков того слова, к которому относится (прикрепляется) придаточная часть, на три типа: присубстантивно-определительные (придаточная часть определяет имя существительное в главной части), местоименно-соотносительные (придаточная часть соотносится с местоименным словом в главной части), присказуемостно-изъяснительные (придаточная часть своим содержанием дополняет сказуемое главной части).

Двучленные сложноподчиненные предложения подразделяются в зависимости от характера смысловых отношений между главной и придаточной частью. На этом основании выделяются конструкции, выражающие временные, условные, причинно-следственные и уступительные отношения.

Основные положения классификации, предложенной Н. С. Поспеловым, нашли дальнейшую разработку в трудах С. Е. Крючкова, Л. Ю. Максимова, В. А. Белошапковой и др.

---

[1] *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935, с. 230.

[2] См.: *Поспелов Н. С.* Сложноподчиненное предложение и его структурные типы.— Вопросы языкознания, 1959, № 2.

§ 13. Нерасчлененные и расчлененные сложноподчиненные предложения. Все сложноподчиненные предложения делятся на два структурно-семантических класса: предложения нерасчлененной структуры и предложения расчлененной структуры. В предложениях нерасчлененной структуры придаточная часть относится к одному слову (или словосочетанию) главной части как лексико-морфологической единице, напр.: *Современный человек находится перед Гималаями библиотек в положении золотоискателя, которому надо отыскать крупинки золота в массе песка* (Вавилов). *Кто записывает, тот читает дважды* (Джалиль). В первом предложении придаточная часть распространяет слово *золотоискатель*, поскольку это слово является существительным, а слова данного лексико-грамматического класса способны иметь при себе определение. Во втором предложении придаточная часть раскрывает содержание указательного местоимения *тот*, так как это слово как лексическая единица является семантически опустошенным и требует восполнения, раскрытия своего значения.

В предложениях расчлененной структуры придаточная часть относится ко всей главной части как к предикативной единице и может дополнять, расширять содержание главной части с разных сторон. Именно поэтому в двучленных сложноподчиненных предложениях при одной и той же главной части могут быть различные придаточные, напр.: *Он замолчал:* а) *потому, что какое-то тревожное чувство мешало ему продолжать свой рассказ;* б) *чтобы собраться с мыслями и продолжить свой рассказ;* в) *когда увидел, что его уже никто не слушает.*

Но не каждое слово способно сочетаться с предикативной конструкцией. В качестве опорных слов в главной части могут выступать имена существительные (чаще всего в этой функции выступают абстрактные имена существительные), а также такая особая грамматическая форма слова, как компаратив (сравнительная степень), напр.: *Он оказался выносливее, чем мы думали* (Лавренев). Наконец, это могут быть слова одной семантической группы, выражающие эмоциональное или интеллектуальное отношение субъекта к событию, о котором сообщается в придаточной части (такие слова, как *верить, уверен, вера, радоваться, рад, радость* и т. п.), напр.: *Я верил, что он скоро вернется. Я был уверен, что он скоро вернется. Меня не оставляла уверенность, что он скоро вернется.*

В функции опорного слова могут употребляться также так называемые соотносительные слова: *тот, та, то, туда, оттуда, так, такой, столько, настолько.*

В предложениях расчлененного типа подобной избирательности в выборе главной части не существует: любое простое предложение как предикативная единица может быть распространено хотя бы одной предикативной частью с тем или иным конкретным значением.

Нерасчлененные и расчлененные сложноподчиненные предложения отличаются также степенью спаянности частей. Для большинства нерасчлененных конструкций связь между главной и придаточной частью является обязательной, в расчлененных предложениях эта связь всегда факультативна. В нерасчлененных конструкциях главная часть, как правило, оказывается семантически не завершенной, не способной употребляться как самостоятельное высказывание именно потому, что она содержит в своем составе опорное слово, которое нуждается либо в распространении, либо в конкретизации своего значения (таковы все соотносительные слова, форма компаратива, глаголы и предикативы со значением интеллектуального или эмоционального действия). В сложноподчиненных предложениях расчлененного типа, наоборот, главная часть всегда автосемантична (информативно самостоятельна). Она может выступать как самостоятельное высказывание и сама по себе не нуждается в распространении придаточной частью.

Различие между нерасчлененными и расчлененными сложноподчиненными предложениями обнаруживается и в составе средств связи между частями. В нерасчлененных конструкциях употребляются асемантичные союзы (союзы с чисто связующей функцией: *что, как, чтобы, будто* и т. д.) и анафорические (заместительные) местоимения и наречия *(который, какой, как, где, куда, откуда, когда, почему, зачем, сколько),* которые однородны по своей функции союзам. В предложениях расчлененного типа употребляются главным образом подчинительные союзы с конкретным значением: причинные *(потому что, так как),* условные *(если, раз (уж),* уступительные *(хотя)* и др.

Неодинакова и функция связующих средств в нерасчлененных и расчлененных сложноподчиненных предложениях. В первых из них союзы и союзные слова служат для выражения собственно синтаксической зависимости

придаточной части от главной, поэтому конкретные значения союзных слов несущественны для выявления смысловых отношений между опорным словом и придаточной частью, ср.: *Он не мог понять:* а) *что здесь происходит;* б) *как же это произошло;* в) *почему все с надеждой смотрят на него;* г) *куда они идут.*

Во всех этих предложениях по требованию опорного слова главной части между главной и придаточной частью устанавливаются отношения изъяснительно-объектные, хотя придаточные части включают в свой состав союзные слова самой различной семантики.

Иную роль играют подчинительные союзы в расчлененных сложноподчиненных предложениях: они не только служат показателем синтаксической зависимости придаточной части от главной, но и во многом определяют смысловые отношения между предикативными частями. Ср. разные типы сложноподчиненных предложений при одной и той же главной и придаточной части: *Мы приступили к работе:* а) *как только все собрались;* б) *потому что (так как) все собрались.*

Нерасчлененные и расчлененные сложноподчиненные предложения различаются и соотношением, взаимной координацией видовременных форм глаголов-сказуемых в главной и придаточной части. Для большинства предложений нерасчлененной структуры характерна большая свобода варьирования, относительная независимость видовременных форм глаголов придаточной части по отношению к главной. В предложениях расчлененной структуры главная часть накладывает большие ограничения на временной и модальный план придаточной части. Глубокие структурно-семантические различия предложений нерасчлененной и расчлененной структуры вызывают необходимость дифференцированного подхода к выявлению и описанию отдельных разновидностей внутри каждого из этих классов сложноподчиненных предложений.

§ 14. Нерасчлененные сложноподчиненные предложения. Присубстантивно-определительные сложноподчиненные предложения. Наиболее существенные различия в сфере нерасчлененных сложноподчиненных предложений определяются характером опорного слова главной части и смысловыми отношениями, которые устанавливаются между опорным словом и придаточной частью. На основании этих признаков выделяются присубстантивно-

определительные, изъяснительно-объектные, сравнительно-объектные и местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения.

В присубстантивно-определительных предложениях придаточная часть идентифицирует (делает более определенным) или распространяет существительное — опорное слово главной части. В таких предложениях связь между частями устанавливается с помощью союзных слов *который, какой, что* (в неизменяемой форме), *каков, чей, где, куда, откуда, когда,* а также союзов *как, будто, словно, точно.* В зависимости от той функции, которую выполняет придаточная часть по отношению к опорному слову главной части, различают две разновидности присубстантивно-определительных предложений: 1) определительно-идентифицирующие; 2) определительно-распространительные. В предложениях с определительно-идентифицирующим значением существительное — опорное слово главной части — называет предмет неконкретно, поэтому нуждается в уточнении. Придаточная часть в таких предложениях называет различительный признак, который выделяет предмет среди других предметов данного класса, делает его определенным, узнаваемым, т. е. идентифицирует его, напр.: *В кружке, куда входило еще трое или четверо юношей, я был моложе всех* (Горький). *Был прекрасный июльский день, один из тех дней, когда погода устанавливалась надолго* (Тургенев). *Я остановился в гостинице, где останавливались все проезжие* (Лермонтов).

В главной части опорное слово часто сочетается с указательными местоимениями *тот, такой,* которые подчеркивают, что опорное слово — существительное — нуждается в уточнении, идентификации названного им предмета посредством указания на его отличительный признак.

Среди союзных слов наиболее употребительно местоимение *который.* Оно согласуется в роде и числе с опорным словом главной части, но падежную форму принимает в зависимости от синтаксической функции, которую выполняет в придаточной части, напр.: *Комнаты домика, в котором жили наши старички, были маленькие, низенькие, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей* (Гоголь) (слово *который* имеет форму мужского рода единственного числа, как и слово *домик,* но стоит в предложном падеже, так как обозначает обстоятельство места при глаголе *жить*). Союзное слово *который* может быть

употреблено вместо любого другого союзного слова, так как имеет наиболее общее значение определительности.

Союзные слова *какой, каков* более ограничены в своем употреблении: помимо общего определительного значения, они вносят в значение придаточной части оттенок уподобления, сходства или оттенок превосходства, превышения нормы, напр.: *Каков я прежде был, таков и ныне я* (Пушкин). *Андрий поднял глаза и увидел стоявшую у окна красавицу, какой еще не видывал отроду* (Гоголь).

Союзные слова *где, куда, откуда* употребляются только при именах существительных, заключающих в себе пространственное значение, напр.: *Пора домой, в деревню, в избу, где вы ночуете* (Тургенев).

Союзное слово *когда* возможно только при именах существительных со значением отрезка времени, напр.: *Была та смутная пора, когда Россия молодая, в бореньях силы напрягая, мужала с гением Петра* (Пушкин).

В сложноподчиненных предложениях этой разновидности связь между частями может быть выражена также союзами *будто, как будто, словно, как.* Такие конструкции менее частотны, чем сложные предложения с союзными словами. Данные союзы вносят в общее определительное значение дополнительный оттенок сравнения, уподобления, напр.: *Парень сделал такое жалостное лицо, как будто старался просить милостыню* (Чехов).

В сложноподчиненных предложениях с определительно-распространительной придаточной частью опорное слово — существительное — называет объект вполне определенно и не нуждается в уточнении, конкретизации. В таких предложениях придаточная часть сообщает об этом объекте дополнительные сведения, которые автор считает необходимым передать читателю, напр.: *За равниной тянется черная пашня, над которой пестрят не то грачи, не то галки* (Чехов). *С трех сторон чернели гребни утесов, отроги Машука, на вершине которого лежало зловещее облако* (Лермонтов).

Средствами связи в таких предложениях служат только союзные слова *который, какой, чей, где, куда, откуда.*

В определительно-распространительных предложениях связь между частями факультативна: каждая из них может быть представлена как отдельное самостоятельное простое предложение. Это говорит о том, что определи-

тельная придаточная часть заключает в себе дополнительное присоединительное значение.

В присубстантивно-определительных предложениях придаточная часть может находиться в интерпозиции или постпозиции по отношению к главной части, т. е. до или после нее, но она всегда располагается после опорного слова, к которому непосредственно прикрепляется.

§ 15. Изъяснительно-объектные сложноподчиненные предложения. Сложноподчиненные предложения данного типа характеризуются тем, что в них главная часть в смысловом (а нередко и в структурном) отношении является незавершенной и придаточная часть восполняет эту смысловую и структурную недостаточность главной части, достраивая ее до самостоятельной коммуникативной единицы. Неполнота главной части создается или за счет того, что в качестве предиката в ней употребляется слово, значение которого может быть раскрыто только с помощью обязательного объектного распространителя, но который в ней отсутствует, или в ее составе есть существительное с отвлеченным значением, требующее раскрытия своего содержания, напр.: *Я очень рано понял, что человека создает его сопротивление окружающей среде* (Горький). *Крик этой таинственной птицы слышали каждую весну, но не знали, какая она и где живет* (Чехов). *Я пришел к выводу, что когда по лесу идешь тихо, то больше видишь, думаешь и чувствуешь* (Солоухин).

В качестве опорного слова в главной части изъяснительно-объектных предложений могут выступать слова одной, хотя и довольно широкой, семантической группы с общим значением эмоционального, волевого, интеллектуального отношения, восприятия или оценки. К ним принадлежат:

1) глаголы восприятия: *увидеть, услышать, почувствовать, заметить, наблюдать, ощущать;* мысленного представления: *понять, осознать, думать, установить, заключить;* волевого, эмоционального состояния: *решить, опасаться, бояться, удивляться, сожалеть;* речи: *говорить, сообщить, рассказать, объявить, написать, заверять, соглашаться;*

2) прилагательные, а также слова категории состояния, выражающие волевые и эмоциональные состояния,

соотносительные с глаголами той же семантики: *уверен, убежден, согласен, рад, доволен, счастлив, прав, виноват, видно, жаль, слышно;*

3) отвлеченные имена существительные: *чувство, страх, убеждение, догадка, мысль, решение, удивление, сообщение, рассказ, доклад, известие, надежда, упрек* (многие из этих слов по значению связаны друг с другом, образуя целое словообразовательное гнездо: *верить — вера, верно; удивляться — удивлен, удивление, удивительно; слышать — слышно, слух);*

4) небольшую группу составляют предикативные наречия, которые словообразовательно не связаны с глаголами, такие, как *хорошо, плохо, умно, глупо, приятно, важно, правильно;*

5) в качестве опорных слов могут употребляться и некоторые фразеологические обороты, также требующие объектного распространения: *иметь в виду, сделать вид, дать слово.*

Средствами связи частей в изъяснительно-объектных предложениях служат союзы *что, чтобы, как, будто, словно, как будто, ли* и союзные слова *где, куда, откуда, как, сколько, насколько, почему, зачем, кто, что.*

Наиболее употребительны предложения с союзом *что.* Придаточная часть в таких предложениях передает сообщение о реальном, достоверном событии, факте, напр.: *Хаджи-Мурат понимал, что говорят про него, и веселая улыбка светилась в его глазах* (Л. Толстой). *Алексей не сомневался (в том), что снова станет и бегать, и летать, и плавать* (Полевой).

Часто в предложениях с союзом *что* опорное слово главной части может распространяться указательным местоимением *то,* хотя его позиция является факультативной.

Союзы *будто, как будто, словно* указывают на неуверенность говорящего в реальности сообщаемого, его предположительность, напр.: *Он* [Руслан] *видит, будто бы княжна над страшной бездны глубиною стоит недвижна и бледна* (Пушкин).

Союз *ли* помещается в придаточной части на втором месте, после знаменательного слова, на которое падает логическое ударение, и выражает предположение, колебание говорящего в оценке реальности события или раскрывает содержание косвенного вопроса, напр.: *Еще неизвестно, был ли отец в это время дома или нет* (Горбатов). *К вече-*

ру мы вышли проверить, не отзовутся ли на пищик рябчики (Пришвин).

Союз *как* в изъяснительно-объектных предложениях встречается сравнительно редко и обычно допускает замену союзом *что,* хотя и отличается от последнего тем, что вносит в придаточную часть качественно-обстоятельственный оттенок значения: *За спором не заметили, как село солнце красное* (Некрасов). *Иногда Давыдов видел, как фиолетовыми зарницами вспыхивали на солнце крылья стремительно поднимающихся с дороги грачей...* (Шолохов).

В предложениях с союзом *чтобы* указывается на желательность, возможность или необходимость объекта, о котором сообщается в придаточной части: *Она* [мать] *требовала, чтобы я все больше заучивал стихов* (Горький). *Должен был я работать подручным пекаря и, как «свой человек», следить, чтоб оный пекарь не воровал муку, яйца, масло и выпеченный товар* (Горький).

Предложения с союзными словами *где, куда, откуда, почему, зачем, кто, что* и др. отличаются от конструкций с союзами тем, что в них в придаточной части актуализируется союзное слово, указывающее в самом общем виде на субъект, объект, место, причину, цель и другие компоненты события. По своему значению они близки к вопросительным или восклицательным предложениям, напр.: *Я спросил бабушку, отчего дядя Яков плакал* (Горький). *Вам трудно понять, какой это щедрый человек!* (Иванов).

Во всех изъяснительно-объектных сложноподчиненных предложениях основная смысловая нагрузка падает на придаточную часть. Придаточная часть в них обычно располагается после распространяемого опорного слова главной части. Однако такой порядок расположения частей обязателен только в том случае, когда опорным словом выступает имя существительное. Если же придаточная часть относится непосредственно к предикату — сказуемому главной части, то она может быть и препозитивна, напр.: *Что волки жадны, всякий знает* (Крылов). *Сколько продолжалось такое состояние, не знаю* (Арсеньев).

§ 16. Сравнительно-объектные сложноподчиненные предложения. В сравнительно-объектных предложениях придаточная часть, называющая один из сравниваемых объектов, присоединяется к опорному слову главной части, выраженному формой компаратива,

посредством союза *чем* или *нежели*. Между частями сложного предложения устанавливаются сравнительные отношения на основе несходства, различия, отсутствия тождества соотносимых между собой объектов, напр.: *Волосы его были гораздо светлее, чем Даша их представляла,— как рожь* (А. Толстой). Эти предложения с союзом *чем* резко отличаются от предложений с союзом *как*, когда сопоставление проводится на основе подобия или тождества сравниваемых объектов. Характерной особенностью семантической структуры рассматриваемых предложений является то, что объектами сравнения выступают не два разных предмета (или лица), а один предмет (или лицо), но представленный в двух измерениях: 1) в его реальном и предполагаемом состоянии: *Я не хочу казаться лучше, чем есть на самом деле;* 2) в момент речи или в какой-то иной отрезок времени: *Сейчас она показалась ему гораздо красивее, чем была месяц назад.* Кроме формы компаратива, роль опорного слова в сравнительно-объектных предложениях могут выполнять слова, лексическое значение которых подобно грамматическому значению компаратива: *по-другому, по-иному, иной, другой, иначе,* напр.: *Хозяин принимал нас совсем иначе, чем мы ожидали.*

Во всех сравнительно-объектных предложениях придаточная часть располагается после главной.

§ 17. Местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения. Роль основных компонентов структурно-семантической организации в местоименно-соотносительных предложениях выполняют соотносительные слова в главной части и связанные с ними союзные слова и союзы в придаточной части, которые образуют единое целое, напр.: *Ночь такая, что и зги не видать* (Павленко). *Какова земля, таков и хлеб* (Пословица). *Рассвело уже настолько, что было видно, но солнце еще не вставало* (Л. Толстой).

Соотносительные слова всегда синсемантичны: они или выражают самое общее значение предмета: *тот, та, то* (в конкретно-предметном значении); или имеют пространственно-предметное значение: *там, туда, оттуда;* некоторые из них выражают недифференцированные качественные или количественные значения признака предмета или действия: *так, такой, таков, столько, настолько;* значение меры и степени: *до того, до такой степени;* наконец, слово *то* может выражать самое отвлеченное значение объекта.

Лексическая неполнозначность соотносительного слова делает главную часть сложноподчиненного предложения в смысловом отношении незавершенной, требующей конкретизации, раскрытия значения того члена, роль которого выполняет в ней соотносительное слово. Именно поэтому соотносительные слова и выступают в функции опорного слова главной части нерасчлененного сложного предложения. Соотносительное слово является всегда обязательным, а не факультативным структурным компонентом главной части. Оно служит в ней показателем того, что эта часть представляет собой не самостоятельное простое предложение, а входит в состав сложного. Но этим роль соотносительного слова не исчерпывается: своей семантикой оно определяет круг тех союзных средств, которые могут быть употреблены в придаточной части. Так, например, со словом *тот* могут соотноситься лишь союзные слова *кто, что;* со словом *туда* — союзные слова *где, куда, откуда.*

Основные различия местоименно-соотносительных предложений и определяются наличием в них определенных семантических групп соотносительных слов и соответствующих им средств связи. По семантике и функции соотносительных слов и средств связи частей отчетливо противопоставлены три типа местоименно-соотносительных предложений.

К первому типу относятся предложения, в которых между соотносительным словом главной части и придаточной частью устанавливаются отношения идентификации, т. е. придаточная часть соотносит с денотатом (см. разделы «Лексикология», § 3 и «Местоимение», § 3 данного учебника), делает более определенным объект главной части, который имеет самое общее предметное значение. Эта определенность передается посредством указания на действие или признак, которые приписываются данному предмету содержанием придаточной части, напр.: *Товарищ тот, кто вместе с тобой сражается, мыслит, строит* (Лебедев-Кумач).

В главной части предложения употребляются указательные местоимения *тот, то, те,* соотносящиеся с относительными местоимениями *кто, что* в придаточной части. Обобщенно-предметное значение местоимения *тот* не содержит указания на количество предметов (их может быть от нуля до бесконечности). Это делает возможным замену слова *тот* определительными, отрицательными, не-

определенными местоимениями, которые имеют то же предметное значение, что и слово *тот,* но дифференцированно передают количество предметов. Таковы местоимения *всякий, каждый, любой, всё, все, никто, ничто, кое-кто* и др.: *Все, кто бывал в Москве, знают, как удобны эскалаторы столичного метро.*

Придаточная часть в данных предложениях может занимать любую позицию по отношению к главной, но все же более обычным является положение придаточной части после соотносительного слова.

Ко второму типу принадлежат предложения с качественно характеризующим значением. Так могут быть охарактеризованы предмет, действие или признак. В них употребительны соотносительные слова *так, такой, таков,* которые соотносятся с союзами *что, так, чтобы* и союзами, выражающими сравнение *(как будто, словно, точно),* напр.: *Малина росла так высоко, что заглядывала к нам в окна* (Л. Толстой). *Служи так народу, чтобы за него в огонь и в воду* (Пословица). *Прямой стан его согнулся так, как будто у него в спине не было ни одной косточки* (Лермонтов).

В функции соотносительных слов могут быть использованы местоимения *столько, настолько,* которые чаще всего соединяются со словами *сколько, насколько, что* в придаточной части, напр.: *Орлиное гнездо настолько велико, что воробьишке в нем пристроиться легко* (Михалков). *Мост — это самое узкое место на широких полях войны. На какой-нибудь ничем не замечательный мост иногда за сутки обрушивается столько металла, сколько не всякий завод может выдать за месяц* (Мусрепов).

Роль соотносительного слова могут выполнять также устойчивые сочетания, включающие в свой состав местоимения *такой, то, до того, до такой степени* и др. В придаточной части им соответствует союз *что,* напр.: *Старик до того растерялся, что уронил кружку на землю и разлил чай* (Арсеньев).

Во всех предложениях этого типа качественная и количественная характеристика передается не прямо, а опосредованно, через указание на событие-следствие, цель, на уподобление другому событию. В них качественная или количественная характеристика объекта, действия, признака всегда сопровождается смысловыми оттенками следствия, цели, уподобления.

Местоименно-соотносительные предложения третьего типа характеризуются тем, что в них придаточная часть распространяет, дополняет содержание главной части, раскрывая в ней содержание семантически опустошенного слова *то*, стоящего в той или иной падежной форме и указывающего на наличие в структуре главной части незамещенной синтаксической позиции того или иного компонента, место которого и должна занимать придаточная часть. Такие предложения получили название вмещающих [1].

Соотносительное слово *то* входит в состав неразложимых словосочетаний с неполнознаменательными глаголами *заключаться, выражаться, состоять*, которые не могут быть распространены без местоимения *то*, напр.: *Цель эксперимента состоит в том, чтобы показать, что вес тела не равен его массе.*

Слово *то* может непосредственно сочетаться и с отвлеченным именем существительным, напр.: *Дело в том, что мне нужна ваша помощь.*

Слово *то* является конструктивно необходимым и при таких именах прилагательных с изъяснительным значением, как *известен, знаменит, интересен* и др., напр.: *Он уже давно был известен тем, что никто не мог превзойти его в силе и ловкости.*

Соотносительное слово *то* обязательно также при глаголах с изъяснительным значением, когда налицо противопоставление объектов, напр.: *Он мечтал не о том, чтобы поскорее закончить институт, а о том, чтобы как можно больше приобрести знаний.*

В предложениях этого типа возможен как соотносительный, так и союзный способ связи частей, но наиболее употребителен в придаточной части союз *что*. Придаточная часть в таких предложениях располагается после главной.

§ 18. Расчлененные сложноподчиненные предложения. Сложноподчиненные предложения расчлененной структуры по давней и общепринятой традиции классифицируются на основе тех семантико-синтаксических отношений, которые устанавливаются между главной и придаточной частью. Характер этих отношений определяется в них главным образом различием в значениях и функциях

---

[1] См.: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. М., 1981, с. 546.

союзных средств. По этому признаку расчлененные сложноподчиненные предложения делятся на два типа: 1) предложения с подчинительными семантическими союзами; 2) предложения с относительными местоимениями (союзными словами). Среди предложений первого типа в зависимости от характера смысловых отношений между главной и придаточной частью различаются: 1) предложения обусловленности, с более конкретным делением на: а) условные, б) причинные, в) целевые, г) уступительные, д) следствия; 2) временные; 3) сравнительные; 4) предложения соответствия.

Второй тип представляют относительно-распространительные предложения.

§ 19. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия. В предложениях этого типа придаточная часть называет событие-условие, от которого зависит осуществление события главной части. В зависимости от характера модальных планов частей среди условных предложений различают две группы: 1) потенциально-условные, 2) ирреально-условные.

В предложениях потенциально-условных и условие, и следствие мыслятся как события, которые могут из потенциальных стать реальными, т. е. могут иметь место в действительности. Условные предложения этой группы оформляются союзами *если, ежели, коли* (устар.) и производными от союза *если (в случае если, при условии если)*, напр.: *Если решили писать, внимательнейше, неутомимо, упрямо изучайте язык* (Горький). *В случае если появится какое-нибудь подозрительное судно, сейчас же послать миноносцев расследовать!* (Новиков-Прибой). *Коли спорить, так уж смело, коль карать, так уж за дело* (А. Толстой). *Мы, верно, уж поладим, коль рядом сядем* (Крылов). *Ежели прямо в город ехать, то верст пятьдесят будет, а ежели рекой, то и шестьдесят будет* (Чехов).

В таких предложениях в придаточной части употребляются глаголы в форме изъявительного наклонения, в главной части, кроме изъявительного, возможно повелительное наклонение. В некоторых случаях в придаточном предложении возможен инфинитив: такие предложения передают обобщенные условия, относимые к любому времени и любому субъекту. Инфинитив встречается и в главной части, если нужно выразить категорическое побуждение, приказ. Условные отношения могут быть

выражены и конструкцией типа *стоит (стоило)... как (и)*, напр.: *Стоит произнести что-то даже шепотом, и эхо разнесет ваши слова по ущелью* (Архипченко).

В предложениях второй группы — ирреально-условных — оба события (и в придаточной, и в главной части) представлены как события, которые не могут осуществиться, оказываются нереальными, говорящий о них сообщает как о желательных или воображаемых, предполагаемых. В этих предложениях употребляются союзы *если бы, ежели бы, кабы, когда бы.* В обеих частях предложения глагол-сказуемое стоит в форме сослагательного наклонения: *Кабы на цветы да не морозы, и зимой бы цветы расцветали* (Из песни).

Наиболее обычным и нейтральным является союз *если бы.* Другие союзные средства имеют оттенок архаичности или просторечия: *Если бы ты мог шаг за шагом пройти по всем просторам необъятной нашей Родины, то перед тобой открылись бы картины одна прекрасней другой. Жил бы он славно, не знал бы заботы, кабы не стали глаза изменять* (Некрасов). *Молчалин вам наскучил бы едва ли, когда б сошлись короче с ним* (Грибоедов).

Если главная часть располагается после придаточной, то в ней на первом месте может стоять соотносительное слово *то* (реже *так*), однако его позиция факультативна: *Если бы мог ехать, то (так) поехал бы.*

§ 20. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины. В таких предложениях придаточная часть называет событие, которое послужило причиной, побудительным мотивом события, о котором сообщается в главной части. Связь между предикативными частями осуществляется посредством многочисленных союзов, которые передают причинное значение в самом общем виде, недифференцированно, более специализированно, указывая на особые, частные оттенки этого значения. К союзам недифференцированного значения относятся *потому что, так как, ибо* и др.

Союз *потому что* употребляется как в письменной, так и в устной речи. Придаточная часть, вводимая этим союзом, всегда постпозитивна. Союз может целиком входить в придаточную часть, а может быть и расчленен, напр.: *Вечером гости уехали, потому что в доме негде было поместиться* (Аксаков). *Яков был прозван турком, потому*

что действительно происходил от пленной турчанки (Тургенев).

Союз *потому что* всегда расчленяется, если значение причины актуализируется постановкой перед ним слов *именно, особенно, еще, и, еще и, только, может быть,* напр.: *Все замечания о Печорине пришли мне на ум, может быть, потому, что я знал некоторые подробности его жизни* (Лермонтов) (ср. также: *...и потому, что я знал...; ...еще потому, что я знал...*).

Союз *так как* употребляется преимущественно в письменной речи. Он не может быть расчленен. Придаточная часть, вводимая этим союзом, располагается впереди или после главной части, напр.: *Так как на завтра выступление было назначено до восхода солнца, (то) после ужина все рано легли спать* (Симонов). *Жалкие остатки консервов Алексей решил съесть, так как почувствовал голод* (Полевой).

Предложения с союзом *ибо* характерны для научного и газетно-публицистического стиля речи. Однако в современном русском языке этот союз малоупотребителен, напр.: *Создать язык невозможно, ибо его творит народ; филологи только открывают его законы и приводят их в систему* (Белинский).

Союзы дифференцированных значений довольно многочисленны. Как правило, они имеют аналитическую структуру, т. е. включают в свой состав союз *что* и компонент, конкретизирующий значение союза *что* и составляющий семантический центр союзного сочетания. Таковы союзы *из-за того что, благодаря тому что, вследствие того что, в силу того что, в результате того что, в связи с тем что, тем более что, ввиду того что.*

Союзы *благодаря тому что* и *из-за того что* различаются тем, что первый называет причину события, желательного, благоприятного для говорящего лица, а второй — нежелательное событие, имеющее отрицательные последствия, напр.: *Благодаря тому что мы ставили каждый день новые пьесы, театр наш довольно охотно посещался* (Куприн). *Левинсон потерял связь с другими отрядами из-за того, что забрался в глухое место* (Фадеев).

Другие союзные сочетания передают значение причины, дифференцированно указывая на внешнюю или внутреннюю связь между событием-причиной и событием-следствием: *Ввиду того что отец много затратил на мое образование, я решил остаться здесь и работать, пока не*

выплачу этого долга (Чехов). *Со Швабриным встречался редко, тем более что замечал в нем скрытую к себе неприязнь* (Пушкин).

Предложения с этими союзными сочетаниями (кроме *тем более что*) имеют гибкую структуру. Все сложноподчиненные предложения с придаточными причины сообщают о реальных событиях.

§ 21. Сложноподчиненные предложения с придаточными цели. В предложениях этого типа придаточная часть раскрывает цель или назначение того действия, о котором сообщается в главной части. Придаточная часть всегда передает событие планируемое, предполагаемое или желательное, поэтому сказуемое в ней выражается формой сослагательного наклонения, особенность которой заключается в том, что частица *бы* стоит не после глагола, а входит в состав союза *чтобы*, напр.: *Снаружи палатка была аккуратно окопана ровиком, чтобы не натекала дождевая вода. Карл Иванович, чтобы не простудить своей головы, никогда не снимал красной шапочки* (Л. Толстой). Придаточная часть соединяется с главной при помощи союзов *чтобы, дабы, с тем чтобы, затем чтобы, ради того чтобы, для того чтобы*, а также с помощью усилительных частиц *только бы, лишь бы*, выступающих в функции союза.

Среди союзов цели наиболее употребительным, не осложненным другими оттенками значений является союз *чтобы*. Вводимая этим союзом придаточная часть может занимать любую позицию по отношению к главной части. Производные союзы *для того чтобы, ради того чтобы, с тем чтобы, затем чтобы* более характерны для книжной речи. Они допускают расчленение своего состава, напр.: *Попросить воды напиться — не затем, чтоб сесть за стол, а затем, чтоб поклониться доброй женщине простой* (Твардовский). *Я работаю ради того, наконец, чтобы человек был прекрасен, прост, умен* (Паустовский). Такое расчленение обязательно при наличии противопоставления и при вводных словах.

Союз *дабы* имеет архаичный оттенок и в современном языке употребляется редко: *Я старался казаться веселым и равнодушным, дабы не подать никакого подозрения и избегнуть докучных вопросов* (Пушкин).

Предложения с частицами *лишь бы, только бы* передают усиленное стремление субъекта к цели, ради достиже-

ния которой он готов использовать любые средства, напр.: *Я поспешил исполнить желание его, лишь бы не дать ему говорить* (Тургенев). Придаточные части, вводимые этими частицами, всегда постпозитивны по отношению к главной части.

Глаголы-сказуемые в придаточной части со значением цели могут стоять в форме инфинитива или сослагательного наклонения. Инфинитив употребляется тогда, когда события в главной и придаточной части имеют один и тот же субъект (конкретный или обобщенный). Если субъекты главной и придаточной части не совпадают, в придаточной части обязательна форма сослагательного наклонения.

§ 22. Сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными. Придаточная часть в предложениях этого типа называет событие, которое является условием, препятствующим осуществлению события главной части, но явно недостаточным для того, чтобы приостановить осуществление события главной части, оно как бы «уступает» последнему, напр.: *Хотя все мы были утомлены трудной дорогой, наш проводник на другое утро поднял нас на рассвете.* Придаточная часть, таким образом, называет «опровергнутое» условие.

В сложноподчиненных уступительных предложениях событие-условие в придаточной части всегда предполагает своим логическим результатом событие, прямо противоположное тому, о котором сообщается в главной части. Именно поэтому такие предложения наряду с уступительными отношениями заключают в себе еще и противительные. Формальным показателем противительных отношений служит союз *но* (или *однако*), который может начинать постпозитивную главную часть предложения, напр.: *Хоть ты, змея, и в новой коже, но сердце у тебя все то же* (Крылов).

В зависимости от субъектно-модальных оттенков значения (см. «Простое предложение», § 4), которые вносит в предложение придаточная часть, уступительные предложения делятся на две группы. В одних предложениях придаточная часть объективно передает, констатирует событие, не выражая отношения к нему со стороны субъекта действия. Такие придаточные части присоединяются к главной союзами *хотя, несмотря на то что, пускай, пусть, даром что,* напр.: *Нам не пришлось выехать в назначен-*

ный срок, несмотря на то что все было готово к отъезду (Пушкин). В других предложениях придаточная часть не просто констатирует событие, а специально останавливает внимание на тех усилиях, которые предпринимает субъект, чтобы воспрепятствовать действию главной части, или выражает значение предельности действия. Такие предложения принято называть усилительно-уступительными (или обобщенно-уступительными), напр.: *Сколько я ни напрягался, сколько ни вытягивал шею, увидеть больше ничего не мог* (Астафьев). *В людях заметно что-то общее, как бы ни были, впрочем, различны их качества, способности, воспитание* (Тургенев). В усилительно-уступительных предложениях средствами связи частей выступают специальные сочетания: *сколько (бы) ни, как (бы) ни, куда (бы) ни, кто (бы) ни, что (бы) ни, где (бы) ни.* В придаточной части, как легко заметить, может быть употреблено условное наклонение, которое придает предложению усилительный оттенок, напр.: *Сколько бы я ни прожила, я не забуду этого* (Л. Толстой). Из двух названных групп уступительных предложений более частотны, общеупотребительны конструкции с констатирующе-уступительным значением.

Наиболее нейтральны уступительные предложения с союзом *хотя,* которые характерны как для устной, так и для письменной речи. Конструкции с союзом *несмотря на то что* используются в официальной речи, они присущи монологическому высказыванию. Придаточные части, вводимые обоими этими союзами, могут стоять до и после главной части. Иногда они встречаются и в интерпозиции (вклиниваются в главную часть), напр.: *Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь* (Гоголь).

Союзы *пускай, пусть*, которые начинают препозитивную придаточную часть, усиливают противительные отношения между частями сложного предложения, напр.: *Пускай у них не те слова и пусть не тот напев, но та же правда в них жива, но в сердце — тот же гнев* (Исаковский).

Союз *даром что* малоупотребителен, имеет разговорный и архаичный оттенок: *Он такой знающий, даром что молодой.*

§ 23. Сложноподчиненные предложения с придаточными следствия. Придаточная часть в таких предложе-

ниях сообщает о событии, которое обусловлено, является следствием события, называемого в главной части, напр.: *До глубокой осени лилась с неба вода, так что нельзя было на поля ни выйти, ни въехать* (Солоухин). *Молнии в потемках казались белее и ослепительнее, так что глазам было больно* (Чехов).

Связь между главной и придаточной частью в предложениях следствия оформляется с помощью союза *так что*, который не может быть расчленен. Придаточная часть всегда располагается после главной и не имеет соответствия среди членов простого предложения. Связь между предикативными частями и формально, и по смыслу не является предсказующей. Главная часть представляет автономное высказывание, которое может выступать как отдельная информативная единица и не требует восполнения придаточной частью. Более того, нельзя на основе содержания главной части предугадать хотя бы общее содержание придаточной. Пауза между главной и придаточной частью в таких предложениях более глубокая, чем в других расчлененных предложениях. Это придает придаточной части наряду со значением следствия оттенок присоединения, подключения к главной части. Факультативный, непредсказующий характер связи между частями создает возможность расчленения целого предложения, напр.: *Ни отец, ни мать не дали ни девочке, ни мальчику объяснения того, что они видели. Так что дети должны были сами разрешить вопрос о значении этого зрелища* (Л. Толстой).

§ 24. Сложноподчиненные предложения с придаточными места. В таких сложноподчиненных предложениях называется место или направление действия (или движения), о котором сообщается в главной части, не прямо, а посредством указания на место того события, о котором говорится в придаточной части. При этом события в главной и придаточной части обязательно объединяются одним общим компонентом — местом их протекания.

В главной части место действия может быть вообще не названо, напр.: *Где некогда все было пусто, голо, теперь младая роща разрослась* (Пушкин).

Наиболее употребительны сложные предложения, в главной части которых место события обозначается местоименными наречиями *там, туда, оттуда* и их заместителями *(везде, всюду)*. Те и другие выполняют лишь грамма-

тическую функцию обстоятельства места, но в силу асемантичности (недостаточной конкретности) требуют раскрытия своего значения. Некоторые исследователи относят такие конструкции к местоименно-соотносительному типу [1]. Нам представляется, что целесообразнее рассматривать их как расчлененные предложения, поскольку связь между соотносительным словом и союзным элементом в них не всегда обязательна, чаще — факультативна, придаточная часть сохраняет непосредственную связь с глаголом главной части и, кроме того, они не охватывают всей массы предложений со значением места.

В предложениях этой группы каждое из слов-коррелятов (соотносительных слов) *там, туда, оттуда* может сочетаться с каждым из союзных слов *где, куда, откуда,* напр.: *Иногда ветер пробегал по реке с низовьев, оттуда, где горело в осеннем небе спокойное и еще жаркое солнце* (Паустовский). *И через силу скачет конь туда, где светится огонь* (Лермонтов). *Где силой взять нельзя, там надобна ухватка* (Пословица).

Существуют и такие сложные предложения со значением места, в которых придаточная часть уточняет, конкретизирует обстоятельство места в главной части, выраженное наречием, а не местоименным словом, напр.: *Стрельба постепенно отдалялась вправо, где треск очередей и тупой свист пуль продолжал сотрясать болото* (Быков). *Все заглядывали вперед, где качалось и реяло красное знамя* (Горький).

Сложноподчиненные предложения с придаточными места имеют гибкую структуру. В конструкциях без соотносительного слова в главной части придаточная часть может стоять перед или после главной. В конструкциях с местоименным или наречным словом в главной части придаточная часть может занимать любое положение по отношению к главной.

§ 25. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени. В сложноподчиненных предложениях, выражающих временные отношения, сообщение о времени протекания события главной части передается не прямо, не абсолютно (через указание точной даты события), а опосредованно, через соотнесение во времени этого события с событием, о котором говорится в придаточной

---

[1] См.: *Белошапкова В. А.* Современный русский язык. М., 1981, с. 543.

части. Событие придаточной части играет роль временнóго ориентира, по которому определяется время события главной части. Как известно, два события могут происходить либо в одно и то же время, т. е. быть одновременными, либо в разное время, т. е. быть разновременными. В последнем случае одно из них либо предшествует другому, либо совершается после другого, следует за ним. В соответствии с этим все сложноподчиненные предложения с временными отношениями между частями делятся на две группы: предложения со значением одновременности и предложения со значением разновременности событий главной и придаточной части. В выражении этих отношений важную роль играет семантика союзов, а также соотношение видовременных планов обеих частей.

Предложения со значением одновременности имеют в своем составе союзы *когда, пока, покуда, покамест.*

Союз *когда* указывает на одновременность событий главной и придаточной части, но не подчеркивает их абсолютного совпадения во времени, напр.: *Когда мы перестаем делать, мы перестаем жить* (Шоу). *Когда Ваня добежал до артиллерийских позиций и наконец разыскал командный пункт дивизиона, уже давно кипел бой* (Катаев).

Временные границы событий в главной и придаточной части в предложениях с союзом *когда* могут совпадать и не совпадать. Если события совпадают по времени совершения во всем их объеме, глаголы-сказуемые в обеих частях сложного предложения употребляются в форме несовершенного вида и в одной и той же временной форме. В случае несовпадения временных границ событий главной и придаточной части в одной из частей употребляется форма глагола совершенного вида, а другой глагол стоит в форме несовершенного вида.

Союз *пока* (совместно с формами несовершенного вида глаголов в обеих частях предложения) подчеркивает совпадение временных границ событий. Если же в главной части употреблен глагол совершенного вида, то это значит, что действие главной части целиком укладывается в какой-то отрезок времени действия придаточной части, напр.: *И все же, пока натруженное тело Мересьева отдыхало в дымном тепле, ухо ловило каждый звук* (Полевой). *Пока Сергей звонил, Стефан Петрович, удобно устроившись на диване, уснул* (Бабаевский).

Союзы *покуда, покамест* одинаковы по значению с союзом *пока,* но имеют архаичный характер и в литературном языке малоупотребительны.

В сложноподчиненных предложениях со значением разновременности событие главной части может предшествовать событию придаточной части, а может, наоборот, следовать за ним. Предложения со значением предшествования передают это соотношение событий посредством союзов *прежде чем, перед тем как.*

Союз *прежде чем* передает отношение предшествования события главной части событию придаточной недифференцированно, он не указывает, какой промежуток времени отделяет одно событие от другого, напр.: *Прежде чем я остановился в этом березовом лесу, я со своей собакой прошел через высокую осиновую рощу* (Тургенев). *Медведь зарычал хрипло и страшно, прежде чем Мересьев успел выстрелить еще раз* (Полевой).

Союз *перед тем как* подчеркивает, что событие главной части происходит непосредственно перед событием, о котором говорится в придаточной части, напр.: *Перед тем как снимать с огня котел, Степка всыпал в воду три пригоршни пшена и ложку соли* (Чехов).

Если субъект действий в обеих частях предложения со значением предшествования один и тот же, то в придаточной части глагол может стоять в неопределенной форме, если же субъекты разные, то глаголы в обеих частях имеют форму прошедшего (реже — будущего) времени совершенного вида.

В сложноподчиненных предложениях, в которых событие главной части следует за событием придаточной, временно́е значение выражается с помощью союзов *когда, пока не, после того как, с тех пор как, как только, лишь только, едва.*

В предложениях с союзом *когда* отношение следования передается не союзом, а формами совершенного вида глаголов в обеих частях конструкции, напр.: *Когда я вошел наверх в свою комнату и отворил окно на озеро, красота этой воды и этого неба в первое мгновение буквально ослепила и потрясла меня* (Л. Толстой).

Союз *после того как* отчетливо указывает на то, что событие в главной части происходит после окончания события в придаточной части. В таких предложениях в придаточной части употребительны в основном глаголы совершенного вида, напр.: *После того как Валя Борц*

получила записку от Сережки, она никогда не заговаривала с ним об этой записке и он никогда не спрашивал ее (Фадеев).

Союз *пока не* указывает на тот временно́й предел, до которого продолжается событие главной части, напр.: *Масленников еще несколько минут продолжал все так же стоять в остолбенении и смотреть вслед ушедшим, пока где-то близко не застучали опять автоматы* (Симонов).

В придаточной части таких предложений глагол употребляется только в форме совершенного вида.

Союзы *как только, лишь только, только что, едва* указывают, что событие главной части быстро следует за событием придаточной или за его началом. В обеих частях употребительны глаголы совершенного вида, если нет указания на повторяющиеся события, напр.: *Лишь только поднялись мы к лесу, из оврага стал долетать до моего слуха глухой необыкновенный шум* (Тургенев). *Едва мы тронулись с привала, как попали в такой бурелом, из которого не могли выбраться до самого вечера* (Арсеньев). *Только что Авдеев встал и хотел налаживать опять трубку, как из-за шелеста ветра послышались шаги по дороге* (Л. Толстой).

Союз *с тех пор как* подчеркивает тот временной предел, с которого начинается событие главной части предложения: *С тех пор как Мересьев лишился возможности читать газеты, к его койке провели наушники радиотрансляции* (Полевой).

Все сложноподчиненные предложения с временными придаточными частями представляют собой конструкции гибкой структуры.

§ 26. Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительными. В сложноподчиненных предложениях, выражающих сравнительные отношения, описываемое явление главной части отождествляется в каком-то отношении с явлением, описываемым в придаточной части, приравнивается к нему, напр.: *Как у песни есть заветные слова, так и в жизни есть заветные друзья* (Гребенников). *Старик говорил с увлечением, как будто изливал перед проезжими свою душу* (Чехов).

В предложениях со значением достоверного сравнения смысловые отношения между частями выражаются с помощью союзов *как, подобно тому как.*

Отношения недостоверного сравнения оформляются с помощью союзов *словно, точно, будто, как будто, как если бы*, напр.: *Стали сосны сдержанней и глуше, все о чем-то шепчутся во сне, словно чьи-то старческие души загрустили о былой весне* (Исаковский). *Слегка у ней кружилась голова, как если бы после болезни впервые вышла на воздух* (Леонов).

Сложноподчиненные предложения, выражающие сравнительные отношения, имеют гибкую структуру.

§ 27. Сложноподчиненные предложения со значением соответствия. Значение соответствия в таких предложениях проявляется в том, что события, действия в главной и придаточной части взаимно соотнесены, уподоблены в том, что одно из них разворачивается соразмерно другому, интенсивность их проявления, качественные или количественные характеристики находятся в закономерной связи и соотнесенности. Такие отношения характеризуют предложения, части которых соединяются союзами *по мере того как* и *чем..., тем*.

В предложениях с союзом *по мере того как* передается значение одновременного, постепенного, соразмерного развертывания событий, напр.: *По мере того как мы удалялись от поселка, тропа становилась все хуже и хуже* (Арсеньев). Это значение формируется не только семантикой союза, но и формально-грамматическими средствами. В обеих частях сложного предложения возможны только глаголы несовершенного вида, представляющие действия в их процессуальном течении. Кроме того, в главной части употребляется форма сравнительной степени наречия, которая передает соразмерное изменение степени проявления действия. В таких предложениях часто налицо причинная обусловленность событий, но это свойство предложений является факультативным.

Сложноподчиненные предложения с союзом *чем..., тем* передают отношения пропорционального соответствия степени проявления, интенсивности действий в главной и придаточной части, напр.: *Чем лучше мы будем знать прошлое, тем легче, тем более глубоко и радостно поймем великое значение творимого нами настоящего* (Горький).

Значение пропорционального развертывания событий создается здесь семантикой союзов, а также формой компаратива в обеих частях предложения. Форма сравнитель-

ной степени является обязательной для данных предложений: она выполняет структурообразующую функцию.

Для сложноподчиненных предложений со значением соответствия наиболее обычно расположение придаточной части перед главной.

§ 28. Относительно-распространительные сложноподчиненные предложения. В сложноподчиненных предложениях этого типа главная часть раскрывает конкретное содержание того компонента придаточной части, грамматическую позицию которого в этой части занимает союзное слово: *Манилов все время сидел и курил трубку, что тянулось до самого ужина* (Гоголь). *Дубровского вызвали на заседание суда, зачем он и выехал спешно* (Пушкин). *Вешние воды прошли буйно, почему уже в начале апреля шумели скворцы и летали в саду желтые бабочки* (Чехов).

Придаточная часть присоединяется к главной с помощью относительных местоимений *что* (в форме любого падежа с предлогом или без предлога), *отчего, зачем, почему*. Придаточная часть является семантически не завершенной, так как позицию субъекта, объекта или обстоятельства занимает в ней асемантичное союзное слово, которое требует раскрытия своего значения. Главная часть — семантически завершенное высказывание, которое само по себе не требует распространения. Оно включается в состав сложного предложения по требованию придаточной части. Связь между главной и придаточной частью носит непредсказующий характер. Придаточная часть всегда располагается в постпозиции по отношению к главной.

§ 29. Многочленное сложноподчиненное предложение. Сложные предложения минимального состава, включающие два предикативных компонента, являются основными среди сложных предложений. Однако в русском языке, особенно в письменной речи, нередко используются сложные предложения, состоящие из трех и более предикативных частей. Такие сложные предложения называют многочленными или многокомпонентными сложными предложениями. По характеру смысловых отношений между предикативными частями, по средствам связи между ними эти производные сложные конструкции принципиально не отличаются от сложных предложений минимальной струк-

туры. Интерес представляют лишь порядок, последовательность, в которой сочетаются друг с другом составляющие их предикативные единицы, и те взаимные связи и отношения, в которые они вступают в пределах такого сложного образования. С этой точки зрения особенно важно рассмотреть сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными частями. В структурном отношении такие предложения существенно различаются в зависимости от того: 1) чему непосредственно подчиняется каждая из придаточных частей и 2) в каких синтаксических отношениях находятся между собой придаточные части. На основании этих признаков выделяют две разновидности многочленных сложных предложений: 1) предложения с параллельным подчинением придаточных частей одной главной части; 2) предложения с последовательным подчинением.

1. Предложения с параллельным подчинением характеризуются тем, что в них каждая из придаточных частей подчинена непосредственно одной и той же главной части, так что все придаточные равноправны по отношению к главной части, напр.: *После нескольких верст в разведке Мечик окончательно уверил себя в том, что Бакланов гораздо лучше и умнее его, что Бакланов, кроме того, очень смелый и сильный человек и что он, Мечик, должен всегда безропотно ему подчиняться* (Фадеев).

Придаточные части, подчиненные одной главной, называются соподчиненными.

Сложные многочленные предложения с параллельным подчинением неодинаковы по своему строению и смысловым отношениям между частями. Среди них различают два подтипа: 1) предложения с однородным соподчинением; 2) предложения с неоднородным соподчинением.

В предложениях с однородным соподчинением придаточные части принадлежат к одному и тому же структурно-семантическому типу и относятся к одному и тому же слову главной части или ко всей главной части. Такие предложения схематически можно представить так:

Напр.: *По милости Пугачева я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищей и на которой ежедневно езжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками* (Пушкин). *Алексей Мересьев стал думать, что ему делать, куда идти, как добраться до своих передовых частей* (Полевой).

Однородные придаточные предложения могут соединяться между собой сочинительными союзами *и*, реже *а, но*, а могут быть связаны и бессоюзно.

Если придаточные части присоединяются к главной одинаковыми подчинительными союзами, то перед второй и последующими придаточными частями союз может опускаться, а однородные придаточные соединяются сочинительным союзом *и*, напр.: *Через час после этого Дуняша пришла к княжне с известием, что пришел Дрон и все мужики, по приказанию княжны, собрались у амбара, желая переговорить с госпожою* (Л. Толстой).

Неоднородное соподчинение придаточных частей наблюдается тогда, когда: 1) придаточные части относятся к разным компонентам главной части; 2) придаточные различны по своим структурно-семантическим типам: *Чтобы не голодать, я ходил на Волгу, к пристаням, где легко можно было заработать пятнадцать — двадцать копеек* (Горький). *Когда я выздоровел, мне стало ясно, что Цыганок занимает в доме особенное место* (Горький).

Неоднородные придаточные части не связаны между собой по смыслу и формально и обычно не располагаются контактно по отношению друг к другу.

2. В многочленных сложноподчиненных предложениях с последовательным подчинением главной части подчинена лишь одна из придаточных частей, этой придаточной подчиняется вторая, второй — третья и т. д. Структуру таких предложений можно представить в виде схемы:

Главная часть
↓
Придаточная часть 1-й степени
↓
Придаточная часть 2-й степени
↓
Придаточная часть 3-й степени и т. д.

Напр.: *При каждом спуске с горы Аркадий Павлович держал краткую, но сильную речь кучеру, из чего я мог заключить, что мой знакомый — порядочный трус* (Тургенев). *Старик не сумел ответить, что он будет делать с кладом, если найдет его* (Чехов).

При последовательном подчинении частей сложноподчиненного предложения каждая придаточная часть более высокой степени иерархии рассматривается как главная по отношению к той придаточной, которая от нее непосредственно зависит.

Сложноподчиненное предложение может иметь и более сложную структуру: оно может включать придаточные, находящиеся в отношениях соподчинения и последовательного подчинения в различных их комбинациях. Такие конструкции особенно характерны для языка художественной литературы: *И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина* (Шолохов).

В русском языке широко представлены не только многочленные сложноподчиненные предложения, но и многокомпонентные предложения комбинированного типа, построенные на основе использования в пределах одной конструкции обоих видов связи — сочинения и подчинения предикативных частей. Среди них наиболее употребительны две разновидности. Одна из них представляет собой соединение двух или более частей, между которыми устанавливаются сочинительные отношения. В свою очередь, каждая из этих частей или некоторые из них представляют собой сложноподчиненные конструкции с одной или несколькими придаточными частями, напр.: *Николаю очень нравилось учить меня, и он пользовался каждым удобным случаем, чтобы втиснуть в мой мозг что-нибудь необходимое, без чего невозможно жить* (Горький). *Я попросил позволения развести маленький огонек возле того места, где мы сидели, и когда получил позволение, то, не помня себя от радости, принялся хлопотать об этом с помощью Евсеича, который в дороге вдруг сделался моим как будто дядькой* (Аксаков). Вторую разновидность составляют многокомпонентные предложения, которые состоят из нескольких предикативных частей, связанных сочинительными отношениями, и все они распространяются одной, общей для всех придаточной частью, напр.: *Красивая роль руководителя народного чувства так понравилась Растопчину, он так сжился с нею, что необходимость выйти из этой роли, необходимость оставления Москвы без всякого героического эффекта застала его врасплох* (Л. Толстой).

Все многокомпонентные сложные предложения с сочинением и подчинением имеют иерархическую (уровневую) структуру. На высшей ступени этой иерархии они представлены объединением частей на основе сочинительной связи. На втором уровне членения каждая из этих частей или хотя бы одна из них строится как полипредикативная единица, которая представлена сложноподчиненной конструкцией с одной или несколькими придаточными частями, при этом придаточные части могут быть как соподчиненными, так и последовательно подчиненными. Установление структурного соотношения частей, их иерархии особенно необходимо для правильного понимания смысла многочленных сложных предложений.

БЕССОЮЗНОЕ СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

§ 30. Общее понятие о бессоюзных сложных предложениях. Бессоюзными называются сложные предложения, представляющие собой бессоюзное соединение двух или более предикативных частей, между которыми устанавливаются определенные семантико-синтаксические отношения и которые функционируют как единая коммуникативная единица.

В понимании грамматической природы бессоюзных конструкций и их места в системе коммуникативных единиц среди исследователей нет единого мнения. До 50-х гг. нашего века бессоюзные предложения рассматривались как сложноподчиненные или сложносочиненные предложения с опущенными союзами, т. е. они не признавались особой синтаксической единицей.

Другая точка зрения, которую высказал и обосновал Н. С. Поспелов, исходит из признания бессоюзных конструкций особым структурно-семантическим классом сложных предложений [1]. В классификации, предложенной Н. С. Поспеловым, все бессоюзные сложные предложения по характеру семантико-синтаксических отношений между предикативными частями делятся на предложения однородного состава (части предложения характеризуются одинаковыми отношениями к тому целому, которое они

---

[1] См.: *Поспелов Н. С.* О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений.— В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 338.

выражают) и предложения неоднородного состава (в них составляющие части выражают ту или иную зависимость друг от друга, не переходящую, однако, в грамматически выраженное подчинение).

Третья точка зрения выражена в «Русской грамматике»[1]. Бессоюзные конструкции рассматриваются здесь не как сложное предложение, а как бессоюзные соединения (сочетания) простых предложений, хотя и характеризующихся текстообразующей функцией.

Различное понимание грамматической природы бессоюзных конструкций связано с неодинаковым решением двух вопросов:

1. Могут ли предикативные части, входящие в состав бессоюзного предложения, функционировать как самостоятельные простые предложения, т. е. как самостоятельные коммуникативные единицы?

2. Отличаются ли бессоюзные сложные предложения по своим коммуникативным функциям и семантико-синтаксическим отношениям между их частями от союзных сложносочиненных и сложноподчиненных предложений?

Рассмотрим различные группы бессоюзных сложных предложений в каждом из этих аспектов.

1. Существует целый ряд разновидностей бессоюзных сложных предложений, в составе которых одна из предикативных частей является грамматически и/или семантически не завершенной, в силу чего она не может выступать в функции самостоятельной коммуникативной единицы. Это:

1) сложные предложения с формально и семантически не завершенной первой частью: *Я убежден: люди на Земле будут жить без войн и атомного оружия* (Из газет) (в первой части предложения не замещена синтаксическая позиция объекта, так как предложение с предикатом *убежден* имеет минимальную структурную схему: субъект+предикат+объект);

2) сложные предложения с семантически не завершенной первой частью: *Я ставлю вопрос так: учительский авторитет основывается на ответственности в первую очередь* (Макаренко) (в первой части асемантичное слово *так* требует раскрытия своего значения и делает невозможным функционирование ее как самостоятельного предложения);

---

[1] См.: Русская грамматика. М., 1980, т. 2, с. 634—636.

3) сложные предложения, в которых вторая часть является семантически не завершенной, информативно не определенной: *Русская интеллигенция росла и развивалась в условиях совершенно зверских — это неоспоримо* (Горький) (вторая часть содержит слово *это,* которое требует раскрытия своего значения).

Многочисленны бессоюзные сложные предложения, которые состоят из предикативных частей, завершенных семантически и структурно, напр.: *В избах и по дворам было пусто: все ушли на огороды копать картофель* (Паустовский). Обе части сложного предложения формально и семантически завершены, но они не могут выступать как самостоятельные коммуникативные единицы, так как первая без второй ситуативно не мотивирована: для собеседника это событие выступает как не соответствующее обычному положению вещей и логически не вытекающее из предыдущего контекста, поэтому требует пояснения, мотивировки и не может быть принято без второй части как истинное. Вторая часть не выполняет самостоятельной коммуникативной функции без первой: она важна не сама по себе, а как подтверждение истинности события первой части. Ситуативная или контекстуальная мотивированность есть обязательное, необходимое качество каждой коммуникативной единицы.

Итак, предикативные части в составе бессоюзных сложных предложений функционируют не как особые коммуникативные единицы, а представляют собой взаимосвязанные компоненты единого сложного целого, которое и выступает в функции самостоятельной единицы общения.

2. По семантико-синтаксическим отношениям, которые устанавливаются между предикативными частями, бессоюзные сложные предложения могут быть соотносительны со сложносочиненными или сложноподчиненными предложениями, а могут быть и отличны от них. Приведем примеры бессоюзных предложений, которые по своему грамматическому значению не соотносительны с предложениями союзного типа: *Мересьев оглянулся: не потерялся ли в кутерьме ведомый? Нет, он шел почти рядом* (Полевой). *Правильный путь такой: усвой то, что сделали твои предшественники, и иди дальше* (Л. Толстой). *Вдали вилась пыль: Азамат скакал на лихом Карагезе* (Лермонтов). Такие синтаксические построения невозможно переделать в сложносочиненные или сложноподчиненные

предложения без изменения информационного смысла. Они несинонимичны ни тем ни другим.

В целом можно сказать, что семантические отношения между частями бессоюзного предложения гораздо шире и разнообразнее отношений между частями союзных сложных предложений: в них не только заключаются логические отношения, но и раскрываются все те связи, которые существуют между событиями, явлениями, такие, например, как «действие — результат», «утверждение — основание», «знак — значение» и др.

Если бессоюзные и союзные предложения совпадают по своему грамматическому значению, то они все равно функционально различаются. Они могут быть различны с точки зрения актуального членения, ср.: *Я вижу: вы не хотите сказать мне всю правду — Я вижу, что вы не хотите сказать мне всю правду.* В первом предложении актуальна и первая, и вторая часть. Это предложение с двойной ремой: говорящий подчеркивает в первой части, что, вопреки желанию собеседника, он осознает действительную ситуацию, во второй — раскрывает содержание этой ситуации. Во втором предложении актуализируется лишь вторая часть. Это различие подчеркивается интонационно — большей высотой тона в конце первой части и более глубокой паузой между частями в бессоюзном предложении, чем в союзном.

Соотносительные с союзными бессоюзные сложные предложения располагают бóльшими возможностями для передачи субъективных модально-экспрессивных оттенков, посредством которых говорящий передает свое отношение к событию, чем конструкции союзного типа, напр.: *Я на этот концерт не пойду: разве можно два часа выносить такую бездарность?* Сложноподчиненное предложение, в котором логические отношения между частями выступают на первый план, не может передать адекватно содержание этого бессоюзного предложения. Иначе говоря, как коммуникативные единицы бессоюзные предложения не дублируют союзные сложные предложения, между ними существует четкая функциональная дифференциация.

Все эти факты дают основание считать бессоюзные предложения особым структурно-семантическим классом сложных предложений.

§ 31. Типы бессоюзных сложных предложений. Традиционно бессоюзные сложные предложения принято

классифицировать по характеру семантико-синтаксических отношений между предикативными частями. На этом основании среди них выделяют целый ряд типов:

1. Предложения с изъяснительно-объектным значением имеют замкнутую структуру: они всегда двучленны. Структуру их и характер смысловых отношений определяет первая часть. В ней в функции предиката употребляются слова со значениями восприятия, речи, мысли, эмоционального и волевого отношения, такие, как *видеть, слышать, чувствовать, говорить, понимать, знать, сомневаться, уверен, убежден* и др. Все эти слова объединены общим изъяснительным значением, которое нуждается в объектном распространении. Однако в первой части позиция объектного распространителя остается незамещенной. Вторая часть бессоюзного предложения выступает в функции обязательного объектного распространителя первой части, восполняя ее структурную и семантическую незавершенность, напр.: *Замечено: весной в уссурийских лесах листья распускаются на склонах раньше, чем в долинах* (Михайлов). *Слышу я: звенит синица средь желтеющих полей* (Тургенев). Первая часть имеет временной план настоящего или прошедшего и модальный план реального события.

2. В предложениях со значением уточнения, конкретизации первая часть содержит компонент, который нуждается в раскрытии своего значения или требует конкретизации называемого действия или оценочной характеристики. Вторая часть раскрывает конкретное содержание такого компонента, восполняя семантическую незавершенность первой части. В первой части в конкретизации нуждаются асемантичные субстантивированные слова *одно, другое, главное, важное, следующее* и др., напр.: *Спокойствие и уверенность старика Акимов объяснял только одним: опасность миновала* (Марков). *Прежде всего обращаем ваше внимание на следующее: воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитать* (Макаренко). Вторая часть нередко раскрывает также содержание асемантичных указательных слов *так, такой, таков,* напр.: *А мой совет такой: берись за то, к чему ты сроден* (Крылов). Первая часть может содержать глаголы, обозначающие неконкретное действие, прилагательные или наречия, обозначающие качественную оценку, которые допускают конкретизацию своего значения: *Погода была ужасная: выл ветер, мокрый снег падал*

хлопьями (Пушкин). *Как только Хаджи-Мурат остался один в отведенной ему комнате, лицо его изменилось: исчезло выражение удовольствия и то ласковости, то торжественности, и выступило выражение озабоченности* (Л. Толстой).

3. В предложениях со значением сопоставления сравниваются два объекта (лица, предмета), чтобы показать различие (или противоположность) этих объектов в том или ином отношении (обычно противопоставляются их предикативные признаки, действия, свойства), напр.: *Сильный может сказать о своих болячках — слабый не скажет* (Федоров). *Кругом говорили, говорили — я молчал* (Смирнов). *Женщины засмеялись весело, мужчины — сдержанно, скупо* (Сизов).

Обе части бессоюзного предложения однородны по своей функции, в смысловом отношении равноправны, отношение сопоставления формируется обязательным объединением частей в единое целое. Для них характерен параллелизм грамматического строения, актуализация в каждой из частей тех компонентов, которые заключают в себе противопоставление. Эти конструкции характеризует особая интонация: в конце первой части следует некоторое повышение тона, вторая часть начинается с понижения тона.

4. Предложения с условно-следственными отношениями между частями имеют двучленную структуру. Среди них выделяют конструкции свободного типа и конструкции фразеологизированного типа, напр.: *Будете в театре — заходите* (Федин). *Не приди он тогда — все сейчас было бы по-иному.*

В предложениях свободного типа существует определенная соотнесенность (допускающая различные варианты) видовременных и аспектуальных планов частей. Для них характерен единый временной план будущего, реже — настоящего времени. В обеих частях может быть единый модальный план потенциального события со значением реальной возможности: *Придешь — все будут очень рады!* Возможны также конструкции с формами сослагательного наклонения глаголов в обеих частях.

Предложения фразеологизированного типа имеют структурную схему, которая не встречается в союзных сложноподчиненных предложениях: в первой части употребляется форма повелительного наклонения, которая располагается в начале предложения, а во второй части

глагол стоит в условном наклонении. В таких предложениях передаются отношения полной зависимости события второй части от события первой части: *Приди я минутой раньше, я успел бы на поезд.*

5. Для предложений со значением причинного обоснования характерен фиксированный порядок следования частей: часть, называющая причину, располагается на втором месте. Обе части называют реальные события, их временные планы могут совпадать (это единый план прошедшего), но могут быть различны (при этом событие второй части всегда совершается раньше события первой части), напр.: *На станции и в вагонах запрещено было зажигать свет — даже по вспыхнувшей спичке стреляли* (А. Толстой). *Не спится, няня: здесь так душно. Открой окно и сядь ко мне* (Пушкин).

6. Предложения с причинно-следственным значением двучленны: первая часть в них называет событие-причину, вторая — событие-следствие. Связь между частями носит непредсказующий, необязательный характер. Интонация первой части близка к интонации самостоятельного простого предложения, части разделены глубокой паузой. Для этих предложений характерен присоединительный оттенок значения, напр.: *Профессор говорил очень тихо — слушать его приходилось с большим напряжением* (Смирнов). *Стояла она долго — устали ноги и глаза* (Горький).

7. В предложениях, имеющих значение «действие-результат», сообщается о последовательной смене событий, второе из которых является непосредственным (часто неожиданным) результатом первого события. Обе части сообщают о реальных событиях, уже имевших место. Все предложение характеризует единый временной и модальный план, напр.: *Прилетели зяблики — лес ожил* (Кайгородов). *Попробовал идти пешком — ноги мои подкосились* (Лермонтов). *Я зашел в первую избу, отворил дверь в сени, окликнул хозяев — никто не отвечал мне* (Л. Толстой).

8. Предложения, для которых характерны целевые отношения между предикативными частями, представляют собой сообщающие или побудительные высказывания. Первая предикативная часть передает в них информацию об акте деятельности какого-либо лица, а вторая часть сообщает о назначении, цели, для достижения которой и совершается этот деятельностный акт, напр.:

Лейтенант изредка поглядывал на компас — проверял направление (Быков). *Зайдите в землянку — там проверят при свете ваши документы* (Симонов).

Обе части могут иметь форму личного или безличного предложения. Предложение этого типа характеризуется фиксированным, закрепленным порядком следования частей — целевая часть располагается на втором месте.

9. В предложениях с противительными отношениями между частями сообщается либо о совместном существовании различных, казалось бы, несовместимых одно с другим событий, явлений, фактов, либо о последовательной смене одного события другим, противоречащим первому, либо подчеркивается, что событие, о котором говорится в первой части предложения, имеет какие-то ограничения в своем проявлении, существует в каких-то определенных границах, распространяется не на все множество его участников, объектов, напр.: *«Так вот ты какая, Даша Севастопольская,— мне думалось, постарше ты и ростом посолиднее»,— сказал Пирогов* (Никаноркин). *Петро мечтал о художественной школе — началась война* (А. Толстой). *«Не пойду»,— отрезал Володька. Володьку стали упрашивать, уламывать — один Кузьма ни слова* (Абрамов).

В предложениях этого типа актуально значимыми оказываются обе части. Их интонационный контур образуется сочетанием двух мелодий — начинательной и констатирующей.

Предложения с временными отношениями между частями составляют сравнительно непродуктивный тип среди бессоюзных конструкций. В них вторая предикативная часть называет актуальное для говорящего лица событие, а первая часть устанавливает временные границы его протекания путем соотнесения события второй части с какой-то фазой (обычно началом или завершением) события, называемого первой частью, напр.: *Придет осень — яблоков насберем, сложим в подвал. Люблю яблочный дух!* (Злобин). *Кончится война — во всех наших городах и поселках будет изобилие цветов* (Смирнов). *Закончите испытания — встретимся!* (Попов).

По коммуникативному намерению говорящего эти предложения могут быть сообщающими и побудительными. В них более информативно важной является вторая часть, вследствие чего она несет на себе, помимо фразового, еще и логическое ударение.

10. Бессоюзные сложные предложения с определительными отношениями не располагают специальными формальными средствами для выражения этих отношений, кроме интонационных, поэтому эти конструкции, хотя и встречаются в текстах художественной литературы, все же составляют специфическую особенность разговорной речи. Среди них можно обнаружить как конструкции с определительно-выделительным значением, так и предложения определительно-распространяющие, напр.: *В лесу можно медвежонка поймать. Я знаю одного посадского — он их ловит, он научит* (А. Толстой). *Спорят, а о чем? Наверное, о какой-нибудь ерунде — по телевизору посмотрели* (Трифонов). *Первые слова я должен был подсказать моему дяде Евгению — он будет сидеть на сцене в облике механика-самоучки Кулибина* (Чирков).

Во второй части в таких предложениях обычно употребляется слово-заместитель опорного слова первой части. Вторая часть в них функционально близка к вводным или вставным конструкциям, ее информация носит характер дополнительных замечаний, разъясняющих содержание первой части.

11. В современном русском языке широко распространены бессоюзные сложные предложения, в которых между предикативными частями устанавливаются смысловые отношения, определяемые как «знак — значение», напр.: *Заскрипела, хлопнула дверь — это вернулся Карышев* (Астафьев). *Низкий гул пал с высоты, придавил колесный стук: это звено наших бомбардировщиков настигло эшелон, за ним еще звено и еще* (Симонов). *Редкие огненные светлячки пуль низали сумерки уже далеко позади, навстречу им летели другие из сосняка за поймой — это вступил в бой батальон* (Быков).

В таких предложениях сообщение о каком-то едином событии распадается, членится на две части. Сначала говорящий передает ту сторону события, которая открывается его чувственному восприятию (слуховому, зрительному). Этот чувственно воспринимаемый образ события является фрагментарным и не дает возможности назвать событие. Назначение второй части как раз и состоит в том, чтобы опознать, идентифицировать событие, передать его внутреннюю, содержательную сторону и соотнести ее с внешней стороной, отражаемой первой частью.

12. В бессоюзных предложениях с уступительно-противительными отношениями одна часть называет событие, которое выступает условием, препятствующим, никак не соответствующим тому событию, об осуществлении которого сообщается в другой части. Однако первое событие оказывается все же фактором, недостаточным для того, чтобы приостановить осуществление события второй части, оно как бы «уступает» последнему, напр.: *У Михайлы от обиды затрепетали ноздри — все же сломил себя, униженно стал благодарить за науку* (А. Толстой). *Другие старухи жалели его, приласкивали — он же еще сильнее жался к Симе и смотрел на них с каким-то недетским, горьким и кротким пониманием* (Распутин). *А эта, царевна-то наша, одних дарит деньгами, а другие торчи день и ночь в караулах — дома все хозяйство разорено* (А. Толстой).

В предложениях с опосредованными отношениями смысловые отношения между частями устанавливаются не прямо, непосредственно, а через третью часть, которая остается формально не выраженной, но легко восстанавливается, напр.: *Он потрогал стену рукой — камни грубые, необточенные...* (Федоров). *Она совсем выбилась из сил, пока добралась до места — Андрея там не было* (Распутин). *Вглядывался он в темноту: что там, за окном, во дворе* (Федоров). Первая часть в них сообщает о восприятии лицом какого-то объекта или называет действия, которые подготавливают процесс восприятия и указывают на то, что такое восприятие должно совершиться. В ней употребляются глаголы *прислушаться, присмотреться, коснуться, дотронуться, обернуться, оглянуться, подойти, приблизиться, наклониться* и т. д. Вторая часть сообщает или о результате процесса восприятия, или о цели, которую преследует лицо, воспринимая объект, событие. В таких предложениях пропущена предикативная часть, содержащая глаголы со значением результата восприятия: *увидеть, услышать, почувствовать, обнаружить* и т. д. Пропущенная часть синтаксически непосредственно связана со второй частью изъяснительными отношениями. Первая же часть связана со всем остальным составом предложения либо соединительными отношениями, либо отношениями целевыми.

В художественной литературе встречается как союзный, так и бессоюзный вариант таких сложных предложений.

ОСНОВНЫЕ ЕДИНИЦЫ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СВЯЗНОЙ РЕЧИ

§ 1. Текст и сложное синтаксическое целое. Как известно, высшей единицей синтаксического уровня языка является текст. Текст предстает и как наиболее емкая информативная единица. В наше время, когда роль информации в социальной жизни общества особенно возросла, обострился интерес исследователей к изучению основной единицы информации — текста. Исследование текста ведется с разных сторон: структурно-семантической (эта сторона стала предметом особой научной дисциплины — лингвистики текста), прагматической, коммуникативной. И хотя к настоящему времени еще не выработано единого понимания текста, наиболее существенные его характеристики даны в следующем определении профессора И. Р. Гальперина: «Текст — это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку»[1]. Текст представляет собой сложное образование, которое, в свою очередь, членится на непосредственно составляющие его компоненты. Наиболее крупной структурно-семантической и коммуникативной единицей, которая выделяется в составе текста, но может функционировать и самостоятельно, является сложное синтаксическое целое (ССЦ). Эта единица терминологически обозначается по-разному: «сверхфразовое единство» (Л. А. Булаховский), «прозаическая строфа» (Г. Я. Солганик). Данная единица была впервые введена в научный обиход Н. С. Поспеловым. Позже понятие ССЦ постоянно уточнялось. В последнее время все большее признание получает понимание сложного синтаксического целого как такого микротекста, который состоит из нескольких самостоятельно оформленных предложений,

---

[1] *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981, с. 18.

связанных между собой по смыслу и формально-грамматически и раскрывающих содержание одной микротемы.

ССЦ представляет собой синтаксическую единицу более высокого уровня, чем сложное предложение. Сложное предложение, как правило, содержит информацию о двух событиях, связанных между собой как компоненты одного акта деятельности. В ССЦ передается содержание темы, далее не членимой на подтемы, т. е. микротемы. Л. М. Лосева очень точно подметила: «Каждое ССЦ — это рассказ в миниатюре со своим началом, развитием действия и концовкой» [1], напр.:

Николай Иваныч — некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками,— уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Николай Иваныч человек расторопный и сметливый, как бо́льшая часть целовальников. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, он обладает даром привлекать и удерживать у себя гостей, которым как-то весело сидеть перед его стойкой, под спокойным и приветливым, хотя зорким взглядом флегматического хозяина. У него много здравого смысла; ему хорошо знаком и помещичий быт, и крестьянский, и мещанский; в трудных случаях он мог бы подать неглупый совет, но, как человек осторожный и эгоист, предпочитает оставаться в стороне, и разве только отдаленными, словно без всякого намерения произнесенными намеками наводит своих посетителей — и то любимых им посетителей — на путь истины. Он знает толк во всем, что важно или занимательно для русского человека... (Тургенев).

Микротема этого ССЦ — «Николай Иваныч» — представляет собой конкретную реализацию типовой микротемы «Характеристика лица».

ССЦ состоит из нескольких самостоятельных предложений, самых разнообразных по своей структуре. Все они обнаруживают контактную или дистантную связь. Все средства межфразовой связи, используемые в ССЦ, встречаются и в сложных предложениях. К ним относятся: 1) союзы (чаще всего соединительные, противительные, союзы причины и следствия); 2) частицы и вводно-мо-

---

[1] *Лосева Л. М.* Как строится текст. М., 1980, с. 63.

дальные слова: *вот и, ведь, в общем, в целом, итак, следовательно, таким образом, во-первых, наконец* и др.; 3) единство видовременных форм глаголов-сказуемых; 4) местоименная замена (чаще всего словами-заместителями выступают личные и притяжательные местоимения).

Однако в ССЦ используются и собственно межфразовые средства связи, которые не встречаются в простом или сложном предложении. Это, прежде всего, слова с временным значением, которые употребляются не единично, а в определенных сочетаниях в различных предложениях. Каждое такое сочетание включает ведущее слово и те слова, которые могут его конкретизировать, напр.: *в ... году, весной, летом, зимой, осенью.* Они связывают отдельные предложения в потоке речи, передают хронологическое следование событий.

Такую же функцию могут выполнять слова с пространственным значением. В пределах ССЦ широко используется синонимическая замена, а также те слова и предложения, семантика которых не раскрывается в пределах одного простого предложения. Это существительные с абстрактным значением; специальная конструкция, включающая именительный темы; нераспространенные двусоставные предложения и др.

Все эти средства межфразовой связи встречаются в ССЦ в разных сочетаниях, что обусловлено типовым содержанием микротемы, раскрывающимся в том или ином ССЦ. В зависимости от функции, которую выполняет ССЦ в речи, и от его структуры различают три типа ССЦ: описание, повествование, рассуждение. Они представляют основные разновидности монологических высказываний в научной литературе и называются терминами «типы речи» или «способы изложения».

В описательных ССЦ дается характеристика предметов, явлений в статическом состоянии путем перечисления их индивидуальных или видовых признаков, структурных или функциональных особенностей, создающих целостное представление об этих предметах или явлениях. В художественных текстах это пейзажные описания, описания обстановки, а также портретная характеристика действующих лиц.

В повествовательных ССЦ кратко или развернуто представлено течение процессов, событий, имеющее своей целью дать строгую, последовательную регистрацию отдельных стадий (этапов) данного процесса или события

в его временных границах. Каждое предложение ССЦ выражает какой-либо этап в развитии процесса, события, в движении его от начала к завершению. В художественных текстах это наиболее часто встречающийся способ изложения. Используется повествование для пересказа последовательных действий, совершаемых определенным лицом для достижения намеченной цели, или для показа динамики развития того или иного события.

В ССЦ типа рассуждения раскрывается логический процесс получения нового знания и сообщается само это новое знание в форме логического вывода, сделанного на основе известных данных, сведений, т. е. рассуждение всегда представлено одним умозаключением или цепью взаимосвязанных заключений. Если новое знание-вывод первоначально существовало как гипотеза, то все рассуждение строится как доказательство этой гипотезы. В художественных произведениях ССЦ типа рассуждения встречаются редко; они характерны для научного стиля речи, где представлены микротекстами — доказательствами теорем, законов, когда вывод закона, теоремы делается не на основе эксперимента, а логически, посредством рассуждения. В произведениях художественной литературы элементы рассуждения обычно включаются в описательные и повествовательные ССЦ, в результате чего образуются ССЦ смешанного типа, напр.:

Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни, то достать его... наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростников. «Нет,— промолвил, наконец, Ермолай,— дело неладно: надо достать лодку... Пойдемте назад в Льгов». Мы пошли (По Тургеневу).

Это ССЦ построено в целом по схеме повествования, но оно включает и элементы описания (характеристика сложившейся для охотников ситуации), и рассуждение (которое заканчивается выводом о необходимости предпринять другие действия для достижения цели).

Знание правил построения ССЦ различных типов особенно важно при обучении восприятию, осознанию и само-

стоятельному конструированию монологических высказываний.

§ 2. Монологическая и диалогическая речь. Речевое общение протекает либо в форме диалога (включая полилог), либо в форме монолога. И монолог, и диалог объединяет то, что оба они представляют собой акты речевой деятельности, однако эти речевые акты имеют и существенные различия. Монолог — это речь одного лица, ориентированная на определенного индивидуального или коллективного адресата, посредством которой говорящий сообщает ему знания по какой-то теме, раскрывает свой путь решения проблемы, убеждает его в чем-то или оказывает на него эмоциональное воздействие.

Диалог — это акт непосредственного общения двух (или более) лиц, протекающего в форме перемежающихся, ситуативно обусловленных речевых действий (реплик), посредством которого один из них (или все вместе — в полилоге) разрешает возникшую у него в ходе предыдущей деятельности проблему.

Монолог и диалог, как акты речевой деятельности, целесообразно рассматривать в единстве трех сторон: мотивационно-побудительной (со стороны основных целей и задач), исполнительной (как конкретно протекающие процессы речи), результативной (со стороны результата и продукта).

В монологическом высказывании говорящий обычно ставит своей целью сообщить, т. е. передать слушающим в системном изложении, основные сведения по какой-то теме, сделать для них известным(и) вариант(ы) решения какой-то проблемы, важной для адресата; не прямо, а косвенно вызвать у слушателей то или иное отношение к объекту (лицу, предмету) или событию; побудить его (не прямо, а косвенно, через сообщение каких-то сведений) к тем или иным поступкам.

Посредством диалога говорящий сообщает (передает) собеседнику какой-то новый факт, интересующий собеседника; запрашивает неизвестную ему информацию (чаще всего какую-то подробность нового события или одно из условий ситуации); прямо и непосредственно побуждает собеседника к совершению какого-то поступка; наконец, собеседники обсуждают сложившуюся проблемную ситуацию и находят оптимальный путь ее разрешения.

Как видим, монолог и диалог функционально строго разграничены и практически не взаимозаменяемы. Как конкретные речевые акты монолог и диалог также во многом различны. Монологическое высказывание порождается одним лицом, и это лицо включено только в один вид речевой деятельности — говорение. Диалог создается двумя (или более) участниками. Каждый из них осуществляет два вида речевой деятельности — говорение и аудирование (слушание). Монологическое сообщение может быть заранее подготовленным (и предварительно записанным), но может быть и неподготовленным. Диалог всегда предстает как неподготовленное, непланируемое сообщение. Монолог с точки зрения содержания и формы может представлять собой самостоятельное высказывание, изложение своих мыслей (продуктивная речь), а может передавать содержание какого-то текста (репродукция чужой речи). Диалогическое общение обычно опирается на неготовое содержание и форму, оно представляет собой продукцию речи. Каждая реплика любого из собеседников возникает по требованию определенных условий речевой ситуации, является ситуативно обусловленной. Каждое последующее предложение монологического высказывания обусловлено логикой раскрытия предмета, темы речи.

Монолог и диалог различны и со стороны своего продукта. Монологическое высказывание всегда предстает как текст, связное, тематически законченное произведение, которое членится на непосредственно составляющие его свободные предложения и наиболее крупные единицы — сложные синтаксические целые. Последние сами могут функционировать как тексты минимального объема, микротексты. Продуктом диалогического общения выступает диалогический комплекс. Он членится на диалогические единства, которые представляют собой основные коммуникативные единицы диалогической речи. Н. Ю. Шведова определяет диалогическое единство как «сочетание реплик, взаимообусловленных семантически и структурно» [1]. Диалогическое единство является наименьшей коммуникативной единицей диалога, которая может входить в состав диалогического комплекса большого объема,

---

[1] *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 281.

а может функционировать самостоятельно как диалог минимального объема, микродиалог, напр.:

1) — *Во сколько у нас будет собрание?*

— *В 3 часа.*

2) — *Помогите мне закончить эту работу: боюсь, что я не успею (выполнить в срок)!*

— *Пожалуйста.*

3) — *Я принес вам книгу, которую вы просили.*

— *Большое вам спасибо. Она мне очень нужна.*

Диалогическое единство возникает на основе одной речевой ситуации и состоит из речевого действия (реплики) лица, с которым он обращается к собеседнику, чтобы разрешить с его помощью возникшую проблему, и ответного речевого действия собеседника, которым непосредственно разрешается эта задача.

Речевое действие (реплика) — это высказывание, принадлежащее участнику диалога, обращенное к другому лицу и вызывающее у него ответную реакцию (речевую или неречевую). Реплика обычно совпадает по размерам с простым или сложным предложением. В диалогическом единстве различают реплики инициативные (обычно открывающие диалог) и ответные, служащие речевой реакцией собеседника на обращение к нему говорящего. Инициативная и ответная реплика создают единое законченное коммуникативное целое. По характеру информации, которую несет в себе инициативная (начальная) и реактивная (ответная) реплика диалога, можно выделить диалогические единства трех типов: 1) вопрос — ответ; 2) побуждение — согласие (несогласие собеседника); 3) сообщение — ответная речевая реакция собеседника.

В диалогическом единстве реплики объединены не только по смыслу, но и структурно-грамматически. Инициативная реплика является исходной для всего структурного целого. Ответная реплика ориентирована на словесный и грамматический состав первой, дублирует те или иные ее особенности. Для ответной реплики характерны лексический повтор, синонимическая замена, параллелизм грамматической формы, неполнота состава. Все эти структурные особенности свидетельствуют о формально-грамматическом объединении реплик в составе диалогического единства, превращают их сочетание в единую структуру. Некоторые исследователи (Н. Ю. Шведова, Т. Г. Винокур) высказывают мнение, что реплики в составе диалоги-

ческого единства настолько тесно спаяны между собой, что почти уподобляются сложному предложению. Диалогические единства являются основной структурной единицей макродиалогов, тематических бесед. Они выполняют по отношению к этим более сложным диалогическим комплексам такую же функцию, как и сложное синтаксическое целое по отношению к монологическому тексту.

§ 3. Прямая и косвенная речь. У говорящего и пишущего нередко возникает необходимость передать высказывания других лиц или свое собственное высказывание, сделанное в прошлом. Такие высказывания обычно называют термином «чужая речь» в отличие от речи автора. В одних случаях автору бывает необходимо передать чужое высказывание точно, без всяких изменений, в других — достаточно передать лишь общее содержание, смысл этого высказывания, при этом у него не возникает необходимости копировать форму высказывания. В зависимости от этого говорящий использует существующие в языке разные способы (формы) передачи чужой речи, среди которых наиболее употребительны прямая речь и косвенная речь.

Прямая речь — это такая форма передачи высказывания другого лица (или высказывания автора в прошлом), при которой оно воспроизводится точно, без всяких изменений и включается в авторский текст специальной конструкцией, указывающей на то, кому оно принадлежит, и (факультативно) на некоторые обстоятельства, при которых оно было высказано.

Слова автора и само высказывание объединяются на основе бессоюзной связи в особую синтаксическую конструкцию, форма которой зависит от того, какое положение в линейном потоке речи слова автора занимают по отношению к высказыванию другого лица. Слова автора могут: 1) предшествовать этому высказыванию: *В одной из своих бесед с молодежью скульптор Коненков говорил: «Всю жизнь ощущайте напряжение мускулов и устремление мысли. Живите так, чтобы каждый день казался новым. Жить надо с распростертыми объятьями»;* 2) вклиниваться в него: *«В народном творчестве,— говорит Горький,— сокрыты беспредельные богатства»;* 3) следовать за ним: *«Умею коротко говорить о длинных вещах»,— как-то сказал о себе Чехов.*

Возможны и другие варианты взаимного расположения слов автора и чужой речи, но они менее употребительны. Если слова автора стоят на первом месте, то используется прямой порядок расположения главных членов, в остальных случаях используется обратный порядок расположения подлежащего и сказуемого в этой части конструкции.

Косвенная речь — эта такая форма (способ) передачи чужого высказывания, при которой оно воспроизводится не дословно, а лишь, сохраняя содержание, включается в авторский текст, образуя вместе со словами автора сложноподчиненное предложение, напр.: *«Дед,— позвал Егорушка,— дай воды»* (прямая речь) — *Егорушка попросил, чтобы дед дал ему воды* (косвенная речь).

При переводе прямой речи в косвенную необходимо учитывать, что в косвенной речи все сообщение передается от лица автора, поэтому выбор в ней форм личных и притяжательных местоимений, а также личных форм глаголов определяется тем, в каких отношениях к автору оказывается лицо, которому принадлежит чужая речь: является ли им сам автор, или его собеседник, или это третье лицо, не участвующее в диалоге. При построении высказывания в форме косвенной речи полезно пользоваться следующими правилами:

1. Если чужая речь передается от 1-го лица, то в косвенной речи форма лица должна совпадать с лицом субъекта в словах автора, напр.: *Я сказал ему тогда: «Я выполню задание с честью» — Я сказал ему тогда, что выполню задание с честью. Ты сказал ему тогда: «Я выполню задание с честью» — Ты сказал ему тогда, что выполнишь задание с честью. Он сказал мне тогда: «Я выполню задание с честью» — Он сказал мне тогда, что выполнит задание с честью.* При этом необходимо помнить, что форма лица притяжательного местоимения в косвенной речи совпадает с формой лица собеседника в словах автора, напр.: *Я сказал вам тогда: «Я выполню ваше задание с честью» — Я сказал вам тогда, что выполню ваше задание с честью. Я сказал ему тогда: «Я выполню ваше задание с честью» — Я сказал ему тогда, что выполню его задание с честью.*

2. Если чужая речь передается от 2-го лица, то в косвенной речи форма лица должна совпадать с лицом собеседника в словах автора, напр.: *Преподаватель сказал мне: «Из вас может получиться хороший специалист» —*

Преподаватель сказал мне, что из меня может получиться хороший специалист. Преподаватель сказал ему: «Из вас может получиться хороший специалист» — Преподаватель сказал ему, что из него может получиться хороший специалист.

3. Если чужая речь передается от 3-го лица, то при переводе ее в косвенную, форма лица должна совпадать с тем лицом, которое является объектом в речи автора, напр.: *Учитель сказал о тебе: «Он настоящий товарищ, он не подведет» — Учитель сказал о тебе, что ты настоящий товарищ, что ты не подведешь. Учитель сказал о нем: «Он настоящий товарищ, он не подведет» — Учитель сказал о нем, что он настоящий товарищ, он не подведет. Учитель сказал в классе обо мне: «Иванов — настоящий товарищ, он не подведет» — Учитель сказал в классе обо мне, что я настоящий товарищ, что я не подведу.*

Кроме того, необходимо иметь в виду, что высказывание (чужая речь), которое в прямой речи является независимым, в косвенной речи выражается придаточной частью сложноподчиненного предложения с изъяснительно-объектным значением. В придаточной части употребляются различные союзы, выбор которых зависит от целевого назначения чужой речи, а также от субъективного отношения к ее содержанию со стороны автора. Если чужая речь — повествовательное предложение и автор считает это сообщение истинным, то в придаточной части сложноподчиненного предложения употребляется союз *что,* напр.: *«Славная погода завтра будет»,— заметил я, глядя на светлое небо* (Тургенев) — *Глядя на светлое небо, я заметил, что завтра будет славная погода.* Если автор сомневается или не верит в истинность того, о чем сообщается в чужой речи, то в придаточной части используется союз *будто,* напр.: *Командир сказал: «С боевого задания вернулись все, и все здоровы» — Командир сказал, будто бы с боевого задания вернулись все и все здоровы.*

Если чужая речь представляет собой побудительное предложение, то в косвенной речи используется союз *чтобы.* Косвенная речь не может выражать побуждение, она лишь сообщает о побуждении, напр.: *«Лошадей! — кричал Левинсон.— Бакланов, сюда!» — Левинсон кричал, чтобы привели лошадей и чтобы Бакланов ехал к нему.*

Если чужая речь передает вопрос, то в косвенной речи содержится сообщение о вопросе. При этом в придаточной

части употребляется союз *ли,* если вопрос передается предложением без вопросительного слова или частицы *ли;* если же в предложении есть вопросительное местоимение или наречие, то они в косвенной речи сохраняются, превращаясь в относительные, напр.: *«А вы не можете с нами остаться?» — спросила она доктора* (Чехов) — *Она спросила доктора, не может ли он с ними остаться. «Как же вы поживаете?» — спросила Екатерина Ивановна Старцева* (Чехов) — *Екатерина Ивановна спросила Старцева, как он поживает.*

Междометия, частицы, передающие эмоции, в косвенной речи опускаются, а выражаемые ими оттенки значений передаются приблизительно другими лексическими средствами, напр.: *Она часто говорила сыну: «Ах, мой дорогой, какой ты хороший! Как мне легко с тобой!» — Она часто говорила сыну, что он очень хороший, что ей очень легко с ним.*

Прямая речь может быть передана не только формой косвенной речи, но и более точно — формой несобственно-прямой речи. При этом способе передачи прямой речи в значительной мере сохраняются особенности речи говорящего, ее эмоциональная окраска. Несобственно-прямая речь ведется от имени автора, но в ней отсутствуют слова автора, вводящие ее в общий контекст, напр.: *Кондрат... не спал, курил. Как будет в колхозе? Всякий ли почувствует, поймет так, как понял он, что путь туда — единственный, что это — неотвратимо?* (Шолохов). *Надя Извекова устроила свой чемодан под окном купе. Поезд уже разогнался... Уносилось, исчезало прошлое. Неужели — исчезало? Очень жаль. Хотя... Разве впереди не будет ничего хорошего? Будет, разумеется. Только совсем другое. А которое прошло — не повторится. Жалко...* (Федин).

Несобственно-прямая речь в стилистических целях очень часто используется в художественных текстах как способ передачи внутренней речи персонажа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие ко второму изданию 3

Введение

§ 1. Понятие современного русского литературного языка 5
§ 2. Задачи и структура курса «Современный русский литературный язык» 8

Лексикология

§ 1. Понятие о слове. Лексическое значение слова. Денотация и коннотация 10
§ 2. Системность русской лексики 13
§ 3. Полисемия. Типы денотативных значений слов . . . 16
§ 4. Развитие слова. Изменение его формы и значения 22
§ 5. Современная русская полисемия с точки зрения ее происхождения 27
§ 6. Функционирование полисемантических слов 29
§ 7. Омонимия и ее отношение к лексической системе 32
§ 8. Синонимия и синонимы 37
§ 9. Характерная структура синонимического ряда в русском языке. Этимологические (культурно-исторические) типы синонимов 39
§ 10. Функционирование синонимов в речи 44
§ 11. Антонимы и антонимия 45
§ 12. Лексическая система и коннотация. Деление лексики с точки зрения эмоционально-стилевого значения слов 48
§ 13. Ядро и периферия лексической системы русского языка 55
§ 14. Территориальные и социальные пласты русской периферийной лексики 57
§ 15. Исторические пласты русской лексической периферии 63
§ 16. Лексика современного русского языка с точки зрения ее происхождения 71
§ 17. Интернациональная лексика 87
Фразеология 89
§ 1. Понятие о фразеологическом обороте . . . . . —
§ 2. Отношение фразеологизмов к лексической системе русского языка 91
§ 3. Классификация фразеологических оборотов по семантической слитности 95
§ 4. Фразеологические обороты современного русского языка с точки зрения их происхождения 99
§ 5. Фразеологические обороты с точки зрения сферы их первоначального употребления 106
Лексикография 107
§ 1. Энциклопедические и лингвистические словари . . . —
§ 2. Типология лингвистических словарей. Важнейшие словари русского языка . . . . . —

Фонетика

Сегментные фонетические единицы 120
§ 1. Понятие о сегментных фонетических единицах (звуках) и об артикуляционной и акустической характеристике звуков русского языка . . . . . —
§ 2. Гласные звуки русского языка 121
§ 3. Согласные звуки русского языка 125
§ 4. Ассимиляционные явления в области согласных звуков 130
§ 5. Понятие о сильных и слабых позициях для согласных звуков (фонем) 132
§ 6. Классификация звуков по звучности 133
§ 7. Понятие о чередовании. Позиционные чередования звуков. Исторические чередования звуков 134
§ 8. Понятие о фонемах и фонологии. Советские фонологические школы 137
Суперсегментные фонетические единицы 141
§ 1. Ударение . . . . . —
§ 2. Интонация 144
§ 3. Фонетическое членение речевого потока (фраза, речевой такт, слог) 146
§ 4. Слогоделение и типы слогов в русском языке 148
Орфоэпия 150

Графика, орфография и пунктуация

§ 1. Предмет графики. Алфавит 160
§ 2. Буквы и звуки. Звуковые значения русских букв. Соотношения между буквами и звуками 161
§ 3. Звуковые значения буквы и ее позиция. Фонетико-позиционный принцип русской графики 162
§ 4. Отклонения от фонетико-позиционного принципа русской графики при некоторых написаниях 164
§ 5. Орфография, ее отличие от графики 165
§ 6. Орфографические принципы русского письма . . . 166
§ 7. Орфографическое регулирование написания слова как целого в различных условиях 175
§ 8. Пунктуация 176

Словообразование

Морфемика русского языка 179
§ 1. Понятие о морфеме . . . . . —
§ 2. Типы морфем 180
§ 3. Корневая морфема 181
§ 4. Аффиксальные морфемы. Окончание 183
§ 5. Суффикс 186
§ 6. Префикс 190
§ 7. Постфиксы 193
§ 8. Аффиксоиды 194
§ 9. Регулярные и нерегулярные аффиксы 195
§ 10. Продуктивные и непродуктивные аффиксы 197
§ 11. Экспрессивно-стилистические функции морфем . . . 199
Слово как деривационное (структурное) целое 200
§ 1. Понятие структуры слова. Структурные типы слов в русском языке . . . . . —
§ 2. Производная и непроизводная основа 204

§ 3. Исторический характер структуры русского слова 209
§ 4. Производящая (или образующая) основа 221
Деривация 222
§ 1. Понятие о деривации . . . . . —
§ 2. Способы деривации. Словообразование 225
§ 3. Словопроизводство. Способы словопроизводства. Лексико-семантический способ 226
§ 4. Семантико-морфологический способ словопроизводства 228
§ 5. Калькирование как способ словопроизводства . . . 230
§ 6. Морфологический способ словопроизводства и его разновидности 231

Морфология

Грамматические свойства слова 239
§ 1. Грамматические значения слова . . . . . —
§ 2. Способы выражения грамматических значений слова 240
§ 3. Средства выражения грамматических значений слова 241
§ 4. Грамматическая форма 244
§ 5. Грамматическая категория 245
§ 6. Части речи как грамматические классы слов. Принципы классификации частей речи 246
§ 7. Система частей речи в русском языке 248
Части речи . . . . . —
Имя существительное . . . . . —
§ 1. Имя существительное как часть речи . . . . . —
§ 2. Лексико-грамматические разряды имен существительных 249
§ 3. Категория рода имен существительных 257
§ 4. Категория числа имен существительных 261
§ 5. Категория падежа имен существительных 265
§ 6. Типы склонения имен существительных 269
§ 7. Варианты падежных окончаний и их значения . . . 272
§ 8. Разносклоняемые существительные 275
§ 9. Несклоняемые существительные 276
§ 10. Основные типы ударения при склонении имен существительных 277
§ 11. Образование имен существительных 280
Имя прилагательное 295
§ 1. Имя прилагательное как часть речи . . . . . —
§ 2. Лексико-грамматические разряды имен прилагательных 296
§ 3. Полные и краткие прилагательные 306
§ 4. Степени сравнения имен прилагательных 310
§ 5. Формы субъективной оценки качества 316
§ 6. Склонение имен прилагательных 318
§ 7. Образование имен прилагательных 321
Имя числительное 331
§ 1. Имя числительное как часть речи . . . . . —
§ 2. Разряды имен числительных 332
§ 3. Количественные числительные 334
§ 4. Собирательные числительные 343
§ 5. Дробные числительные 346
Местоимение 348

§ 1. Местоимение как часть речи 348
§ 2. Заместительные местоимения 349
§ 3. Автосемантические местоимения 354
§ 4. Склонение местоимений 356
§ 5. Стилистическая характеристика местоимений . . . 357
Глагол 359
§ 1. Глагол как часть речи . . . . . —
§ 2. Неопределенная форма глагола (инфинитив) . . . 360
§ 3. Основы глагола 362
§ 4. Продуктивные классы и непродуктивные группы глаголов 365
§ 5. Спряжение глагола. Парадигма форм глагола . . . 371
§ 6. Категория вида 373
§ 7. Способы действия 394
§ 8. Переходные и непереходные глаголы 400
§ 9. Залоги глагола 406
§ 10. Категория лица 412
§ 11. Безличные глаголы 415
§ 12. Категория времени 417
§ 13. Категория наклонения 429
§ 14. Словообразование глаголов 440
Причастие 449
§ 1. Причастие как часть речи . . . . . —
§ 2. Образование причастий 452
§ 3. Временные значения причастных форм 456
§ 4. Залоговые корреляции причастий 459
Деепричастие 461
§ 1. Деепричастие как часть речи . . . . . —
§ 2. Образование деепричастий 463
§ 3. Временные значения деепричастий 465
Наречие 466
§ 1. Наречие как часть речи . . . . . —
§ 2. Разряды наречий по значению 468
§ 3. Степени сравнения наречий 472
§ 4. Формы оценки 474
§ 5. Словообразование наречий 475
Категория состояния 479
Модальные слова 486
Предлог 489
§ 1. Предлог как часть речи . . . . . —
§ 2. Классификация предлогов по происхождению и морфологическому составу 492
§ 3. Грамматические отношения, выражаемые при помощи предлогов 495
§ 4. Стилистическая характеристика предлогов 497
Союз 498
§ 1. Союз как часть речи . . . . . —
§ 2. Классификация союзов 499
§ 3. Грамматические значения, выражаемые при помощи союзов 501
§ 4. Стилистическая характеристика союзов 503
Частицы 504
§ 1. Частица как часть речи . . . . . —
§ 2. Классификация частиц по значению и функции . . . 505
§ 3. Стилистическая характеристика частиц 507

Междометия 508
§ 1. Междометие как часть речи . . . . . —
§ 2. Разряды междометий 510
Звукоподражательные слова 513

Синтаксис

Словосочетание 517
§ 1. Определение словосочетания . . . . . —
§ 2. Способы связи между словоформами в словосочетании 519
§ 3. Виды отношений между главным и зависимым словом 525
§ 4. Типы словосочетаний 526
Простое предложение 528
§ 1. Предложение как предикативная единица . . . . —
§ 2. Категория синтаксического лица 531
§ 3. Категория синтаксического времени . . . . . —
§ 4. Категория модальности 532
Деление предложений по цели высказывания 539
§ 5. Повествовательное предложение . . . . . —
§ 6. Вопросительное предложение 541
§ 7. Побудительное предложение 543
§ 8. Утвердительные и отрицательные предложения . . . 544
Двусоставное предложение 545
§ 9. Главные члены предложения . . . . . —
§ 10. Второстепенные члены предложения 550
Односоставное предложение 553
§ 11. Главный член односоставного предложения . . . . —
§ 12. Виды односоставных предложений 555
Осложненное предложение 564
§ 13. Предложения с обособленными членами . . . . . —
§ 14. Вводные и вставные элементы в составе предложения 565
§ 15. Предложения, осложненные обращением 567
§ 16. Предложения с однородными членами . . . . . —
§ 17. Неполное предложение 569
Актуальное членение предложения 570
§ 18. Понятие актуального членения предложения . . . —
§ 19. Взаимодействие актуального и грамматического членения 574
§ 20. Актуализация 577
Порядок слов в русском языке 578
§ 21. Грамматическая функция порядка слов . . . . . —
§ 22. Коммуникативная функция порядка слов 581
§ 23. Экспрессивно-стилистическая функция порядка слов —
Сложное предложение 583
§ 1. Понятие о сложном предложении . . . . . —
§ 2. Средства выражения связи и отношений между частями сложного предложения 589
§ 3. Сочинение и подчинение как основные виды синтаксической связи предикативных частей в составе сложного предложения 593
Сложносочиненное предложение 600
§ 4. Общая характеристика и принципы классификации сложносочиненных предложений . . . . . —
§ 5. Сложносочиненные предложения с соединительными отношениями 602

§ 6. Сложносочиненные предложения с противительными отношениями 605
§ 7. Сложносочиненные предложения с разделительными отношениями 607
§ 8. Сложносочиненные предложения с присоединительными отношениями 608
§ 9. Сложносочиненные предложения с пояснительными отношениями 609
§ 10. Сложносочиненные предложения с сопоставительными отношениями 610
Сложноподчиненное предложение 611
§ 11. Общая характеристика сложноподчиненных предложений . . . . . —
§ 12. Принципы классификации сложноподчиненных предложений 613
§ 13. Нерасчлененные и расчлененные сложноподчиненные предложения 617
§ 14. Нерасчлененные сложноподчиненные предложения. Присубстантивно-определительные сложноподчиненные предложения 619
§ 15. Изъяснительно-объектные сложноподчиненные предложения 622
§ 16. Сравнительно-объектные сложноподчиненные предложения 624
§ 17. Местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения 625
§ 18. Расчлененные сложноподчиненные предложения 628
§ 19. Сложноподчиненные предложения с придаточными условия 629
§ 20. Сложноподчиненные предложения с придаточными причины 630
§ 21. Сложноподчиненные предложения с придаточными цели 632
§ 22. Сложноподчиненные предложения с придаточными уступительными 633
§ 23. Сложноподчиненные предложения с придаточными следствия 634
§ 24. Сложноподчиненные предложения с придаточными места 635
§ 25. Сложноподчиненные предложения с придаточными времени 636
§ 26. Сложноподчиненные предложения с придаточными сравнительными 639
§ 27. Сложноподчиненные предложения со значением соответствия 640
§ 28. Относительно-распространительные сложноподчиненные предложения 641
§ 29. Многочленное сложноподчиненное предложение —
Бессоюзное сложное предложение 645
§ 30. Общее понятие о бессоюзном сложном предложении —
§ 31. Типы бессоюзных сложных предложений 648
Основные единицы и формы организации связной речи 655
§ 1. Текст и сложное синтаксическое целое . . . . . —
§ 2. Монологическая и диалогическая речь 659
§ 3. Прямая и косвенная речь 662

Ме

Зв

Сл

Пр

Учебное издание

Николай Максимович Шанский
Александр Николаевич Тихонов
Андрей Валентинович Филиппов
Светлана Ивановна Небыкова
Дмитрий Иванович Изаренков

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Зав. редакцией *В. И. Айба.*
Редакторы: *А. А. Крундышев, В. И. Войцеховская.* Обложка художника *А. П. Рыбакова.* Художественный редактор *В. Б. Михневич.* Технический редактор *К. И. Жилина.* Корректор *В. В. Багрий.*

ИБ № 11027

Сл

Сдано в набор 14.06.88. Подписано в печать 25.10.88. Формат 84 × 108 1/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 35,28. Усл. кр.-отт. 35,44. Уч.-изд. л. 38,59. Тираж 43 500 экз. Заказ № 1527. Цена 1 р. 50 к.

Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

АХМЕТ БАЙТҰРСЫНҰЛЫ
АТЫНДАҒЫ
ТІЛ БІЛІМІ
ИНСТИТУТЫ